

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Российское общество социологов
Центр исследований социально-трудовой сферы Социологического института РАН
Межрегиональная общественная организация
«Академия Гуманитарных Наук»

III Всероссийский научный форум
«Наука будущего – наука молодых»

Международная научно-практическая конференция

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
В КОНТЕКСТЕ СТОЛЕТИЯ**

14–15 сентября 2017 г.

Том 1

Нижний Новгород
2017 г.

УДК 316
ББК 60.5
С 77

Рецензенты:

<i>Кошарная Галина Борисовна</i>	д.соц.н, профессор, зав. кафедрой социологии и управления факультета экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
<i>Сучков Юрий Александрович</i>	главный врач ГУЗ НО «Клиническая психиатрическая больница № 1 г. Нижнего Новгорода»

С 77   **Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия** / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т 1. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. – 644 с.

В сборнике представлены материалы научных исследований, обсуждавшихся на пленарном заседании и секциях международной научно-практической конференции «Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия» (14–15 сентября 2017 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN   978-5-93116-194-5 (Т. 1)
ISBN   978-5-93116-193-8

© Издательство НИСОЦ, 2017 г.

В международной научно-практической конференции «Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия» (14–15 сентября 2017 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского) участвовали исследователи, специалисты и практики из *18 стран* (Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Армения, Таджикистан, Кыргызстан, Латвия, Польша, Финляндия, Швеция, Великобритания, Германия, Нидерланды, Испания, Бразилия, Алжир, Нигерия), социологи, историки, психологи, юристы, педагоги, социальные работники, политологи, философы, медицинские работники *50 городов* Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Н. Новгород, Арзамас, Городец, Балашов, Барнаул, Белгород, Владивосток, Владикавказ, Волжский, Волгоград, Вологда, Дзержинск, Екатеринбург, Заинск, Зеленодольск, Иваново, Иркутск, Казань, Калининград, Калуга, Киров, Кисловодск, Краснодар, Красноярск, Курск, Нижний Тагил, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Петрозаводск, Пятигорск, Ростов, Салехард, Самара, Саранск, Саратов, Ставрополь, Тверь, Тюмень, Уфа, Чебоксары, Чехов, Хабаровск, Ханты-Мансийск, Ярославль), *86 вузов, 39 исследовательских центров, учреждений социальной сферы и НКО.*

ЦЕЛИ КОНФЕРЕНЦИИ: На пленарном заседании и секциях обсуждались результаты исследований следующих проблем: исторический контекст трансформаций; демографическая ситуация; экологические аспекты; социальная стратификация; социальное неравенство; различные сферы жизнедеятельности общества и человека: экономика, труд и трудовые отношения, социальное взаимодействие, *политика и международные отношения, культура и духовная жизнь; социальные институты (государство; право; образование; здравоохранение; семья; армия; церковь); социальная политика; гражданское общество; свободы и права человека; категория человеческий потенциал: теоретико-методологические подходы к изучению, эмпирическое измерение; индекс развития человеческого потенциала.* Проблемы рассмотрены в международном, национальном и региональном аспектах.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

- Чупрунов**
Евгений Владимирович – ректор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, *председатель оргкомитета*
- Саралиева**
Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна – зав. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, *зам. председателя оргкомитета*
- Блонин**
Владимир Александрович – руководитель Межвузовского центра по разработке концептуальных основ и содержания гуманитарного образования ННГУ им. Н.И. Лобачевского, *ученый секретарь*
- Голубин**
Роман Викторович – и.о. декана факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Сайгин**
Вадим Викторович – первый проректор – проректор по экономическому и инновационному развитию ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Казанцев**
Виктор Борисович – проректор по научной работе ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Марков**
Кирилл Александрович – проректор по учебной работе ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Авралев**
Никита Владимирович – проректор по связям с общественностью ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Боссонг**
Хорст – профессор университета Дуйсбург-Эссена, Германия
- Рыхтик**
Михаил Иванович – директор института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Тукумцев**
Будимир Гвидонович – научный руководитель Центра исследований социально-трудовой сферы, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург
- Махлай**
Светлана Николаевна – начальник управления информатизации ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Цыганов**
Виктор Иванович – декан юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

- Голубин**
Роман Викторович – и.о. декана факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Коротышев**
Александр Павлович – заместитель декана по научной работе факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Романовская**
Вера Борисовна – зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Саралиева**
Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна – зав. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Тукумцев**
Будимир Гвидонович – научный руководитель Центра исследований социально-трудовой сферы, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

- Блонин**
Владимир Александрович – руководитель Межвузовского центра по разработке концептуальных основ и содержания гуманитарного образования ННГУ им. Н.И. Лобачевского, *ученый секретарь*
- Боссонг**
Хорст – профессор университета Дуйсбург-Эссена, Германия
- Голубин**
Роман Викторович – и.о. декана факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Романовская**
Вера Борисовна – зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Тукумцев**
Будимир Гвидонович – научный руководитель Центра исследований социально-трудовой сферы, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург

Расположение материалов с сборнике продиктовано регламентом работы конференции: сначала тексты пленарных выступлений, потом секционных докладов и сообщений.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Бабинцев В.П.</i> Человеческий потенциал: противоречия формирования и реализации в российском социуме	13
<i>Беляева Л.А.</i> Проблемы увеличения социальных дистанций в социальном пространстве России	17
<i>Bossong Н. (Боссонг Х).</i> Organization of social work: social work as a service (Организация социальной работы: социальная работа как услуга)	21
<i>Викторов А.Ш.</i> К проблеме консолидации современного российского общества	27
<i>Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.</i> Особенности социально-трудового развития занятого населения современной России.....	31
<i>Григорьева И.А.</i> Трансформация потенциала пожилых женщин в современной России	35
<i>Zijlstra А. (Зелстра А.)</i> Participation and legitimation. New labour relations and the role of HRM (Социальные отношения и легитимация. Новые трудовые отношения и роль управления человеческими ресурсами)	39
<i>Калугина З.И.</i> Институциональное обеспечение развития человеческого капитала.....	52
<i>Климова С.Г.</i> Социальные предприниматели между системным и жизненным миром.....	57
<i>Kuepper А. (Кюннер А.)</i> International cooperation as a factor of human development (on the example of activity of the Society of Russian – German meetings Nizhny Novgorod – Essen) (Международное сотрудничество как фактор развития человеческого потенциала (на примере деятельности Общества российско-немецких встреч Нижний Новгород – Эссен)).....	61
<i>Майорова-Щеглова С.Н.</i> Потенциал детско-родительских отношений в стратегическом развитии российского общества.....	66
<i>Отделкина Н.Т.</i> Концепция соблюдения прав и свобод граждан: региональный аспект.....	71
<i>Петрова Т.Э.</i> Поддержка некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг	74
<i>Романовская В.Б., Цыганов В.И.</i> Трансформация человека советского в человека-консьюмериста на рубеже столетий	78
<i>Саралиева З.Х.</i> Роль семьи в реализации человеческого потенциала	81
<i>Теодорович М.Л., Патокина Н.Н.</i> Стандарт развития конкуренции на региональном уровне: потенциал снижения социального неравенства	86
<i>Ярская-Смирнова В.Н.</i> Путь к социологии не был простым.....	89

СЕКЦИЯ 1

КАТЕГОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ; ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

<i>Аргунова В.Н.</i> Человеческий потенциал как цель и средство общественного развития.....	96
<i>Басимов М.М.</i> Межнациональные оценки как следствие личностной типологии	100
<i>Бекарев А.М., Пак Г.С.</i> Выбирая между человеком и постчеловеком	105
<i>Вакуленко Р.Я.</i> Развитие управленческого потенциала в современной России.....	108
<i>Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю., Нархов Д.Ю.</i> Человеческий капитал свердловского студенчества: динамика развития, тренды и проблемы	112
<i>Воронин Г.Л.</i> Счастливые или удовлетворенные жизнью: эмпирическая интерпретация понятий.....	120
<i>Гагаев А.А., Гагаев П.А.</i> Факторы открытий и изобретений в модели социокультурной динамики рас и этносов Питирима Сорокина	125
<i>Добрынина В.И., Добрынин В.В.</i> Человеческий потенциал новой России: реальность и иллюзии	131
<i>Замараева З.П., Панкратов Н.В.</i> К вопросу о сущности категории «человеческий потенциал» в современной социологии.....	135
<i>Иванов О.И.</i> Человеческий потенциал и его показатели (новый подход)	139
<i>Ивченков С.Г.</i> Уровень религиозности студенческой молодёжи г. Саратова	141
<i>Козлов А.А.</i> Коварные тренды человеческого потенциала	146
<i>Козырьков В.П.</i> Человеческий потенциал в соотношении с потенциалом культуры.....	150
<i>Липатова Л.Н.</i> Сравнительная характеристика условий формирования человеческого потенциала в регионах Приволжского федерального округа.....	158
<i>Лымарь Н.А.</i> Новые измерения социальной коммуникации.....	162
<i>Мальцева А.В.</i> «HCS++ (Human Capital Score)» онлайн система для анализа личных достижений студентов вузов и ссузов.....	166
<i>Мягков А.Ю., Бартенева Н.Е.</i> Фитнес как фактор развития человеческого потенциала.....	169
<i>Окшин В.В.</i> Проблемы регионального мониторинга внедрения Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ	175
<i>Певная М.В., Телпаева Д.Ф.</i> Потенциал спортивного волонтерства в личностном развитии студентов Уральского федерального округа	179
<i>Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г.</i> Глобальный человеческий потенциал: ноосферное измерение	183
<i>Томалинцев В.Н.</i> Противоречия биологических и социокультурных оснований в развитии человеческой деятельности.....	187
<i>Фатенков А.Н.</i> Избыточная социальность: от прогнозируемой эмансипации индивида к фактической деструкции человеческого существа.....	190
<i>Филипова А.Г.</i> Здоровье детей в регионах РФ: кластерный анализ	195

<i>Шетулова Е.Д., Веселова А.С.</i> Креативный потенциал человека: система угроз со стороны общества	200
<i>Юдина Т.Н.</i> Развитие человеческого потенциала на Дальнем Востоке России.....	204
<i>Амбарцумян Р.М.</i> Социально-образовательный проект как фактор повышения потенциала личности и группы.....	209
<i>Безруков А.В.</i> Ценностные основания реализации коммуникативного потенциала молодёжи	213
<i>Богомяжкова Е.С., Ломоносова М.В.</i> Трансформация человеческого потенциала в XXI веке в контексте развития вспомогательных репродуктивных технологий.....	216
<i>Валиахметов Р.М.</i> Развитие человеческого потенциала как качественная характеристика социального развития.....	220
<i>Веряскина В.П.</i> Развитие человеческого потенциала как глобальный тренд XXI века.....	224
<i>Волков Е.Н.</i> Трансформация человека: критическая рефлексия социальной инженерии versus наивная рефлекторность доверия к себе и к «своим»	229
<i>Волкова Л.В.</i> Мотивационные аспекты развития человеческого потенциала и реализации человеческого капитала в российском высшем образовании	233
<i>Волченкова Е.В., Воронина О.А.</i> Факторы, влияющие на социальное самочувствие молодежи: анализ теоретических подходов.....	237
<i>Герасимова К.Г.</i> Человеческий потенциал: иметь или реализовывать? Авторская методика комплексной социологической оценки степени самореализованности	241
<i>Глушкова Е.В.</i> Влияние СМИ на несовершеннолетнюю молодежь	245
<i>Голиусова Ю.В.</i> Формирование группы НЕЕТ-молодёжи в современном мире ...	249
<i>Голубева И.Г.</i> Влияние сиблинговых связей на развитие человеческого потенциала.....	252
<i>Злотникова Л.М.</i> Нравственность в контексте человеческого развития	254
<i>Кащеева А.В., Барыкина А.И., Бурова Е.А.</i> Нравственная устойчивость военнослужащего в контексте национальной безопасности	258
<i>Когаловская А.С.</i> Построение коммуникации как основа содействия в развитии личности.....	261
<i>Колосова В.В.</i> Психологические и нравственные компоненты представлений студентов о стилях межличностного взаимодействия	264
<i>Колпина Л.В.</i> Особенности здорового образа жизни в пожилом и старческом возрасте.....	268
<i>Комиссаров А.В.</i> Человеческий потенциал и его трансформации в современных социокультурных практиках	272
<i>Кузнецова Н.М.</i> Развитие персонала как фактор повышения кадрового потенциала вуза	276
<i>Ларшина Н.В.</i> Ресоциализация спортсменов в контексте реализации человеческого капитала	280
<i>Малышкин А.П.</i> От «национальности» к «нации»: пространственные возможности трансформации человеческого потенциала	283
<i>Макарова Е.А.</i> Квест как инструмент развития человеческого потенциала	287

<i>Маковская Д.В.</i> Противоречивость этнического статуса в этнополитической мобилизации черкесов	291
<i>Михайлова С.В., Болтачева Е.А., Хрычева Т.В.</i> Охрана здоровья учащейся молодежи в рамках деятельности центров здоровья	294
<i>Овчарова Е.В., Овчарова Т.Н.</i> Проблема совершенствования человека в контексте новейших технологий	298
<i>Орлов А.В., Башук Е.Н., Вакуленко Р.Я.</i> Клиентоориентированность как человеческий капитал	302
<i>Петухова И.С.</i> Социальное благополучие и развитие человека в период общественных трансформаций	306
<i>Попель А.А.</i> Перспективы развития социальной креативности	309
<i>Поспелова Т.Г.</i> Мировоззренческое самоопределение молодежи в периоды кризисов.....	313
<i>Преображенский Ю.В.</i> Пространственные аспекты трансформации человеческого потенциала.....	318
<i>Расходова О.А.</i> Концептуальный подход к изучению влияния социально-психологических факторов на самоотношение и самочувствие в пожилом возрасте	322
<i>Рушева А.В.</i> Внутренняя корпоративная социальная ответственность как фактор развития человеческого потенциала.....	329
<i>Смирнова И.Н.</i> Локальные и глобальные страхи как структурный компонент сознания молодежи Ивановского региона	334
<i>Смолева Е.О.</i> Взаимосвязь психического здоровья и субъективного благополучия населения региона (на примере Вологодской области).....	338
<i>Сорокин А.С.</i> Использование человеческого потенциала в становлении и развитии государства Израиль в 1940-1990 гг.	342
<i>Судьин С.А., Сучков Ю.А.</i> Психическое здоровье в структуре человеческого потенциала: постановка проблемы.....	347
<i>Сулейманова Ф.Г., Харченко И.И.</i> Изучение социального самочувствия молодежи для оценки человеческого потенциала региона.....	350
<i>Терентьева И.Н.</i> Человеческий потенциал как смысловая основа преподавания и социально-технологического использования социально-гуманитарных дисциплин в техническом вузе.....	357
<i>Толстокорова А.В.</i> «Глобальный буржуа»: новый тип модальной личности эпохи глобализации и географической мобильности.....	360
<i>Тульпе И.А.</i> Проблема трансформации потенциала человека: религиозные аспекты	364
<i>Ушакова В.Г.</i> Гендерные аспекты трансформации человеческого потенциала (к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции)	368
<i>Ушамирский А.Э.</i> Субъектный потенциал молодежи: противоречия формирования и реализации в нестабильном российском социуме	372
<i>Черновицкая Ю.В.</i> Человек в глобальном обществе: дуализм терпимости.....	376
<i>Чернышев К.А.</i> Социально-культурная сфера как условие воспроизводства человеческого потенциала: опыт регионального исследования	380
<i>Шалютина Н.В.</i> Роль девайсов в эволюции социального взаимодействия «сетевое поколение»	384

<i>Шимановская Я.В.</i> Здоровье юношей призывного возраста как фактор сохранения человеческого капитала молодого населения и безопасности России	388
<i>Шинкаренко Е.А.</i> Анализ документов в социологии начала XX и XXI века: трансформация источников и возможностей исследования.....	391
<i>Шкерин А.В.</i> Развитие потенциала личности в бизнесе: мода или необходимость?	396
<i>Щекотуров А.В., Рекеда С.В., Бородачева Е.М.</i> Информационное сопровождение евразийской интеграции: социологический аспект.....	399
<i>Яковлева И.И., Колесникова А.А.</i> Детская интеллектуальная одаренность как человеческий потенциал	403
<i>Яковлева И.П.</i> Научно-исследовательская работа как механизм формирования человеческого капитала в рамках института высшего образования России	407

СЕКЦИЯ 2

СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА; ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО; СВОБОДЫ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

<i>Галкина Е.В., Косов Г.В.</i> Роль СМИ в современном гражданском обществе и формировании патриотизма	412
<i>Захарова Л.Н., Власкин В.Ю.</i> Профориентационная социализация как обновленная парадигма социально-психологической подготовки в условиях военной службы	416
<i>Калинина Е.В.</i> Трансформация парадигмы гражданского общества от идеи «договорного общества» (contractual society) (на примере иудейской доктрины) к образу сообщества международного	424
<i>Каширина О.В., Махринова М.В.</i> Экологическая безопасность как необходимое условие реализации будущего в свете культуры цивилизационного времени	428
<i>Кошарный В.П.</i> Учение о свободе в политической социологии И.А. Ильина	432
<i>Лымарь А.Б.</i> Фактор безопасности молодёжи в контексте интерпретаций социальных процессов	436
<i>Певная М.В., Шаброва Н.В.</i> Академическая мобильность как зеркало научной и социальной активности преподавателей уральских вузов.....	441
<i>Соловьев А.К.</i> Государственная пенсионная система – эпицентр глобальных социальных и макроэкономических трансформаций	445
<i>Стегний В.Н.</i> Прогнозирование места и роли демографического фактора в современной России	449
<i>Шпилев Д.А.</i> Свободы и права человека в контексте актуальных перемен: новые вызовы для законодателей Германии	452
<i>Артёмов П.Н.</i> Особенности и потенциал гражданской активности молодёжных субкультур.....	457
<i>Ахвердиев Э.Э.</i> Идея гражданского общества в контексте традиционного религиозно-правового учения ислама	461
<i>Батьянова Л.Н.</i> Гражданские движения в России	465
<i>Борисова Ю.В.</i> Анализ инновационной деятельности г. Иркутска	468

<i>Брагина Е.А.</i> Политическая социализация – процесс взаимодействия общества и личности	471
<i>Бураков Н.А., Славинская О.А.</i> Человеческий капитал и культура: влияние институтов гражданского общества на финансирование культурной деятельности	475
<i>Варызгина А.А., Сэтре А.-М., Гранберг Л.</i> Роль общественных организаций в преодолении бедности	484
<i>Васляева М.Е.</i> Трансформация технологий определения эффективности нормативных правовых актов в контексте развития Интернет-среды	489
<i>Габдиянов А.Г.</i> Современные выборы, российское гражданское общество и права человека	493
<i>Гасиев В.И.</i> Маркетинговые исследования как направление социологических исследований.....	497
<i>Горлов М.В.</i> Трансформации современного российского гражданского общества...	499
<i>Грачёв В.В.</i> Коммуникативные практики в сотрудничестве PR-структур с интернет-сообществами.....	503
<i>Грошева И.А.</i> Экспертная оценка перспектив формирования гражданского общества	507
<i>Гузенко С.С.</i> Духовно-нравственные права человека: свои или чужие?	511
<i>Еремеева А.А.</i> Сети социальной поддержки осужденных: структура и особенности.....	516
<i>Завурбеков Ф.З.</i> К вопросу о роли общественных организаций в раскрытии человеческого потенциала на примере работы фонда Ага Хана в Таджикистане.....	521
<i>Иванов Д.С.</i> Молодежная оппозиция как фактор развития гражданского общества в современной России.....	526
<i>Иванов Р.В.</i> Гражданская активность в России	530
<i>Карушева Ю.М.</i> Образ Родины в патриотической социализации школьников	534
<i>Криницина О.В.</i> Сотрудничество органов государственного управления с туристическими предприятиями (на примере Иркутской области).....	538
<i>Крухмалева О.В.</i> Социальные сети как новая форма современного социального взаимодействия	541
<i>Лелюхин С.В., Борисов В.В.</i> Артефакты корпоративной культуры в IT-сфере	546
<i>Лобанова К.В.</i> Патриотизм и формирование гражданского общества в Российской Федерации (2016-2017 гг.).....	550
<i>Лоскутова Е.М.</i> Политическая идентичность современной российской молодежи.....	554
<i>Мадюкова С.А., Персидская О.А.</i> Республика Алтай: ИЧР и региональные тенденции социального развития	559
<i>Мамурков Е.В.</i> Трансформации гражданской активности в современном обществе	563
<i>Митрофанова С.Ю.</i> Социальная роль детей-потребителей в современном обществе	566
<i>Осянин А.Н.</i> Патриотизм как структурный элемент национальной идентичности	570

<i>Плотникова Е.С.</i> Становление института школьной медиации в Нижегородской области	573
<i>Полянина А.К.</i> Проблема информационной безопасности детей как результат трансформации социальной ситуации развития	576
<i>Попова М.В.</i> Бренд в структуре территориальной идентичности	580
<i>Привалов И.В.</i> Формирование массовых протестов в современном российском обществе	584
<i>Пупкова Ю.В.</i> Социальные сети как инструмент формирования экологической культуры региона	587
<i>Пушина Л.Ю., Чумаков М.В.</i> Подготовленность населения в вопросах гражданской обороны как компонент человеческого потенциала.....	591
<i>Реутов Е.В.</i> Роль виртуальных социальных сетей в самоорганизации граждан...	596
<i>Реутова М.Н.</i> Мотивация гражданского участия: опыт качественного исследования.....	601
<i>Рослякова М.В.</i> Роль общественных советов муниципальных образований в решении социально-экономических проблем территории	605
<i>Трескин П.А.</i> Этнонациональные некоммерческие организации Иркутской области	610
<i>Уставщицова С.В.</i> Демографическая ситуация в новой Саратовской агломерации	614
<i>Фахрисламова Р.Т.</i> Современная семейно-демографическая политика в России	618
<i>Федорова Т.Н.</i> О патриотическом самоощущении студенческой молодежи (по материалам исследования)	627
<i>Хакназаров С.Х.</i> Социологический анализ социально-экономических проблем Югры: на примере Белоярского района	632
<i>Цветкова Б.Л.</i> Чтение как проект. Обзор программ и мероприятий 2014-2017 гг.....	636
<i>Шаламова Л.Ф.</i> Активизация социального потенциала молодёжи как фактор развития местного самоуправления	640

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
И РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ**
**HUMAN POTENTIAL: CONTRADICTIONS OF FORMATION
AND REALIZATION IN THE RUSSIAN SOCIETY**

В.П. Бабинцев
*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет*
V.P. Babintsev
Belgorod National Research University

Рассматривается структура человеческого потенциала в российском социуме, в которой выделяются ресурсы, ценности и жизненные смыслы, коммуникативные возможности. Обосновывается, что ведущие тенденции эволюции человеческого потенциала в российском обществе связаны с повышением значимости способности личности адекватно оценивать собственные ресурсы и последствия их применения, распространением ситуативного подхода к оценке своих способностей сокращением реального коммуникативного пространства реализации человеческого потенциала.

The structure of human potential in the Russian society, which consists of resources, values and vital meanings, communicative opportunities, is considered. The leading tendencies of human potential evolution in the Russian society are connected with an increase in the importance of the personality ability to estimate adequately their own resources and application consequences, distribution of situational approach to an assessment of the abilities, reduction of real communicative space of human potential realization, are proved.

Ключевые слова: человеческий потенциал; ресурсы личности; возможности; способности; готовность; ценности; коммуникативные возможности; рефлексия

Keywords: human potential; personality resources; opportunities; abilities; readiness; values; communicative opportunities; reflection

Пытаясь осмыслить феномен человеческого потенциала, мы с неизбежностью сталкиваемся с неопределенностью трактовки исходной категории – «потенциал». Ее интерпретируют в русле самых различных подходов: ресурсного, акмеологического, структурного, личностно-ориентированного, личностно-профессионального. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки [1]. При этом данное понятие используют не только при анализе качеств личности как субъекта общественных изменений, но и

социальных институтов [2], что в целом не вызывает принципиальных возражений.

В нашем понимании, человеческий потенциал – комплекс возможностей, позволяющих любой личности совершать социальные, то есть, согласно М. Веберу, целесообразные и учитывающие реакцию других, действия. В интроспективном отношении эти возможности возникают как результат способностей и готовности человека совершать поступки, сообразуясь с теми или иными паттернами ценностей и смыслов. При этом способность личности к действиям детерминируется наличием ресурсов, представляющих собой любые средства достижения поставленных целей и опыта их применения. Готовность формируется как результирующая трех тесно взаимосвязанных компонентов: интереса, ценностей и мотивов.

Внешний аспект формирования возможностей определяется характером социальных связей, в пределах которых практически используются ресурсы и реализуются действия. Коммуникативные возможности задают контекстуальную среду реализации человеческого потенциала.

Рассматривая проблему эволюции человеческого потенциала в России начала XXI в., необходимо учитывать, во-первых, что этот процесс носит нелинейный, максимально вариативный характер. Во-вторых, отдельные элементы человеческого потенциала развиваются асинхронно применительно к времени и пространству. В-третьих, развитие каждого из элементов внутренне противоречиво и далеко не всегда укладывается в традиционные представления. В-четвертых, потенциал каждой личности уникален; учитывая это своеобразие, можно говорить лишь о некоторых общих тенденциях его формирования и развития, которые, разумеется, не отражают всех нюансов.

По нашему мнению, проблема формирования и развития человеческого потенциала в современном российском обществе становится проблемой рефлексии, что связано с рядом обстоятельств.

В современном обществе, прежде всего, трансформируется структура ресурсов личности, но в еще большей степени меняется их восприятие и оценка самим носителем – субъектом социального действия. Можно бесконечно дискутировать о том, какие ресурсы в настоящее время увеличивают или, напротив, уменьшают человеческий потенциал. Но гораздо важнее становится способность человека адекватно оценить наличные ресурсы, возможности их использования и – что особенно существенно – определить последствия применения для себя и общества. Можно предположить, что в основе оценки качества человеческого потенциала должно лежать именно определение способности индивида к рефлексии, которая приобретает социокультурный характер, то есть жестко увязывается с ценностно-смысловыми паттернами.

Следует учитывать, что глобальные системы, вопреки стереотипам, во многих случаях не увеличивают ресурсные возможности личности, но нередко сокращают их за счет распространения своеобразной ресурсной сегрегации («геттоизации»). Она выражается в сознательном или бессознательном стремлении людей ограничить эквивалентный ресурсный обмен пределами собственной (родственной, соседской, профессиональной и т.п.) корпорации, предпочитая в отношении других общностей использовать технологии насилия или манипуляции. В данном контексте становится крайне важным способность человека понять ограниченность сегрегационной модели и выйти за ее рамки.

Существенно модифицируются и все содержательные элементы готовности как составляющей человеческого потенциала. Во-первых, интерес все чаще становится результатом не саморазвития и внутреннего диалога, но внешнего (медийного, сетевого) воздействия. Одним из негативных следствий данного процесса является сокращение возможностей социологического анализа интересов личности, поскольку, фактически, оценивается не интерес, но эффективность манипулятивных практик. В этой связи способность адекватно представить собственные интересы превращается в крайне важную задачу рефлексивного анализа.

Противоречивый и неоднозначный характер носит процесс изменения личностных ценностей. Характеризуя их применительно к России, обычно указывают на довольно отчетливо выраженную социальную аномию, которую, в традициях Э. Дюркгейма, трактуют как распад прочной системы нравственных ценностей, отсутствие солидарного взаимодействия между всеми элементами социальной системы, либо вслед за Р. Мертоном как результат конфликта норм в культуре. На наш взгляд, реальная ситуация гораздо сложнее. В действительности ценности в большинстве случаев не утрачивают регулирующей роли. Проблема, скорее, заключается в чисто ситуативном отношении к ним. Человек нередко намерен придерживаться тех или иных ценностных установок, весьма активно отстаивать их, но, во-первых, выбор, какие ценности следует интериоризировать и защищать, носит случайный характер; во-вторых, конкретных ценностей люди придерживаются относительно непродолжительное время; в-третьих, процесс их смены опять-таки является следствием внешних манипулятивных воздействий. В результате в сознании человека происходит постоянная переоценка своих возможностей; человеческий потенциал становится гипердинамичным и, в значительной степени, симулятивным. Перспектива развития человеческого потенциала определяется в данном контексте способностью «отсечь» ценности-симулякры.

В результате изменений интересов и ценностей заметно модифицируется структура мотивов личности. Мотивация становится все более «внешне

ориентированной», подражательной, но в то же время локальной, поскольку формируется как проекция стиля поведения, принятого в корпоративной среде. Данное обстоятельство не опровергается фактами, характеризующими воздействие на мотивы личности медийной и сетевой рекламы, поскольку рекламные образцы в большинстве случаев опосредуются для личности референтным окружением. Именно поэтому приобретают особое значение способность и готовность к рефлексивной селекции референтной среды.

В начале нового тысячелетия заметно сокращается реальное коммуникативное пространство реализации человеческого потенциала российских граждан, что, на первый взгляд, является парадоксальным в глобальном (или «глокальном») мире. Однако современные информационно-коммуникационные системы, хотя, с одной стороны, существенно расширили возможности социальных взаимодействий; с другой стороны, стимулировали формирование культуры «глобальной деревни» (Г.М. Макклэун). Коммуникация в ней осуществляется посредством новых «макромифов», «ритуалов» и «языков» [3]. В соответствии с этим коммуникативное пространство, в котором реализуются способности и готовность субъекта к социальным действиям, все более смещается в виртуальную сферу. Реалии «сетевой деревни» весьма позитивно воспринимаются именно в российском контексте, поскольку накладываются на архетипы деревенской культуры с ее установками на созерцательность и социальную пассивность. Это существенно снижает востребованность ресурсов, способных вести к реальным изменениям, и повышает востребованность имитационных моделей коммуникации, опирающихся на квазинаучные рекомендации и мифотворчество. Преодолеть данную тенденцию человек может лишь при условии наличия у него способности выстраивать реальные коммуникативные системы, адекватные собственным интересам и одновременно опирающимся на культурную традицию ценностным паттернам.

Таким образом, основные тенденции эволюции человеческого потенциала в современной России, практически, во всех рассматриваемых аспектах «замыкаются» на проблему рефлексивности сознания.

Список литературы

1. Захаров В.М. Реновационная система воспроизводства профессионального потенциала как условие обеспечения эффективности регионального управления. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 20-39.

2. Павлов А.П. Интеллектуальный потенциал образовательного учреждения // Качество образования, качество человеческого капитала,

качество жизни. Сборник докладов и статей Международной научно-практической конференции. Москва, 26 июня 2012. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 80-89.

3. Асабина Т.Ю. «Глобальная деревня» М. Маклюэна как концептуальная модель современной социодинамики. Режим доступа: bitstream/123456789/103130/1/39-42.pdf (дата обращения: 06.02.2017).

**ПРОБЛЕМЫ УВЕЛИЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДИСТАНЦИЙ
В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ¹**
**THE PROBLEMS OF INCREASING SOCIAL DISTANCES
IN THE SOCIAL SPACE OF RUSSIA**

Л.А. Беляева

Институт философии Российской академии наук, г. Москва

L.A. Belyaeva

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Рассматриваются проблемы формирования социальных дистанций как факторов, дифференцирующих социальное пространство России. В основе анализа и эмпирической верификации теория капиталов П. Бурдьё. Показана зависимость увеличения социальных дистанций от экономического, культурного, социального и символического капиталов.

The problems of formation of social distances as differentiating factors of the social space of Russia are considered. The theory of capital P. Bourdieu is the basis of analysis and empirical verification. The dependence of the increase in social distances on economic, cultural, social and symbolic capitals is shown.

Ключевые слова: социальное пространство, социальная дистанция, теория капиталов, эмпирическое представление социальных дистанций

Keywords: social space, social distance, the theory of capital, an empirical representation of social distances

Современная Россия отличается глубокой социальной дифференциацией населения по целому ряду показателей: по уровню доходов и образу жизни, обладанию материальными и социальными ресурсами, обеспеченностью социальными услугами – медицинскими, образовательными, доступностью культурных учреждений и т.п. Наличие таких глубоких дифференцирующих факторов дестабилизирует общество, создает в нем напряжение, которое основано не только на объективных структурных различиях, но и на субъективных представлениях, транслируемых символической системой, создающих образ общества, отдельных социальных групп и имеющих в

---

¹ Подготовлено в рамках гранта РФФИ № 17-03-50073.

обществе структуралистских проблем. В России наблюдается высокая степень «ненормального неравенства» (не только материального, но социального, культурного и т.д.), имеющего негативное влияние на многие стороны общественного развития.

Для того, чтобы составить общую картину дифференциации общества, целесообразно воспользоваться такими понятиями, как социальное пространство и социальная дистанция. Социальное пространство можно определить в виде метафорического конструкта, который не сводится к месту, где происходят описываемые события, явления и процессы, как не сводится он и к пространству геометрическому. В социальном пространстве распределены статусы социальных акторов, занимающих в нем определенные социальные позиции и взаимодействующих на основе предписаний (законов), обычаев, интересов, ценностей, моральных установлений. Социальное пространство не статичное, а динамическое состояние, характеризующееся, с одной стороны, автономностью акторов (индивидов, групп, общностей), а с другой стороны, их взаимодействием, которое может базироваться на разных уровнях взаимного доверия/недоверия и солидарности/антагонизма вплоть до взаимной поддержки/онтологической опасности. При этом социальное пространство размещено в физическом пространстве с его структурами и охватывает субъективные структуры, порождаемые социальными статусами акторов и их представлениями об этих статусах.

Изучение состояния социального пространства и социального дистанцирования в России сегодня актуально, как никогда. Сложившаяся за 25 лет глубокая материальная дифференциация общества в условиях современного системного кризиса еще больше усугубляется, порождая эксклюзию и настроения апатии в тех слоях, которые чувствуют себя заброшенными. Это с одной стороны, а с другой – образовался слой богатых и сверхбогатых людей и их наследников, которые демонстрируют свои исключительные материальные возможности и стиль жизни, вступающий в резкий контраст с общественными настроениями.

Одними из характеристик состояния социального пространства являются показатели социальной дистанции между социальными группами, слоями и индивидами. Можно условно выделить показатели, представляющие совокупность *объективных* характеристик, формирующих социальные дистанции – уровень дохода, образование, выполнение управленческих функций, занятие бизнесом, самозанятость, наемный труд, этническая принадлежность, отнесение к постоянному населению или мигрантам, место жительства и другие. Значимы также *субъективные* показатели: оценки степени понимания и близости в межличностных и общественных отношениях, которые

формируются с использованием шкал социальных расстояний (чаще всего используется шкала Э. Богардуса с ее модификациями).

Для формирования системы объективных и субъективных показателей важно учитывать идеи, которые были сформулированы в трудах социальных философов и социологов, разрабатывающих те или иные проблемы социального пространства [1]. Теория социального пространства П. Бурдьё дает возможность сконструировать исходную точку (социальную позицию, социальный статус), относительно которого выстраивается система отношений и взаимодействий субъектов. Она представляет социальное пространство как рационально сконструированную диаграмму, поля властного взаимодействия, движения различных видов капитала. Совокупность полей, власть над которыми дает обладание капиталом (экономическим, культурным, социальным, символическим), делает социальное пространство многомерным. При этом само социальное пространство определяется как структурная диспозиция полей: экономического, социального, культурного, символического.

Концепция социального пространства России, в котором статусы социальных акторов образуют многоуровневую структуру, обусловленную разным объемом капиталов (экономического, социального, культурного, символического), позволяет анализировать такие проблемы как социальная дистанция между разными акторами; отношения идентификационные и отношения взаимодействия – личные и обезличенные; наличие/отсутствие общих интересов и ценностей, формирование и взаимопроникновение социальных кругов и т.д.

Социология П. Бурдьё с его теорией капиталов создает теоретическую базу для эмпирического изучения многих характеристик социального пространства и социальных дистанций [2].

Наличие социальных дистанций – неотъемлемый элемент в устройстве современного социального пространства и не представляет собой какой-то опасности для организации общества, если они уравновешивают это общество, не вызывают его разрушения, обеспечивают эффективный социальный контроль. Важна протяженность этой дистанции, ее приятие другими индивидами, подвижный характер этой дистанции. Взаимозависимость объективных характеристик социальных дистанций и субъективной дистанции, измеряемой с учетом мнения индивида, составляет баланс структуры статусов в обществе и приемлемости этой структуры, ее одобряемости или, по меньшей мере, индифферентности к ней большинства населения. Социальная дистанция есть объективно-субъективное понятие, когда, говоря словами С. Жежека, различия между объективной действительностью и субъективной видимостью

отражается в самой субъективной видимости. Совокупность социальных дистанций служит неким «каркасом», базисом структуры общества, именно на её основе упорядочивается система социальных статусов и могут формироваться социальные лестницы, ведущие вверх или вниз в общественной иерархии. В развитых странах, находящихся на постиндустриальной, информационной стадии развития, сокращается действие жестких регуляторов социальных дистанций, постепенно могут разворачиваться сети взаимодействия, которые регулируются поверх социальных кругов.

Для измерения социальной дистанции целесообразно воспользоваться сравнением социальных статусов индивидов и социальных групп по обладанию ими разными объемами капиталов – экономического, культурного, социального и, резюмирующего их, символического капитала. Если первые три вида можно относительно легко операционализировать в виде конкретных эмпирических объективных показателей, индикаторов, то последний – символический капитал, представляет собой, по П. Бурдьё, «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы» [3]. Это более эфемерный вид капитала, трудно поддающийся эмпирической верификации, воплощенный в таких категориях, как авторитет, престиж, доверие, влияние и в такой синтетической характеристике, как стиль жизни. Стиль жизни можно определить как предпочтения в повседневной жизни, которые демонстрируют возможности, предоставляемые экономическим, культурным и социальным капиталом. Как писал Бурдьё, «по мере восхождения по иерархической лестнице стиль жизни начинает занимать все более важное место в том, что Вебер называет «стилизацией жизни» [4, с. 29].

В постсоветский период довольно быстрыми темпами начала увеличиваться социальная дистанция, обусловленная перераспределением экономического капитала, формированием *системы «власть-собственность»*. Стал образовываться слой сверхбогатых людей, получивших свою первую собственность в результате приватизации. Помимо этого, произошло дистанцирование других доходных групп. Накануне современного кризиса в 2014 г. сложились следующие пропорции: богатые (8%), зажиточные (8%), среднеобеспеченные (43%), относительно бедные (30%), абсолютно бедные (11%).

Социальная дистанция, формируемая культурным капиталом актора, также увеличивается вследствие разных потенциальных возможностей для получения хорошего образования под влиянием материального уровня семьи. Эмпирические исследования убедительно показывают роль высшего образования в формировании верхних групп по доходам, в том числе предпринимателей.

Социальный капитал как фактор образования социальных дистанций имеет двоякую тенденцию. С одной стороны, он способствует социальной мобильности в более высокие слои, а с другой – при использовании новых информационных технологий смягчает действие жестких регуляторов социальных дистанций за счет развертывания сетей взаимодействия, которые регулируются поверх социальных дистанций. Существенным фактором формирования социальных дистанций является символическое представление социальных групп в информационном пространстве, особенно в СМИ.

Список литературы

1. Беляева Л.А. Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // Философские науки. 2012. № 6. С. 22-35.
2. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
3. Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. 562 с.
4. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения / Пер. с фр. О.И. Кирчик // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25-48.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК УСЛУГА ORGANIZATION OF SOCIAL WORK: SOCIAL WORK AS A SERVICE

Хорст Боссонг
Университет Дуйсбург-Эссен, Германия
Horst Bossong
University Duisburg-Essen

Представлены подходы к осмыслению социальной работы с позиций концепций социальных организаций М Вебера, Н. Лумана, теории агента-принципала. Основываясь на положениях теории структуризации Э. Гидденса, теории поликонтекстуальности немецкого логика Г. Гюнтера и акторно-сетевой теории Б.Латура, автор анализирует специфические черты социальной работы как системы, профессии и услуги.

The approaches to conceptualization of social work from the Max Weber's and Niklas Luhmann's points of view and principal-agent theory are presented. Based on the principles of A.Giddens' structuration theory, G.Guenther's policontextuality theory and B.Latour's actor-network-theory the specific features of social work as a system, as a profession and as a service are analyzed.

Ключевые слова: социология социальной работы, профессиональные компетенции социальной работы, образовательные компетенции социальной работы, профессионализация социальной работы

Keywords: sociology of social work, professional competences of social work, educational competences of social work, professionalization of social work

Verehrtes Präsidium, meine sehr verehrten Damen und Herren, ich danke Ihnen ganz herzlich für die Einladung zu dieser Konferenz, die hundert Jahre nach der großen Revolution der Frage nachgeht, wie und in welchem Maße sich die menschlichen Potenziale seither zum Fortschritt von Gesellschaft und Menschheit entwickelt haben. Mein Fachgebiet, die Soziale Arbeit und Sozialverwaltung, hat in dem zurückliegenden Jahrhundert in Deutschland zweifelsfrei eine enorme Entwicklung vollzogen, die – in einem Wort gesagt – als nachhaltige *Professionalisierung* beschrieben werden kann. Als frühe Vertreter und – man kann sagen: Wegbereiter dieser Professionalisierung gelten vor allem *Alice Salomon* und *Christian Jasper Klumker* – beides Persönlichkeiten, die in den frühen Jahren des 20. Jahrhunderts die Fürsorge (Soziale Arbeit) maßgeblich geprägt und auf je ihre Weise vorangebracht haben.

Allerdings, wenn man heute fragt, wie die Soziale Arbeit organisationstheoretisch zu fassen ist, dann gibt es in Deutschland durchaus lebhaftere Kontroversen. Natürlich liegt zunächst einmal immer nahe, Soziale Arbeit auf der Folie der Bürokratietheorie von *Max Weber* zu zeichnen. Nur, die weit verbreitete Antwort hierauf lautet: Soziale Arbeit ist keine Bürokratie, sie will doch unter gar keinen Umständen *bürokratisch* sein, sondern im Gegenteil: *unbürokratisch*. Diejenigen Forscher hingegen, die die organisierte Soziale Arbeit systemtheoretisch zu fassen suchen, stoßen allein schon aufgrund der hier geläufigen Begriffe (und der dahinter stehenden Sachverhalte) wie „Funktionalität“, „Selbstreferenzialität“ und vor allem natürlich aufgrund des Umstands, dass *Niklas Luhmann* in seiner Theorie vom Begriff des Menschen abstrahiert, bisweilen auf beinahe reflexartige Widerstände in der sozialpädagogischen Disziplin. Versucht man es schließlich mit der Neuen Institutionenökonomie, speziell der *Prinzipal-Agenten-Theorie*, dann wird unmittelbar deutlich, dass genau das, was interessant ist, für Außenstehende eine *Black Box* ist: Das, was im Prozess des Helfens, Betreuens, Beratens usw. geschieht, bleibt undurchsichtig; abhängig von Zufall und Natur. Was man sieht, ist allein *das Produkt, das Ergebnis* – und das ist so, wie es ist; in der Sozialen Arbeit heißt dies natürlich im Allgemeinen: das Ergebnis ist gut, denn das Helfen an sich ist ja schon immer gut. Aber das ist natürlich sehr bequem.

Um aus dieser Malaise herauszukommen, versuchen manche Wissenschaftler der Sozialen Arbeit, das organisationale Feld so zu fassen, dass sie *eine Differenz* markieren zwischen der alltäglichen praktischen Sozialen Arbeit und der

organisationalen Rahmung; sie sprechen dann von einem doppelten oder gar Tripel-Mandat, d.h. davon, dass es einerseits das praktische Tun einschließlich der zugrundeliegenden ethischen Kodizes gibt, andererseits den staatlichen Auftraggeber und drittens die Organisation – es sei stets eine immense (fast könnte man glauben: unzumutbare) Herausforderung, hier eine Balance herzustellen, um sodann den Bedarfen der Klienten gerecht werden zu können. Wieder andere Autoren sprechen davon, die Spezifik der organisierten Sozialen Arbeit sei eben durch *das Soziale* bestimmt, das handlungsleitend und strukturprägend sei für die Soziale Arbeit – doch man sieht sofort: das führt nicht weiter; die Katze beißt sich in den Schwanz.

Ich möchte deshalb einen anderen Vorschlag machen.

Ausgangspunkt ist dabei die Strukturationstheorie des britischen Soziologen *Anthony Giddens*, der bis 2003 an der *London School of Economics and Political Science* lehrte und übrigens seit 1999 Mitglied der *Russischen Akademie der Wissenschaft* ist.

Giddens geht bekanntlich davon aus, dass Organisationen keineswegs gleichsam feste Gebäude sind, in die ein (neues) Mitglied eintritt, (ein-)sozialisiert wird und sodann seinen Dienst verrichtet; Gebäude, die überaus stabil und mithin schwerfällig sind und sich – im Wesentlichen nur durch äußere Zwänge genötigt – sehr langsam und behutsam verändern. Vielmehr vertritt er die Auffassung, dass Organisationen gleichsam wie lebende Organismen funktionieren und sich laufend verändern, umgestalten, reorganisieren. Dies tun sie maßgeblich durch die Akteure selbst. Dies schließt einerseits problemlos an Luhmanns Systemtheorie an – Systeme entstehen durch Kommunikation, hört diese auf, zerfallen sie. Andererseits geht es über Luhmann hinaus, denn es sind entscheidend die Akteure – mit Bruno Latour könnte man präzisieren: die menschlichen, wie auch die nicht menschlichen Akteure, die Latour Aktanten nennt –, die die Organisation in ihren Strukturen *gestalten* (das geht über den von Luhmann benutzten Begriff der *Irritation* deutlich hinaus). Man kann sagen (und ich zitiere Peter Walgenbach, 2006: 406): „Die sozialen Akteure produzieren und reproduzieren durch ihre Handlungen die Bedingungen [lt. Giddens sind dies die Strukturen], die ihr Handeln ermöglichen, ...Strukturen sind sowohl das *Medium* als auch das *Ergebnis* sozialen Handelns“. Das Reglement, d.h. die Regeln, das Regelwerk von Organisationen sind in diesem Sinne „Ressourcen“, die „die Formierung, Aufrechterhaltung, Beendigung und Neuformierung von Begegnungen“ – hier die von Organisationen und ihren Mitgliedern – stabilisieren, zugleich aber immer auch einen Interpretationsraum und damit die potenzielle „Änderung der Form ihrer Anwendung“ eröffnen (Giddens, 1997: 74).

Doch heißt dies nun zugleich, dass wir im optimalen Fall in Organisationen – und so speziell auch in sozialarbeiterischen Organisationen – mit einer stetigen, sich immer weiter und besser entwickelnden Professionalisierung rechnen können?

Wenn wir der Polykontextualitätstheorie des deutschen Logikers *Gotthard Günther*, der lange Jahre in den USA und später dann wieder in Deutschland, genauer in Hamburg, lehrte, folgen, dann zeigt sich, dass der Ausgang alles andere als gewiss ist. Denn es wird deutlich, dass die Hauptlast von Organisationen durchaus nicht in der Koordination ihrer Aktivitäten mit der Außenwelt, das meint: mit der Kundschaft der Klienten, der öffentlichen Verwaltung und mit der mehr oder weniger interessierten Öffentlichkeit besteht – hierin liegt zweifellos *auch* eine Herausforderung; doch die primäre Aufgabe und Belastung liegt zunächst und vor allem in der *innerorganisatorischen* Koordination.

Ich will und kann hier – schon allein aus Zeitgründen – Günthers Theorie nicht im Detail erläutern; nur so viel – Günther schreibt (1971/1979: 128): „Das Ganze der Wirklichkeit ist nicht als eine einheitliche Elementarkontextur zu verstehen, sondern als ein unendliches System sich gegenseitig komplementierender und durchdringender Elementarkontexturen, die sich zu höheren strukturellen Einheiten zusammenfassen, die wir Verbund-Kontexturen genannt haben. Die Welt hat unendlich viele ontologische Orte, und in jedem ist sie, wenn derselbe isoliert betrachtet wird, durch ein zweiwertiges System darstellbar. Eine Koexistenz dieser Orte aber kann nur in einem mehrwertigen System beschrieben werden“.

Genau hier will ich anknüpfen und Günthers Überlegungen im Folgenden auf den Organisationsmodus der Sozialen Arbeit beziehen. Dazu verwende ich zunächst einmal das folgende, etwas überraschende Bild:

Stellen Sie sich ein Seil vor, das aus mehreren, möglicherweise sehr vielen einzelnen Strängen besteht, die jeweils systematisch ineinander geflochten sind. Was passiert nun, wenn ein Seil reißt? Es geht nicht einfach entzwei, so wie es der Fall wäre, wenn wir es durchschneiden würden, vielmehr reißen – nach und nach – die einzelnen Stränge, aus denen es geflochten ist, bis am Ende auch der letzte Strang reißt. Wenn wir mit einem Seil arbeiten, merken wir natürlich, dass der eine oder andere Strang brüchig wird und womöglich reißt. Was wir dann oft tun, ist folgendes: Wir flicken das Seil, indem wir es z.B. außen herum verstärken oder indem wir an der schadhafte Stelle einen Knoten binden. Und doch wissen wir, dass dies letztlich nichts anderes als Stückwerk, Pfusch, ist – über kurz oder lang reißt das Seil eben doch.

Was lehrt uns dies für unser Thema? 1.) Organisierte Sozialarbeit lässt sich – wie jede andere Organisation auch – darstellen als ein Flechtwerk unterschiedlicher und doch je eigenständiger Kontexturen, die in sich verflochten, d.h. jeweils zu Verbundkontexturen zusammengeführt sind, um das Ganze der organisationalen Sozialarbeit herzustellen bzw. zu sichern. 2.) Wenn wir Soziale Arbeit professionalisieren oder in ihrer Professionalität optimieren wollen, dann müssen wir darauf achten, dass jede Elementarkontextur und jede höherwertige

Verbundkontextur sorgfältig gestaltet und in sich schlüssig ist – da können wir steuern. Tun wir das nicht, dann handeln wir so, wie der, der das brüchige Seil durch immer neue, letztlich aber untaugliche Tricks versucht, zu stabilisieren. – Und nebenbei: derlei geschieht heute vielfach in schlechter Organisationsentwicklung! 3.) Zu den Elementarkontexturen und den daraus generierten Verbundkontexturen in Organisationen gehört beispielsweise die Ebene der Leitung sowie der Unternehmensaufsicht und die der ausführenden Beschäftigten; ebenso die arbeits-, haftungs- und sonstigen rechtlichen Bestimmungen, der Ressourcenbedarf und die Ressourcenverfügbarkeit, das fachliche Know How, also das Maß an Expertise und Professionalität sowie nicht zuletzt das, was man gemeinhin als Mikropolitik bezeichnet. Diese letzten beiden Variablen – Professionalität und Mikropolitik – möchte ich im Folgenden beispielhaft herausgreifen.

Konkret: Organisierte Sozialarbeit ist professionelle Sozialarbeit, für deren Ausführung man als Praktiker einen erfolgreichen Hochschulabschluss – ein Hochschulzertifikat – benötigt, mittels dessen das geforderte disziplinäre Wissen (also soziologische, psychologische, rechtliche und erziehungswissenschaftliche Wissensbestände), wie aber zugleich auch die fachlich-methodischen Kompetenzen (also Handlungs- und Interventionsmethoden) vorhanden sein müssen und im Abschlusszeugnis bescheinigt werden. Das Ergebnis (also die Verbundkontextur) von beidem ist die sozialarbeiterische Fachkompetenz. Diese wiederum verbindet sich mit bestimmten, i.d.R. international gültigen berufsethischen Prinzipien und kulminiert so in das, was man (wiederum als Verbundkontextur) als Berufskompetenz bezeichnen kann – auch dies wieder zweiwertig in dem Sinne, dass man über Berufskompetenz verfügt oder eben nicht.

Die Berufskompetenz ihrerseits ist nun zwar schön und gut, reicht aber nicht. In der organisierten Sozialarbeit braucht es ein weiteres: Organisationskompetenz¹. Erst aus der Verbindung von Berufs- *und* Organisationskompetenz, die ihrerseits beispielsweise vor allem rechtliche, fiskalische sowie Strukturelemente (z.B. Geltung der Hierarchie, der Aufbau- und Ablauforganisation, des Dienstwegs, ebenso auch Schriftlichkeit, also Aktenführung und Dokumentationspflicht usw.) beinhaltet, ergibt sich schließlich das, wonach wir gesucht haben: sozialarbeiterische Professionalität.

Wie wir jetzt sehen können, löst sich damit auch das eingangs angesprochene Dilemma des sog. doppelten oder Tripel-Mandats im Nichts auf – es verschwindet. Stattdessen entdecken wir eine wertvolle Ressource, ein brauchbares Potenzial. Aber: Das Ideal der Professionalität finden wir in der Realität nicht – so einfach ist die Welt

---

¹ In der Organisationsentwicklung und Unternehmensberatung bezeichnet man dies meist als „Systemkompetenz“ und zielt damit auf die Frage: Was kann bzw. muss wann in welcher Weise geschehen, um möglichst effizient zu effektiven, also nachhaltigen Ergebnissen zu kommen.

leider nicht. Vielmehr finden wir hier den Ausgangspunkt für neue Verbundkontexturen.

D.h. die von uns gewünschte Professionalität wird in der Empirie beeinflusst von neuen Kontexturen, z.B. vom Bedürfnis nach Sicherheit, von Karrierewünschen, von Gehaltsfragen, von privaten Verpflichtungen und Interessen, schließlich von all dem, was man Mikropolitik nennt. Am Ende finden wir das, was man vielleicht als schlichte alltagspraktische Berufstätigkeit bezeichnen kann – nicht also das Ideal, sondern die schnöde Wirklichkeit.

Für die Unternehmensleitung und – steuerung entscheidend sind hier insbesondere zwei Dinge: 1.) Es macht keinen Sinn, sich auf „*das Große und Ganze*“ zu verlassen. Vielmehr – ich hatte es eben schon angedeutet – muss man jede einzelne Elementarkontextur genau in den Blick nehmen. Also: Wie steht es mit dem fachdisziplinären Wissen – ist es ausreichend, ist es jederzeit à jour, welchen Stellenwert haben Fortbildungen? Wie steht es mit der Methodenkompetenz? Wie weit tragen und taugen die ethischen Standards – sind sie realitätstauglich oder phantastisch? Wie sieht es mit der Organisationskompetenz aus – sind die Leute imstande, mit und in Organisation produktiv zu arbeiten? Nehmen wir angemessen wahr, was unter dem Begriff der Mikropolitik (wiederum eine Verbundkontextur) stattfindet – etwa Konkurrenzverhalten, Neid, Missgunst, Machtspiele aller Art, Seilschaften bis hin zu Korruption? Werden in angemessener Weise Karrierewünsche, leistungsbezogene Entlohnungserwartungen, auch beispielsweise familiäre Verpflichtungen berücksichtigt; wird derlei überhaupt ernsthaft wahrgenommen? Wie steht es mit der Verbindlichkeit gegenüber unseren Auftraggebern und der Leitungsebene? Schließlich: Achten wir auf die Arbeitsplatzgestaltung, also gerade auch das, was Latour als Aktanten bezeichnet hat?

Meine Damen und Herren, wie wir alle wissen, kennt die Logik keine moralische, ideologische oder sonst wie geartete Wertungsprärogative, sie sagt uns nicht, dies ist besser oder schlechter. Das müssen wir schon selbst herausfinden. Was sie uns lehrt – genauer: was uns Giddens und Günther lehren ist, dass wir in Ansehung der Sozialen Arbeit viel genauer hinsehen müssen, dass wir die jeweiligen Elementar- und Verbundkontexturen sehr präzise und in ihrer jeweils spezifischen (je zweiwertigen) Einzigartigkeit untersuchen müssen. Wir können dies, so möchte ich meinen, weil wir allenthalben Vorbilder, Paradebeispiele finden in der gewerblichen Wirtschaft. Davon können wir lernen, wenn wir es ernsthaft wollen und insoweit unsere ideologischen Scheuklappen absetzen. In Deutschland tut man sich, das muss ich zugeben, damit bislang äußerst schwer; denn ich sagte es schon: Das soziale ist das Soziale und deshalb ganz anders, nämlich sozial – mit anderen Worten: die Katze, die sich in den eigenen Schwanz beißt.

Nicht nur deshalb, verehrte Kollegen, auch wegen der fortgeschrittenen Zeit möchte ich es mit Blick auf den zuvor genannten zweiten Punkt bei dem schlichten Hinweis belassen: Die Entwicklung geeigneter Modelle und Strategien sowie die empirische Prüfung ist Aufgabe der Wissenschaft, die Umsetzung – und damit auch Steuerung – ist indes a priori Aufgabe der Organisationsleitungen und, was die Rahmenbedingungen für beides angeht, die Aufgabe der staatlichen Auftraggeber; sie sind also auch herausgefordert. Denn erst auf dieser Basis wird es möglich sein, auch die komplexe und uns in vielerlei Hinsicht fremde Kontextualität derer zu ergründen, die außerhalb der eigenen Organisation stehen. Und das sind zuvörderst die hilfsbedürftigen Klienten.

**К ПРОБЛЕМЕ КОНСОЛИДАЦИИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
TO THE PROBLEM OF THE CONSOLIDATION
OF MODERN RUSSIAN SOCIETY**

А.Ш. Викторов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

A.Sh. Viktorov

Lomonosov Moscow State University

Противоречивая динамика социальных изменений в современном мире, обусловленная разными ценностными моделями консолидации и интеграции, поставила под сомнение доминирующую либеральную идеологию общественного развития. Этот процесс в значительной мере затронул Россию, где обострение социальных противоречий требуют выработки новых стратегий в области разработки механизмов консолидации и безопасного развития современных социальных систем.

The contradictory dynamics of social change in the modern world due to different value models of consolidation and integration challenged the dominant liberal ideology of social development. This process greatly affected Russia, where exacerbation of social contradictions to require the development of new strategies to consolidate and secure development of contemporary social systems.

Ключевые слова: консолидация, безопасность, ценности, идентичность, неравенство, реальность

Keywords: consolidation, safety, values, identity, inequality, reality

Противоречивая динамика социальных изменений в современном мире, обусловленная как разной трансформацией человеческого капитала, так и различными ценностными моделями консолидации и интеграции индивидов, групп, общностей, сообществ, поставила под сомнение доминирующую либеральную идеологию общественного развития. Этот процесс в

значительной мере затронул Россию, которая находится в некоем неопределенном и нестабильном (полупереходном) состоянии, вызванном как нарастанием социального неравенства, внешних и внутренних угроз, так и стремлением восстановить свою ведущую роль в мировой геополитике и попыткой сохранить свои прежние институты.

В самом общем научном понимании, «консолидация» – это процесс интеграции общества (обществ) в единое целое через определенные действия, направленные на решение значимых целей (в современном российском обществе: снижение уровня неравенства, повышение качества жизни и сохранение целостности). Определяющую роль в этом должны играть государство (как консолидирующая сила) и гражданское общество (как основной консолидирующий фактор). Однако в России в силу наличия различных причин (объективных и субъективных), с одной стороны, существует целый ряд факторов, провоцирующих деструктивную и негативную консолидацию общества (слабая гражданская оппозиция, отсутствие доверия к власти, низкий жизненный уровень и пр.), а с другой – государство как социальный институт устанавливает и поддерживает определенные типы неравенства в распределении ресурсов и не способствует уменьшению глубины неравенства [1, с. 22, 201]. На основе анализа специальной научной литературы можно предположить, что феномен неравенства наиболее полно актуализируется в различных значимых проблемах, парадоксах и трендах современного цивилизационного и общественного развития (социального, экономического, политического и культурного), обусловленных переходным периодом и системным кризисом капитализма.

Однако Россия в этом «переходном» контексте выглядит особо, ибо перешла к рыночным отношениям не в результате доминирования постиндустриального сектора (новых технологий), а благодаря частичной модернизации сырьевого сектора и реиндустриализации (разрушение промышленных технологий и инфраструктуры). Это привело к тому, что неравномерное распределение доходов и рост неравенства обрели некий устойчивый характер. Отсюда в России четко прослеживаются три неравные группы населения, проживающие в разных регионах (относительно благополучные – 20%, регионы-аутсайдеры – 10% и средний уровень развития – 70%), имеющие высокий разрыв в индексах развития человеческого потенциала (здоровье, образование, доходы).

Существуют разные показатели неравномерного развития страны и социальной дифференциации населения. Среди них выделяются коэффициент Джини, децильный коэффициент и др., которые не всегда между собой соотносятся в силу разных источников, но в целом они отражают динамику углубления и расширения неравенства в современном мире. Так, в России

доходы самых богатых превышают доходы бедных в 15 раз, а в Европе, США, Японии – в 2-3 раза меньше. По данным РИА, рейтинг неравенства в России такой же, как в США, а в некоторых областях даже ниже, чем в Европе. Человек в современном мире стал своеобразным потребительским товаром: он теперь не эксплуатируется, а исключается из общественной жизни, где отсутствует реальная забота о нем (социальная защищенность), т.е. низводится к одной из низших своих нужд – потреблению. В развитых странах повышается рост уровня депрессии (психологической), связанной с социально-экономической нестабильностью [2, с. 14, 17-18].

Исходя из современного контекста состояния современного общества, следует выделить три критерия аспекта консолидации развития социальной системы на новой ценностной основе: ценность безопасности, ценность социального стандарта идентичности и ценность креативно-инновационной деятельности. Речь идет как о новом ценностном понимании (рефлексии) категории консолидации, так и способах и инструментах ее реализации.

По мнению автора, существует четыре модели рефлексии консолидации: рациональная, иррациональная, нерациональная, креативная. Исчезновение с исторической сцены той или иной цивилизации, как правило, начинается с разрушения ее системы безопасности и внедрения в сознание народа чуждых идей, ценностей и неприемлемых способов их достижения. Безопасность как многоаспектная проблема консолидации общества в разное историческое время всегда имела свой конкретный смысл (политический, национальный, социальный, экономический, духовный) в силу неоднозначного (институционального) взаимоотношения между ценностными основами общества и государственными интересами.

Современная Россия в этом контексте, вступив в период социальной трансформации, непосредственно столкнулась с необходимостью позитивного решения проблемы гуманитарной безопасности, поскольку напрямую был поставлен вопрос не только по обеспечению защиты и предотвращению угроз целостности общества государственной независимости, территории, но и сохранения российского народа, его культурных ценностей и исторического наследия. С точки зрения значимости феномена безопасности, важно отметить, что переход от одной фазы развития к другой представляет собой определенную системную перестройку и переход на новый системный уровень (в сфере общественных взаимоотношений, в сфере жизнедеятельности, в сфере миропонимания), который непосредственно связан с выработкой новых системных свойств безопасного развития. Причем этот переход практически всегда сопровождается возникновением особого состояния неопределенности, нестабильности и появлением различного рода опасностей и угроз.

Отсюда процесс консолидации российского общества предполагает, что безопасность в современных условиях – это: сохранение национально-культурного своеобразия, обеспечение территориальной целостности, государственной самостоятельности, защита господствующего социально-политического строя; поддержание образа жизни, фундаментальных ценностей и идеалов, стимулирующих сплоченность и силу духа народа; создание условий для личного развития, нравственно-психологического благополучия граждан независимо от национальности. Поэтому развитие системы через консолидацию необходимо рассматривать как философию праксиса, т.е., с одной стороны, конкретное изучение социальной реальности, а с другой – конкретные практические действия (включая креативные), которые направлены на целостное понимание, сохранение и единение окружающего бытия. В условиях системного кризиса происходит изменение базовых ценностных ориентиров в развитии и, как правило, начинается процесс формирования новой идеологии безопасного развития (на новой ценностной основе консолидации).

За последние 100 лет Россия «пережила» три социальные системы (монархическую, социалистическую и рыночную), которые сформировали три стандарта идентичности, имеющие разные ценностные основы консолидации. Наиболее наглядно последствия этого катаклизма (быстрой смены стандартов идентичности) проявляются в современном миропонимании и типах взаимодействий среди молодежи. Как показывает анализ взаимодействий среди студенческой молодежи за последние 2-3 года, более 45% – доминируют отношения обмена (теория Хоманса), 31% – по интересам, 23% – нет никаких взаимодействий.

Наращение и обострение социальных противоречий с необходимостью требуют выработки новых стратегий в области разработки механизмов консолидации и безопасного развития современного российского общества. Речь идет как о формировании новой идеологемы национальной государственности, так и новом ценностном подходе в формировании стандарта идентичности гражданского общества на основе социально ориентированной политики в преодолении глубины социального неравенства.

Список литературы

1. Социально-структурные факторы консолидации российского общества: монография / Отв. ред. И.И. Елисеева, Г.В. Еремичева. СПб.: Нестор-История, 2012. 204 с.

2. Викторов А.Ш. Введение в социологию неравенства: монография. М.: «Канон⁺» РООИ «Реабилитация», 2015. 240 с.

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОГО РАЗВИТИЯ ЗАНЯТОГО
НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
**FEATURES OF THE SOCIO-LABOUR DEVELOPMENT,
EMPLOYED POPULATION OF MODERN RUSSIA**

З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян
*Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук, г. Москва*
Z.T. Golenkova, E.D. Igitkhanyan
*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

Рассматриваются основные направления формирования трудовых ценностей занятого населения, моделей их поведения. Подчеркивается значимость таких факторов, которые получили достаточно широкое распространение в современных российских реалиях. В том числе акцентируется содержание дополнительной занятости. Делается вывод, что обращение к проблематике трудовых отношений и адаптации населения в этих процессах является основой становления статусных позиций работников различных социальных статусов, их стратегий поведения в производстве и вне его. Развитие указанных процессов непосредственно зависит от развития субъектности наемного труда, его региональных особенностей.

The thesis discusses the main directions of formation of labor values of the employed models their behavior. The importance of such factors, which is widely spread in modern Russian realities. Including emphasizes the content of the additional employment. The conclusion is that addressing the problems of employment relationship and adaptation of the population in these processes is the basis of formation of the status positions of the workers of different social statuses, their strategies of behavior in the production and outside of it. The development of these processes is directly dependent on the subjectivity of wage labor, its regional peculiarities.

Ключевые слова: сектор экономики, регион, занятое население, адаптация, трудовая деятельность, рынок труда, стратегия поведения, доход, безработица

Keywords: economy, region, employed population, adaptation, employment, the labour market, the strategy of behavior, income, unemployment

В условиях модернизации любой социально-экономической системы на первый план выходят проблемы, связанные с развитием всех социально-структурных процессов, тех трансформационных процессов, которые имеют как интеграционную, так и дезинтеграционную природу. В значительной степени это касается переустройства общества на рыночные отношения,

меняющие характер занятости населения, динамику взаимодействия различных социальных групп и слоев, становление их интересов, значимости различных аспектов социального неравенства между ними. Это связано, прежде всего, с изменениями в отношениях собственности, появлением новых форм в системе властных отношений, резкой дифференциацией в уровне доходов различных групп населения. Кроме того, весомыми становятся и такие факторы, как изменение структуры занятости населения, формирование новой поляризации различных видов труда – преимущественно ручного и научно-индустриального, а также отраслевой его специфики. Помимо сказанного, необходимо иметь в виду, что все эти процессы и явления происходят на определенной территории, социальном пространстве, в качестве которых выступают (применительно к Российской Федерации) как отдельный населенный пункт – город, село и т.д., так и целый регион. Это становится тем более актуальным в сегодняшних условиях, потому что регионализация – существенная ступень в современной жизни социально-экономического развития, которая обусловлена модификацией социальной структуры в различных регионах страны.

Существенный материал исследователю предоставляет *социальная статистика* о наиболее универсальных показателях динамики социально-структурных процессов трансформирующегося российского общества. Отметим некоторые принципиальные показатели.

Настоящий период в социально-экономической жизни России характеризуется качественным изменением форм собственности: на смену прежде монолитной государственной собственности пришло многообразие форм. Так, на конец 2015 г. доминирующей формой собственности являлась частная – 62.0 %. Затем, по убывающей – государственная и муниципальная – 27.9%, смешанная российская – 5.1 %, иностранная, совместная российская и иностранная – 0.4 %, собственность общественных организаций – 4.8% [1, с. 92]. Анализируя занятость населения по секторам, необходимо отметить также неформальный сектор и население, занятое в нем. Последний рассматривается как совокупность производственных единиц – домашних хозяйств, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не являются самостоятельными юридическими единицами. Значимо специфическое воздействие этого института на формирующийся рынок труда и всю социально-трудовую сферу. Наиболее важная социально-экономическая функция неформального сектора состоит в том, что он амортизировал сокращение занятости в формальном секторе в 90-е гг., дав части россиян возможность заработать и смягчив, тем самым, социальное напряжение в обществе.

Такие радикальные макроэкономические преобразования с неизбежностью привели к изменению спроса на труд, что подтверждается некоторым сокращением численности занятого населения, которая составила в середине 2015 г. 72.3 млн. человек. Кроме того, в численности занятого населения 4.2 млн. лиц, не имеющих работы, ищущих ее и готовых приступить к ней (безработные) [1, с. 91].

Происходящие в стране отраслевые сдвиги могут быть охарактеризованы следующими тенденциями:

– сокращение занятых в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, здравоохранении, науке. Растет доля занятых в строительстве, финансовой деятельности, управлении, предоставлении услуг, торговле [1, с. 125-127, 129];

– продолжает прослеживаться тенденция неравенства одних отраслей экономики по сравнению с другими. Значимыми сферами проявления социального неравенства являются в настоящее время образование и здравоохранение. Так, например, в 2014 г. уровень среднемесячной начисленной заработной платы работников здравоохранения, образования к ее уровню в промышленности (особенно к сегменту добычи энергетики и полезных ископаемых) фактически в 2,5 раза ниже, к финансовой деятельности – в 2,6, к государственной деятельности – в 1,5 раза [2 (расчет)].

С началом экономической реформы произошли фундаментальные изменения в механизмах регулирования дохода и, как следствие, в степени дифференциации материального положения и социального расслоения по этому критерию. Так, в январе-октябре 2014 г. 11.2% от общей численности населения составляла категория лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня.

Остановимся еще на одном виде социальных различий – между регионами. Особенно это касается экономической активности населения, обусловленной сложившейся структурой размещения производительных сил, историческими и природно-климатическими особенностями.

Так, в 2015 г. самые низкие показатели по уровню занятости и самые высокие по уровню безработицы приходятся на республики Северо-Кавказского федерального округа.

По уровню безработицы наиболее низкие показатели имеют Москва, Санкт-Петербург (2 и 2.5%) и ряд областей Приволжского федерального округа [3, с. 83-84].

Все сказанное свидетельствует о необходимости формирования механизма социального приспособления к интенсивно меняющимся условиям бытия. Адаптационная необходимость затрагивает фактически все слои населения, всех возрастов, социально-профессиональных групп различных

регионов, которые вынуждены искать и находить пути и способы адаптации. Очевидно, что в этих условиях меняется состояние занятости, формируются самые разнообразные источники доходов, возникают ее институционализированные формы, как-то самозанятость, неформальная занятость и т.д.

Трансформационные процессы в стране привели не просто к радикальным изменениям в формах собственности и в системе хозяйствования, они обусловили институциональные «подвижки» в сфере труда, изменили мотивационные характеристики трудовой занятости. Как свидетельствуют данные исследования, проведенного Отделом социальной структуры Института социологии РАН (руководитель д.ф.н. З.Т. Голенкова) в республике Башкортостане в 2015 г., доминирующим признаком, определяющим значение работы в жизни респондентов, является ее материальная ценность. А на вопрос, «Удовлетворены ли Вы своей работой?», полностью удовлетворенных оказалось 11.5%, совсем не удовлетворенных – 4.2%. В то же время думают сменить работу в ближайшее время – 5.6%, в перспективе – 14.5%, работу менять не собираются – 31.8%. Таким образом, обстановка довольно стабильная с точки зрения устойчивости производственной занятости. Существуют в то же время вынужденные трудовые отношения – безработица. Так, 31% опрошенных уже побывали в этом состоянии, а 23.5% полагают, что могут оказаться в этом качестве. Отметим еще один аспект, характеризующий социально-трудовое поведение опрошенных. Оно определялось параметром, «Принимаете ли Вы участие в подготовке или принятии решений у себя на предприятии?» «Да» ответили 26.6%, твердо «нет» – 26.1%. Изучая поднятые проблемы, можно судить об уровне социальной адаптированности респондентов, об их стратегических позициях в сложнейшей социально-экономической ситуации. «Уверены ли Вы, что можете реализовать свои жизненные планы»? На этот вопрос положительно ответили более 60%. Поэтому можно определенно сказать, что фактически на основании индикаторного вопроса респонденты могут быть оценены как оптимисты, ибо доля лиц, положительно оценивающих решение своих жизненных проблем, значительна. Подтверждением служат ответы на очередной вопрос анкеты «В решении насущных проблем, в первую очередь, на кого будете рассчитывать?» «Буду решать все самостоятельно» (50.4%).

Подводя итоги, должны отметить, что качественные преобразования всей системы экономического базиса в стране, производственных отношений невозможны без эмпирического исследования состояния и перспектив тех форм социальной дифференциации в современной России, которые в значительной

степени определены социальным неравенством людей, социальных групп и классов в социально-региональном пространстве страны.

Список литературы

1. Россия в цифрах. 2015 г. Краткий статистический сборник. М., 2015. 543 с.
2. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015 г. Статистический сборник. М., 2015. 311 с.
3. Основные показатели социально-экономического положения округов и областей РФ (январь – июль 2015 г.) Росстат Калуга 2015. Режим доступа: http://kalugastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kalugastat/ru/statistics/ (дата обращения: 06.09.2017).
4. Труд и занятость в России. 2013. Статистический сборник. М., 2013. 661 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛА ПОЖИЛЫХ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ TRANSFORMATION OF POTENTIAL OF OLDER WOMEN IN MODERN RUSSIA

И.А. Григорьева
Санкт-Петербургский государственный университет
I.A. Grigoreva
Saint Petersburg University

Российское общество со 2-й половины 1980-х гг. оказалось в ситуации модернизационного вызова. Трансформация социальных процессов приняла архаическую форму. Особенно это повлияло на социальный статус пожилых женщин. Женщины раньше всех теряли работу и с трудом снова находили. Они оказались в ситуации семейной и социальной дискриминации, которую необходимо преодолеть.

Russian society from the second half of the 1980s were in a situation of modernization challenge. The transformation of social processes took an archaic form. This especially affected the social status of older women. Women was the first to lose work and could hardly find it again. They found themselves in a situation of family and social discrimination, which must be overcome.

Ключевые слова: трансформации, пожилые женщины, роль, статус, дискриминация

Keywords: transformation, elderly women, social role and status, discrimination

Как известно еще из работ Т.И. Заславской, российское общество со 2-й половины 1980-х гг. оказалось в ситуации жесткого модернизационного вызова. На фоне либерализации экономики социальные процессы долго оставались в тени, без серьезной рефлексии. Трансформация социальных процессов в значительной степени приняла демодернизационную форму, так что *презумпция* модернизационной направленности исследуемых процессов не имеет под собой оснований [1]. Они были удачно обозначены как архаизация и привели к значительной фрагментации общества, которое скреплялось традиционными социальными нормами.

Особенно эти процессы архаизации коснулись социального статуса пожилых женщин, поскольку в процессах сворачивания производства и роста безработицы они раньше всех теряли работу и с трудом снова находили. А в ситуации снижения уровня жизни семей они стали особенно востребованы в качестве домохозяек, нянь, т.е. оказались в классической ситуации «сэндвич-поколения». Никто не задумался, что женщины оказались в ситуации социальной дискриминации, притом, что адаптационный потенциал их оказался более высоким. Социально-экономической дискриминации способствовало «принятие роли» самими женщинами, что спасало многих от высоких требований среды, но делало привычной самодискриминацию. Естественно, что фрагментированное общество дает самые разные «социальные образцы».

В рамках стратификационной парадигмы социологии по возрасту люди делятся на «старших» и «младших», при этом за данными понятиями стоит разница не только в возрасте, но и в статусно-ролевом репертуаре, и в объеме прав и обязанностей, закрепленных за каждой из этих групп. Так, возраст становится основанием «для совокупности институционализированных и традиционных ролей, сложившихся в общественной практике применительно к разным возрастным группам» и для оценки потенциала социальной группы. Восприятие человеком его собственного потенциала обусловлено его возрастной идентичностью, то есть таким самовосприятием, в соответствии с которым он причисляет себя к определенной возрастной группе, нормы и правила поведения которой он разделяет и, таким образом, отделяет себя от других возрастных групп. Но обыденное сознание стереотипизировано, у людей, как правило, формируются типичные схемы оценки представителей своей и других возрастных групп.

В ряде исследований было показано, что самые большие трудности при идентификации со своей возрастной группой испытывают именно пожилые люди, поскольку их возможности перейти в высокостатусную группу взрослых или молодых уже исчерпаны [2]. Термин «эйджизм» впервые был введен в научный оборот в 1968 г. американским врачом Р. Батлером. По его мнению,

эйджизм, или дискриминация по возрасту – это процесс стереотипизации и дискриминации отдельных личностей или целых групп на основании их возраста, а также сами стереотипы негативного характера и недобросовестное отношение к людям старших возрастных групп [3]. Это явление способно оказывать влияние на самооценку человека, его карьерные перспективы и качество жизни в целом.

Примерами эйджизма являются безосновательные возрастные пределы для соискателей работы или для кандидатов на определенную должность [4], запоздалая реакция служб скорой помощи на вызовы пожилых людей, а также пренебрежительное и невнимательное отношение врачей к пожилым пациентам [5]. Латентный эйджизм выражается в ряде нередко встречающихся формулировок, отражающих позицию власти, расценивающей пожилых в качестве общественного балласта, препятствующего реформам [6].

Распространенное в обществе негативное восприятие пожилых людей приводит к формированию у них негативного образа Я и поведения, соответствующего укоренившимся в обществе стереотипам [7]. Так, в ряде исследований было доказано, что под влиянием стереотипов у пожилых людей может действительно отмечаться снижение способностей к запоминанию информации, а также общее ухудшение состояния здоровья. Социальное зеркало способствует снижению самооценки и социального потенциала пожилых людей и, особенно, женщин. Принятие стигмы способствует и снижению реальных возможностей.

СМИ также навязывают представление о пожилых людях как наиболее обездоленной части населения, которые обременены проблемами не просто «сведения концов с концами», но также и серьезными старческими заболеваниями, которые становятся главным индикатором старости в представлениях общественности, для чего используются средства гипердиагностики и статистики. За всем этим стоит идеология медиализации старения, но по оценкам ряда исследователей, для развития «молодого» государства, состоящего преимущественно из детей и молодых людей, приходится больше затрат на медицинское обслуживание и образование. К тому же молодежи нужны рабочие места, или она становится источником агрессии или неуправляемой миграции. Поэтому проблема баланса поколений выглядит плохо изученной и требующей трезвых расчетов.

Сегодня демографы и даже медики много пишут о том, что старение наступает позже и нелинейно связано с возрастом. Появились поддержанные на политическом уровне концепты «активного старения», «активного долголетия» и, в последнее время, «отсроченного старения». В ответ на ситуацию позже наступающего старения в нескольких европейских странах уже отменили

верхнюю границу пенсионного возраста, предоставив людям самостоятельно решать, продолжать работу или нет за пределами трудового стажа, необходимого для получения пенсии.

В настоящее время значительное число пожилых женщин после достижения пенсионного возраста, т.е. «возраста нетрудоспособности», продолжают еще некоторое время работать, но обычно не дальше 60 лет. Уйдя с работы, многие женщины посвящают себя домашнему хозяйству, фактически, почти полностью обеспечивая его в семьях детей. Однако со временем, как показала И.Л. Сизова, анализируя данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья, в семьях постепенно происходит исключение пожилых женщин из сферы принятия решений по семейным и домашним делам. Особенно резко сокращается влияние женщин в сфере занятости и образования членов семьи, но также и в принятии решений о денежных расходах [8].

Если в семье на женщин можно переложить рутинное обслуживание, то в нормативных представлениях, формируемых и транслируемых государством и СМИ, пожилые женщины требуют новых социальных расходов и предъявляют повышенные потребности в уходе и лечении, тогда как мужчины выступают общественным ресурсом. Такое представление укоренено в профессиональных и материальных проблемах общества, в котором ценилось только участие в общественном производстве, а люди считались «трудовым ресурсом». А сколько стоит уже упомянутое ведение хозяйства, уход за внуками и разные другие формы заботы, у нас как-то не принято считать. Обслуживание внуков и детей считается наилучшим уделом «бабушек», поскольку «безвнучатая старость» – несчастье.

Итак, социальный статус и потенциал пожилых женщин в современном обществе неоднозначен, да и сами они зачастую охотно позиционируют себя как свободных от социальных обязательств, что говорит, на наш взгляд, о пассивности и согласии с социальными рамками. З.Х. Саралиева с соавтором показывает, как воспроизводятся в социализации гендерные стереотипы, но и как девочки-подростки учатся им противостоять [9]. Пожилые женщины пока менее активны, но, надеемся, постепенно осознают, что их потенциал далеко не полностью зависит от цифры в паспорте.

Список литературы

1. Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: в поисках новой методологии. М., 2007. 591 с.
2. Микляева А.В. Модели отношений между людьми разного возраста: результаты эмпирического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 7. №.1. С. 41-47.

3. Butler Robert N. 1968. The Life Review: An Interpretation of Reminiscence in the Aged. Ed. Bernice L. Neugarten Middle Age and Ageing: A Reader in Social Psychology. Chicago, University of Chicago Press.

4. Лактионова Н. Дискриминация по возрасту? О проблемах отечественной науки // Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. В защиту науки. 2016. № 17. С. 104-108.

5. Колпина Л.В. Геронтологический эйджизм в практиках медицинского и социального обслуживания населения // Социологические исследования. 2015. Т.5. №.5. С. 72-77.

6. Писарев А.В. Образ пожилых в современной России // Социологические исследования. 2004. No 4. С. 51-56.

7. Cooper J., Goethals G. The self-concept and old age // Aging: Social change. 1981. №.1. P. 431-452.

8. Сизова И.Л. Современная политика и практика поддержки занятости пожилых (опыт Германии и его возможности применения в России) // Власть. 2015. № 9. С. 162-166.

9. Саралиева З.Х., Щекотуров А.В. Я не хочу быть такой девочкой, чтобы посуду всегда мыть // Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 45-58.

**PARTICIPATION AND LEGITIMATION.
NEW LABOUR RELATIONS AND THE ROLE OF HRM
СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЛЕГИТИМАЦИЯ.
НОВЫЕ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РОЛЬ УПРАВЛЕНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ**

Arthur Zijlstra

*Research group Human Resources Management,
Amsterdam University of Applied Sciences;
Saint Petersburg University*

Артур Зелстра

*Исследовательская группа по управлению персоналом,
Амстердамский университет прикладных наук;
Санкт-Петербургский государственный университет*

The aim of this paper is to sketch a social-theoretical framework that can be applied to empirical research on labour market participation, its requirements and legitimation. The urgent question for policy makers is how to find new ways of participation for their population(s)? Participation asks, among other things, for a narrative of legitimation which puts individual competences and projects in a broader, meaningful context. The research question of this paper is: Which theoretical concepts are, at least, necessary to discuss participation in and legitimation of changing labour relations, including the role of HRM? The following concepts will

be discussed in their mutual coherence: transitional labour market, participation, and life politics, precariat as a substitute concept for social class, human capital and competences, new labour relations in the projective city; legitimation: the neoliberal spirit of capitalism.

Цель – создание социально-теоретической основы эмпирических исследований рынка труда, его требований и легитимации. Актуализируется поиск новых способов социального взаимодействия на рынке труда. Рассматривается проблема выбора теоретических концепций, необходимых для легитимации меняющихся трудовых отношений, в том числе роли управления человеческими ресурсами. Исследуются следующие аспекты данной проблемы: переходный рынок труда, его специфика и истоки, прекариат как замещающая концепция социального класса, человеческий капитал, компетенции и предпринимательское «я», новые трудовые отношения в проективном городе, легитимация новых трудовых отношений в контексте неолиберального капитализма.

Keywords: social theory, labour relations, neoliberalism, participation, legitimation, precariat, HRM

Ключевые слова: социальная теория, трудовые отношения, неолиберализм, участие, легитимация, прекариат, управление человеческими ресурсами

‘...creativity and freedom leave their brightest imprint in our capacity for labor, for every creative act is contingent on work and an effort of the will. ... Human labor seen as an interconnected whole is human history itself. ... *economy is a phenomenon of spiritual life* to the same degree as all other aspects of human activity and labor. The *spirit of economy* ... is once again a historical reality rather than a fiction or an image. Each economic age has its spirit and is in turn a product of this spirit; each economic age has its particular type of “economic man” generated by the spirit of economy ...’ (Bulgakov, 2000/1912, 215, 217-218).

Transitional labour market, participation and life politics

In the 1990s, the German economist Günther Schmid (1998, 2005, 2010, 2015) put forward a new model for the operation of the labour market. This proposal was prompted by the chronic mass unemployment in the European Union. Changes in society and culture such as the increasing longing to make one’s own choices in one’s working career, the entry of women in the labour market and the resulting debate about the relationship between work and care and major differences in people’s life courses as well as new and different existential risks (anyone can lose their job or experience a divorce) mean that there needs to be a reassessment of the institutional arrangements. Schmid’s model is intended as a building block for a new social and psychological contract in which existential securities and existential risks are balanced more effectively and honestly than is currently the case. He aims to restore

societal participation on the part of *all* citizens, thereby overcoming some of the negative consequences of the prevailing neoliberal way of thinking about participation exclusively in terms of *economic* participation, i.e. having a paid job¹.

The societal participation of all citizens may be by means of paid employment, but may also involve care for the family or education and training. The notion of full employment is replaced by social inclusion for all. Schmid summarizes his proposals for labour market innovation with the term *transitional labour markets*. By this, he means the institutional arrangements that offer space and support for changes in employment for citizens or the combination(s) of labour market and other socially significant activities. The boundaries between the economic system (in this case the labour market, companies, trade unions) and other social systems (education, family, government and civil society) need to be more open and flexible².

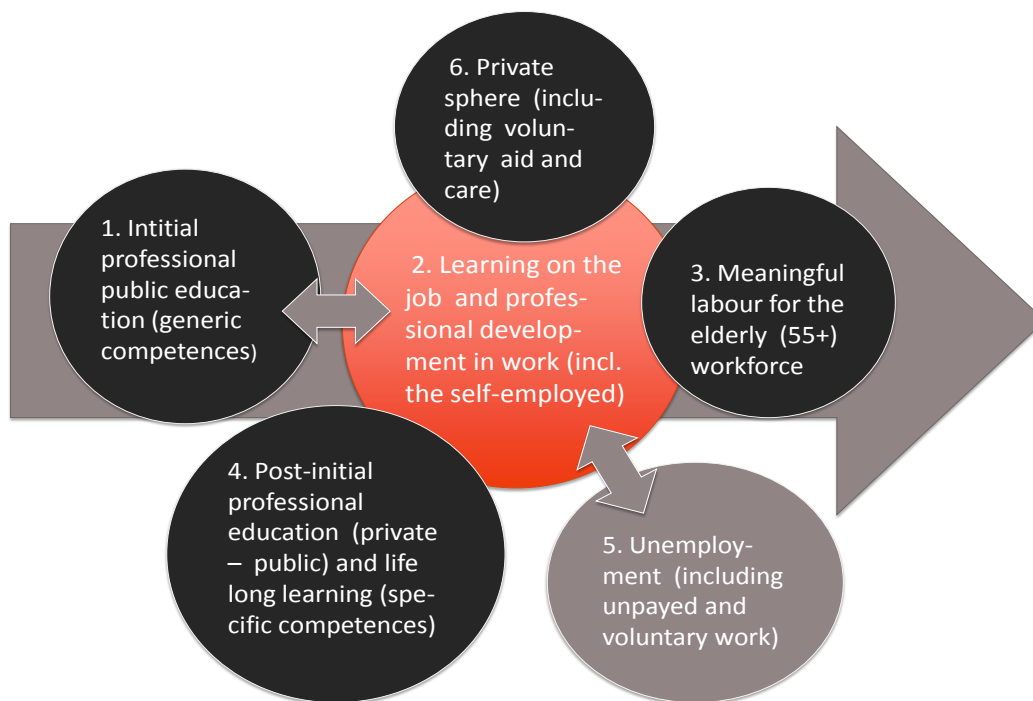

Figure 1 Revised model of Schmid (2010, 2005)

Schmid's conception of transitional labour markets now reflects macro-sociological developments, such as increased social and labour differentiation, the

¹ This neoliberal ideology of participation exclusively in terms of economic participation is being reflected in government policies throughout the EU. The current Dutch government of prime minister Mark Rutte made economic participation the corner stone of its (social) policy. It also reflects an overstrained work ethos ('the hard working Dutchman viz. European').

² This reflects Bauman's (2000, 2007) conceptualization of the recent transition of 'solid modernity' to 'liquid modernity'. Characteristic of liquid modernity is the blurring and even fading away of borders between social institutions. Castells (2000) introduced the concept of network organizations and society to understand this changing state of affairs. Social life has become more contingent, risky and reflexive and, therefore, less predictable and controllable.

globalization of the economy, the individualization of citizens/employees (also in terms of their life courses, with a variety of crises and transitions). New social arrangements are required in order to enable and promote the more flexible transitions between the labour market and other social systems. In other words, it calls for a new social contract¹. His model is presented below in diagram form.

Explanation of the model

The core of the model is the world of paid work where (permanent) employees and self-employed contractors work and learn in the workplace, where they may also look for another job or project (circle 2). Here people's own professional expertise is permanently subject to development and renewal; above all because this is considered meaningful in itself. It enables employees to remain or become attractive on the labour market or, in other words, to be able to switch from job to job and/or from employer to employer. In order to meet the demands of continuous development employees and self-employed contractors have to follow market-funded study programmes and training courses (circle 4). Circle 4 relates to a wide range of different kinds of commercial education.

Periods of unemployment (circle 5) are used to update or maintain professional competencies in order to gain renewed access to the labour market. In this circle we have also included persons incapacitated for regular work as well as uneconomic and unpaid workers². Other options include participation in society in the form of voluntary work, or more broadly, in civil society. The latter point is beyond the scope of this paper. Older employees – the category aged 55 upwards – will gradually begin to focus on their retirement (circle 3). They may for example only be able to do less strenuous or less intensive work (demotion) or may start to work part-time. At the peak of life – broadly between the ages of 25 and 50 – periods of paid work can alternate with periods of care (parental leave, sabbatical year). For older employees, this will often involve caring for one or more close relatives (circle 6). Of course, there are, in practice, all kinds of mixed types of (part-time) paid employment, care obligations, education and training activities and sometimes also (part-time) unemployment.

We can use the model to examine both the institutional level and the level of the individual employees and their life courses. As an addition to Schmid, we draw a distinction between *formal* (circle 4) and *informal learning* (circle 2). Formal learning takes place in institutions specialised for that purpose, such as schools and

---

¹ Schmid's proposal can be interpreted as a revival of the Rhineland model of a stakeholders' economy that provides an alternative to the Anglo-Saxon model of a shareholders' economy that lies at the heart of the neoliberal policies of the past decades (Albert, 1992).

² Disabled workers have been declared unfit for regular jobs, uneconomic workers cost more than they bring in and unpaid workers have traineeships and internships in companies with an attractive 'family' culture (Apple, Ikea etc.) without receiving a salary.

colleges for professional education and private training institutes. Informal learning concerns learning at the workplace, for example from colleagues during peer reviews or keeping abreast of professional literature independently. The contents of circle 2 concern informal learning and the process of socialization within a profession or trade.

Seen from the level of individual employees, we would note that the axis of the model – represented by the big grey arrow from circle 1 via circle 2 to circle 3 – symbolizes the life course. The early years are devoted to initial education, the phase from around 20 to 67 is the period of working life, and the final phase is the period of retirement. This standard life course has become more varied in recent decades¹. As a result of macro-developments, such as individualization, internationalization (including migration), the specific character of different generations and a society driven much more by choice and contingency, individuals have begun to exhibit differences in a range of areas. This means that people's life courses have begun to vary much more. In other words, the diversity of individuals has become more important.

Precariat as a substitute concept for social class?

The concept of the transitional labour market covers partly the problematics of a rather recent global phenomenon, namely the rise of the precariat. The term precariat is a neologism or contraction of the older proletariat and precarious. It refers to growing groups of people who – belonging to the lower strata of society – live in economically and socially uncertain and unstable circumstances. The term became well known by the social scientist Guy Standing (2014). The precariat reflects globalization of markets, competition between regions of the world to produce as cheap as possible by lowering labour costs and conditions. Although labour markets are still primarily regional and national in their scope and organization, globalization dynamics make people travel around the world to find a better (working) life for themselves and their children.

According to Standing (2014, 11-22, 101-152) the precariat denotes a new social class-in-the-making with a rather heterogeneous composition: low-paid workers with often more than one job, the unemployed, temporary workers, unpaid workers (in internships, voluntary work in professional organizations), disabled and self-employed people, migrants and refugees. These diverse groups do not really yet constitute a new social class in the Marxian-Hegelian sense of a class-for-itself (*Klasse-für-sich*). They differ too much in interests, life styles, educational, lingual, cultural and religious backgrounds to organize themselves collectively. They are,

---

¹ Giddens (1991) and Beck (1986) have coined the phrase 'life politics' to denote the transition from the given (traditional) standard biography to the optional, more fragmented and (self-)reflective biographies.

probably, to be seen as a class-on-its-own (*Klasse-an-sich*)¹. But they do not have a shared collective identity, if they ever will. And in the Western world many members of the precariat have become individualized in their opinions, way of life, and their self-determination as to organize themselves in trade unions and other collectivities. As we can observe in the richer EU countries, there is quite some competition and even hostility between different groups of the precariat, e.g. Dutch against Polish construction workers (much less or illegally paid) or indigenous precarious workers and unemployed against migrants and refugees.

These precarious groups are scattered around and fragmented at the labour market, although often geographically concentrated in certain (poor) neighbourhoods of the metropolitan areas around the world (Sennett, 2018; Saunders, 2011). The common denominator of the precariat is, according to Standing (2014), Kanneberg (2013), Lorey (2015), and others, their existential insecurity and their lack of a future perspective to improve their lives and get more stability. In Schmid's model of the transitional labour market we find the precariat at the intersection of circle 2 and 5. Their working life is fragmented by temporary, low quality jobs alternated with times of unemployment. They do not have a chance to develop their capabilities (Nussbaum, 2011) building up a working identity to be proud of (Standing, 2014; Sennett, 2009).

A related problematic concerns the erosion of growing segments of the middle class in most Western countries². Partly due to technological developments (automation, robot technology etc.), many middle management jobs are disappearing. And neoliberal policies – both in private companies and in state government – favor flexible labour contracts above permanent contracts in order to cope with the volatility of very dynamic markets around the world. The demarcation of social classes is diminishing as the contingencies of contemporary life (including companies and organizations) makes it less predictable to plan a career or even a life course. Giddens' idea of optional biographies sounds attractive but the harsh reality for many of the middle class is a growing existential insecurity.³ Their fear is a declining social

---

¹ There has been quite some debate on Standing's claim that the precariat is a new social class in *status nascendi*. I am more in agreement with scholars who have become critical about the concept of social class as such, e.g. Bourdieu (who substituted the class concept for social-economic and social-cultural *milieus*) and Boltanski and Chiapello (2007, 296-303) who state that classes have become too diffuse and scattered to be an analytically meaningful tool to interpret contemporary social and economic changes. The precariat constitutes a *non-class*. In my opinion, the borders between milieus are more porous as they were between social classes in the past. Moreover, these milieus have a much shorter life span than the concept of social class which lasted about 150 years. This is another example of Bauman's thesis of the transition of a solid modernity to a liquid modernity.

² We may observe here an important difference here with the rise of the middle class in Russian and Chinese metropolitan areas and upcoming economies (India, Brazil, Indonesia and others).

³ Bauman (2000, 2007) sees a dilemma – or perhaps even better: a trade-off – between more (individual) freedom at the expense of security and control on the one hand and security and control at the expense of (individual) freedom on the other hand. I think this dilemma – or in my opinion: conflict – reflects the inherent tension of Enlightenment thought and modern philosophy between autonomous freedom and scientific-technological control of reality.

mobility in which they would evaporate as middle class and join the precariat. The Netherlands Scientific Council for Government Policy (Wetenschappelijke Raad voor het Regeringsbeleid) recently published an exploration entitled *The fall of the middle class* (July 2017). If the middle class guarantees the social cohesion of modern society, then its stability and ultimately its legitimation is at stake¹!

Human capital, competences and entrepreneurial selves

The global flexibilization of labour and technological innovations lead up to a continuous self-destruction of jobs, functions, and competences. At least, that is what policy makers, under the influence of neoliberal ideology, state time and again. Whether it is true or not, this annihilation emphasizes the throw-away and deskilled character of already fragmented jobs². Work loses then much of its meaning (fullness). It becomes more difficult to develop a career and a professional identity, especially for the precariat but also for the professional class. In the world of professional education and HRM this dynamics is being countered by the concepts of life long learning and developing, human capital, and entrepreneurial individuals. Employees are expected to be employable at the labour market till (postponed) retirement, that is to take initiatives in post-initial education and schooling (circle 4 in Schmid's model)³. But now my question: why should I invest in my craftsmanship and employability *today* if I already know that my new competences will be outdated *tomorrow*? What is the meaning of it all? Human capital is being outdated continuously⁴. This state of affairs is undermining the legitimation of the (neoliberal) working ethos and subsequently the economic and societal order.

Human capital has to be maintained and accumulated but is at risk to become outdated at the same time. Bourdieu (1984) distinguished three types of capital which are convertible into one another: economic capital (financial property and assets), social capital (social networks related to work and personal life), and cultural-symbolical capital (familial milieu with specific tastes in cultural matters, education, communicative repertoires, recognition). Scholars have recently added a new type of capital, namely persons capital. This is accumulated by personal characteristics such

---

¹ The precarization of large segments of the population in Western countries is a governmental technique according to Lorey (2015), herself influenced by Foucault. It may explain to a large extent the rise of populist movements and parties which have lost confidence in the ruling political and economic elites. The parallel rise of the precariat and the fall of the middle class may induce the implosion of the naturalized neoliberal economic and societal order.

² The fragmentation and de-skilling of jobs is due to an extreme division of labour in industrial production, scattered nowadays over many countries. Multinational companies have subcontractors all over the globe. Cf. Braverman, 1974; Illich, 1971

³ As higher educated employees with permanent contracts have good possibilities for schooling and training, the problem in most EU countries is life long learning of the self- and unemployed, elderly workers, and the lower educated groups. For these categories, there are much less opportunities to keep up to date their competences and develop their capabilities. Which actors are responsible for facilitating them? Private companies withdraw from their responsibilities as do state governments. The justifying buzz words are the individual responsibility and the entrepreneurial attitude of individuals as neoliberal rhetorics wants it.

⁴ Human capital is a rather reductionistic concept because it transforms humans to resources instrumental for economic goals. It creates a dynamics of dehumanizing human beings (Han, 2014).

as an attractive appearance, physical and mental vitality, and charisma (SCP, 2014). In a knowledge economy of services persons capital has become relatively more important than the other types of capital. It is because in many jobs and functions personal capabilities and competences (communicative, entrepreneurial, result-oriented and other skills) are necessary conditions for professional success.

Human capital's core consists of the set of competences a person has acquired throughout (professional) life. A competence is an integrated whole of knowledge, skills and attitudes. Attitudes mostly refer to behavior(s) that are required by employers (management) and which are the core of curricula in professional education¹. The anthropology which is presupposed and aimed at in education is that of individuals as entrepreneurs. This means both taking initiatives (as alternative for managerial directions) and becoming a self-employed entrepreneur. A third meaning concerns the marketization of oneself by accumulating activities and projects in portfolios. In other words, human capital is an expression of the commodification of the self (not anymore in the physical sense as in the industrial age but in the mental and even spiritual sense).

Competences can be differentiated into generic and specific competences. Generic competences such as communicative and planning skills are primarily being acquired in initial education. They are less vulnerable for becoming outdated at the flexible and dynamic labour market. Specific competences are partly trained in professional education but probably lose their significance in the course of one's working life. They need to be renewed through post-initial education and learning on the job. Both education and jobs/functions have become defined in terms of rather abstract competences substituting classical academic subjects and specializations. But can a profession or an academic subject be split up analytically into a set of competences without losing its original identity? One of the consequences for HRM is that diplomas and CV's lose much of their their significance and portfolios, skills passports and persons capital become proportionally more important. Jobs – especially permanent jobs – are being replaced by temporary projects which consist of a number of related activities; activities which can be measured and monitored by splitting up in competences.

New labour relations in the context of the projective city

These changes in the world of labour and work – the evaporation of jobs and functions, the rise of projects and portfolios – including the role of HRM take place in the broader framework of a new type of city. Boltanski and Chiapello (2007, 103-164) develop a typology of cities in which the 21st century projective city is the

---

¹ This competence-oriented learning in professional education presupposes a behaviorist pedagogy, psychology, and anthropology. It aims at adapting students to the predominant neoliberally enforced ways of working in companies and organizations. This psychology is being transformed in positive psychology, preventing students and professionals from being critical towards the dominant regime.

context of the brave new world of work and labour relations. What do they mean by the projective city? It is a flexible, dense space composed of multiple projects conducted by autonomous (mostly self-employed) persons. The social status of people is predominantly determined by the social networks in which they unfold a host of different activities.

These activities are organized in sequences of projects in which flexible, liquid, temporary and horizontally organized networks and projects are evaporating classical, hierarchically organized institutions (industrial companies, labour unions, government agencies, universities and schools, and even families), to be more precise: the borders between them (cf. Castells, 2000; Bauman, 2000). Activities might be both paid and non-paid work¹. The projective city is the social space in which individuals accumulate connections (cf. social media like LinkedIn). Not being active in some project means risking social exclusion and even social death. That is *the* existential threat of the precariat but also of middle class professionals².

Labour is, then, not primarily organized in jobs within organizations with career tracks. It has become more contingent, unpredictable over the life course, and involves uncontrollable risks³. Labour relations change similarly as the institutional embedding is crumbling down and well-defined social classes are dissolving. Moreover, they become (self-)reflexive as can be seen in practices of self-monitoring, self-evaluation, 360=degrees feedback by stakeholders (colleagues, partners, management, clients/patients/students etc.; Han, 2014). HRM will be less exclusively involved with strategic policies and day-to-day executive tasks within organizations, as it is focusing more on the (projective city) environment. Its role becomes that of a broker connecting professionals (their capabilities and competences reflected in their portfolios), projects and their stakeholders.

Boltanski and Chiapello have indicated a division in contemporary capitalism between a highly mobile groups of professionals – often with a cosmopolitan mindset – who travel a lot thereby extending their social networks and locally bounded or enclosed groups (the precariat!) who hardly share in the dynamics of the projective city. They might be switched off more or less permanently from the networks and

---

¹ The concept of activities in Boltanski & Chiapello (2007) is equivalent with the broad notion of societal participation in Schmid's model of the transitional labour market. They write: '... activity in the projective city surmounts the oppositions between work and non-work, the stable and the unstable, wage-earning class and non-wage-earning class, paid work and voluntary work, that which may be assessed in terms of productivity and that which, not being measurable, eludes calculable assessment.'(109).

² Boltanski's & Chiapello's projective city presupposes autonomous and self-coping individuals. But this does not hold for these (most) vulnerable groups. They might be switched off from all social networks and projects without the state government offering a minimum of existential security. It is disappointing that these post-marxist sociologists think rather uncritically in a (neo)liberal way in this respect. Social death is an euphemistic form of euthanasia.

³ The coherence of one's life course and narrative identity is, according to Boltanski & Chiapello (2007), guaranteed by self-realization which connects all these projects and activities. But does a life story not need a social and historical embedding and ultimately a metaphysical rootedness as sources of meaning, hope and direction in life? Cf. Taylor, 1989.

have less chances of accumulating new connections¹. Sennett (2018) makes a similar point from a city planning perspective. He proposes to transform natural and artificial *borders* (rivers, canals, railroads, highways etc.) in *boundaries* which favor social interaction between very diverse groups of inhabitants of a city. Borders are separating groups and neighbourhoods from one another, boundaries are porous and function like membranes facilitating specific interactions. Sennett has coined the concept of the open city as opposed to the closed city. An open city is a socially inclusive city which encourages the societal participation of all citizens².

Legitimation: the neoliberal spirit of capitalism

The world of labour and labour relations faces a crisis in its legitimation³. The self-destruction of jobs, functions, and competences raises fundamental questions about the meaning of work and the economic and social order in which it is embedded; and even more so, if the precariat and increasingly also the middle class become (partly) redundant at the labour market. Work has become fragmented and is at risk to lose its craftsmanship ('deskilling' in Braverman's apt phrase, cf. Sennett [2009]) and its meaning(fullness). Why would people work as hard and as best as they can if they are not able to get a fair share of the results (profits) of their efforts? And why do they not have an equal share in decision-making (power!) as managers and shareholders? They are called for by managers, educators, and politicians to maximize their efforts, productivity, competitiveness, and (self-)efficiency with self-exhaustion as an intended effect.

But this pathological effect is being reduced to the individual's own responsibility ('balance your work and private life'), subsequently naturalizing the economic and societal structures. Why would they risk their health and vitality (burn-outs, depressions; Han, 2014) when they are commodified as human capital and thus dehumanized by anonymous economic interests? Once again, what is the meaning of it all? Does neoliberal capitalism enforce not upon all of us an overstrained work ethos⁴? Its narrative is very revealing using time and again metaphors from warfare ('cut throat competition') and top-class sport ('the winner takes it all') rhetorics.

---

¹ Migrant groups often have quite a lot of social and cultural capital within their own communities. They have e.g. their own way of running (informal or even illegal) businesses. But they have difficulties in connecting up with the existing networks of the projective city (cf. Saunders, 2011).

² It might be an idea to contextualize Schmid's model of the transitional labour market in the framework of Sennett's open city. I doubt whether it could be integrated with the concept of the projective city because of its inherent individualistic point of departure and its division between 'great man' and 'little people' (cf. section 6).

³ Capitalism and broader: modernity have been inherently instable since their inception in the 17th century evoking crises of legitimation and meaning. For a discussion see Zijlstra (2013). Cf. Habermas (1973); Taylor (1985, 248-288)

⁴ I presuppose systematic-philosophically an intrinsic relation between the meaning and legitimation of things, i.e. the economic and social order. Weber's thesis about the historical conjunction of the Puritan (Calvinist) work ethos and the rise of modern (rational) capitalism might be controversial, but it helps to understand that the secularization of the protestant ethic as legitimation of capitalism since the 18th Century – already noticed by Weber – created an overstretched working ethos imprisoned in the 'iron cage' of economy. It has lost the biblical rhythm of rest (Sundays, Years of Sabbath and Jubilee) and work. Moreover, the secularized working ethos absolutizes work as meaningful in

I think that the neoliberal spirit of capitalism is characterized by social Darwinist overtones. It is a – in my opinion unjustified – legitimation of the survival of the fittest individuals, companies, organizations, countries and regions of the world without hope and expectation for the losers (as in Hegel’s philosophy of world history). This is expressed even in the post-marxist analysis of Boltanski and Chiapello (2007, 112-126) who presuppose a social and economic divide in the projective city between ‘great man’ and ‘little people’. ‘Great men’ act autonomously, managing (great) projects, binding people and create enthusiasm and meaning (sic!). They accumulate connections and their networks by successful projects creating a self-propelling dynamics. The ‘little people’ (the precariat and parts of the middle class or Hilary Clinton’s deplorables, AZ) are dependent upon them. They are hardly employable in these projects and are not flexible enough. They lack communicative skills and do not evoke trust of commissioners. Their basic problem is their preference for existential security at the expense of their autonomy and freedom, whereas ‘great man’ choose autonomy at the expense of security¹. Boltanski’s and Chiapello’s conceptualization of ‘great man’ and ‘little people’ is tributary to Nietzsche’s dichotomy of the brilliant *Übermensch* with the will to Power beyond the (moral) distinction between good and evil, and the moralistically inclined man in the crowd with their herd instinct due to Jewish, Christian, and humanistic morality with a focus on the weak and poor in society. I think that the current neoliberal spirit of capitalism can be best understood as (post-modern) nihilistic in its core and its ultimate consequences.

Neoliberally justified capitalism has a contingent, fragile, and instable character as the financial-economic depression and crisis of 2007-2014 has shown up. This is concealed behind a veil of tremendous economic, technological and political powers worldwide. But it may implode suddenly because of *internal breakdown* as in the financial-economic depression and crisis of 2007-2014 or in the collapse of the Soviet Union. What might be learned – with the wisdom of hindsight – from the fall of the Soviet Union (perhaps not ‘the greatest geopolitical disaster of the 20th century’) is that its ideological legitimation had already lost its appeal, even for the communist elites, a long time before the actual collapse took place. Capitalism might also *externally breakdown* due to the effects of climate change and its social and economic consequences. This will be an unprecedented crisis because of its global and even apocalyptic scale.

Conclusion

---

itself, abstracting from the puritan’s calling to glorify and honour God by doing good work(s). Cf. Bulgakov (2000), Weber (2000/1904-1905).

¹ But ‘great man’, in my opinion, do not really lack security because of their privileges, and social and economic capital. Cf. my remark on Bauman’s dilemma of freedom and security (footnote 8).

By way of a tentative conclusion, I want to derive from my preceding argument four paradoxes which may be recognized in the developed world which includes not only the Western hemisphere but also Russia, China, India, and other upcoming economies. These paradoxes have as a common denominator the crisis in the meaning of work and the legitimation of the societal and economic order.

My first paradox concerns the throw-away and deskilled character of work and its subsequent loss of meaning on the one hand and the overstrained expectations of paid work as the ultimate self-realization and source of meaning for people.¹ This creates a tension which is irresolvable in its own frame. My second paradox is related to the first one: the overstrained working ethos in the West (including life long working and learning) on the one hand and the growing numbers of (young!) people confronted with depressions and burn outs incapacitating them to work for long(er) periods on the other hand. My third paradox can be stated this way: the flexibilization of the labour market with a succession of temporary jobs and unemployment resulting in a lack of working identity and recognition for craftsmanship on the one hand and the overstrained self-maximalization of people creating their identity almost *ex nihilo* through their work on the other hand. My fourth and last paradox might be called the paradox of dehumanization and humanization: the commodification of the self in human capital and the reduction of humans to the economic man on the one hand and the yearning for meaningfulness of work in the broader context of life and ultimately Shalom or Sophia on the other hand (cf. the Bulgakov quote above and an allusion to his Sophiology which he first formulated in his philosophy of economy).

References

1. Albert M. (1993), *Capitalism versus Capitalism: How America's Obsession with Individual Achievement and Short-Term Profit has Led It to the Brink of Collapse*, New York: Basic Books.
2. Bauman Z. (2000), *Liquid Modernity*, Cambridge: Polity Press.
3. Bauman Z. (2007), *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*, Cambridge: Polity Press.
4. Beck U. (1986), *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*, Frankfurt aM: Suhrkamp.
5. Boltanski Luc; Eve Chiapello (2007), *The New Spirit of Capitalism*, London & New York: Verso.
6. Bourdieu P. (1984), *Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste*, Abingdon: Routledge.
7. Braverman H. (1998/1974), *Labour and Monopoly Capital. The Degradation of Work in the Twentieth Century*, New York: Monthly Review Press.

---

¹ This implies that the unemployed, the retired, the disabled, and children cannot have a really fulfilling and meaningful life.

8. Bröckling U. (2007), *Das unternehmerische Selbst. Soziologie einer Subjektivierungsform*, Frankfurt aM: Suhrkamp.
9. Bulgakov S. (2000, oorspr. 1912), *Philosophy of Economy. The World as Household*, New Haven: Yale University Press.
10. Castells M. (2000), *The Rise of the Network Society*, Oxford: Blackwell, 2nd ed.
11. Giddens A. (1991), *Modernity and Self-Identity. Self and Society in Late Modern Age*, Cambridge: Polity Press.
12. Habermas J. (1973), *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*, Frankfurt aM: Suhrkamp.
13. Han Byung-Chul (2014), *Psychopolitik. Neoliberalismus und die neuen Machttechniken*, Frankfurt aM: Fischer.
14. Illich I. (1971), *Deschooling Society*, New York: Harper & Row.
15. Kanneberg A. (2013), *Good jobs, bad jobs. The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s to 2000s*, New York: Russell Sage Foundation.
16. Lorey I. (2015), *State of Insecurity: Government of the Precarious*, London/New York: Verso.
17. Netherlands Institute for Social Research (Sociaal en Cultureel Planbureau; 2014), *Verschil in Nederland (Inequality in the Netherlands)*, Den Haag: SCP.
18. Netherlands Scientific Council for Government Policy (2017), *The Fall of the Middle Class*, Den Haag: WRR.
19. Nussbaum M. (2011), *Creating Capabilities. The Human Development Approach*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
20. Saunders D. (2011), *Arrival City. How the largest migration in history is reshaping our world*, London: Windmill Books.
21. Schmid G. (2015), *Sharing Risks of Labour Market Transitions: Towards a System of Employment Insurance*, *British Journal of Industrial Relations*, 53 (1), 70-93.
22. Schmid G. (2005), *Social Risk Management through Transitional Labour Markets: Theory and Practice related to European Experiences*, Revised paper for the Conference 'Transitions & Risk: New Directions in Social Policy', University of Melbourne, 23-25 February 2005.
23. Schmid G. (2010), *The Future of Employment Relations: Goodbye 'Flexicurity' – Welcome Back Transitional Labour Markets* (paper for AIAS conference on October 14, 2010).
24. Schmid G. (1998), *Transitional Labour Markets: A New European Employment Strategy*, Discussion Paper // Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, Forschungsschwerpunkt: Arbeitsmarkt und Beschäftigung, Abteilung Arbeitsmarktpolitik und Beschäftigung, No. FS I 98-206.
25. Sennett R. (2018), *Building and Dwelling: Ethics for the City*, New York: Farrar, Strauss and Giroux (to be published April 2018).
26. Sennett R. (2009), *The Craftsman*, London: penguin Books.
27. Sennett R. (1998), *The Corosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*, New York: Norton.

28. Standing G. (2014), *The Precariat: The New Dangerous Class*, New York: Bloomsbury.
29. Taylor C. (1985), *Philosophy and the Human Sciences*. Philosophical Papers 2, Cambridge: Cambridge University Press.
30. Taylor C. (1989), *Sources of the Self. The Making of the Modern Identity*, Cambridge: Cambridge University Press.
31. Weber M. (2000/1904-1905), *Die protestantische Ethik und der "Geist" des Kapitalismus*, Weinheim: Beltz Athenäum Verlag.
32. Zijlstra A. (2013), *The Neoliberal Delusion. A Religious-Philosophical Critique*, *Philosophia Reformata*, 78, 162-178.
33. Zijlstra A.; Meerman M. (2015), *Diversity in professional expertise: learning and working intertwined, outline for a research programme*, *Life Long Learning*, nr. 11, 35-48 (НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, Russian language publication in the magazine of the State Academy of Post-Graduate Pedagogical Training, St. Petersburg).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

HUMAN DEVELOPMENT AND MIGRATION PROCESSES IN SIBERIA

З.И. Калугина

*Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск*

Z.I. Kalugina

*Institute of Economics and Industrial Engineering, Russian Academy of Sciences,
Siberian Branch, Novosibirsk*

Анализируются институциональные условия воспроизводства человеческого потенциала в Сибири, определяется портфель социальных рисков, представляющих угрозу его развитию: низкие государственные расходы государства, не компенсирующие недостаток индивидуальных вложений; чрезмерное социальное расслоение общества, не способствующее экономическому росту; низкая доля среднего класса как опоры и главной движущей силы развития экономики. Делается вывод о том, что неравенство в доходах населения обуславливает неравенство в доступности образования, услуг сферы рекреации и отдыха.

The report analyzes the conditions for the reproduction of human potential in Siberia, defined a portfolio of social risks that pose a threat to human development: the low social expenditures of the state, does not compensate for the lack of private investment; excessive social stratification of society, is not promote to economic growth; low share of the middle class as a support and a major driving force of economic development. The conclusion is that inequality in incomes of the population leads to inequality in access to education, the service sector of recreation

and relaxation. The lack of the necessary conditions for human development is an important factor in internal and external migration of Siberians.

Ключевые слова: человеческое развитие, социальные риски, социальное неравенство, миграционные процессы

Keywords: human development, social risks, social inequality, migration

Развитие человеческого потенциала в регионах Сибири

Экономисты называют 20-е и 21-е столетия эпохой человеческого капитала, в связи с тем, что, во-первых, экономическая отдача от человеческого капитала превышает отдачу от капитала физического, а во-вторых, обладание человеческим капиталом многократно усиливает конкурентные позиции его владельцев на рынке труда и повышает их социальный статус. Вызовы времени ставят перед Россией революционные задачи в выборе перспектив модернизации экономики с опорой на знания и накопление человеческого капитала и более справедливого для всех слоев населения социального развития страны. В современных условиях, как показывает мировой опыт, резко возрастает роль науки, образования, инноваций во всех сферах человеческой деятельности. Сдерживающим фактором в развитии человеческого капитала является социальное неравенство в доступности услуг образования, здравоохранения, культуры. Большинство социальных доктрин развитых стран ориентированы на снижение неравенства и создание равных возможностей для всех. Для современной России такой вектор развития наиболее актуален. Выгоды от инвестиций в человеческий капитал многообразны [1].

Анализ, выполненный нами ранее [2, с. 197-214], показал, что динамика развития человеческого потенциала в Сибири была положительной, но совокупные и частные индексы развития человеческого потенциала были заметно ниже среднероссийских показателей. Сибирь, с позиции человеческого развития, представляет собой весьма неоднородную территорию. Контрасты по отдельным составляющим ИРЧП настолько велики, что создается впечатление, будто речь идет не о разных субъектах СФО, а об отдельных государствах. В Сибири представлены как территории-лидеры, демонстрирующие высокие качественные характеристики населения и успехи экономики, так и территории-аутсайдеры, занимающие наиболее низкие позиции в рейтинге регионов России по уровню человеческого развития. Это касается, в первую очередь, автономных республик и округов, где проживают коренные народности Сибири.

Портфель социальных рисков, угрожающих развитию человеческого потенциала в Сибири

В рассматриваемом контексте социальные риски: это возможные негативные последствия проводимой социальной политики, представляющие собой угрозу человеческому развитию. На каждом этапе социально-экономического развития страны и регионов портфель социальных рисков может существенно различаться.

В современных условиях главными угрозами человеческому развитию в Сибири, в нашем представлении, являются:

- *ресурсный дефицит* воспроизводства человеческого капитала;
- *низкие социальные расходы государства*, не компенсирующие недостаток индивидуальных вложений;
- *чрезмерное социальное расслоение* общества, не способствующее экономическому росту;
- *незначительная доля среднего класса* как опоры и главной движущей силы развития экономики;
- *отсутствие экономической базы* для расширения среднего класса.

Расчеты ресурсного обеспечения развития человеческого капитала в регионах Сибири произведены согласно методологии Всероссийского Центра уровня жизни. Исходные положения: доходы, равные двум прожиточным минимумам (минимальный потребительский бюджет, или бюджет выживания), обеспечивают восстановительный тип потребления. Доходы, равные шести прожиточным минимумам и выше (бюджет комфортного проживания) обеспечивают развивающий тип потребления. Согласно статистическим данным, в 2014 г. в Российской Федерации минимальный потребительский бюджет составлял 16100 руб., а бюджет комфортного проживания – 48300 руб. в расчете на одного члена семьи.

По нашим расчетам, более 8 млн. сибиряков, или 43% населения Сибирского федерального округа, располагают бюджетом, обеспечивающим им лишь восстановительный тип потребления (бюджет выживания). Заметим, что в РФ доля населения с доходами ниже величины двух прожиточных минимумов (минимальный потребительский бюджет) составляла в 2014 г. 31%. Прослойка из обеспеченных слоев населения с доходами 6 и более прожиточных минимумов была в Сибири вдвое ниже по сравнению с РФ: 8% против 16%.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что значительная доля жителей Сибири не располагает достаточными финансовыми ресурсами для развития человеческого потенциала. Удельный вес сибиряков с денежными доходами ниже прожиточного минимума здесь варьировал от 16.4% в Томской области до 34.7% в Республике Тыва. Исключение представляют Омская и Кемеровская области, где уровень бедности населения составляет 16.4 и 14.1% соответственно [3, с. 163].

Тем не менее, россияне готовы вкладывать средства в образование своих детей. По данным опроса 10,5 тыс. родителей, имеющих детей, 60% родителей готовы на серьезные материальные траты на образование детей: 70.2% – среди родителей с высшим образованием; 49.3% – среди родителей, которые окончили только школу. Образование входит в число приоритетов сбережений россиян наряду с поддержанием здоровья и отдыхом [4]. Расходы домашних хозяйств на оплату услуг образования за последнее десятилетие существенно выросли по 10% группам населения по доходам.

Значительную роль в создании благоприятных условий для развития человеческого капитала во всех странах мира играет государство, компенсируя недостаточные индивидуальные вложения. В Российской Федерации в 2014 г. государственные расходы на *образование* составили 3037,3 млрд. руб., или 4.3% от ВВП, а на *здравоохранение* соответственно – 2532,7 млрд. руб., или 3.5% от ВВП. В США на эти нужды тратилось – 16.2%, во Франции – 11.7%, в Германии – 11.3%, Канаде – 10.9%, Норвегии – 9.7%, в Японии – по 8.3% от ВВП [5]. В России доля затрат на здравоохранение, образование и культуру примерно в два-три раза ниже уровня развитых стран и не компенсируют недостаток индивидуальных вложений.

Неравенство в доходах вызывает неравенство в уровне, структуре и качестве потребления различных социальных групп и негативно сказывается на условиях воспроизводства человеческого капитала. Необоснованные социальные неравенства порождают напряженность в обществе, приводят к дезинтеграции и противостоянию общественных сил и, в конечном счете, превращаются в социальную угрозу национальной безопасности. Кроме того, на обширном статистическом материале по странам мира показано, что высокое неравенство препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов.

Правительство РФ не предпринимает решительных шагов по снижению социального неравенства в обществе и сглаживанию региональных и социальных различий в условиях воспроизводства человеческого капитала. В результате в стране сформировалась архаическая социальная структура населения с высокой долей беднейшего населения, узкой прослойкой среднего класса и мизерной долей богатого населения. По оценкам экспертов, в РФ не созданы институциональные и экономические предпосылки для расширения доступа к рыночным источникам доходов, а соответственно и к росту среднего класса. Рыночные источники доходов доступны в РФ только для 8% населения, а в развитых странах – для 20-25%. Согласно статистическим данным, в период с 2000 по 2014 гг. доля доходов от предпринимательской деятельности в РФ снизилась с 15.4 до 8.4%, а в СФО – с 17.2 до 7.8%. Доля доходов от собственности в СФО снизились с 7.9 до 3.4%, а в РФ – с 6.8 до 4.4% [3, с. 141-143].

Политические риски регионального социального неравенства

Исследования, проведенные социологами А.А. Анисимовой и О.Г. Ечевской в Новосибирске, Омске, Иркутске, показали, что осознание наиболее острых специфических проблем развития региона, несимметричность и несправедливость отношений с Центром формируют протестную самоидентификацию сибиряков. Если колонизация региона и депривация населения будут продолжаться, неизбежны различные формы протеста и актуализация проекта «Национальность – сибиряк» [6].

Во избежание политических и социальных рисков, обусловленных региональными социальными неравенствами, главным ориентиром современной социальной политики в России должен стать подъем материального благосостояния населения до уровня, достаточного для личного инвестирования в здоровье, образование, культуру и предполагающего смену индивидуальных мотивационных ориентиров с выживания на развитие. Несмотря на экономические трудности, связанные с международными санкциями, изменением конъюнктуры на мировых рынках углеводородов и других факторов, сдерживающих развитие экономики, приоритетным направлением социально-экономической политики государства должно быть развитие человеческого потенциала. Качественный прорыв в повышении уровня жизни населения может быть достигнут путем справедливого распределения природной ренты и налогового бремени между добывающими компаниями, федеральным центром и регионами.

Список литературы

1. Капелюшников Р. Сколько стоит человеческий капитал России? // Вопросы экономики, 2013, №1, с. 27-47; №2. С. 24-46.
2. Калугина З.И. Социальные тренды регионов Сибири // Регион: экономика и социология, 2013, №2. С. 197-214.
3. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб./Росстат. М., 2015. 728 с.
4. Сайт JustEconomic. Экономические нормы. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.justeconomic.ru/jusecs-91-1.html> (дата обращения: 09.08.2017).
5. Зубаревич Н.В., Горина Е.А. Социальные расходы в России: федеральные и региональные бюджеты. М., 2015 [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2015/05/19/1097215048/2015_3q_SocialSpending_fin_z.pdf (дата обращения: 06.08.2017).
6. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. – Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ МЕЖДУ СИСТЕМНЫМ И ЖИЗНЕННЫМ МИРОМ

SOCIAL ENTREPRENEURS BETWEEN SYSTEM AND LIFE WORLD

С.Г. Климова

Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук, г. Москва

S.G. Klimova

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology

of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Готовящийся закон о социальном предпринимательстве будет полезен тогда, когда позволит сохранить особенности этой сферы социально-экономической деятельности граждан. Социальные предприятия создаются не столько для экономического роста, сколько для реализации гуманитарных проектов. Базовое условие успеха таких проектов – кооперация. Для анализа феномена социального предпринимательства предлагается аналитическая схема, основанная на теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

The forthcoming law on social entrepreneurship will be useful when will keep the particularity of this sphere of socio-economic life of ordinary citizens. Social enterprises are created not only for economic growth, how to implement humanitarian projects. The basic condition for the success of such projects is cooperation. For analysis of the phenomenon of social entrepreneurship offers an analytical scheme based on the theory of communicative action of J. Habermas.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, теория коммуникативного действия, конкурентоспособность, социальная интеграция

Keywords: social entrepreneurship; theory of communicative action, competitive, social integration

Сейчас законопроект о социальном предпринимательстве, разработанный Минэкономики, проходит финальные стадии согласования. Предполагается, что социальным будут считаться предприятия, на которых: либо работают не менее трети работников, относящихся к социально незащищенным группам, и их доля в фонде оплаты труда составляет не менее 25%, либо это предприятия и учреждения, работающие в социальной сфере, в том числе оказывающие помощь людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Предполагается, что негосударственные учреждения будут иметь всяческую поддержку от властей [1]. Принятия этого закона ждут многие предприниматели, работающие в социальной сфере, работники и активисты некоммерческих организаций, эксперты, благотворители, чиновники. Закреплённый законом статус социального предприятия позволит превратить социальное предпринимательство в социальный институт – устойчивую практику с

определенным содержанием, предусматривающим типические, т.е. имеющие свойства предсказуемости и универсальности характеристики. В свою очередь, эти типические характеристики нужны для того, чтобы все участники взаимодействия имели согласованные представления о том, с чем они имеют дело, когда говорят «социальное предприятие».

Но проблема, которая, на наш взгляд, в данный момент не решена, это: как отличить социальное предприятие от бизнеса в социальной сфере?

Можно, конечно, считать любое малое или среднее предприятие, работающее в социальной сфере, социальным предприятием. Но при таком подходе малорентабельные, а то и вовсе нерентабельные, но социально значимые предприятия не смогут претендовать на привилегии по сравнению с высокорентабельными учреждениями, оказывающими социальные услуги. А с тем, что такой бизнес может быть вполне рентабельным и не нуждаться в дополнительных привилегиях, согласны многие эксперты. Это, например, дорогие СПА-салоны, частные клиники или элитные детские сады. Формальная доля труда инвалидов не решает проблемы.

Поэтому именно сейчас нужно понять специфику социального предпринимательства. Задача, на наш взгляд, в том, чтобы не столько уточнить определение того, что такое социальное предприятие, а в том, чтобы понять смысл этой практики: тот, который можно извлечь из социальных теорий, и тот, который сложился в опыте. Социальное предпринимательство уже достаточно заметно; уже меняет взаимодействие между обычными гражданами, предпринимательским сообществом и государственными структурами; уже создаёт новые механизмы коммуникации, координации и согласования интересов; нормативного регулирования (как на уровне норм повседневного общения, так и на уровне общегосударственных нормативных систем).

Теоретические концепты для описания феномена социального предпринимательства можно, на наш взгляд, найти в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Продуктивен для нашей задачи, прежде всего, тот комплекс положений теории, который описывает двойственную конструкцию общества: системный и жизненный миры.

По Хабермасу, «жизненный мир» – это intersubjectively разделенная коммуникативная практика [2, с. 242-243]. Эта практика включает культурные традиции и некоторый запас знания, формирующий идентичность и поддерживающий базовый ценностный комплекс. Это целостное знание, ресурс интерпретаций, существующий в виде культурных традиций. Это – разделяемая картина мира, среда согласия (легитимного порядка и фонового знания об этом порядке) и контекст конфликтных событий, если согласия нет. Жизненный мир,

по Хабермасу, присутствует и у индивида, и у социального окружения этого индивида. Жизненный мир – общий [2, с. 243].

Применительно к анализу социального предпринимательства жизненный мир – это мир людей, для которых и с помощью которых предприниматели действуют и добиваются успеха. Это сферы семьи, соседства, свободных ассоциаций, общественных объединений. В сотрудничестве возникает социальный проект, а не просто формальное (а бывает и фиктивное) зачисление инвалидов на работу. Для того, чтобы действовать и добиваться успеха, предприниматель должен быть частью среды: понимать «правила жизни»; разделять общие ценности и принимать заведённый порядок. И даже если его не устраивает заведённый порядок, он должен понимать, как его изменить, чтобы не разрушить базовое ценностное согласие, не поставить под сомнение свою принадлежность к данному сообществу.

Системный мир – это экономика и бюрократизированное государственное управление; безличные законы и правила. Для социальных предпринимателей системный мир – это мир нормативных установлений субъектов, обладающих правом на создание правил и надзор за их выполнением. Это государственные и муниципальные власти.

В описании того, как взаимодействуют между собой системный и жизненный миры, для нас важны утверждения, описывающие субъектов, особенности и ограничения действий.

Жизненному миру, или коммуникативной рациональности, коэкстенсивна только сфера социальной интеграции. Сферу же системной интеграции (области экономики и политики) образует телеологическое действие, или инструментальная и стратегическая формы рациональности. Системный мир Хабермас описывает как доминирование государства и законов экономики, где общественные проблемы, подобно техническим, решаются экспертами, использующими инструментально-рациональное знание.

Системный и жизненный мир – это две логически и аналитически отличные функции действия, взаимопересекающиеся в социальной действительности.

Эта идея ставит в центр рассмотрения тему взаимодействия между институтами, формирующими эти две сферы человеческой жизнедеятельности.

Хабермас обращает внимание на агрессивность системного мира и формулирует принципы демократического устройства общества. Он утверждает, что нормативный смысл демократии в том, что системный мир должен занимать подчиненное положение по отношению к социальной целостности. Функции государства – это влияние на «...границные условия

принятия решений частными предпринимателями и, в случае необходимости, предотвращение или смягчение побочных эффектов» [3, с. 124].

В случае нормативного регулирования социального предпринимательства, как и во многих других, мы имеем дело не с регулированием «по Хабермасу»: «на граничные условия и смягчение побочных эффектов», а с излишней регламентацией и формализацией повседневной деятельности со стороны государства и с конкуренцией со стороны крупного капитала в случаях, когда интересы сталкиваются.

Наше исследование социального предпринимательства показывает, что «люди с улицы», вынужденные сами решать свои проблемы за счет «народных» денег с помощью краудфандинга, кооперации, касс взаимопомощи и других способов, могут работать до тех пор, пока они не мешают большому бизнесу. Социальные предприятия используют на начальном этапе деятельности нишевую стратегию. Их ресурсы слишком малы, чтобы теснить конкурентов с уже занятых рынков. Поэтому происходит то, что Хабермас описывает как постепенное поглощение жизненного мира гражданского общества системным миром государства в тех сегментах, которые от него зависят. Жизненный мир, попадая в зависимость от экономики и государства, начинает существовать в рамках системных императивов, и это нарушает его целостность. Однако, если у жизненного мира достаточно сил сопротивляться, он формирует «социально интегрированные сферы действия, противостоящие системно интегрированным сферам хозяйства и государства. Возникают «коммуникационные сети» [4, с. 101]. У социальных предприятий коммуникационные сети включают большое число разнообразных субъектов – от партнёров по бизнесу и экспертов до получателей помощи, местных жителей, добровольных помощников, доноров.

Именно ориентация на взаимопонимание, а не на карьерный или коммерческий успех, принципиально отличает, по Хабермасу, коммуникативное действие от всех прочих видов социального действия. Эта ориентация становится способом достижения консенсуса и, как следствие, фактором солидарности в социуме. Каждое действие индивида в обществе сопровождается сопоставлением возникающих смыслов и смыслов, уже зафиксированных в культуре. Сутью коммуникации является взаимопонимание, которое помимо взаимного отказа от субъективизма, включает еще и общность жизненного мира.

Список литературы

1. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части закрепления понятия «социальное предпринимательство»)» от 11.04.17 [Эл. ресурс]. <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMB/2017110403> (дата обращения 13.06.2017).
2. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) Вопросы социальной теории. 2007. Том I. Вып. 1. С. 229-245.
3. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма. Jürgen Habermas. Das Verhältnis zwischen System und Lebenswelt im Spätkapitalismus. In: .Habermas. Theorie der Kommunikativen Handelns. 2. Bde. 3, durchges. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1985, Bd. 2., S. 504-522. © Suhrkamp Verlag, 1981 Перевод к.ф.н. В.И. Иванова THESIS, 1993, вып. 2.
4. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Д. Концепция общества Юргена Хабермаса // Современные социологические теории общества / РАН. ИНИОН; Сост. и науч. ред. Н.Л. Поляковой. М.: ИНИОН, 1996. 186 с.

**INTERNATIONAL COOPERATION AS A FACTOR OF HUMAN
DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF ACTIVITY OF THE SOCIETY
OF RUSSIAN – GERMAN MEETINGS NIZHNY NOVGOROD – ESSEN)
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОБЩЕСТВА РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИХ ВСТРЕЧ
НИЖНИЙ НОВГОРОД – ЭССЕН)**

Angelika Kuepper

*the Society of Russian – German meetings Nizhny Novgorod – Essen, Essen,
Germany*

Ангелика Кюппер

*Общество российско-немецких встреч Нижний Новгород – Эссен, г. Эссен,
Германия*

The story of establishment of the Society of Russian – German meetings Nizhny Novgorod – Essen as a symbol of social and political transformations in Germany and Russia and in the context of global foreign-policy context changing is presented. The information about social projects realized and current public activities are given.

Представлена история становления общества российско-немецких встреч Нижний Новгород – Эссен как одного из символов социально-политических трансформаций в России и в Германии и изменений глобального внешнеполитического контекста. Приводятся данные о реализованных

социальных проектах и текущих направлениях общественной активности Общества.

Keywords: sociopolitical context, Non-Governmental Organizations, international cooperation in the sphere of culture and education

Ключевые слова: социально-политический контекст, общественные организации, международное сотрудничество в сфере культуры и образования

Zunächst einmal möchte ich einen kurzen Rückblick geben auf die politische Situation in der Bundesrepublik Deutschland sowie der Sowjetunion in der Zeit nach 1968 bis 1990. Sie ist sowohl für die Gründung der Deutsch – Russischen Gesellschaft in Essen, als auch für die Städtepartnerschaft zwischen Essen und Nishnij Nowgorod von entscheidender Bedeutung.

Die offizielle Politik zwischen Ost und West war Ende der 1960er Jahre gekennzeichnet von den Blöcken des Warschauer Paktes und der NATO und einer beispiellosen Aufrüstungsspirale. Zu einer politischen Zuspitzung kam es nach der Stationierung von russischen Mittelstreckenraketen auf dem Territorium der damaligen DDR. Der Westen antwortete darauf 1979 mit dem NATO – Doppelbeschluß.

Dieser beinhaltete zweierlei: erstens Verhandlungen mit der Sowjetunion über eine Rücknahme der Raketenstationierungen, zweitens die Ankündigung der Stationierung amerikanischer Atomraketen in Westdeutschland für den Fall eines Scheiterns der Verhandlungen.

Die deutsche Regierung unter Bundeskanzler Helmut Kohl unterstützte diesen Beschluß.

1985 wurde Michail Gorbatschow Generalsekretär der Kommunistischen Partei der Sowjetunion. Er entwickelte eine neue Außenpolitik und bot dem damaligen Präsidenten der Vereinigten Staaten, Ronald Reagan, weitgehende Abrüstungsverhandlungen im Bereich der konventionellen und der atomaren Waffen an.

1987 vereinbarten die USA und die SU Rückzug, Vernichtung und Produktionsverbot all ihrer atomar bestückten Flugkörper mit Reichweiten von 500 bis 5500 km. Bis Mai 1991 erfüllten beide Seiten diesen Vertragsinhalt.

Von Anfang an gab es in Deutschland und anderen westeuropäischen Ländern viele Menschen, die mit der offiziellen Politik des Aufrüstens und der Bedrohung in Ost und West nicht einverstanden waren.

Bereits die Studentenbewegung der 1967/68er Jahre in West-Deutschland hatte mit öffentlichem Widerstand und Demonstrationen die Autorität ihrer Eltern infrage gestellt, waren diese doch die Kriegsgeneration, für die das Feindbild Rußland immer noch lebendig war. Es entwickelte sich eine breite Bürgerbewegung des

Widerstandes in ganz Europa gegen die offizielle Politik, die durch die Friedensbewegung in den USA (1962-1978) noch befeuert wurde.

In Deutschland gründeten sich berufsbezogene Friedensbewegungen wie z.Bsp. „Wissenschaftler für den Frieden“, „Juristen für den Frieden“, oder „Künstler für den Frieden“.

Eine herausragende Bedeutung in dieser angespannten Phase des Kalten Krieges für die Meinungsbildung der Bevölkerung spielte die IPPNW (International Physicians for Prevention of Nuclear War). Sie wurde 1980 von zwei renommierten Herzspezialisten aus den USA und der SU, Professor Bernard Lown und Professor Jewgenij Tschasow, Leibarzt von Generalsekretär Leonid Breschnew, in Genf gegründet zur Verhütung eines Atomkrieges. In den folgenden Jahren wurden internationale Sektionen der IPPNW ins Leben gerufen, wie im Frühjahr 1982 in der BRD und der DDR.

1984 erhielt die IPPNW den UNESCO-Preis für Friedenserziehung, 1985 den Friedensnobelpreis für ihre „sachkundige und wichtige Informationsarbeit“. die das Bewußtsein über die „katastrophalen Folgen eines Nuklearkrieges“ in der Bevölkerung erhöhte.

Auch die beiden großen christlichen Kirchen in Deutschland waren bei den Demonstrationen von Hunderttausenden Bürgern und Institutionen für die Beendigung des Kalten Krieges und der Aufrüstung dabei. So veränderte sich in den 1970er und 1980er Jahren das Bewußtsein eines überwältigenden Teils der deutschen Bevölkerung hin zum friedlichen Widerstand mit der Hoffnung, etwas verändern zu können auch gegen den Willen der Regierungspolitik.

Da paßte es nur zu gut in die Zeit, daß der sozialdemokratische Bundeskanzler Willy Brand für seine Politik der Aussöhnung zwischen der Bundesrepublik Deutschland und ihrer östlichen Nachbarn 1970 den Friedensnobelpreis erhielt. Der sogenannte „Krefelder Appell“, der im November 1980 von unzählig vielen Bürgern der Bundesrepublik unterzeichnet wurde, forderte die Bundesregierung auf, der Stationierung von atomaren Raketen der USA auf deutschem Boden nicht zuzustimmen.

In Essen gab es schon Ende der 1970er Jahre das „Essener Friedens-Forum, das von engagierten Bürgern als Arbeitsgemeinschaft Essener Friedens – Initiativen, ganz besonders auch von Seiten der Evangelischen Kirche, gegründet wurde. Bereits 1987 sammelten Christen und Mitglieder des Friedens – Forums Essen Unterschriften für eine Städtepartnerschaft mit einer russischen Stadt als Zeichen der Versöhnung und des Friedens.

Im Mai 1989, anläßlich einer Deutsch – Sowjetischen Friedenswoche in Essen, gab es bereits die Initiative zur Gründung der Gesellschaft für Deutsch – Sowjetische Begegnung, um diesem Ziel näher zu kommen. Unser Wunsch war es, mehr als

vierzig Jahre nach dem Ende des Zweiten Weltkrieges Kontakte zu den ehemaligen Kriegsgegnern in Rußland zu knüpfen und durch persönliche Begegnungen zwischen Russen und Deutschen verlorenes Vertrauen zurückzugewinnen und neu aufzubauen.

Im November 1989 fiel die „Mauer“ zwischen der DDR und der BRD. Für einen Augenblick der Geschichte schien es so, als würden sich damit die Friedenshoffnungen unserer Zeit erfüllen.

Im Januar 1990 war es dann soweit: 23 Essener Bürger/Innen haben die „Gesellschaft für Deutsch – Sowjetische Begegnung“ gegründet mit dem vorrangigen Ziel, für Essen eine russische Partnerstadt zu finden.

Ich gehöre zu den Gründungsmitgliedern und habe diese Gesellschaft von 1990 bis 2015 als 1. Vorsitzende geführt.

Die Zeichen der Zeit waren günstig. Dank Gorbatschows neuer Politik von Glasnost und Perestroika konnten wir unser vorrangiges Ziel einer russischen Städtepartnerschaft mit Essen schnell erreichen. Bereits im September 1991 wurde die Partnerschaftsurkunde feierlich in den Räumen der neu eröffneten Nishegoroder Messe unterzeichnet von der damaligen Essener Oberbürgermeisterin Annette Jäger und dem Oberbürgermeister von Nishnij Nowgorod Omar Scharadse.

Von Anfang an fühlten sich die Mitglieder unserer Gesellschaft in besonderer Weise verantwortlich für die lebendige Ausgestaltung dieser Städtepartnerschaft. Zutiefst motiviert und neugierig sind wir auf die Menschen unserer Partnerstadt zugegangen und dort mit offenen Armen und Herzen empfangen worden. Der Bedarf nach und das Interesse an deutsch – russischem Austausch war groß.

Mit der Zeit haben wir ein breites Spektrum an unterschiedlichen Kooperations- und Arbeitsfeldern gefunden, wo wir uns austauschen und unterstützen, Neues initiieren und Projekte entwickeln konnten.

Neben Kunst und Kultur, Austausch mit Religionsgemeinschaften und vielfältigen menschlichen Begegnungen durch organisierte Reisen von Essen nach NN und umgekehrt waren es vor allem drei Projektfelder, die sich im Laufe von 25 Jahren bis heute zu Schwerpunkten unserer Arbeit entwickelten. Auf diese Projekte möchte ich näher eingehen.

Von besonderem Interesse für uns waren die Fakultäten der deutschen Sprache sowohl an der Linguistischen als auch an der Lobatschewskij Universität. Hier gab es zu Beginn unserer Zusammenarbeit eine große Unterstützung mit modernen Lehrmaterialien aus Deutschland, die gemeinsame deutsch-russische Erarbeitung von Lehrstoffen und die gegenseitigen Austausche und Besuche von Professoren, Dozenten und Student/Innen. Es gab und gibt vielfältige Projekte, die jungen russischen Studenten Reisen nach Deutschland/Essen ermöglichen, nicht nur zur Förderung und Verbesserung der deutschen Sprache, sondern auch um die Lebensweise und Kultur unseres Landes zu erfahren. Immer haben wir die russischen

Gäste in Gastfamilien untergebracht um gegenseitiges persönliches Kennenlernen zu ermöglichen.

Seit 1991 gibt es eine enge Zusammenarbeit zwischen der Medizinischen Akademie in NN und dem Universitätsklinikum Essen durch einen gemeinsamen Medizinstudenten- und Ärzteaustausch. Auch hier sind neben den medizinisch – fachlichen und sprachlichen Erfahrungen in den Kliniken auch die menschlichen Begegnungen und landeskundlichen Entdeckungen für uns von besonderer Bedeutung.

Und damit bin ich nun bei unseren vielfältigen Sozialprojekten:

Seit 1993 hat unsere Gesellschaft die staatliche Erlaubnis, deutsche Jugendliche, meist Abiturienten, als Zivildienstleistende, das heißt alternativ zum Wehrdienst, nach NN zu entsenden. Nach Absprache mit Abgeordneten der Stadt- und Oblast – Verwaltung NN konnten diese jungen Deutschen für ein Jahr in sozialen Einrichtungen wie Behindertenschulen, Sozialwaisenhäusern, Kindergärten und Krankenhäusern arbeiten und Schwerbehinderte in ihren Wohnungen betreuen. Das waren sowohl für uns, als auch für unsere russischen Partner völlig neue Erfahrungen, von denen beide Seiten nur profitieren konnten. Mittlerweile sind 85 Friedensdienstleistende über die DRG nach NN gefahren und mit unschätzbaren Erfahrungen nach Deutschland zurückgekehrt. Für dieses ehrenamtliche Sozialprojekt, das in Deutschland bis heute einmalig ist, wurde die DRG 2007 in Hamburg mit dem 1.Preis für Deutsch – Russisches Bürgerengagement der Robert Bosch Stiftung ausgezeichnet.

Übrigens besteht trotz der Aussetzung des Wehrdienstes in Deutschland seit 2011 und dem damit hinfälligen Zivildienst eine steigende Nachfrage nach einem freiwilligen sozialen Jahr bei jungen deutschen Schulabsolventen.

Das soziale Engagement führte uns zwangsläufig zu der „Fakultät der Sozialen Wissenschaften“ der Lobatschewskij Universität in NN und ihrer Gründerin und Leiterin Frau Professor Dr. Sarah Saraliewa.

Seit 1996 konnte sich Frau Saraliewa mit ihren Kollegen durch zahlreiche Besuche in Essen und Umgebung ein Bild machen von dem breiten Spektrum an sozialen Einrichtungen in Deutschland. Durch eine enge Kooperation von Wissenschaftlern des neu entstandenen Lehrstuhls an der Lobatschewskij Universität mit Kollegen der Universität Duisburg/Essen konnten im wissenschaftlichen Bereich Forschungsfelder und Projekte entstehen. Das große Interesse von Frau Saraliewa bezog sich ebenso auf die breite Palette sozialer Einrichtungen in Essen, in denen praktische Sozialarbeit für bedürftige Menschen stattfindet wie z.Bsp. in der Geriatrie, bei Suchtkranken, in sogenannten Frauenhäusern, im sozialen Dienst der Bundeswehr, in Behindertenwerkstätten, oder bei psychisch Kranken, wie sie in der Einrichtung der „Essener Kontakte“ liebevoll betreut werden.

Mit großem bürokratischem Aufwand um finanzielle Unterstützung aus EU – Geldtöpfen ist es uns gelungen, seit nunmehr 6 Jahren in Kooperation mit dem Lehrstuhl der Sozialwissenschaften der Lobatschewskij Universität junge russische Student/Innen für 1 Jahr nach Essen einzuladen. Parallel zu ihrem Studium können sie in sozialen Einrichtungen der Evangelischen Kirche praktische Sozialarbeit leisten. Mittlerweile sind 12 Student/Innen aus NN in Essen gewesen und haben wichtige und prägende Erfahrungen aus einem anderen Land mitnehmen können.

Lassen Sie mich zum Schluß noch etwas sagen zu unserer Deutsch – Russischen Gesellschaft in Essen.

Wir sind kein Verein im üblichen Sinne. Sondern eine Initiative von individuellen Persönlichkeiten mit unterschiedlichen Interessen und Professionen, Schwerpunkten und Ideen, die wir in all den Jahren in ehrenamtlicher Arbeit in diese Gesellschaft eingebracht und für die wir uns dann auch verantwortlich gezeigt haben. Wir haben uns russische Kooperationspartner gesucht und sind, wenn nötig, auch auf die Suche nach finanzieller Unterstützung gegangen. Dabei konnten wir stets auf die Unterstützung sowohl in Essen als auch in NN zählen, wenn wir sie brauchten.

Was uns alle angetrieben und motiviert hat, ist die Liebe zu Rußland und seinen Menschen, der Wunsch, etwas gemeinsam zu schaffen, was uns menschlich näherbringt und von dem beide Seiten profitieren können.

So ist in all diesen Jahren ein solides Fundament an Gemeinsamkeiten entstanden, das auf Vertrauen, Zuverlässigkeit und Berechenbarkeit baut.

Das ist ein hohes Gut, was wir auch weiterhin bewahren und ausbauen wollen.

Wir sind und bleiben eine offene und unabhängige Gesellschaft, in der sich Bürger mit uns gemeinsam für lebendige Beziehungen in unseren Partnerstädten engagieren können.

**ПОТЕНЦИАЛ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В
СТРАТЕГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
THE POTENTIAL OF RELATIONSHIPS BETWEEN CHILDREN AND
PARENTS IN STRATEGIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY**

С.Н. Майорова-Щеглова

Московский государственный психолого-педагогический университет

S.N. Maiorova-Scheglova

Moscow State University of Psychology & Education

На основании данных исследований последнего пятилетия доказывается, что большая доля детско-родительских отношений в семьях с детьми подросткового возраста сегодня носят деструктивный для будущего развития

общества характер. На эту ситуацию влияют несколько факторов развития общества, детской и родительской общностей.

Using the data of the studies conducted within previous 5 years, the author stands for the fact that the big part of relationships between parents and teenagers have a destructive impact for future society development. Many factors of society development and family relationship development influence on this situation.

Ключевые слова: дети, родители, социальные отношения, ресурс, гламуризация детства, демонстративность родительской роли

Keywords: children, parents, social relationships, resource, glamurization of childhood, parental role show off

Детско-родительские отношения мы относим к социальным отношениям особого рода. Для возникновения их между детьми и родителями требуется, чтобы обе стороны соотносили друг с другом (понимали, оценивали, выстраивали) свои взаимодействия и придерживались образцов соответствующего поведения. *Мы склонны рассматривать детско-родительские отношения* не просто как социопсихологический феномен, а как социальное явление, которое несет в себе определенный потенциал для развития общества. Форма отношений между детьми и родителями, доминирующая на современном этапе, важна не только для оценки сегодняшней ситуации состояния детства. *От опыта детско-родительских отношений, установок, полученных сегодня, зависит, будут ли выросшие поколения стремиться завести свою семью, воспитывать, а не просто растить детей, заботиться о старшем поколении.*

Как оценивать потенциал этих отношений для будущего, а именно для выстраивания проекции отношения между поколениями «отцов и детей» в социуме? Взаимодействия (контакты и единичные действия) становятся социальными отношениями только благодаря ценностям, которых группы людей хотели бы достичь. В идеале такой ценностью между родителями и детьми выступает понятие «мы – семья, родные люди; мы – друг для друга». Различаются два самых общих типа взаимоотношений. При гармоничных отношениях (сотрудничество или кооперация) участники взаимодействия имеют согласованные ценности, их деятельность не противоречит ни установкам, ни поведению других и она осуществляется с обоюдной выгодой для семьи. Прочные или, как говорят, гармоничные детско-родительские и родительско-детские отношения показывают схожесть интересов семьи. Деструктивные отношения характеризуются устойчивыми отрицательными чувствами детей по отношению к родителям и родителей по отношению к детям, члены семьи перестают адекватно воспринимать друг друга, это

порождает цепь взаимно конфликтных поведенческих актов, вплоть до разрыва родственных отношений.

В традиционных социопсихологических исследованиях считается, что родительское отношение является доминирующим, именно совершение старшими каких-то действий влечет за собой действия другой стороны [1, 2]. То есть стереотипизируется «норма»: любовь к ребенку и позитивные действия родителей порождают ответное положительное отношение детей. В современной ситуации России мы выделяем *семь противоречивых факторов развития детско-родительских отношений*. 1. Трансформация традиционной семьи (неполные семьи, гостевые браки, сводные сиблинги и др.) вынуждает детей играть «новую» недетскую роль [3]. Например, восполнять в семье ровесника взрослого, или ребенка убеждают, что от его отношения к новому папе и его детям зависит стабильность новой семьи. 2. Современные родители не имеют знаний общей педагогической (народной, повседневной) культуры, так как сами представляют собой поколение единственных детей, выросших в нуклеарных семьях. Они склонны отрицать прошлый педагогический опыт своих старших и предпочитают в вопросах воспитания использовать анонимные советы в сетях. 3. «Интенсивное, ответственное» родительство провоцирует не положительный, а скорее отрицательный отклик у детей. Выполняя многочисленные предначертанные родителями указания (раннее обучение, многообразие получаемых образовательных программ), ребенок лишается собственного детства, и это, по данным современных исследований, ухудшает отношение детей к родителям. Так, например, по данным 2017 г. Ю.А. Старостиной, опережающее обучение дошкольников приводит к тому, что дети чувствуют себя исключительно объектом оценки, повышается их напряженность и тревожность по отношению к родителям, присутствует дефицит общения с детьми, отсутствие телесного контакта, душевной привязанности с матерями [4]. При этом, согласно опросам А.А. Бесчасной, до четверти родителей из городов-миллионников считают свою роль очень трудно выполнимой и обозначают границу детства в 21 год [5]. 4. Демонстративность родительской роли. Мы фиксируем желание родителей соответствовать социальным ожиданиям общества и возвращением ребенка как предмета гордости [6]. Со стороны родительских отношений в данном случае наблюдается условное принятие ребенка, желание полной регламентации его жизни для того, чтобы его интеллектуальное развитие опережало норму и это можно было бы продемонстрировать. 5. Искажение процессов внедрения прав ребенка. Дети в своем поведении все чаще руководствуются предписаниями и объяснениями их прав вне семьи и демонстрируют высокую степень критичности. Считается неприличным, неправильным считать самим и

прививать детям установку, что ребенок – это часть «социального страхования» родителей в старости, а сегодня участник жизнеустройства семьи. Сравнительное исследование мнения родителей из разных городов (А.А. Бесчасная, 2015г.) показало, что распространенными видами труда детей в семье стали выполнение школьных домашних заданий, посещение дополнительных образовательных программ, помощь по дому по поддержанию порядка только в своей комнате, своих вещах. Лишь в сельской местности и в небольших городах дети продолжают традиционно ухаживать и присматривать за младшими детьми, готовить пищу, помогать по дому и в огороде. 6. Идеи развития ориентированной на детей индустрии товаров и услуг, гламуризация детства (вендинг-торговля, event-индустрия, шоу, конкурсы детской моды и т.д.) приводят к неадекватному поведению родителей и детей. Родители не довольны этой тенденцией и одновременно поддерживают ее. Детская потребительская группа, вооруженная рекламой, уже не просит, она требует. «Выпрашивание чрезмерно дорогих покупок», по данным опроса родителей, одна из главных причин ссор в современной семье. 7. Закономерности развития информационного общества приводят ко все большим социокультурным различиям между поколениями [7-9]. Дети осознают свое превосходство над родителями в знаниях и умениях по ряду аспектов (компьютеры, сети, потребление), а поэтому в глазах таких детей родители теряют право на руководство их поведением и оценку.

Что мы имеем в результате? *Дисгармоничные детско-родительские отношения, проявляющиеся в нескольких компонентах*: недооценка родителей и прародителей как ценностно значимых людей; восприятие детьми родителей не как воспитателей, а в ролях организаторов их личной жизни; негативные эмоции по отношению к родителям и прародителям, преувеличенное самомнение; проявление повышенной тревожности, агрессивности, истерики, непослушания, манипуляции для расширения потребительских и правовых практик, завышенных для возраста. Не случайно наши исследования уже констатируют: современные подростки уверены, что школьные годы они должны преимущественно тратить на личностное развитие (68%), а не на помощь семье (40%) [10].

Таким образом, мы считаем, что большая доля детско-родительских отношений в семьях с детьми подросткового возраста сегодня носят деструктивный для будущего развития общества характер. На эту ситуацию влияют несколько факторов развития общества, детской и родительской общностей. Осознание и принятие этого факта требует особой работы – *ориентации по использованию ресурса детско-родительских отношений*. Поддержка этого ресурса должна проводиться в нескольких направлениях

информационной, просветительской деятельности: Шире должно быть организовано научное просвещение об особенностях и нормах развития ребенка; Акцент в просвещении родителей на тех, у кого дети пока дошкольники; Развивать сеть профессиональных специалистов с использованием социальных сетей; Ориентировать государственные социальные и психолого-педагогические службы на развитие средств коррекции деструктивных детско-родительских отношений в расширительном смысле; Подростков ориентировать на социально активные действия прежде всего на благо своей семьи и малой родины, а не участие в грандиозных событиях.

Не государство, не волонтеры, а прежде всего выросшие дети должны поддерживать старшее поколение морально, материально, деятельностно, коммуникационно. Для этого и нужно использовать потенциал детско-родительских семейных отношений.

Список литературы

1. Ждакаева Е.И. Деструктивные детско-родительские отношения как фактор девиантного поведения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. №4. С. 56-59.
2. Фомина Л.К. Понятие и типы детско-родительских отношений // Молодой ученый. 2014. №2. С. 704-707.
3. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. №2 (34). С. 118-123.
4. Старостина Ю.А. Феномен форсированного развития дошкольников в современной российской семье: дисс. ... к.психол.н.: 19.00.13. Москва. 2017. 199 с.
5. Бесчастная А.А. Особенности жизни детей в условиях современных российских городов: дисс. ... д.с.н.: 22.00.04. Саранск. 2016. 391 с.
6. Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: коллективная монография / Науч. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. 206 с. 1 CD ROM.
7. Губанова А.Ю. Новые термины и понятия тезауруса детства информационной эпохи. От детства к взрослости: вариации нормы и особенности развития. Сборник докладов II Межвузовской конференции молодых ученых. М.: МПГУ, 2017. С. 9-12. Режим доступа: <http://мпгу.рф/wp-content/uploads/2014/10/Ot-detstva-k-vzroslosti.-Sbornik-statey-II-Mezhvu-zovskoy-konferentsii-molodyih-uchenyih.pdf> (дата обращения 30.06.17).
8. Митрофанова С.Ю. Точки отчета и конструкты «взрослости» в представлениях детей о своей будущей жизни // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. №7 (150). С. 131-138.

9. Митрофанова С.Ю. Штифанова Е.А. Роль информационных технологий и гаджетов в социализации детей // Экономика и социология. 2015. №1. С. 18-23.

10. Майорова-Щеглова С.Н. От тимуровца – к волонтеру: родители о благотворительной деятельности школьников // Народное образование. 2014. №9. С. 220-224.

**КОНЦЕПЦИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**
**THE CONCEPT OF COMPLIANCE WITH THE RIGHTS AND FREEDOMS
OF CITIZENS: A REGIONAL ASPECT**

Н.Т. Отделкина
Уполномоченный по правам человека в Нижегородской области
N.T. Otdelkina
Ombudsman for human rights in Nizhny Novgorod region

Анализируется деятельность уполномоченного по правам человека Нижегородской области и предлагается создание Концепции соблюдения прав и свобод человека и гражданина, которая будет направлена на развитие культуры прав человека в регионе.

The activity of the human rights commissioner for the Nizhny Novgorod region is analyzed and it is proposed to create the Concept of observance of human and civil rights and freedoms that will be aimed at the development of a culture of human rights in the region.

Ключевые слова: соблюдение прав и свобод человека и гражданина, Концепции соблюдения прав и свобод человека и гражданина, институт Уполномоченного

Keywords: observance of human and civil rights and freedoms, the Concept of observance of human and civil rights and freedoms, the institution of the Ombudsman

2017-ый год – особый для правозащитного сообщества нашей страны. 20 лет назад, 12 февраля 1997 г., Советом Федерации был одобрен федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в России».

В основе почти любой проблемы лежит не столько юридическая коллизия, сколько элемент социальной несправедливости, некачественное администрирование или откровенное пренебрежение достоинством личности. Законы не только дают права, но и ограничивают их. И институт Уполномоченного создан не для формально-юридических, а для сущностных, социальных и человеческих оценок конфликта интересов личности и государства.

За прошедшее время институт государственного правозащитника заслужил доверие граждан и высокую оценку экспертного сообщества. Правовая помощь, оказываемая Уполномоченным по правам человека в РФ и региональными омбудсменами, является действенным и эффективным инструментом в решении самых острых и злободневных проблем граждан. Как мы отмечаем в нашей деятельности, значительно возросло количество и качество межведомственных коммуникаций Уполномоченного по правам человека в Нижегородской области с органами государственной власти, местного самоуправления, правоохранительными, контрольно-надзорными, иными организациями и учреждениями. Это – показатель новой тенденции в развитии института Уполномоченного, направленный на всестороннее межведомственное взаимодействие и обмен информацией для разрешения отдельной правовой проблемы. Это также говорит о повышении координирующей и экспертной роли регионального Уполномоченного при взаимодействии с государственными органами и должностными лицами.

Институт Уполномоченного становится экспертной площадкой, где можно обсуждать актуальные проблемы, формировать систему определённых и конкретных действий с различными структурами и ведомствами, общественностью, проводить поиск эффективных технологий в практике правозащитной деятельности. Благодаря такому взаимодействию появляется возможность своевременно и оперативно реагировать на наиболее чувствительные темы, затрагивающие права и законные интересы как многих людей, так и каждого человека в отдельности.

Сегодня мы выступаем с инициативой создания у нас в регионе Концепции соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, что послужит началом формирования единого профессионального правового пространства Нижегородской области. О необходимости создания Единой национальной стратегии защиты прав человек в России на федеральном уровне заявляет и Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова.

Концепция соблюдения прав и свобод человека и гражданина в Нижегородской области направлена на развитие культуры прав человека в регионе. В структурированной форме она будет содержать меры по укреплению политических, гражданских, экономических, социальных, культурных и иных прав.

Ключевыми принципами являются конституционно закреплённые принципы реализации прав человека:

- человек, его права и свободы являются высшей ценностью;
- признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина
- обязанность государства;

- все граждане имеют равные права;
- права и свободы человека являются непосредственно действующими и неотчуждаемыми;
- произвольное ограничение прав и свобод недопустимо;
- осуществление человеком своих прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц.

Цели Концепции:

- повышение качества жизни населения и уровня социальной справедливости;
- достижение системности и эффективности государственных механизмов реализации и защиты конституционных прав и свобод человека, укрепляющих доверие к государственной власти;
- создание условий, обеспечивающих гражданам и их объединениям возможность реализации своих прав;
- достижение высокого уровня индекса человеческого развития;
- активизация институтов гражданского общества, участвующих в правозащитной деятельности на территории Нижегородской области.

Приоритетные направления совершенствования реализации прав человека и механизмов их защиты:

- совершенствование механизмов восстановления нарушенных прав и свобод человека и гражданина;
- нормативное закрепление и контроль выполнения государственными органами конституционного принципа приоритета прав и свобод человека как высшей ценности;
- гармонизация отношений государственных и общественных институтов;
- развитие системы общественного контроля;
- совершенствование механизмов правовой помощи и обучения.

Конечной задачей реализации Концепции станет определение приоритетных направлений совершенствования системы защиты прав человека в Нижегородской области, выработка конкретных мер и способов защиты, которая будет способствовать усилению гарантий обеспечения прав и свобод человека.

**ПОДДЕРЖКА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ –
ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНЫХ УСЛУГ
SUPPORT OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS AS PERFORMERS
OF PUBLIC USEFUL SERVICES**

Т.Э. Петрова
*Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет)*
T.E. Petrova
Moscow Aviation Institute (National Research University)

Рассматриваются вопросы государственной поддержки некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг.

The article presents experience of support of socially oriented NGOs.

Ключевые слова: государственная поддержка, социально ориентированные некоммерческие организации, взаимодействие, разгосударствление социальных услуг

Keywords: state aid, socially oriented NGOs, cooperation, privatization of social services

Впервые понятие «некоммерческая организация – исполнитель общественно полезных услуг» (далее – НКО, ОПУ) прозвучало в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2015 г. [1], где были предложены инновационные решения по поддержке и развитию некоммерческого сектора. Они нацелены на обеспечение государственной поддержки НКО, которые зарекомендовали себя как надежные партнёры государства в оказании ОПУ населению, путем обеспечения для них равного с государственными учреждениями доступа к бюджетным средствам, предоставления льгот и преференций. Во исполнение перечня поручений Президента РФ от 8 декабря 2015 г. № Пр-2508 по реализации Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 3 декабря 2015 г. принят ФЗ от 3 июля 2016 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О некоммерческих организациях» в части установления статуса НКО – исполнителя ОПУ» [2], вступивший в действие с 1 января 2017 г.

Статус, введенный в законодательство по поручению Президента, предполагает обновленный характер взаимоотношений НКО и государства. Способов поддержки НКО, которые занимаются важной для общества деятельностью, немало – это президентские гранты, субсидии на поддержку общественных организаций в рамках реализации государственной программы «Социальная поддержка населения»; субсидии, предоставляемые в отдельных регионах.

Сегодня мы вышли на принципиально новый этап взаимоотношений между государством и некоммерческим сектором. Государство приглашает НКО к равноправному участию в оказании ОПУ наравне с государственными учреждениями. Для этого в обществе сложились необходимые предпосылки. Гражданское общество стало более активным, НКО накопили опыт, стали обладать достаточными профессиональными знаниями, возможностями, что даёт им возможность оказывать такого рода услуги не хуже, а в ряде случаев и лучше, чем это делают государственные учреждения.

Сегодня большое количество НКО в России оказывают услуги пожилым людям и инвалидам, помогают тяжело больным детям и детям-сиротам, поддерживают людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Для них равный доступ к оказанию услуг за счет средств бюджета – это предложение стать партнерами государства на постоянной основе.

НКО – исполнителем ОПУ может быть признана социально ориентированная НКО при соблюдении следующих условий:

- должна на протяжении одного и более года оказывать общественно полезные услуги надлежащего качества,

- не должна быть некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента,

- не должна иметь задолженностей по налогам и сборам, иным, предусмотренным законодательством РФ, обязательным платежам.

ОПУ должны оказываться по приоритетным направлениям деятельности, перечень которых утвержден Указом Президента РФ от 8 августа 2016 г. № 398 «Об утверждении приоритетных направлений в сфере оказания общественно полезных услуг» [3], а на его основе Правительством РФ утвержден перечень общественно полезных услуг (постановление Правительства РФ от 27 октября 2016 г. № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» [4]).

Это достаточно широкий перечень, который включает услуги по содействию в трудоустройстве несовершеннолетних граждан; социальной адаптации безработных граждан на рынке труда; содействию занятости и самозанятости инвалидов; социальному сопровождению семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья; социально-бытовой адаптации инвалидов; оказанию социальной помощи детям, инвалидам, гражданам пожилого возраста; профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; профилактике социального сиротства; содействию устройству детей на воспитание в семью; психолого-медико-педагогической реабилитации детей; санаторно-курортному лечению детей и молодежи; присмотру и уходу за детьми; дополнительному образованию

граждан пожилого возраста и инвалидов; профилактике социально значимых заболеваний; патронажу семей, имеющих лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями; паллиативной медицинской помощи. Также утверждены критерии оценки качества оказания общественно полезных услуг, такие как наличие у лиц, непосредственно задействованных в исполнении общественно полезной услуги, необходимой квалификации; удовлетворенность получателей качеством оказания услуг; доступность информации о некоммерческой организации – исполнителе общественно полезных услуг; отсутствие указанной организации в реестре недобросовестных поставщиков. Это призвано обеспечивать надлежащее качество общественно полезным услуг.

НКО, которая удовлетворяет этим требованиям, включается в реестр исполнителей ОПУ на два года, по истечении которых она может быть вновь признана исполнителем ОПУ в упрощенном порядке.

Новый статус НКО влечет за собой получение в приоритетном порядке дополнительных мер поддержки. Ключевой преференцией для многих НКО является особый, льготный порядок доступа к бюджетным средствам.

Если НКО наделяется статусом исполнителя ОПУ, тем самым она получает «сертификат качества» своей деятельности. Это означает, что средства бюджета используются эффективно, целевым образом, что нет жалоб и нареканий на ее работу со стороны тех, кому социальные услуги оказываются. А значит, бюджетные субсидии могут предоставляться НКО на более длительный срок, без сомнения, что показатели качества будут выдерживаться в течение всего периода.

Помимо этого для таких НКО предусмотрено предоставление государственными организациями телерадиовещания и печатных изданий, бесплатного эфирного времени и бесплатной печатной площади, а также введение в полномочия органов государственной власти и МСУ подготовку, дополнительное профессиональное образование работников и добровольцев НКО.

В соответствии с указанным законом постановлением Правительства РФ от 26 января 2017 г. № 89 «О реестре НКО – исполнителей ОПУ» [5] утверждены правила принятия решения о признании социально ориентированной НКО исполнителем ОПУ и ведения реестра НКО – исполнителей ОПУ.

Для включения в реестр некоммерческим организациям необходимо получить заключение о соответствии качества оказываемых общественно полезных услуг установленным критериям.

Распоряжением Правительства РФ от 8 июня 2016 г. №1144-р утвержден план мероприятий «Поддержка доступа негосударственных организаций к

предоставлению услуг в социальной сфере», призванных расширить участие негосударственного сектора экономики в оказании услуг в социальной сфере.

33 субъекта Российской Федерации уже утвердили планы по обеспечению доступа к оказанию услуг в социальной сфере, в ближайшее время эта работа будет завершена в остальных регионах.

В ряде регионов 10-процентный уровень доступа социально ориентированных организаций к бюджетным средствам, выделенным на оказание услуг, уже достигнут и даже превышен. В числе лидеров можно отметить Пермский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Республику Башкортостан.

Все необходимые условия созданы, теперь крайне важно, чтобы НКО активно включились в новый процесс, а региональные и муниципальные власти оказывали всю необходимую помощь и содействие в этом.

Список литературы

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 3 декабря 2015 года [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 08.08.2017).

2. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации – исполнителя общественно полезных услуг» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200638/ (дата обращения: 17.07.2017).

3. Указ Президента РФ от 08.08.2016 г. № 398 «Об утверждении приоритетных направлений в сфере оказания общественно полезных услуг» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202901/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 10.07.2017).

4. Постановление Правительства РФ от 27.10.2016 г. № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_206497/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 10.07.2017).

5. Постановление Правительства РФ от 26 января 2017 г. № 89 «О реестре некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_211967/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 10.07.2017).

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОГО
В ЧЕЛОВЕКА-КОНСЮМЕРИСТА НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ
THE TRANSFORMATION OF THE SOVIET MAN TO
THE MAN-CONSUMERIST AT THE TURN OF THE CENTURY**

В.Б. Романовская, В.И. Цыганов
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
V.B. Romanovskaya, V.I. Tsyganov
Lobachevsky University

Созданная в условиях социализма единая общность – советский народ прекратила свое существование одновременно с породившим ее государством и его идеологией. Канувший в Лету «Моральный кодекс строителя коммунизма» был заменен на новую либеральную идеологию, которая пропагандировала индивидуализм и все возрастающие материальные и гедонистские потребности, потребности тела, а не духа. Это предопределило направление вектора трансформации человеческого капитала на рубеже эпох.

Created under socialism, a single community – the Soviet people, has ceased to exist simultaneously with gave birth to her state and its ideology. Sunk into Oblivion "the Moral code of the Builder of communism" was replaced by the new liberal ideology which promoted individualism and ever-increasing material and hedonistic needs, the needs of the body, not the spirit. This determined the direction of the transformation of human capital at the turn of the eras.

Ключевые слова: Постмодерн, консюмеризм, человеческий капитал, либерализм, образование, воспитание, духовные ценности

Keywords: Postmodernism, consumerism, human capital, liberalism, education, upbringing, spiritual values

Прошло ровно тридцать лет с момента, когда был взят курс на перестройку, на поворот в сторону запада, и двадцать пять лет с момента официального прекращения жизни великой страны – Союза Советских Социалистических Республик. Это вполне достаточный период для проявления разных признаков социальной трансформации.

Шлюзы для новой идеологии открылись одновременно с распадом страны. Изменение границ государства, появление новых самостоятельных и амбициозных соседей, национальных лидеров, оказавшихся под влиянием западных инвесторов, – все это очень быстро повлияло на состояние постсоветского общества. Во внутренней политике России, обедневшей территориально и демографически, а также финансово и идеологически, легко победил либерализм как идейно-политическое течение и как основа деятельности новой власти.

Медиа-пропагандисты, выразившие точку зрения либеральных политиков, уверяли, что перестройка является необходимым периодом для нового импульса развития страны, которая, якобы, находилась в состоянии застоя, для воспитания нового поколения (старое окрестили презрительным словом – совки), которое будет более открытым, смелым, прогрессивным, лучше образованным, мобильным и т.д. и т.п. Сочинялись новые образовательные проекты, старт-апы, образовательные услуги, точки роста, образовательные продукты, кластеры – все в терминологии постмодерна в его американской интерпретации. За этими привлекательными словами уходили в тень и совсем пропадали советские образовательные традиции, далеко не самые плохие, давшие в прошлом прекрасные плоды и признанные во всем мире. Ушло понимание идеи воспитания в процессе образования, ушла идеологическая составляющая, которая ранее была направлена на формирование любви к родине, гордости за свое отечество, за военные и трудовые подвиги предков. Взамен этого постепенно стали внедряться идеи личной успешности, конкуренции, конкурентоспособности, приоритета прав человека, индивидуализма, приоритета частного над общим. Если раньше человек воспитывался с пониманием, что он есть социальная личность, часть социального организма, то теперь – как индивидуум, свободный и независимый. Коллективизм – одна из центральных идей социализма был побежден воинствующим индивидуализмом, подкрепленным социальной селекцией успешных. Причем «успешными» стали, прежде всего, те, кто успел приватизировать национальные богатства разрушенного государства, и те, кто смог встроиться в новую систему распределения бюджетных средств.

На фоне безграничной свободы слова, свободы печати, свободы проявлений человеческих амбиций и обид и ненависти к советскому прошлому выросло новое поколение – постперестроечное, не знавшее настоящей интернациональной дружбы, настоящего школьного товарищества, походов на байдарках, туристических маршрутов по сложным трассам, песней у костра о дружбе и любви и прочих проявлений преимуществ коллективизма. Романтизм, который прежде был присущ молодым образованным людям, постепенно отмирал, уступая место холодному прагматизму. Началось стремительное расслоение общества по принципу успешности, образовавшиеся новые страты создавали свою субкультуру, свои традиции отношений и концепцию жизни.

Можно сказать, что с этого времени началось видимое изменение так называемого «человеческого потенциала» в сторону его понижения. Снижение интеллектуального уровня большинства школьников замечают сегодня практически все учителя, которые имеют стаж работы более тридцати лет. Устный счет для многих школьников становится сложной работой, поскольку

дома они пользуются калькулятором. Грамотная письменная речь ручкой на бумаге стала большой проблемой, поскольку проще печатать на компьютере с помощью автоматического режима исправления ошибок. Старшее поколение преподавателей ВУЗов также отмечают, что у современных студентов память заметно хуже, творческий потенциал ниже, сила воображения меньше, даже способности к пересказу слабее, чем у советских студентов. Отчасти это можно объяснить резко увеличившимся спросом на высшее образование, появление частных вузов и зачислением на платной основе заведомо слабых абитуриентов. Но не только эти вполне объективные причины. С того момента, как компьютеры прочно вошли в жизнь школьника, студента, молодого специалиста, начался процесс медленного, но неуклонного снижения личного интеллектуального потенциала молодых. Еще более ухудшилась ситуация с появлением айпадов, смартфонов и других научно-технических «игрушек». Легкий выход в интернет для получения любой информации сделал излишним чтение книг, журналов, походы в картинную галерею, музей, выставку. Выполнение домашних заданий школьниками стало развитием навыков пользования интернет-подсказками, а не серьезной умственной работой. Компьютерные игры и чаты заменили молодежи общение в реальном мире. Традиционные трудовые коллективы постепенно меняются на виртуальные. Дистанционное образование с помощью электронно-управляемых курсов, которые сейчас так популярны на западе и активно внедряются в российскую образовательную практику, либо не предполагают реального общения учителя и ученика, либо сводят его к минимуму. В каких-то случаях и при определенных обстоятельствах данная система может быть полезна и социально оправданна, но делать ее главным трендом российского образования вряд ли было бы правильно. Не все технологии, хорошо зарекомендовавшие себя в США, подходят для России. Традиции Учительства не связаны с информационными технологиями, но именно они давали плоды в течение многих десятилетий. Между учителем и тьютором существует большая дистанция.

Поколение девяностых выросло уже на зыбкой почве чужеродных идеалов. Это поколение консьюмеристов, прагматиков, рационалистов, «разумных эгоистов», амбициозных карьеристов, функционирующих во всех общественных сферах, от политики до образования. Это его верхний срез, образованная часть, «золотая молодежь». Достижения идеологического понимания с ними сейчас уже невозможно. Только в валютном формате. А про другую его часть – рекетиров, бандитов, интердевочек и др. представителей молодежи «андеграунда» режиссеры и писатели создавали романы, снимали фильмы, наполняя телевизионное пространство новыми героями и примерами

новой жизни. Государство было не в состоянии заниматься воспитанием. В 90-е годы оно спотеряло целеполагание и вместе с ним – жизнеспособность.

Чуть лучше обстоят дела с поколением нулевых годов. Государство очнулось и осознало, что образование без воспитания, в том числе и патриотического, дает на выходе не гражданина отечества, а рабочую силу для западных государств. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности РФ» [1] содержит вдохновляющие слова о том, что в России «Возрождаются традиционные российские духовно-нравственные ценности. У подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России. Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа РФ, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм». Это принципиально важные слова. Если они будут реализованы в политико-правовой действительности, то могут стать новым импульсом трансформации человеческого потенциала от консюмеризма к духовно-нравственным ценностям, которые традиционно были присущи российскому народу.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности РФ» // Правовая система «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296054/#ixzz4glo8eeQH> (дата обращения: 01.04.2017).

РОЛЬ СЕМЬИ В РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА THE ROLE OF A FAMILY IN HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT

З.Х. Саралиева

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Z.H. Saralievа

Lobachevsky University

Человеческий капитал является предметом активных междисциплинарных исследований. Наш интерес концентрируется вокруг одного из акторов реализации человеческого потенциала – семьи. Что она должна уметь, какой быть, чтобы преодолеть препятствия процесса конвертации потенциала в капитал.

Human capital lies at the core of active interdisciplinary research. Our interest focuses on one of the actors which helps develop human potential – the family. What must be its abilities, what sort of a family it must be to overcome the obstacles on the way to convert potential into capital.

Ключевые слова: человеческий потенциал, проблемы и препятствия в его реализации, роль семьи

Keywords: human potential, problems and obstacles in its implementation, role of a family

Биопсихосоциальная природа человека требует усилий по формированию, поддержанию, развитию, реализации его потенциала по всем трем компонентам.

В этой связи отметим, как минимум, трех акторов этого процесса: самого человека; его семью и ближайшее окружение; социума и его важнейших институтов.

Важно исследовать позиции этих акторов по нескольким параметрам.

1. Их усилия могут совпадать/не совпадать по мотивам и средствам достижения;

2. Один из акторов может сопротивляться, бездействовать или противодействовать;

3. Может превалировать акцент на одной из составляющих, например, на биологической (здоровье, питание, среда обитания) или преувеличенном внимании к психологическим факторам, либо абсолютизации социальных ресурсов.

Категорию человеческий потенциал будем рассматривать в совокупности владения семьей материальными, личностными и социальными ресурсами.

Из триады *формирование – совершенствование/наращивание – реализация* человеческого потенциала рассмотрим, с нашей точки зрения, наиболее сложный этап – *реализации*, то есть конвертируемости потенциала в капитал. Подходя к этому с позиции социального взаимодействия личности и социума, выделим актора, опосредующего этот процесс в пространстве и во времени, – семью. И в этом случае семья рассматривается и как социальный институт, и малая социальная группа.

В первом случае семья идет рука об руку с другими институтами – труда, образования, права, здравоохранения, политики, армии, церкви, ориентируя своих членов на самостоятельное жизнеобеспечение, прежде всего, но и не пренебрегая возможностью обратиться за помощью к внешнему миру. Необходимо семью рассматривать погруженной в социальный мир, в социальные условия в их широком толковании.

Во втором случае речь идет о внутрисемейной сфере развития человека. Позитивный вклад семья может внести лишь в том случае, если займет истинно просемейную позицию, чтобы суметь защитить, поддержать, помочь, проконтролировать, научить преодолевать латентные и открытые конфликты, трудности и напряжение, не допустить ослабления функциональности, дезорганизации и неблагополучия, воспитать социальную субъектность.

В разное время обществоведы предлагали разные критерии меры экономического, политического и социокультурного развития общества: степень эмансипации женщин; право на труд; величина рабочего дня; счастье свободного труда; уровень общего образования; ожидаемая продолжительность жизни; технический прогресс; уровень и качество жизни; преодоление острой социальной дифференциации; состояние межэтнических и межконфессиональных отношений; количество Нобелевских лауреатов; количество студентов; ненасилие и толерантность; каждому отдельная квартира; права и свободы человека; право меньшинства стать большинством.

Что может и должна из этого перечня взять на себя семья, какой она должна быть, что обеспечить реализацию человеческого потенциала? Функциональной, успешной, многоструктурной, многопоколенной, основанной на доверии и эмпатии, высококачественной, органически солидарной.

Что должна уметь семья?

1. Создать благоприятную внутри – и внесемейную среду. Осознание семьей своего предназначения в формировании, совершенствовании, реализации человеческого потенциала всех своих членов; быть социально ответственной; включенной в современные социальные сети; осваивать новые семейные роли по мере расширения семьи, воспринимать новое во взаимоотношениях.

2. Способность к реализации семьей человеческого потенциала определяется ее жизненными стратегиями. Только нацеленность на преимущественно самостоятельное жизнеобеспечение, полноценное функционирование и сохранение целостности семьи, внутрисемейную сплоченность, способность к саморегулированию отношений, ответственное родительство, просемейный менталитет и образ жизни, полноправное взаимодействие с социумом.

3. Успешность семьи в реализации человеческого потенциала требует многовекторного – горизонтального и вертикального – взаимодействия, вовлекающего всех членов семьи.

По аналогии с социализацией можно говорить о принципе всеобщности внутрисемейных связей, хотя нередко семья, в силу своей слабых ресурсов, может сосредоточиться на вложении своих усилий, создания режима

наибольшего благопариятствования только для одного ребенка или кого-то из родителей. Но при этом необходимо иметь в виду, что ядром семейной системы являются родители/глава семьи.

Исследования семьи выявили две модели ее функционирования в зависимости от качества и позиции родительского ядра: = позитивного, успешного; = модель рассогласованности внутрисемейных связей, превращение семьи в клиента социальной работы (в лучшем случае) или ее распад. Заметим, что в критерии позитивной модели вводим способность семейного ядра успешно справляться с проблемами своих детей, своих родителей и родственников, в том числе – в ракурсе нашей темы – способствовать реализации их человеческого потенциала [1].

4. Полнота семейной структуры определяет, при положительной заряженности ценностей, способность семьи к самосовершенствованию. Г. Зиммель писал о корреляции между размером группы и формированием индивидуальности [2], помогающей в реализации человеческого потенциала.

Поддержание потенциала, его реализация во многих случаях требуют гораздо больших, возрастающих усилий, постоянной артикуляции, рефлексии возникающих проблем, препятствий. Рассмотрим некоторые из них.

= Государственная семейная политика не ставит такой задачи напрямую, поэтому может влиять опосредованно, содействуя поддержанию функционального потенциала и ресурсности семьи. Это мешает утверждению субъект-субъектной парадигмы взаимодействия семьи и социума.

= Слаборесурсность семьи в силу разных причин (неполнота структуры; проблемная функциональность; многодетность на фоне малообеспеченности, внутрисемейная конфликтность в широком диапазоне причин, конкуренция, зависть; ролевая асимметрия; ценностная рассогласованность; хронические болезни, инвалидность кого-то из членов семьи, девиантные отклонения в поведении, сложности межпоколенных и сиблинговых взаимоотношений, фактическая денуклеаризация семей взрослых детей из-за вмешательства старшего поколения; низкая конфликтологическая культура, нетерпимость, насилие; непропорциональность/диспропорция потенциалов членов семьи).

= Родительское ядро может быть ослаблено бедностью, психолого-педагогической некомпетентностью, отсутствием привычки к обучению, познанию нового, косностью, когнитивной ограниченностью. При этом возможен перекоп в воспитании, смещение акцента, главным образом, на практические навыки приспособления к материальному миру. Так транслируется определенное пренебрежительное отношение к теоретическому, научному освоению среды. Эта тенденция тем более опасна, что проявляется на фоне растущей ориентации родителей на обязательное высшее образование для

своих детей. В этом не только противоречие между задачами и формами реализации человеческого потенциала, но самой системы высшего образования (синдром «любого, лишь бы высшего образования» как инструментальная ценность, элемент демонстративного потребления образования, гонка за количеством дипломов; стремление к получению дипломов высшей школы vs «троечные» зачетки). Высшее образование перестало быть нормально функционирующим лифтом в вертикальной мобильности, а используется как отсрочка на несколько лет в выходе на рынок труда после школы или получения среднего технического образования. Отсюда массовые вакансии на места рабочих профессий или их занятие выпускниками вузов. А это имеет уже социетальные последствия – неправильная реализация человеческого потенциала, нарушение общественно необходимой последовательности: продолжительность обучения – уровень квалификации, содержание труда – его оплата.

= Расхождение между объективными характеристиками потенциала и субъективной оценкой его семьёй – «не хуже других», «мы, как все», «мы другие», «мы лучшие». Отсюда и разные, более или менее адекватные, стратегии формирования и реализации человеческого потенциала. Комплекс неполноценности (повышенная самокритичность, перфекционизм) – преувеличенная самооценка – безразличие/ апатия как возможные реакции семьи ведут или к задержке реализации человеческого потенциала, или к отставанию семьи от требований социума. Нередко семья, не доверяя себе, колеблется перед выбором способов и практик социализации детей: или (если средства позволяют) индивидуальное обучение, няни, гувернантки, группы развития, раннее обучение иностранным языкам; или абсолютизация общественных форм обучения и воспитания – детские ясли, детский сад, школа с продлёнкой, вплоть до кураторов студенческих групп.

Чем полнее, разностороннее семейный потенциал, тем ответственнее и успешнее семейное ядро, тем гармоничнее сочетаются подходы к реализации человеческого потенциала, тем больше социальное пространство совершенствования личности как самоцели и критерия зрелости общества.

Список литературы

1. Саралиева З.Х. Социально-психологическая субъектность и компетентность семьи // Вестник ННГУ. Серия: Социальные науки. Вып. 1(2). Н.Н., Изд-во ННГУ, 2002. С. 179-189.

2. См.: Социология и социальная антропология // Межузовский сборник. Изд-во: «Алетейя». СПб., 1997. С. 104.

**СТАНДАРТ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ
УРОВНЕ: ПОТЕНЦИАЛ СНИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА
STANDARD OF DEVELOPMENT IN COMPETITION AT THE REGIONAL
LEVEL: POTENTIAL OF REDUCING SOCIAL INEQUALITY**

М.Л. Теодорович, Н.Н. Патокина
*Управление Федеральной антимонопольной службы
по Нижегородской области*

M.L. Teodorovich, N.N. Patokina
Department of Federal Antimonopoly Service (Nizhny Novgorod region)

Поднимаются вопросы применения стандарта развития конкуренции для регулирования социального неравенства. Стандарт рассматривается как универсальный инструмент федерального уровня, гибко подстраивающийся под региональную ситуацию за счет мониторинга. Регулирование социального неравенства изучается на основе проактивного подхода, исходящего из повышения качества жизни населения через управление доступностью товаров/услуг и расширения возможностей для экономической активности.

The paper is devoted to the issues of employing the Standard of development in competition for the regulation of social inequality. The Standard is considered as the federal universal tool, but flexibly adapted to a regional situation by monitoring. The study in the regulation of social inequality is based on the pro-active approach which explores the influence of goods/services accessibilities and economic activities to the improvement in life quality of the population.

Ключевые слова: стандарт развития конкуренции, социальное неравенство, регионы

Keywords: standard of development in competition, social inequality, Russian regions

В современных условиях регулирование социального неравенства рассматривается как одна из важнейших задач государственного управления, способствующая устойчивому развитию общества [1]. В международном индексе уязвимости государства [2] способность государства решать вопросы социального неравенства занимает одно из ведущих мест. Основная масса исследователей [3; 4] в качестве основных государственных инструментов в управлении неравенством рассматривает налоговые и дистрибутивные системы социальной защиты. В то же время, в условиях дефицитов бюджетов все чаще возникают попытки не просто перераспределить ресурсы между социальными группами, но создать условия для изменения экономической активности и потребительских возможностей различных групп.

В качестве одного из таких направлений государственного регулирования рыночного развития, направленного на повышение уровня жизни населения и снижение социального неравенства, может рассматриваться механизм развития социально ориентированной конкуренции. Данный механизм предусматривает воздействие на социальное неравенство за счет:

1) снижения барьеров для развития предпринимательства, повышающего ресурсную обеспеченность семей предпринимателей и создающего дополнительные рабочие места;

2) создание конкурентной среды, способствующей снижению цен и повышению доступности товаров для населения;

3) поддержку рынков социально значимых товаров, потребление которых напрямую связано с качеством жизни населения;

4) устранение неравенства в доступе к информации для продавцов и потребителей.

Ключевыми этапами в процессе создания социально ориентированной конкурентной политики стало утверждение Правительством РФ в 2012 г. дорожной карта развития конкуренции и совершенствования антимонопольной политики, а также разработка Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации [5].

Внедрение Стандарта развития конкуренции позволило рассматривать стратегии развития отраслей и региона и, соответственно, поступательно выстраивать работу региональных отраслевых органов исполнительной власти, а затем и муниципалитетов, через призму развития конкуренции. Уже на этапе разработки Стандарта предполагалось, что деятельность всех участников процесса содействия развитию конкуренции на региональных рынках должна основываться на осуществлении обратной связи с потребителями и другими заинтересованными сторонами, а также на принципе открытости и доступности для них информации о системе мер, процедурах и решениях, направленных на поддержание конкуренции. Проведение мониторинга удовлетворенности потребителей является ключевой составляющей принятия эффективных управленческих решений. Положениями Стандарта предусмотрено ежегодное проведение уполномоченным органом исполнительной власти субъекта по содействию развитию конкуренции в регионе мониторинга состояния и развития конкурентной среды на продуктовых рынках, включающего в себя:

➤ мониторинг удовлетворенности потребителей качеством товаров, работ и услуг на товарных рынках субъекта Российской Федерации и состоянием ценовой конкуренции, предусматривающий:

— выделение групп потребителей товаров, работ и услуг в соответствии с их социальным статусом (учащиеся, пенсионеры и др.);

— сбор данных об удовлетворенности качеством товаров, работ и услуг потребителей, приобретавших товар, работу и услугу в определенный период, в том числе данных о наличии жалоб со стороны потребителей в надзорные органы по указанной проблематике и динамике их поступления в сравнении с предыдущим отчетным периодом;

— сбор данных о восприятии и динамике оценки потребителями состояния конкуренции между продавцами товаров, работ и услуг в субъекте Российской Федерации посредством ценообразования.

➤ мониторинг деятельности субъектов естественных монополий на территории субъекта Российской Федерации, предусматривающий: сбор данных о развитии конкуренции и удовлетворенности качеством товаров, работ и услуг на выявленных рынках потребителей товаров, работ и услуг, предоставляемых субъектами естественных монополий.

С учетом региональной и местной специфики в процессе организации и проведения исследований на территории Нижегородской области используется инструментарий (анкета), позволяющая оценить удовлетворённость потребителей качеством товаров, работ, услуг, деятельностью органов исполнительной власти в части развития конкуренции на социально значимых товарных рынках, оценить уровень административных барьеров.

В 2014-2015 гг. ежегодные социологические исследования проводились на двух площадках – г. Нижнем Новгороде и г. Городце (Нижегородская область), в 2016 г. – во всех муниципальных районах и городских округах Нижегородской области. Такого рода исследования позволяют оценить степень удовлетворенности населения региона различными видами услуг (образования, медицины, спорта и пр.), понять тенденции по различным периодам, провести сравнительный анализ.

По ряду направлений проводился более подробный мониторинг удовлетворенности граждан не только услугами отрасли в целом, но и качеством предоставления достаточно широкого спектра наиболее востребованных государственных и муниципальных услуг, оказываемых в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ) на территории Нижегородской области.

Несмотря на ограниченный круг обследуемых видов деятельности, результаты достаточно информативны и служат важным индикатором для принятия управленческих решений как на региональном, так и муниципальном уровне. Ежегодное проведение Мониторинга удовлетворенности потребителей выполняет функцию обратной связи, субъекты управления вносят определенные коррективы в проводимую политику и работают с причинами неудовлетворённости. Важным является представление о том, какие факторы

определяют специфику социальных запросов. Это позволит органам власти более глубоко и всесторонне оценить социальные запросы к государству для эффективного формирования модели социальной политики. Мониторинг открывает возможность фокусировки усилий при выявлении указанной специфики в процессе последующего партисипаторного взаимодействия заинтересованных сторон.

Введение Стандарта развития конкуренции на региональном уровне позволяет сформировать новый тип управленческой технологии, направленный на регулирование проблем социального неравенства за счет проактивного подхода и активизации социальных ресурсов российских регионов.

Список литературы

1. Поланьи Карл. Избранные работы. Серия: Университетская библиотека Александра Погорельского, 2010. 200 с.
2. Fragile States Index Annual Report, The Fund for Peace, 2017.
3. Wulfgramm (2016) Welfare State Transformations and Inequality in OECD Countries, Palgrave Macmillan DOI 10.1057/978-1-137-51184-3.
4. Esping-Andersen G. and Myles J (2011) Economic Inequality and the Welfare State The Oxford Handbook of Economic Inequality DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199606061.013.0025
5. Стандарт развития конкуренции в субъектах РФ: распоряжение Правительства РФ от 05 сентября 2015 года № 1738-р [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://fas.gov.ru/vazhnaya-informacziya/standart-razvitiya-konkurenczii/> (дата обращения: 13.09.2017).

ПУТЬ К СОЦИОЛОГИИ НЕ БЫЛ ПРОСТЫМ THE WAY TO SOCIOLOGY WAS NOT SIMPLE

В.Н. Ярская-Смирнова
*Саратовский государственный технический университет
им. Гагарина Ю.А.*
V.N. Yarskaya-Smirnova
Yuri Gagarin State University of Saratov

Анализируется не только общий план возвращения в российское пространство социологии как науки и научной дисциплины, но и личный опыт автора подхода к социологии на жизненном пути.

The article examines not only the General plan of returning to the Russian space of sociology as a science and academic discipline, but also the personal experience of the author's approach to sociology in life's journey.

Ключевые слова: социология, капитализм, гуманитаризация, экстремизм, солидарность, технократизм

Keywords: sociology, capitalism, humanitarization, extremism, solidarity, technocracy

2017 год – не только 100 лет революции в России, но и 150 лет опубликования 1 тома Капитала Маркса (из выступлений на конференции ЕСА).

«Передельвая = переосмысливая Европу: капитализм, солидарности, субъектности» – название 13й конференции Европейской социологической ассоциации (ESA), которая состоялась в Афинах 27.08 – 01.09.2017. В эпицентре европейского кризиса главный вопрос: как должна развиваться социология, как она объяснит капитализм и солидарность в процессах пересмотра Европы? Европейское сообщество, государства благосостояния под угрозой, противоречия капитализма всё сильнее: Греция испытала последствия жёсткой экономии, неолиберальной политики, рост неравенства.

На конференции продемонстрирована поддержка социологической науки со стороны правящих структур, правительства, в качестве одного из докладчиков на Пленарном выступил Министр медиа. Социология – не только про общество, семью и группы, это способ мышления. Представляют проблему для социальных наук авторитаризм, расизм, ксенофобия, экстремизм, насилие, фундаментализм. В секции по профессиям обсуждался микроуровень профессионального статуса, мобильности, глобализация ИТ-индустрии, цифровизация и стандартизация как средство профессионализации социальной работы (SW). Понятие профессионализма делает упор на социальных работниках как заметных деятелей в области социальных проблем.

Отечественные философские кадры в 60-70-х формировались из разных наук, во многих университетах не было философских факультетов, недавно мы имели то же самое в социологии – вначале она была реанимирована как наука, а социологическое образование не существовало, социологи рекрутировались из математиков, философов, экономистов. Аспиранты и докторанты 60-70-х активно участвовали в симпозиумах, семинарах и школах, ездили в Грузию, Прибалтику, Украину, в Ленинградский, Московский, Свердловский и Тартусский университеты, ИФ АН СССР, ВКШ. Нам повезло в жизни, время определяло интеллектуальное пространство эпохи, общение с блестящими собеседниками: Гайдено, Гирусов, Лекторский, Мамчур, Мочалов. Критикуя позитивизм, советская философия сама была его определенной версией, и это спасало от ограниченного и политизированного варианта философствования – например, издавали сборники по методологическим проблемам познания.

В конце 80-х стал заметным разрыв между экономическим объяснением хозяйственных реформ и отсутствием новых теоретических представлений о социальной реальности, нужна была научная интерпретация культурной эволюции советского общества. Это означало новые темпоральности, свободу, выбор задолго до их социологической и политической рефлексии, возможность ухода от ксенофобии и дискриминаций в различных дискурсах. Это и технократический расизм, когда не уважают гуманитарные проблемы, например, только физики важны, или только белая раса важна, тогда и возникают эксклюзия, фундаментализм и экстремизм. Перестройка 90-х была глобально устремлена к демократии, но не знала технологий перехода, оказался живучим этакратизм, возникли ошибки из-за стремления все завершить мгновенно, административное рвение, авторитарное государство, слабое гражданское общество.

А самые первые кафедры социологии и истории социально-политических учений, гражданского права и социализма были открыты в Саратовском университете ещё в 1920 г. Я занялась поиском персоналий того времени по просьбе Б. Докторова.

Профессор Института народного хозяйства и Института Красной профессуры и ректор Саратовского университета И. Разумовский в 20-е гг. выступал по проблемам социальной философии и социологии, преподавал исторический материализм на факультете общественных наук. В соотношении теории и метода приоритет отдавал методу: научная теория каждой науки есть её методология. Подвергся критике за недооценку учения об общественно-экономической формации и трактовку идеологии как классового ненаучного сознания.

Второй известный в истории социологии Саратова персонаж – С. Каценбоген (1889-1946) – советский государственный деятель, философ, социолог, организатор социальной науки в Беларуси и России в 20-х гг. За критику экономической политики советской власти понижен в должности, разжалован из профессоров в преподаватели. Читал курсы по генетической, общей и марксистской социологии, истории первобытной культуры. С 1925 г. был зав. кафедрой исторического материализма, с 1928 по 1932 – ректор СГУ.

Особое место занимает Г. Маннс (1884-1938) – ученый-юрист, криминалист, зав. кафедрой уголовного права Саратовского юридического института, а с 1927 г. – профессор, директор Фундаментальной библиотеки Саратовского университета. Научный консультант при раскрытии тяжких преступлений, блестящий лектор, автор исследований по беспризорности, определению способов совершения преступлений, профессиональным

особенностям преступников, включая идентификацию. В 1937 г. расстрелян, реабилитирован посмертно.

В Питере, как известно, возглавлявший кафедру социологии ПГУ П. Сорокин эмигрировал в 1922 г. через Ригу и Прагу – в Штаты (1924 г.), стал ведущим учёным мировой социологии. И фактически в 1930-х процесс развития отечественной социологии был прерван, а длительный перерыв в преподавании социологии закончился практически лишь через 50 лет.

В 60-70-х появились имена, которые невозможно было не заметить, они сразу повлияли на конкретное обращение к социальным наукам, причем не только в теоретической части, но и инструментам. Это были ленинградские исследователи О. Шкаратан, В. Ядов, осуществившие переворот в социологической картине мира, благодаря их масштабным исследованиям промышленных предприятий отечественная социология снова стала наукой.

Возрождение саратовской социологии началось в 70-х тоже с промышленной тематики в Лаборатории социально-экономических исследований Политехнического института, где работали трудовики, накапливая бесценный опыт полевых работ. Разрабатывались проекты комплексного развития и планирования промышленных предприятий и районов. Прикладные исследования аграрного сектора стали активно проводиться в Институте АПК, позже социологическое направление ИАП РАН возглавил П. Великий.

В 1986 г. на базе СГТУ открылся первый в Саратове Социологический центр, в котором стали осуществляться полевые исследования. Так, в 1988 г. в Марксе и Марксовском районе опросили 250 респондентов по проблеме республики немцев Поволжья, провели ПДИ на заводе «Радон», исследования показали чёткую дифференциацию общественного мнения. В 1991 г. по заказу «Автомост» провели опрос двух тысяч респондентов об отношении водителей, пользователей железнодорожных переездов к строительству платных путепроводов в Саратовской и Московской области. В 90-е провели «Социологический анализ проблем семьи в Саратовском регионе» и «Позиции и взгляды депутатов областного и городских советов на деятельность местных органов власти».

Наши усилия оценил В. Ядов, в середине 80-х мы фактически начали осуществлять формирование научной школы, помогая становлению будущих исследователей. Это направление вводило от схоластического теоретизирования в русло активной социальной жизни. Под влиянием Т. Заславской было организовано в 1988 г. региональное отделение ВЦИОМ, оно работало до 2012 г. Глубокий след оставила общесоюзная программа «Общественное мнение», созданная в 1987 г. А. Овсянниковым, сформирова-

ровались академические межвузовские связи, профессиональные и дружеские сети, запомнились социологи из Барнаула, Волгограда, Иркутска, Казани, Москвы, Самары. Саратовцы ценили участие в программе, жалели, что с развалом Союза ее расформировали, но с социологией уже не расставались.

Истоки теории и практики уводили в Чикагскую школу, исторически знаменательные годы, когда одновременно разрабатывались принципы первых социологических школ и школ социальной работы. Появилась необходимость готовить квалифицированные кадры по социологии, открыли аспирантуру, затем докторантуру по научным социологическим специальностям. В 90-х преподаватели прошли стажировки в университетах США и Европы.

На первых порах новые кадры, приглашенные работать в Соццентр, кроме нескольких практиков, в основном были теоретиками, практического опыта не хватало, но вскоре многие из них получили возможность обучения, начались образовательные программы по социологии – ВСК на базе Высшей комсомольской школы (сейчас МосГУ), затем – курсы Института социологии РАН. Осуществлялся проект Научного парка в Межрегиональном учебном центре ФСЗ как развитие Социологического центра, появляются сразу несколько дополнительных направлений роста научной школы. В 1992 г. вышел Указ Ельцина «О Федеральной службе занятости России», назначен руководитель, прогрессивно мыслящий и чрезвычайно образованный чиновник из перестроечной когорты Ф. Прокопов. Создавалась Федеральная система занятости, и в учебном центре, ставшем подразделением только что организованной системы, появился Научный парк: мы отобрали наиболее талантливых молодых людей из университетов.

Мы убедились, что занятость не является сугубо экономической проблемой, как тогда было принято считать, – семантика этой категории богаче, социальнее. В регионы рассылались и с помощью ФСЗ внедрялись методики работы этих служб, здесь почти четверть века назад создавались образовательные курсы, велись научные исследования, это было привлекательнее чисто исполнительской работы во ВЦИОМе. Сегодня именно в социологии намечена связь социальной и жизненной представленности времени. Методология как ядро теории анализируемой проблемы содержит универсальные образы культуры, целостные представления о социальном мире. И одновременно – их схемы переживания.

Между тем, неадекватность системы подготовки кадров состоянию не только глобального, но и российского рынка труда способствовала углублению дисбаланса профессиональной структуры спроса и предложения, росту безработицы молодых специалистов. Отсутствует система взаимодействия социальных институтов для задач профессионального самоопределения,

интеграции в социум, рынок и трудоустройство. Например, падение престижа инженерных специальностей обнажило задачу стратегического регулирования внутренней образовательной политики по отношению к техническим вузам, и причины некачественного образования в них стали искать в наличии там социальных наук. Так, в 2015-16 гг. по решению ведомства Ливанова была произведена реорганизация научно-образовательной структуры социального направления, открытого в начале 90-х и успешно развивавшегося на протяжении 25 лет в лоне технического университета. Реорганизация означала переход от гуманитаризации к узкой профилизации технического образования. Результатом стали отмена бюджетного финансирования магистратуры, а затем и закрытие диссертационного совета по социологии.

И техническое, инженерное образование непременно имеет социальный дискурс, это ценность не только для модернизации, стратегий новых технологий. Профессия инженера является созидательной силой конструирования городов, удобных для жизни населения, включает понятие универсального дизайна как способа смягчения социального неравенства городского пространства и времени, создания безбарьерной среды. Носители социальной урбанистики, воспроизводства культуры становятся экспертами и агентами повышения уровня комфортности, привлекательности российских городов и их инфраструктуры благодаря не только социальной составляющей самого инженерного образования, но и специалистам в сфере инклюзивной культуры, городской социологии, выпускникам социологической направленности в любом вузе. Важнейший социальный дискурс университетского инженерного образования – в направленности на улучшение качества жизни населения, социальный статус и социальное самочувствие, развитие социальной сплочённости и социальной безопасности. Жёстко разделить социальное и техническое знание и образование, значит серьёзно навредить обществу. Эта очевидная истина часто не принимается во внимание, не только в повседневном, обывательском менталитете, но и на высоких уровнях управленческого сознания.

Недавно на Международной конференции ректор РГСУ Н. Починок представила данные в РФ: около 90 тыс. специалистов по соцработе требуется в год, а выделяется по бюджету средств на подготовку всего 3,5 тыс. специалистов. Эта потребность существует не только в учреждениях образования, но и других сферах народного хозяйства.

Кафедры социально-гуманитарного блока зарекомендовали себя как центры культурной и социальной работы с населением, детьми, пожилыми, бесплатных курсов, детских студий. Гонения на социально-гуманитарные науки под предлогом их непрофильности (получившее развитие после не совсем

удачной формулировки сверху), предпочтение прикладной подготовки в ущерб фундаментальной не создают ни конкурентоспособности новой страты в смысле профессионала, ни нравственного укрепления интеллигенции. Магическая модернизация не предусматривает этого сочетания, все более *разделяя* умственные усилия гуманитариев и технарей, хотя гуманитарии в вузах традиционно – центры местной социальной работы с населением, детьми. Мировое сообщество говорит о междисциплинарном знании, а мы сознательно отделяем техническое образование от социального – это шаг назад от гуманитаризации образования.

Развитие следующего поколения, ренессанс профессий социального работника, инженера, социолога связан с необходимостью отказа от перекосов и флюсов абсолютной профилизации обучения. Понятие профильная специальность используется в разном контексте для поддержки и достижения нерыночных целей. Воспроизводство специалистов высокой культуры оказывается под вопросом, конструируется барьер между своим и чужим, выпускников, соответствующих и не соответствующих профилю. Обсуждение фундаментальных процессов в системе профессионального образования подменяется обсуждением состава специальностей вузов, их соответствия *профилю*.

Между тем формирование высокого социального статуса будущего специалиста, социальной ответственности, чувства патриотизма, интеграции знаний, синтеза профильного и универсального образования опирается на необходимость воспитания способности к исследовательской и предпринимательской деятельности, социальной работе, межкультурной коммуникации, инклюзивной культуре.

**КАТЕГОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ; ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ЦЕЛЬ
И СРЕДСТВО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
HUMAN POTENTIAL AS A GOAL AND MEANS
OF SOCIAL DEVELOPMENT**

В.Н. Аргунова
Вятский государственный университет
V.N. Argunova
Vyatka State University

Рассматриваются существующие теоретические подходы к изучению человеческого потенциала: ресурсный и личностный. Выявляются возможности этих подходов для выявления перспективных путей и ведущих трендов формирования человеческого потенциала.

Existing theoretical approaches to the study of human potential are considered: resource and personal. The possibilities of these approaches are revealed to identify promising ways and leading trends in the formation of human potential.

Ключевые слова: человеческий потенциал, личностный потенциал, потенциал социальной общности, ресурсный подход, личностный подход

Keywords: human potential, personal potential, potential of social community, resource approach, personal approach

«Человеческий потенциал» как научное понятие стало активно использоваться в отечественном обществознании сравнительно недавно, с конца 90-х – начала 2000-х гг. Его появление в понятийном аппарате было вызвано объективными, социально-экономическими причинами, связанными с необходимостью эффективного использования имеющихся у населения страны трудовых навыков, знаний и т.д. Именно в таком прикладном и прагматичном ключе были написаны статьи Т.И. Заславской, развившей ресурсный подход к трактовке человеческого потенциала [1, с. 7-8]. Согласно этому подходу, человеческий потенциал является социальным феноменом, мало зависит от личностных качеств индивидов; он социален не только по происхождению, но и по своим проявлениям. Он представляет собой готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной

конкуренции с другими странами; системно дополняет структурные признаки общественного устройства и является целостной характеристикой жизнеспособности общества [1, с. 10].

Формирование человеческого потенциала в данном подходе рассматривается как объективный процесс, в наименьшей степени зависящий от личности. Это объясняется тем, что человеческий потенциал «закреплен в таких физических и духовных качествах граждан, значительная часть которых зависит от генофонда страны, условий социализации новых поколений и особенностей национальной культуры. Характер менталитета, структура ценностей, типы личностей сравнительно слабо изменяются на протяжении жизни людей, в значительной мере передаются от поколения к поколению» [1, с. 12].

По мнению Т.И. Заславской, человеческий потенциал представляет собой социентальный индикатор, который отражает социально значимые качества составляющих данное общество граждан. Уровень человеческого потенциала во многом определяет положение разных стран в мировом сообществе [1, с. 12]. Ресурсный подход широко используется при изучении потенциала региона, страны, организации, позволяет охарактеризовать имеющийся объективный «запас» человеческих качеств. Социальная детерминация человеческого потенциала имплицитно предполагает возможности для формирования необходимых для социума социальных качеств. Человек, как носитель данных качеств в этом случае выступает как объект целенаправленного воздействия со стороны активных субъектов общественной жизни. Таким субъектами могут выступать государственные структуры, а также слои и социальные группы, занимающие в существующей социальной структуре высшие позиции.

Вектор социальной направленности «желаемых» качеств членов социальной общности будет во многом определяться социальными целями, задачами, идеалами субъектов, участвующих в формировании человеческого потенциала. Если эти цели соответствуют интересам национальной общности, то общество получит «прирост» человеческого потенциала. Если эти группы замкнуты на себе, а государство служит этим узким целям, то человеческий потенциал будет поглощаться верхушкой социальной структуры. Поэтому использование теорий человеческого потенциала на макроуровне предполагает, на наш взгляд, такого рода социальную экспертизу.

Наряду с ресурсным подходом при изучении человеческого потенциала применяется также личностный подход, представленный исследованиями О.И. Иванова [2], И.Г. Саксельцева [3] и др. Данный подход учитывает активность человека по реализации своих социальных качеств. Обращается внимание на то, что человеческий потенциал, как совокупность социальных

качеств, может быть реализован лишь только тогда, когда каждый его носитель – конкретный человек – готов к его реализации. Готовность выполнять определенные виды деятельности, по мнению О.И. Иванова означает, что тот или иной человек и (или) группа может приступить к деятельности без специальной подготовки, как профессиональной, так и социально-психологической. То есть, в готовности как одной из внутренних компонент потенциала в преобразованном виде представлены и потребности, способности, и ранее сформированная мотивация к выполнению той или иной деятельности [2, с. 150].

Подчеркивается, что социальный потенциал реально существует в личностных потенциалах. Вопрос о реальном существовании человеческого потенциала коллективных субъектов общественной жизни (группы, общностей, народа, этноса, общества, человечества в целом) является дискуссионным. Недостаточно ограничиться простым постулированием целостности потенциалов коллективных субъектов общественной жизнедеятельности. Нельзя также ограничиться тезисом о том, что совокупный человеческий потенциал не сводим к сумме индивидуальных человеческих потенциалов. Этот тезис нуждается в специальном обосновании. Необходимо, в частности, обнаружить механизм порождения целостного человеческого потенциала на основе взаимодействий личностных потенциалов [2, с. 143].

По мнению О.И. Иванова, ядро человеческого потенциала составляют человеческие способности, поэтому человеческий потенциал формируется как потенциал каждого члена общества, потенциал малых групп, различных социальных организаций (предприятий, корпораций и т.п.). Человеческий потенциал больших социальных общностей (населения, народа, этноса, молодежи, женщин, слоев, классов и т.п.) недоступен для непосредственного воздействия. Такие потенциалы можно формировать опосредованно [2, с. 145].

Данный подход наряду с объективными характеристиками человеческого потенциала социальной общности предполагает выявление субъективной готовности членов данной общности к тому или иному виду деятельности. Анализ человеческого потенциала социальной группы движется от личности к общности, помогает дифференцировано оценивать состояние готовности к реализации членов той или иной социальной общности.

Для актуализации человеческого потенциала необходимы две группы условий: внешние и внутренние. Это означает, во-первых, что имеющиеся в наличии человеческие качества должны быть востребованы обществом, а во-вторых, чтобы люди были готовы их использовать. Использование данного подхода позволяет учитывать как социальные запросы, идущие от общества,

так и желание индивида использовать социальные качества. Человек сам делает окончательный выбор, проявляя собственную волю и желание.

В теориях человеческого потенциала выделяются системные уровни и структурные элементы человеческого потенциала; различаются личностный, групповой, общностный, региональный, национальный уровни человеческого потенциала, отмечается их тесное взаимодействие. Однако, как уже было отмечено, в ресурсном подходе человеческий потенциал не сводится к сумме личностных потенциалов, это надындивидуальная сущность. По мнению сторонников личностного подхода, элементарная единица человеческого потенциала общности, страны – потенциал отдельного человека. Взаимодействуя друг с другом и объединяясь в различные социальные группы, общности, люди создают человеческий потенциал группы, общности, который по своей мощности превосходит потенциалы отдельных личностей (отдельные личности могут приходить в группы и уходить из них, но созданный при их участии групповой потенциал остается). Группы, взаимодействуя друг с другом, создают человеческий потенциал более высокого уровня, потенциал страны, государства. Так создаются, взаимодействуют, взаимоусиливаются или взаимоослабляются разные человеческие потенциалы, или разные уровни единого совокупного человеческого потенциала.

В анализируемых теориях человеческий потенциал представлен в качестве средства общественного, а не личностного развития. Общественные запросы рассматриваются ведущей детерминантой формирования и реализации личностного потенциала. Личностное развитие «вписывается» в потенциал социальных групп и общностей, направляется ими. Тем самым остается неразрешенной вечный вопрос: человек – это цель или средство для общества? Избежать категоричности в суждениях на эту тему можно, на наш взгляд, актуализацией в анализе человеческого потенциала нравственной составляющей. В том случае, если моральные нормы, которыми руководствуются индивиды, как носители человеческого потенциала, соответствуют общечеловеческим критериям, а не собственным логическим доводам; если в государстве реально действует принцип социальной справедливости, то дилемма цели и средства находит свое благоразумное решение.

Список литературы

1. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. 2005. №3. С. 5-16.

2. Иванов О.И. Человеческий потенциал современной российской экономики // Проблемы теоретической социологии. СПб., 2011. С. 140-156.

3. Саксельцев И.Г. Человеческий потенциал современного российского общества (социологический анализ): автореф. дис. канд.социал.н. Саратов, 2006. 21 с.

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ КАК СЛЕДСТВИЕ
ЛИЧНОСТНОЙ ТИПОЛОГИИ¹**
**ASSESSMENT OF OTHER NATIONS AS A CONSEQUENCE
OF PERSONAL TYPOLOGY**

М.М. Басимов

Российский государственный социальный университет

M.M. Basimov

Russian State Social University

Межнациональные преимущества в представлениях молодого поколения прогнозируются в рамках синергетических представлений типом личности, являются психологически обусловленными. Рассмотрены интерпретации двух зависимостей. Для анализа данных использовался авторский подход к понятию статистической связи. Психологический портрет респондентов диагностировался по методике Дж. Олдхема и Л. Морриса.

The interethnic advantages in the views of young generation's are projected within the framework of synergistic representations by the type of personality, are psychologically conditioned. Interpretations of two dependencies are considered. For the data analysis, the author's approach to the concept of statistical dependence was used. The psychological portrait of the respondents was diagnosed by the method of the J. Oldham and L. Morris.

Ключевые слова: межнациональные преимущества, психологический тип, личность, нелинейный, линейный, сила связи, сравнительная весомость, синергетика

Keywords: interethnic advantages, psychological type, personality, non-linear, linear, comparative weightiness, synergetics

В современных условиях линейное мышление, до сих пор доминирующее в некоторых областях науки, становится принципиально недостаточным и даже опасным в нелинейной сложной реальности [1]. «Нелинейность» – фундаментальный концептуальный узел новой синергетической парадигмы [2].

Но при этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это, например, подтверждает

---

¹ Выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается, кроме наших материалов [3; 4; 5; 6] только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности, и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

Для анализа данных использовался авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) в социологических исследованиях [7] посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [8] для квантильных разбиений данных по каждому измеряемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости.

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [9] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [10; 11], демографические планы населения [12; 13], социология профессий [14], политическая социология [15].

Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [16] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков [17; 18], этнопсихология [19; 20], психология профессий [21], психология стресса [22].

В рамках исследования толерантности в молодежной среде как явно зависимая переменная по отношению к психологическим параметрам, описывающим психологический портрет – тип личности, определилась (5 сильных связей) степень согласия с суждением «Люди одних национальностей от природы лучше других» по шкале: совершенно нельзя согласиться (1 балл) – полностью можно согласиться (5 баллов).

Психологический портрет респондентов диагностировался по методике Дж. Олдхема и Л. Морриса определения «Типа личности» и «Вероятностных расстройств» данного типа. В предлагаемой методике представлены 14 категорий типов личности. Тест определяет «норму» и «акцентуацию» определенного типа личности. Персональный автопортрет – это неповторимая смесь 14 типов.

Межнациональные преимущества в представлениях молодого поколения прогнозируются в рамках синергетических представлений типов личности, являются психологически обусловленными. Рассмотрим интерпретации двух зависимостей.

1. Зависимость параметра «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (Y) от параметра «Тип (H)

Чувствительный» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (-1540); X-2 (-20587); X-3 (+14188)

Коэффициент силы связи = 0.90 (0.07)

Коэффициент корреляции = 0.16

Чувствительные люди ведут себя свободно в своем маленьком мире, среди людей, которых они хорошо знают. Для этого типа индивидуальности характерны приподнятое настроение, воодушевление. Чувствительные любят комфорт, с другими обычно находятся в дружеских отношениях. Могут достичь признания своих заслуг, стать знаменитыми.

Очень сильная односторонняя зависимость выявлена уже для самого простого варианта связи – модели для триад независимого параметра «Чувствительный тип». Вначале рост чувствительности (переход с низкого уровня на средний) способствует формированию отрицательного отношения к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других (-20587 по сравнительной весомости). Но дальнейший рост чувствительности до высокого уровня начинает менять отношение в оценке национальностей на противоположное: положительное отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других становится явно выраженным (+14188). Это люди, близкие к акцентуации, т.е. очень замкнутые и страдающие уклончивым расстройством личности. Они не против общения с другими людьми, но не могут справиться с чувством, что их поведение вызовет негативную оценку.

Обратная зависимость крайне слабая (0.07), и, значит, причиной для двух рассматриваемых параметров однозначно является психологический фактор (Чувствительность). Так как зависимость далека от линейной формы, коэффициент корреляции интереса не представляет (0.16).

Эта зависимость настолько устойчивая, что проявляется и для кварт независимой переменной, правда, с несколько меньшим коэффициентом силы связи:

X-1 (+900); X-2 (-17745); X-3 (+398); X-4 (+12787)

Коэффициент силы связи = 0.62 (0.07)

Коэффициент корреляции = 0.16

Аналогичная по форме зависимость наблюдается и для авантюрного типа, как составляющей персонального автопортрета.

2. Зависимость параметра «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (Y) от параметра «Тип (D) Авантюрный» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

$X-1 (-2654); X-2 (-19879); X-3 (+396); X-4 (+31712)$

Коэффициент силы связи = 0.86 (0.30)

Коэффициент корреляции = 0.27

Люди авантюрного типа любят риск, принимают участие в самых опасных предприятиях. Умеют приобретать друзей и приятелей, оказывать влияние на людей. Обычно это люди физически крепкие, мужественные, жесткие. Авантюристы живут в воображаемом мире, не испытывают вины за прошлое и беспокойства за будущее. Выраженная акцентуация по этой шкале способствует наибольшему принятию суждения, что люди одних национальностей от природы лучше других (+31712), когда респонденты отвергают правила и социальные нормы, ради собственной выгоды способны идти на обман, дезинформацию, а в поведении непоследовательны, безразличны к окружающим, агрессивны.

Рассмотренные зависимости не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества.

Список литературы

1. Mainzer K. Thinking in Complexity. The Complex Dynamics of Matter, Mind, and Mankind. Berlin: Springer-Verlag, 1994.
2. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. 240 с.
3. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 906.
4. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 684.
5. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 1346.
6. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 988-989.
7. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 120 с.
8. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский гос. университет, 2012. 224 с.

9. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013. P. 96-107.
10. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.1. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 522-528.
11. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology // Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. Moscow: RSS, 2010. P. 709-725.
12. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2 / Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. М.: ИНИОН РАН. 2011. С. 195-203.
13. Basimov M.M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2011. P. 208-223.
14. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013. P. 67-82.
15. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 525 с.: ил. (Политология России). С. 474-491.
16. Basimov M.M. Non-linearity sociology. Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2011. 112 p.
17. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы «Развитие» // Мир психологии. 2007. №2. С. 83-93.
18. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. 2007. №4. С. 142-158.
19. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. 2009. №2. С. 209-222.
20. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. 2010. №2. С. 140-155.
21. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. №3 (спец.выпуск). С. 54-57.
22. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. №3 (специальный выпуск). С. 57-61.

ВЫБИРАЯ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ПОСТЧЕЛОВЕКОМ CHOOSING BETWEEN HUMAN AND POST-HUMAN

А.М. Бекарев, Г.С. Пак
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.M. Bekarev, G.S. Pak
Lobachevsky University

Рассматривается концепт постчеловеческого как новая идеология эпохи постмодерна. В центре внимания течение трансгуманизма через призму возрастания экстропии. Проблема физического индивидуального бессмертия оценивается как *causa finalis* трансгуманизма. В заключение делается вывод об исходе выбора.

The paper considers the concept of the posthuman as a new ideology of the postmodern epoch. The focus falls on examining transhumanism through the prism of increasing exopia. The problem of physical individual immortality is estimated as the *causa finalis* of transhumanism. A conclusion is drawn about the outcome of the choice.

Ключевые слова: бессмертие, трансгуманизм, трансформация, энтропия, экстропия

Keywords: immortality, transhumanism, transformation, entropy, exotopia

Безумие перед страхом смерти. Люди давно ошалели в поисках возможностей бессмертия. Сначала полагали, что бессмертны боги или атомы. Затем нашли выход в бессмертии души. Это отразилось в различных религиозных системах. Был фанатизм. Но успокоения не было. Не было и смирения. Пока некоторые мудрецы не обратились к «философии общего дела» и не предложили странную утопию относительно физического бессмертия (Н. Федоров). Возможно, утопия кому-то помогла. Но тем не менее не успокоились и на основе технических свершений стали формироваться достаточно многочисленные концепции постчеловека.

Постчеловеческое описывается через ряд радикальных идей (бессмертие, снятие любых преград, абсолютная свобода). От идеи постчеловеческого в мифологии научно-техническая «линия Прометея» ведет к русскому космизму и трансгуманизму, иная «линия Орфея» – к искусству (научной фантастике, фэнтези).

Трансгуманизм. Трансгуманизм – наиболее сильное и представительное идейное течение, отстаивающее идеи радикальной трансформации человека и общества. Трансгуманизм возник в США в конце 80-х гг. XX в. Можно отметить концепцию оптимистического будущего (UpWingers) и книгу

«Трансгуманист ли вы?» (1989) Ф.М. Эсфандиари. Отражают значение крионики Р. Эттингера. Часто подчеркивается идейный вклад Э. Дрекслера в «Машинах создания. Грядущая эра нанотехнологии» (1986) и Г. Моравека в «Детях разума» (1988) и «Роботе» (1999). Отмечают также значимость идей и образов научной фантастики (А. Кларк, А. Азимов, Р. Хайнлайн, В. Виндж).

Собственное начало трансгуманизма связывают с М. Мором и Т.О. Морроу. Под их редакцией в 1988 г. вышел журнал «Экстропия Мэгазин» (Extropy Magazine). В 1990 г. М. Мор и Т. Белл основали Институт Экстропии, объединяющий сторонников радикальных трансформаций человека. «Экстропия» – мера интеллекта, информации, энергии, жизнеспособности, опыта, разнообразия, возможности и роста (в противоположность энтропии, возрастанию хаоса и диссипации). В 1995 г. сформулированы ведущие принципы экстропианской философии, первый из которых выражает главное содержание философии: *«Безграничное расширение: стремление к большему интеллекту, мудрости и эффективности, неограниченному сроку жизни, и устранению политических, культурных, биологических и психологических ограничений в проявлении и реализации себя; постоянное преодоление ограничений на наш прогресс и возможности; расширение во Вселенную и продвижение без конца»* [1]. В 2006 г. Институт Экстропии был закрыт, его сайт сделали мемориальным, приносящим пользу наличным трансгуманистическим материалом [2]. Несогласие с политическими взглядами Института Экстропии привели Н. Бострома и Д. Пирса в 1988 г. к смежной организации – Всемирной трансгуманистической ассоциации (World Transhumanist Association). В последнее время WTA трансформируется в движение Humanity Plus (H+). На сайте с таким названием расположены основные данные о трансгуманизме, на него идет отсылка запросов о WTA в Интернете.

Трансгуманистическое движение позиционирует себя общемировым. И оно на самом деле получило распространение во всем мире; российские сторонники объединены в Российское трансгуманистическое движение. Определение трансгуманизма может быть следующим: «Трансгуманизм представляет собой радикально новый подход к размышлениям о будущем, основанный на предположении, что человеческий вид не является концом нашей эволюции, но, скорее, ее началом. Трансгуманизм предполагает изучение результатов, перспектив и потенциальных опасностей использования науки, технологий, творчества и других способов преодоления фундаментальных пределов человеческих возможностей. Трансгуманизм – это рациональное и культурное движение, утверждающее возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью достижений разума, особенно с использованием технологий, чтобы

ликвидировать старение и значительно усилить умственные, физические и психологические возможности человека» [3].

Трансгуманизм видит себя выразителем вековых желаний бессмертия и силы (миф о Гильгамеше), прямым преемником рационалистической и научно-технической традиций. Самим названием подчеркивается связь с гуманизмом, суть которого: только отдельные личности имеют значение, и мы можем улучшать жизнь. Ключевым моментом считают «Речь о достоинстве человека» Дж. Пико делла Мирандолы (1486): «Согласился Бог с тем, что человек – творение неопределенного образа, и, поставив его в центре мира, сказал: «Не даем мы тебе, о, Адам, не своего места, не определенного образа, не особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению» [4, с. 249]. Отмечается, что близкое «трансгуманизму» слово использовал Данте в «Божественной комедии» (1321), понимая «трансгуманизацию» («transhumanized») как видимое через блаженные грезы будущее человека («word «transhumanized» to describe what happens to humans through a «beatific vision») [5].

Мы выбираем, нас выбирают.... Если бы человечество было не столь эгоистичным, оно бы догадалось, что бессмертие может существовать только на мрачном фоне безжизненного. Мы биофилы, и любим жизнь, и не только свою. Поэтому отрицаем бессмертие и способы его достижения.

Список литературы

1. Мор М. Принципы экстропии. Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/context/view/168/48> (дата обращения: 11.10.2017).
2. Vita-More N. Next steps – Extropy Institute is closing its doors and opening a window for a proactive future. Режим доступа: http://www.extropy.about_Extropy_Institute.html. (дата обращения: 11.10.2017).
3. Transhumanist FAQ. Режим доступа: [http //www.humanityplus.org/learn/transhumanist-faq\answer_28](http://www.humanityplus.org/learn/transhumanist-faq\answer_28). (дата обращения: 11.10.2017).
4. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. В 2 т. Т. 1. М., 1981. 495 с.
5. Vita-More N. Transhuman history. Режим доступа: <http://www.transhuman/ogr.tml>. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. В 2 т. Т. 1. М., 1981.

**РАЗВИТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
DEVELOPMENT OF MANAGEMENT POTENTIAL IN MODERN RUSSIA

Р.Я. Вакуленко
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
R.Ya. Vakulenko
Lobachevsky University

Рассматривается концепция «человеческих ресурсов». Проблема заключается в том, что люди являются наиболее консервативной составляющей организации, и требуется обязательная адаптация человеческих ресурсов к новым целям, методам и отношениям. Можно сделать вывод, что сегодняшнее состояние общества характеризуется изменением парадигмы его развития.

The article discusses the concept of «human resources». The problem is that people are the most conservative part of the organization, and it is necessary to adapt human resources to new goals, methods and relationships. It can be concluded that today's state of society is characterized by the changing paradigm of its development.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, рынок труда, трудовые ресурсы, трудовой потенциал, человеческий фактор

Keywords: human resources, labor market, labor resources, labor potential, human factor

Концепция «человеческих ресурсов» признает необходимость капиталовложений в формирование, использование и развитие людских ресурсов исходя из экономической целесообразности (капиталовложений, имеющих своей целью привлечение более качественного в профессиональном плане работника, его обучение и поддержание в состоянии высокой трудоспособности, создание условий для трудового и профессионального развития каждого сотрудника), что влечет за собой необходимость более полного использования знаний, навыков, способностей работников. Отсюда изменяются и акценты работы с персоналом, в частности, делаются усилия по развитию и выявлению «скрытых» возможностей работника. Проблема заключается в том, что люди являются наиболее консервативной составляющей организации, и требуется обязательная адаптация человеческих ресурсов к новым целям, методам и отношениям.

Люди – важнейший ресурс любой организации. Они создают новые продукты, контролируют качество, аккумулируют и используют финансовые ресурсы. Люди способны к постоянному совершенствованию и развитию. В то

время как другие ресурсы ограничены, возможности и инициатива людей безграничны [1].

Подход к персоналу как ресурсу означает:

- во-первых, его персонализацию и индивидуальный подход ко всем работникам, осуществляемый в пределах совмещения интереса организации и работника (в случае расхождения интересов приводятся в действие стимулирующие и мотивирующие рычаги воздействия на человека, чтобы он связал свою деятельность с интересами организации);

- во-вторых, осознание проблемы дефицита квалифицированного и высококвалифицированного персонала, что приводит к конкретной борьбе за знания, навыки, способности на рынке труда;

- в-третьих, переход к управлению персоналом (человеческими ресурсами) означает отход от представлений о персонале как о «даровом капитале», освоение которого не требует ни финансовых, ни трудовых, ни организационных, ни временных, ни других затрат со стороны работодателя.

Сегодня недостаточно владеть только узкопрофессиональными знаниями, навыками и умениями, необходимо расширять содержание обучения, чтобы работник овладел широким спектром познаний, отражающих картину современного мира. Приемлемым ориентиром в этом направлении можно считать рекомендации ЮНЕСКО о переосмыслении понятия человеческих ресурсов. Рекомендации предполагают переход от классического понимания человеческих ресурсов к *концепции компетентности человека* [2].

Сущность новой концепции сводится к расширению границ знаний, навыков и умений, необходимых непосредственно для производительного труда и жизнедеятельности в целом. Замена узких понятий о производственных знаниях и умениях полной гаммой знаний, навыков и умений, в том числе необходимых для охраны и улучшения здоровья, демографического развития, развития традиций и культуры, рационального использования природных ресурсов, защиты окружающей среды, снижения экологического риска, выполнения активной гражданской роли и конкурентоспособности на рынке труда, означает максимальный и всесторонний учет интересов человека и поддержание его в процессе развития [3].

Новая концепция развития трудового потенциала должна ориентироваться на становление и творческое развитие личности, когда расходы на подготовку кадров рассматриваются не как издержки на рабочую силу, а как долгосрочные инвестиции, необходимые для процветания предприятия и обеспечивающие высокое качество человеческих ресурсов. При этом надо учитывать следующее:

- во-первых, человеческие ресурсы – самый сложный объект социального управления;
- во-вторых, профессионализация видов деятельности требует большой капиталоемкости для становления профессионалов;
- в-третьих, высокая эффективность деятельности профессионалов в организации достигается созданием рационального управления их возможностями;
- в-четвертых, чем в большей степени люди включены в профессиональную деятельность, чем больше у них накапливается жизненного и профессионального опыта, тем меньше времени им требуется для качественного решения профессиональных задач и тем большую ценность они представляют для организации.

Формирование концепции человеческого развития есть результат длительной эволюции и синтеза целого ряда направлений в исследованиях экономического поведения человека в обществе. Как уже отмечалось, в результате длительного процесса развития представлений о человеке как субъекте экономической жизни возникли такие понятия, как *рабочая сила, трудовые ресурсы, трудовой потенциал, человеческий фактор, человеческий капитал*.

В то же время безграничность человеческого потенциала, непрогнозируемость пределов развития, уникальность, исключительная сложность и невозможность моделирования поведения как отдельной личности, так и группы требуют к качественно новой системе подходов, из которых наиболее адекватным роли человека на производстве представляется социально-психологический подход к персоналу, в основе которого лежит концепция «Персонал – главное достояние организации». В современных условиях активизация такого экономического ресурса, как труд, требует категории, которая помимо характеристик потенциала человека включала бы в себя и представление о тех новых качествах, которые проявляются в труде и отражают его конечный результат – меру удовлетворения рыночной потребности в товарах и услугах. Именно такая роль предназначается категории «человеческий капитал». Нельзя не согласиться с проф. Б.М. Генкиным, который считает, что человеческий потенциал и человеческий капитал не идентичные понятия [4].

Человеческий капитал по сравнению с трудовым потенциалом работника более узкое понятие и прежде всего характеризует его производительные качества, которые могут стать источниками доходов для человека, предприятия, государства. Граница между ними лежит не в наборе компонентов, а в том, что человеческий капитал – совокупность характеристик, необходимых для выполнения той или иной работы (способностей –

физических и интеллектуальных, знаний, деловых и личностных качеств), а потенциал – характеристика его работы, его результатов. Так, инвестиции в повышение нравственности могут увеличить потенциал человека, его полезность для общества, однако не гарантируют прямого увеличения производительности труда и заработной платы. В связи с этим представляется, что совокупность способностей, знаний, навыков и мотиваций следует определять как трудовой потенциал, а не капитал. Человеческий капитал целесообразно трактовать как реализованный потенциал. Таким образом, если, в понятие *потенциал* заложены генетические возможности (абсолютный слух, голос, математический дар и т.д.), то в понятие *человеческий капитал* – делание самого себя (как *благодаря* заложенному потенциалу, так и *вопреки*) за счет приобретения знаний, навыков и опыта. Поэтому автор солидарен в этом вопросе с Б.М. Генкиным, т.к. как только при таком понимании трудового потенциала появляется возможность разграничить понятия *трудовой потенциал* и *человеческий капитал*.

Концепция *человеческого капитала* основана на предпосылке, что «нечто» может обладать какой-либо стоимостью, если оно обладает способностью приносить какую-либо выгоду или доход. Если «нечто» не обладает такой способностью, то оно не имеет и стоимости. Работники обладают стоимостью, если они способны приносить в будущем доход, предоставляя свою рабочую силу. Другими словами, стоимость персонала, как и любых других ресурсов, есть сегодняшняя стоимость ожидаемых от них будущих услуг и доходов.

Можно сделать вывод, что сегодня меняется парадигма развития общества. Не финансовый капитал и политические идеологии, а человеческий интеллектуальный потенциал, знание и умение задействовать в процессе трудовой деятельности все потенциальные способности, заложенные в личности работника, определяют темпы развития общества.

Список литературы

1. Вакуленко Р.Я., Новоселов Е.В. Защита бизнеса и стратегия предприятия: экономический и правовой аспект. М.: Юркнига, 2005. 160 с.
2. Куптин Л.А. Научно-технический потенциал и квалифицированные специалисты – стратегические компоненты // Вестник машиностроения. 2011. № 11. С. 93-97.
3. Егоршин А.П., Коробейников И.О., Вакуленко Р.Я. Анализ экономических факторов кризиса предпринимательства в России // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 145-147.
4. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. М.: Норма. 1999. 245 с.

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СВЕРДЛОВСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА:
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ, ТРЕНДЫ И ПРОБЛЕМЫ**
**HUMAN CAPITAL OF THE SVERDLOVSK STUDENTS:
DYNAMICS OF DEVELOPMENT, TRENDS AND PROBLEMS**

Ю.Р. Вишнеvский, С.Ю. Вишнеvский, Д.Ю. Нархов
*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург*
Yu.R. Vishnevsky, S.Yu. Vishnevsky, D.Yu. Narkhov
*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg*

Сквозь призму развития регионального человеческого капитала рассматривается динамика профессионального самоопределения студенчества Свердловской области. На фоне процессов взаимопроникновения институтов профессии и образования раскрываются изменения в структуре мотивов выбора будущей профессии. На основании данных двадцатилетнего мониторинга показано усиление прагматических факторов выбора профессии, снижение роли содержания профессиональной деятельности и общественной значимости профессионализма у современных студентов.

Through a prism of development of the regional human capital dynamics of professional self-determination of students of Sverdlovsk region is considered. Against the background of processes of interpenetration of institutes of a profession and education changes in structure of motives of the choice of future profession reveal. On the basis of data of twenty years' monitoring strengthening of pragmatistical factors of choice of profession, decrease in a role of content of professional activity and the public importance of professionalism at modern students is shown.

Ключевые слова: студенчество; социальный ресурс; человеческий капитал; жизненные стратегии; высшее образование; профессиональное самоопределение; социальный статус; социологический мониторинг; Свердловская область

Keywords: students; social resource; human capital; vital strategy; the higher education; professional self-determination; social status; sociological monitoring; Sverdlovsk region

Один из важнейших приоритетов социально-экономической политики Свердловской области на 2016-2030 гг. – создание конкурентных условий для накопления и сохранения человеческого потенциала [1]. Реализация этой задачи, прежде всего, связана с формированием и развитием потенциала молодежи Свердловской области (граждан в возрасте 14-30 лет) и направленной на это эффективной государственной молодежной политикой.

В актуальных процессах общественных трансформаций бесспорно значимую роль играют профессионалы и студенческая молодежь, которые являются важнейшим *социальным ресурсом* информационных обществ. Но сегодня необходимо не только понимать, что молодежь является социальным ресурсом, но и знать, какими ресурсами обладает сама молодежь и какими стремится обладать, чтобы конвертировать их в человеческий, социальный и культурный капитал. В качестве такого капитала выступают образование, квалификация и профессия, поэтому важнейшими вопросами для современной молодежи являются выбор сферы занятости, учебного заведения, будущей профессии, т.е. круг проблем, обозначаемых как ее профессиональное самоопределение.

В центре внимания исследователей профессионального самоопределения этап перехода от средней школы к среднему профессиональному и высшему образованию, к обучению в колледжах и университетах. В перспективном плане среднее общее образование становится (даже полное, не говоря об основном) недостаточным для нормальной жизнедеятельности в постиндустриальном, информационном обществе, «обществе знаний». Возникает новое противоречие: с одной стороны, для большинства выпускников средней школы выбор учреждений и профиля для дальнейшего профессионального обучения становится вынужденным, но далеко не все они оказываются готовыми и к самому выбору, и к принятию ответственности за него. Именно поэтому многие студенты оказываются в ситуации отложенного выбора [2, с. 97, 98]. В связи со значительным снижением роли среднего профессионального образования (и, соответственно, его престижа), внедрением в высшее образование России двух уровней (бакалавриат, магистратура) эта ситуация становится все более массовой.

Отметим подчеркиваемую многими исследователями взаимосвязь *профессиональных* планов и стратегий с *жизненными*: «Выбор будущей профессии, будущей деятельности для молодого человека – это во многом вопрос о смысле жизни, о жизненной перспективе. Это проблема скорее мировоззренческая, чем профориентационная, и все попытки профориентации будут во многом бесплодны, пока молодой человек не разберется в себе, пока не осознает свои интересы, ценности, склонности» [3, с. 124-125].

В условиях перехода к рыночным отношениям заметно ослабло определяющее (патерналистское) влияние государства на профессиональное самоопределение молодежи. Традиционная советская система профориентационной работы перестала действовать. Сами вузы зачастую переходили от реализации социальной функции профориентации к рекламным кампаниям по привлечению все большего числа абитуриентов. С этой целью

происходило массовое открытие набора на «модные» и пользовавшиеся повышенным спросом специальности. Вряд ли правомерно, особенно сегодня, рассматривать однозначно негативно этот своеобразный отклик системы высшего образования на изменившийся социальный заказ. Ведь это спасло систему высшего образования (и инфраструктуру, и значительную часть кадров) от разрушения. При этом, как справедливо отмечают М.А. Акулич и М.В. Батырева, «был смягчен существующий годами конфликт между ожиданиями молодежи и структурой системы образования, но одновременно обострились противоречия с трудоустройством выпускников учреждений профессионального образования, возникло несоответствие рынка труда и рынка молодых специалистов» [4, с. 59].

Профессиональное самоопределение молодежи выступает как «процесс ее интеграции в социально-профессиональную структуру общества, который реализуется на личностном уровне через выбор студентами вариантов профессионального развития» [5, с. 132].

Для нас, социологов, весьма значимо мнение психологов, их акцент на *процессуальности* профессионального самоопределения, которое не сводится к одномоментному акту выбора профессии и не оканчивается с завершением профессиональной подготовки по выбранной специальности, а продолжается на протяжении всей профессиональной жизни [6, с. 59].

Профессиональное самоопределение на личностном уровне реализуется через ценностный выбор личностью вариантов своего профессионального развития. Процесс формирования профессионала не может быть сведён к передаче и усвоению суммы конкретных знаний и навыков. Подобная технократизация обучения, ориентация на выпуск узких специалистов выхолащивает суть профессионализма, порождает профессиональный абсентеизм.

Обучение профессии – это ещё усвоение определённых способов мышления и практик, характерных для данной профессии, определённых традиций и норм поведения, профессиональной этики, культуры. Перечисленные особенности профессионала дают основания рассматривать его, вслед за Т. Парсонсом, как модель идеального гражданина, а университеты как опору гражданственности [7; 8]. Профессия организует, рационализирует не только трудовую деятельность, но и социальное поведение индивида в целом, накладывая отпечаток на его образ и стиль жизни. Она формирует стереотипные формы поведения, выступая своего рода печатью, клеймом, отличающем её носителя от других («*стигма профессии*»). Профессионализм как стиль социальной деятельности можно определить, словами Т. Парсонса, как «культурное гражданство» [9, с. 500]. Профессионализм, профессиональная

этика предполагают универсализм в подходе к клиентам, то есть нейтральность и специализацию. Но профессионализм предполагает и определенную иерархию, власть профессионала, а профессиональное призвание выступает как гражданский долг индивида [10, с. 153].

Сегодня важно преодолеть «параллельное» существование и развитие теории человеческого капитала и теории профессионального самоопределения, особенно в их практическом применении. Поскольку человеческий капитал во многом связан с эффективностью вложений в получаемое человеком образование (особенно – профессиональное), приобретаемые им профессионализм и квалификацию, постольку профессиональное самоопределение выступает важным индикатором накопления человеческого капитала, степенью его оптимального использования как фактора развития социума. Последний момент – *используемость человеческого капитала* – необходимо подчеркнуть.

Целостность процесса профессионального самоопределения особенно подчеркивается в теории структуризации Э. Гидденса, выделяющего *ресурсы* как одну из важнейших структур (наряду с *правилами*). При этом особенно значима мысль социолога, что ресурсы могут существовать не сами по себе, а лишь *воспроизводясь в процессе человеческой интеракции, взаимодействия*. «Каждый (компетентный) член общества, по Гидденсу, поддерживая любого рода взаимодействия, привлекает социальные знания и теории, обычно без принуждения и вполне обыденно, а использование этих практических ресурсов как раз и является условием производства взаимодействия вообще» [11].

Уже исходное к современному термину «профессия» – *profiteer* (объявляю своим делом) – предполагает, что профессия, занятие, дело, специальность, работа *выбираются человеком*. В разнообразных трактовках профессии отмечается не только специализация вида занятий, но и необходимость овладения – в процессе специальной (профессиональной) подготовки или опыта работы – определенным уровнем профессиональных теоретических знаний и практических навыков. Информативными в данном плане являются материалы многолетнего (1995-2016 гг.) исследования студенчества Среднего Урала (табл. 1)¹.

В иерархии мотивов выбора вуза стабильно удерживает первенство такой параметр, как *«интерес к профессии»*, этот мотив указал каждый второй из опрошенных – как в 1995, так и в 2012, 2016 гг. На наш взгляд, это общая интегративная характеристика.

Каждый третий из опрошенных отметил *престиж, авторитет вуза*. Этот показатель тоже стабилен, не уменьшается, что можно объяснить *спецификой*

---

¹ Особенности (студенты III курса), объем выборки (по шести этапам) и методику мониторинга см.: [12]. N₂₀₁₆= 1827 чел. Монография по итогам мониторинга «Студент: 1995-2016» подготовлена к печати.

образовательного продукта. Услуга профессионального высшего обучения – продукт с весомым символическим содержанием. Она имеет *отсроченную* ценность, это *товар доверия*. Для оценки услуги её покупатель¹ и пользователь используют различные стандарты и критерии, велика субъективность её восприятия и оценки качества. Высока неопределённость при её выборе, т.к. для рынка образовательных услуг свойственна асимметрия информации об их качестве. Продавец всё знает об услуге, а покупатель/потребитель – немного. Поэтому покупатели, студенты, особенно контрактники, при выборе услуги выбирают бренд вуза, его репутацию. Вузы, в свою очередь, заботятся о репутации больше, чем о качестве обучения. Репутация вуза, бренд – это институциональные маркетинговые практики, выравнивающие информационные перекосы.

Т а б л и ц а 1

Динамика мотивов выбора вуза в период 1995-2016 гг.,
% опрошенных, ранжирование по 2016 г.

Значения	1995	2007	2009	2012	2016
Интерес к профессии	45	53	54	49	44
Привлек престиж, авторитет вуза	32	32	34	30	31
Привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза	30	30	32	27	29
Желание получить диплом (неважно, какой)	9	26	21	19	26
Хотелось обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем	–	–	–	22	25
Хотелось продлить более или менее беззаботный период жизни (за компанию с друзьями, привлекла активная студенческая жизнь)	15	12	12	19	19
Считал: наилучшие способности у меня именно в этой области	33	25	26	17	16
Сюда было легче поступить	-	18	15	13	15
Повлияла семейная традиция, родители	22	18	14	13	10
Не хотелось идти в армию	17	7	7	6	8
Другие мотивы (найти спутника /спутницу жизни; интересный круг общения)	4	9	9	4	8
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	15	15	13	10	5
Совет учителей, специалистов по профориентации	5	6	6	4	4

¹ В маркетинговом смысле, и студенты-бюджетники являются «покупателями» образовательной услуги, но они тратят на «покупку» не «свои» (чаще «родительские») деньги, а бюджетные. Характерна позиция Минобрнауки РФ, что «стоимость обучения одного студента-«договорника» не может быть существенно больше той суммы, которую государство платит за одно бюджетное место» [13]. Одним из первых отечественных социологов, зафиксировавших «потребительский» характер обучения студентов, была Т.Э. Петрова, определившая студенчество как «неоднородную социокультурную общность потребителей высшего профессионального образования, характеризующуюся разнообразием стилей деятельности» [См.: 14].

Ещё треть опрошенных в качестве мотива отметили ожидаемую выгоду от потребления образовательного продукта – перспектива найти после окончания вуза *хорошую работу*. Уже в 1970-е гг. социологи отмечали, что выбор социального статуса предшествует выбору профессии.

Студенты выбирают статус при поступлении в вуз, но статусная функция вузов ослаблена сегодня. Диплом о высшем профессиональном образовании всего лишь необходимое, но недостаточное условие стабильного положения на рынке труда. Эта ситуация определена У. Беком как *парадоксальное понижение и повышение ценности свидетельства об образовании* [15]. Без документа об образовании шансы получить работу на рынке труда сводятся к нулю. С документом можно получить право на участие в конкурсе, но не само рабочее место. С одной стороны, документа об образовании все чаще оказывается *недостаточно*, чтобы обеспечить профессиональное существование, в этом смысле его ценность снижена. С другой стороны, он *все более необходим* для участия в конкурсе на получение рабочего места, и в этом смысле ценность его повышена.

Не изменился, в среднем по массиву, вес социально-психологической составляющей спроса на образовательный продукт. В ряде случаев студенты выбирают не столько профессиональную образовательную услугу, а *студенчество как психологическое состояние*, сопутствующее услуге. Это измерялось такими параметрами, как «стремление продлить беззаботный период жизни», «активная студенческая жизнь» и пр. Можно провести аналогию с шопингом, когда выбирается не только продукт, но и сопутствующее ему психологическое состояние, потребительские ожидания.

Исследование мотивов выбора вузов позволило выявить и ряд значимых изменений, нуждающихся в социологической интерпретации и объяснении:

- резко (в 2,5 раза) выросло *знаковое потребление* образовательных продуктов: желание получить диплом («знак образованности» по Ж. Бодрийяру [подробнее см.: 16]) как мотив выбора вуза указал один из десяти опрошенных в 1995 г. и каждый четвертый–пятый на всех последующих этапах мониторинга (в 2016 г. – каждый четвертый);

- социально-профессиональное *наследование* ослабевает среди мотивов профессионального выбора, влияние семейных традиций, родителей на выбор вуза уменьшилось в 1,5 раза. Как отмечалось ранее, при оценке значимости социально-профессионального наследования третьекурсники в наименьшей степени ориентируются на продолжение профессиональных традиций родителей и на поиск работы в той же сфере, что и их друзья. Особенно

снизилось давление семьи у педагогов, традиционно выше среднего влияние семьи у медиков и экономистов, выросло давление семьи у юристов и горняков;

– при выборе вуза в *меньшей степени учитываются способности* к этому виду деятельности. Этот параметр при выборе профессии учитывал в 1995 г. каждый третий студент, а в 2007–2009 гг. – каждый четвертый, в 2012–2016 гг. – уже каждый шестой. Уменьшилось число студентов, считающих, что у них есть способности к педагогической деятельности, зато выросло число таковых среди будущих юристов и архитекторов. Резко уменьшилась значимость способностей для выбора профессии экономиста. Во многом недооценка соответствия своих склонностей и способностей требованиям профессии связана и с происшедшими изменениями в ценностных ориентациях молодежи. Лишь 1 из 4 студентов выделил «творчество, реализацию способностей» как наиболее значимую для него жизненную ценность. Особенно мало она значит для юношей (18%), студентов, проживавших до поступления в вуз в ПГТ и селе (18%), окончивших массовую общеобразовательную школу (21%), выходцев из семей, где отец (18%) и особенно – мать (11%) – рабочие. Среди парадоксов полученных результатов – в этой же группе и те, у кого семья по материальному положению относится к высоко обеспеченным. В условиях, когда ориентиром для страны становится модернизация, «инновационная экономика» (что является объективной необходимостью, тем более что Россия на этот путь вступает с серьезным отставанием от развитых индустриальных стран), отмеченная недооценка будущими специалистами соответствия профессии их склонностям и способностям ставит под угрозу подготовку инноваторов;

– социальной нормой стало *восприятие вузов как формы социальной защиты*, стабилен процент тех, кто среди мотивов выбора указал избежание службы в армии.

Решение этих проблем – неотъемлемый компонент совершенствования качества приема студентов в вузы (средний балл ЕГЭ отражает это качество весьма приблизительно) и – на этой основе – совершенствование их профессионального самоопределения, а значит, оптимизацию накопления и реализации их человеческого капитала.

Список литературы

1. Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на 2016-2030 гг. Принята Законодательным Собранием Свердловской области 15.12.2015. Режим доступа: http://zssso.ru/upload/site1/document_file/POIuqtTKRT.pdf (дата обращения: 18.08.2017).

2. Иванченко Г.В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора // Мир России. 2005. № 2. С. 97-124.
3. Орлова В.В. Социальная зрелость молодежи: социально-психологический аспект // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований (Российская академия естествознания). 2009. № 5. С. 124-130.
4. Акулич М.М., Батырева М.В. Особенности профессионального самоопределения выпускников школ в условиях экономического кризиса // Актуальные проблемы социологии молодежи / Под общей ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2010. 679 с. С. 58-63.
5. Дидковская Я.В. Динамика профессионального самоопределения студентов // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 132-135.
6. Зеер Э.Ф. Психология профессий. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 336 с.
7. Parsons T. (1968) Professions // International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y.: The Macmillan Company & The Free Press, p. 536-547.
8. Parsons T. (1937). Remarks on Education and the Professions. In: The International Journal of Ethics, p. 365-381.
9. Парсонс Т. О структуре социального действия. М: Академический проект, 2000. 880 с.
10. Щепаньская Т. Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т.4. № 1. С. 139-161.
11. Гидденс Э. Новые правила социологического метода. положительный критический анализ объяснительной социологии: предисловие к первому изданию / Пер. сделан по: Giddens A. New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies / 2nd ed.: Polity Press, 1993. Режим доступа: http://finances.social/sotsiologiya_719/predislovie-pervomu-izdaniyu-43402.html (дата обращения: 03.08.2017).
12. Студент-2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга / Отв. ред. Ю.Р. Вишневский. Екатеринбург: УрФУ, 2012. 332 с.
13. Минобрнауки регулирует стоимость образования. Режим доступа: <http://actualcomment.ru/minobrnauki-reguliruet-stoimost-obrazovaniya.html> (дата обращения: 22.08.2017).
14. Петрова Т.Э. Российское студенчество и высшее образование. М.: Социум, 1995. 137 с.
15. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну/ Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
16. Банникова Л.Н. Социальная сущность маркетинга: методология социологического анализа. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. 259 с.

**СЧАСТЛИВЫЕ ИЛИ УДОВЛЕТВОРЕННЫЕ ЖИЗНЬЮ:
ЭМПИРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙ
HAPPY OR LIFE SATISFIED: EMPIRICAL INTERPRETATION
OF CONCEPTS**

Г.Л. Воронин
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
G.L. Voronin
Lobachevsky University

Анализируются соотношения ответов респондентов на вопрос о счастье и удовлетворённости жизнью и определение основных социально-демографических характеристик, влияющих на самоопределение человека в континууме «счастливые и удовлетворённые жизнью», с одной стороны, и «не удовлетворённые жизнью и не счастливые» – с другой. В качестве эмпирического материала использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 2012-2016 гг.

Analyzed the correlation of respondents' answers to the question about happiness and life satisfaction and the definition of the main socio-demographic characteristics influencing the individual self-determination in the continuum «happy and life satisfied» and «unhappy and life unsatisfied». The data of the RLMS-HSE (2012-2016) are used as empirical material.

Ключевые слова: субъективная оценка счастья, субъективная оценка удовлетворенности жизнью, социально-демографические характеристики личности респондента

Keywords: subjective assessment of happiness, subjective assessment of life satisfaction, socio-demographic characteristics of respondent

Вопрос об уровне счастья и удовлетворенности жизнью граждан России получил достаточно широкое распространение в гуманитарных науках, особенно в последнее время. На эту тему высказываются психологи [1], экономисты [2], философы [3], филологи [4]. Эта тема занимает, в том числе, социологов, в особенности российских [5]. В этой связи необходимо упомянуть Л.Н. Толстого, который в 1882 г. обращал внимание читателя на то, что «Перепись есть социологическое исследование. Цель же науки социологии – счастье людей» [6]. Поставленная великим русским писателем цель была не достижима тогда и остается такой же не достижимой и теперь. И, тем не менее, поиск счастливых и довольных жизнью людей продолжает оставаться одной из приоритетных задач социологии.

В последнее время в России стали модными опросы населения с целью определения доли счастливых людей. Например, ВЦИОМ для фиксации доли «счастливых» россиян задает респондентам следующий вопрос: «В жизни

бывает всякое – и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, Вы счастливы или нет? (закрытый вопрос, один ответ)» [7]. По данным ВЦИОМ, в апреле 2017 г. доля счастливых (ответивших «определенно да» и «скорее да») составила 85%. Эта самый высокий показатель доли счастливых людей в России, начиная с июня 1990 г. На основании данных опроса рассчитывается индекс, вероятно, «счастья». Проблема состоит в том, что такой подход создает ложное представление об уровне благополучия российского общества.

Наша цель – проанализировать соотношение ответов респондента на вопрос о счастье (счастливый – не счастливый) и удовлетворенности жизнью. В качестве эмпирической базы используем данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) 2012-2016 гг. [8]. В качестве одного из индикаторов выступают ответы респондентов на вопрос, который задавался респондентам на протяжении пяти лет: «Скажите, пожалуйста, Вы счастливы?» (очень счастливы; довольно счастливы; скорее счастливы, чем не счастливы; не очень счастливы; совсем не счастливы). Другим индикатором выступают ответы респондентов на вопрос об уровне удовлетворенности жизнью (полностью удовлетворены; скорее удовлетворены; и да, и нет; не очень удовлетворены; совсем не удовлетворены).

Прежде всего, отметим: быть счастливым – это не одно и то же, что быть удовлетворенным жизнью. Взаимосвязь между ответами респондентов на эти два вопроса присутствует и фиксируется коэффициентом корреляции Спирмена. В зависимости от года проведения исследования коэффициент корреляции находится в интервале от 0,507 до 0,540, при $p < 0,001$. Анализ ответов респондентов (направленная мера Лямбда) показывает, что точность прогноза на оценку уровня удовлетворенности жизнью на основе знания ответа респондента на вопрос, «счастливы ли Вы?», примерно в два раза выше, чем прогноз ответа респондента о счастье на основе знания ответа респондента об уровне удовлетворенности жизнью (0,168 и 0,096, при $p < 0,001$, соответственно). Другими словами, счастливые люди удовлетворены своей жизнью, но люди удовлетворенные жизнью далеко не всегда бывают счастливы. На основе вышесказанного, цифра 85% счастливых россиян (апрель 2017 г.) предполагает, что примерно 95% россиян удовлетворены своей жизнью, что маловероятно.

В процентом отношении взаимосвязь между счастьем и удовлетворенностью жизнью, по данным RLMS-HSE 2016 г., выражается в том, что доля удовлетворенных жизнью людей среди респондентов, позиционирующих себя как «очень счастливые», составляет 35%, тогда как среди «очень счастливых» респондентов доля удовлетворенных жизнью составляет 48%.

Для выявления особенностей респондентов, в зависимости от их ответов на вопросы о счастье и удовлетворенности жизнью, в период с 2012 по 2016 гг.

были выделены пять метатипов: 1) не удовлетворённые жизнью и не счастливые (12.9%÷13.7%, с учетом 95% доверительного интервала); 2) не удовлетворённые, но счастливые (13.9%÷14.8%); 3) «болото» (нельзя сказать, что несчастные, но и счастливыми не назовешь; нельзя сказать, что не удовлетворены жизнью, но и особого удовлетворения от жизни не получают, 11.8%÷12.6%); 4) удовлетворённые жизнью, но не счастливые (17.7%÷18.5%); 5) счастливые и удовлетворённые жизнью (41.6%÷42.4%).

Сравним эти группы по основным социально-демографическим характеристикам. Рассмотрим, как переменная пол респондента взаимосвязана с выделенными метатипами. Переменная пол респондента взаимосвязана с переменной, фиксирующей метатип «счастье – удовлетворенность». Эта взаимосвязь зафиксирована при помощи статистики Хи квадрат (Хи кв. равен 255,246, $p \leq 0,001$). В группе «счастливых и удовлетворенных жизнью» относительное преобладание мужчин (44.6%, против 39.9%), тогда как в группе «несчастливых и неудовлетворённых жизнью» несколько больше женщин (15.1%, против 11.1%).

Деньги играют значительную роль в самоидентификации респондентов как «счастливые и удовлетворенные» и «не удовлетворённые жизнью и не счастливые». Доходы первых превышают доходы вторых на протяжении пяти лет исследования с 2012 по 2016 гг. примерно в 1,4÷1,5 раза. Но при этом не фиксируется статистически значимых различий в уровнях индивидуального дохода в группах «счастливые и удовлетворенные» и «удовлетворённые жизнью, но не счастливые». В то же время анализ данных исследования показывает, что деньги влияют на удовлетворенность респондентом своей жизнью, но этого не всегда достаточно, чтобы сделать его счастливым. Взаимосвязь между переменными «удовлетворенность жизнью» и «счастьем», с одной стороны, и уровнем индивидуального дохода – с другой, подтверждает ранее высказанное предположение: коэффициент корреляции Спирмена между этими переменными составляет 0,233 и 0,079, соответственно, при $p < 0,001$.

Важной составляющей удовлетворенности жизнью и счастья человека, как показывает анализ, является образование. В группе «счастливых и удовлетворенных» доля лиц с высшим образованием составляет около 29%, тогда как в группе «не удовлетворенных жизнью и не счастливых» доля лиц с высшим образованием составляет около 18%, в этой группе 58% респондентов имеют среднее общее образование и ниже. Общее количество лет, потраченных на образование, включая школьные годы и послешкольное образование, в группе «удовлетворенных жизнью и счастливых» составляет в период с 2012 по 2016 гг. 12,7÷12,8 лет, тогда как в группе «не удовлетворенных жизнью и не счастливых» 11,7÷11,8 лет.

Возраст оказывает определенное влияние на уровень удовлетворенности жизнью и ощущение себя счастливым человеком. Эта взаимосвязь фиксируется при помощи коэффициента корреляции Спирмена, корреляция значима на уровне $p < 0,01$. Чем старше человек, тем он менее удовлетворен своей жизнью; чем старше человек, тем в меньшей степени он ощущает себя счастливым человеком (0,149 и 0,245, соответственно). В группе до 20 лет каждый пятый заявляет о себе как очень счастливым человеке, тогда как в группе старше 60 лет таких только 7%. Понимание счастья двадцатилетними и шестидесятилетними не могут не иметь принципиальных отличий, взять хотя бы тот факт, что в группе счастливых 20-тилетних 90% респондентов имеют среднее и неполное среднее образование, тогда как в группе счастливых 60-летних высшее образование имеют 20÷22% респондентов, а уровень индивидуального дохода в этих возрастных группах составляет примерно 4000 и 21000 руб., соответственно. Это дает нам право говорить о «невежественном счастье» юных россиян. В группе счастливых и удовлетворенных жизнью людей 65 процентов составляют люди до 45 лет, тогда как в группе не счастливых и не удовлетворенных людей около 65% составляют люди старше 45 лет. Основная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что чем старше становится человек, тем меньше он удовлетворен жизнью и тем меньше он ощущает себя счастливым человеком.

Т а б л и ц а 1

Профиль метатипа «счастливые и удовлетворенные жизнью» и «не счастливые и не удовлетворенные жизнью», RLMS-HSE, 2012-2016 гг.

№	Социально-демографические характеристики респондентов	Счастливы и удовлетворены	Не удовлетворены и не счастливы
Счастливые и удовлетворенные жизнью			
1	<i>Семейное положение: не состояли в браке</i>	114,7	82,5
2	<i>Высшее образование</i>	112,7	69,7
3	<i>Высокий уровень индивидуального дохода</i>	111,3	77,2
4	<i>Семейное положение: состоят в браке</i>	109,4	68,9
5	<i>Работающие</i>	108,3	72,7
6	<i>Мужчины</i>	106,1	83,5
Не счастливые и не удовлетворенные жизнью			
1	<i>Семейное положение: постбрачное одиночество</i>	52,8	220,0
2	<i>Не работающие</i>	89,6	134,0
3	<i>Неполное среднее образование</i>	99,3	125,9
4	<i>Возраст, кол-во лет</i>	89,4	118,1
5	<i>Женщины</i>	95,0	113,6
6	<i>Средне общее образование</i>	92,7	108,0

Наиболее значимым фактором, влияющим на уровень счастья и удовлетворенности человека, является его семейное положение. Среди лиц, идентифицировавших себя как не удовлетворенные и не счастливые,

преобладают разведенные, вдовы/вдовцы, то есть те, чей семейный статус можно определить как постбрачное одиночество. В группе неудовлетворенных жизнью лица с семейным статусом постбрачное одиночество составляют 32÷35% (в зависимости от года исследования), тогда как в группе счастливых людей семейный статус постбрачного одиночества имеют 46÷52% членов этой группы. Лица, отнесенные к пятому метатипу «счастливые и удовлетворённые жизнью», – это люди, состоящие в браке (65%÷66%) и никогда не состоящие в браке (24%÷27%), и только каждый десятый из числа «счастливых и удовлетворённых жизнью» является вдовцом или разведенным.

Значительную помощь в понимании особенностей каждого из выделенных метатипов оказывает расчет индекса по аналогии с индексом TGI (Target Group Index – целевой индекс группы). Расчет Target Group Index дает нам возможность сравнить непосредственно несоизмеримые характеристики социально-демографических групп населения в каждом из метатипов. Если индекс для какой-либо из социально-демографических группы превышает 100, то эта социально-демографическая группа предрасположена к данному метасоциальному типу. Target Group Index равен отношению доли лиц социально-демографической группы в метатипе «счастливый и удовлетворенный жизнью» и «не счастливый и не удовлетворенный жизнью» к доли этих же социально-демографических групп в структуре населения страны. Частное от деления умножается на 100.

Таким образом, на основе анализа данных RLMS-HSE 2012-2016 гг. наиболее вероятными условиями самоидентификации человека как счастливого и удовлетворенного жизнью являются следующие социально-демографические характеристики: семейное положение: не состоит в браке; высшее образование; высокий уровень индивидуального дохода; семейное положение: состоит в браке; наличие работы и принадлежность к мужскому полу. Социально-демографическими характеристиками, усложняющими путь человека к счастью и удовлетворенности жизнью, то есть способствующие несчастью и неудовлетворённости являются: постбрачное одиночество; отсутствие работы; низкий уровень образования; возраст старше 50-ти лет и принадлежность к женскому полу.

Список литературы

1. Карапетян Л.В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 1 (123). С. 171-182.
2. Шматова Ю.Е. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований / Шматова Ю.Е., Морев М.В. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015 г. 3 (39). С. 141-162.

3. Волохова Н.В. Толстой и социология (из прочтения материала о его участии в Московской переписи 1882 г.) // Социологические исследования. № 6. 2015. С. 151-154.

4. Поддьяков А.Н. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. С. 109-136. (Психология социальных явлений).

5. Смолева Е.О. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога: монография / Е.О. Смолева, М.В. Морев; под науч. рук. д.э.н. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 164 с.

6. Толстой Л.Н. О переписи в Москве // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1983. Т. 16. С. 97-105.

7. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): Индекс счастья [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_schastyu/ (дата обращения: 12.09.2017).

8. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Режим доступа: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 17.09.2017).

ФАКТОРЫ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ В МОДЕЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ РАС И ЭТНОСОВ ПИТИРИМА СОРОКИНА

DISCOVERIES AND INVENTIONS FACTORS IN THE MODEL OF SOCIOCULTURAL RACES AND ETHNOSES DYNAMICS OF PITIRIM SOROKIN

А.А. Гагаев

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск*

П.А. Гагаев

Пензенский государственный университет

A.A. Gagaev

Ogarev Mordovia State University, Saransk

P.A. Gagaev

Penza State University

Открытия и изобретения в науке и культуре – этнокультурные, лингвистические, интернально-экстернальные, антропологически уникальные в пространстве-времени жизни рас и этносов процессы.

Эти факторы: этнокультурные классы инноваторов и их КПЛ, ментальность, средний класс, класс молодежи, статус ученых и деятелей в культуре, финансирование, опережающее финансирование теоретических и

фундаментальных наук относительно эмпирических, прикладных, разработочных, этнокультурность и всеобщность институтов, соотношение в институтах науки мотива прибыльности и истины, мобильность кадров в соцструктуре, доступ к информации и ее равенство, ориентация на тип открытий (первые принципы и др.), тип ученых-профессоров-учителей, мера избыточной энергии и информации, производственная функция, вербальный интеллект и литературный язык; демократичность строя, пространственно-временная форма производственной функции, протестное поведение, мера свободы – внешней организации, норма прибыли, рост по экспоненте, горизонт планирования, идентификация и идентичность в расу и этнос и их коллективный рациональный и эмоциональный интеллект, телеология общего блага, циклы социальной мобильности и факторы прогресса-регресса, антиномия ненасильственного действия.

Discoveries and inventions in science and culture – ethno-cultural, linguistic, internally-external, anthropologically unique processes in space-and-time of races and ethnic groups.

These factors are ethno- cultural classes of innovators and their CPL, mentality, the middle class, a class of young people, the status of scientists and personalities in the culture, funding, advanced financing of theoretical and fundamental science concerning the empirical, applied, designing, ethno-culture and universal institutions, the ratio in the institutes of science of the profit motive and the truth, turnover of staff at social structures, access to information and it equality, focus on the type of discoveries (first principles, etc.), type of academic professors – teachers, a measure of the excess energy and information, production function, verbal intelligence and literary language; democracy of system, the space-time form of the production function, protest behavior, the measure of freedom – an external organization, the rate of profit growth at an exponential rate, the planning horizon, identification and identity in the race and ethnicity and their collective rational and emotional intelligence, teleology of the common good, the cycles of social mobility and the factors of progress- regress, the antinomy of nonviolent action.

Ключевые слова: этнокультурная модель науки, космо-психо-логос, ментальность, вербальный интеллект и литературный язык, коллективный интеллект, модели науки, лингвистические революции

Keywords: ethno-cultural model of science, cosmo-psycho-logos, mentality, verbal intelligence and literary language, collective intelligence, models of science, language revolutions

П. Сорокин ключевым моментом своей социокультурной динамики считал модель факторов открытий и изобретений как энергетическое ядро развития человечества. В данной работе реконструируются интернальные и экстернальные факторы открытий и изобретений в истории человечества в понимании П. Сорокина и нашей интерпретации.

I. В истории человечества, начиная с X в. до нашей эры, периодически и в XIX и XX вв. складывались оптимальные ситуации с наличием интернальных и экстернальных факторов открытий и изобретений.

А) Интернальные факторы открытий и изобретений [1].

1) Класс изобретателей-бизнесменов, класс инноваторов. Формируется соответствующая психология открывателей и изобретателей скептического и димензиального характера. Люди получают профессию согласно способностям и занимают свое место в социальной структуре, обладающей свойством вертикальной и горизонтальной социальной мобильности.

2) Наличие среднего класса [1, с. 426].

3) Молодость ученых, включающихся в открытия и изобретения [2, с. 59, 61; 3, с. 260].

Непрерывно стареет население России. Средний возраст кандидатов наук – 53 г., а доктора наук – 62 года, средний возраст учителя – 50 лет, средний возраст член-корреспондента АН РФ – 66 лет, академика – 73 года!

4) Высокий статус ученых, в смысле и доходов и влияния на власть, участие в принятии решений.

5) Оптимальная структура финансирования гуманитарных и естественно-технических наук, естественно-теоретических и технических наук, сельскохозяйственных наук, медицины, социальных и гуманитарных наук. До 70% финансирования шло в социально-гуманитарную область.

6) Опережающе развивается теоретическая и фундаментальная наука, создавая простор для прикладной и разработочной, эмпирической.

7) Сосредоточение университетов на воспитании, образовании и теоретической науке, а других институтов – на реализации их достижений в прикладных науках.

8) Этнокультурный тип творчества национальных университетов, которые были не глобальными, а именно ярко выраженными немецкими, английскими, французскими.

9) Обмен лучшими кадрами между университетами мира.

10) XIX в. предполагал свободу научной информации, а XX – тайну научной информации в связи с её военным использованием.

11) Понимание научных степеней не как права на преподавательскую деятельность, а именно как на бытие ученым открывателем и изобретателем. Тип учителя: синтетический тип человека, владеющего основаниями всей системы науки, относительно не специализированный человек.

12) Само открытие связывается с теоретическими дисциплинами, а изобретение понимается как интерпретация научного открытия на технико-технологической основе, а не открытие и не изобретение само по себе.

13) Формирование корпораций с научно-исследовательскими системами и аутсайдерской формой собственности, наличием класса инноваторов-ученых и инноваторов-бизнесменов, быстрой сменой оргфункций и производственных функций, формированием именно не дешевой, а дорогой рабочей силы, что и заставило бизнес сосредоточиться на НТП.

14) Наличие формы избыточной информации в любых специальностях формирует синтетический тип творчества, открытия и изобретения из первых принципов, а не путем интерпретации.

15) Этнические литературные языки. Де Бройль заметил, что открытия и изобретения он делает на французском литературном языке, а обосновывает в языке математики и физики (контекст открытия и контекст обоснования). Сочетание этих условий и создало тип научной культуры, который и стимулировал масштаб и число открытий и изобретений. Согласно Жоресу Алферову, наука делается следующим образом: физик наблюдает и открывает, математик обосновывает, инженер конструирует, токарь вытачивает деталь, а философ осуществляет демагогию и устраняет понимание.

Б) Экстернальные параметры открытий и изобретений.

Существует группа социально-экономических и социально-политических факторов роста открытий и изобретений в XIX в.

1) Общество имело максимум договорных отношений, но на основе меры принудительности, самоорганизации, семейственности, этнической формы отношений, сверхчувственного отношения к материи, не злоупотребляя ни принуждением, ни юридизмом, ни договоренностью отношений, сочетая формальные и неформальные – не организованно социальные отношения.

2) Частная собственность в XIX в. не детерминировала развитие науки и культуры, а в XX в. – детерминирует однозначно и на глобальном уровне, создавая науку и культуру как инструменты управления обществом и конструирования общества.

3) Рост в мере революционной активности, что заставляет капитал отказываться от повышения нормы эксплуатации, нормы прибыли, но увеличивает вложения в науку и открытия, изобретения для сокращения переменного капитала и экономии на нем.

4) Мера госконтроля и *laissez faire, laissez passer* (позволяйте делать, кто что хочет, позволяйте идти, кто куда хочет). Отношение свободы.

5.1) Подотчетность власти народу, политическая стабильность, эффективность правительства, госрегулирование экономики, законность, криминалитет. Условия: минимальной нормы прибыли, экспоненциальный экономический рост, расширение горизонта планирования в форме и обществе. В мере – преступность как норма.

5.2) Естественная национально-государственная воспроизводственная модель и социальная мобильность в ней.

5.3) Аккультурация и рецепция, реторсия.

5.4) Циклы деградации идеациональной и интернальной монистической культуры.

5.5) Аккультурация и рецепция, реторсия.

II. Соответственно условия развития таковы:

1) Необходимое условие – производственная функция и тип собственности в НТП.

2) Достаточное условие – класс инноваторов, его молодость и протестное поведение, веления, осуществляющие давление на капитал и заставляющие его вкладывать в науку, образование, а не увеличивать норму прибыли, норму эксплуатации; диалог. Аутсайдерская собственность основная, в РФ доминирует инсайдерская собственность.

3) Условие развития: демографический рост и избыточная информация.

4) Граничные условия: статус ученых (доступ к власти, ресурсам, нерассогласованность статуса), свобода и право, мораль.

5) Начальное условие – расово-этнокультурный тип воспитания и образования, коммуникация, но прежде всего, этнический русский литературный язык в России.

IV. Глобализация и открытия и изобретения.

Что касается глобализации, то в современных условиях как глобализации, так автономизации (системы ВТО, ЕС, Соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве-ТАТИП, Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве – ТТП, Trade in Services Agreement – TISA – соглашение о торговле услугами – СТУ, которые будут контролировать 73% торговли Мира и, вероятно, до 90% открытий и изобретений, свертывая возможности развития иных этносов, мировых систем Китая, Индии, РФ, Бразилии. В этом суть и санкционного режима Запада в отношении РФ. В целом на США приходится до 40% открытий и изобретений, на ЕС – 37%, на Японию – 7.5%, на КНР – 7.5% и т.п., на РФ – 2.5%. За последние 15 лет объем публикаций РФ увеличился на 12%, объем публикаций КНР увеличился в 10 раз, в Индии в 3 раза, КНР нас догнали в 1997 г., Индия в 2005 г., Бразилия в 2007 г., нас уже почти догнал Иран. Исчерпывается инновационный потенциал РФ. Затраты на НИР до 5 млрд. долл., а в США – 450 млрд. долл., Германии – 100 млрд. долл., Японии – 150 млрд. долл., Китае 200 млрд. долл., Южной Корее – 6 млрд. долл. В 2014 г. патентов – 5 тыс., 90 тыс. публикаций и 12 тыс. защит диссертаций. Это смешные цифры. Китай в 2009 г. имеет 65 тыс. патентов, 6 млн. аспирантов. В ЕС аспирантов 3 млн., США – 2,5 млн. В РФ

аспиранты сокращаются – 0,2 млн. человек. Число молодежи в США – 80 млн., Китае – 320 млн. В РФ число молодежи сократилось за последнюю перепись с 36 до 23 млн. человек [4, с. 46-53; 5; 6; 7; 8; 9].

Заключение

Почему в древности маленький народ – древние греки – заложили основания всех наук? Они это сделали потому, что имели формы – справедливости, свободы, равенства, эусоциальности.

Сумма открытий и изобретений $O = \frac{\sum B}{\sum \Pi}$, где O – открытия и изобретения, B – отношение справедливости, свободы, равенства и возможности развития способностей на этой основе всех рас, этносов, полов и социальных групп, предполагая высокую вертикальную социальную мобильность и рост производительности труда в экономических районах, Π – система потребностей этноса и рас в субъектах Федерации и экономических районах. Если сумма справедливости (отношение нормированного общественного богатства к эффективности, а нормированное общественное богатство – произведение индексов справедливости), свободы и равенства превышает сумму потребностей, будут иметь место открытия и изобретения, а если сумма потребностей превосходит отношение справедливости, свободы и равенства, открытия и изобретения, эффективность экономики будут стремиться к нулю.

Список литературы

1. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель. 2006. 1175 с.
2. Майр Г. Статистика и обществоведение. СПб.: 1901. Т. II.
3. Сорокин П. Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1008 с.
4. Пястолов С. Метафизика «системой модернизации» // Экономист, 2016, 33. С. 46-53.
5. Бройль де Л. По тропам науки. М., 1962. 327 с.
6. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Система философии. Философия, логика и методология науки. Русская культурно-типическая модель науки. В 4-х ч. Ч.1. Антропологические и этнокультурные основания культурно-типической модели науки, редукционные модели наук. (Монография). Саранск, 2009. 330 с.
7. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Система философии. Философия, логика и методология науки. Русская культурно-типическая модель науки: В 4-х частях. Ч.2. Этнокультурные модели наук редукционного характера. (Монография) Саранск, 2009. 485 с.

8. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Система философии. Философия, логика и методология науки. Русская культурно-типическая модель науки: В 4-х частях: Ч. 3-4. (Монография) Саранск, 2009. 367 с.

9. Маршакова-Шайкевич И.В. Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук // Вопросы философии, 2000. № 8. С. 139-150.

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВОЙ РОССИИ:
РЕАЛЬНОСТЬ И ИЛЛЮЗИИ**
HUMAN POTENTIAL IN THE NEW RUSSIA: REALITY AND ILLUSION

В.И. Добрынина, В.В. Добрынин
*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва*
V.I. Dobrynina, V.V. Dobrynin
*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow*

Рассмотрены в рамках сопоставительного анализа два базовых понятия – человеческий потенциал и человеческий капитал, выявлена их связь и различие, показан познавательный потенциал этих понятий, проанализированы современные исторические особенности новой России, которые существенно воздействуют как на общий индекс развития человеческого потенциала в современной России, так и на индивидуализацию человеческого капитала. Это усиливает противоречия между сферой должного и сущего в понимании современного бытия человека.

In the article considered in the comparative analysis of two basic concepts – human potential and human capital, revealed their connection and difference, shows the cognitive potential of these concepts, analyzes the current historical features of the new Russia, which significantly impact on the General index of human development in today's Russia, and individualization of human capital. It intensifies the contradictions between the sphere of proper and universal understanding of contemporary human existence.

Ключевые слова: человеческий капитал, индекс развития человеческого потенциала, формы человеческого капитала, демографический переход

Keywords: human capital, index of human potential development, shapes the human capital, demographic transition

Ход развития отечественного социально-гуманитарного знания в последние два с лишним десятилетия определяется рядом объективных причин и обстоятельств, существенно влияющих на понимание и интерпретацию базового понятия современной гуманитаристики – человеческий потенциал. К

ним относятся: кардинальные изменения социальной реальности общества, формирование цивилизованных рыночных отношений во всех сферах общественного бытия; продолжающиеся процессы демографического перехода, существенно влияющие на реальные характеристики человеческого потенциала современной России; сохраняющиеся кризисные явления во всех сферах жизнедеятельности общества, тормозящие модернизацию социокультурных процессов, обеспечивающих сохранение и возрастание человеческого капитала страны.

Теоретическое осмысление актуальных проблем в экономической, политической, социальной и духовной жизни России еще на рубеже XX-XXI вв. потребовало новых методологических принципов познания социальной реальности и новых подходов в интерпретации хаотически изменяющейся действительности. Эти инновационные стратегии стали разрабатываться отечественной гуманитаристикой без традиционной оглядки на всемогущество властных структур [1; 2; 3; 4].

Исследователи, отслеживающие специфику трудов, посвященных возрастанию роли человеческого потенциала в условиях нестабильности общества, считают, что большинство этих отечественных работ характеризует существенное обновление их теоретико-методологической основы и подчеркивают, что большинство из них занимает позиции между идеологизированным оптимизмом и объективированным осмыслением практики жизнедеятельности разных групп населения. Значимость новых теоретико-методологических подходов становится особенно очевидной при анализе демографических и этно-социокультурных процессов, происходящих в стране на пути интеграции РФ в институциональные и предметно-деятельностные формы западных стран, где проблематика человеческого потенциала имеет очевидный познавательный смысл, а также в той или иной мере является частью политики практически каждой западной страны.

Демографический переход, происходящий в большинстве развитых стран мира, характеризуется множеством причин и обстоятельств, в том числе низким коэффициентом рождаемости и существенным постарением населения страны, что в достаточной мере характерно и для новой России [5].

Расчеты известного исследователя Н.М. Римашевской подчеркивают несостоятельность и представлений о том, что демографические тенденции (например, малодетность и нестабильность русской семьи), которые проявляются в течение десятилетий, можно разрешить на основе реализации социальных программ, вроде ваучера для рожениц или «материнского капитала» [6]. Специалисты отмечают, что существующий демографический

шок в стране будет сохраняться до тех пор, пока Россия не преодолеет свой главный кризис – кризис потери смысла жизни.

Для новой России в настоящее время характерны: отсутствие простого замещения поколений; интенсивное постарение населения и существенное уменьшение возрастной когорты детей по сравнению с предшествующими десятилетиями, а также определенное снижение медико-биологических показателей здоровья населения по психосоматическим показателям, врожденным патологиям, социальным болезням, по росту алкоголизации и наркотизации населения, особенно молодёжных и детских возрастных когорт.

Известен вывод Госкомстата РФ о том, что общий коэффициент рождаемости в стране вдвое меньше, чем это требуется для простого замещения поколений. Уменьшение общей численности детских и молодёжных поколений являются тем фактом, который необходимо учитывать на ближайшие 3-4 десятилетия, т.к. он будет оказывать самое существенное воздействие на все социокультурные процессы. Нельзя забывать и о том, что совокупный человеческий капитал (в другой системе подсчета – человеческий потенциал) в последние десятилетия в новой России имеет тенденцию к снижению, что неоднократно было отражено в официальных источниках.

Термин «человеческий капитал» в настоящее время широко используется в социально-гуманитарном знании. Исследователи считают, что он неотчуждаем от человека, воплощен в конкретном субъекте и не передается генетическим путем. Он формируется в рамках относительно низкого индивидуального контроля за темпами и формами его приобретения, но имеет существенную экономическую значимость как для индивида, так и для общества. Человеческий капитал аккумулируется в течение длительного времени и на его уровень оказывают воздействие другие формы капитала, которыми располагает человек как субъект и член общества. Отмечено, что любой человеческий капитал в рамках индивидуально-личностного существования неизбежно истощается и уменьшается [7].

В работе «Социальное пространство и генезис классов» П. Бурдьё подчеркивает, что в современном обществе четко можно выделить четыре группы капиталов, которые характеризуют любого актора или агента действия. Эти капиталы: экономический (представлен различными экономическими ресурсами или товарами); культурный (уровень образования человека и авторитет его дипломов и аттестатов); социальный (раскрывает средства, обеспечивающие принадлежность человека к определенному классу); символический (указывает на социальный престиж и репутацию человека). П. Бурдьё считает, что объем и разнообразие каждого из названных человеческих капиталов формируют всю жизненную стратегию человека [8].

Современные исследователи считают, что человеческий капитал представляет собой сложный социокультурный феномен, связанный с общей культурой и уровнем образования общества, который способствует пониманию процессов, происходящих в современном сетевом обществе, происходящих в нем контактов, коммуникаций, сближений и разделений.

Изучение процессов становления разных форм человеческого капитала способствовало тому, что под эгидой ООН был разработан Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) и, начиная с 1990 г. публикуется ежегодный рейтинг стран-членов ООН по ИРЧП, значение которого колеблется от 1 до 0. Он рассчитывается на основании учета свыше ста различных показателей, в том числе здоровья, образования, ведущих форм деятельности человека, его доходов, реального ВВП страны на душу населения за год, семейного положения и пр., что обеспечивает понимание реального положения страны в ее соотнесенности с другими странами, входящими в ООН.

По данным за 2005 г., Россия еще входила в группу стран с высоким индексом (не менее 0.8, в РФ он составлял 0.802), что определило ее 67-ое место в мире, среди более 170 государств, входящих в ООН [9]. Снижение общего рейтинга ИРЧП в нашей стране за последние годы было вызвано целым рядом обстоятельств (низким коэффициентом рождаемости, снижением средней продолжительности жизни и рядом других параметров). Недостаточность уровня совокупного человеческого капитала в новой России существенно тормозит позитивные изменения в стране. В первую очередь это касается индивидуально-личностных качеств человека, относящегося к детским и молодежным когортам. Современная индивидуальная капитализация предполагает высокий уровень обучаемости и высокие темпы разносторонней адаптивности будущего работника, становление его субъектно-индивидуальных качеств и направленности на «желание изменяться», то есть на высокий нравственный потенциал и понимание свободы как возможности реализации творческого потенциала.

Становление отечественного человеческого капитала определяется не только успехами экономики и политическими действиями. Эти процессы неразрывно связаны со всей нашей культурой, которая представляет собой свой способ упорядочения мира, ценностно-нормативного формирования человеческих отношений, систематизация знаний и представлений о бытии, причем эти нормы и ценности культуры не передаются по наследству, а воспитываются каждым новым поколением, и они могут быть утрачены за жизнь всего 2-3 поколений. Если этим ценностям и традициям русской культуры молодежь не учить еще в недрах семьи и школы и не формировать их повседневное практическое поведение, отвечающее потребностям и интересам

новой России, наш человеческий капитал обернется против нас и всей нашей тысячелетней истории.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурная динамика России: от прошлого к будущему. – Св.: Сибирский характер, 1997. Т.1. 804 с.
2. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.
3. Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. Т.9. №3. С. 3-47.
4. Новые идеи в социологии: монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.
5. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России в XXI веке. М.: МГУ, 2002. 168 с.
6. Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования, 2001. № 3. С. 35-41.
7. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность, 2001. № 3. С. 13-24.
8. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
9. Кузнецов В.Н. Геокультурная энциклопедия: культура развития через культуру безопасности. М.: Книга и Бизнес, 2009. 700 с.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ КАТЕГОРИИ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF THE CATEGORY "HUMAN POTENTIAL" IN MODERN SOCIOLOGY

З.П. Замараева, Н.В. Панкратов

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Z.P. Zamaraeva, N.V. Pankratov

Perm State University

Категория «человеческий потенциал» в современной социологии получила новый импульс развития. Данное обстоятельство следует объяснить тем, что экономические и социальные тенденции в процессе формирования современного российского общества выдвигают все новые и новые требования, направленные на развитие человеческого потенциала, определяя его в центр происходящих трансформаций как первостепенное условие и конечную цель.

The category «human potential» in modern sociology has received a new impulse of development. This circumstance should be explained by the fact that economic and social tendencies in the process of the formation of modern Russian

society put forward more and more demands aimed at the development of human potential, defining it at the center of ongoing transformations as a paramount condition and ultimate goal.

Ключевые слова: человеческий потенциал, социология, современное российское общество, индивидуальный уровень, трудовой потенциал

Keywords: human potential, sociology, contemporary Russian society, individual level, labor potential

Актуализация категории «человеческий потенциал» в современной отечественной социологии обусловлена целым рядом противоречий, продиктованных прежде всего состоянием общества и процессами его реформирования и преобразования.

В то же время термин «человеческий потенциал» имеет ярко выраженную междисциплинарную направленность. В результате различия подходов к категории «человеческий потенциал» и обращения к ее методологической сущности разных наук возникают определенные затруднения в более точном толковании или выражении характерных качеств и свойств данного понятия. Для *философского подхода* характерно рассмотрение человеческого потенциала, основанного на представлении самооценности человека. Человеческий потенциал исследуется через призму экзистенциальной проблемы самоактуализации, врожденной потребности человека в реализации своего потенциала. В основе *культурологического подхода* лежит исследование проблем человеческого развития через состояние культуры, системы ценностей. Осмысление человеческого потенциала *в рамках психологического подхода* осуществляется в терминах способностей, среди которых выделяют жизнеспособность человека, работоспособность, способность к инновациям и к обучению. Концепция развития человеческого потенциала *в политологическом подходе* реализуется главным образом как инструментальная основа для формирования государственной политики.

Социологический подход к анализу человеческого потенциала отличает расширительная трактовка этого понятия. В фокусе внимания социологов находятся дифференциация человеческого потенциала разных социальных групп и причины этих различий, возможности его аккумуляции и реализации для их представителей: «если экономистов интересует в первую очередь отдача от инвестиций, то социологов – соотношение человеческого потенциала и качества жизни, социальных неравенств и особенностей человеческого потенциала, роль носителей человеческого потенциала различного типа в обществе и т.п.» [1].

В целом можно сказать, что все подходы имеют сходство между собой, рассматривается один и тот же объект, но в разных контекстах.

В то же время следует отметить, что в современной российской социологии понятие «потенциал» интенсивно разрабатывается в социологии труда, характеризуя человека в качестве целостного субъекта трудового процесса. Для данной группы подходов характерно отождествление способностей и человеческого потенциала, а также характер проявлений человеческого потенциала в трудовой сфере. В частности, А.А. Хохлов в определении «человеческий потенциал» выделил два основных аспекта – трудовой и психологический [2].

Другие исследователи, работающие в рамках данного подхода (Л.И. Иванько, Ф.Г. Шаймарданов и др.), сущность категории «человеческий потенциал» рассмотрели в пространственно-временном аспекте как единство трех уровней связи пространства и времени и прежде всего как отражение прошлого [3]. Человеческий потенциал, по их мнению, представляет собой устойчивую совокупность наличных средств, накопленных человеком в процессе становления и обусловленных его способностями к оптимальному функционированию и развитию: это образование и профессиональная квалификация, состояние его здоровья и интеллектуальные способности. Репрезентация настоящего выражена через актуализацию наличных способностей и возможностей, их практического применения и использования в процессе труда и ориентированность индивида на будущее. Отличительной чертой данной точки зрения является описание механизма, направленного на формирование и актуализацию человеческого потенциала: накопление (прошлое), репрезентация (настоящее). Однако реализация человеческого потенциала также редуцирована к сфере труда.

Важно отметить, что индивидуальный уровень человеческого потенциала, где в основе размещены личностные особенности потенциала и прежде всего способности, в настоящее время представлены в целом ряде исследований социологов. Примером отождествления человеческого потенциала и способностей является позиция петербургского социолога О.И. Иванова, по мнению которого, для характеристики человеческого потенциала в качестве ключевой категории необходимо использовать понятие «способность» [4].

Данную позицию активно поддерживает Н.Я. Сеницкая, предлагая рассматривать человеческий потенциал как «способность, возможность и потребность людей трудиться в условиях постиндустриального общества, основанного на информационно и интеллектуально емких технологиях» [5].

А.Б. Докторович анализирует человеческий потенциал как «целостную совокупность способностей и качеств индивида, социальной группы или

общества (носителей человеческого потенциала), обеспечивающих их жизнедеятельность как в нормальных, так и в экстремальных условиях» [6].

С нашей точки зрения, такая позиция значительно сокращает эвристические возможности категории «человеческий потенциал». Способности как свойства личности являются лишь субъективными условиями успешного осуществления определенного рода деятельности и сами по себе, без определенных качеств и свойств личности, не могут выступать в качестве основного и базового элемента человеческого потенциала.

Имеет смысл привести и позицию научных коллективов под руководством Б.Г. Юдина, где человеческий потенциал представлен прежде всего как «объект: 1) определенным образом репрезентирующий человеческие качества/возможности, вполне понятные в «малых» масштабах рассмотрения (на уровне отдельного человека или групп, связанных межличностными отношениями) и в «больших» масштабах рассмотрения (на уровне страны, государства, народа); 2) особым образом рефокусирующий вокруг себя понимание того, что представляет собой данное государство, народ, страна». На наш взгляд, при таком подходе происходит смещение смыслового содержания категории «человеческий потенциал» в область близкого по содержанию понятия «качество жизни» [7]. Важно отметить, что измерение качества жизни всегда статично, оно направлено на диагностику текущего состояния. Результаты данных измерений предоставляют информацию о том, насколько текущие условия внешней среды соответствуют базовым потребностям индивидов.

Как показывает анализ отдельных источников научной социологической литературы, в большинстве подходов к определению человеческого потенциала отсутствует указание на конкретные цели его реализации. На наш взгляд, образ конечного результата является необходимым условием характеристики человеческого потенциала, соотнесение потенциала с областью возможного направления развития.

Таким образом, в основе современного социологического прочтения категории «человеческий потенциал» должна находиться оценка совокупности доступных индивиду свойств и ресурсов личности в единстве с условиями деятельности.

Список литературы

1. Тихонова Н.Е. Человеческий потенциал российских модернистов и перспективы модернизации в России // Terra economics. 2012. Том 10. №1. С. 135-146.

2. Хохлов А.А. Кадровые процессы в государственной власти: социологический анализ. М.: МПСИ, 2000. 272 с.

3. Шаймарданов Ф.Г. Развитие социального потенциала промышленного предприятия в современных условиях. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. соц. наук. М., 2001.; Иванько Л.И. Личностный потенциал работника: методологические проблемы исследования // Личностный потенциал работника в условиях интенсификации производства (Опыт социологического исследования). Свердловск. 1986.

4. Иванов О.И. Человеческий потенциал (вопросы теории) // Санкт-Петербургский социологический ежегодник. 2010 / Отв. ред. А.О. Бороноев, Р.А. Костин. СПб.: Изд-во Спб. ГУСЭ, 2010. С. 8-28.

5. Сеницкая Н.Я. Развитие человеческого потенциала как стратегическая цель региональной социальной политики: монография / Н.Я. Сеницкая. Архангельск: Поморский гос. университет. 2004. 298 с.

6. Докторович А.В. Человеческий потенциал // Социальная политика: энциклопедия / Под ред. Н.А. Волгина и Т.С. Сулимовой. М.: Альфа-Пресс, 2006. С. 400-401.

7. Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // Человек. 1996. №4. С. 5-21.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЕГО ПОКАЗАТЕЛИ (НОВЫЙ ПОДХОД)

HUMAN POTENTIAL AND ITS INDICATORS (NEW APPROACH)

О.И. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет

O.I. Ivanov

Saint Petersburg University

Изложена авторская концепция человеческого потенциала, определены его структура, компоненты, показатели. Человеческий потенциал – совокупности систем потребностей, способностей и готовности индивидов и социальных общностей выполнять общественно необходимые деятельности, которые обеспечивают как преемственность, так и новации в развитии жизненно важных общественных сфер, а также в обществе в целом.

In article the author's concept of human potential is stated, its structure, components, indicators are defined. Human potential – sets of systems of requirements, abilities and willingness of individuals and social communities to carry out public and necessary activities which provide both continuity, and innovations in development of the vital public spheres, and also in society in general.

Ключевые слова: человеческий потенциал, структура потенциала, компоненты потенциала, показатели потенциала

Keywords: human potential, structure of potential, potential components, potential indicators

Мы определяем человеческий потенциал как сформированные во взаимодействии с социальной средой совокупности систем универсальных (общих) и специфических (специализированных) потребностей, способностей и готовностей индивидов и социальных общностей выполнять общественно необходимые деятельности, основные социальные роли, функции, такие роли и функции, которые обеспечивают как преемственность, так и новации в развитии жизненно важных общественных сфер, а также в обществе в целом. Ядро человеческого потенциала – человеческие способности. Человеческий потенциал – это не только и не просто реальные возможности, а это сформированные реальные способности, которые в социальных практиках проявляются и используются или не проявляются и не используются, обеспечивая социальному миру его высокую или низкую жизнеспособность. По нашему мнению, человеческий потенциал – это особого рода социально-биологическая целостность, которая по своей структуре включает в себя следующие основные компоненты и отношения между ними: демографическая компонента; компонента здоровья; образовательная; трудовая; культурная; гражданская; духовно-нравственная. Каждая из выделенных компонент находится в соответствии с общественно необходимыми видами деятельности, функциональными императивами: демографическая компонента – деятельность по производству новых поколений; компонента здоровья – деятельность по обеспечению физического и психического здоровья общества; образовательная – деятельность по производству «общества знания»; трудовая – деятельность по производству материальных благ и различных услуг; культурная – деятельность по производству духовных благ; гражданская – деятельность по обеспечению социального порядка; духовно-нравственная – деятельность по консолидации общества на основе нравственных ценностей. Кроме основных, базовых компонент в потенциале можно выделить специализированные компоненты, например, предпринимательскую, конкурентную, инновационную и другие. Вообще в человеческом потенциале столько компонент, сколько существует человеческих деятельностей.

Показатели человеческого потенциала.

– Первая группа показателей – действенность, «эффективность» уже созданного и используемого человеческого потенциала. Это показатели фактического участия субъектов потенциала в различных общественно необходимых деятельностях и показатели продуктивности, результативности этого участия.

– Вторая группа показателей – свойства внутренних, сущностных компонент человеческого потенциала. Это показатели развития потребностей, способностей и готовностей индивидов и социальных общностей к выполнению социально значимых видов деятельности, социальных ролей и функций.

– Третья группа показателей – показатели количества и качества выполненных и выполняемых индивидами и общностями социально значимых деятельностей, социальных ролей и функций.

– Четвертая группа показателей – показатели включенности (вовлеченности) субъектов потенциала в социально значимые виды деятельностей.

– Пятая группа показателей – показатели наличия – отсутствия и силы, гармоничности связей между потребностями, способностями и готовностями социальных акторов выполнять общественно необходимые деятельности, социальные роли и функции.

– Шестая группа показателей – показатели связей между разными системами потребностей, способностей и готовностей.

УРОВЕНЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Г. САРАТОВА

LEVEL OF RELIGIOUSNESS OF THE STUDENT YOUTH OF SARATOV

С.Г. Ивченков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

S.G. Ivchenkov

Saratov State University

По результатам социологического опроса методом анкетирования выявлен уровень религиозности студентов, выделяются индикаторы ее измерения: состояние сознания, поведения, включенность в религиозную жизнь. Индикаторами замера культового религиозного поведения были отобраны частота посещения храмов, молитва, празднование религиозных праздников, чтение религиозной литературы. Доказывается, что современная студенческая молодёжь, хотя и считает себя верующей, но отличается низким уровнем религиозности, манипулятивной данью внешним социокультурным традициям. На нее влияют две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, это повышение популярности религии, усиление ее роли и влияния религиозных институтов, с другой – разворачивание процессов секуляризации и глобализации, утверждение в сознании людей в качестве глубинных мотивов жизнедеятельности нерелигиозных ценностей и идей. Религиозность современных студентов во многом носит формальный, культурно-

традиционный характер, отличается неструктурированностью, неопределенностью, манипулятивностью.

In the article according to the Sociologic Poll method of questioning the level of religiosity students, stand out its indicators dimension. The level of religiosity to measure indicators-State of consciousness, behaviour, involvement in the religious life of the cult religious conduct measurement indicators were selected the frequency of visits to temples, prayer, celebration of religious holidays, read religious literature. It is proved that a modern student youth, while and considers himself a believing, but low level of religiousness, manipulative tribute external sociocultural traditions. Influenced by two divergent trends. On the one hand, the increasing popularity of religion, strengthening its role and influence of religious institutions, on the other hand, the deployment of processes of secularization and globalization, the adoption in people's minds as the underlying motives of life activity non-religious values and ideas. Therefore, religiosity contemporary students is largely formal, cultural, traditional character, different unstructuredness, uncertainty, manipulateness.

Ключевые слова: религия, религиозность, индикаторы религиозности, студенты

Keywords: religion, religiosity, indicators of religiosity, students

Религия всегда играла важную роль в функционировании социума как форма общественного сознания, социальный институт, участвующий в решении многих актуальных вопросов современности. В советский период считалось, что религия утрачивает свои позиции в жизни общества [1]. Однако сегодня, в условиях изменения государственной политики в этой области, активизации деятельности религиозных учреждений, их взаимосвязей с другими социальными институтами религиозность стала значимой чертой мировоззрения и практик всех слоев россиян, в том числе – молодежи и студентов. Под религиозностью традиционно понимается образ жизни, система представлений, мировоззрения и мировосприятия, набор культурных, духовных и моральных ценностей, символов, норм и правил, обрядов и культовых действий, обуславливающих поведение индивидов.

Современная студенческая молодежь представляет собой поколение, вовлеченное в духовный поиск, активно ищущее собственную идентичность. В данной социальной ситуации представляется чрезвычайно актуальным обращение внимания на религиозные ценности студенческой молодежи, ее практики соблюдения религиозных обрядов, соответствующих норм поведения, так как именно молодые люди выбирают траекторию духовно-нравственного развития общества. Исходя из этого в 2016 г. на территории Саратовского национального исследовательского государственного университета было проведено социологическое исследование отношения студенческой молодежи к религии методом анкетирования. Было опрошено 400 человек по вероятностной

многоэтапной квотной-гнездовой выборке. Основными критериями отбора являлись пол, факультет, курс, группа респондента.

Уровень религиозности замерялся с помощью индикаторов – состояние сознания, поведения, включенность в религиозную жизнь. Анализ результатов показал, что 51.2% студентов считают себя в той или иной степени верующими, 57% указали, что исповедуют православие. Это свидетельствует о складывании в общественном сознании «проправославного консенсуса», в основании которого лежит культурная и национальная самоидентификация. Именно этим объясняется тот феномен, что к православным отнесли себя, по данным опроса, на 5.8% студентов больше, чем к верующим.

Религия входит пятерку самых значимых для студентов ценностей, что говорит о ее определенной роли в их жизни. Однако она уступает другим ценностям, таким как семья, друзья, любовь, работа. Ее отметили лишь 10,9% представителей студенческой молодежи. При этом религия для студентов имеет свое представление и понимается по-разному (открытый вопрос) – как «вера в Бога» (47.6%), «все» (15.4%), «незаменимая часть жизни» (12.6%), «надежда» (8.4%), «традиция» (4.9%), «истина» (2.8%), «помощь в жизни» (1.4%), «моральные и нравственные нормы поведения» (1.4%), «социальный институт» (1.4%), «некий идол для успокоения души» (0.7%), «осознание себя частью православного мира» (0.7%), «оправдание ошибок совершенных мною» (0.7%), «вера в хорошее, светлое, чистое» (0.7%). Таким образом, выявлен широкий спектр студенческих представлений о месте религии в их жизни, начиная от формального признания ее как социального института и традиции, способа самоидентификации и заканчивая психотерапевтическим механизмом.

Говоря о религиозности как совокупности взаимосвязанных действий студентов, реализующих религиозные предписания, отметим, что индикаторами замера культового религиозного поведения были отобраны частота посещения храмов, молитва, празднование религиозных праздников, чтение религиозной литературы. Опрос показал, что большинство респондентов (74.4%) не посещают храмы. Видимо, у большинства студентов не сформирована потребность в религиозной практике. Это свидетельствует и о низкой потребности студентов в деятельности института религии и его учреждений. Это подтверждается и данными других исследователей [2].

У большинства верующих респондентов в семье есть верующие. Наиболее популярными предметами культа, которые хранятся в доме верующих и неверующих респондентов, оказались иконы. 60% студентов периодически молятся, что на 3% больше, чем доля верующих. При этом 37.4% опрошенных молятся 1 раз в день, 14.1% молодежи несколько раз в день. Каждый пятый (21.2%) представитель студенческой молодежи читает молитву

каждую неделю. Два или три раза в месяц совершают молитву 14.1% респондентов. Несколько раз в год читают молитву 8,1% участников опроса. Реже, чем раз в год, молятся 4% опрошенных, и 1% совершает ее в зависимости от ситуации. При этом следует заметить, что молитва выражает стремление вступить в контакт с сакральным, она связана с ощущением присутствия священного в повседневной жизни. Однако у студентов она часто приобретает манипулятивный, магический характер по принципу «ты мне – я тебе». Это происходит, когда студент прибегает к молитве для получения содействия в реализации своих целей, желаний.

Уровень религиозности определяется в значительной степени верой в религиозные догматы, которые являются фундаментом религиозного мировоззрения. Всего лишь 3.5% верующих приобретают религиозную литературу, 1.2% из них её читают. 78% студентов никогда не читали религиозную литературу, что свидетельствует о низком уровне религиозности студентов. Среди тех (22%), кто читал ее, 36,4% читали Библию, 31.8% – Коран, 20.5% – Евангелия, 10.5% – Священное Писание, 9.1% – молитвенник, 2.3% – откровения Иоанна Богослова. Большинству студентов чтение религиозной литературы не доставляет радости или наслаждения, что они объясняют устаревшим языком религиозной литературы, трудностями с пониманием текста, что свидетельствует о слабом знании студентами религиозных основ. Намного большее удовлетворение им приносит общение с религиозными людьми, которые помогают «снять душевную боль», приносят облегчение. Иными словами, это еще раз подтверждает, что религиозность студентов во многом сопрягается с психотерапевтической функцией веры. С другой стороны, это объясняет, почему всевозможные лжепроповедники достаточно легко находят отклик в студенческой среде.

Верующие студенты поровну разделились на тех, кто совершал религиозные обряды и кто не совершал. Наиболее популярным обрядом оказался обряд крещения, который сегодня является почти автоматическим, зависит от воли и желания родителей, но не самих крестящихся детей. Наиболее популярными религиозными праздниками среди православных является Рождество, Пасха, а у мусульман Курбан-Байран. Исходя из того, что показатель студентов, которые отмечают религиозные праздники выше, чем показатель верующих, можно сказать, что религиозные праздники выступают как укоренившаяся социокультурная традиция в обществе.

Универсальные основы религиозного мировоззрения – терпимость, милосердие, сострадание, прощение, то есть те социальные идеалы и нормы, которые обеспечивают выживание этноса и индивида, их единство. Они интуитивно воспринимаются как истинные. Однако можно согласиться с

Я.А. Матвиевской, которая полагает, что в реальности социальные и мировоззренческие противоречия норм, ценностей и практик в нашей стране порождают такое явление, как «формальная религиозность» [3], которая по сути становится данью социокультурным традициям социума. Формальная религиозность студентов проявляется в глубоком равнодушии к вопросам веры при демонстративном соблюдении обрядов. Это – форма внешней религиозности, не сопровождаемая соответствующими чувствами, переживаниями.

Таким образом, современная студенческая молодёжь, хотя и считает себя верующей, отличается низким уровнем религиозности, манипулятивной данью внешним социокультурным традициям. Иными словами, религиозность современных российских студентов во многом носит формальный, культурно-традиционный характер, отличается неструктурированностью, неопределённостью и требует дальнейшего социологического изучения. Понять особенности религиозности студенческой молодежи в России можно, лишь учитывая наличие двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, это повышение популярности религии, усиление ее роли и влияния религиозных институтов, с другой – развертывание процессов секуляризации и глобализации, утверждение в сознании людей в качестве глубинных мотивов жизнедеятельности нерелигиозных ценностей и идей.

Список литературы

1. Алексеев Н.П. Социалистический труд в советской деревне и преодоление религиозных пережитков (опыт конкретно-социологического исследования). Орел, 1965.
2. Россияне о религии // Левада центр [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-12-2013/rossiyane-o-religii> (дата обращения: 25.04.2014).
3. Матвиевская Я.А. Проблема религиозности в информационном обществе, 2006. Режим доступа: <http://science.ncstu.ru/conf/past/2006/10region/social/61.pdf/view> (дата обращения: 16.04.2015).

КОВАРНЫЕ ТРЕНДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА MODERN TRENDS OF HUMAN POTENTIAL

А.А. Козлов

Санкт-Петербургский государственный университет

A.A. Kozlov

Saint Petersburg University

Содержатся рассуждения автора по поводу некоторых современных тенденций и их следствий для общества на перспективу, а также оценку возможности общества справиться с неблагоприятными трендами и повлиять на состояние человеческого потенциала.

The article about some modern trends and its consequences to perspective and societies possibility inquiry with its.

Ключевые слова: тренд, настоящее и будущее, возможности человеческого общества, следствия трендов

Keywords: trend, reality and future, possibility of human society, trends consequence

Для начала об одной, хотя и не единственной, из значимых тенденций современного развития, имеющих непосредственное отношение к теме конференции. Замечено, что по мере развития прогресса в мире сокращается число работающих и увеличивается число неработающих. Более того, эти работающие, то есть выплачивающие налоги и производящие разного рода ценности и т.д., во все большей степени обеспечивают неработающих, которых, что не исключено, спустя 30-50 лет может стать большинство. При этом мы еще не знаем потолка этого тренда. Зато, достаточно понимаем, что такое огромная масса неработающих (а по сути, «лишних людей»). Это не только весьма значительная и все растущая нагрузка на бюджеты. Это быстрый рост разного рода отклонений, типа преступности, наркомании, пьянства и алкоголизма, а также и разного рода жестокостей и извращений, мракобесия, при этом при общем в целом снижении реального образовательного и культурного уровней.

А современные миграции. Если присмотреться, то вызваны они не только войнами и нестабильностью в разных регионах планеты. Есть в них и грозная, лишь в малой степени уже сегодня осознаваемая, подвижка к массовым перемещениям «лишних» в благополучные зоны (в развитые страны), однако в большинстве без смены статуса «лишних». И идут они, эти миграции, из «лишних», если так можно сказать, регионов. А в безусловно благополучных регионах, например, Европы, все чаще приходится слышать от коренных и работающих жителей: «У нас сегодня работать стало невыгодно!»

В целом же уже просматривается образ жизни и социальный портрет этой растущей во всем мире массы людей и их культуры. В основном потребительской. И всех их вовсе нельзя однозначно причислять к культуре так называемых «лишних». Скорее, это относительно, но ощутимо самостоятельная, какая-то другая, причем быстро разрастающаяся, культура, соприкасающаяся с доминирующей культурой, основанной на занятости и труде. При этом эти две культуры мало способны взаимодействовать друг с другом. К тому же не всегда бесконфликтно.

Очевидно и другое. Исключение (в том числе, и самоисключение) из массива работающих и определяющих основные тренды движения социума, с одной стороны, не может не снижать человеческий потенциал как в целом, так и в частностях. А с другой стороны, заостряет позицию другой группы работающих, максимизирует ее жизнедеятельность, обеспечивая рост ее потенциала, но и внутреннюю конфликтность и разделенность. И пока не понятно, будет ли все это способствовать снижению потенциала этой группы, что может привести к глобальным катастрофическим последствиям (как для самой этой «продвинутой» группы, так неизбежно и для тех, кто входит в так называемую «новую» культуру) или же наоборот. Ибо это новая культура, по сути, культура-паразит, но, увы, не только привязанная к первой (к своему антиподу), но и способная осуществлять свою жизнедеятельность, только будучи паразитически привязанной к ней. Однако, при известных условиях, становящаяся достаточно самостоятельной и агрессивной.

Но можно, по аналогии, сравнить это взаимодействие со здоровым организмом и разрушением его раковыми образованиями, с отчаянной борьбой здорового начала и злокачественного по своей природе. Но если в медицинской практике уже в большинстве случаев исход борьбы решается в пользу здорового начала (за счет развития медицины), то в социальной жизни исход с большой долей вероятности может быть предрешен в пользу начала злокачественного. Ибо нет, как в медицине, этого внешнего спасительного фактора. Иными словами, самого себя человечество не может перепрыгнуть. Просто не безграничны его силы и возможности.

Здесь дело еще и в том, что феномен «лишности», равно как и стремления к незанятости (конечно при условии достаточного уровня обеспеченности за счет других) сидят в той или иной степени в сознании и в подсознании куда большего, чем мы представляем, количества людей. Думается, если сегодня предоставить такие возможности и условия всем, то большинство может покинуть ареал означенной основной культуры. Или, если у нас, в вузах, сохранить пенсию на уровне зарплаты, сколько бы, например, из профессорско-преподавательского состава нынешних вузов, не без мук конечно, но перешли

бы в разряд неработающих. Думаю, около половины. А может это решение! Интересный вопрос, и пока безответный. И не только в силу ограниченных возможностей, но также и доминирования пока идеологии труда, трудовой этики, связанности сознания пока большинства коммунистическими представлениями о ведущей роли труда и т.д. А как же быть с обаянием безделья и потребительства, разумеется в современном его понимании? А в будущем понимании, и какое это будущее понимание возможно?

Если так, то в общем, обнаруживается сегодня и еще в большей степени проявится завтра тенденция к деградации населения планеты (это при продвинутых и обладающих высоким потенциалом группах). Причем, к общей деградации. А значит и к снижению человеческого потенциала как в целом, так и в частностях. И не следует думать, что опора на еще многочисленные слои «доброкачественного» населения (а другого в обозримом будущем не остается) может изменить положение к лучшему. Хотя, что такое это «лучшее», как не возврат к консерватизму, основанному на представлениях уходящей эпохи, что мы уже пережили и хорошо видим по заявлениям и действиям политиков и акул бизнеса. Другое же мы пока придумать не в состоянии. Да и возврат не возможен, поскольку нельзя, как мы отлично знаем, дважды погрузиться в одну и ту же реку. Хотя кое-кто пытается погрузиться и трижды.

Да и что такое консерватизм (хотя и с приставкой «нео»)? Он все тот же консерватизм, как был, а может быть (в новых реалиях) и пострашнее. Ведь стены на границах и марши ультраправых, с одной стороны, и призывы к мигрантам больше рожать и занимать пространство, выбивать новые льготы и угрожать – только первые цветочки. Словом, человечество не идет вперед целенаправленно, видя или предугадывая дальние цели (или боится их предугадывать?), не говоря уже о сверхцелях, а скорее плывет по течению, ориентируясь по наитию главным образом на цели ближние, на конъюнктуру. Но чаще всего эти ближние цели ни в какой степени не согласуются с общим трендом. Поэтому часто возникает вопрос о том, а способно ли общество воздействовать на означенный тренд, да и имеет ли соответствующие и необходимые для этого ресурсы, и материальные и человеческие, включая интеллектуальные. Хотя раньше делались попытки, но большинство из них окончились ничем. Тогда уместно задать вопросы, а не исчерпан ли потенциал возможностей воздействия. Или может это ложный путь? Ведь новые тенденции и феномены появляются отнюдь не только как результат целенаправленной деятельности (или огрехов такой деятельности), а вследствие, в основном, стихийной трансформации самого социума и условий. Тогда именно за условиями остается последнее слово. Именно они имеют решающее значение. В чем мы много раз убеждались.

Возьмем, например, идею и мировой опыт формирования «нового человека». Не важно, в какой системе, и в каких обществах, и в какие времена. В итоге, везде провалы, везде крах. Где-то в недрах рождающегося в крови и в грехе капитализма вызревала идеология протестантизма. Но и она сегодня трещит по швам. А коммунистическая идея мира труда и счастья, где же она? Мир же потребления диктует условия не только человеческого существования, но и мышления, иного образа мысли.

Миграции в Европу, да и в Америку – не только следствие войн, но и закономерный процесс перемещения «лишних» в более благодатные края. И надо посмотреть, а не были ли эти мигранты действительно «лишними» в своих краях? Имеем же мы грандиозный процесс перемещения у себя в России. Те, кто стали «лишними» в своих «лишних» странах, двинулись и к нам. И вовсе не «понаехали», а переместились, перемещаются и будут перемещаться. И не только в нужде в трудовых ресурсах тут дело. Сказать нужно честно, их регионы, за исключением некоторых, уже никогда не поднимутся. Значит судьба!

Да и изменения, хотя не всегда правильно распознаваемые и характеризующиеся, происходят пока противоречиво и с относительно небольшими, хотя и с разными скоростями, и вероятно будут длиться весьма долгое время. Вот только не будет ли это «дление» подобно «медлительному, как монастырское бдение, и медлительному падению» (Б. Слуцкий).

Правда, паниковать рано. Запас времени и ресурсов есть, и они огромны. Хотя это только запас. Но тенденции таковы, что уже сегодня человечество, не говоря уже об отдельных обществах, не только не берет серьезно в расчет эти тенденции, но и не может с ними справиться. Во всяком случае, явно демонстрирует эту неспособность, подменяя ее иррациональным или попросту чем-то сверхъестественным, за пределами темным.

Ну а как молодежь? Какой она будет завтра, и каков будет ее потенциал? Ведь не секрет, что потенциал этот за прошедшие четверть века довольно заметно снизился. Главным образом, за счет снижения уровня образования. У нас, в России, появились новые массовидные слои не только малообразованных, но и вовсе неграмотных молодых людей. Но самое страшное во всем этом – укрепление в сознании части молодых людей мысли о ненужности образования как такового. И если применительно к низшим слоям молодежи (по существу «лишней») это в какой-то мере понятно, то не покажется ли любопытным наличие в вузах огромного числа студентов, обучающихся, но не рассчитывающих на работу по специальности или вообще отсиживающихся за стенами вузов от коварных трендов. Известно, что уровень образования рассчитывается не по количествам мизерных элит (да, и элиты ли

это), а по числу имеющих полное образование на 100000 населения. А с этим связан и уровень культуры молодежи. Ведь качественное образование дает человеку строгость мышления, а отсутствие такого порождает произвол воображения и своеволия. Прибавим к этому целенаправленную работу ряда социальных институтов, не первый год работающих на снижение уровня образования и культуры и подменой таковых примитивными образчиками низкой культуры и откровенного мракобесия. Если же приплюсовать ко всему этому тренд на потребительство, то картина получается довольно мрачная.

Вот почему образование у нас, в России, (на других нам наплевать) должно быть всеобщим, обязательным и бесплатным? И, кроме того, в Конституции страны зафиксированным как категория гражданского долга.

А в то же время тренд человеческого потенциала будет, хотя и неравномерно, не исключая при этом позитивных подвижек и прорывов, и может невероятных для сегодняшнего мышления перемен, но все-таки, снижаться. Ведь потолки этих подвижек и прорывов не безграничны и, увы, не могут быть безграничны. Как, подчеркнем еще раз, не безграничны и возможности человечества. И не пора ли признать это как грозящую, хотя и в очень далеком будущем, катастрофу как реальность? Или что-нибудь попробовать, чтобы не стать жертвой коварных трендов, вырваться из означенного круга.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СООТНОШЕНИИ С ПОТЕНЦИАЛОМ КУЛЬТУРЫ HUMAN POTENTIAL VERSUS CULTURE POTENTIAL

В.П. Козырьков
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
V.P. Kozyrykov
Lobachevsky University

Человеческий потенциал в его связи с потенциалом культуры еще слабо исследован в социологии. Особенно в историческом аспекте, а не в решении сугубо социально-практических проблем. Ведь суть проблемы не в том, чтобы раскрыть потенциал культуры для решения актуальных социальных проблем, а в том, чтобы раскрыть потенциал культуры для раскрытия потенциала человека. Автор статьи высказывает ряд соображений с этой точки зрения.

Human potential in its connection to the potential of culture is still poorly studied in sociology, especially in historical context, but not in solving purely social and practical problems. However, the essence of the problem is not to reveal the

potential of culture to solve urgent social problems, but to reveal the potential of culture to reveal the potential of a person. The author of the article makes a few suggestions from this point of view.

Ключевые слова: культура, социология, человеческий потенциал, потенциал культуры, нравственность, добро, оптимизм, пессимизм

Keywords: culture, sociology, human potential, culture potential, morality, good, optimism, pessimism

Понятие культуры появляется, когда общество начинает осознавать, что человек есть такой же продукт деятельности общества, как и другие продукты. Впервые эта идея возникает в произведениях Платона и Аристотеля, считавших, что человек имеет общественную природу, поэтому государству необходимо создавать систему воспитания и образования. Одновременно в философии Аристотеля подробно разрабатывается понятие энтелехии, фиксирующее потенциальное начало в явлении, из которого рождается результат. Так, из желудя вырастает дуб. Но в философии Аристотеля энтелехия не связывалась с культурой. Она выступала потенцией космоса, обладающего разумом, а не человека и общества.

Таким образом, если раньше рождение человека как особого существа приписывалось демиургам, сила которых соединялась с силой космоса, то понятие культуры зафиксировало открытие, значение которого трудно переоценить: в нем была осознана возможность и способность самого человека формировать и совершенствовать самого себя. Следовательно, идея культуры с самого начала была гуманистической и во многом атеистической, хотя и включала в себя необходимость прибегнуть к силе бога, чтобы решить возникающие перед человеком вечные проблемы: разумности и стихии, свободы и необходимости, счастья и страданий. Поэтому не случайно в Средневековую эпоху понятие культуры не использовалось, а все возможные и невозможные потенции концентрировались в боге. Но и в такой религиозной форме потенции духовной сферы оказали существенное влияние на развитие общества и человека.

Идея культуры была поднята на щит как особый потенциал уже в эпоху Возрождения и Новое время, когда идее бога была противопоставлена идея разумного и просвещенного человека, который откроет законы природы и общества, а затем на этой рациональной основе изменит общество таким образом, что в нем не будет бедных и несчастных, униженных и оскорбленных, отверженных и бесполезных. Следовательно, открытие феномена культуры как фактора исторического развития стало выражением оптимизма в оценке возможности общественного прогресса и перспектив становления счастливого

человеческого будущего, строителем которого является сам человек. Однако нужно отметить, что уже тогда было понятно, что культуре приписываются завышенные потенции, которые ранее приписывались только богу.

Однако уже к концу XVIII в. и началу XIX в., когда на основе идеи культуры была попытка создать такое общество, о котором мечтали просветители, немецкие философы и социалисты, оптимизм был вытеснен пессимистическими оценками рационалистической идеи культуры, реализацию которой попытались осуществить революционным путем. Общество отказывалось подчиняться разумным аргументам, а человек стремился не к тому, чтобы переустроить общество в соответствии с высокими образцами культуры. Более того, оно качнулось в противоположную сторону: отказываясь от эталонов высокой культуры, оно устремилось за прибылью, удовольствиями и развлечениями. Следовательно, *провозглашение культуры как позитивной духовной силы потерпело полный провал*. Природа человека оказалась не столь творческой и благодушной, а существующие общественные институты не обещали даже в отдаленном будущем, что природа человека изменится в лучшую сторону даже при полной реализации всех духовных ресурсов, которые накопило человечество в культуре.

И как бы в доказательство этого пессимистического вывода о природе человека и возможности культуры по ее изменению стали появляться произведения, в которых природа человека раскрывалась как ящик Пандоры. Это произведения маркиза де Сада, А. Шопенгауэра, Л. фон Захер-Мазоха, Ф. Ницше, Ш. Бодлера, Ч. Ломброзо. Напор этих произведений весь девятнадцатый век был настолько сильным, что стоит только удивляться, как идея культуры выдержала испытание и уже в XX в. получила новое дыхание.

Правда, новое дыхание идея культуры получила не внутри теоретиков культуры, а в творческой работе самих творцов культуры: поэтов, композиторов, живописцев, прозаиков. И не потому, что они были воодушевлены потенциями культуры, накопленными историей, а через их духовное преодоление в условиях ряда крупнейших революций и двух мировых войн, которые, как представляется, сполна реализовали негативные тенденции развития культуры, о которых только пророчествовали весь XIX в. И с наибольшей глубиной и противоречивостью эти тенденции проявились в России, в которой переплелись революционные, военные и духовные процессы.

Мы до сих пор спорим об историческом значении этих событий, и дискуссии не видно конца. Обращу внимание только на ряд моментов, имеющих отношение к социологии русской культуры. В частности, представляется, что недостаточно обращено внимания на то, что в русской культуре, начиная с А. Пушкина и А. Герцена и заканчивая Л. Толстым и

В. Соловьевым, идея новой культуры получила свое развитие как нравственная *идея оправдания добра*. Именно с этой идеей выступил В. Соловьев, написав произведение «Оправдание добра», в котором развил позитивную идею культуры в противоположность нигилизму в понимании природы человека и потенциалов культуры, который развивал Ф. Ницше. Как нечто бесспорное эта идея отстаивалась и многими марксистскими философами и социологами. К сожалению, в настоящее время в общественном сознании у нас более популярны идеи Ф. Ницше, а не В. Соловьева.

Гуманистический потенциал творчества В. Соловьева прекрасно раскрыт в фундаментальной работе А.Ф. Лосева «В. Соловьев и его время», к которой я и отсылаю. Высок духовный потенциал произведений самого А.Ф. Лосева. В последнее время мы несколько увлеклись в превознесении культуры Серебряного века, забывая, что это была культура декаданса, как она была оценена самими творцами этой культуры: В. Брюсовым, А. Белым, А. Блоком, В. Соловьевым, А. Бердяевым, А. Лосевым и многими другими деятелями культуры декадентской эпохи. Нужно сказать, что *это напоминание позволит многое понять в том, что происходило в революционные годы и в первые годы советского общества, которое еще только выходило из атмосферы декаданса*.

В частности, понять, почему возникло желание создать новую, пролетарскую культуру, в которой не будет уныния и не будет такого искусства, которое не являлось бы источником социального вдохновения в построении нового общества. Эта новая идея произвела большое впечатление не только на новую молодую интеллигенцию (М. Шолохов, Л. Леонов, А. Гайдар и др.), но и на заслуженных творцов культуры (А. Блок, В. Брюсов, А. Толстой, В. Маяковский и др.), которые стали работать в новом для них культурном коде, центром которого стал человек труда, человек-гуманист, человек-оптимист в оценке природы человека, потенциалов культуры и возможности создания общества, в котором десятки миллионов не будут работать на кучку монополистов, собственников практически всех ресурсов общества, в том числе и ресурсов в виде самих людей труда.

Но уже в 30-е гг. эта оптимистическая идея стала утрачивать свою привлекательность, как это некогда случилось и после Великой Французской революции, когда идеи Просвещения были вытеснены идеями романтизма. Только сталинизм, который пришел на смену идее культурной революции, был совсем не похож на романтизм. Идея культуры снова стала отверженной, а если и существовала в общественном сознании, то в своем вульгарном и бюрократизированном виде. В самом деле, как можно говорить о позитивной реализации идеи культуры, когда существовали многочисленные ГУЛАГи? Но точно так же можно задать подобный вопрос о господстве культуры в

европейских странах, которые взрастили фашизм, расизм и нацистские концлагеря? Такое ощущение, что в течение всей первой половины XX в. человечество задалось целью похоронить идею культуры и поставить крест на идеях гуманизма.

Каков же смысл этого столкновения озверения человека и возможности в этих условиях оправдания добра, о чем наивно пророчествовал русский философ В. Соловьев еще в конце позапрошлого века, когда не было двух мировых войн, кровавость каждой из которых поражала воображение ее участников и совершенно непонятна людям нынешнего века? Но русскому философу было достаточно идей Ф. Ницше, чтобы взять на себя смелость и проявить творческий труд противопоставить стремлению быть по ту сторону добра и зла – идею оправдания добра. Однако отечественная социология в этом отношении проявила себя достаточно активно, но неубедительно, хотя и были попытки рассмотреть идеи культурного потенциала в работах Н. Михайловского, П. Струве, С. Булгакова, С.Л. Франка, П. Сорокина и ряда других авторов.

И все же первыми о необходимости использования духовного потенциала в оправдании добра были философы. Социология до сих пор сомневается в правомерности такой отрасли, как «социология морали». Поэтому философская смелость В. Соловьева и сейчас многим представляется действительно наивной, о чем я уже сказал. Но почему стремление к добру стало наивным? Не потому ли что сейчас сложилась иная культура, которая ближе к философии Ф. Ницше? И сложилась она во многом под воздействием современной массовой культуры. Если немного отвлечься от теоретических рассуждений и вспомнить сценарии многих современных фильмов, в которых рисуется мрачная картина будущего человечества, вспомнить, каков характер новостей, передаваемых в СМИ, вспомнить риторику многих современных политиков, то становится понятно, почему популярна философия Ф. Ницше. Нашу психику уже приучили к тому, что армагеддонский исход развития истории очевиден, так как нет никакой силы, которая могла бы противостоять мировому апокалипсису.

Однако тут есть еще один исток пессимизма в оценке потенциала культуры. Несколько неожиданный, поскольку он исходит из науки, вернее, из толкования ее достижений, которые сейчас все более и более утрачивают характер духовной культуры. Хотя и есть такая дисциплина как этика науки, она как-то не очень популярна. И в полной мере эта непопулярность этики и культуры в целом проявилась в трансгуманизме [1]. Его представители надеются только на силы науки и созданные на этой основе технологии моделирования человека с новой, усовершенствованной природой. Сторонники трансгуманизма заставляют нас поверить в том, что *природа человека не имеет*

общественного характера, и культура не играет никакой роли в его развитии. Таким образом, трансгуманисты стали выразителями настроения, вызванного *недоверием к гуманистическим ресурсам культуры*. Они теоретически выразили то, что происходит на практике, когда культура съезживается вместе с сокращением ее финансирования, сокращением учреждений культуры и стремительным усыханием массовых духовных потребностей.

Но история страны знала другие страницы в реализации потенциала культуры. Например, в 1918-2019 гг. было издано 115 наименований русской классики тиражом 6 млн. экземпляров, которая активно читалась во всех слоях населения. За считанные годы страна стала практически поголовно грамотной, задача, которую в начале XX в. планировали решить за 300 лет. Этого факта достаточно для того, чтобы показать, что новое открытие культуры для огромной массы людей может быть осуществлено скачкообразно, и таких скачков может быть много. Стала ли таким скачком в развитии культуры современная информационная революция?

И если бы не Вторая мировая война, которой страна ответила победной Великой Отечественной войной, не искалеченные судьбы миллионов людей этой войной и массовыми репрессиями, которые унесли жизни многих талантливых людей, такие скачки могли бы быть позднее и гораздо мощнее по глубине и масштабу. Но и сама победа над нацизмом, которому покорились многие европейские страны, была реализацией культурного потенциала, а не потенциала сталинских методов пробуждать вдохновение с помощью насилия. Это хорошо показано в произведениях А. Солженицына, Д. Гранина, А. Рыбакова и др. русских писателей. Отечественная культура, при всем трагическом исходе для многих ее деятелей, успешно прошла эти страшные испытания и стала потенциалом нового общественного подъема и нового духовного развития.

Так что 60-е гг., которые часто называю «годами оттепели», в действительности были не оттепелью, а новым этапом реализации потенциала культуры, который удивил весь мир успехами в области науки, искусства, авиации и космонавтики. Это был всплеск достижений в духовном творчестве на волне победы в Великой Отечественной войне и демонстрацией творческих возможностей, которые реализуется не под влиянием страха или опасности утратить свободу страны, а раскрытием потенциала, заложенном в самом человеке. Не «оттепель», еще раз подчеркну, стала источником подъема страны, иначе такие условия надо было практиковать постоянно.

Нужно сказать, что проблемы гуманистического потенциала культуры рассматривались активно в социологической классике. В частности, в социологии Т. Парсонса и П.А. Сорокина. Скажем, плодотворна идея

Т. Парсонса об интегрирующей роли культуры. Но если культуру понимать более широко, гуманистически, не исключая потребности в культуре тех, кто не является «высокоресурсным», то социология Т. Парсонса может приобрести критический характер и стать одной из предпосылок новой концепции социологии культуры, в которой общество приобретает «культуроцентристский» характер [2, с. 13].

Идеи русского социолога более плодотворны в этом направлении. П. Сорокин не просто показал духовные истоки опасности общего кризиса современного общества и возможность новой мировой войны, но указал на возможный духовный потенциал, реализация которого позволит преодолеть возникший кризис культуры. Выделяя в истории три типа культуры (идеационную, идеалистическую и чувственную), он приходит к выводу, что чувственная культура скрывает в себе постоянную возможность духовного упадка (декаданса). Социолог показывает, что «наше чувственное искусство заключает в себе самом вирусы распада и разложения. Эти патологические вирусы суть врожденные. Пока искусство растет и развивается, они еще неопасны. Но когда оно истрачивает большую часть запаса своих истинно творческих сил, они становятся активными и обращают многие добродетели чувственного искусства в его же пороки» [3, с. 450].

Важно в этой связи отметить то, что П. Сорокин бросает упрек чувственной, то есть эмпирической, структурно-функциональной социальной науке в том, что она не сумела распознать угрозы надвигающегося всеобщего кризиса и наступления мировой войны. Более того, при господстве такой науки «на наших глазах происходит «затемнение» человеческой культуры» [3, с. 487]. В 30-40-е гг. П. Сорокин пришел к неутешительному выводу в оценке духовного потенциала современной культуры, которая была чревата мировой войной. И в своем диагнозе русский социолог оказался прав, бросив при этом упрек человечеству в том, что ему не поверили и его не послушали.

Какой же П. Сорокиным предлагается выход из возникшей противоречивой ситуации? Он видит два варианта выхода: во-первых, культивирование этики альтруизма, использование духовной энергии любви, во-вторых, конвергенция двух мировых держав, СССР и США, под эгидой которых прекратятся мировые войны и будет найден выход из кризисного состояния культуры [4]. История не оправдала этих вариантов развития, в которых конвергенция подкреплялась альтруизмом. Конвергенции в полной мере, как это задумывалось социологу на волне потепления отношений между СССР и США, не получилось. В 60-е гг. начался новый виток обострения холодной войны. Однако идея конвергенции, но в своей культурной составляющей, все же определенным образом реализовалась. Однако не

альтруистическими ценностями пришла она в Россию, а широким потоком массовой чувственной культуры, против которой так резко выступал П. Сорокин. В его оценке в такой культуре царит «отсутствие определенности, стабильности и уверенности в нашей духовной и общественной жизни. В атмосфере подозрительных, пляшущих тенеобразных ценностей никто не может чувствовать себя в безопасности, никто не может ощутить твердую почву под ногами. Все, что мы можем сделать, – это попытаться «приспособиться» к непрерывным изменениям. Безнадежное дело, еще более безнадежное, чем задача, стоявшая перед Сизифом. Единственный результат такой отчаянной попытки – опустошенность, усталость и бессмысленное состояние «занятости при ничегонеделании» [5, с. 403]. Причины современного кризиса культуры П. Сорокин видит в сложившемся типе культуры, но в ней же он ищет рецепт выхода из состояния кризиса. Эта оценка потенциала современной культуры, данная П. Сорокиным, пессимистична, поэтому часто подвергается критике. Но в ней сформулированы проблемы, которые требуют к себе внимания и теоретического разрешения. Возможно, что поставленная еще Аристотелем проблема реализации культурного потенциала, энтелехии, не имеет своего практического решения, и человек уходит из жизни, не реализовав своих возможностей.

Список литературы

1. Козырьков В.П., Свадьбина Т.А., Немова О.А. Атрибутивные качества человека в условиях революции техносферы // Вестн. СПбГПУ. Серия 17. Философия. Конфликтология. Религиоведение. Вып. 2. 2016. С. 15-25.
2. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация, Общество. М.: Политиздат, 1992. 544 с.
4. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 351 с.
5. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УСЛОВИЙ
ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНАХ
ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
COMPARATIVE DESCRIPTION OF FORMING TERMS
HUMAN POTENTIAL IN REGIONS OF PFO**

Л.Н. Липатова
*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск*
L.N. Lipatova
Ogarev Mordovia State University, Saransk

На основе данных ООН и официальной статистики исследуется динамика основных параметров человеческого развития в регионах ПФО, выявляется дифференциация приволжских регионов по уровню развития человека.

In the article on the basis of the United Nations and official statistics investigated dynamics of basic parameters of human development in the regions of PFO, revealed differentiation of regions in terms of human development.

Ключевые слова: человеческий потенциал, продолжительность жизни, уровень жизни, качество образования

Keywords: human capital, life expectancy, standard of living, quality of education

Оценка человеческого развития ежегодно проводится по методике ООН и строится на наборе базовых показателей, характеризующих одно из ключевых направлений человеческого развития – долголетие, образованность, уровень жизни. За период с начала 1990-х гг. позиции Россия в мировом рейтинге по человеческому развитию существенно менялись. В 2006 г. страна опускалась до 73-й строки. В целом положение РФ изменилось не существенно: 1990 г. – 52-ое, 2015 г. – 50-ое место. Внутри России условия для развития человека существенно различаются. Крайние значения индекса человеческого развития (*ИЧР*) в 2013 г., как и в середине 1990-х гг., имели г. Москва и Республика Тыва.

Приволжский федеральный округ – одна из самых разнородных российских территорий по этническому составу населения и уровню экономического развития регионов. Округ включает 14 субъектов Федерации, в том числе 6 национальных республик, 7 областей, а также Пермский край, образованный в 2005 г. путем объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого АО. В 2004 г. 3 региона ПФО (Республика Татарстан, Самарская область, Республика Башкортостан) имели *ИЧР* выше среднего по России значения. В 1996 г. таких регионов было 7, кроме перечисленных выше к ним

также относились Ульяновская, Нижегородская, Пермская и Оренбургская области [1].

В 2010 г. в число наиболее развитых субъектов РФ из числа Приволжских регионов входила только Республика Татарстан – 6-ое место в федеральном списке (*ИЧР* – 0,861). Среднедушевые доходы населения этого региона на 21% превышали среднероссийские показатели. Ожидаемая продолжительность жизни была на 1,6 года выше, чем в среднем по России. Индекс образования, учитывающий грамотность взрослого населения и охват обучением населения в возрасте 7-24 лет, – на 0.7% выше, чем в РФ. Есть в ПФО регионы, где индекс образования был еще выше – Удмуртская и Чувашская республики, Пермский край, Кировская область.

Самый низкий показатель доходов населения в 2010 г. был характерен для Пензенской области (почти в 2 раза меньше среднероссийского показателя). В 10 из 14 Приволжских регионов продолжительность жизни была ниже среднего по стране уровня. Меньше 67 лет жили люди в Пермском крае и Нижегородской области. Грамотность взрослого населения во всех регионах высокая. Доля учащихся в возрасте 7-24 лет в большинстве Приволжских регионов выше, чем в среднем по России. Однако в ряде регионов этот показатель заметно отстает от среднероссийского уровня: Пензенская область – 72%, Республика Марий Эл – 73%, Ульяновская область и Республика Мордовия – 74%. Самое высокое значение этого показателя – в Удмуртской и Чувашской республиках и Кировской области – почти 80% [2].

В 2013 г. в число наиболее развитых субъектов РФ из числа регионов ПФО входила только Республика Татарстан, занявшая 4-ое место в федеральном списке (*ИЧР* – 0,892). Показатель среднедушевого дохода населения в Татарстане на 21% превышал среднее по стране значение. Ожидаемая продолжительность жизни населения этого региона тоже была самой высокой в ПФО и на 1,4 года выше среднероссийского уровня. Индекс образования был на 0.8% выше, чем в РФ. Есть в ПФО регионы, где индекс образования в 2013 г. был еще выше – Удмуртская Республика, Пермский край, Кировская и Самарская области.

Самый низкий показатель доходов населения в 2013 г. был отмечен в Кировской области (в 2 раза меньше среднероссийского показателя). В 11 регионах ПФО продолжительность жизни была меньше среднего по стране показателя. В 10 регионах уровень грамотности взрослого населения немного ниже, чем в среднем по стране. Самое низкое значение этого показателя – в Республике Мордовия (99.5%). Доля учащихся в возрасте 7-24 лет в большинстве Приволжских регионов выше, чем в среднем по России. Самое

высокое значение этого показателя – в Удмуртской Республике и Кировской области – почти 84% [3].

С годами распределение регионов по уровню человеческого развития существенно менялось. Как показывают данные таблицы 1, в 1996 – 2010 гг. большинство приволжских регионов ухудшили свои позиции в федеральном рейтинге. Самое сильное падение показателя отмечается в Ульяновской области – с 5-го на 47-ое место. Улучшение положения отмечается в Пензенской и Оренбургской областях, Удмуртской Республике и Республике Марий Эл.

Т а б л и ц а 1

Рейтинг регионов Приволжского федерального округа по уровню человеческого развития в 1996-2013 гг. [4]

Регион	1996	1999	2004	2008	2009	2010	2013
Республика Татарстан	2	3	4	4	4	6	4
Республика Башкортостан	4	5	11	14	18	18	20
Ульяновская область	5	13	46	46	46	48	47
Нижегородская область	6	11	34	28	27	33	32
Самарская область	9	6	10	8	20	25	26
Пермский край	10	14	30	26	31	26	25
Оренбургская область	17	25	14	18	12	11	15
Саратовская область	24	36	31	27	25	28	37
Удмуртская Республика	40	35	24	25	22	24	23
Чувашская Республика	44	38	29	36	39	46	46
Кировская область	49	44	58	63	64	52	56
Республика Мордовия	51	31	19	38	41	49	52
Пензенская область	59	68	49	45	48	60	39
Республика Марий Эл	70	48	66	69	71	68	58

Более подробно об условиях человеческого развития в регионах ПФО говорится в работах В.Н. Градусовой, Л.А. Абеловой, В.Ю. Фадеева, М.В. Тингаевой, М.В. Игнатъевой, С.М. Имярекова и других авторов [5; 6].

Итак, за период с начала 1990-х гг. Россия немного поднялась в мировом рейтинге по человеческому развитию с 52-го до 50-го места. На *ИЧР* России в первую очередь негативно влияет низкая продолжительность жизни. Большинство приволжских регионов ухудшили свои позиции в федеральном рейтинге за 1996-2013 гг. Наиболее благоприятные условия для развития человека – в Республике Татарстан, наиболее сложные условия – в Республике Марий Эл.

Только в 2 приволжских регионах (Республика Татарстан и Оренбургская область) среднедушевые доходы превышают средний по стране уровень. Разрыв в среднедушевых доходах между приволжскими регионами превышает 2,5 раза (крайние значения – в Республике Татарстан и Кировской области).

Только в 3 регионах ПФО (республиках Татарстан и Чувашии, Пензенской области) люди живут дольше, чем в среднем в России. Различия в продолжительности жизни – 3,4 года (крайние значения – в Республике Татарстан и Пермском крае).

Уровень образования в приволжских регионах высокий. Если уровень грамотности взрослого населения соответствует среднему по стране значению в 4 регионах (Республика Татарстан, Самарской, Саратовской и Нижегородской областях), то показатель охвата обучением лиц в возрасте 7-24 лет выше среднероссийского в большинстве регионов ПФО. Исключение составляют республики Башкортостан и Марий Эл, Саратовская, Ульяновская и Пензенская области.

Таким образом, условия гуманитарного развития в ПФО, за исключением Республики Татарстан, хуже, чем в целом по стране. Главные причины этого – низкие уровень и продолжительность жизни населения. Улучшение ситуации в сфере гуманитарного развития происходит существенно медленнее, чем в других российских регионах, что требует детального всестороннего изучения и разработки мер по регулированию этих процессов, поскольку это существенно обедняет социальный потенциал этих регионов и может стать серьезным тормозом на пути их экономического развития.

Список литературы

1. ПРООН. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2006 / 2007. М., 2008. С. 128-131.
2. ПРООН. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 2013. С. 150-151.
3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. С. 249-252.
4. Составлено по: ПРООН. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1998. С. 118-119; (1999). С. 101-103; (2002). С. 82-83; (2008). С. 128-131; (2010). С. 150-151; (2011). С. 142-143; (2013). С. 150-151; 2015. С. 249-252.
5. Липатова Л.Н., Тиньгаева М.В., Липатова Л.Н., Градусова В.Н., Абелова Л.А. Народонаселение Республики Мордовия в трансформационный период // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск. 2010. № 2 (14). С. 31-41.
6. Игнатьева М.В., Липатова Л.Н. Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионология. 2014. № 3(88). С. 127-134.

НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ THE NEW MEASUREMENTS OF THE SOCIAL COMMUNICATION

Н.А. Лымарь

Высшая Школа Безопасности в Познани (отдел в Гданьске), Польша

Н.А. Lymar

Wyższa Szkoła Bezpieczeństwa w Poznaniu (Wydział w Gdańsku), Polska

Социальная коммуникация продолжает оставаться актуальным объектом исследований в связи с ускорением современных общественных процессов, обусловленных изменениями в технологиях и актуализацией потребностей в безопасности.

Social communication continues to be an urgent object of research in connection with the acceleration of modern social processes, due to changes in technology and the actualization of security needs.

Ключевые слова: социальная коммуникация, безопасность, содержание и качество информации, трансляция информации

Keywords: social communication, security, content and quality of information, broadcasting of information

На первый взгляд феномен социальной коммуникации является сегодня объектом всесторонне рассмотренным и научно осмысленным. Во всяком случае, философски и социологически здесь высказано немало предположений и заключений. В данном контексте достаточно будет упомянуть выдвинутые относительно современные научные теории, например, дискурсивной коммуникативной этики К.-О. Апеля, коммуникативного действия Ю. Хабермаса, систем Н. Лумана, структуриации Э. Гидденса.

Меж тем, вопросы содержания, качества и способов трансляции информации в процессе социальной коммуникации продолжают вызывать обоснованную озабоченность у исследователей. Связано это с тем, что динамизм процессов и их ранее ускорение в настоящее время ставит все больше практических, чем теоретических вопросов. Не следует думать, что современная эпоха существенно изменила потребности в самом содержании, однако нельзя не обратить внимания на изменения среды и условий, в которых эта потребность формируется и реализуется. Попробуем кратко рассмотреть те признаки, которые позволяют нам оценивать феномен современной социальной коммуникации.

Содержание. Под содержанием мы понимаем набор информации, включающий сведения, факты и события, обладающие определенной степенью взаимной актуальности и относительным пониманием со стороны участников процесса коммуникации. Содержание определяется такими факторами как:

– общая культура (общий язык и символическое оформление понятий, социолекты, субкультурное пространство, актуальные понятия, общность целей и задач, понятная система ценностей и представлений о мироздании),

– культурная традиция (характер и состояние других способов социального взаимодействия, привычки в формировании потребностей в социальном взаимодействии, установленные нормы, правила, барьеры),

– национальный менталитет (включая историю формирования социальных интеракций, влияния на них внутренних процессов и внешних факторов, утвердившиеся способы восприятия и конструирования реальности),

– развитость восприятия (включая степень развитости интеллекта участников социального взаимодействия, степень открытости и склонность к анализу и оценке на основе воспринятых культурных и моральных принципов),

– мобильность в анализе информации (включая наличие условий для маневрирования и интерпретаций в процессе коммуникации, например, в зависимости от доступности степени свободы самовыражения, опыта восприятия перемен, индивидуальная креативность),

– эмоциональные состояния (отношение к процессу понимания и опыт понимания, расположенность к эмпатии). Процесс понимания многократно исследован в философии и как методологическая основа социально-гуманитарного знания (В. Дильней, В. Вильденбанд, М. Вебер, др.), и как форма человеческого бытия (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, П. Рикер). Символический интеракционизм, социальная феноменология и философия диалога рассматривают понимание как форму интересубъективного опыта и диалогического взаимодействия. Немало работ посвящено герменевтике и феномену интерпретации.

В содержание включаются такие значимые фрагменты, как субъективное значение, интересубъективная значимость и культурные ценности, среди которых особую роль играет сформировавшееся понятие «другого» (значимого другого) и принятое участниками понятие условного смысла. Условность смысла связана с различиями в восприятии актуальности информации, в способностях её понимания, в характеристике поставленных перед собой целей и задач.

Таким образом, под содержанием мы понимаем некую модель поведения (прежде всего, речевого), непосредственно осмысляемую, описывающую и сохраняющую актуальную на определенный период времени информацию, которая является продуктом создания, распространения и обмена в процессе социальной коммуникации.

Качество. В настоящее время под качеством мы понимаем, прежде всего, безопасность информации, используемой в процессе социальной

коммуникации. Акцент на аспекте безопасности сделан не случайно, так как именно безопасность может гарантировать позитивное развитие акта коммуникации, обеспечивающее относительный комфорт участникам социального взаимодействия. Мало того, безопасность может частично смягчать негативные последствия социальной коммуникации. Качество социальной коммуникации связано с трансляцией и обменом такой информацией на уровне социальных институтов (семья, образование, общество, государство), которое обеспечивает достижение поставленных целей одной из сторон без существенного ущерба для другой. Именно в вопросе качества действует общеизвестный принцип «не навреди!». В этой связи нашего внимания заслуживают все дискуссии и исследования, которые относятся к оценке и переоценке устоявшихся систем ценностей, к анализу безусловности доминирующих в социальном пространстве знаний и убеждений.

Главной проблемой остается обоснование не столько актуальности информации, сколько прогнозирование развития процессов, связанных с её распространением. Не менее нерешенным остается вопрос с постановкой целей и формулировкой задач акта социальной коммуникации в каждом отдельном случае. Например, известно, что уже на протяжении десятилетий в среде исследователей в сфере образования ведутся активные поиски ответов на такие проблемные вопросы, как качество образования. К сожалению, под качеством чаще понимается изменение содержания образовательной информации и её объема, а также различных условий, способствующих увеличению комфорта в образовательном пространстве. Между тем, почти не ставится ни одной задачи, которая бы была связана с реальным влиянием и развитием социальных процессов.

Трансляция в социальной коммуникации. Трансляторами информации (обладающей содержанием и качественными показателями) являются как сами субъекты (субъекты общения), так и субъекты-социальные институты. Особенность проявляется в том, что и отдельные субъекты, и социальные институты обладают общим набором содержательной информации и удовлетворяются доступным для понимания качеством этой информации. По этой причине вполне комфортно процесс трансляции осуществляется через такие трансляторы, как государство и общество (например, через свои институты – медиа, культура, образование). В теории процессы трансляции достаточно рассмотрены, в частности, в контексте изучения постмодернистского и информационного общества. В данной статье мы не будем рассматривать технические аспекты передачи информации в современном мире медиа, Интернета и социальных сетей. В вопросе трансляции нас больше интересуют возможности, связанные с постановкой целей в современной

социальной коммуникации, с доступностью восприятия информации, в частности, на уровне современных представлений о реальном состоянии социальных институтов, осуществляющих эту трансляцию. И так случилось, что в данном вопросе мы опять вынуждены обратиться к фактору безопасности как реализации одной из базовых потребностей человека. Этот подход может показаться несколько упрощенным. Следует, однако, вспомнить, что содержание и качество в современной социальной коммуникации также не лишены простоты, а сам процесс социальных интеракций протекает в заметно ускоренном ритме. Реальность такова, что мы вынуждены меньше внимания уделять вопросам развития в социальной коммуникации, чем вопросам реальных угроз и вызовов с её стороны.

Подытоживая вышесказанное, предлагаем в качестве приоритетной оценки состояния социальной коммуникации сосредоточиться именно на вопросах безопасности, что потребует разработки критериев таковой оценки и методов анализа объекта исследований, включая анализ содержания, качества и трансляции в социальной коммуникации. Считаем необходимым учитывать их влияние на современные вызовы и угрозы, с одной стороны, и участие в прогнозировании и планировании социальных процессов – с другой.

Список литературы

1. Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества // Трансформация философии. М.: «Логос». 2001. 344 с.
2. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Издательство «Логос». 2007. 360 с.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие, Спб.: Наука. 2001. 382 с.
4. Piotr Sztompka, Socjologia: analiza społeczeństwa, Kraków 2012. 485 s.
5. Anthony Giddens, Socjologia, Warszawa 2012.
6. Natalia Lymar, Społeczno-retoryczny aspekt zmian w komunikacji w przestrzeni edukacyjnej w kontekście reform edukacyjnych // Komunikowanie się w społeczeństwie wiedzy XXI wieku. Pod red. N.Majchrzak, i in. Poznań 2011, T.25, S. 29-35.
7. Natalia Lymar, Współczesne oczekiwania odnośnie zawartości i jakości opisu procesów społecznych // Komunikacja a zmiana społeczna, Wrocław 2017.

**«HCS++ (HUMAN CAPITAL SCORE)» ОНЛАЙН СИСТЕМА ДЛЯ
АНАЛИЗА ЛИЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ И ССУЗОВ¹
"HCS++" ONLINE SYSTEM OF STUDENTS' HUMAN CAPITAL
ANALYSIS**

А.В. Мальцева
Санкт-Петербургский государственный университет
A.V. Maltseva
Saint Petersburg University

Разработка автоматизированной онлайн системы «HCS++ (Human Capital Score)» по типу электронного портфолио обусловлена необходимостью наглядного представления в сети Интернет результатов учебных и внеучебных достижений российских студентов. Такой ресурс представляет собой альтернативный социологическим опросам метод сбора данных, преимущества которого состоят в доступности данных, постоянной обновляемости и возможности оперативного анализа, в том числе data mining.

Development and support of computer-aided online system "HCS++" (Human Capital Score) based on the idea of e-portfolio depends on strong necessity for visual presentation of Russian Federation students educational and other records in Internet. Such Internet-service is a sort of alternative resource of sociological data gathering with lots of preferences such as data accessibility, actual character of all data, possibility of analysis with help of different methods, data mining.

Ключевые слова: электронное портфолио, онлайн система, человеческий капитал, рейтинговые системы, социальный вес

Keywords: e-portfolio, online system, human capital, rating system, social weight

Так же, как несколько лет назад было предсказано появление социальных сетей, сегодня мировое сообщество предсказывает появление автоматизированных рейтинговых систем для анализа личных достижений и выявление пользователей, имеющих значительные успехи. Это предположение выглядит правдоподобным, так как общение сегодня все больше уходит в «онлайн» и все чаще возникают ситуации, когда получить первичную объективную информацию о претенденте для работодателя или респонденте для исследователя необходимо без личного контакта с ним, основываясь только на данных полученных из сети Internet (социальные сети, форумы, отзывы и пр.). Благодаря развитию информационных технологий поиск талантливого соискателя рабочего места не имеет территориальных ограничений, увеличивая адаптационные ресурсы выпускников на рынке труда не только локального, но

---

¹ Подготовлено при поддержке РФФИ, проект №15-06-02113.

и глобального уровня [1]. Поиски нужного специалиста могут проходить по всему миру, а это увеличивает количество претендентов и не дает возможности провести личные встречи. С одной стороны, такая особенность увеличивает область поиска качественного соискателя рабочего места или партнера по проекту, с другой стороны, резко падает качество поиска, и талантливые претенденты могут быть просто не замечены [2].

Для исследования личных достижений необходимо иметь соответствующую базу данных, включающую в себя всю публичную информацию – о знаниях, умениях, навыках, значимых для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом [3]. Сбор информации для такой базы данных традиционными средствами является практически невозможным, так, например, анкетирование проводится разово и не дает возможность поддерживать данные пользователя в актуальном состоянии. Организации же, имеющие в своем арсенале необходимый инструментарий по созданию и поддержанию таких баз данных, например, кадровые агентства с базами данных соискателей, не предоставляют к ним открытого доступа.

Все это актуализирует необходимость создания онлайн системы «HCS++ (Human Capital Score)», отражающей индивидуальный человеческий капитал. Решение этой задачи предлагается на основе существующей обширной базы данных в системе электронного портфолио LevelPride (<http://levelpride.com>), созданного в Алтайском государственном университете [2]. «HCS++ (Human Capital Score)» предназначается для аналитических проектов и проведения экспериментов и будет доступна в открытом режиме. Разрабатываемая онлайн система «HCS++ (Human Capital Score)» будет представлена в виде интернет-сайта (сервиса), укомплектованного набором необходимых инструментов (по выгрузке данных, их обработке, визуализации и пр.) Создание такой системы повысит доступность первичных данных для исследований в области человеческого капитала и будет востребовано как исследователями, так и административными и социальными службами, проводящими мониторинг и анализ состояния в данной отрасли, а также работодателями.

В отечественной литературе понятие электронного портфолио широко используется прежде всего применительно к образовательной сфере, что во многом обусловлено требованиями федерального государственного образовательного стандарта. Так, С.А. Татьянаенко рассматривает электронное портфолио студентов как совокупность студенческих работ, собранных с применением электронных средств и носителей, представленных в виде компакт-дисков либо в виде web-сайтов [4]. Л.П. Латышева, А.Ю. Скорнякова,

Е.Л. Черемных рассматривают электронное портфолио как метод комплексного аутентичного оценивания приобретенных обладателями компетенций путем анализа, представленных в папках документов, хранящихся как в бумажном, так и цифровом виде [5]. Данный подход привязан к компетентностно-ориентированной модели образования. Однако отличительная особенность «HCS++ (Human Capital Score)» состоит в том, что эта онлайн система позволит собирать не только основную информацию, характеризующую учебные результаты и сформированные умения и навыки учащейся молодежи, но и дополнительную, характеризующую самые разносторонние социально значимые возможности студентов вне академической среды.

Следует отметить, что е-портфолио применимо для демонстрации достижений не только в системе образования, но и в других сферах – в государственных и правительственных учреждениях, в общественных организациях, в бизнесе. Так, например, известны е-портфолио в области управления – это Mahara (Новая Зеландия), PebblePad (Великобритания), Taskstream (США); это система управления обучением (LMS) или система управления обучением и контентом (LCMS), которые включают в себя интегрированные функции е-портфолио: Exabis E-Portfolio на платформе Moodle, eFrontier, Sakai; это интегрированные системы, разнообразные системы управления контентом, где подразумеваются функции е-портфолио Drupal, Factline и пр.

В современной России все более активно применяют данную технологию в своей деятельности образовательные учреждения различного уровня от университетов до среднеспециальных учебных заведений, колледжей и даже общеобразовательных школ. Е-портфолио помогает поддерживать коммуникации, извещая всех участников о достижениях друг друга, предоставляя им возможность обратной связи, поддерживая внутреннюю коммуникацию, метакогнитивные процессы, рефлексии и, тем самым, расширяя возможности развития. В результате расширяются возможности образовательного пространства, формируется некоторый общий язык взаимодействия. Это повышает у учащихся и студентов навыки самооценки и самопрезентации, сравнения и целеполагания. Кроме того, е-портфолио – мощный инструмент оценки и аккредитации отдельных учащихся, их групп и целых учебных заведений как с точки зрения фиксации показателей в области образования, так и для обзора внеучебных достижений, формирования имиджа учебных заведений и менеджмента процесса обучения в целом.

Список литературы

1. Шилкина Н.Е. Стратегии адаптации выпускников высших учебных заведений на рынке труда // Кадровик. 2013. №1. С. 112-117.
2. Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В., Терновой О.С. Анализ е-портфолио для оценки человеческого капитала студентов ВУЗа // Образовательные технологии и общество. 2016. №3. Т.19. С. 391-411.
3. Махныткина О.В. Информационная система оценки компетентности студента и оптимизации индивидуальной образовательной траектории // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Сборник научных статей международной конференции. 2014. С. 697-703.
4. Татьянаенко С.А. Электронное портфолио как средство формирования конкурентоспособности выпускника технического ВУЗа // Современные проблемы науки и образование. 2014. №6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15382> (дата обращения: 19.09.2017).
5. Латышева Л.П., Скорнякова А.Ю., Черемных Е.Л. Перспективы и опыт ведения электронного образовательного портфолио в педвузе // Образовательные технологии и общество. 2015. Т.18. №3. С. 355-371.

ФИТНЕС КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА FITNESS AS A FACTOR IN HUMAN DEVELOPMENT

А.Ю. Мягков
Ивановский государственный энергетический университет
Н.Е. Бартенева
ПАО «Ростелеком», г. Чехов
A.Yu. Myagkov
Ivanovo State Power University
N.E. Barteneva
PAS «Rostelecom», Chekhov

Анализируется влияние занятий фитнесом на совершенствование и развитие человеческого потенциала. На материалах всероссийского онлайн-опроса, проведенного авторами в 2014-2015 гг. среди клиентов фитнес-клубов, раскрываются личностные, социальные и духовные функции фитнеса, показана его роль в жизни личности и общества.

The article is devoted to the analysis of the impact of fitness activities on the improvement and development of human potential. On the materials of the all-russian online survey conducted by the authors in 2014-2015 among the clients of fitness clubs, personal, social and spiritual functions of fitness are revealed, its role in the life of the individual and society is shown.

Ключевые слова: человеческий потенциал, фитнес, фитнес-услуга, социальные функции фитнеса

Keywords: human potential, fitness, fitness service, social fitness functions

Качество и уровень человеческого потенциала, а также качество жизни населения являются основными детерминантами социального баланса и социально-экономического развития современного общества.

В современной социологической литературе под человеческим потенциалом понимаются, прежде всего, те ресурсы и качества личности и жизнедеятельности общества в целом, которые способствуют прогрессу и развитию, повышению уровня жизни в целом. Человеческий потенциал представляет собой, *во-первых*, накопление населением физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетенции, предпринимательской и гражданской активности, которые реализуются в различных сферах деятельности [1]; а *во-вторых*, готовность и способность общества к активному саморазвитию и самосовершенствованию, своевременной адаптации к внешним изменениям и успешной конкуренции с другими обществами [2].

В современном обществе человеческий потенциал формируется за счет образовательных, профессиональных, самосохранительных инвестиций. Институты образования, культуры, здравоохранения, науки, спорта являются основными секторами капитализации и развития человеческого потенциала.

Анализ существующих в научной литературе определений понятия «человеческий потенциал» позволяет заключить, что состояние здоровья и физические кондиции населения являются основными компонентами человеческого потенциала. Их развитию как раз и способствуют занятия фитнесом.

Сегодня понятие «фитнес» используется для обозначения самостоятельного, обладающего несомненной спецификой объекта в области физической культуры. Одни авторы определяют его лишь просто как набор упражнений [3-4], другие – как стиль жизни и мировоззрение, новое социальное явление, представляющее собой физкультурно-спортивную деятельность, направленную на развитие и укрепление физического и духовного здоровья населения, следование принципам здорового образа жизни, повышение качества жизни в целом [5-6].

В «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» одной из важных задач является увеличение доли граждан РФ, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности населения до 40% в 2020 г. На

реализацию этой задачи направлены в том числе и действия коммерческих физкультурно-спортивных организаций [7].

Статистика показывает, что все большее число людей в нашей стране приходит в фитнес-клубы. Так, по данным всероссийских опросов ВЦИОМ, в 2006 г. лишь 7% от числа тех, кто занимается спортом¹, сообщали, что являлись клиентами фитнес-клубов, а в 2014 г. их доля составила уже 12% [8].

С каждым годом фитнес все больше интегрируется в общественные отношения и начинает выполнять экономические, социальные, культурные и иные функции в нашем обществе.

Каким же образом занятия в фитнес-клубе могут способствовать развитию человеческого потенциала? Исследование, проведенное нами в 2014–2015 гг. (n=1160) среди клиентов фитнес-клубов, показало, что фитнес действительно играет большую роль в повседневной жизни респондентов и развивает не только их физические кондиции.

В ходе опроса 75% участников оценили роль занятий в фитнес-клубе как значительную, 9% – как очень значительную, 11% дали средние оценки, и только 5% считают фитнес занятием малозначимым или не значимым совсем. Причем, как оказалось, эти оценки тесно коррелируют со степенью вовлеченности в занятия фитнесом, а взаимосвязь носит прямой характер: с увеличением стажа занятий увеличивается роль фитнеса в жизни человека.

Почти каждый четвертый респондент (22.5%) на вопрос о роли фитнеса отметил, что он стал для них неотъемлемой частью жизни, образом жизни, привычкой. Для 21% опрошенных занятия фитнесом являются способом поддержания хорошей физической формы (помогают похудеть, нарастить мышечную массу, добиться желаемых пропорций тела); 17% опрошенных клиентов видят в этих занятиях оздоровительную функцию; 16% участников опроса отметили, что фитнес дисциплинирует и является определенной жизненной целью, а также способом самосовершенствования. Еще 15% респондентов отметили рекреационную функцию фитнеса; 13% респондентов указали, что получают от такого рода занятий положительные эмоции, а для каждого десятого фитнес просто является источником жизненной энергии; 12% разгружаются после рабочего дня, избавляются или предохраняются от депрессии. Для 11% потребителей фитнес – это средство достижения физического совершенства, развития физических качеств, место для тренировок; 6% с помощью занятий повышают свою самооценку; 2% указали на коммуникативную функцию. Среди других вариантов (2.4%) респонденты отметили, что занятия фитнесом способствуют достижению уважения в

---

¹ По данным указанного опроса ВЦИОМ, доля россиян, которая занимается спортом, составляет 52%, поэтому расчет количества занимающихся россиянами необходимо делать с поправкой на данный показатель.

обществе, улучшению взаимоотношений в семье. Для бывших профессиональных спортсменов фитнес является альтернативой физической активности, другим же респондентам эти занятия позволили найти работу [9].

Фитнес способствует приобщению к здоровому образу жизни, сдерживает процессы инволюции и противодействует неблагоприятным условиям жизни и быта, тем самым сохраняя генофонд страны. В ходе нашего исследования 65% респондентов положительно ответили на вопрос, «Стал ли для Вас фитнес образом жизни?», а доля приверженцев здорового образа жизни в данной практике составила 70%.

Результаты нашего опроса, а также вторичный анализ литературных источников позволяют выделить целый ряд функций фитнеса, способствующих развитию человеческого потенциала.

- *Спортивная функция* заключается в совершенствовании физических качеств и двигательных навыков, общефизическом развитии и укреплении здоровья людей;

- *эстетическая функция* – фитнес формирует красивое тело, находящееся в гармонии с духом;

- *гносеологическая функция* – потребляя фитнес-услуги, клиент получает знания о выполнении упражнений, о правильном питании, здоровом образе жизни, обучается двигательным умениям и навыкам, развивает и повышает свой когнитивный потенциал;

- *воспитательная функция* – занятия фитнесом развивают у личности силу воли, стремление к совершенству, закаляют дух;

- *оздоровительно-реабилитационная функция* – систематические занятия способствуют профилактике различных заболеваний, помогают восстанавливаться после травм, обеспечивают отличный жизненный тонус организма человека в целом и его систем в отдельности;

- *релаксационная функция* – занятия фитнесом помогают поддерживать и восстанавливать организм в эмоциональном, психологическом, соматическом плане, восстанавливают его трудоспособность, оказывают противодействие депрессии;

- *коммуникативно-социализирующая функция* – фитнес объединяет занимающихся в клубы по интересам, создает интеракции между участниками и формирует у них навыки общения вне круга обыденной повседневной жизни;

- *рекреационная функция* – фитнес удовлетворяет потребности людей в активном отдыхе и досуге, способствует рациональному использованию свободного времени, отвлечению от вредных привычек, формирует здоровый образ жизни;

- *духовная функция* – фитнес приобщает людей к культурным ценностям разных стран и народов в процессе занятий фитнесом за счёт использования фрагментов искусства национальных культур (например, занятия восточными единоборствами, зумбой, йогой и т.д.);

- *адаптационная функция* – раскрытие функциональных резервов и адаптационных возможностей человека к трудовой деятельности, неблагоприятным условиям быта, повышение работоспособности. Хорошо физически подготовленный человек, сильный, выносливый, ловкий, быстрый, владеющий многообразными умениями и навыками, быстрее и успешнее приспосабливается к новым условиям труда. Это позволяет ему более интенсивно трудиться, быть конкурентоспособным в современном производстве и деловой жизни [9-11].

Занятия фитнесом позволяют сделать человеку шаг от строительства тела к форме жизнестроительства. Результаты исследований Дж. Алама и А. Хусейна [12], Р. Абрамова и А.А. Зудиной [13], а также данные, полученные в ходе нашего опросного исследования, убедительно подтверждают этот вывод. Потребление фитнес-услуг, по мнению опрошенных, способствует повышению их самооценки и выражению индивидуальности, улучшению взаимоотношений в семье и росту уважения со стороны окружающих, расширению круга знакомств, повышению социального статуса в обществе, выработке умения оперативно и осмысленно решать жизненные и профессиональные проблемы. Многим клиентам, по их собственным высказываниям, фитнес позволяет быть успешными, счастливыми, красивыми и даже помогает устраивать личную жизнь. Занятие фитнесом также рассматриваются как капиталовложение в собственное тело.

Оказывая влияние на многие сферы жизни людей, фитнес является самосохранительной инвестицией и способствует развитию человеческого потенциала населения. Занимаясь им, люди получают не только красивое и здоровое тело, хорошее физическое самочувствие, но и развиваются, самосовершенствуются, меняя себя в лучшую сторону, улучшая качество своей жизни в целом. Такого рода занятия создают положительные эффекты для всех заинтересованных сторон. Государство обретает здоровую нацию и тем самым повышает качество жизни населения, поскольку занятия способствуют снижению заболеваемости, повышению производительности труда и т.д. Организаторы бизнеса на красоте и здоровье получают все возрастающие доходы от своей деятельности и тем самым вносят вклад в развитие экономики страны. Для населения фитнес создает условия для ведения здорового образа жизни, конструктивного досуга, улучшения состояния здоровья и сохранения долголетия.

Список литературы

1. Соболева И.В. Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. 2009. № 9. С. 51-70.
2. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 13-25.
3. Борилкевич В.Е. Об идентификации понятия «фитнес» // Теория и практика физической культуры. 2003. № 2. С. 45-46.
4. Менхин Ю.В., Менхин А.В. Оздоровительная гимнастика: теория и методика. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. 384 с.
5. Голубева Г.Н., Фेरалева Ю.П. Формирование «фитнес-стиля» молодежи // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2006. № 1. С. 133-143.
6. Сайкина Е.Г. Семантические аспекты отдельных понятий в области фитнеса // Теория и практика физической культуры. 2011. № 8. С. 55-60.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» от 7 августа 2009 г. N 1101-р. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/> (дата обращения: 14.05.2017).
8. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2696 от 17.10.2014 «Здоровый образ жизни и как его поддерживать» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/-index.php?id=236&uid=115025> (дата обращения: 14.05.2017).
9. Бартенева Н.Е. Социальные функции фитнеса: опыт эмпирического исследования // Вектор науки ТГУ. 2016. № 1 (35). С. 67-72.
10. Григорьев В.И. Динамика развития рынка фитнес-услуг в России // Актуальные проблемы развития фитнеса в России: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 7-11.
11. Сайкина Е.Г. Фитнес в физкультурном образовании детей дошкольного и школьного возраста в современных социокультурных условиях: монография. СПб., 2008. 64 с.
12. Alam J., Hossain A. Motivations behind attending fitness clubs in Bangladesh: A survey study on clubs' members in Sylhet // European Journal of Business and Management. 2012. Vol. 4. No. 2. P. 120-137.
13. Абрамов Р.Н., Зудина А.А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6 (100). С. 134-142.

**ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА ВНЕДРЕНИЯ
СТАНДАРТА РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ В СУБЪЕКТАХ РФ
PROBLEMS OF REGIONAL MONITORING OF THE INTRODUCTION
OF THE STANDARD FOR THE DEVELOPMENT OF COMPETITION
IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В.В. Окшин

Оренбургский государственный университет

V.V. Okshin

Orenburg State University

Рассматриваются проблемы исследования региональных рынков по состоянию и развитию конкуренции в соответствии с требованиями Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации. В качестве инструмента оценки конкуренции автором предлагается мониторинг состояния конкурентной среды на региональном рынке товаров и услуг.

The article examines the problems of researching regional markets on the state and development of competition in accordance with the requirements of the Standard for the Development of Competition in the Subjects of the Russian Federation. As a tool for assessing competition, the author suggests monitoring the state of the competitive environment in the regional market for goods and services.

Ключевые слова: конкуренция, мониторинг состояния конкурентной среды на региональных рынках

Keywords: competition, monitoring of the competitive environment in regional markets

Механизм взаимодействия акторов в социально-экономической сфере России, претерпев стремительную трансформацию от планово-распределительного к рыночноориентированному, продолжает свое становление. Либеральная модель рынка смогла способствовать установлению определенного типа взаимоотношений между экономическими акторами, но не решила вопросов регулирования качества жизни населения, сведя его к обеспечению потребителей массой товаров, доступной им в дискриминирующей степени, но не способной отменить соответствующий запрос. В силу необходимости поиска баланса между свободой и ограничением в экономике в центр идеологии регулирования выдвигается понятие конкуренция. Ключевым моментом современного этапа формирования проактивной государственной конкурентной политики выступает дорожная карта развития конкуренции и совершенствования антимонопольной политики, утвержденная Правительством РФ в 2012 г. В ней были закреплены ключевые элементы, оказавшие значительное влияние на региональное управление в целом. Заложенный в основу управления структурный подход привел к

выделению набора отраслей, признанных приоритетными. В логике подобного подхода лежала скорее административная модель необходимости государственного регулирования отраслей, которые могли бы способствовать улучшению качества жизни граждан России в краткосрочной перспективе. В то же время критерии расстановки приоритетов остаются нечеткими и нуждающимися в верификации с точки зрения общественной значимости и возможности повышения качества их работы вследствие развития именно конкурентных процессов.

Следующим ключевым шагом в процессе создания социально ориентированной конкурентной политики стала разработка Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации. Основными целями введения данного стандарта являются:

- совершенствование антимонопольной политики Российской Федерации, защиты и развития конкуренции;
- установление системного подхода к осуществлению деятельности органов власти всех уровней по созданию условий для развития конкуренции в отраслях экономики с учетом специфики конкретного региона;
- создание прозрачной системы работы органов исполнительной власти по реализации мер в области развития конкуренции, обеспечения предоставления качественных товаров и услуг населению региона и развитие малого и среднего бизнеса;
- выявление экономического потенциала региона по производству товаров и услуг и устранение административных барьеров для бизнеса с целью содействия развитию конкуренции.

Основным инструментом оценки состояния конкурентной среды на региональном рынке выступает мониторинг. Мониторинг состояния конкурентной среды представляет собой систематический сбор и обработку информации, которая в дальнейшем используется для принятия управленческих решений по регулированию развития конкуренции на рынках региона. Результаты мониторинга могут использоваться органами власти для информирования предпринимателей и общественности, а также как инструмент обратной связи при осуществлении проектов или программ развития конкуренции. Мониторинг состояния конкурентной среды позволяет выявить изменения на локальных рынках товаров и услуг региона, на основании которых будет выработан курс действий органов власти по развитию конкуренции на перспективу.

Мониторинг необходимо проводить ежегодно для оценки наличия или отсутствия административных барьеров для субъектов предпринимательской деятельности, состояния конкурентной среды, а также оценки

удовлетворенности потребителей качеством товаров, работ и услуг и состоянием ценовой конкуренции на региональном рынке.

С 2014 г. внедрение Стандарта развития конкуренции начинается в 6 пилотных регионах – Республике Татарстан, Хабаровском крае, Волгоградской, Нижегородской, Ульяновской областях и Санкт-Петербурге. Ряд российских регионов присоединились к работам по внедрению Стандарта в инициативном порядке, среди них: Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Кировская, Московская, Омская, Пензенская, Саратовская, Тамбовская, Тульская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Удмуртская Республика, Республика Чувашия, Ярославская область.

Пилотные проекты, реализованные в различных субъектах Российской Федерации, показали необходимость дальнейшей детализации направлений, задаваемых Стандартом. Практика внедрения Стандарта на пилотном этапе в качестве основных позиций, требующих разработки или дальнейшего совершенствования, выявила необходимость:

- разработки инструментария для определения приоритетных и социально значимых отраслей для отдельно взятого региона;

- разработки инструментария для оценки удовлетворенности предпринимателей состоянием конкуренции на конкретных товарных рынках, а потребителей – качеством товаров и услуг;

- адаптации требований Стандарта и соответствующих механизмов реализации на местном уровне, вследствие различий в социально-экономическом развитии крупных и малых городов;

- учреждения механизма взаимодействия legislatures и административных структур с конечными потребителями услуг, предполагающего эффективную двустороннюю трансляцию требований и ожиданий.

Указанные проблемы нашли свое отражение в различных региональных решениях, одно из которых предлагается к обсуждению на примере Оренбургской области.

При проведении мониторинга состояния конкурентной среды на региональном рынке Оренбургской области в 2016 г. были использованы опросы населения, проводимые Федеральной антимонопольной службой и Оренбургским государственным университетом с целью выявления удовлетворенности населением качеством товаров и услуг на региональном рынке, а также опросы предпринимательского сообщества с целью выявления условий ведения предпринимательской деятельности. Опросы населения и представителей бизнес-сообщества проводились методом анкетирования с выборкой 2472 респондента, в числе которых 1344 респондента составили

потребители товаров и услуг и 1128 респондентов – представители предпринимательского сообщества.

Как показали результаты мониторинга, более половины опрошенных представителей предпринимательского сообщества отметили наличие высокой и умеренной конкуренции на региональном рынке. Большинство опрошенных респондентов отмечают рост числа конкурентов на рынке товаров и услуг и рост количества поставщиков однородных или идентичных товаров и услуг.

Представители бизнес-сообщества отметили высокий уровень конкуренции на рынке транспорта, связи, розничной торговли, производства продуктов питания, строительства и рост числа конкурентов на данных рынках. Слабая конкуренция отмечается респондентами на рынке естественных монополий, социальных услуг, на рынке добычи полезных ископаемых.

Основными административными барьерами для ведения или открытия нового бизнеса являются высокие налоги и нестабильность российского законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность. Кроме того, респонденты положительно оценили деятельность Федеральной антимонопольной службы и Правительства Оренбургской области, направленную на снижение административных барьеров и развитие конкуренции.

Результаты опроса жителей Оренбургской области–потребителей товаров и услуг позволили выделить ряд сегментов рынка, на которых респонденты отметили завышение цен на товары и услуги, а также низкое качество предоставляемых товаров и услуг. К таким рынкам, по мнению респондентов, относится рынок предоставления медицинских и туристических услуг, а также услуги по детскому отдыху и оздоровлению.

Мониторинг является основным инструментом реализации Стандарта развития конкуренции и оценки состояния конкуренции на региональном рынке. Мониторинг позволяет оценить динамику хозяйствующих субъектов на региональном рынке, административные барьеры входа на рынок, а также экономические и административные ограничения для развития конкуренции.

**ПОТЕНЦИАЛ СПОРТИВНОГО ВОЛОНТЕРСТВА В ЛИЧНОСТНОМ
РАЗВИТИИ СТУДЕНТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹
THE POTENTIAL OF SPORTS VOLUNTEERING IN PERSONAL
DEVELOPMENT OF STUDENTS IN THE URAL FEDERAL DISTRICT**

М.В. Певная, Д.Ф. Телепаева
*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург*
M.V. Pevnaya, D.F. Telepaeva
*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg*

Раскрыты некоторые аспекты влияния спортивного волонтерства на личностное развитие студентов УрФО. По результатам опроса университетской молодежи УрФО реализовано сравнение студентов, принимавших участие в спортивных волонтерских проектах, и тех, кто такого опыта не имеет.

The paper reveals some aspects in impact of sports volunteering to personal development of students in Ural Federal district. According to a survey of University youth in Ural Federal district implemented the comparison of students who took part in the sport volunteer projects and those who has no such experience.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, спортивное волонтерство, студенты, личностное развитие

Keywords: volunteering, sport volunteering, students, personal development

Одним из популярных в мире видов гражданской активности является волонтерство. В последние 10 лет эта деятельность активно поддерживается государственными чиновниками, все больше россиян занимаются добровольчеством в разных его видах. Для молодого поколения такой социальный опыт даёт импульс личностному развитию, формирует востребованные на рынке труда качества и профессиональные компетенции. В системе образования добровольчество работает на социализацию молодежи и ее адаптацию к постоянным социальным и экономическим изменениям.

Одним из самых популярных видов добровольчества не только в России, но и во всём мире является спортивное волонтерство. Молодые люди и девушки занимаются добровольчеством в конкретных университетских организациях или волонтерских центрах. Практически во всех российских высших учебных заведениях сегодня созданы волонтерские центры. В ряде ведущих университетов они были инициированы в рамках подготовки к крупным международным спортивным мероприятиям, в других университетах

---

¹ Исследование поддержано РГНФ, проект № 16-03-00016 «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления».

центры организуются инициативно на местах. В Уральском Федеральном округе ассоциированные добровольческие центры работают в УрФУ, УрГПУ, УралГУФК, МГТУ и т.д. [1].

В спортивное волонтерство вовлекается российское студенчество как высоко ресурсная социальная общность, к которой преимущественно обращена молодежная политика. От молодого поколения зависит будущее любой страны, её экономическое и демографическое развитие. Спортивное волонтерство как вид серьезного досуга и важное для продвижения отдельных территорий социальное направление значимо для регионального развития. По своей сути оно вписывается в политику создания лучших условий для полноценной и творчески насыщенной жизни молодых людей. Именно в спортивном волонтерстве молодежь можно рассматривать не как ресурс регионального развития, а как его субъект, с точки зрения деятельностных характеристик студенчества. Проявление активности молодых людей, ведущими формами которой становятся инициатива и ответственность, позволят судить о качестве молодежного потенциала в регионе [2].

Еще одна важная грань спортивного волонтерства – его связь с успешностью молодежи в обучении. По результатам исследований М.П. Сухарьковой, эффективное управление социально значимой деятельностью помогает целям добровольческой деятельности и познавательного процесса взаимно обогащать друг друга. Взаимообогащение образования и просоциальной деятельности способствует личностному, социальному и интеллектуальному росту, дает молодым людям ощущение ответственности, возможность строить свою карьеру [3].

Британский учёный J. Hayton доказал, что спортивное волонтерство студентов в рамках университетских ресурсных центров способствует личностному и профессиональному развитию молодых добровольцев. Личностные изменения в процессе участия студентов-волонтеров в массовых проектах происходят за счет преодоления целого ряда психологических страхов и барьеров для их взаимодействия в образовательной и профессиональной сферах, что в итоге работает на личностное продвижение участников таких спортивных добровольческих мероприятий [4].

Одной из актуальных проблем университетских студентов является их реальное трудоустройство. В условиях экономической дестабилизации все чаще проявляются риски несоответствия запросов рынка труда возможностям выпускников. Кроме того, реальный сектор экономики характеризуется не только нестабильностью, но и высоким уровнем конкуренции между потенциальными работниками-молодыми выпускниками, которые должны быстро реагировать на перманентные изменения. В этих условиях спортивное

волонтерство как социальная практика, работающая на преодоление страхов, социальных барьеров, формирующая ответственное и инициативное поведение, может определять личностное развитие за счет реакций молодых людей на текущие изменения и готовности к реальной конкуренции.

Таким образом, цель доклада – проанализировать влияние спортивного волонтерства на уверенность российских студентов в своей конкурентоспособности. В исследовании представлены результаты опроса студентов Уральского федерального округа, проведенного в 2017 г. (N=1860; тип выборки – квотная). Выборка формировалась на основе статистических данных об образовательных общностях городов округа, где сосредоточены высшие учебные заведения (Екатеринбург, Тюмень, Челябинск, Сургут, Курган). Осуществлялось квотирование внутри вузов по направлениям подготовки (инженерно-техническое, естественно-научное, гуманитарное, социально-экономическое). По данным исследования, 26% студентов имеют опыт волонтерского участия в крупных спортивных мероприятиях, а 74% студентов никогда не занимались спортивным волонтерством.

Т а б л и ц а 1

Готовность постоянно доказывать свою конкурентоспособность студентов-спортивных волонтеров и студентов, не имеющих такого опыта (% от числа опрошенных)

Варианты ответа	Опыт спортивного волонтерства	
	Да	Нет
Да, мне это легко	30	15
Да, хотя это и не легко	50	25
Нет, но приходится	18	13
Нет	12	47
Всего	100	100

Метод корреляционного анализа позволил дать оценку возможной взаимосвязи двух переменных – готовность студентов постоянно доказывать свою конкурентоспособность и участие в организации и проведении спортивных мероприятиях на безвозмездной основе (V Крамера – 0,204; асимптотическая значимость -0,000). Результаты сравнения двух групп студентов-спортивных волонтеров и тех респондентов, которые такого опыта не имеют, представлены в табл. 1.

Данные опроса показывают, что 80% студентов-спортивных волонтеров с разной степенью уверенности в собственных силах готовы доказывать свою конкурентоспособность. Среди тех, кто не участвовал в спортивных волонтерских проектах, таких людей почти в два раза меньше (40%). При этом количество студентов, которые не готовы постоянно доказывать свою

конкурентоспособность, но им приходится это делать в силу определённых причин, соответственно равно 18% и 13%. Почти половина студентов (47%), не принимавших участие в качестве волонтера на спортивных мероприятиях, не готовы доказывать свою конкурентоспособность. Среди тех, кто имел опыт волонтерской деятельности, таких респондентов оказалось всего 12%.

Выявленная характеристика студентов-волонтеров может быть объяснена спецификой спортивного волонтерства, обусловленной жёсткими требованиями к знаниям, умениям и навыкам добровольцев. Как правило, к потенциальным волонтерам предъявляются высокие требования, зависящие от специфики и масштабов спортивного мероприятия. Общепринятой во всем мире нормой являются формализованный рекрутинг и многоэтапный отбор кандидатов. Например, для участия в качестве волонтера на Олимпийских играх необходимо знать хотя бы один иностранный язык, обладать стрессоустойчивостью, отличными коммуникационными навыками, умением работать со спортивными объектами и т.д. [5]. Во время подготовки и проведения крупных спортивных мероприятий волонтеры постоянно сталкиваются с непредвиденными обстоятельствами, на которые немедленно нужно реагировать, принимать быстрые решения, нести ответственность за свои действия. Таким образом, уверенность студентов в своей конкурентоспособности тесно сопряжена с опытом спортивного волонтерства. Данная характеристика позволяет рассматривать спортивных волонтеров как субъектов социального действия, чья социальная активность выступает как синтетическое качество личности [3], определяющее их инициативность и ответственность.

Список литературы

1. Официальный сайт Ассоциации волонтерских центров России 2017. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://xn--80ae4d.xn--p1ai/centers/> (дата обращения: 21.07.2017).
2. Саралиева З.Х., Митягина Е.В. Ресурсы молодежи в инновационном развитии регионов России: международная конференция объединяет власть, науку и искусство // Совет ректоров. 2012. № 1. С. 42-48.
3. Сухарькова М.П. Олимпийское волонтерское движение после игр в России // В кн.: XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / Отв. ред.: Е.Г. Ясин. Кн. 3. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 84-91.
4. Hayton J. Sports Volunteering on University-Led Outreach Projects: A Space for Developing Social Capital? // Journal of Sport and Social Issues. 2016. № 40(1). P. 38-61.

5. Минимальные требования для Зимней и Летней Универсиады FISU. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.fisu.net/en/International-university-sports-federation-3137.html> (дата обращения: 23.07.2017).

**ГЛОБАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ:
НООСФЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**
GLOBAL HUMAN POTENTIAL: NOOSPHERIC DIMENSION

Г.С. Смирнов, Д.Г. Смирнов
Ивановский государственный университет
G.S. Smirnov, D.G. Smirnov
Ivanovo State University

В центре внимания авторов – феномен глобального человеческого качества, рассматриваемый через призму категории «человеческий потенциал». Показано, что именно срединное человеческое качество, региональный человеческий потенциал выступает залогом инновационного рывка в ноосферу. Формулируется представление о рождающейся в недрах глобального образовательного кризиса «детской революции» (поколенческой революции), направленной на преодоление социального неравенства как в России, так и в мире в целом.

The authors focus on the phenomenon of the global human quality viewed through the prism of «human potential» category. It is shown that «medium» human quality (regional human potential) is the key to an innovative leap into noosphere. The notion of a global generational revolution, born in the depths of the global educational crisis, aimed at overcoming the social inequality both in Russia and in the world as a whole is formulated.

Ключевые слова: человеческое качество, сложное глобальное сознание, человеческая революция, социальная среда, поколенческая формация, образовательный кризис

Keywords: human quality(ies), complex global consciousness, human revolution, social environment, generation's formation, educational crisis

В 2017 г. исполняется 40 лет со дня выхода книги Аурелио Печчеи «Человеческое качество» [1], где он сформулировал следующую аксиому: «наиболее важным, от чего зависит судьба человечества, являются человеческие качества – и не качества отдельных элитарных групп, а именно «средние» качества миллиардов жителей планеты» [2, с. 45]. От них зависит не только увеличение глобальных угроз, но и реальные пути их разрешения, ибо «...граница между созиданием и разрушением, улучшением и ухудшением, прогрессом и застоём определяется именно человеческими ресурсами, их возможностями, их развитием, умением мобилизовать их на решение

поставленных задач» [2, с. 32]. Наряду с понятиями «человеческое качество», «человеческие качества», «человеческие ресурсы», «человеческое развитие» [2, с. 197] в экономической, социологической, политологической и философской литературе широко используются термины «человеческий потенциал», «человеческий капитал», «человеческое благополучие», «качество жизни» и др. Все эти термины так или иначе описывают «человеческое качество», которое А. Печчеи понимает именно как *глобальное человеческое качество*.

Сейчас это особенно отчетливо видно на примере экономических трансформаций, фиксируемые тренды которых определяются переориентацией развития экономики с экстенсивных (материальных ресурсов) на интенсивные (способности человека, интеллект) [3, с. 19]. Во многом это подкрепляется тем, что как показывают социологические исследования, *«человеческое развитие населения сильно детерминирует конкурентоспособность экономики»* [4, с. 70], а в глобальной экономике преуспевают не страны, а регионы [5, р. 5, 181], где сконцентрирован инновационный человеческий потенциал, понимаемый как «интегральная характеристика людей, обладающих ресурсами для осуществления инновационной деятельности» [6, с. 14].

Задача измерения «человеческого качества» оказалась весьма сложной и в количественном, и в качественном плане. Обращая внимание на то, что население Земли увеличивается каждые 10 лет на 1 млрд. человек, А. Печчеи отмечал, что «люди рассматриваются главным образом как биологические организмы, экономические существа... как потребители... При этом прочие важнейшие потребности, желания и стремления, связанные с социальной, культурной и духовной природой человеческого существа, рассматриваются так, как если бы они принадлежали к некоей неглавной, второстепенной сфере бытия» [2, с. 47-48]. Вместе с тем, качества человека, позволяющие ему выжить в быстро меняющейся среде, определяются, прежде всего, двумя фундаментальными факторами: «всеобщее образование и полная занятость представляют собой два основополагающих требования, входящих в социальный минимум» [2, с. 202]. Так, как нам кажется, понимает человеческий потенциал и А.Я. Кирута, говоря о нем как о совокупности всего, что «обеспечивает возможности человека как работника и члена общества и инкорпорировано в нём, включая здоровье, образование, ожидаемую продолжительность жизни и т.д.» [4, с. 69].

Р.И. Пшеничникова, размышляя об экономике духовного производства, подчеркивает, что синергетический подход к развитию сложных систем предполагает возможность изменения динамики даже самых сложных структур при одном условии – *перестройке самой социальной среды* [7, с. 213]. Подчеркнем, что в рамках социально-экологического дискурса «низкое

качество социальной среды» оказывается главным препятствием, тормозом модернизации и развития инноваций [4, с. 79]. Глубинная причина подобной игры на понижение видится, прежде всего, в современной системе образования, ибо социальное воспроизводство, как показывают С.Е. Полтораки и Н.П. Евсеев, «традиционно рассматривается как одно из важнейших предназначений образования как такового» [8, с. 72]. Смысл глобального образовательного кризиса заключается в пространственно-временной «актуальности» (замкнутости) социального опыта, который получало то или иное поколение [8, с. 75], иными словами в неглобальности (топологической и темпоральной) образования в целом.

Рассуждения А. Печчеи привели его к представлению о *человеческой революции*, которая предполагает формирование «нового гуманизма» [2, с. 181], «социальной справедливости» [2, с. 185] и «философии отрицания насилия» [2, с. 192]. Эти фундаментальные тренды развития человечества близки к тем идеалам, которые связаны с современным мировым социализмом (в том числе в его ноосферном понимании) – социализмом, который в качестве приоритета заявляет цель социального стратификационного выравнивания: *«высокое неравенство (в том числе, и в России) препятствует развитию человеческого потенциала, увеличивая неравенство в распределении потенциалов среди населения, чем ограничивает возможности модернизации экономики и общества»* [4, с. 73].

Даже в самом простом определении ноосферы («ноосфера – сфера труда и разума цивилизованного человечества») постулируется духовно-нравственная и интеллектуально-образовательная доминанта, предполагающая торможение материальных потребностей человека в пользу безграничного развития его духовных качеств. Н.Н. Моисеев, наиболее плодотворно переосмысливший проблемы ноосферного развития в творчестве В.И. Вернадского [9], может быть ближе всего подходит к теоретическим построениям, характерным для А. Печчеи [10]. Современная ноосфера требует предельного уровня интеллектуального и духовного развития каждого человека, хотя, как показывает М. Каку, «мы достигли максимального естественного уровня интеллекта, и любые улучшения теперь должны опираться на внешние источники» [11, с. 230]. Таким образом, новая человеческая революция оказывается, в первую очередь, «детской революцией», итоги которой зависят от успехов мировой системы образования по формированию именно срединного человеческого качества. Человечество незаметно для себя входит в эпоху возникновения поколенческих формаций и рождения поколенческих революций, вызванных к жизни чрезвычайным ускорением процессов естественной информационной глобализации.

Проблема устойчивого развития человеческого потенциала в глобальном информационном обществе уже заявила о себе [12]. Возвращение к ней – показатель, с одной стороны, ее актуальности для общества и государства, а, с другой стороны, сложности и комплексности решения. Это повод вести речь о «ноосферном качестве человечества», которое, прежде всего, предполагает высокий уровень физического, психического и духовного здоровья людей, а также формирования в развитых системах образования *сложного глобального сознания*, которое в значительной мере и обеспечивает формы социоприродной и социокультурной коэволюции.

Список литературы

1. Peccei A. The Human Quality. Oxford; New York: Pergamon Press, 1977. xii, 214 p.
2. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.
3. Гречко М.В. Человеческий капитал как интенсивный фактор развития отечественной экономики в условиях глобальных изменений // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 27. С. 10-20.
4. Кирута А.Я. Влияние неравенства на качество человеческого потенциала в России // Вестник института социологии. Декабрь 2011. №3. С. 68-87.
5. Pastor M. Jr., Dreier P., Grigsby III J. E., Lopez-Garza M. Regions That Work. How Cities and Suburbs Can Grow Together. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. 280 p.
6. Гарафиев И.З. Роль инновационного человеческого потенциала в процессах регионализации и глобализации // Регионоведение. 2011. № 3. С. 9-15.
7. Пшеничникова Р.И. Экономика духовного производства как модель устойчивого развития региона // Вестник МГУКИ. 2014. № 1 (58) март–апрель. С. 212-216.
8. Полторац С.Е., Евсеев Н.П. Классическая парадигма образования в современных условиях // Совет ректоров. 2015. № 11. 70-77.
9. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
10. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.
11. Каку М. Будущее разума. М.: Альпина нонфикшн, 2015. 502 с.
12. Проблемы устойчивого развития человеческого потенциала в глобальном информационном обществе: Материалы II рос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Пермь, 22-24 апреля 2014 г. Пермь: Пермский гос. гуманит.-пед. ун-т, 2014. 364 с.

**ПРОТИВОРЕЧИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ОСНОВАНИЙ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
**THE CONTRADICTION OF THE BIOLOGICAL AND SOCIO-CULTURAL
FOUNDATIONS IN THE DEVELOPMENT OF HUMAN ACTIVITIES**

В.Н. Томалинцев

Санкт-Петербургский государственный университет

V.N. Tomalintcev

Saint Petersburg University

Материал посвящен анализу тенденций развития жизнедеятельности человека во взаимоотношении с ее биологическими предпосылками. Рассматривается возникающее противоречие между биологическими и социокультурными основами этой деятельности. Отмечается значение понятия изощренности и экстремальных принципов в данном контексте.

The article is devoted to analysis of tendencies of development of human life in the relationship with her biological prerequisites. Is considered the emerging conflict between biological and sociocultural foundations of this activity. Notes the importance of the concept of refinement and extreme principles in this context.

Ключевые слова: человеческая жизнедеятельность, биологические социокультурные основы деятельности, изощренность, экстремальные принципы, развитие

Keywords: human activities, biological, socio-cultural framework, refinement (sharp), extreme principles, development

Категория является полноценной, философской, когда она способна охватить единичное, особенное, всеобщее. Категория «изощренность» позволяет выразить не только степень общего развития (как созидательного, так и разрушительного характера), но и все крайние, радикальные, эксклюзивные проявления. Эта категория ясно свидетельствует о том, что среди незыблемых закономерностей природы, которые можно определить как «фундаментальные, физические константы» [1], необходимо выделить указующие на то, что все вещи и явления нашего мира, включая действия человека, находясь в процессе становления и развития, стремятся к своему максимальному воплощению. В мире идей и их осуществления всегда находится и свой экстремальный, наивысший выразитель. Данный механизм возгонки к максимуму (или к минимуму, что в данном случае одно и то же) служит основой развития, приводя к противоречиям, которые, по словам классиков, «движут мир». Вот почему современное человекознание должно выходить на изучение не просто новых законов и закономерностей, но экстремальных законов и принципов человеческой деятельности.

На личностном уровне стремление к максимизации жизнедеятельности во многом определяется склонностями, дарованиями, наличием воли и характера, жизненными обстоятельствами (конкуренция). В действительности порыв к максимизации деятельности может быть прерван, смещен, извращен. Кроме того, многие заветные цели могут оказаться мелкими, недостойными, ошибочными или утопичными. Так, например, основные причины такого зловещего явления, как наркомания, которое и в высокоразвитых, высокоорганизованных сообществах разрастается со скоростью эпидемии, затрагивая элитарную, высокоинтеллектуальную часть населения и, прежде всего, молодежь, могут быть вскрыты только в случае разгадки самой природы человеческой активности, при условии более глубокого проникновения в структуру человеческих потребностей, т.е. познания экстремальных законов и принципов человеческой жизнедеятельности.

Аксиология наркомании, как и любых форм зависимости, по множеству параметров совпадает с аксиологией экстремизма. Наркомания, как и алкоголизм, – наиболее извращенная форма человеческой активности. Это не что иное, как растянутое во времени самоуничтожение, вполне осознанный суицид.

Здесь важно понимание, что желание и необходимость – стимулы разные, но посыл у них один. Оба побуждения объединяет единый импульс – это степень остроты эмоционального переживания. Проблема заключается лишь в том, чтобы в человеческой активности данный посыл не пересекал границу необходимого, иначе говоря, не нарушал грань творческого начала и не культивировал экстремизм во всех его проявлениях и формах.

Возрастание мастерства и радикализация действий имеют одну основу – *обострение*. Существенное отличие человека от иных биологических видов состоит в его изобретательности, перманентной способности творить, выдумывать и создавать новое, более усовершенствованное. Здесь изощренность выступает как улучшенная версия существующего порядка, максимально напряженная точка в деле достижения возможных пределов и крайностей, что в своих проявлениях отразилось, прежде всего, в искусстве.

Сегодня искусство, в котором должны преобладать искусность и мастерство, изысканность и изящество (отсюда понятие «изыщные искусства»), замещается тупым риском, эпатажем, скандалами и нередко в своих крайних проявлениях. Но край краю рознь. Передовой край, край творческих достижений и опасный, порочный край, за пределами которого нет ничего, кроме угроз и испытаний.

Человек как самозатачивающаяся биосоциокультурная система в своей первой биологической компоненте мало изменчива и сохраняет относительную константу своего вида. Иное дело, социокультурная составляющая человека, которая зависит от экстремальных факторов развития человеческой

деятельности, что входит во все большее противоречие с биологической основой. В дальнейшем при сохранении нарастания скорости и ритма в человеческой жизнедеятельности противоречия между естественно-природным и искусственно-привнесенным в человеке могут принять антагонистический характер. Это значит, что накапливающаяся, обгоняющая изменчивость в социокультурном развитии приведет к неизбежной трансформации человеческой психики, что потребует либо кардинальных изменений биологических программ человеческого вида, либо приведет к его гибели. Уже сегодня различные формы депрессий выходят на одно из первых мест среди заболеваний. Нельзя допустить, чтобы в эпоху технотронной цивилизации Человек сорвался с уровня самоорганизации, включающего элементы совершенствования, самосовершенствования, прогресса на уровень первозданной изощренности, представляющей собой неуправляемую стихию.

В данном случае феномен изощренности выступает как универсальная характеристика развития с конкретным указанием на скрытые механизмы и алгоритмы его реализации, протекающие путем утончения и обострения.

Сам ход общественного, да и индивидуального, развития, во многом подчиненный моде, конъюнктуре, поветрию, вполне отчетливо показывает, в какой степени процесс изощренности, обострения с присущей ему инерцией господствует над рассудком. Вся история человечества демонстрирует, что, как правило, человек кидается из стороны в сторону, влекомый острыми впечатлениями, обострившимися желаниями, и только оказавшись на краю, подойдя к пределу и прочувствовав весь абсурд созданного им самим положения, обращается к новым горизонтам и на пути нового обострения вновь пропускает или не принимает в расчет *оптимальные* фазы развития.

Чтобы вполне осознать всю безрассудность этого алгоритма, достаточно взглянуть на итог, к которому сегодня пришли социалистическая и коммунистическая доктрины, к чему привели идеи глобализма, толерантности, мультикультурализма и политкорректности в Европе и Западной культуре в целом, где процесс развития разворачивается как вид психической эпидемии.

Разумеется, по дороге, в процессе этих духовных исканий Человек и создает нечто новое, небывалое, великое, что покрывает человеческую деятельность флером рациональности. Но какова за это цена: войны, революции, создание средств массового уничтожения, экологический кризис? Автор этих строк всегда отстаивал точку зрения, что экстремизм есть побочный продукт экстремального развития [2; 3]. К сожалению, в изложенном контексте приходится признать, что порой именно творчество является сопутствующим или косвенным результатом такого развития. Не случайно многие ведущие

разработки и открытия происходят в военно-промышленном комплексе и не теряет своего смысла высказывание: «война – двигатель прогресса».

В обстоятельствах нынешнего дня имеет смысл обратиться к более пристальному осмыслению экстремумов общественного развития и, прежде всего, наиболее важного среди них – экстремума оптимума. Но оптимизацию необходимо осознать не с точки зрения мелкой бухгалтерии, а широко, как фундаментальную проблему, связанную, например, с противоречием, возникшим между притязаниями людей и ограниченными ресурсами Земли.

Оптимум не обязательно связан с категориями наибольшего, наименьшего или с «золотой серединой». Оптимум – это (лат. *optimum*) наилучшее. Таким образом, он может быть разным в зависимости от обстоятельств.

Ситуация, сложившаяся сегодня в обществе потребления, требует того, чтобы выдвигались не идеи типа: «догоним и перегоним», «ускорение», «гонка вооружений», «экстремальное» или даже «устойчивое развитие», но идеи оптимального развития, которое культивируется не столько в системе экстремальных, сколько в системе морально-нравственных координат.

Список литературы

1. Бусов С.В., Зобова М.Р. Антропный принцип в свете эволюционизма и синергетики. СПб, 2016. 392 с.
2. Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию: Учебное пособие, СПб, 2005. 218 с.
3. Томалинцев В.Н. Экстремаль России: Прогноз развития. СПб, 2007. 288 с.

**ИЗБЫТОЧНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ: ОТ ПРОГНОЗИРУЕМОЙ
ЭМАНСИПАЦИИ ИНДИВИДА К ФАКТИЧЕСКОЙ ДЕСТРУКЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА**
**THE EXCESSIVE SOCIALITY: FROM THE PROJECTED
EMANCIPATION OF AN INDIVIDUAL TO THE ACTUAL DESTRUCTION
OF HUMAN BEING**

А.Н. Фатенков
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.N. Fatenkov
Lobachevsky University

Конкретизируется понятие социальности. Вводится понятие избыточной социальности, очерчивается его предметное значение

The concept of sociality is being detailed. The concept of excessive sociality is being introduced and its meaning is being outlined.

Ключевые слова: человек, социальность, избыточная социальность, деструкция, эмансипация

Keywords: human, sociality, excessive sociality, destruction, emancipation

Человек есть существо триединое: природно-биологическое, социальное, экзистенциальное. Эти его сущностные компоненты не равноценны, они требуют иерархической соразмерности. Попытки заменить здесь субординацию координацией, сильные связи слабыми – прямой путь к шизофрении, игра в которую стала отличительной чертой интеллектуалов постмодерна. И «шиза», вместе с её имитацией, – это ещё в лучшем случае, если держать в уме трансгуманистические угрозы.

Высшая из антропных страт – экзистенциальная. Её главенство подтверждается, во-первых, тем, что человек (при посредничестве, не более, социальной сферы) может по-разному относиться к своим природным достоинствам и недостаткам, во-вторых, тем, что при разрешении основных социальных противоречий (скажем, в 60-70-ые гг. в СССР) экзистенциальные проблемы и противоречия всё равно остаются.

Имеет смысл различать содержательно полновесную, экзистенциально фундированную *жизнь сообща* (скажем, семейную, племенную, общественную) – и *социальность* как её превращённую, с умалённым реальным содержанием, форму. Социальность дополнительно, в той или иной степени излишне, рационализирует совместную жизнь: и непосредственно в её данности, и опосредованно, в акте её специального рассмотрения.

Следует заметить, что снятие основных социальных противоречий (жизни сообща) не означает снятия противоречий самой социальности. Со вторыми советский строй не справился (теоретики явно подкачали), тогда как с первыми, в значительной части, дело обстояло иначе (спасибо отдельным практикам и их заразительному жизненному настрою). Ни бомжей, ни беспризорников, ни живших впроголодь. Наркоманов и токсикоманов мизерное количество, и у них дурная репутация, как и у «голубизны». Алкоголиков, увы, в достатке, и нередко в общественном сознании они проходили (и до сих пор числятся) по разряду «несчастливых». Но ещё больше, к сожалению, было тех, кто трудился из-под палки (впрочем, это уже не столько социальная проблема, сколько – в контексте социалистических реалий – проблема самой социальности). Хотя, надо признать, в валютные проститутки и киллеры публично никто не стремился. И быть продавцом для мужчины считалось неприличным. Фарцовщик – всё равно мальчик на побегушках; накрученная цена на его товар

– плата за тех, кто не может или не хочет качественно трудиться и не способен организовать достойный труд. По торгашеской цивилизации был нанесён серьёзный удар, но он не стал сокрушительным. И со свободным временем – реальным достижением «реального коммунизма» – возникли шероховатости. Количественно его было в достатке у советских людей, но далеко не все удосуживались содержательно его наполнять. Похоже, было достигнуто всё, на что оказалась способна советская социальность: так и не преодолевшая – качественно – буржуазный рационализм, так и не решившая, в частности, что ей делать с тейлоризмом, научной организацией труда, так и не перешагнувшая экономизм, опрометчиво продолжавшая ждать от экономических институций спасительных макрорецептов – и дождавшаяся от них, тут нечему удивляться и преувеличивать роль субъективного фактора, могильщиков-рыночников. Кустарно глумясь над отдельными «буржуазными лженауками», советский строй не осмелился поставить вопрос о капиталистической закваске всей нововременной науки и рациональности. Справедливо развенчивая хворую религиозную иррациональность, он катастрофически мало сделал для поддержки иррациональности здоровой, светской. Политически гнобя диссидентскую блажь о «гражданском обществе» (периодически, впрочем, заигрывая с нею), будучи хорошо осведомлён, благодаря Гегелю и Марксу, о буржуазной сущности *Bürgergesellschaft*, советский строй упустил из виду, что ожидаемо эмансипирующая социальность как таковая может оказаться всего лишь расширенным, диффузным вариантом товарно-денежных общественных отношений, и всякая дальнейшая её экспансия поспособствует не росту человечности, а накоплению пошлого «человеческого капитала» и самоубийственных социальных излишеств.

Надо иметь в виду: недостатки советского общества и строя – это не только недостатки советскости, но и недостатки социальности самой по себе, которые не преодолеваются, лишь меняют масть, и в современном европейском (западном) мире. Там социальность превратилась, по сути, в сферу перманентных услуг – с номинально невысокой, но реально запредельной ценой. Тотальная услужливость ведёт к сомнительной беззаботности и циничному иждивенчеству. Впрочем, в современной России картина не менее удручающая, хотя и иного плана: заведомо ущербная эклектика советской и десоветизированной социальности отягощена у нас вдобавок умопомрачительным мздоимством.

Не только социальной – всем антропным стратам ситуация избытка может нести угрозу. Даже обилие экзистенциального может оказаться ловушкой: завершиться, к примеру, асоциальным и априродным эскапизмом. И вместе с тем именно экзистенциальный пласт человечности – единственный,

рост которого не ведёт автоматически к умалению остальных и человечности самой по себе. Небесстрастные интеллектуальные запросы и небезумные душевные порывы способны ужиться с инстинктами и не отдалить индивида от ему подобных. В то время как чрезмерный крен в сторону физиологии возвращает его в полуживотное состояние, а гипертрофия социальных контактов лишь маскирует чаще всего реальное одиночество – или, напротив, но всё с той же безысходностью, растворяет «я» в «мы». Тут упомянуты, однако, отнюдь не все негативные проявления социальных излишеств. К перечисленным человек уже более-менее приспособился, научился уклоняться от них.

Для того чтобы очертить феномен избыточной социальности в его максимальном охвате, надо уяснить, что собой представляет социальность как таковая. Вопрос вновь стал актуальным сегодня отчасти по причине тематических спекуляций приверженцев акторно-сетевой теории (АСТ). Отвергая её притязания, не обижая при этом бабуинов и не пренебрегая миром вещей, экзистенциальный реалист определит сферу социального как *субстанцию разумного эгоизма*. А статичная она, динамичная, калейдоскопичная – пока не столь важно. И к закавычиванию – оно для субстанции здесь вроде бы напрашивается – прибегать не станем: ясно, что социальное в своём становлении и развитии не самодостаточно, не может обойтись без природного (или сверхприродного) начала. Пожертвовав кавычками, т.е. понятийной строгостью, мы, однако, налагаем запрет на устранение социальной телесности, на её редукцию к системе отношений и далее к чему-то откровенно спекулятивному. Измышления адептов АСТ, будто «социальная материя исчезла», – с более чем столетней бородой. Для тех, разумеется, кто не сдал в макулатуру студенческие конспекты «Материализма и эмпириокритицизма», по небрежности или по конъюнктурной дешёвке.

Итак, родовая социальность разумно эгоистична. Иррациональные влечения, способствующие, в первую очередь, надо думать, формированию общностей, отрезвевшими персонами и априори настроенными на деперсонализацию институциями поступательно усмиряются и утилизируются. Для «общего блага», разумеется. Всё просто: каждый старается что-то, и побольше, получить от других людей, будучи вынужденным что-то им отдать, из расчёта поменьше. Симптоматично, что АСТ-эшники ныне чуть ли не молятся на Г. Тарда, для которого «иметь» много важнее, чем «быть».

Экзистенциальный реалист постарается, разоблачив, нанести превентивный удар по хоругвеносцам социальности. Они и права человека низводят к правам социала – индивида, скроенного по рациональному шаблону. Их напрягает бодлеровское дополнение к парадигмальной гуманистической

Декларации: по мысли поэта, человек имеет право противоречить себе. Им не понять ни того, что подобное противоречие легитимно без ограничений, если человек действительно есть существо эгоистично-рациональное; ни того, что противоречить себе мы можем бескорыстно, если ограничиваем себя условиями нравственности. Ещё ударные «антиобщественные» аргументы: фронтальный натиск социального как раз и не исключает тоталитарного сценария, фрагментарно прописанного уже литературой и жизнью; не исключает также, что и нашло «опережающее отражение» в АСТ, редукции социальности к элементарной связанности, когда люди ставятся вровень с животными и – прежде всего – с вещами. Когда вместо утопии интерсубъективности получаем антиутопию интеробъективности.

Экспансия социального в планетарном масштабе не может не быть детерминирована демографическим потолком, большим или меньшим количеством людей, которых Земля способна выдержать и прокормить. Поэтому без потенциально «лишних» людей – спланированно нерождённых – не обходится ни одна социальность, за исключением межпланетной, в которую, признаться, не верится, а в благость которой не верится совсем. Если враждуем здесь, будем враждовать и там. Даже если каждому достанется по планете, у кого-то она окажется на солнечной стороне, у кого-то в тени. И, затем, что может дать возможная встреча с инопланетянами (извините за бредовое допущение) кроме возможного приобретения новых технологий? Ничего! В остальном – и главном – инопланетянин не интереснее бомжа.

Субстанция разумного эгоизма предполагает ограниченное количество человеческих особей при желательном безграничном количестве их состояний и взаимоотношений. Цель достигается, пусть и в некотором приближении, аналитическим шинкованием антропного и последующей калейдоскопией нарезков: если не буквальным препарированием индивида, или хотя бы его сознания, то оголтелой дискредитацией его тяги к самоопределению и самоидентификации. Иерархическая структура индивидуума – с устойчивым доминантным качеством – проклята либеральной теорией и практикой.

Социальному как таковому имманентно присуща пагубная тенденция к неуёмному росту. Актуализируясь, она приводит к формированию *избыточной социальности*, которая никак не усваивается экзистирующим индивидом. Ускоренно отрываясь от природного основания, она наглядно демонстрирует тягу социального к подчинённому включению в экономические и технологические «дорожные карты». Своими тривиальными формами избыточная социальность количественно умалает содержательную совместную жизнь. Экстремальной, и ныне уже отнюдь не иллюзорной, формой избыточной социальности оказывается процессуальная форма десубстанциализации самого

социального, его тотальной технизации и фактической самоликвидации. Казалось бы, вот он, повод порадоваться крушению разумного эгоизма. Но нет. Ведь одновременно с превращённой формой трещит по швам под прессом технологий и оригинал, полноценная жизнь сообщества, не сводимая к её утилитарно-рассудочной, собственно социальной проекции – и не падающая ниц перед фидеистическим безумием. И подвластное существо, а человек большого общества именно таков, попадает в крайне неудобное положение. Причём убыток несут – одинаково безмозгло, разница лишь в денежных эквивалентах и принимаемых позах – возвышенцы и ущемленцы всех мастей. Да и нейтралам не выкрутиться. Побольше взять от всех прочих, от ближних и дальних в условиях деструкции, размывания социального оборачивается не пополнением, а растратой индивидом жизненного ресурса – и не только в ракурсе «быть», но и в ракурсе «иметь»; означает, фактически, «от-иметь» самого себя. Грамматически правильное написание глагола и просящийся в строку глагол-дисфемизм не стал использовать по цензурным соображениям.

ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ В РЕГИОНАХ РФ: КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ¹ **CHILDREN'S HEALTH IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: CLUSTER ANALYSIS**

А.Г. Филипова

Дальневосточный федеральный университет

A.G. Filipova

Far Eastern Federal University

Для изучения детского здоровья в российских регионах применен метод кластеризации по трем индикаторам – нормализованным значениям детского здоровья, детской инвалидности и детской заболеваемости. Выделение кластеров поможет сопоставить региональные условия и выделить управляющие факторы.

To study children's health in Russian regions it is used cluster analysis based on three indicators – the normalized values of children's health, children's disability and children's incidence. Separation of the clusters will help to compare regional conditions and to select controlling factors.

Ключевые слова: дети, регион, здоровье, кластерный анализ

Keywords: children, region, health, cluster analysis

Состояние детского здоровья является важным показателем регионального развития. Низкие уровни детской заболеваемости и детской

---

¹ Выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-36-60041).

инвалидности могут говорить о благоприятной экологической ситуации в регионе, развитой медицинской инфраструктуре, хороших условиях для занятий спортом и поддержания здорового образа жизни населения.

Российские ученые довольно часто исследуют региональные условия с точки зрения их воздействия на здоровье населения. Медицинскими географами зафиксировано существование «северо-восточного вектора» – «ухудшения здоровья населения, качества и уровня жизни в направлении с юго-запада России на северо-восток» [1]. Е.Ю. Костина, Н.А. Орлова выделяют социально-экономические факторы качества жизни, анализируют их с учетом специфики дальневосточного региона [2-3]. Я.С. Иващенко, изучая традиционный уклад жизни коренных малочисленных народов Севера, констатирует важность организации повседневности (питание, организация быта) для сохранения детского здоровья [4-5].

Цель данной работы – кластеризация российских регионов по признаку состояния здоровья детского населения. Нами были выделены три индикатора, определяющие выходные значения интегрального показателя «Здоровье детей в регионе»: численность детей 1 и 2 групп здоровья (индикатор 1), численность детей-инвалидов (индикатор 2), количество заболевших детей (индикатор 3). Для сравнения данных по разным регионам абсолютные значения были преобразованы в относительные и нормализованы. В отношении второго и третьего индикаторов была произведена замена знака.

Т а б л и ц а 1

«Благополучный» кластер

Название региона	Индикатор 1	Индикатор 2	Индикатор 3
Брянская область	1,904558	0,611575	-0,41748
Камчатский край	1,55766	-0,17701	-0,53985
Тамбовская область	1,485488	0,30563	0,542435
Республика Мордовия	1,413394	-0,02407	0,528559
г. Москва	0,880805	-0,01451	0,393817
Тульская область	0,785586	-0,16841	0,243359
Республика Бурятия	0,773038	-0,33722	2,149818
Московская область	0,755564	1,264722	0,30839
Белгородская область	0,62711	-0,17428	0,386461
Воронежская область	0,40685	1,455802	2,171885
Магаданская область	0,319684	1,496192	0,898851
Алтайский край	0,312726	-0,463	-0,1271
Республика Башкортостан	0,257651	0,474603	0,408194
Забайкальский край	0,164121	-0,1308	0,646417
Республика Хакасия	0,158557	0,26314	0,036732

Последующее сравнение значений трех индикаторов позволило выделить пять кластеров: «благополучный», «условно благополучный»,

«неблагополучный», «условно благополучный с низким уровнем достоверности», «неблагополучный с низким уровнем детской инвалидности».

Первый кластер в целом можно охарактеризовать как благополучный относительно детского здоровья, поскольку в нем сочетаются высокие показатели численности детей, отнесенных к 1 и 2 группам здоровья, с низкими значениями остальных индикаторов (Табл. 1). Как видно из таблицы, наилучшие показатели наблюдаются в Брянской (преимущественно за счет высокого удельного веса 1-2 групп здоровья) и Воронежской областях – за счет низких значений числа детей-инвалидов и детских заболеваний.

Т а б л и ц а 2

«Условно благополучный» кластер

Название региона	Индикатор 1	Индикатор 2	Индикатор 3
Пермский край	0,248964	0,604771	-0,96698
Иркутская область	0,104705	-1,70541	-0,04401
Пензенская область	0,103492	1,004208	0,389972
Красноярский край	0,076151	0,144556	0,850872
Липецкая область	0,033893	-0,76866	1,335678
Республика Татарстан	-0,00998	-0,62138	0,349515
Ивановская область	-0,02449	-0,46871	-1,73799
Вологодская область	-0,02568	-0,3143	-0,87704
Омская область	-0,06633	-0,17543	-0,24864
Ульяновская область	-0,10959	-2,08734	-0,06591
Удмуртская Республика	-0,13119	0,694291	-0,6552
Курганская область	-0,14695	-0,09611	-0,5778
Республика Алтай	-0,18937	0,105914	0,935796
Свердловская область	-0,29879	-0,21888	0,925599
Рязанская область	-0,36731	-0,09396	-0,09199
Самарская область	0,75364	0,511518	-1,16191

Второй кластер (Табл. 2) характеризуется относительно благополучной ситуацией с детским здоровьем – средние значения численности детей 1-2 групп здоровья сочетаются со средними (в некоторых случаях наблюдаются отклонения как в сторону выше среднего, так и наоборот) значениями двух остальных индикаторов. Как можно заметить, общую картину в Иркутской и Ульяновской областях портит высокий уровень детской инвалидности, а в Ивановской области – высокие значения детских заболеваний. В Самарской области, наоборот, зафиксировано значительное превышение средних значений удельного веса детей, отнесенных к 1-2 группам здоровья, в сочетании с низкими значениями третьего индикатора, что позволяет говорить о промежуточном положении данного региона относительно первого и второго кластеров.

Т а б л и ц а 3

«Неблагополучный» кластер

Название региона	Индикатор 1	Индикатор 2	Индикатор 3
Республика Марий Эл	-0,55319	-0,59057	0,06047
Смоленская область	-0,75451	0,44865	0,194712
Нижегородская область	-1,01632	-1,96074	-1,21892
Кемеровская область	-1,466	-0,73118	0,660962
Челябинская область	-1,5878	0,02302	-0,35061
Калининградская область	-2,28666	0,328721	0,447814
Ненецкий автономный округ	-2,28982	0,420926	-2,64292

В третий «неблагополучный» кластер попало немного регионов (всего 6). Он характеризуется низкими значениями первого индикатора, сочетающегося с высокими (средними) значениями по двум остальным. Наиболее критичная ситуация сложилась в Ненецком автономном округе (очень низкие значения 1-2 групп здоровья, очень высокие значения детской заболеваемости).

Т а б л и ц а 4

«Условно благополучный кластер с низким уровнем достоверности»

Название региона	Индикатор 1	Индикатор 2	Индикатор 3
Новгородская область	0,932729	-1,21642	-0,57814
Костромская область	0,567934	-0,76424	-0,05505
Курская область	0,502446	-1,93827	1,556181
Сахалинская область	0,445658	-0,65053	-0,08965
Орловская область	0,380802	-1,69255	-0,42049
Чувашская Республика	0,3447	-0,64089	-0,41196
Псковская область	0,264539	-0,89025	0,446477
Тверская область	0,25063	-0,85904	-0,51461
Оренбургская область	0,125828	-0,75333	0,343497
Республика Саха (Якутия)	0,13478	-2,43379	-0,85665
г. Санкт-Петербург	0,121736	-0,88873	-1,06311
Республика Карелия	0,68358	-0,50351	-2,10745
Пермский край	0,248964	0,604771	-0,96698
Владимирская область	0,189038	0,018152	-1,12145
Хабаровский край	1,36169	-0,70826	0,405853
Амурская область	0,970923	-0,72741	0,141717
Республика Тыва	0,584204	-0,79346	2,134271
Еврейская автономная область	0,502162	-0,586	1,380314

Четвертый кластер образован регионами, в которых ситуацию с детским здоровьем можно было бы охарактеризовать как условно благополучную, если бы ее не портили высокие значения детской инвалидности. Особенно много сомнений в достоверности статистических данных возникает при изучении показателей по Хабаровскому краю и Амурской области.

Пятый кластер – низкий уровень здоровья детей в сочетании с низкими показателями детской инвалидности и детской заболеваемости, что, по-видимому, говорит о плохой диагностике серьезных нарушений детского здоровья.

Т а б л и ц а 5

«Неблагополучный кластер с низкими показателями детской
инвалидности»

Название региона	Индикатор 1	Индикатор 2	Индикатор 3
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	-0,09349	2,003695	0,3226
Новосибирская область	-0,10187	1,131155	0,425245
Ямало-Ненецкий автономный округ	-0,13568	1,393432	-1,16024
Республика Коми	-0,24166	1,06395	-1,92439
Калужская область	-0,30919	1,515253	0,538924
Ленинградская область	-0,50477	0,931333	1,301073
Мурманская область	-0,59067	1,708403	-0,91683
Ярославская область	-1,00356	1,243845	-0,1816
Саратовская область	-1,1373	1,550302	0,451826
Чукотский автономный округ	-1,15103	0,927591	-0,68814
Кировская область	-1,25107	0,864914	0,160775
Томская область	-1,66749	1,693528	1,074384

Задачей следующего этапа работы станет выявление ключевых факторов, повлиявших на разницу ситуаций в российских регионах с детским здоровьем, что поможет сконструировать модель системной динамики «Социальный потенциал детства в регионе» с выделением в качестве «накопителей» – количества здоровых детей, уровня детской заболеваемости, уровня детской инвалидности.

Список литературы

1. Гудинова Ж.В. Оценка качества информации о здоровье детей в России: межрегиональные сравнения и классификация / Ж.В. Гудинова, Г.Н. Жернакова, С.С. Болотова, И.В. Гегечкори // Гигиена и санитария. 2015. № 3. С. 77-82.
2. Костина Е.Ю. Социальное благополучие жителей Дальневосточного региона России / Е.Ю. Костина, Н.А. Орлова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2 (37). С. 61-71.
3. Костина Е.Ю. Экономическое благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона России (на материалах Приморского края) / Е.Ю. Костина, Н.А. Орлова // Вестник института социологии. 2016. № 1 (16). С. 12-26.

4. Иващенко Я.С. Семиотика традиционного жилища на материале нанайской культуры: моногр. Комсомольск-на-Амуре: КнАГТУ, 2007. 144 с.

5. Иващенко Я.С. Семиотика еды: монография: моногр. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2010. 290 с.

**КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА:
СИСТЕМА УГРОЗ СО СТОРОНЫ ОБЩЕСТВА
THE CREATIVE POTENTIAL OF MAN:
A SYSTEM OF THREATS FROM SOCIETY**

Е.Д. Шетулова, А.С. Веселова

*Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева*

E.D. Shetulova, A.S. Veselova

Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev

Творческий потенциал человека рассматривается в контексте современного социально-экономического и социально-культурного развития социума.

The creative potential of a human is considered in the context of modern socio-economic and socio-cultural development of society.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, потенциал человека, отчуждение, цивилизация, общественно-экономическая формация

Keywords: postindustrial society, creative potential, alienation, civilization, social-economic formation

В обществе XXI в. философия технократического оптимизма, которая отражается в теориях постиндустриализма, настаивает на изменении положения личности индивида. Этот процесс связан с тенденциями гуманизации и проявляется в увеличении числа различных условий самореализации личности, а также в изменениях системы производственных отношений. Эти изменения нам представляются подвижками в отношениях труда и капитала, различных форм вмешательства властей в трудовые отношения, развитии важнейших коллективных потребностей и даже преодолении отчуждения труда и собственности [1; 2; 3].

На современном этапе общественного развития человечество имеет дело с эволюцией капиталистического социума. Однако, как показывает история, процесс развития человеческой цивилизации сопровождается противоречиями и не может считаться однонаправленным. Особенность ситуации обусловлена тем, что при наличии проблем и противоречий, их некоторая часть переходит в область философской антропологии, то есть, на

проблемы положения человека, возможностей его самореализации и развертывания его творческого потенциала в пространстве современной цивилизации.

Возникает вопрос, как же можно определить в содержательном смысле потенциал человека? Некоторые исследователи считают, что понятие «человеческий потенциал» является более объемным, чем «уровень жизни» и «качество жизни», ведь оно включает в себя оба эти аспекта развития человека [4, с. 9]. Сам термин позволяет отразить представление о ценности самого индивида, показывает и раскрывает такую сторону человеческого бытия, как его принципиальная открытость. Существует несколько определений человеческого потенциала. Например, О.Л. Краева и О.Н. Шумакова рассматривают его как «систему диалектических противоречий, в напряжении которых возникают деятельные силы человека» [5, с. 160]. А.Б. Докторович считает, что «человеческий потенциал (ЧП) индивида, социальной группы или общества (носителей ЧП) – совокупность качеств, включающих способности, которые обеспечивают жизнедеятельность его носителей. В определённых условиях, при наличии потребностей его носителей и необходимых ресурсов, ЧП проявляется в качестве трудового потенциала и реализуется в труде» [6, с. 126-127].

В процессе своего развития потенциал обрывает такими закономерностями, как закон возвышения потребностей и соревнования способностей, общедоступность культуры на основе социализации собственности и индивидуализации присвоения культурных богатств, творческий характер развития потенциала и развития личности [5, с. 161]. Другими словами, с развитием потенциала и самого индивида в творческой сфере, творческое бытие может быть приравнено к действительной свободе. Исходя из этого постулата, развитие креативного потенциала человека становится путем смягчения наличных отчужденных состояний и развития реальной свободы. Однако из-за многофакторности, известной конфликтности социального развития и нарастающего усложнения современной цивилизации на этом пути появляются препятствия, угрожающие развитию и функционированию творческого потенциала индивида.

Цивилизационное измерение угрозы функционированию и развитию креативного потенциала человека заключается в банальном для современной философской антропологии утверждении, согласно которому поздне-индустриальная цивилизация приравнивается к «обществу потребления», а такое общество заключается в определенный замкнутый круг, который исключает возможность развития творческого начала личности человека.

На уровне социума «общество потребления» поставляет и дает всё необходимое, что называется «до отвала». Это ведёт к насыщению, пресыщению и, в конце концов, к опустошению. На уровне индивида включенность субъекта в потребительскую гонку приводит к возникновению исключительно прагматических ориентаций и подходов, которые ведут к тенденции подавления экзистенциального роста личности и ослаблению основных её гуманитарных способностей – воображения, внимания, мысли.

Второй стороной развития современной цивилизации (цивилизации эпохи «общества потребления») является тенденция возрастания роли бюрократических институтов и всего, что с ними связано (институционализация общественной жизни, формализация межчеловеческого общения). Эти процессы ограничивают степень свободы личности, а, значит, и возможности развития творческого потенциала, ибо свобода – главное и ключевое условие такого развития.

Кроме цивилизационных угроз развитию и функционированию творческого потенциала индивида существуют угрозы и со стороны экономической сферы. Основной экономической системой сегодня является глобальный капитализм, в котором фундаментальную роль играют не государства, а транснациональные корпорации. Это означает подчинение творческой деятельности субъектов интересам экономически господствующих структур, а именно корпораций. Ибо экономическое господство означает господство во всех других сферах, подчас далеких от экономики. Это подчинение приводит к сужению возможностей проявления творческих способностей и потенциала индивида. Однако известно, что развитие населения детерминирует конкурентоспособность экономики, соответственно, создание условий и стимулов человеческого развития играет решающую роль в осуществлении модернизационного прорыва. Главным является следующий вывод – неравенство доходов негативно влияет как на человеческое развитие, так и на уровень конкурентоспособности экономики [7, с. 70]

Угрозы развитию и функционированию креативного потенциала индивида со стороны экономической сферы выражены в специфических условиях современной России. Можно задаться вопросом, о каком развитии потенциала человека, его творческих способностей и возможностей может идти речь, если перед человеком стоит задача «выжить».

Об этой ситуации говорят следующие социологические данные: более 20% населения России находятся за чертой бедности. По данным Росстата, число бедных возросло с 15.5 млн. человек в 2013 г. до 19.8 млн. человек в 2016 г. [8]. Увеличивается численность и удельный вес маргинальных слоев населения, а так называемый «средний класс», который должен придавать

социальным системам населения развитых стран необходимую меру устойчивости, составляет около 1/7 части населения. Увеличивающийся разрыв между слоями населения, социальное неравенство мешают развитию человеческого потенциала, увеличивая диспропорции в распределении потенциалов и ограничивая модернизационные возможности экономики.

Неутешительная ситуация в России сложилась в области развития самого человека и качества его жизни. Современная Россия, вообще, оказалась фактически за бортом прогрессивного развития человеческого потенциала. Критерии измерения развития человека, которые приняла Организация Объединенных Наций, включает следующие интегрированные показатели: уровень грамотности, ожидаемая продолжительность жизни и доходы в конкретной стране. Согласно исследованиям ООН, первую пятерку мест в рейтинге индексов человеческого развития 2016 г. заняли Норвегия, Австралия, Швейцария, Германия и Дания. Россия по этим показателям занимает 49-ю позицию, находясь между Черногорией и Румынией [9].

Перечисленные факты, по нашему мнению, прямо и недвусмысленно свидетельствуют о проблемах в сфере развития и функционирования творческого потенциала человека в России. Однако, основываясь на приведенном материале, необходимо определить вероятный вектор деятельности по снятию ограничений развития человеческого потенциала, чтобы избежать спекулятивности наших построений.

Сама постановка вопроса поиска выхода из этой ситуации, безусловно, не носит однозначного ответа. И ответ может найтись, исходя из различных мировоззренческих и методологических оснований. Например, один из «вариантов спасения» может находиться в истории российского опыта духовных исканий – всеединства, соборности. На наш взгляд, эти образцы духовных поисков позволяют избежать не только гуманитарную катастрофу, но и обеспечивают возможность развития креативного потенциала. Однако поднятая нами проблема находится не только на уровне человеческой личности, она присутствует и на социальном уровне. Здесь недостаточно только лишь духовных прозрений, тут необходима трансформация самого социума. Прежде всего, трансформация в плане изменения экономической основы общества, что, по нашему мнению, позволит устранить либо смягчить отмеченные угрозы развитию и функционированию творческого потенциала индивида, расширить рамки его действительной свободы. Совершенно иной и отдельный вопрос – это вопрос формы, в которой возможно осуществление такого рода трансформации. Но в любом случае, посткапиталистическое общество должно сделать человека и его креативность главным источником своего дальнейшего развития.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
2. Белый П.Ф. Куда идет капитализм? СПб.: Изд-во СПб университета, 1992. 94 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Изд-во АСТ, 2004. 781 с.
4. Юдин Б.Г. Человеческий потенциал России: состояние и перспективы // Человеческий потенциал как критический ресурс России. – М.: ИФРАН, 2007. 175 с.
5. Краева О.Л., Шумакова О.Н. Потенциал человека и его формирование в сфере образования: перспективы XXI века // Мир человека: Альманах НО РФО и ОАЧ. Вып. 3(6). Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2005. С. 156-163.
6. Докторович А.Б. О сохранении и развитии человеческого потенциала // Пространство и время. 2011. №4(6). С. 125-130.
7. Кирута А.Я. Влияние неравенства на качество человеческого потенциала в России // Вестник Института социологии. 2011. № 3. С. 67-87.
8. За год бедняков в России стало на 300 тыс. больше [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/society/05/04/2017/58e50f5f9a794736b11037b5> (дата обращения: 29.08.2017).
9. Доклад о человеческом развитии 2016 [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (дата обращения: 30.08.2017).

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ HUMAN DEVELOPMENT IN THE FAR EAST OF RUSSIA

Т.Н. Юдина
Российский государственный социальный университет
T.N. Yudina
Russian State Social University

Через призму Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. рассматриваются характеристики человеческого потенциала российского Дальнего Востока. Показана методология применения одного из прикладных инструментов мониторинга уровня социального развития субъектов региона, оценки качества жизни, демографической и миграционной ситуаций – индекс развития человеческого капитала Дальневосточного федерального округа.

The prism of the Concept of demographic policy of the Far East for the period up to 2025 the article shows characteristics of human potential of the Russian Far East. The authors present methodology of application of one of the applications

monitoring the level of social development in the region, assessment of quality of life, demographic and migration situations – the index of the human capital development of the far Eastern Federal district

Ключевые слова: концепции демографической политики Дальнего Востока; человеческий потенциал; индекс развития человеческого капитала

Keywords: the concept of the demographic policy of the Far East; human potential; index of human capital development

Значимость российского Дальнего Востока для будущего России трудно переоценить. Он занимает треть территории страны, граничит с крупнейшими мировыми производителями, располагает большими залежами природных и минеральных ресурсов и имеет положительную специфику транспортной логистики, имеет важнейшее стратегическое значение в жизнедеятельности Российской Федерации и всего Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

Как отмечается в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г., утверждённой 20 июня 2017 г. Правительством РФ: «развитие Дальнего Востока – стратегический приоритет России в XXI в., главным ресурсом для которого является человеческий потенциал» [1].

Согласно данным Росстата, численность населения округа с 1990 г. сократилось на 19.8% и на 01.01.2017 г. составляет 6,2 млн. человек [2]. Заметим, что до 1991 г. темпы роста народонаселения на Дальнем Востоке были самыми высокими в России. Численность населения к 1991 г. достигла исторического максимума – 8.06 млн человек. Сегодня доля миграционного оттока в общей структуре убыли населения региона составляет 57.5%, а естественной убыли – 42.5%. Плотность населения – 1,00 чел./кв.км. Городское население – 75.67% [3].

Если обратиться к анализу доходов населения Дальнего Востока, необходимо отметить, что несмотря на то, что средняя зарплата, пенсия и доход населения округа выше среднероссийских показателей [4], из-за более тяжелой и интенсивной работы, а также более высокого уровня цен, уровень жизни населения региона в целом ниже, чем в среднем по России. Ниже и обеспеченность населения товарной массой, выше число бедных [5].

Руководство региона и ведущие ученые [6; 7; 8; 9] находятся в постоянном поиске мер по развитию человеческого потенциала Дальнего Востока через увеличение численности населения региона, содействию ее стабилизации.

Все эти актуальные вопросы нашли свое отражение в утверждённой Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. и в сформированном проекте плана мероприятий по реализации трех основных

программ: миграционной программы, программы повышения здоровья и качества жизни и программы поддержки семьи.

Важными механизмами в реализации Концепции являются постоянный мониторинг и анализ демографических процессов и корректировки на их основе конкретных мер демографической политики, ведения открытой информационной базы статистических данных по Дальнему Востоку, в том числе по расчетным данным – суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, индекс «потерянные годы потенциальной жизни» и прочее, а также совершенствование статистических наблюдений и развитие научных исследований в сфере народонаселения.

Одним из прикладных инструментов, который поможет руководителям и практикам в органах государственной власти, бизнесе, общественных организациях реализовывать программы, направленные на развитие человеческого капитала на Дальнем Востоке, стал Индекс развития человеческого капитала в субъектах Дальневосточного федерального округа, который предложило Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке. Данный индекс, по замыслу его авторов, должен отражать уровень социального развития регионов, оценку качества жизни, а также демографическую и миграционную ситуацию. Кроме этого он будет давать возможность систематически сравнить регионы ДФО по ключевым показателям социально-экономического развития; проводить регулярный мониторинг показателей, которые в наибольшей степени влияют на изменение общей ситуации, а также требуют концентрации усилий федеральной и региональной власти; определить конкурентные преимущества и существующие недостатки в социальном развитии регионов; использовать Индекс в качестве единой системы оценки эффективности в подготовке и реализации программ развития Дальнего Востока, анализировать происходящие изменения в данной сфере.

Расчет Индекса предлагается вести путем определения интегральных значений 67 статистических и 91 социологических показателей, сгруппированных в три ключевые направления развития человеческого капитала: «количество населения», «качество человеческого капитала» и «качество жизни». Индекс позволяет производить ежегодный мониторинг показателей в динамике (улучшение ситуации, без изменений, ухудшение ситуации).

Показателями первого структурного элемента являются: рождаемость, смертность и миграция. Качество человеческого капитала предлагается измерять через 1. образованность граждан и уровень профессиональной квалификации; 2. здоровый образ жизни; 3. нравственность ценности и

позитивность поведенческих установок; 4. деловая активность. Качество жизни предлагается оценивать по следующим показателям: 1. безопасность жизни; 2. жилье и коммунальные услуги; 3. благосостояние граждан; 4. транспорт и связь; 5. качество рабочих мест; 6. социальная инфраструктура.

При этом каждому ключевому направлению развития человеческого капитала авторы предлагают присвоить свой весовой коэффициент: «количеству населения» – 40%, «качеству человеческого капитала» – 30%, а «качеству жизни» – 30%. Сводный Индекс включает как статистические показатели, так и результаты социологического опроса жителей региона. Такой подход позволяет проанализировать цифровые данные, а также оценить уровень социального настроения и восприятия происходящих изменений.

Так, например, показатель рождаемость, с позиций статистики предлагается оценивать числом родившихся на 10 тыс. населения и суммарным коэффициентом рождаемости; а в социологический опрос включить показатель «готовность к деторождению», задав респондентам следующий вопрос: «Планируете ли Вы рождение детей в ближайшие 3 года?». Кроме этого по данному показателю в социологическом ракурсе предлагается ввести дополнительные показатели, направленные на более глубокое изучение основного показателя, задав населению как дополнительные вопросы по показателю готовности к деторождению, так и включив в изучение дополнительные показатели: «желаемое количество детей»; «ожидаемое количество детей» и «отношение к многодетности». Данный подход предлагается использовать по всем показателям.

Т а б л и ц а 1

Позиции регионов в разбивке по группам

Группы		Лидеры			Догоняющие			Отстающие		
Статистические показатели		Хабаровский край	Приморский край	Республика Саха	Сахалинская область	Камчатский край	Чукотская АО	Амурская Область	Магаданская область	Еврейская АО
	Население	↑	→	↑	→	→	↓	↑	↓	↓
	Человечески капитал	→	→	↑	↑	↓	→	↓	↓	→
	Качество жизни	↓	↑	→	↑	↓	→	→	↓	↑

Проведенный первый пилотажный расчёт Индекса развития человеческого капитала по статистическим данным дал возможность все

субъекты Дальнего Востока разбить на три группы: лидеров, догоняющих и отстающих (табл. 1) [9].

Социологическое исследование, проведенное Агентством совместно со ВЦИОМ в августе 2017 г., несколько изменило итоговое распределение регионов по группам. Из группы лидеров ушел Приморский край и его место в этой группе заняла Сахалинская область, которая без учета баллов социологической оценки была в догоняющих регионах [10].

Список литературы

1. Грицко М.А. Человеческий потенциал Дальнего Востока: современная динамика и ограничения роста // Власть и управление на Востоке России. 2014. №3. С. 47-52.

2. Грицко М.А., Поливаева О.Г. Потенциальные возможности и объективные ограничения развития человеческого потенциала (на примере субъектов дальневосточного региона) // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 4. С. 32-37.

3. Индекс развития человеческого капитала на Дальнем Востоке: результаты и практика [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/vef-2017/articles/4525606> (дата обращения: 23.08.2017).

4. Индекс развития человеческого капитала. Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://www.hcfe.ru/upload/iblock/a2b/IRCHK.pdf> (дата обращения: 23.08.2017).

5. Концепция демографической политик и дальнего востока на период до 2025 г. / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г., № 1298-р // Гарант.РУ. Информационно-правовой портал [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71605978/> (дата обращения: 23.08.2017).

6. Проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока (Тезисы доклада) [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://dkcenter.ru/analytics/detail.php?id=132> (дата обращения: 23.08.2017).

7. Среднедушевые денежные доходы населения. Федеральная служба государственной статистики [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-02.htm (дата обращения: 23.08.2017).

8. Тупкина Е.Н., Кочева Е.В. Статистический анализ регионов дальнего востока по уровню развития человеческого потенциала/ Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2010. Т. 10. Вып. 3. С. 60-69.

9. Численность населения РФ по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года (31 июля 2017) // Сайт Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ) [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3abf3e (дата обращения: 26.09.2017).

10. Юдина Т.Н. Мигранты и принимающее сообщество на дальнем востоке: взаимные компромиссы/ В сборнике: Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования сборник трудов международной научно-практической конференции. Под общей редакцией: С.В. Рязанцева, Н.М. Пестеревой, М.Н. Храмовой. 2015. С. 249-253.

**СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАК ФАКТОР
ПОВЫШЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ**
**SOCIO-EDUCATIONAL PROJECT AS A FACTOR OF INCREASING OF
PERSONAL AND COLLECTIVE POTENTIAL**

Р.М. Амбарцумян
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
R.M. Ambartsumyan
Lobachevsky University

Приводятся данные авторского исследования характеристик слушателей социально-образовательных проектов (СОП), реализующихся в Нижнем Новгороде и Нижегородской области. Показан интегрирующий характер СОП как управленческой и образовательной технологии, способствующей повышению потенциала личности и группы.

Data of an author's research of participator's characteristics of the social and educational projects (SEP) which are implemented in Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod Region are provided. The integrating character of SEP as the management and educational technique promoting increase of personal and collective potential is shown.

Ключевые слова: социально-образовательные проекты, социальное управление, социальные характеристики личности, потенциал личности и группы

Keywords: socio-educational project, social management, social characteristics of personality, personal and collective potential

Признавая социально-образовательные проекты (СОП) гибкой образовательной технологией, имеющей своей целью управление адаптацией слушателей к изменяющимся социальным условиям и повышение потенциала личности и группы, необходимо задаться вопросом о характеристиках их участников. Исследование социального портрета слушателя позволит определить типичные особенности лиц, наиболее заинтересованных в участии в подобных проектах, а также внутренние и внешние факторы, заставляющие

тратить время на образовательные проекты, не носящие обязательного или принудительного характера.

Для изучения социальных характеристик слушателей СОП в 2017 г. нами было проведено исследование непосредственно на площадках реализующихся проектов. Было опрошено 289 человек. Выборка носила целевой характер и состояла из респондентов, принимавших участие в СОП различной содержательной направленности, реализовывавшихся на территории Нижнего Новгорода и области. Поскольку количество СОП и их слушателей в настоящее время достаточно велико, у нас не было недостатка в респондентах, и в качестве исследовательского метода нами был использован массовый опрос. Инструментом для проведения исследования стала специально разработанная анкета, содержащая свыше 70 параметров.

Прежде всего, нас интересовал опыт участия респондентов в СОП. Мы исходили из предположения, что участие в данном типе проектов является выражением доминирующей потребности личности в образовании, которая не может быть удовлетворена разовым включением в проекты подобного рода, а, следовательно, среди участников есть как новички, так и опытные слушатели, что обеспечивало создание социализирующей и мотивирующей коммуникативной среды. Как и ожидалось, с точки зрения данного параметра слушатели СОП представляют собой гетерогенную социальную группу. Максимальное число проектов, об участии в которых заявили респонденты, составило 13 (9 участников), доля участников, получающих первый опыт работы в рамках данного формата, составила лишь 10% от общего числа опрошенных. Можно легко заметить определенную закономерность, которую можно проиллюстрировать колоколообразной кривой: наименьшее число опрошенных принимали участие в первом и втором, а также в десятом и последующих проектах. Наибольшее количество респондентов заявили, что участвовали в 6-9 СОП (свыше 40% от общей численности респондентов), при этом около четверти опрошенных участвуют в нескольких проектах одновременно.

В ходе неформализованных процедур сбора данных (например, методом включенного наблюдения) была получена информация, что многие слушатели СОП впоследствии сами становятся вдохновителями и организаторами собственных проектов. Одной из важнейших функций данного формата, пусть и не выраженной открыто, оказывается воспроизводство молодежных лидеров, формирование их гражданской позиции и направление их интеллектуальной и духовной энергии в нужное русло.

Оценка факторов, мотивирующих на участие в СОП, представлена в Таблице 1. Максимальная оценка – 4 балла.

Исходя из анализа персональной мотивации, можно отметить, что слушатель СОП обладает достаточно устойчивыми и воспроизводимыми социально-психологическими характеристиками, о чем свидетельствуют однородный характер оценок и их относительно небольшой разброс. Можно отметить, что большинство оценок сконцентрированы в крайних точках континуума; подобная полярность в ответах указывает на наличие схожих жизненных представлений и, как ожидается, поведения.

Т а б л и ц а 1

Оценка факторов, мотивирующих на участие в СОП

	Высказывание	N	Средняя	Мода	Стандарт. отклонение
1.	Жизнь меняется так стремительно, что без дополнительного образования никуда	289	3,46	4	,686
2.	Я хочу сделать карьеру	288	2,97	4	1,060
3.	Желание получить «еще одну бумажку», не исключено, что пригодится	289	2,40	3	1,087
4.	Отсутствие знаний, необходимых для дальнейшего личностного и карьерного роста	289	2,71	3	,964
5.	Учиться сегодня очень модно	282	2,18	2	1,014
6.	Я не хочу отстать от остальных моих сверстников	289	1,95	1	1,052
7.	Участвуя в проекте, я боюсь от рисков, которые могут возникнуть в будущем	289	2,17	2	,928
8.	Меня обязало руководство	288	1,67	1	,927
9.	Я хочу сменить сферу своей нынешней деятельности	289	2,00	1	,984
10.	Мне гарантировали (обещали) повышение по службе после участия в проекте	289	1,65	1	,837
11.	Я хочу изменить жизнь своего региона и своей страны к лучшему	289	2,91	4	1,057
12.	Мой работодатель предписывает дополнительное образование всем сотрудникам	289	2,06	1	1,088
13.	Я не могу сидеть, сложа руки, использую для образования все свободное время	289	3,12	3	,820
14.	Мне не хватает знаний для моей нынешней работы	287	2,25	2	,952

Изучение индивидуальных социально-демографических характеристик слушателей СОП представляет интерес в контексте понимания их роли в формировании социальной активности и гражданской вовлеченности. Прежде всего, были опровергнуты авторские ожидания относительно *гендерного состава слушателей*. Результаты наших предыдущих исследований давали основания полагать, что СОП – это преимущественно «мужская тема»,

поскольку среди идейных вдохновителей, организаторов и руководителей проектов преобладали именно мужчины. Тем не менее, среди наших респондентов женщины составили 60%. Это можно однозначно интерпретировать как индикатор роста гражданской активности женского населения, расширения традиционного набора их жизненных сценариев, разыгрывавшихся преимущественно в семейных интерьерах. Распределение средних значений факторов-мотиваторов по гендерному признаку позволило выявить, что по сравнению с мужчинами слушатели-женщины в большей степени ориентированы на карьеру, цели их участия более эгоистичны и привязаны к конъюнктуре текущего момента.

Возрастной состав участников внешне достаточно разнообразен. Самому молодому респонденту в момент исследования исполнилось 16 лет, самому возрастному – 40. Средний возраст участников составил 22,5 года при стандартном отклонении в 4,232. Это свидетельствует о преобладающей ориентации регионального СОП на молодежную аудиторию и о наличии пока еще нереализованных перспектив распространения данного образовательного формата на другие социальные группы, прежде всего, пенсионеров. Нельзя не отметить низкий уровень их вовлеченности в СОП, что происходит на фоне декларируемой важности участия в образовательных проектах пенсионеров и рассмотрения их как одной из наиболее перспективных целевых групп. Вопрос о причинах данного явления достоин отдельного изучения и обсуждения.

Семейное положение респондентов соответствует их возрастной структуре: состоят в браке лишь 13% опрошенных, в то время как 87% респондентов не обременены не только брачными узами, но и какими бы то ни было формами устойчивых квазисемейных отношений. Участие в различных СОП становится одним из вариантов инвестирования личностных ресурсов, а отсутствие брачных отношений позволяет не жертвовать ими ради самообразования.

Говоря о материальном достатке слушателей, отметим, что основной группой потребителей информации в формате СОП являются представители среднего класса. Необходимо отметить, что среди участников СОП оказалось немало лиц из состоятельных семей, немногим менее 20%. Выходцев из малоимущих семей среди слушателей СОП оказалось относительно немного, чуть более 6% от общего числа опрошенных. Представители более благополучных социальных слоев в большей степени руководствуются альтруистическими и общечеловеческими соображениями, например, желанием изменить к лучшему жизнь своего региона или страны в целом, а также охотнее следуют моде на всевозможные образовательные проекты.

Подводя итог, можно выделить наличие *интегративной* функции СОП, позволяющей объединять представителей различных социальных общностей, обладающих свойством взаимного потенцирования на индивидуальном и групповом уровнях.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЁЖИ

THE VALUE BASE FOR THE REALIZATION OF THE COMMUNICATIVE POTENTIAL OF YOUTH

А.В. Безруков

Пермский государственный национальный исследовательский университет

A.V. Bezrukov

Perm State University

Рассматривается понятие «коммуникативный потенциал» как фактор самоопределения молодёжи в современном мире. На основе материалов эмпирических исследований анализируются индексные показатели оценок конкурирующих ценностей в группах молодёжи и взрослых. Делается вывод, что одинаковая направленность на «справедливость» и «заботу» задаёт основу для реализации коммуникативного потенциала молодёжи.

The article deals the concept of «communicative potential» as a factor of identity of youth in modern world. On the basis of empirical studies, the author analyzes the index indicators assessments of competing values in the group of youth and adults. It is concluded that focus on «justice» and «care» define the basis for the realization of the communicative potential of young people.

Ключевые слова: ценности, коммуникативный потенциал, социальный куматоид

Keywords: values, communicative potential, social kumatoid

В период социальных изменений, охвативших все сферы жизни российского общества, происходит актуализация и проблематизация социальной коммуникации. Коммуникативный потенциал молодёжи рассматривается как один из факторов её самоопределения, солидаризации и адаптации [1, с. 90]. Его реализация в этих условиях сопровождается сложной диалектикой подражания и отрицания по отношению к ценностно-нормативной системе, транслируемой старшими поколениями [2, с. 21]. Рассматривая поколения как своеобразные «социальные куматоиды» [3, с. 80-89], сравнительная характеристика ценностных ориентаций молодёжи и общества взрослых позволит выявить эти основания для их совместной коммуникации [см. методику расчёта индексов 4].

Эмпирической основой данного анализа стали материалы Европейского социального исследования, в котором Россия принимает участие с 2006 г. Базы данных размещаются в открытом доступе на официальном сайте [5]. При проведении 7-ой волны исследований (2014 г.) выборка составила 2445 респондентов в возрастном диапазоне от 15 до 90 лет. Молодые люди в возрасте от 15 до 31 года составили 628 человек (26%). Для изучения ценностей в исследовании применяется методика Шварца [6]. Полученные индексные показатели представлены на диаграмме (Рис. 1). Дополнительным источником эмпирических данных стали результаты опроса, проведенного Центром социального партнёрства и социологических исследований ПГНИУ в Пермском крае в 2014 г. по аналогичной методике. Выборка включала 385 представителей молодёжи.

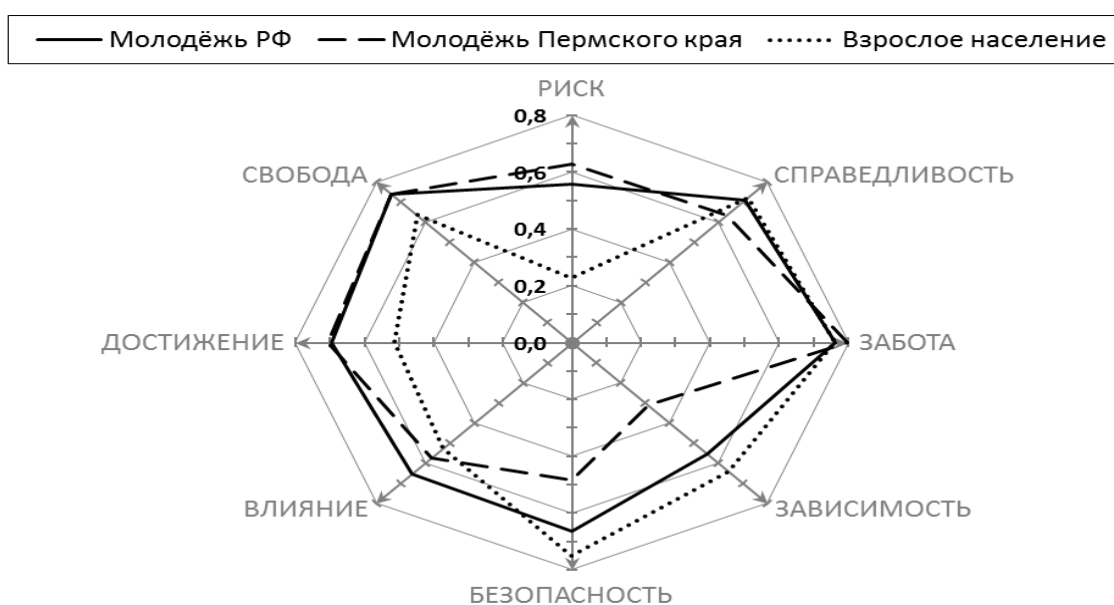

Рис. 1. Ценностные ориентации молодёжи и взрослых

На лепестковой диаграмме отчётливо прослеживаются основные противоречия между «молодёжным куматоидом» и обществом взрослых, проходящие по линии «свобода – зависимость», «риск – безопасность», «достижение – забота», «влияние – справедливость». Заметим, что индексные показатели оценок старших поколений практически не отличаются от измерений на общероссийском уровне в рамках Европейского социального исследования и на уровне Пермского края, т.е. представляют собой достаточно стабильную систему оценок, в то время как оценки молодёжи имеют определённые отличия.

В целом, молодёжь демонстрирует большую приверженность ценностям риска, достижения, свободы и влияния, т.е. на уровне ценностей является фактором динамичного развития российского общества. Взрослое население,

наоборот, отличается тем, что аккумулирует в себе ценности зависимости и безопасности. Весьма показательна в этой связи, что индекс ценностей динамичности (риск, свобода, достижение, влияние) выше индекса ценностей статичности (безопасность, зависимость, забота, справедливость) в группе молодёжи. Другими словами, индекс отношения «ценностей изменения» к «ценностям сохранения» в группе молодёжи составляет 1,03 и говорит о преобладании, хотя и весьма незначительном, первых, тогда как в обществе взрослых он, наоборот, значительно ниже (равен 0,78) в сторону «ценностей сохранения».

Наконец, говоря о точках соприкосновения, стоит обратить внимание на равнозначные оценки ценностей заботы и справедливости – линии на диаграмме накладываются друг на друга. Получается, что именно осознание значимости других как в собственной ценностно-нормативной системе, так и при взаимодействии с «иной» создаёт основу межпоколенческой коммуникации.

Таким образом, ценности, а более точно, те смыслы, которыми их наделяют различные субъекты общественной жизни от индивидов до групп и общностей, задают основания коммуникации между поколениями. Молодёжь демонстрирует заметно большую приверженность приписываемым ей ценностям свободы, склонности к риску и самоутверждению. Подобная ориентация позволяет молодёжи оставаться «оживляющим посредником социальной жизни» [7, с. 572] и реализовывать свой потенциал. Однако, чтобы не стать орудием в руках деструктивных манипуляторов [8, с. 83], молодёжь нуждается в поддержке своей активности со стороны старших поколений. Поэтому, если рассматривать потенциал коммуникативного взаимодействия в качестве основы для установления социальных связей и солидарности, то искать его следует в направлении реализации справедливости и заботы по отношению к рассматриваемым «социальным куматоидам».

Список литературы

1. Курилович Н.В. Коммуникативный потенциал межпоколенческого взаимодействия / Н.В. Курилович, А.Ю. Курин // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – Тамбов: Издательство: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. 2015, Т. 20, № 12 (152). С. 86-91.

2. Алаторцева И.С. Формирование социокультурной идентичности российской молодёжи // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2013. № 2. С. 21-28.

3. Стёпин В.С. Философия науки и техники / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. М.: Контакт-Альфа, 1995. 384 с.
4. Безруков А.В. Стратегии социального самоопределения молодёжи в рамках аксиологических противоречий переходного российского общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 111-120. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-111-120.
5. The European Social Survey [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения 18.05.2017).
6. Шварц Ш. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова // Психология: журнал ВШЭ. 2012, Т.9, №1. С. 43-70.
7. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. – М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. С. 570-591.
8. Елисеев А.Л. Специфика социально-политического самоопределения современной российской молодежи / А.Л. Елисеев, Е.Н. Малик, А.В. Мельников // Социология и жизнь. № 3. 2015. С. 83-93.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В XXI ВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

TRANSFORMATION OF HUMAN POTENTIAL IN THE XXI CENTURY IN THE CONTEXT OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES DEVELOPMENT

Е.С. Богомягкова, М.В. Ломоносова
Санкт-Петербургский государственный университет
E.S. Bogomiagkova, M.V. Lomonosova
Saint Petersburg University

Трансформация человеческого потенциала в XXI в. во многом связана с бурным развитием технологий в области биологии и медицины. Процессы взаимопроникновения науки и технологий создают предпосылки получения невероятных результатов, воздействующих как на биологическую природу человека, так и на социальные отношения. Первые признаки этих изменений можно проследить на примере распространения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), применение которых вызывает множество острых медицинских, социальных, этических, политических вопросов.

Transformation of human potential in the XXI century is largely determined by the rapid development of technology in biological and medical fields. The processes of the interpenetration of science and technology create conditions for incredible results effecting on both biological human nature and social relations. The first signs of these changes can be seen in the proliferation of assisted reproductive technologies (ART), which causes a variety of acute medical, social, ethical, political issues.

Ключевые слова: человеческий потенциал, вспомогательные репродуктивные технологии, социальное неравенство, социальная политика

Keywords: human potential, assisted reproductive technologies, social inequality, social policy

Человеческий потенциал – это сложноорганизованный феномен, включающий различные структурные элементы, одним из которых является биопотенциал человека. Под биопотенциалом понимают «систему биологических характеристик человека, характеризующую биологические, физиологические и психические свойства организма, такие как, например, генетическая программа, наследственность, конституция, характер и адаптация органов и систем к условиям окружающей среды, адекватность эмоциональных реакций и др.» [1, с. 94]. Биопотенциал человека является и условием, и результатом реализации социальных функций индивида. Внимание к проблемам социального воздействия на биопотенциал человека, его трансформации в условиях прогресса конвергентных технологий нельзя назвать последовательным и систематическим в современных социальных науках. Одним из ключевых вопросов выступает следующий: «Какие изменения в биологии человека происходят в результате развития современного общества?» [1, с. 86] и к каким социальным последствиям, в итоге, приводят данные процессы? Трансформации биопотенциала человека проявляются в социальных изменениях, появлении новых социальных институтов, отношений и практик.

О.И. Иванов, разрабатывая на основе деятельностного подхода новую систему показателей человеческого потенциала, выступающую в качестве теоретической и методологической основы мониторинга его динамики, пришел к выводу о взаимосвязях социального пространства человеческого капитала. Он считает, что происходящие и произошедшие в социальном пространстве изменения его свойств как целого, его социальных полей, отдельных сегментов полей, его компонент оказывают на формирование человеческого капитала как прямое, непосредственное, так и косвенное, опосредованное воздействие. Как правило, свойства социального пространства оказывают косвенное воздействие на формирование человеческого капитала. Это воздействие и не ощущается, и не осознается множеством субъектов человеческого капитала. Свойства социального пространства, его полей, сегментов полей, компонент сегментов полей могут целенаправленно использоваться различными социальными агентами для конструирования необходимых свойств человеческого капитала у разных его субъектов. Это происходит в процессе управляемой трансформации социального пространства, когда целенаправленно и последовательно изменяются его свойства и одновременно стараются изменить свойства человеческого капитала [2, с. 36].

В последние десятилетия человечество явилось свидетелем небывалого развития технологий, прежде всего, в области биологии и медицины. Одним из следствий подобных изменений становится все возрастающий интерес к человеку, его жизненному миру, его проблемам и потребностям. В научном сообществе в последние годы утвердилось представление о конвергентных технологиях – «большой четверке» технологий, в которую входят информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии и когнитивные технологии. Человечество сталкивается с новыми процессами взаимовлияния и взаимопроникновения науки и технологий, которые создают предпосылки получения невероятных результатов, воздействующих на биологическую природу человека и на социальные отношения.

Биотехнологии и новые медицинские технологии (вспомогательные репродуктивные технологии, биологическое и генетическое конструирование человека, клональное размножение, продление жизни методами интенсивной терапии, трансплантация органов и тканей и т.д.), трансформируя понимание традиционных ценностей, порождают сложные, требующие пристального внимания ученых, ситуации. «Медицину сегодня уже нельзя рассматривать просто в качестве ещё одного, недавно сформировавшегося элемента социума, она превратилась в активный и решающий фактор его изменения» [3, с. 23].

Мы хотели бы остановиться на вспомогательных репродуктивных технологиях, трансформировавших как традиционные способы воспроизводства человека, так и фундаментальные ценности. Еще три десятилетия назад рождение ребенка, появление на свет человека воспринимались как одна из величайших тайн природы, но стремительное развитие науки в конце XX в. полностью поменяло не только представление людей о сущности процесса зачатия и рождения ребенка, но и повлекло за собой появление новых социальных отношений и практик. Само понятие «вспомогательные репродуктивные технологии» (ВРТ) является уже не только профессиональным термином биологов и врачей – оно уверенно вошло в семантическое поле повседневности и современный публичный дискурс. Под вспомогательными репродуктивными технологиями понимают все методы репродукции человека, при которых отдельные этапы или весь процесс зачатия и раннего развития эмбрионов происходит вне организма – в пробирке [4].

Вопросы, связанные с рождением человека, сопряжены со многими философскими, религиозными, морально-этическими проблемами, большая часть из которых не имеет однозначного решения – право на жизнь, ценность жизни, право на выбор, право на конфиденциальность, право на медицинское вмешательство, уважение достоинства человека, сохранность его генетического

материала, неприкосновенность и неотчуждаемость личности, необходимое качество медицинской помощи и т.д. Каждый вид ВРТ вызывает спектр различных дискуссий правового, экономического, биоэтического характера. В научной среде порождающими наибольшее количество дебатов являются процедура ЭКО и суррогатное материнство. В случае с ЭКО споры возникают в отношении «лишних» эмбрионов – неопределенности их статуса и прав, прежде всего, права на жизнь. Кроме того, дискуссионной является процедура отбора эмбрионов для перенесения в полость матки, а также выделение критериев такого отбора: какие отклонения у эмбриона считать допустимыми, а какие дают право на отказ от пересадки конкретного эмбриона. Решение вопроса о «лишних» эмбрионах тесно связано и с индустрией биологических и медицинских экспериментов со стволовыми клетками. В случае с использованием суррогатного материнства неотрегулированными остаются вопросы определения прав и обязанностей суррогатной и генетической матери, а также финансово-экономическая составляющая вопроса.

В настоящее время в России доля детей, рожденных с помощью ВРТ, колеблется на уровне 0.7-1% от общего числа рождений. Аналогичные значения наблюдаются и в США. Лидерами по данному показателю являются страны Северной Европы. Появление и распространение ВРТ как формы вмешательства в процесс воспроизводства населения на макроуровне и рождения ребенка на уровне семьи и личности сопровождалось кардинальным пересмотром концепции прав человека. 1970-е гг. характеризуются небывалым ростом общественных движений, отстаивающих права различных социальных групп – женщин, людей с ограниченными возможностями, этнических меньшинств, сексуальных меньшинств и т.д. Эти процессы оказали влияние и на сферы, связанные с обеспечением здоровья человека, реализуясь в концепциях прав пациента, прав врача, в числе которых можно указать право на информированное согласие, право на отказ от помощи, право на конфиденциальность. Феминистское движение концентрировалось на обеспечении права женщины на самоопределение и распоряжение собственным телом. В этом контексте осмысливалась и продвигалась концепция репродуктивного права.

Таким образом, очевидно, что бурное развитие биомедицинских технологий в начале XXI в. не только значительным образом трансформирует традиционные социальные отношения и практики, приводит к появлению совершенно новых форм, казалось бы, незыблемых социальных институтов, но и оказывает существенное влияние на человеческий потенциал.

Список литературы

1. Геращенко Л.И. Факторы социального воздействия на биологический потенциал человека. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 184 с.
2. Иванов О.И. Человеческий капитал в социальном пространстве // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2015. № 4(49). С. 25-38.
3. Быкова С.Ю. Этико-философские аспекты проблемы эвтаназии: дис. канд. фил. наук. М., 1993. 118 с.
4. Ломоносова М.В., Богомягкова Е.С. Репродуктивные права человека и вспомогательные репродуктивные технологии: новые формы и виды неравенства // Экономические стратегии. 2015. №9 (134). С. 90-97.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ HUMAN DEVELOPMENT AS A QUALITATIVE PARAMETER OF SOCIAL DEVELOPMENT

Р.М. Валиахметов

*Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук, г. Уфа*

R.M. Valiakhmetov

*Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Science, Ufa*

Обосновано положение о том, что развитие и воспроизводство человеческого потенциала является качественной характеристикой социального развития. Предлагается расширить рамки стратегических целей и управленческих задач с учетом приоритетов современной социально-экономической политики и качественных параметров социального развития.

The article substantiates that development and reproduction of human potential is a qualitative characteristic of social development. The author proposes to widen the scope of strategic goals and management objectives taking into account the priorities of modern socio-economic policy and qualitative parameters of social development.

Ключевые слова: человеческий потенциал, качество жизни, социальное развитие, управление

Keywords: human potential, quality of life, social development, management

Социально-экономические и политические трансформации, социокультурные сдвиги в современном мире кардинально меняют приоритеты развития. Наряду со сформировавшимся запросом на устойчивое развитие не менее востребованным, особенно в последние годы, стал вопрос о

качественных параметрах социального развития. Причем не столько на глобальном, сколько на национальном и региональном уровнях. Теоретическое осмысление этого и целого ряда других вопросов не всегда успевает за изменениями в реальной практике. Вместе с тем, внимательное прочтение имеющихся в запасе теоретических исследований, равно как комплексный анализ объективных и субъективных индикаторов социального развития, позволяют утверждать, что качественной характеристикой социальных изменений является развитие и воспроизводство человеческого потенциала.

Понятие человеческого потенциала интегрирует в себе и уровень, и качество жизни населения. При этом, в определениях человеческого потенциала, как правило, больший акцент делается на качественной (внутренней, содержательной) части дефиниции. Показательным в этом контексте является определение А.Г. Вишневого, полностью или частично используемое большинством исследователей: «Человеческий потенциал страны – это совокупность физических и духовных сил граждан, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей, как инструментальных, так и экзистенциальных, включая расширение самих потенций человека и возможность его самореализации» [1, с. 166].

Н.М. Римашевская, указывая на количественную и качественную координаты человеческого потенциала России, особо подчеркивает необходимость исследования, прежде всего, качественных характеристик населения. Для этого предлагается подробный анализ трех основных компонентов: 1) физическое, психическое и социальное здоровье; 2) профессионально-образовательные ресурсы и интеллектуальный потенциал; 3) культурно-нравственные ценности, духовность и социокультурная активность граждан. Подробно исследуя все три компонента, Н.М. Римашевская приходит к следующему выводу: «Думая о будущем России, необходимо в качестве главного критерия всех решений федеральных и региональных властей использовать качественные характеристики состояния населения, качество его жизни» [2].

Так же аргументированно и по-научному убедительно о качественной составляющей человеческого потенциала пишет Т.И. Заславская. Из анализируемых трех векторов социальной трансформации России она особо выделяет человеческий потенциал «как решающий фактор жизнеспособности общества». Утверждая, что на первое место вышли факторы, определяющие условия жизнедеятельности человека и качество его жизни, она заключает: «Человеческий потенциал характеризует качество национального общества как субъекта социального воспроизводства и развития. Именно его уровень оказывает решающее воздействие на жизнеспособность и динамику общества...

Человеческий потенциал увязывает факторы жизнеспособности нации воедино, обеспечивая целостность этого феномена, в то время как другие виды потенциалов реализуются через его посредство» [3, с. 165].

Вышеизложенные идеи о качественных характеристиках человеческого потенциала развивают в рамках антропоцентрического подхода как отечественные (Н.И. Лапин, Н.Е. Тихонова, В.А. Ядов) [4-6], так и зарубежные ученые (П. Штомпка, Э. Гидденс) [7; 8]. Все это свидетельствует о достаточно сильном научно-теоретическом обосновании парадигмы развития через такие теории и концепции, как развития человеческого потенциала, социетальной трансформации общества, социальных изменений, социальных инвестиций.

С практической, управленческой и политической точек зрения, заслуживающим позитивной оценки является тот факт, что органы законодательной и исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях не только обратили внимание на рекомендации ученых, но и стали активно использовать основные положения и принципы концепции развития человеческого потенциала при разработке соответствующих стратегий развития. Например, в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 г.» указывается, что она опирается на одно из наших «главных конкурентных преимуществ – на реализацию человеческого потенциала» [9]. В таких документах стратегического характера, как «Концепция социально-экономического развития РФ до 2020 г.», проекты новых (региональных и федеральной) стратегий развития до 2030-2035 гг., принципиальный вопрос о совмещении целей и задач экономического роста и социального развития также решается в рамках основного методологического принципа – оптимального сочетания количественных и качественных параметров развития. Не менее показательным, с точки зрения понимания, восприятия и трансляции этих преимуществ, является принципиальная позиция руководства страны по внедрению в управленческую практику основных положений и принципов концепции развития человеческого потенциала и ценностей социального государства: «Развитие человека – это и основная цель, и необходимое условие прогресса современного общества. Это и сегодня, и в долгосрочной перспективе наш абсолютный национальный приоритет» [10]. Нарращивание и реализация человеческого потенциала рассматривается при этом как одно из главных конкурентных преимуществ России и приоритетной задачей, «вокруг выполнения которой власть и общество должны выстроить социальную, экономическую, миграционную, гуманитарную и законодательную политику» [10].

Утверждение о том, что развитие и воспроизводство человеческого потенциала является качественной характеристикой социального развития,

справедливо и обоснованно в той мере, в какой обеспечивается качество управления этими процессами. Качественное управление этими изменениями становится сегодня сущностной основой обеспечения воспроизводства человеческого потенциала на разных управленческих уровнях. Рассматривая актуальные проблемы развития человеческого потенциала на национальном, региональном и субрегиональном уровнях, мы предлагаем расширить рамки стратегических целей и управленческих задач с учетом качественных параметров социального развития и приоритетов современной социально-экономической политики. Такой подход позволит, на наш взгляд, выходить на комплексный анализ и тех социальных институтов, которые «ответственны» за качественную модель развития страны, региона, муниципалитета.

Список литературы

1. Вишневецкий А.Г. Человеческий потенциал. Рукопись, 1999 / Цит. по кн. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
2. Римащевская Н.Е. Качество человеческого потенциала в современной России // Безопасность Евразии. 2004. № 1. С. 14-32.
3. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
4. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: Институт философии РАН, 2000. 194 с.
5. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.
6. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. – СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
8. Гидденс Э. Непокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / Пер. с англ. А. Матвеевко, М. Бендет. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 240 с.
9. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 08.12.11 г. №2227-р) // Правовой портал «ГАРАНТ.РУ». Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/#ixzz4uNKynUzS> (дата обращения 20.06.2017).
10. Путин В.В. «Строительство справедливости. Социальная политика для России», 2012 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/election/198956> (дата обращения: 26.09.2017).

**РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ
ТРЕНД XXI ВЕКА**
**DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL AS A GLOBAL TREND
OF THE XXI CENTURY**

В.П. Веряскина
Институт философии Российской академии наук, г. Москва
V.P. Veryaskina
Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow

Рассматриваются истоки и теоретические источники становления концепции развития человеческого потенциала. Сформулированы основные идеи этой концепции, представленной в рамках Программы развития ООН. Показана динамика индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) в России за 1990-2014 гг. Развитие человеческого потенциала представляется как глобальный тренд XXI в.

The article considers the origins and theoretical sources of the concept of human potential development. The main ideas of this concept, presented within the framework of the United Nations Development Program, are formulated. The dynamics of the Human Development Index (HDI) in Russia for the period 1990-2014 is shown. Human development is a global trend of the 21st century.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, индекс развития человеческого потенциала, Программа развития ООН

Keywords: human potential, human capital, human development index, United Nations Development Program

1. Ценностно-нормативные источники концепции человеческого потенциала.

Человеческий потенциал – концепт, который сегодня имеет достаточно внятную структуру и востребованное практическое приложение. Более того, операциональная модель человеческого потенциала получила статус официальных документов ООН.

Эта концепция имеет свои истоки и источники. Доклады ООН о развитии человека (человеческого потенциала) пришли на смену системе индикаторов качества жизни. В 80-е гг. XX в. соответствующие документы имели статус официальных международных. Этот проект, в свою очередь, был продолжением ежегодных докладов, посвященных образу жизни. С течением времени менялись экономические и социально-культурные условия, расширялись и углублялись представления о человеке и его жизненном мире. Концепт человеческого потенциала как система показателей вобрал в себя предшествующие наработки.

Одним из истоков концепции развития человеческого потенциала (развития человека) являются взгляды выдающегося ученого Махбуб уль-Хака, инициировавшего подготовку Докладов о развитии человека в рамках Программы развития ООН (ПР ООН), начиная с 1990 года (в России с 1995 г.). В самом первом из них была обозначена главная идея: смысл и цели экономического и в целом общественного развития состоят в расширении возможностей каждого человека реализовать свои потенции и устремления вести здоровую, полноценную, творческую жизнь. При таком подходе человек рассматривается не только как фактор социального развития, но и как главный субъект, пользующийся его результатами. *Под развитием человека* понимается расширение спектра возможностей интеллектуального, социального, экономического и политического выбора каждого члена общества.

В качестве исторических истоков концепции человеческого потенциала можно назвать взгляды А. Смита, считающего человека частью общественного богатства, а также признание его целью общественного производства. В этом же русле работал А. Маршалл [1, с. 246], представитель маржиналистского направления, обосновывающий принцип рационального поведения человека в рыночной экономике. Он связывал накопление богатства с развитием человека.

Важный вклад в появление концепции человеческого развития внесла концепция «человеческого капитала» в экономической мысли и в становление теоретических подходов к феномену персональной модернизации. Оформление теории человеческого капитала в 50-60-х гг. XX в. связано с именами Т. Шульца, Г. Беккера [2], Б. Вайборна, Л. Хансена, Д. Минцера. Они осознали, что в структуре мирового богатства возрастает доля нематериальных активов и признается наряду с физическим капиталом многообразие других форм капиталов, способных приносить доход. Возник вопрос об управлении человеческим капиталом [3]. Под человеческим капиталом понималась совокупность знаний, компетенции, квалификации, играющих важную роль в качестве средства производства. Это дало возможность просчитывать экономический вклад образования, науки, здравоохранения в создании человеческого капитала и рассматривать их как источник экономического роста. Позднее в сфере международного экономического сотрудничества оформилось направление, связанное с теорией «человеческого капитала», обозначенное как «развитие человеческих ресурсов». Оно предполагало максимизацию человеческого потенциала и его эффективное использование в целях экономического и социального развития. Проблематика «развития человеческих ресурсов» включает в себя демографические проблемы, проблемы занятости, здравоохранения, питания, жилья, урбанизации, окружающей среды, образования, подготовки кадров. В рамках этой теории

сложилось представление, что вложения в человеческий капитал имеют высокую экономическую эффективность, так как человеческий капитал обладает способностью приносить доход.

Значительное влияние на формировании концепции человеческого потенциала оказали взгляды лауреата Нобелевской премии по экономике (1998 г.) Амаратии Сена. Он трактует процесс развития человека как процесс расширения возможностей людей, а не только возрастание материального или экономического благосостояния, он считает, что цель общественного развития не в беспредельном увеличении производства, а в создании людям возможностей выбора. Возможность и выбор тесно связаны между собой, а также со свободой как негативной (свободой от голода), так и позитивной (свободой осуществлять свои жизненные устремления). В подобной трактовке развитие человеческого потенциала невозможно вне демократической, ориентированной на личные приоритеты и ценности общественной системы. А. Сен пишет: «возможностный подход возвращает нас в некоторой степени к интегрированному восприятию экономического и социального развития... Если сфокусировать исследование, главным образом, на расширении человеческой свободы жить в соответствии с собственным представлением о ценностях, то роль экономического роста в расширении таких возможностей интегрируется в *более фундаментальное понимание наращивания человеческих возможностей вести более достойную и более свободную жизнь*» [4, с. 322]. Такая позиция имеет прямое отношение к социальной политике. Экономическое процветание позволяет человеку расширить свой выбор, – пишет А. Сен, – но тому же способствует и повышение образования, совершенствование здравоохранения и медицинского обслуживания. «Меры социального» следует считать напрямую «развивающими», поскольку они позволяют нам жить дольше, свободнее и продуктивнее, в придачу к той роли, которые социальные структуры играют в повышении производительности, экономического роста или индивидуальных доходов» [4, с. 323].

2. Основные положения концепции развития человеческого потенциала в рамках Программы развития ООН. Динамика ИРЧП в России.

Дальнейшее развитие концепция человеческого потенциала получила в «Докладах о развитии человека» в рамках ПР ООН, начиная с 1990 г, которые выпускаются уже более 20 лет, а в Российской Федерации – с 1995 г. В этих Докладах углублялось и уточнялось определение человеческого развития и были выработаны основания операционализации для сравнения количественных показателей развития по более, чем 180 странам мира. В результате каждая из них по базовым показателям занимала определенное место в рейтинге.

В первом из Докладов о человеческом развитии были выдвинуты следующие важные идеи:

- Человеческое развитие есть процесс расширения возможностей выбора. В принципе, выбор может быть беспредельным, а его параметры меняются со временем. Но на всех уровнях развития наиболее значимой для человека является возможность вести долгую здоровую жизнь, приобретать знания и иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного существования. Без этого многие другие возможности остаются нереализованными.

- Этим человеческое развитие не ограничивается. Существуют другие, высоко ценимые многими возможности, начиная от политической, экономической и общественной свобод и кончая условиями, благоприятными для творчества и созидания, самоуважения и гарантированных прав человека.

- У человеческого развития есть 2 стороны: формирование физических возможностей человека, таких как обеспечение здоровья, накопление знаний и навыков, и та польза, которую люди могут из этого извлечь для досуга, продуктивной деятельности и активной культурной, социальной и политической жизни. Если равновесие между этими двумя сторонами не обеспечено, может возникнуть заметная напряженность.

В юбилейном Докладе Программы развития ООН уточняется определение развития человека. Оно представляет собой включение в число человеческих свобод людей и право на долгую, здоровую и творческую жизнь, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью, на активное участие в обеспечении справедливости и устойчивости на нашей общей планете [5, с. 22]. В свете этого определения развитие человека имеет 3 компонента: благосостояние, расширение прав и возможностей, справедливость. Такой подход является основополагающим для понимания ценности человеческой жизни и возможности человеческого развития.

Важно отметить, что концепция развития человека (человеческого потенциала) представляет собой социальную и политическую альтернативу возникшим в XX в. моделям взаимодействия общества и личности [6]: моделям тоталитарных систем правого и левого толка, где человек рассматривается только как инструмент реализации глобальных идеологических доктрин. Вместе с тем, концепция человеческого развития стремится ассимилировать теоретические подходы, связанные с двумя важными идеями. Одна из них – идея удовлетворения «базовых потребностей» и вытекающая отсюда патерналистская ответственность государства. Другая – доктрина экономического развития, где экономический рост – средство, позволяющее увеличить расходы на развитие. Однако в рамках концепции существенно

меняются акценты: именно сами люди являются центральным звеном динамического процесса изменений.

Важно также отметить, что в Докладах о человеческом развитии разработаны количественные параметры измерения человеческого потенциала на основе статистических данных и предложен Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), впоследствии ИРЧ. Развитие человека в мировом масштабе сравнивалось в странах по трем базовым показателям: ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), временем обучения и доходу на душу населения (в долларах). По последним данным [7, с. 212], Российская Федерация из 187 стран по сравнению с 2013 г. в 2014 г. поднялась с 57-го на 50-ое место. Она теперь относится к странам с высоким уровнем человеческого развития (100% ИРЧП = 1). Динамика тенденции индекса человеческого развития по годам (1990-2014) представлена следующими параметрами: 1990 г. – 0,729; 2000 г. – 0,717; 2010 г. – 0,783; 2011 г. – 0,790; 2012 г. – 0,795; 2013 г. – 0,797; 2014 г. – 0,798. В целом, мы видим рост индекса, вместе с тем страны с высоким уровнем развития – Норвегия, Австралия, Швейцария (первые три позиции в рейтинге имеют показатели в пределах 0,865 – 0,900).

Продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) [7, с. 208] в РФ в 2014 г. составила 70,1 лет, средняя продолжительность обучения – 12 лет, валовой национальный доход (ВНД) на душу населения – составил 22352 дол. В первой по рейтингу Норвегии показатели составляют ОПЖ – 81,6 лет, обучение – 12,6 лет, ВНД – 64992 дол. на душу населения. Таким образом, содержание понятий человеческая жизнь, здоровье, развитие человеческого потенциала являются взаимосвязанными и взаимообуславливающими друг друга.

Вместе с тем, следует обратить внимание на результаты социологических исследований Института социологии РАН: «Помимо традиционной критики в адрес властей, пожалуй, впервые столь откровенно зазвучали голоса о качестве *«человеческого капитала»*, *деградации российского общества, его депрофессионализации, «что снижает конкурентноспособность России на международном рынке трудовых ресурсов, товаров, услуг»* [8, с. 321], и далее: «следует различать наличие проблемы и ее общественное осознание: похоже катастрофическое падение социального капитала и human capital (как за счет деградации системы образования, так и за счет brain drain) не осознается как проблема первоочередная» [8, с. 323]. Концепция человеческого потенциала в условиях капиталистической рыночной экономики может быть реализована в России, на наш взгляд, в связи с конкурентными преимуществами не столько физического, сколько именно человеческого капитала.

Список литературы

1. Marshall A. Principles of Economics. NY, 1983.
2. Becker C.P. Human capital: A Theoretical and Empirical Analysis. NY: National Bureau of Economic Research, 1975. 22 p.
3. Веряскина В.П. Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика // Философские науки. 2012. № 6. С. 7-22.
4. Сен А. Развитие как свобода. М., 2004. 432 с.
5. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.: ПРООН. М., Издательство «Весь мир», 2010. 244 с.
6. Веряскина В.П. Трансформация человека в обществе модерна / В.П. Веряскина. М.: ИФРАН, 2015. 223 с.
7. Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития / Пер. с англ.: ПРООН. 2015. Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr15_standalone_overview_ru.pdf (дата обращения: 08.09.2017).
8. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.]; под. ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Весь мир, 2016. 400 с.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: КРИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ VERSUS НАИВНАЯ РЕФЛЕКТОРНОСТЬ
ДОВЕРИЯ К СЕБЕ И К «СВОИМ»
THE TRANSFORMATION OF A MAN: THE CRITICAL REFLECTION OF
SOCIAL ENGINEERING VERSUS THE NAIVE REFLEXIVITY OF SELF-
CONFIDENCE AND «ONE'S OWN»**

Е.Н. Волков
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
E.N. Volkov
Lobachevsky University

Рассматриваются резервные возможности современной науки и научной социоинженерии и сложившиеся социокультурные и базальные барьеры для актуальной трансформации человеческого потенциала. Предлагаются конкретные стратегии и шаги по решению ключевых проблем на данном направлении.

The reserve possibilities of modern science and scientific socioengineering and the existing socio-cultural and basal barriers for the actual transformation of human potential are considered. Specific strategies and steps are proposed to address key problems in this area.

Ключевые слова: образование, научение, социальная инженерия, трансформация человека, критическое мышление, критическая рефлексия, критика

Keywords: education, learning, social engineering, human transformation, critical thinking, critical reflection, criticism

Концепт «трансформация» является ярлыком-заместителем длинного описания такого явления и связанных с ним процессов, как превращение, т.е. указывает на столь существенные изменения объектов и процессов, в результате которых эти объекты и процессы буквально перестают быть тем, чем они были, и становятся чем-то иным. В научном контексте речь может идти о таких важных изменениях, когда объект приобретает принципиально новые свойства, а процесс начинает приводить к качественно новым результатам. Трансформация как концепт интересна тем, что не имеет оценочно-идеологической составляющей, т.е. не указывает ни на прогресс или регресс, ни на развитие или деградацию, что позволяет вести относительно нейтральный научный дискурс и сосредоточиваться на механике явления, а не на оценочном восприятии.

Трансформация также может иметь стихийный («естественный») или целенаправленный («искусственный») характер, если мы имеем в виду нечто, подвластное человеческим возможностям на достигнутом технологическом уровне. Трансформация человеческого потенциала, соответственно, может случаться и как непредвиденный побочный результат иных социально-экономических процессов, реформ и технологических сдвигов, и как задуманный продукт целенаправленных социоинженерных усилий – или как незапланированный эффект тех же социоинженерных экспериментов или социоинженерного идеологического и технологического консерватизма.

Если мы спускаемся на уровень индивида в дискурсе о человеческом потенциале, следуя принципу методологического индивидуализма [1, с. 15-17], на первый план выходит вопрос о роли индивида в предполагаемом превращении и его, индивида, свойствах, способствующих или противодействующих трансформации. Концепт «трансформация человеческого потенциала», очевидно, подразумевает не превращение некоего существа под названием «потенциал», а какие-то существенные изменения множества реальных отдельных людей и конкретных условий их жизни и деятельности.

Современная наука накопила уже немало фундаментальных знаний и создала целый ряд основательных концепций о свойствах человека и как биологического, и как социального мыслящего и действующего субъекта. Эти знания и концепции позволяют достаточно уверенно выбирать наиболее потенциальные направления для позитивной трансформации человеческого

потенциала и преодоления лежащих на этом пути ограничений. Вполне адекватной в данном случае аналогией из области практического применения достижений науки может служить такое человеческое творение, как «доказательная медицина». Доказательная медицина нацелена на то, чтобы поддерживать широкое применение в практике здравоохранения только таких методов, процедур и фармпрепаратов, эффективность которых получила надёжное подкрепление клиническими испытаниями и результатами анализа большого количества разнообразных эмпирических данных.

Представляется, что в области социальной (и любой другой) политики крайне необходимой и единственно разумной стратегией, только и способной обеспечить позитивную трансформацию человеческого потенциала в максимальном соответствии с текущими требованиями реальности, является переход на последовательную доказательную научно-экспериментальную и профессиональную социоинженерную основу. Одним из основных препятствий к такому переходу является явно устаревшая и стремительно дискредитирующая себя идеологическая парадигма политики. Глеб Ципурский (Gleb Tsipursky), профессор Университета штата Огайо и президент американской некоммерческой организации «Intentional Insights», которая «воодушевляет людей использовать научно обоснованные стратегии для принятия эффективных решений и достижения своих целей по построению альтруистического и процветающего мира», указывает, например, на то, что «базовые платформы демократической и республиканской партий, похоже, наперёд привязаны к определённой экономической политике, независимо от фактических экономических данных» [2].

Колоссальным тормозом на пути рациональной социальной инженерии, помимо идеологических стереотипов, встают и некоторые окостеневшие социокультурные нормы, защищаемые под брендами «нравственных основ» или «традиционных ценностей». Ярчайшими примерами их негативного воздействия на социальную среду можно указать «войну с наркотиками» [3] и пенитенциарную систему [4]. И первое, и второе только усугубляют целевые проблемы, одновременно порождая новые, не менее тяжёлые, в течение многих десятилетий без сколько-нибудь серьёзных и последовательных попыток сменить провалившуюся псевдонравственную средневековую парадигму на научные и экспериментальные принципы критической социоинженерии.

Надёжное и максимально эффективное обеспечение благотворной трансформации человеческого потенциала однозначно связано, как представляется очевидным, с доказательным научно-инженерным подходом на всех уровнях государственного управления и на уровне индивида. Такой подход не может быть ни либеральным, ни консервативным, ни

почвенническим, ни суверенным, ни патриотическим, ни националистическим, ни левым, ни правым или ещё каким-то идеолого-скособоченным. В развитии и реализации человеческого потенциала не могут работать иные законы Вселенной, чем в раскрытии и реализации потенциала природы, в чём человечество фантастически преуспело всего лишь на мгновенном историческом отрезке в две сотни лет, последовательно применяя научные методы в познании и творческом преобразовании под свои нужды и задачи несоциального мира (мира 1 в попперовской типологии трёх миров).

Социальная инженерия, таким образом, сможет встать по своей пользе и продуктивности на уровень инженерии технической только тогда, когда сможет без каких-либо идеологических и прочих вненаучных ограничений осуществить беспощадную критическую рефлексию самой себя в текущем состоянии и критический анализ всех возможных объектов своего приложения. Те общества, чей наличный потенциал наиболее соответствует такому прорыву, имеют наивысшие шансы в обеспечении наилучшей трансформации своего человеческого потенциала.

Что является фундаментальным барьером для радикальной перестройки текущей бюрократической и абсолютно неадекватной социальной инженерии? Инерционные идеологии безнаучного прошлого и псевдонравственные традиции-«скрепы» с тысячелетней просроченностью – это массовидные типы индивидуальных иррациональных верований, до сих пор тщательно оберегаемые от критики с помощью законов и легального насилия. Представьте, что лет так 300-400 назад были бы повсеместно приняты законы, наказывающие тюремными заключениями за любые научные публикации как оскорбляющие чувства верующих и подрывающие стабильность общества, – и в каком технологическом и социально-экономическом состоянии было бы сейчас человечество?

Победное шествие популистского иррационализма и назадсмотрящего традиционализма от Варшавы, Праги и Вены до Лондона и Вашингтона указывает на самое глубинное основание этой реактивной ригидности внушительной доли населения вроде бы передовых и демократических стран – на необученность применения науки, научных знаний и критического мышления к своей жизни и к самим себе как индивидам. Важнейшие условия такого научения – отказ от наивного доверия своим наличным знаниям и верованиям, не прошедшим критического научного анализа и сопоставление с научными данными, и отказ от ориентации на верования и поведение «своих» референтных групп с одновременным овладением самостоятельным критическим мышлением. Внедрение и продвижение наиболее методологически и технологически проработанных программ обучения

критическому мышлению в достаточно близкой перспективе способно как давать кадры для научно обоснованной социальной инженерии, так и эффективно улучшать человеческий потенциал вплоть до его качественной и необходимой трансформации.

Список литературы

1. Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма // Социологическое обозрение. Том 2. № 4. 2002. С. 3-24.
2. Tsipursky, Gleb. Knowing Just Enough to be Dangerous: How Overconfidence Subverts Rational Politics. URL: https://www.huffingtonpost.com/entry/knowning-just-enough-to-be-dangerous-how-overconfidence_us_59d36c37e4b043b4fb095c38 (дата обращения: 04.10.2017).
3. Фридман М. Война, которую мы проигрываем: В чём смысл декриминализации наркотиков? URL: <http://www.inliberty.ru/library/445-voyna-kotoruyu-my-proigryvaem> (дата обращения: 30.09.2017).
4. Балко Р. Зомби-идеи социума: пенитенциарная система. URL: <http://www.inliberty.ru/blog/2621-Zombiprokuror> (дата обращения: 30.09.2017).

**МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА И РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ**
**MOTIVATIONAL ASPECTS OF HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT
AND HUMAN CAPITAL IMPLEMENTATION
IN RUSSIAN HIGHER EDUCATION**

Л.В. Волкова
*Российский государственный университет нефти и газа
Национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина*
L.V. Volkova
Gubkin University

Развитие человеческого потенциала в ходе обучения тесно связано с мотивацией субъектов образовательного процесса. Снижение мотивации студентов к учебно-профессиональной деятельности в период обучения напрямую связано с мотивационным кризисом значительной части педагогического корпуса. Последний, в свою очередь, вызван перманентным снижением статуса педагогов в результате реализации государственной политики в сфере образования.

The development of human potential in the course of education is closely related to the motivation of the subjects of the educational process. Reducing the motivation of students for educational and professional activities during the training period is directly related to the motivational crisis of a significant part of the

pedagogical corps. The latter, in turn, is caused by a permanent decline in the status of teachers as a result of the implementation of state policy in the field of education.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, качество образования, мотивация, статус, сокращение штатов, соотношение числа преподавателей и студентов

Keywords: human potential, human capital, the quality of education, motivation, status, staff reduction, the ratio of teachers and students

Анализируя и сопоставляя понятия «человеческий потенциал» и «человеческий капитал», многие исследователи справедливо указывают на следующее различие между ними. Потенциал (ресурсы) предназначен для использования, имеется в наличии и готов к использованию, а капитал – это «работающие», приносящие доход ресурсы. Иными словами, первое – субстанция потенциальная, а второе – актуальная, реализующая ресурсы лишь в определённых условиях [1-3]. Поэтому применительно к образованию мы можем говорить лишь о развитии человеческого потенциала, который впоследствии может быть (а может и не быть) превращен в капитал целенаправленными усилиями обладающего им субъекта.

Однако специфика процесса образования такова, что приобретение потенциала требует не меньших, а зачастую больших усилий, чем последующая его «капитализация». Это следует хотя бы из того факта, что продолжительность рабочей недели в нашей стране составляет 40 часов, а учебной (в вузах) – 54 (включая аудиторную и самостоятельную работу). Поэтому для получения качественного образования (значительного человеческого потенциала) от учащихся требуется повышенная мотивация, высокая работоспособность и навыки самоорганизации.

Не менее важна вторая сторона процесса обучения – университет, организующий процесс, и конкретные преподаватели, помогающие студенту развивать свой потенциал. Последние как раз реализуют в этом процессе свой человеческий капитал, вкладывая свои знания и опыт и получая за это материальное и моральное вознаграждение. Очевидно, что качество образования, то есть величина приобретаемого студентами человеческого потенциала, зависит не только от потенциала преподавателей, но и от того, насколько они хотят и могут реализовать свой «капитал». Поскольку качество современного российского образования широко критикуется, важно выделить в современном образовательном процессе факторы, выступающие демотиваторами деятельности субъектов образовательного процесса.

Эмпирической основой работы стали данные, полученные в последние годы в разных регионах страны ведущими социологическими центрами и

отдельными учеными, а также социологические опросы и глубинные интервью, проведенные автором в составе коллектива социологической лаборатории РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина [4-7].

Исследования показывают, что у старшеклассников при выборе образовательных стратегий доминируют мотивы достижения и самореализации (до 95%) [4; 5]. В то же время у старшекурсников значимость этих мотивов снижается и составляет не более 40%, уступая мотивам утилитарным (закончить вуз, получить диплом, найти хоть какую-то работу, минимизировать усилия в учебном процессе и т.д.) [4-7]. Основные проблемы, по мнению учащихся и выпускников: учиться часто неинтересно – на многих занятиях монолог или диктовка, презентации скучные, низкого качества; «лишние», непонятно зачем нужные предметы; равнодушие преподавателей, нежелание общаться, дискутировать, помогать; формальный подход, необоснованные требования; балльно-рейтинговая система стимулирует не учиться, а «набирать очки». Эти факторы демотивируют студентов, вынуждая их переходить, в соответствии с теорией К. Альдерфера [8], от более высоких уровней мотивации к низшим, от потребностей развития к потребностям существования.

Преподаватели, со своей стороны, констатируют, что им давно уже не до студентов: резкое снижение статуса, проявляющееся не столько в низкой оплате труда (хотя и это весьма значимо), сколько в полной социально-профессиональной незащищенности, несправедливости. Постоянное изменение «правил игры» в одностороннем порядке, значительное возрастание учебной (горловой) нагрузки при сокращении всех остальных видов учебной работы. Несправедливые и неразумные критерии оценивания качества работы. Бюрократизация, огромное количество «бумажной», «электронной» или «бессмысленной» работы, всяческие мероприятия, не имеющие отношения к учебному процессу. Хроническое «подвешенное состояние» из-за опасений лишиться работы. Стимулирование «исключительно кнутом» [7; 9; 10].

В результате снижается уровень ответственности, подавляются способности работников, возникает чувство бессмысленности труда и падает удовлетворенность работой. Внешняя мотивация, а точнее, принуждение, подчиняет мотивацию внутреннюю. Происходит регрессивный переход от мотивов, связанных с ростом (личным, карьерным или профессиональным), к мотивам существования (зарплата, условия работы, гарантии занятости).

Причиной мотивационного кризиса, по нашему мнению, выступает продолжающееся перманентное сокращение штатов в российском высшем образовании. Правительство планомерно сокращает численность учебных заведений и педагогических кадров. Чтобы реализовать амбициозные планы –

катапультировать пять вузов в мировой «топ-100» к 2020 г., не увеличивая финансирование образования в условиях экономического кризиса, необходимо перераспределить средства на несколько избранных университетов, сократив или оставив остальные на «голодном пайке». Удобным объяснением оказывает сокращение численности абитуриентов в связи с демографической ситуацией.

По мнению Times Higher Education, соотношение числа студентов и преподавателей напрямую связано с качеством образования: чем меньше приходится студентов на одного профессора университета, тем выше уровень взаимодействия между учащимися и преподавателем, уровень формируемого потенциала [11]. Ни в одном из зарубежных вузов, входящих в топ-100 рейтинга ТНЕ (лучших университетов мира), показатель не превышает девяти студентов на преподавателя (в среднем 6-7) [12]. Российское правительство лишь для шести вузов страны сделало исключение, разрешив соотношение преподавателей к студентам от 1:4 до 1:6. Остальным предписано к 2018 г. довести соотношение до 1:12 [13].

Возможно ли в этих условиях полноценное развитие человеческого потенциала? Отвечает ли эта стратегия интересам российского общества и потребностям построения инновационной экономики? В вышеназванных университетах обучается суммарно чуть более 160 тыс. учащихся, хотя по данным Росстата, в 2015/16 гг. всего в стране получали высшее образование 4,766 млн. человек [14]. Получается, что качественное образование предполагается давать 3.5% обучающихся. Как быть с остальными, если учесть, что спрос на высшее образование в обществе только растет? [4; 5] Зачем ликвидировать уже имеющийся в лице педагогического корпуса человеческий капитал? Не приведет ли такая ситуация к росту криминала и социальных конфликтов? Ответы на эти вопросы предстоит искать научному сообществу.

Список литературы

1. Рофе А.И. Может ли капитал быть человеческим, а поведение организационным? // Труд и социальные отношения. 2009. №10. С. 18-23.
2. Докторович А.Б. Воспроизводство социального и человеческого потенциалов // Труд и социальные отношения. 2010. №1. С. 11-18.
3. Добринская Д.Е. Знание, образование и сетевое общество // XI Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2017»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2017. 976 с. С. 77-80.
4. Константиновский Д.Л. Новая молодежь в новой реальности образования / Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Сб. научных трудов. М.: Центр социологических исследований, 2016. 384 с.
5. Попова Е.С. Мотивация и выбор в образовательных стратегиях молодежи // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 421-437.

6. РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина: социальная динамика и общественное мнение / Ред. Филатова М.Н., Волкова Л.В. / М.: Нефть и газ, 2005. 167 с.

7. Волкова Л.В. Качество образования и мотивация труда педагогов // XI Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2017»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 567-569.

8. Alderfer Clayton. The Practice of Organizational Diagnosis: Theory and Methods. Oxford University Press, USA, 2010. 532 p.

9. Хагуров Т.А. Реформы образования глазами учителей и преподавателей: год спустя // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Новый хронограф, 2015. С. 360-381.

10. Самыгин С.И., Волочай А.В., Кудрявцев Д.И. Защита интересов преподавателей вузов в процессе реформы образования и проблема социальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С. 41-45.

11. THE сформировал рейтинг вузов по соотношению числа студентов и сотрудников вузов / Информационно-Аналитический центр. Факты, исследования и идеи в образовании [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://iac.kz/ru/sformiroval-reyting-vuzov-po-sootnosheniyu-chisla-studentov-i-sotrudnikov-vuzov> (дата обращения: 11.07.2017).

12. Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. Т. 22. № 3. С. 74-91.

13. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки» // Правовая система «ГАРАНТ.РУ» Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191846> (дата обращения: 11.07.2017).

14. Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. 543 с.

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ
МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ**
**FACTORS AFFECTING ON THE SOCIAL WELL-BEING OF YOUTH:
ANALYSIS OF THEORETICAL APPROACHES**

Е.В. Волченкова, О.А. Воронина
Вятский государственный университет
E.V. Volchenkova, O.A. Voronina
Vyatka State University

Рассматривается сущность социального самочувствия. Проанализированы подходы разных исследователей к определению факторов, влияющих на социальное самочувствие молодежи.

The article considers the essence of social well-being. Analyzed the approaches of different researchers to determine the factors that affect social well-being of young people.

Ключевые слова: социальное самочувствие, факторы социального самочувствия, молодежь, удовлетворенность потребностей, адаптированность

Keywords: social well-being, factors of social well-being, youth, satisfaction of needs, adaptability

Социальное самочувствие – сложное для исследования явление, характеризующееся многоплановостью, комплексностью и динамичностью. Это – своеобразный показатель «социальных мироощущений личности, социальных групп и общностей» [1].

Анализ имеющихся в науке определений понятия «социальное самочувствие», позволяет заключить, что оно представляет собой удовлетворенность потребностей индивида в различных сторонах его жизни, степень адаптированности к определенным жизненным условиям, в результате чего формируется оценка успешности индивида, его общий эмоциональный фон и социальное здоровье.

Говоря о факторах, влияющих на формирование социального самочувствия, следует отметить, что мнения исследователей относительно того, какие факторы являются наиболее весомыми и значимыми, различаются. Как правило, в научной литературе принято выделять три основных уровня факторов, которые взаимосвязаны между собой и оказывают прямое воздействие на социальное самочувствие молодежи [2].

Первый уровень составляют «средовые факторы», к которым относят: географическое местоположение, природно-климатические условия, природно-ресурсный и демографический потенциал, экономические условия и тип социально-экономического развития территории.

Второй уровень – это «факторы личности», включающие в себя все то, что молодой человек самостоятельно преобразует в личностный потенциал: нравственно-духовная сторона личности, ее ценностные ориентации, потребности, уровень образованности, творчество, преобладающие мотивы поведения, привычки, образ жизни.

Третий уровень непосредственно связан с существованием и влиянием социальных институтов и поэтому называется «институциональные факторы». На этом уровне большую значимость приобретает взаимодействие молодежи с институтами государства, права, семьи, медицины и здравоохранения, образования, СМИ и др.

Н.Е. Симонович представляет классификацию факторов, которая включает в себя все три уровня, детерминирующих социальное самочувствие, приведенных выше:

- социальные факторы – особенности общественных отношений; система социальной защиты человека, обеспечение его прав и потребностей; предоставляемая обществом возможность его самореализации; система оплаты и стимулирования труда;

- социально-психологические факторы – взаимоотношения человека с окружающими людьми; его реальный статус и социальная позиция в обществе;

- субъектно-личностные факторы – уровень социальной активности человека; восприятие себя в качестве объекта или субъекта социальных процессов; оценка себя как гражданина: уровень и характер социальной идентификации и связи с социумом; удовлетворенность человека своей позицией в обществе, в ближайшем окружении;

- индивидуально-личностные факторы – интернальность-экстернальность; уверенность в завтрашнем дне и наличие перспектив профессионального и личностного роста; структура актуальных и потенциальных ценностей, смысложизненных ориентаций; преобладающее у человека эмоциональное состояние (настроение);

- индивидно-демографические факторы (объективные характеристики статуса человека) – пол, возраст, образование, семейное положение, материальное состояние, сфера профессиональной деятельности [3].

Сегодня все больше западных социологов занимаются исследованием влияния на социальное самочувствие таких факторов, как цели и стремления человека, его способность продуцировать адекватную реакцию на сложные жизненные обстоятельства [4].

Отечественный исследователь Л.Е. Петрова в качестве фактора, детерминирующего социальное самочувствие, рассматривает идентификацию. Идентификация обусловлена так называемой «оценкой возможностей» индивида и сопровождается социальной атрибуцией: индивид приписывает себе, связывает со своим «Я» определенные интересы и смыслы.

К факторам социального самочувствия в этом контексте можно отнести:

- уровень притязаний субъекта;
- степень саморефлексии (способность к ней);
- качественные характеристики идентификационных процессов субъекта (идентификационная стратегия);

- восприятие и переживание событий прошлого, настоящего и будущего [5].

А.В. Меренков в результате своего исследования выделил ряд факторов, вызывающих негативное и позитивное социальное самочувствие. К факторам, вызывающим у значительной части населения негативные эмоции и чувства, отнесены социально-экономические факторы (рост цен на продукты и промтовары, увеличение затрат на каждодневные нужды) и политические факторы (усиление санкций со стороны запада, девальвация рубля).

К факторам, повышающим самочувствие людей, относятся материальное положение, достижения детей, здоровье и профессиональные успехи [6].

В.П. Щербакова разделяет факторы, определяющие социальное самочувствие молодежи, на объективные и субъективные.

К объективным факторам относятся:

а) социальные процессы в политической, экономической, социальной сферах и благосостояние населения, влияние на оценки молодежи состояния этих сфер;

б) два уровня проблем – социетальные, присущие обществу в целом, а значит, и воздействующие на все без исключения социальные группы, и специфические молодежные проблемы. В основе оценки значимости этих проблем – ценности;

в) система факторов, влияющих на уровень социальной напряженности в молодежной среде, к которым относятся: изменение политического режима, угроза личной безопасности, резкое повышение цен, голод, потеря работы, незаконные действия властей в отношении личных прав гражданина, оскорбление национального достоинства, ущемление религиозного чувства.

В качестве субъективных факторов автор рассматривает социальные потребности и уровень притязаний [7].

Таким образом, социальное самочувствие детерминировано множеством факторов, прежде всего, социального, но вместе с тем и личностного характера. Оно зависит от здоровья, обустроенности семьи, жизни и быта, от характера и качества включённости в социальную жизнь во всех сферах, от степени удовлетворённости доступными социальными благами, а также от восприятия и отношения к вышеназванным и другим факторам. В его основе – эмоциональное восприятие своего «Я» и бытия, которое формирует отношение к себе, другим людям, обществу и делу, которым человек занимается.

Список литературы

1. Асланова О.А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 59-63.

2. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье российской молодежи в условиях риска трансформирующегося общества // Вестник института ИАЭ. – 2012. № 3. С. 137-142.

3. Симонович Н.Е. Социальное самочувствие как социально-психологический феномен в изменяющемся российском обществе: автореф. дис. к.псих.н.: 19.00.05. М.: Институт российской психологии, 1999. 25 с.

4. Степанова А.П. Факторы, влияющие на формирование социального самочувствия // Сборник статей по материалам 71-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2015 год. Кубань: ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», 2016. С. 294-296.

5. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи: дис. канд. соц. наук: 22.00.06. Екатеринбург, 1997. 154 с.

6. Меренков А.В. Факторы, определяющие социальное самочувствие населения в современных условиях / А.В. Меренков, Н.И. Сивкова, С.В. Куньщиков // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». Рубрика: Социологические науки. 2015. № 10 (62). С. 114-120.

7. Щербакова В.П. Социальное самочувствие молодежи – интегративный показатель ее адаптации к общественным переменам в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 3-1. С. 221-232.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: ИМЕТЬ ИЛИ РЕАЛИЗОВЫВАТЬ? АВТОРСКАЯ МЕТОДИКА КОМПЛЕКСНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ САМОРЕАЛИЗОВАННОСТИ

HUMAN POTENTIAL: TO HAVE OR TO IMPLEMENT? AUTHOR'S METHOD OF COMPLEX SOCIOLOGICAL EVALUATION OF THE DEGREE OF SELF-REALIZATION

К.Г. Герасимова
*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева*
K.G. Gerasimova
Samara University

Представлена авторская методика комплексной оценки степени самореализованности личности, а также результаты ее апробации на примере взрослого населения города Самары.

The author's methodology for a comprehensive assessment of the degree of personal self-realization, as well as the results of its approbation, using the example of the adult population of the city of Samara, is presented in the theses.

Ключевые слова: человеческий потенциал, социологический индекс, степень самореализованности

Keywords: human potential, sociological index, degree of self-realization

Основной посыл Доклада о человеческом развитии, ежегодно публикуемого ООН, для 2016 г. был сформулирован так – «Человеческое развитие для всех и каждого». В основу его содержания положены результаты мониторинга данных на основании расчета Индекса человеческого развития (ИЧР) 188 стран. В прошлом году Россия заняла 49 место, что соответствует странам с крайне высоким уровнем человеческого развития [1, с. 198].

Индекс человеческого развития (ИЧР, ранее Индекс развития человеческого потенциала) – ключевой маркер социально-экономического развития стран с 1990 г., который активно используется и по настоящее время. Этот глобальный показатель позволяет оценить ситуацию в конкретной стране, а длительный опыт его применения обеспечивает возможность проследить динамику изменения ситуации. Отталкиваясь от понимания развития как расширения возможностей выбора, ИЧР учитывает три основных измерения: ожидаемая продолжительность жизни (как возможность вести ее долго, полно и счастливо), средняя продолжительность обучения и ожидаемая продолжительность обучения (как способность овладевать знаниями), а также ВВП на душу населения (как отражение уровня жизни).

Глобальная цель содействия развитию каждого человека на планете, которую ставит и решает ООН, крайне важна. Но, на мой взгляд, не менее важно сосредоточить внимание на более узком аспекте. Я говорю о том, что с определенного момента целесообразно ставить вопрос иначе: необходимо рассматривать не только возможности, но и эффективность их использования. То есть вести речь не просто о потенциале, а о его реализации.

Само понятие «человеческий потенциал» крайне размыто и, не имея четкого общепринятого определения, сложно поддается квантификации. На уровне интуитивного понимания можно говорить о том, что в него заложены как врожденные, так и приобретенные компоненты. Так, в качестве потенциала можно рассматривать характер человека, его силу воли, талант или уровень его образования, наличие «социальных связей» и пр.

Безусловно, разговор о самореализации (как процессе самоосуществления и максимальном использовании человеческого потенциала), а также степени ее успешности легитимен для развитых и развивающихся стран (и по большому счету, не может представлять собой достойную альтернативу ИЧР), однако, на мой взгляд, он решает вопрос «следующего уровня» (работает на будущее).

Раскрытие человеческого потенциала, самоосуществление – суть процесса самореализации человека. Уловить, осмыслить, а тем более измерить его результативность, успешность – достаточно сложная методическая задача.

Я подхожу к ее решению в рамках разработки *комплексного социологического показателя степени самореализованности (КПСС)*.

КПСС представляет собой 5-членную порядковую шкалу оценки, позволяющую говорить о разной степени самореализованности. КПСС является социологическим индексом, который рассчитывается индивидуально для каждого человека. Показатель основан на измерении субъективных и условно объективных индикаторов в ключевых направлениях жизнедеятельности человека: работе, образовании, партнерстве и родительстве, а также хобби и здоровьесбережении. К субъективным показателям относятся удовлетворенность результатами своих усилий и каждым аспектом жизни как таковым, а к условно объективным – наличие положительных изменений по каждому из направлений и оценка степени личного влияния на эти изменения. Подробнее логика конструирования индекса раскрывается в нашей статье [2].

Апробация методики КПСС была осуществлена в рамках опроса взрослого населения города Самары (от 30 до 59 лет включительно) в мае-июне 2016 года (объем выборки составил 384 человека, что соответствует 5% ошибке). Ограничение возрастных рамок продиктовано методологической позицией, связанной с пониманием самореализации как отличительной черты социализации взрослого человека.

В Таблице 1 представлены сводные результаты о наличии практик самореализации в шести направлениях жизнедеятельности, положенных в основу КПСС. Мы говорим об актуальности того или направления жизни для человека, если в нем существует сама *возможность самореализации*: если фактически есть работа, постоянный партнер или дети и т.д. Априори предполагается, что направление «здоровье» актуально для каждого – 100%. И мы говорим о наличии *практик самореализации* на основании ответов на вопросы-фильтры о стремлении к лучшему исполнению своей социальной роли в рамках того или иного направления.

Т а б л и ц а 1

Направления самореализации взрослого населения г. Самары (в % от числа опрошенных по каждой строке, N=384)

Направления	Доля тех, для кого направление актуально	Доля тех, кто самореализуется
Работа	88.4	78.0
Образование	17.3	16.2
Партнерство	70.2	63.0
Родительство	78.3	72.6
Здоровье	100.0	55.2
Хобби, увлечение	50.9	47.0

Обратимся к результатам опроса. Традиционно наиболее распространенными направлениями самореализации выступают работа (78.0%), родительство (72.6%), а также партнерство (63%). Каждый шестой опрошенный получает образование или занимается самообразованием (17.3%), и практически каждый второй (47%) имеет хобби или увлечение. При этом весьма показательно, что сознательно поддержанием и улучшением своего здоровья занимается только чуть больше половины взрослого городского населения – 55.2% (Табл. 1).

Интересно, что стремление к самореализации в отношениях с партнером (супругой/супругом), близким человеком, а также в увлечениях у мужчин значимо выше, в то время как у женщин более выражено стремление реализоваться в качестве родителя (Табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Доля тех, кто стремится к самореализации по каждому из направлений среди взрослых мужчин и женщин г. Самары (в % от числа опрошенных по каждой строке)

Направления	Мужчины (N=177)	Женщины (N=207)
Работа	81.2	75.3
Образование	17.9	14.7
Партнерство	69.3*	57.7
Родительство	65.1	79.0*
Здоровье	56.7	54.0
Хобби, увлечение	52.6*	42.3

*-значимо больше по сравнению с другой группой на основании Z-критерия сравнения долей при уровне значимости $p=0,01$

Рассмотрим, насколько успешно это стремление к самореализации. Подчеркну, что индекс КПСС учитывает весь рассматриваемый спектр сфер, то есть при неактуальной сфере или отсутствии практик самореализации в том или ином направлении показатель по ним считается равным 0. Необходимость учета данных по всем рассматриваемым направлениям продиктована стремлением иметь единое 6-мерное пространство сравнения данных по каждому человеку.

Т а б л и ц а 3

Данные по степени самореализованности в группах среди мужчин и женщин (в % от числа опрошенных)

Степень самореализованности на основании КПСС	Мужчины (N=177)	Женщины (N=207)	Всего (N=384)
1 – крайне низкая	27.9	36.7	32.7
2 – низкая	51.8	49.0	50.3
3 – средняя	17.3	13.0	15.0
4 – высокая	3.0	0.9	1.9

5 – очень высокая	0.0	0.3	0.2
Итого	100.0	100.0	100.0

Как мы видим (Табл. 3), половина взрослого городского населения имеет низкую степень самореализованности (50.3%), и треть – крайне низкую (32.7%). Такое положение обусловлено, с одной стороны, сосредоточенностью на относительно малом числе направлений самореализации (как правило, 3-4), а с другой – отсутствием осознаваемых изменений в жизни (измерение которых заложено в условно объективные индикаторы).

Значимой статистической разницы в степени самореализованности между мужчинами и женщинами не выявлено, однако в качестве тенденции можно отметить более выраженное смещение результатов к начальным пунктам шкалы у женщин.

В заключение еще раз подчеркну, что исследовательская проблема изучения различных аспектов человеческого потенциала далеко не исчерпана. Представленная методика КПСС вносит определенный вклад в решение задачи комплексной оценки успешности реализации человеческого потенциала и, на мой взгляд, результаты ее применения наглядно демонстрируют насущную необходимости обеспечения и поддержки человеческого развития.

Список литературы

1. Доклад о человеческом развитии 2016 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/2016-report/download> (дата обращения: 28.06.2017).
2. Герасимова К.Г. Комплексный социологический показатель степени самореализованности личности: опыт теоретического конструирования // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 6(62). С. 153-174.

ВЛИЯНИЕ СМИ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЮЮ МОЛОДЕЖЬ THE INFLUENCE OF MASS MEDIA ON MINORS

Е.В. Глушкова
Ивановский государственный университет
E.V. Glushkova
Ivanovo State University

Рассматривается влияние средств массовой информации на несовершеннолетнюю молодежь в условиях региона.

The article deals with the influence of mass media on minors at Ivanovo Region.

Ключевые слова: несовершеннолетняя молодежь, средства массовой информации, влияние средств массовой информации

Keywords: minors, mass media, the influence of mass media

В современном обществе средства массовой информации (СМИ) приобрели огромное влияние, их воздействие на человека начинается в самом раннем возрасте и продолжается всю жизнь. Особенно сильное воздействие СМИ способны оказать на формирование личности несовершеннолетнего. На этом этапе жизни человек не только активно формируется, познает окружающую действительность, но и вырабатывает к ней соответствующее отношение, в соответствии с которым будет строить своё поведение в будущем. В условиях интенсификации информационных процессов исследование влияния СМИ на несовершеннолетнюю молодежь представляется весьма интересным и актуальным.

В исследовании приняли участие учащиеся общеобразовательных школ г. Иванова трех возрастных групп: 14-15, 16-17 и старше 17, нет 18 лет; средний возраст которых составил 16,1 года.

Как показало исследование, среди СМИ в современных условиях у 69% опрошенных в приоритете находится Интернет (с возрастом его популярность увеличивается), телевидение в 2,5 раза уступает глобальной сети по популярности, совсем мало внимания респонденты уделяют радио и печати (по 2%).

Анализ частоты обращения к тому или иному виду СМИ показал, что основными СМИ, к которым чаще обращаются респонденты, являются Интернет (несколько раз в день) и телевидение (минимум один раз в день). 10% опрошенных вообще не слушают радио, 22% – не читают прессу. Анализ ежедневной продолжительности обращения респондентов к тому или иному виду СМИ показал, что основная часть опрошенных затрачивает по 3-4 часа и даже более своего свободного времени на телевидение и Интернет, на радио – от 30 минут до 2 часов, на печатные СМИ – не более 1 часа. При анализе длительности ежедневного общения опрошенных с Интернетом были выявлены гендерные и возрастные особенности: юноши тратят на это больше времени; с возрастом продолжительность нахождения несовершеннолетних в сети увеличивается.

Наряду с временными характеристиками важно рассмотреть и содержательные аспекты процесса общения несовершеннолетней молодежи с различными видами СМИ.

Тройку наиболее предпочитаемых респондентами телеканалов составили "ТНТ", "Ю", "СТС", среди телепередач наибольшей популярностью пользуются

реалити-шоу, сериалы и развлекательные программы (78%, 57% и 45% соответственно), только 6% учащихся отметили научно-познавательные передачи.

При просмотре фильмов, транслируемых телевидением, респонденты отдают предпочтение следующим жанрам: фантастика (84%), комедия (62%), ужасы (45%), боевики (39%) и мелодрама (30%); при этом девушки чаще отмечают фантастику, комедии и мелодрамы, а юноши – боевики, триллеры и детективы.

Анализ особенностей использования несовершеннолетней молодежью Интернета позволил иерархизировать мотивы обращения к нему: общение (66%), поиск информации (58%), посещение развлекательных сайтов (40%), для игр (36%). Девушками чаще движут коммуникативный и познавательный мотивы, юношами – развлекательный и игровой. Анализ предпочитаемых респондентами онлайн игр показал, что в них не играют лишь 12%, а большинству опрошенных нравятся приключенческие игры, стратегии, ролевые игры, головоломки и аркады.

Радио у современной молодежи мало популярно, для респондентов оно преимущественно выступает звуковым фоном и является источником новостей.

Печатные СМИ мало востребованы несовершеннолетней молодежью, среди печатных изданий респонденты преимущественно предпочитают «глянцевые», а наиболее популярные рубрики – новости из жизни звезд и гороскопы.

Анализ отношения несовершеннолетней молодежи к СМИ показал, что почти в равной мере основными источниками информации о мире являются Интернет и телевидение (48% и 45% соответственно), по мере взросления респондентов значимость телевидения снижается, а глобальной сети – повышается. Степень доверия несовершеннолетних к информации, полученной через СМИ, довольно низкая (иногда ей доверяют 55%, редко – 26%), с возрастом показатели доверия снижаются. Половина респондентов указали, что надежного источника информации среди СМИ для них не существует.

Основной задачей исследования было выявление мнений молодежной аудитории о том, какое влияние на нее оказывают СМИ в целом и по их видам.

Исследование показало неоднозначное влияние телевидения. При просмотре фильмов подавляющее большинство респондентов часто или всегда переживают за судьбу их героев, с учетом выявленных ранее предпочтений молодежи (фантастика, комедии, ужасы и боевики), нельзя сказать, что это положительные эмоции и состояния. Согласно данным исследования, большинство респондентов дали неоднозначную оценку влияния молодежных сериалов и фильмов на них самих и на своих сверстников, отметив их

двойственное (наполовину положительное, наполовину отрицательное) и скорее положительное влияние, 41% и 35% соответственно. Менее критично более половины опрошенных относятся к влиянию на молодежь современных мультфильмов, оценивая их воздействие в той или иной степени положительно.

Интернет оказывает неоднозначное влияние на своих пользователей, что подтверждают и данные нашего исследования: мнения опрошенных разделились примерно поровну между двойственной и в той или иной степени положительной оценкой его влияния. Нами обнаружены гендерные и возрастные особенности: юноши чаще отмечают положительное влияние глобальной сети, девушки – двойственное и отрицательное; с увеличением возраста респонденты чаще дают неоднозначные и отрицательные оценки. Выявлен положительный факт: у 71% респондентов больше друзей в реальной жизни (чаще у девушек), у 22% – в социальных сетях (чаще у юношей), с увеличением возраста наблюдается некоторое расширение круга виртуальных друзей. Взаимодействие с Интернетом сопряжено с определенными рисками, большинство респондентов отметили нежелательную рекламу и спам, получение недостоверной информации и мошенничество, с ними они и сталкивались непосредственно в сети.

Согласно данным исследования, у респондентов редко (49%) и иногда (43%) возникают ситуации, когда они испытывают негативные эмоции (раздражительность, агрессию и т.п.) в связи с получаемой из СМИ информацией, более подвержены отрицательным эмоциям подростки 14-15 лет.

Анализ оценок, которые респонденты дали влиянию современных СМИ в целом на молодежь, показал, что мнения опрошенных разделились примерно поровну между двойственными и в той или иной степени положительными оценками. Девушки чаще отмечают положительное влияние СМИ, юноши – как двойственное, так и отрицательное воздействие; с увеличением возраста респондентов больше доля отрицательных оценок, даваемых влиянию СМИ в целом на молодежь.

Исследование выявило отношение несовершеннолетней молодежи к возрастным ограничениям в СМИ. Большинство опрошенных лишь иногда обращают свое внимание на возрастные ограничения в СМИ (46%), треть замечает их редко или вообще не замечает (23% и 10% соответственно), часто и всегда следят, разрешены ли им просмотр, прослушивание или чтение СМИ, только 19% и 2% опрошенных соответственно. Типичная особенность подросткового возраста – нарушать запреты, установленные взрослыми, опрошенные несовершеннолетние редко (57%) и иногда (32%) могут остановить свое общение со СМИ в ситуациях несоответствия своего возраста

установленному ограничению (более дисциплинированы девушки; с возрастом уровень самоконтроля респондентов снижается).

Исследование выявило достаточно низкий уровень родительского контроля процесса общения их детей со СМИ: при несоответствии возраста ребенка возрастным ограничениям большинство родителей редко или иногда останавливают это общение (38% и 29% соответственно), 20% никогда этого не делают. Регулярный контроль со стороны взрослых наблюдается в 13% семей опрошенных (немного строже он в отношении девушек; по мере взросления респондентов уровень родительского контроля снижается). Согласно данным исследования, большинство взрослых редко (42%) или иногда (37%) дают рекомендации детям по получению той или иной информации в СМИ (чаще девушкам и респондентам 14-15 лет).

Анализ отношения молодежи к родительскому контролю в среде Интернет показал, что почти половина опрошенных негативно относится к установлению каких-либо ограничений на доступ со стороны родителей (чаще юноши; с возрастом доля негативно настроенных уменьшается), 24% – воспринимают это нейтрально, 17% – рационально.

В заключение следует отметить, что затронутая нами проблематика требует дальнейшего изучения, вполне целесообразно проведение мониторинга.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРУППЫ НЕЕТ-МОЛОДЁЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

FORMATION OF GROUP OF NEET YOUTH IN THE MODERN WORLD

Ю.В. Голиусова

*Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук, г. Москва*

Yu.V. Goliusova

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

Автор показывает, что в современном обществе выпускники средней школы все чаще остаются на иждивении родителей, формируя НЕЕТ-поколение. В разных странах мира эта социальная группа насчитывает до четверти молодежи до 29 лет. Основная причина данного социального процесса состоит в несоответствии качества образовательной подготовки выпускников учебных заведений структуре и запросам рынка труда.

The author shows that in modern society graduates of high school even more often remain dependent on parents, forming NEET generation. This social group contains to a quarter of youth up to 29 years in the different countries of the world.

The main reason for this social process consists in discrepancy of quality of educational training of graduates of educational institutions to structure and inquiries of labor market.

Ключевые слова: образование, рынок труда, занятость молодежи, NEET – молодёжь, выпускники средней школы

Keywords: education, labor market, employment of youth, NEET – youth, graduates of high school

В современном мире общественное мнение постепенно склоняется к мысли, что совершеннолетние молодые люди, окончившие школу, могут на протяжении нескольких лет искать «свое место в жизни», не учась, не работая, не занимаясь ничем общественно полезным. Таким образом сформировалась отдельная группа, насчитывающая в различных странах от 15 до 25% молодежи. Их обобщенное название NEET («Not in Employment, Education or Training») – молодежь в возрасте 15-29 лет, которая экономически неактивна, не учится и не охвачена профессиональной подготовкой.

Этот феномен наиболее подробно описан в средиземноморских странах, что не является случайным совпадением. Именно в этом регионе наиболее высока молодежная безработица, которая в конце 2012 г. в Испании и Греции достигла уровня в 60% [1]. Похожая ситуация наблюдается и во многих латиноамериканских странах, а также государствах Магриба. Сильные семейные традиции в этих регионах, с одной стороны, смягчают негативные последствия феномена NEET, с другой – усугубляют их. Например, обычай совместного проживания с родителями до 30 лет помогает молодым людям пережить экономические невзгоды, но делает их безынициативными даже в благополучные времена. Более того, как показывают наблюдения в Мексике, именно поколение NEET активно вовлекаются в наркоторговлю и криминал [2].

В странах Магриба поколение NEET сыграло важную роль в так называемых арабских революциях 2010-2011 гг. [3].

В Японии этот феномен приобрел специфическую окраску и обозначается термином «хикикомори» («находящиеся в уединении»). Согласно определению Министерства труда и общественного благосостояния Японии, хикикомори считаются лица, изолирующие себя от общества и общественной жизни на срок более 6 месяцев. Наиболее часто хикикомори – это молодые люди 15-30 лет, NEET чаще становятся юноши. Помимо хикикомори в Японии большое распространение получила группа *freeters* – молодежи, отказывающейся поддерживать сложившуюся в стране систему пожизненного найма. Представители этой молодежной группы являются своего рода дауншифтерами. Являясь выходцами из семей «белых воротничков», они

предпочитают зарабатывать на жизнь случайными приработками, предпочитают горизонтальную мобильность вертикальной [4].

Численность NEET-молодёжи в возрасте от 20 до 24 лет в странах ЕС колеблется в пределах 10-13% [5]. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в период с 2007 до 2012 гг. в странах-участницах¹ ее численность выросла на 7.5% и достигла 18% всей молодежи [6].

По данным «Обследования рабочей силы» Росстата 2015 г., каждый шестой (19%) молодой россиянин в возрасте 15-29 лет относился к группе NEET. Такой статус в первую очередь характерен для российских юношей и девушек 20-ти лет и старше. Каждый шестой молодой человек в возрасте 20-29 лет не имеет работы и не учится. Уровень NEET, рассчитанный для 15-19-летней молодежи, почти втрое меньше. Среди российских девушек ни чем не занятых вдвое больше, чем среди юношей (19.1% и 10.0% соответственно).

Низкий уровень образования является одним из основных факторов, существенно увеличивающих вероятность попадания в группу NEET-молодежи. Особенно сильно возрастают риски для молодежи, завершившей образование на уровне основной общей школы. 40.5% 20-29-летних россиян, имеющих основное общее образование, относились в 2014 г. к группе NEET-молодежи. Это в 3-3,5 раза выше, чем среди имеющих высшее и среднее профессиональное образование этой же возрастной категории.

Уровень NEET-безработицы составил 5.1%, NEET-экономической неактивности – 9.4%. Эти показатели варьируются по половозрастным группам. Показатель NEET-безработицы максимален в группе 20-24-летних юношей (8.0%). NEET-экономическая неактивность распространена преимущественно среди женщин: уровень NEET-неактивности для женщин составил 14.3%, для мужчин он почти втрое меньше. Это связано, скорее всего, с рождением детей в этом возрастном интервале. Рождение ребенка до первого трудоустройства означает для девушки вероятную экономическую неактивность на протяжении всей жизни.

Уровень NEET существенно дифференцирован по российским регионам. Он варьируется от 5.9% (Санкт-Петербург) и 6.1% (Москва) до 34.1% (Чеченская Республика) и 38.6% (Республика Ингушетия).

В основном в группу неактивных и незанятых входит молодежь со средним образованием. Причем это пребывание «в стороне от рынка труда и образования» может затягиваться надолго. Согласно ряду оценок, численность этой «неблагополучной» группы превышает 1/5 от всей молодежи до 29 лет.

---

¹Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Республика Корея, Латвия, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, США, Турция, Финляндия, Франция, Чехия, Чили, Швейцария, Швеция, Эстония, Япония

В Европе NEET называют «потерянным поколением», так как отсутствие навыков трудоустройства и повседневного труда приводит к исключению молодых людей из сферы занятости. В 30-40 лет гораздо сложнее включиться в процесс поиска работы и труда, не имея такого опыта в более раннем возрасте.

В России остаются неизученными субъективные мотивы и институциональные причины неактивности и незанятости молодежи из группы NEET, а также возможность включения их в систему занятости.

Список литературы

1. González A. Merkel muestra preocupación por el alto paro juvenil en España // El País. Режим доступа: http://economia.elpais.com/economia/2013/01/24/actualidad/1359045404_413109.html (дата обращения: 26.08.2016).

2. Seijas S. Los Ninis: Mexico's Lost Generation // Pulitzer center [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://pulitzercenter.org/projects/mexico-ciudad-juarez-drug-war-los-ninis-youth> (дата обращения: 26.08.2016).

3. Torreblanca J.I. Revoluciones «ni-ni» // El País [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://elpais.com/diario/2011/02/18/internacional/1297983604_850215.html (дата обращения: 26.08.2016).

4. Тихоцкая И.С. Изменения в жизненном цикле японцев и место молодежи в современном обществе // Выпуск XXXII. История и культура традиционной Японии / Под ред. Смирнова И. С., отв. ред. Мещеряков А.Н. М.: Наталис, 2010. С. 455-468.

5. Варшавская Е.Я. Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 40-46.

6. Carcillo S. et al. “NEET Youth in the Aftermath of the Crisis: Challenges and Policies”, OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 164. Paris: OECD Publishing, 2015. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/5js6363503f6-en> (дата обращения: 26.08.2016).

ВЛИЯНИЕ СИБЛИНГОВЫХ СВЯЗЕЙ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

THE INFLUENCE OF SIBLING RELATIONS ON THE DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL

И.Г. Голубева

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.G. Golubeva

Lobachevsky University

Рассматриваются особенности взаимодействия между детьми и влияние сиблинговой связи на формирование человеческого потенциала. При анализе

необходимо учитывать как индивидуальные черты ребенка, так и характеристику его семьи (полная/неполная, однодетная/ двухдетная/многодетная), ресурсный потенциал каждого члена и семьи в целом.

The author considers features of interaction between children and the influence of sibling relationships on the formation of human potential. The analysis will need to consider both individual traits of the child and characteristics of his family (complete/incomplete, one-child/ two-child/large), the resource potential of each member and the family as a whole.

Ключевые слова: сиблинговая связь, человеческий потенциал, внутрисемейное взаимодействие

Keywords: the sibling relationship, human potential, family interaction

Траектория развития ребенка в семье зависит от многих показателей, в том числе от социального окружения, семьи. Место ребенка в «семейной констелляции» (пол и очерёдность рождения) определяет содержание его будущих ролей в межличностных отношениях [1]. В многодетных семьях ребенок осваивает большее число ролей, и этот факт отражается на развитии его личности [2, с. 36]. Например, было установлено, что старший брат и младшая дочь более успешно совмещаются в супружестве, поскольку могут воспроизвести привычное распределение своих ролей в родительских семьях.

В процессе социализации у каждого сиблинга формируется свой «социальный капитал». В работе Д. Коулмана данный феномен представляется как «некая комбинация определенных элементов, таких как наличие двух родителей, число родных братьев и ожиданий родителей относительно образования ребенка», также в социальный капитал входит взаимодействие между родителями и детьми и между сиблингами [3]. Дж. Коулман в своем исследовании пришел к выводу, что младшие дети в большой семье получают меньше внимания со стороны взрослых, что сказывается на низком качестве их учебы.

Тип семьи во многом определяет социализацию индивида. Из анализа однодетных и многодетных семей можно сделать вывод, что дети из многодетной семьи более конформны, а однодетных – проявляют лидерские качества, эгоизм [4].

К факторам, оказывающим влияние на взаимоотношения, можно отнести характер связи взаимоотношений между сиблингами и личностными чертами братьев и сестер, а также условия жизни (социальные достижения, уровень интеллектуального развития, особенности здоровья).

Двухдетная и многодетная семья – это возможность научиться регулировать как позитивные, так и негативные эмоции социально

приемлемыми способами. Первенец принимает участие в воспитании младших детей, помогает при уходе за больными членами семьи [5], таким образом, частично исполняя родительский «функционал». Второй по рождению сиблинг может следовать примеру старшего брата/ старшей сестры, так он может быстрее усваивать социальные роли и нормы. Младший ребенок находится под двойной защитой: со стороны родителей и старших сиблингов, если последние с детства привыкли к ответственности за него.

Роль сиблинга меняется на протяжении всей жизни, брат / сестра могут выступать в качестве образца, учителя, помощника / советчика, компаньона или соратника, друга. Сиблинги могут оказывать друг другу материальную, психологическую, финансовую помощь, защищать друг друга, решать сложные ситуации в период кризиса в семье, компенсировать недостаток родительского внимания / участия, поэтому братья и/или сестры рассматриваются как потенциальный ресурс в развитии личности.

Список литературы

1. Хамитова И.Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Журнал практической психологии, 2001. № 1-2.
2. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2010. 176 с.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122-139.
4. Сай М.В. Лидерский личностный потенциал детей, имеющих и не имеющих сиблингов (Гендерные различия) // Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2009. № 3 (4). С. 107-108.
5. Howe N. Sibling Relations and Their Impact on Children's Development // Peer Relations, 2014. P. 1-8.

НРАВСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ MORALITY IN THE CONTEXT OF HUMAN DEVELOPMENT

Л.М. Злотникова

*Белорусский торгово-экономический университет потребительской
кооперации, г. Гомель, Республика Беларусь*

L.M. Zlotnikova

*Belarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperation,
Gomel, Belarus*

Развитие современной цивилизации оказалось в полной зависимости от уровня социализации человека. Реальным ее проявлением выступает

нравственность. Общество по-прежнему оценивает достижения количественными измерителями, которые скрывают подлинные ценности человека, создают латентную систему торможения. В реальности человек должен сконцентрировать усилия на научных исследованиях природы нравственности и максимальной ее диверсификации в жизни.

Development of a modern civilization has appeared in a complete dependence from the level of socialization of the person. Morality acts as her real manifestation. Society still estimates achievements by quantitative measuring instruments which hide the true values of the person, create latent system of braking. In reality of people has to concentrate efforts on scientific research of the nature of morality and its maximum diversification in life.

Ключевые слова: нравственность, количественные измерители, неравенство, ценности

Keywords: morality, quantitative measuring instruments, inequality, values

Амартия Сен, Аурелио Печчеи, Алвин Тоффлер – имена этих великих людей известны сегодня узкому кругу ученых. Крайне редко произносятся в связи с проблемами измерения потенциала человеческого развития. Государства различных стран мира, участвующие в международной программе измерения развития человека, обязаны процессу определенного внимания к функционированию социальных институтов. К последним мы относим, прежде всего те, которые играют ведущую роль в формировании, развитии и поддержании трудоспособности человека на протяжении жизни. Это – семья, здравоохранение, образование, наука, культура и т.д. В рамках предложенного формата практически невозможно раскрыть содержание всех компонентов управления развитием. По этой и многим другим причинам основное внимание хотелось бы сосредоточить на фундаментальной ценности жизнедеятельности человека – нравственности. В последние годы вербальная ценность нравственного поведения, общения и ценности моральной компоненты возросла на несколько порядков. Реальность такова, что все процессы и явления в обществе оцениваются количественными результатами. Нравственность не имеет численного выражения, однако представляет собой сложный и противоречивый комплекс научных и эмпирических проблем. Акцентирование внимания на них обусловлено следующими причинами.

Во-первых, высокие скорости изменений в технико-технологическом содержании материального производства формируют основу непредсказуемости, высоких рисков и тревожности. Во-вторых, искусственно созданный разрыв между человеческими качествами, их ролью, ценностной значимостью и приоритетами экономической и социальной поддержки развития. В-третьих, научное осмысление сути происходящих общественных

процессов и явлений, как и вся гуманитарная компонента, получили статус «услуги». Расширяется противоречие между вербальным отношением к ценностям и их эмпирической значимостью. О ценностях говорят политики всех уровней, постоянно пишут и обсуждают средства массовой информации. В то же время под флагом важности общечеловеческих ценностей финансируется моральное и физическое насилие. Нравственность, мораль, этика остаются очень редкими предметами научных, а тем более политических обсуждений.

Общественное сознание с конца XX в. стало заложником количественных достижений. Целью жизни человека объявлено материальное богатство любой ценой. Проводимые до настоящего времени экономические, политические и социальные реформы обоснованы необходимостью максимального удовлетворения материальных потребностей. Теоретические и практические проблемы потребления, исследуемые гуманитариями, акцентируют внимание на субъективных оценках удовлетворенности. В то же время нравственные компоненты трудового потенциала остаются на периферии научного интереса.

В науке и практике господствуют утилитарно толкуемые спрос, цена, ценность трудового потенциала человека. Последние определяются на основе полученной прибыли. В условиях отсутствия теоретически обоснованной структурной иерархии потребностей реализуется идея полной либерализации экономических отношений. Их упрощенное толкование заложило систему противоречий между минимальным потреблением и сверхпотреблением. Различия между богатыми и бедными за годы реформ постоянно растут. Безнравственность поклонения материальному потреблению сопровождается сохранением высокого удельного веса тех, для кого недоступны не только нормальное жилье, медицинская помощь, но и необходимые продукты питания. Потребление остается наименее понятной институциональной системой общества. В работе «Общество потребления» французский социолог Жан Бодрийяр написал следующее: «Этот феномен до такой степени трудно очертить, что иногда хочется спросить себя, существует ли он реально, или он изобретен для нужд социальной критики» [1].

Человек, определенный утилитарным либерализмом одним из факторов производства, оказался в окружении материального богатства, создание которого отрицает любые проявления нравственности. Люди в буквальном смысле слова перестают быть людьми. Преобладание виртуального общения не только рождает новый тип коммуникации, т.е. безо всяких морально-нравственных ограничений и ответственности, но и формирует новое содержание трудового потенциала. Вольно или невольно производственное общение гипотетически становится все более безответственным. Человек начинает воспринимать себя с позиций рыночной стоимости. Если сегодня

хорошо оплачивается лицемерие, воровство, игнорирование технологических норм и т.д., то ожидания продукции с высокими потребительскими свойствами останутся нереализованными. Средства массовой информации переполнены фактами производства некачественной продукции и обвинений руководства всех уровней. Человек перестал позиционировать себя дисциплинированным, организованным и ответственным за совершаемые действия. Социальные сети – пример некорректной коммуникации, обвинений всех и вся за нарушения технологической дисциплины, стандартов качества производимой продукции и оказываемых услуг.

Стремление к диверсификации общества потребления, пагубности его праздности были отмечены уже в 70-е гг. 20 в. Амартия Сэн, Аурелио Печчеи опубликованы работы, в которых попытались обратить внимание на проблемы человеческих качеств. В работе с одноименным названием А. Печчеи написал: «Только качественный скачок во всей эволюции человеческого мышления и поведения может помочь нам проложить новый курс, разорвав тот порочный круг, в котором мы оказались. Конечно, добиться таких глубоких психо-социальных изменений в самой человеческой природе весьма сложно, но отнюдь не невозможно» [2].

С 1990 г. под эгидой ООН разработана и реализуется программа под названием «Индекс человеческого развития». Он представлен как интегральный показатель основных количественных характеристик жизнедеятельности человека. Международный мониторинг используется для проведения измерений и сравнений уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия, их качественных изменений. Методология оценки уровня и содержания развития человеческого потенциала основана на полном доверии к статистическим показателям. По необъяснимым причинам статистические количественные индикаторы остаются наделенными магической силой. Статистика до настоящего времени остается своеобразным фетишем развития человека. Несмотря на то, что ВВП, средний доход, величина национального богатства и многие другие показатели не отражают сущность морально-нравственных принципов, поступков, ценности жизни, процессы расширения количественных измерителей продолжают. Несмотря на рост материальных, финансовых и человеческих затрат сбора количественной информации, общество ни на шаг не приблизилось к пониманию сути происходящих процессов.

Внедрение различных рейтингов, тестов широко используются для финансирования научных исследований, функционирования института образования, здравоохранения, культуры и социальной сферы. Соответственно, нравственность, отражающая уровень социализации человека, но не имеющая

системы количественных показателей, осталась за пределами государственного финансирования. Только гипотетически можно утверждать наличие решающего воздействия морали, этики на конечные производственные результаты во всех сферах, включая институты социализации человека. Вывод нравственности за границы государственного интереса, усиление коммерческой компоненты обосновано требованиями объективности. В результате средства массовой коммуникации, различные ток-шоу переполнены «реальной чернотой». Безнравственное, экономически выгодное действие формирует тотальное безразличие. Эмоциональное любопытство подменяет познание. Тотальное невежество, формируя структуру материального потребления и его место в жизни человека, подпитывается преобладанием высоких доходов, не связанных с трудовыми усилиями. Особые причины неравенства на постсоветском пространстве теоретически усиливают не только деформации в качестве трудового потенциала, но и значительные потери в формировании будущего социального фундамента общественных отношений. Безнравственность материального неравенства диверсифицирует потребность насилия в решении социальных, экономических и политических проблем. Потребление вне нравственной компоненты, формируя новые общественные отношения, требует радикального пересмотра ценности цифровых измерителей.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.
2. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.

НРАВСТВЕННАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ MORAL STABILITY OF THE MILITARY SERVICE IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

А.В. Кашеева, А.И. Барыкина, Е.А. Бурова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Kascheeva, A.I. Barykina, E.A. Burova
Lobachevsky University

Рассмотрена взаимосвязь феномена нравственной устойчивости с психологическим состоянием военнослужащего и надежностью деятельности на основании специфики военно-профессиональной деятельности.

In the article the interrelation of a phenomenon of moral stability with the psychological state of a serviceman and reliability of activity on the basis of the specifics of military professional activity is considered.

Ключевые слова: нравственная устойчивость, морально-психологическое состояние, моральный выбор

Keywords: moral stability, moral and psychological state, moral choice

Все больше ученых уделяют нравственному состоянию современного российского общества особое внимание, давая ему весьма пессимистические характеристики. Ежегодно выпускаются сборники научных статей Института психологии РАН по проблемам нравственности [1]. В рамках этих исследований ученые поднимают вечные вопросы «добра и зла», изучают процессы осознания на индивидуальном уровне нравственного закона, призванные помочь человеку в условиях сложного морального выбора, а также определяют факторы его устойчивости.

В подобном контексте особо остро встает проблема нравственного состояния тех, кто в силу профессии выполняют регулирующие функции в обществе – военнослужащих. Особенностью деятельности военнослужащих является действие от имени государства. Будучи проводниками воли государства, каждый выбор и поступок, совершаемый в рамках военно-профессиональной деятельности, может быть подвергнут моральной оценке.

В.А. Пономаренко указывает: «В трудное для нашего Отечества время армия обязана и способна стать духовной опорой реформ, школой нравственного мужества, гарантом мира». Исследователь ссылается на духовный вектор в науке как ведущий механизм востребованности психологии. Эффективность духовного вектора заключается в непрерывности нравственных ценностей [2], оценке своего вклада в Добро и Зло, рефлексии совести профессионалов, являющихся в данном контексте фактором национальной безопасности.

Специфика выполнения военно-профессиональной деятельности оказывает психологическое влияние на исполнителя и может приводить к дезорганизации деятельности как следствия нарушений психики.

По мнению В.Д. Небылицына, надежность является важной оперативной характеристикой человека в особых, затрудненных, экстремальных ситуациях. Устойчивость индивида в данном контексте проявляется в способности сохранять оптимальные рабочие параметры (работоспособность, бдительность, помехоустойчивость) в усложняющихся условиях в течение определенного времени [3].

Стабильное поведение в рамках норм, созданных самим человеком, является главным признаком его нравственной устойчивости.

Многие авторы дают устойчивости нравственную оценку и относят к нравственному сознанию.

В.Э. Чудновский рассматривает устойчивость как интегративное понятие, ориентирующее человека на нравственные ценности, в противоположность ценностям утилитаризма, индивидуализма и прагматизма. Нравственная устойчивость определялась как способность личности противостоять негативным ценностям, нормам и обычаям отдельных социальных групп [4].

Л.М. Попов указывал на взаимосвязь устойчивости личности и самоорганизации, а также ориентацией на отдаленные цели. Высокий уровень самоорганизации и ориентация на отдаленные, а не на ближайшие цели, обуславливают нравственную устойчивость, способствуют проявлению «добраго начала» в человеке [5].

Многие психологи, опираясь на концепцию В.Э. Чудновского, рассматривают нравственную устойчивость в педагогическом аспекте, ставя во главу угла проблему ее формирования. Ф. Володько в исследовании учащихся профтехучилищ подчеркивает важность нравственной саморегуляции, оказывающей сопротивление нежелательным воздействиям среды и способствующей ее преобразованию.

По В.Й-Л. Вайцекаускене, готовность заботиться об окружающих, гуманность, социальная ориентированность являются проявлением нравственно устойчивого поведения личности. Основанием такого поведения является эмоционально-нравственный опыт.

В соответствии с Т.П. Гавриловой, нравственная устойчивость является интегративным образованием, включающим такие свойства, как достоинство, гуманность, чувство личной ответственности и долга, самостоятельность, инициативность. В своем исследовании трудных подростков ею была предложена структура, состоящая из следующих понятий: сознательность, общественная направленность, убежденность, социальная и волевая активность. Механизмом реализации нравственной устойчивости является нравственно-волевая саморегуляция [6].

Психологические критерии нравственной устойчивости могут быть определены при анализе морального развития человека и выбранного им способа бытия, который осуществляется при нравственном самоопределении личности. Внешним критерием нравственной устойчивости является поступок, проявленный в ситуации морального выбора. Применительно к военным служащим особенность морального выбора заключается в принятии

решения, разрешающего нравственное противоречие в жестких границах нормативного поведения.

Список литературы

1. Журавлев А.Л., Воловикова М.И., Галкина Т.В. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. Сер. Труды Института психологии РАН. М.: Института психологии РАН., 2014. 318 с.

2. Пономаренко В.А. Психология духовности профессионала. М.: РАО, 1997. 295 с.

3. Маркелова Т.В. Теоретико-методологические основы заблаговременной устойчивости будущих офицеров запаса к условиям военно-профессиональной деятельности: автореф. дис. докт. психол. наук. / Т.В. Маркелова. М., 2011. 56 с.

4. Чудновский В.Э. Нравственная устойчивость личности: Психологические исследования. М.: Педагогика, 1981. 208 с.

5. Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добро и зло в этической психологии личности»: Институт психологии РАН; Москва; 2008. 240 с.

6. Гаврилова Т.П. Диагностика личности трудного подростка в процессе формирования нравственной устойчивости: Методическое пособие. Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2008. 44 с.

ПОСТРОЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ОСНОВА СОДЕЙСТВИЯ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

BUILDING COMMUNICATION AS A BASIS OF PROMOTION IN THE DEVELOPMENT OF THE PERSONALITY

А.С. Когаловская

Ивановский государственный университет

A.S. Kogalovskaya

Ivanovo State University

Делается попытка осмысления отечественных и зарубежных теорий коммуникации в контексте ее влияния на формирование и развитие личности.

The author tries to comprehend domestic and foreign theories of communication in the context of her influence on formation and development of the personality.

Ключевые слова: отношения, когнитивный диссонанс/консонанс, роль, восприятие, влияние, контакт, развитие

Keywords: relations, cognitive dissonance/consonance, role, perception, influence, contact, development

Существует множество отечественных и зарубежных подходов, концепций, теорий, посвященных общению. Некоторые из них мы рассмотрим с точки зрения их взаимосвязей с развитием личности в процессе образования и воспитания.

В психоаналитической теории В. Шюца, посвященной интерперсональному поведению, исследуется роль отношений ребенка в семье. В ней показывается, что опыт таких отношений существенным образом влияет на возникающие у взрослого человека проблемы, связанные с реализацией таких потребностей, как включение в группы и общности, контроль и любовь. Особое место в исследованиях Шюца занимают исследования функции идентификации ребенка с родителями и опыт межличностных отношений детства.

Опыт отношений в родительской семье, связанные с ним ожидания, потребности, чувства – это то, что так часто порождает существенные различия в восприятии одной и той же ситуации разными людьми и, как следствие, формирует разные типы реагирования.

Развивающий эффект общения создается во многом благодаря авторитетности фигуры собеседника (родителя, педагога, психолога и др.). Значимость и авторитетность собеседника делает возможной идентификацию с ним.

Наиболее известные теории, разработанные в рамках когнитивной ориентации, – это теории структурного баланса Ф. Хайдера, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера, теория коммуникативных актов Т. Ньюкома и теория конгруэнтности Ч. Осгуда и П. Танненбаума. Особая роль принадлежит теории Л. Фестингера, выявившего феномены, которые были названы им когнитивным диссонансом и когнитивным консонансом.

Межличностная коммуникация стала предметом исследований Т. Ньюкома, показывающих, что в случае расхождения группы мнений или оценок у членов группы, касающихся какого-либо предмета, система их отношений приходит в состояние дисбаланса, вызывая у участников взаимодействия потребность возвращения ее в состояние баланса.

Реальность такова, что в отношениях естественным является не только и не столько консонанс, сколько диссонанс. Как утверждает последователь К. Юнга Роберт Джонсон, несоответствие, противоречие, парадокс не только неизбежны, не только естественны, но несут в себе огромный развивающий потенциал. Выход он видел не в устранении противоречия (как предлагали Л. Фестингер и Т. Ньюком), а в наведении мостов между казалось бы несовместимыми вещами. Он предлагает рассматривать одновременно два противоречащих друг другу понятия и считать их равнозначными. В этом он

видит путь к единству, к полноте. Таким образом, основная задача – преодоление двойственности.

Основой интеракционистской ориентации стали постулаты Дж. Мида. В теории символического интеракционизма Дж. Мида и Ч. Кули предметом исследования является символическая коммуникация. Важными понятиями этой теории являются понятия роли и обобщенного Я. Механизм успешной коммуникации авторы видели в принятии роли другого.

Успешность коммуникации в заметной степени определяется тем, принимаются ли участниками коммуникативные роли и какие именно эти роли. Так, мать, не справляясь с сыном-подростком, настаивает, чтобы он сходил к психологу. Сын истолковывает ее пожелание как то, что мать считает, что с ним не все в порядке, и предлагает ей самой сходить к психологу. В его резком ответе, тем не менее, содержится рациональное зерно, так как в отношениях взрослый-ребенок (подросток) наиболее ответственная роль принадлежит взрослому. Роли выбираются, предлагаются или навязываются. Имеет значение, видит ли мать в сыне «будущего мужчину» или принимает в нем мужское уже сегодня и общается с ним соответственно.

Среди отечественных авторов особо стоит отметить работы Г.М. Андреевой А.А. Бодалева. Ими исследовались причины нарушенного общения, была выделена система феноменов и механизмов отражения человека человеком, показана роль отношений в восприятии и понимании людьми друг друга. В межличностном и межгрупповом общении имеют место не только передача информации, но и восприятие и понимание людьми друг друга, а также их взаимовлияния и взаимодействия на разных уровнях.

В процессе формирования и развития личности невозможно обойти эти феномены. Влияние педагога на учащегося во многом зависит от того, как его воспринимает ученик, что, в свою очередь, зависит и от того, какими глазами педагог смотрит на ученика. Не совсем оправданно говорить о педагогическом влиянии в процессе образования и развития, а скорее о взаимовлиянии педагога и воспитанника. Вряд ли сможет многое сделать педагог, который не учится благодаря своим ученикам. Иначе нет развития. Развитие – процесс взаимный.

Психологи гуманистической ориентации, в частности, К. Роджерс и Р. Мей, ставят и исследуют проблему понимания других и себя в межличностном общении.

С точки зрения гуманистического подхода, качество контакта и качество коммуникации играют ведущую роль в процессе оказания помощи или содействия развитию личности. Особое внимание уделяется чувствам участников коммуникации. Понимание чувств – это путь к более глубокому пониманию и другого, и себя самого, к ясному осознанию мотивов и целей,

стоящих за чувствами, это путь, несущий возможность выбора более эффективных и экономичных средств их достижения.

Для того, чтобы сложился настоящий, качественный контакт, в том числе и в помогающем, и в развивающем общении, монолог должен уступить место диалогу. А тому, на кого возложена педагогическая или психологическая миссия, необходимо уступить лидерство и скорее следовать за подопечным, что позволяет через слушание и слышание мотивировать, заинтересовывать, находить подходящие формы воздействия и взаимодействия. Ведь у специалиста больше вопросов, чем ответов. В силу этого он ориентирован более на совместный поиск, а не на готовые ответы и решения.

Рассмотренные коммуникативные направления становятся особенно актуальными в современном мире, когда ускоряются информационные потоки. Молодые люди в этих условиях способны некоторые веяния времени улавливать быстрее и в чем-то опережают представителей старших поколений. Последние, в свою очередь, способны быть носителями культуры и приобщать молодежь к ее лучшим образцам. При этом неизбежны взаимовлияние, взаимообучение, могущие стать продуктивными только при наличии взаимопринятия и взаимоуважения.

Усиливающаяся миграция населения обостряет проблему столкновений на расовой и этнической почве. В этих условиях необходимо выстраивание позитивных отношений, возможных на базе слушания и слышания друг друга настойчивых попыток взаимного принятия, ведущих к рождению взаимоуважения. И здесь возрастает роль социальных психологов.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ КОМПОНЕНТЫ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ
О СТИЛЯХ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
PSYCHOLOGICAL AND MORAL COMPONENTS VIEWS STUDENTS
ABOUT STYLES INTERPERSONAL INTERACTION**

В.В. Колосова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
V.V. Kolosova
Lobachevsky University

Представлены результаты эмпирического исследования нравственно-психологических компонентов стилей межличностных взаимодействий студентов-психологов. Исследование показало, что в образе «Я»-реальное ведущим стилем взаимодействия у студентов первого и четвертого курсов

является «ответственно-великодушный стиль». В представлениях студентов о желаемом образе («Я»-идеальное) предпочтителен «властно-лидирующий стиль».

This article presents the results of an empirical study of moral and psychological components of interpersonal interactions styles of students-psychologists. The study found that in the image "I"-the real leading students interaction style first and fourth courses was "responsibly-magnanimous style. In the views of students about the desired image (the ' I '-ideal) is preferred to "powerfully-leading style.

Ключевые слова: психология морали, социальные представления, стили межличностных взаимодействий, «Я»-реальное, «Я»-идеальное

Keywords: psychology, morality, social representations, styles, interpersonal interactions, "I" is the real "I"-perfect

Предметная область нашего исследования задана противоречием между обширным накопленным материалом, отражающим морально-нравственные проблемы современного общества и отдельных групп населения, и данными о вероятной динамике самоопределения молодых людей (на примере студентов-психологов) при выборе стилей межличностного взаимодействия.

Практическая актуальность исследований нравственного компонента в российском обществе стала осознаваться психологами в последние десятилетия. Во многом это обусловлено плюрализмом современного мира, в котором сосуществуют взаимно противоречивые нравственные ориентиры, порождающие острые и трудноразрешимые конфликты, что формирует острую необходимость объединения усилий различных социогуманитарных наук, изучающих нравственную проблематику [1].

Количество научных публикаций, круглых столов, семинаров и конференций, приглашающих участников к обсуждению моральных и нравственных норм общения, воспитания, регуляции поведения, заметно возросло.

В психологической науке моральные основы общества и нравственные установки личности традиционно изучаются как в рамках психологических направлений бихевиоризма, психоанализа и когнитивного подхода, так и в качестве самостоятельной области исследований. Среди отечественных психологов, научный интерес которых связан с изучением психологии морали, М.И. Воловикова, Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлёв, Д.В. Колесов, А.Б. Купрейченко, Л.М. Попов, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич.

Систематизация результатов исследовательской практики позволяет выделить разделы психологии нравственности, наиболее рельефно представленные следующими направлениями: общие психологические

проблемы морали и нравственности; социально-психологические механизмы формирования и распространения в обществе различных моральных систем; механизмы интериоризации морали и ее трансляции на уровень индивидуальной нравственности; нравственно-психологическое состояние современного российского общества; нравственно-психологические основы негативных социальных явлений; поиск путей повышения нравственности в обществе [2].

Среди аспектов, связанных с изучением психологии морали, феномены и категории, характеризующие стили межличностного взаимодействия, иерархия ценностных ориентаций и направленность личности в общении, нравственное самоопределение личности, духовно-нравственное становление человека, социальные представления. Принято считать, что социальные представления – это «теории здравого смысла», «объекты, сконструированные социальной группой». За отправную точку в теории социальных представлений берётся система идей, установок, ценностей и практик, которые разделяются данной социальной группой [3].

Осмысленная структура социальных представлений и ценностных ориентаций позволяет преодолеть трудности социальной и профессиональной адаптации, выполняя функцию регулятора активности личности и конструирования её нравственной позиции [4].

Для выявления содержания и структурных компонентов социальных представлений студентов на разных этапах профессионализации совместно с выпускницей факультета социальных наук А. Широковой было проведено многоэтапное исследование с использованием батареи тестов. В исследовании принимали участие студенты-психологи с первого по четвёртый курс очной формы обучения (всего 154 человека). Результаты лонгитюдного исследования студентов первого курса (приём 2013 г.) и этой же группы студентов 4 курса (выпуск 2017 г.) позволяют оценить динамику представлений студентов на выборке испытуемых из 70 человек (44 первокурсника и 26 выпускников).

Для изучения предпочитаемых стилей межличностного взаимодействия студентов-психологов нами использовался метод «Диагностики межличностных отношений», вариант интерперсональной диагностики Т. Лири, модифицированный Л.Н. Собчик. Статистическая обработка результатов исследования проводилась нами с использованием пакетов программ MSExcel и STATISTICA 10.0 (сравнение по Т-критерию Вилкоксона).

Применение двух инструкций позволило оценить стили взаимодействия испытуемых, связанные с актуальными способностями, ролями и статусами (образ «Я-реального»), и установки, связанные с представлениями индивида о том, каким он хотел бы стать (образ «Я-идеального»).

Традиция использования понятия взаимодействие в социальной психологии позволяет обнаружить, что оно применяется как для характеристики реальных контактов людей в процессе совместной деятельности, так и для описания взаимных влияний (воздействий) общающихся друг на друга в процессе социальной активности [5]. Очевидно, что эффективность взаимодействия, установки на равноправие и сотрудничество в общении влияют на снижение напряжённости в полиэтнических группах, результативность бизнес-переговоров, действенность встречи с чиновниками и медицинскими работниками. Успешность межличностного взаимодействия оказывает влияние на супружеские и детско-родительские отношения, на конструктивность общения в учебно-воспитательном процессе школы и воинском подразделении.

В проведённом нами исследовании статистическая обработка данных не выявила значимых различий между предпочитаемыми стилями взаимодействия у студентов 1 и 4 курса в образе «Я-реальное», где студенты-психологи избирают «ответственно-великодушный стиль» взаимодействия, т.е. они оценивают себя как людей ответственных, отзывчивых и заботливых.

Как пишет К.А. Абульханова, развитая ответственность связана с осознанием своей независимости, самостоятельности, иногда даже своего одиночества. Такой человек в разрешении противоречий и проблем жизни опирается не на других людей, не на обстоятельства, а на себя, на свои ценности, преимущественно духовные [6].

«Ответственную личность характеризует готовность к преодолению трудностей, независимость от окружающих – их оценок, влияний, способность чётко оценивать свои возможности (и недостатки) в разрешении конкретной ситуации и глобальных социальных и жизненных контекстах» [6, с. 89].

В представлениях о будущем («Я-идеальное») для всей выборки студентов-психологов предпочитаемым стилем взаимодействия становится властно-лидирующий стиль, отражающий стремление молодых людей к активности, мотивацию достижения и тенденцию к доминированию. В качестве существенных характеристик своей профессиональной деятельности респонденты выбирают лидерские качества, способности наставника и свойства руководителя. Другими словами, в представлениях студентов между категориями профессионал и лидер (руководитель) ставится знак равенства.

При этом мы считаем целесообразным проведение дополнительных исследований для выявления конструктивной или деструктивной направленности поведения лидера, оценки возможных негативных проявлений личности, склонности к подозрительности, тотальному контролю и авторитарности.

Вероятно, испытывая на протяжении всей жизни влияние различных институтов социализации, молодые люди ощущают стремление проявить себя, свой лидерский потенциал, ориентированный на успех и личностный рост, реализацию жизненных целей и ценностных ориентаций.

Список литературы

1. Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 508 с.
2. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4-14.
3. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. — М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 312 с.
4. Колосова В.В. Модернизация образовательных программ как фактор формирования профессиональной компетентности выпускника вуза // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Государственное управление и развитие России: модели и проекты». Т. I. Москва: Проспект, 2017. 764 с. С.651-656.
5. Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ИНФРА. М, 1999. 688 с.
6. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). М: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: издательство НПО «МОДЕК», 1999. 224 с.

ОСОБЕННОСТИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ПОЖИЛОМ И СТАРЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ¹ FEATURES OF A HEALTHY LIFESTYLE AT ADVANCED AND SENILE AGE

Л.В. Колпина
*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет*
L.V. Kolpina
Belgorod National Research University

На основе анализа данных авторского анкетного опроса выявляются общие и специфические для старших возрастов характеристики здорового образа жизни.

---

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00203.

General and specific characteristics of a healthy lifestyle to advanced ages come to light on the basis of the analysis of author's questionnaire data.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, здоровьесбережение, пожилой и старческий возраст.

Keywords: healthy lifestyle, health saving, advanced and senile age

Актуальность вопросов здоровьесбережения населения старших возрастных групп не нуждается в доказательстве. Однако, в сравнении с населением молодого и среднего возраста, данная проблема находится все еще на периферии научного дискурса, несмотря на наметившийся в последние годы тренд повышения к ней интереса.

Для выявления особенностей здоровьесберегающего поведения среди населения пожилого и старческого возраста анализируются данные осуществленных в 2017 г. в Белгородской области двух репрезентативных массовых опросов: первый – основной группы, включившей в себя население пожилого (60-74 года) и старческого (старше 75-ти лет) возраста (N=500 человек), второй – контрольной группы (N=200 человек), представленной населением в возрасте 40-59-ти лет. В основной и контрольной группе задавались аналогичные вопросы с целью определения того, следует ли считать выявленные характеристики здоровьесберегающего поведения населения пожилого и старческого возраста специфичными для этой возрастной группы, или же они отражают общие тренды, характерные для взрослого населения.

Отметим, что, в отличие от контрольной группы, представители которой чаще всего характеризуют свое здоровье как хорошее (47.5%), респонденты пожилого и старческого возраста (основной группы) чаще всего оценивают его как посредственное (50.4% и 44.9% соответственно). Резкое снижение физического самочувствия при переходе к пожилому возрасту показывают и другие исследования, что предположительно должно обуславливать повышение мотивации к здоровьесбережению.

Для оценки распространенности здоровьесберегающего поведения, респондентам давался ряд утверждений о наличии соответствующих практик в их жизни (здоровое питание, отсутствие вредных привычек, физическая активность, практики поддержания психического здоровья, выполнение рекомендаций врачей), с которым они могли выразить полное или частичное согласие, а также несогласие. Для осуществления компаративного анализа (по возрастам), в некоторых случаях на основе полученных данных рассчитывались индексы (И) реализации практик ЗОЖ по следующей формуле: n (согласен полностью), $+ \frac{1}{2} n$ (согласен отчасти), $- n$ (не согласен), где n – доля соответствующих ответов. Положительные значения индекса характеризуют

наличие практик (чем выше, тем сильнее распространена), отрицательные – их минимизацию.

Первый вопрос звучал следующим образом: В какой мере Вам соответствует утверждение: «Я веду здоровый образ жизни»? (Табл. 1). Из ответов на этот вопрос выяснилось, что более всего утверждают наличие ЗОЖ представители группы пожилых респондентов (60-74 года). Значения соответствующего индекса у них ставило 33.0, тогда как в других возрастных группах (40-59 лет и старше 75 лет) оно варьирует в диапазоне 24-27. Респонденты пожилого и старческого возраста более категоричны в этом утверждении, чаще в полной мере соглашаясь, что ведут ЗОЖ (в среднем 31.9% против 24.3% в группе 40-59-ти лет), но что касается несогласия с этим утверждением, то здесь значения ответов во всех группах соотносимы (Табл. 1).

Население пожилого и старческого возраста чаще, чем представители группы 40-59-ти лет, выражает полное согласие с утверждением «я никогда не курю» (70.9% против 58.2%), и реже – несогласие (11.5% против 23.9%). Доля курящих однозначно снижается и внутри основной группы: от пожилого к старческому возрасту. Аналогично этому респонденты пожилого и старческого возраста чаще 40-59-летних однозначно соглашаются с утверждением, что никогда не употребляют алкоголя или употребляют редко и в разумных дозах (58.9% против 48.9% соответственно). Снижение употребления алкоголя и табакокурения от пожилого к старческому возрасту следует объяснять, в первую очередь, существенным снижением доли мужчин в группе пожилых, а среди женщин эти привычки встречаются реже.

Т а б л и ц а 1

В какой мере Вам соответствует утверждение: «Я веду здоровый образ жизни»?

Возраст/ лет	Согласен полностью	Согласен отчасти	Не согласен	Затрудняюсь ответить	Нет ответа	И
40-59	24.3%	47.5%	22.7%	4.5%	1.0%	25.4
60-74	31.2%	40.4%	18.4%	3.5%	6.4%	33.0
Старше 75	32.7%	36.7%	24.5%	4.1%	2.0%	26.5

Однозначно утверждают, что придерживаются принципов здорового питания, всего 12-16% опрошенных всех возрастов, за исключением опять же, пожилых, среди которых такой ответ дали 19.1%. Они же реже других не согласны с утверждением, что придерживаются принципов здорового питания (33.3% против 41-43% в остальных возрастных группах). В полной мере согласны с утверждением: я регулярно занимаюсь физкультурой, другой формой оздоровительной физической активности, всего 12-14% опрошенных старших возрастов, а в контрольной группе – 20%. Зато абсолютное

большинство населения старших возрастов регулярно бывает на свежем воздухе: полностью согласных с этим утверждением пожилых респондентов – 65.2%, старческого возраста – 51.2% (в контрольной группе – менее 50%). Чаще других так отвечают респонденты пожилого возраста (65.2%), реже – в старческом (51%).

Единственная практика здоровьесбережения, по распространенности которой население старческого возраста лидирует, – выполнение предписаний врача. Почти половина утверждают, что всегда выполняют предписания врача. Этот показатель в основной группе значительно выше, чем в контрольной: соответствующий индекс в группах пожилого и старческого возраста – 51.0 и 57.9 соответственно, а 40-59-летних – 29.3.

Наименее распространенными практиками ЗОЖ являются те из них, которые ориентированы на сохранение душевного здоровья: соответствующий индекс имеет резко отрицательные значения среди всех групп опрошенных, что означает существенное превалирование доли респондентов, категорически не согласных с утверждением: «я регулярно занимаюсь своим душевным здоровьем (занимаюсь медитацией, релаксацией, аутотренингом, цигуном и прочими духовными практиками)». Значение индекса практик душевного здоровья в группе пожилых составило – 28.1, старческого возраста – (-)34.7, а в группе 40-59-и лет еще меньше – (-) 52.4. Более высокие значения индекса реализации практик душевного здоровья в основной группе обусловлены не тем, что большее число ее представителей их осуществляет, просто они чаще других выбрали вариант «затрудняюсь ответить» или не ответили на этот вопрос.

Интерпретируя представленные данные, заострим внимание на том, что они субъективны. В этой связи представляет интерес следующий факт. Тогда как однозначно утверждают, что придерживаются ЗОЖ, треть представителей пожилого и старческого возраста, доля однозначно утверждающих наличие оздоровительной активности составляет всего 1/8 от их числа; придерживающихся здорового питания – 1/5 от числа опрошенных пожилого и 1/7 – старческого возраста. Указанное позволяет сделать вывод о невысокой критичности населения старших возрастов в оценках своего образа жизни, в сравнении с группой 40-59-ти лет, представители которой не дают столь противоречивых ответов.

Складывается впечатление, что проблема здоровьесбережения актуализируется в пожилом возрасте, поскольку именно в этой группе в большинстве случаев отмечаются наиболее высокие самооценки ЗОЖ, что связано, скорее всего, с одной стороны, с появлением свободного времени, а с другой – с ухудшением здоровья. Последующая минимизация

здоровьесберегающих практик в старческом возрасте сопряжена со снижением возможностей для их реализации в силу уменьшения автономности по причине ухудшения самочувствия, со снижением здоровьесберегающих мотиваций, обусловленных самоэйджи́змом и медикализацией представлений о старости [1].

Практики здоровьесбережения населения старших возрастных групп имеют общие для населения в целом и специфические черты. К общим относятся минимизация внимания к здоровому питанию и душевной гигиене, к специфическим – снижение табакокурения, употребления алкоголя, оздоровительной физической активности, увеличение внимания к врачебным рекомендациям и пребывания на свежем воздухе. ЗОЖ основной массы населения старших возрастов заключается преимущественно в отсутствии вредных привычек, а также прогулках на свежем воздухе и выполнении предписаний врача, характеризуясь минимизацией таких основополагающих здоровьесберегающих практик, как правильное питание и физическая активность.

Список литературы

1. Колпина Л.В., Иванов С.В., Курдяев С.М., Щитикова О.Б. Эйджи́зм в восприятии пожилых людей и его влияние на социальное здоровье населения пожилого и старческого возраста // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2015. № 4. С. 74-81.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ HUMAN POTENTIAL IN MODERN SOCIOCULTURAL PRACTICES

А.В. Комиссаров
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Komissarov
Lobachevsky University

Исследуется проблема трансформации человеческого потенциала в современном обществе. Актуализируется вопрос развития общества и важность социализации в контексте раскрытия человеческого потенциала.

The article is devoted to the problem of transformation of human potential in modern society. Actualizarea question of the development of society and the importance of socialization in the context of human potential.

Ключевые слова: человеческий потенциал, культура, трансформация, социализация, общество, релятивизм, категорический императив

Keywords: human potential, culture, transformation, socialization, society, relativism, categorical imperative

Процесс становления и развития культуры – это не только развитие познавательных способностей и интеллектуального потенциала, не столько стремление к истине, к рациональному началу, сколько глубокое внимание к освоению человеком и обществом нравственных норм и ценностей.

Человечество за время своего существования накопило огромный позитивно значимый социальный опыт моральной деятельности, сформулировало и изложило его в форме целого ряда нравственных истин и аксиом. Они включены в качестве догм во все религии мира, в качестве законов и норм общественной жизни во все правовые и этические системы социумов, в качестве императивов в философские системы, потому что показывают путь, по которому необходимо идти, чтобы стать культурным человеком и развивать себя и окружающий мир. Система этих истин – это идеал, некая точка отчета, с которой начинается оценка и самооценка человека как личности, и, следовательно, основа критериев для определения того, что есть культурная личность. И. Кант через понятие категорического императива высказывал идею о том, что мудрость человечества, которая накоплена путем практической деятельности многих поколений, является мерой человеческого в человеке и должна стать этическим критерием культурной личности. Анализируя данную мысль, соглашаешься с идеей о том, что на разрушение культуры личности и общества влияет перенос принципа релятивизма в сферу нравственных отношений. С одной стороны, моральный релятивизм способствует отказу от отживших, мешающих дальнейшему развитию культуры норм и замене их на более прогрессивные. С другой, нередко приводит к отрицанию вообще каких-либо моральных принципов и порождает аморализм (а возможно и антиповедение с его деструктивным характером) и, как следствие, деградацию общества. «Отсюда явились реакции общества на резкое ухудшение условий жизни, утрату привычных ценностей, резкую дезадаптацию» [1].

В контексте смены столетий и постоянного ускорения обмена информацией наша задача не утратить важную мысль о том, что главным богатством общества является человек (люди) с его потенциалом. Движение и развития замрет, если люди конкретного общества не окажутся на определенной стадии своего развития. Данный уровень определяется через багаж духовно-нравственных ценностей и состоянием человеческой интеллигентности. Развитие духовного, нравственного, гуманного начала,

образованности и эрудиции позволяют, как отмечал Д.С. Лихачев, быть любому человеку интеллигентным. Духовность в человеке предполагает честный добросовестный труд, чистоту и красоту человеческой души, толерантность к окружающим, стремление к прекрасному. Путь к духовному и нравственному открыт для каждого человека, и каждый должен найти себя на этом пути, а помогает в этом воспитание, образование и культура в целом. Общество должно воспитывать культурную личность с определенным набором духовно-нравственных ценностей: любовь и чуткость к людям и к природе; духовная красота; неутолимая жажда познания. Культурная личность – это интеллигентная личность с богатым духовно-нравственным миром и постоянно раскрывающимся потенциалом своих возможностей.

У каждого есть огромный потенциал, который помогает развиваться самому индивиду и при этом развивать окружающий мир (общество, природу). Ф.М. Достоевский отмечал, что внутри каждого человека заложена нравственность и духовность, которые влекут личность к добру и миру: любовь к другим, преодоление в себе эгоистического начала. В соответствии с этой идеей, истинное развитие личности достигается путем подавления собственного эгоизма и обретения свободы воли.

Однако развитие потенциала требует как определенных усилий от самого индивида, так и определенных условий для роста и развития. Такая возможность появляется благодаря процессу социализации. На первых этапах жизни индивида основы духовности и нравственности приобретают свой первоначальный вид. В процессе социализации у индивида должен раскрыться и совершенствоваться духовно-нравственный, интеллектуальный, творческий потенциал. В данном процессе, являясь идентификатором потенциала индивида, важна культура восприятия окружающего мира. При стремительных темпах развития обмена информацией и мультикультурности обществ планеты процессы социализации индивида и в последующем раскрытие его потенциала приобретают характер ответственности за дальнейшее развитие общества как в локальном смысле (обществ конкретных стран, наций), так и глобальном.

Однако вернемся к человеческому потенциалу, который у каждого раскрывается со временем на новых уровнях. Но как этот потенциал трансформируется в эпоху современной повседневности на стыке двух столетий? Для понимания хотелось бы придать окраску итогов трансформации потенциала человека и поделить на «положительные» и «отрицательные». Положительные направлены на конструктивные начала, приумножение и усовершенствование существующих принципов, отрицательные – на деструктивные начала, разрушение, нарушение и отрицание существующих принципов.

Нам хотелось бы, чтобы потенциал раскрывал человека и развивал его положительные начала. Общество развивает человеческий потенциал (дает, создает почву, благоприятные условия для раскрытия и развития), и этот потенциал в ответ дарит обществу структуры, схемы, конструкции, которые позволяют переходить на новые уровни взаимодействия людей внутри общества как некоего социального организма, так и взаимодействие общества и человека. Если говорить категориями Сейлы Бенхабиб (профессора политологии и философии), то усовершенствование подобного взаимодействия должно найти отражение в стремлении создания демократического либерального общества в условиях эпохи мультикультурности или, как определяет С. Бенхабиб, в концепции общества совещательной демократии [2].

Но представьте себе ситуацию, когда потенциал развивает эгоистические начала, агрессию, которые решают и нацелены на сугубо личностные предпочтения, пристрастия, желания. Например, жажда и стремление бескрайнего обогащения, выстроенного на угнетении, обмане всех окружающих и пренебрежении окружающим миром.

Человек, по-моему, должен отдавать часть своего потенциала на понимание и раскрытие своей социальной миссии, то есть в некотором смысле своей ментальности. Перефразирую, раскрывая свой потенциал, человек должен оставлять место и время для духовного развития, стремиться к интеллигентности по Лихачеву. Необходимость развития себя для усовершенствования взаимодействия, взаимопонимания членов современного общества остается актуальной всегда. Человек должен стремиться не ставить свои убеждения, предпочтения, пристрастия, привычки выше всего, пренебрегая, презирая при этом нормы общественного порядка, нравственные нормы и законы, когда сосуществует внутри социального организма.

К сожалению, в современном обществе мне все чаще приходится наблюдать, когда человек раскрывает свой потенциал и направляет его на деструктивные начала. Почему это происходит и где та точка преломления, которая заставляет поступать человека в разрез существующим принципам, следуя сугубо личным пристрастиям. Эти вопросы остаются для меня пока без ответа, и подталкивают для дальнейших исследований данной проблематики.

Список литературы

1. Рыкина Р.В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // СОЦИС. 2001. №4. С.32-39.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. Пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева // М.: Логос, 2003. 350 с.

**РАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ
КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ВУЗА
STAFF DEVELOPMENT AS A FACTOR
OF INCREASING HUMAN POTENTIAL OF HIGH SCHOOL**

Н.М. Кузнецова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
N.M. Kuznetsova
Lobachevsky University

Рассматривается вопрос о необходимости развития персонала вуза, от степени профессиональной подготовки, квалификации, деловых и коммуникативных качеств которого зависит успешность организации. Развитие и эффективное функционирование системы постоянного обновления знаний и компетенций персонала – одно из необходимых условий качественного выполнения работниками своих трудовых обязанностей.

The article discusses the necessity of developing of the staff of higher educational institutions. The success of the organization the degree from professional training, skills, business and communicative qualities. The development and effective functioning of the system of continuous updating of knowledge and competences of the personnel is one of the necessary conditions for qualitative performance by employees of their work duties.

Ключевые слова: университет, персонал, профессиональное развитие, компетенции, квалификация, кадры, кадровый потенциал, стратегия развития

Keywords: university, personnel, professional development, competence, skills, human resources, strategy development

В любой организации постоянно нужны специалисты, понимающие современные тенденции и способные своевременно применять новшества в работе. Вузы не являются исключением, поскольку на их плечи ложится подготовка высококвалифицированных кадров, проведение широкого спектра фундаментальных и прикладных исследований и разработок, способствующих развитию экономики и благосостояния страны.

Потребность в профессиональном развитии персонала продиктована изменениями в системе российского высшего образования и законодательства, которая предъявляет новые требования к университетам и сотрудникам, требуя систематически повышать свой профессиональный уровень [1].

Развитие персонала – совокупность мероприятий, направленных на повышение качества человеческих ресурсов организации [2], совершенствование профессиональных компетенций работников и их мотивации с целью выполнения не только необходимых для работы

обязанностей, но и новых функций для решения актуальных и перспективных задач организации.

Сущность профессионального развития персонала – повышение уровня знаний, формирование умений, отработка навыков, овладение различными способами коммуникации, совершенствование производственной и организационной культуры [2].

Основным ресурсом современной организации признан человеческий, поэтому в качестве одного из основных факторов формирования и развития кадрового потенциала вуза рассматривают возможность личностно-профессиональной самореализации сотрудников, которая обеспечивает не только позитивный корпоративный климат, но и рост инновационного потенциала вуза в целом [3].

Для решения профессионального развития персонала необходима система мер по овладению новыми компетенциями и знаниями, способствующими продвижению работника по системе должностей и планированию его карьеры.

Вопрос изучения развития кадрового потенциала вузов обуславливает необходимость определения этого понятия, уточнение его содержания и значения.

В последние годы в отечественной и зарубежной экономической науке весьма широкое распространение получили такие категории, как кадры, кадровый потенциал. Для более точной характеристики данных категорий необходимо первоначально выяснить значение понятия «потенциал». В этимологическом словаре русского языка отмечается, что слово «потенциальный» заимствован в XIX в. из французского лексикона, где слово *potentiel* описывается как могущий быть [4, с. 341]. В более широком понимании потенциал рассматривается как «источник возможностей, запасов, которые могут быть приведены в действие или использованы для решения конкретной задачи или цели; возможности конкретного лица, общества, государства в определенной сфере деятельности» [5].

Особого внимания при характеристике кадрового потенциала заслуживает понятие «кадры». В энциклопедическом словаре по управлению персоналом дается следующее определение: «Кадры – это штатные, квалифицированные работники организаций, предприятий, государственных учреждений и других организаций» [6, с. 114].

В условиях, когда эпоха классического университета подходит к концу, в качестве его правопреемника выступает исследовательский университет, который является перспективной формой оптимизации всей системы российского высшего профессионального образования, позволяющей более эффективно расходовать финансы без потери качества образовательных услуг

[7]. Достижение этих целей невозможно без высокого кадрового потенциала университета, его обновления и развития на всех этапах [8].

Стратегические цели большинства университетов связаны с подготовкой кадров, развитием образовательной и научной деятельности, повышением уровня конкурентоспособности вуза. Преподаватели должны стать гораздо активнее по направлениям преподавательской и исследовательской карьеры. Больше писать и публиковаться в престижных журналах: международных, зарубежных. Повышать квалификацию [9].

В качестве источников, подтверждающих важность и необходимость развития кадрового потенциала, были использованы программы развития двух нижегородских вузов, являющихся крупнейшими научно-исследовательскими университетами города – ННГУ им. Н.И. Лобачевского и НИУ Высшей школы экономики.

Ключевыми положениями Стратегии развития – 2020 университета им. Н.И. Лобачевского, утвержденной решением Ученого совета ННГУ от 20 февраля 2013 г., являются:

- *признание необходимости повышения эффективности деятельности каждого сотрудника университета, что позволит решать задачи и выполнять работы, дополнительные к традиционным функциональным обязанностям;*
- *развитие кадрового потенциала университета, направленное на повышение эффективности деятельности научно-педагогических работников, административно-управленческого и учебно-вспомогательного персонала;*
- *образование в течение всей жизни [10].*

Пятая глава программы развития Высшей школы экономики на период 2009-2015 г. и до 2020 посвящена кадровому развитию университета как важнейшему условию международной конкурентоспособности [11]. Она включает в себя:

- *формирование эффективных конкурсных механизмов обновления кадров и набор преподавателей-исследователей с открытого международного рынка труда;*
- *реализация инновационных программ по развитию исследовательских и педагогических компетенций преподавателей, по развитию их языковых компетенций, по повышению квалификации административно-учебного персонала.*

Сотрудники являются основой потенциала каждого вуза, в котором отражается не только их подготовленность к выполнению своих функций в настоящий момент, но и совокупность их возможностей в долгосрочной перспективе – с учетом возраста, профессиональной квалификации [12], практического опыта, деловой активности, качества деятельности (в том числе

результативности), профессиональной мобильности и инновативности, уровня мотивации.

Обучение и развитие персонала – одно из первоочередных преимуществ, которые получает компания, используя для воздействия на мотивацию сотрудников программы обучения и развития. Персонал, развивающийся благодаря компании, приобретает знания и навыки, которые способствуют реализации стратегических задач организации. При этом сотрудники расширяют свои личностные профессиональные возможности, что напрямую отражается в развитии кадрового потенциала, который выступает одним из показателей качества деятельности того или иного вуза, его места на рынке образовательных услуг.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ п. 7 ст. 48 [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.09.2017).

2. Куликова Е.А. Эффективное внутрифирменное обучение – основа профессионального развития персонала // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 1 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2016/01/63012> (дата обращения: 08.09.2017).

3. Кадровый потенциал вуза: монография / Е.В. Зайцева, А.П. Коробейникова, И.С. Бусыгина, В.В. Запарий; под ред. проф. В.В. Запария. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22470926> (дата обращения: 08.09.2017).

4. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. М.: Просвещение, 1994. 400 с.

5. Большая советская энциклопедия. Т. 20. М.: совет. энцикл. 1975. 644 с.

6. Управление персоналом: энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 1998. 453 с.

7. Крючкова С.Е., Крючкова Е.В. Современный университет: в поисках новой модели // Наука и образование: реалии и поиск новых смыслов / Под общ. ред.: С. Шитов. М.: Янус-К, 2015. Гл. 5. С. 76-107.

8. Назарова И.Б. Кадровые стратегии российских вузов-лидеров: планы и реализация / Аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования/ Экономика высшей школы / Федеральный институт развития образования. 2011. №6 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://publications.hse.ru/books/80871889> (дата обращения: 11.09.2017).

9. Назарова И.Б. Вызовы для российских университетов и преподавателей // Высшее образование в России. 2015. № 8/9. С. 61-68.

10. Стратегия – 2020 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.unn.ru/site/about/ofitsialnye-svedeniya-i-dokumenty/strategiya-2020> (дата обращения: 08.09.2017).

11. Программа развития ВШЭ до 2020 года [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://strategy.hse.ru/program20> (дата обращения: 08.09.2017).

12. Трудовой Кодекс РФ. М.: Проспект, 2017. ст. 195, глава 31 раздел IX.

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ СПОРТСМЕНОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

RESOSCALIZATION OF SPORTSMEN IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF HUMAN CAPITAL

Н.В. Ларшина

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

N.V. Larshina

Lobachevsky University

Представлено социальное значение реализации человеческого капитала бывшими спортсменами.

The social significance of the realization of human capital by the former sportsmen is presented.

Ключевые слова: профессиональный спорт, социализация, ресоциализация

Keywords: professional sport, socialization, resocialization

За свою непродолжительную карьеру спортсмены проживают, образно говоря, жизнь в миниатюре. Восхождение к вершинам спорта начинается в среднем с 6-7 лет, а в некоторых видах спорта с 3-4-хлетнего возраста. И это восхождение осуществляется в условиях ежедневных многолетних тренировок, преодоления себя, будучи сверхтрудолюбивым, и тогда, возможно, вершины спортивного олимпа будут покорены. Выходя на старт, спортсмен уже не принадлежит себе в том смысле, что все его действия фиксируются фото-, видеосъемкой, судейским корпусом, состязания проходят по чётко прописанным правилам, понятным для всех участников (включая зрителей), поэтому в объективности его побед не приходится сомневаться. Самоотверженный труд вызывает уважение к личности спортсмена, поскольку под пристальным оком зрителей и судей невозможен подлог, подмена результатов, исключена возможность спрятаться за спинами других или выйти в лидеры за счёт кого-либо.

В профессиональном спорте человек к 30-35 годам проходит этапы профессиональной и личной социализации. Строгая регламентация жизни в спорте социализирует личность, приверженную честному соблюдению кодекса поведения относительно своих соперников и жизни среди своих соратников, поскольку человек постоянно находится в коллективе, проживая на тренировочных базах по 9-10 месяцев в году. Карьера в спорте подразумевает прохождение многих этапов отбора от уровня городских соревнований до сборной страны при максимальном проявлении всех своих физических и моральных сил. Никакие деньги, межличностные связи не возымеют должного эффекта в достижении человеком успехов в спорте. Победы в спорте – это самоотверженный тяжёлый труд самого человека изо дня в день, и нам не приходится сомневаться в его трудолюбии, поэтому недаром спортсменов называют героями страны. Данную типологию личности можно охарактеризовать англоязычным выражением: *self-made man*. В этом заключается квинтэссенция смысла деятельности в профессиональном спорте, который «обнажает» все стороны личности спортсмена. Олимпийские медали и спортивные медали рангом ниже можно завоевать исключительно собственным многолетним изнуряющим трудом, и факт их достижения никем не оспаривается (при условии, что спортсмен соблюдал правила состязаний). Купить или присвоить себе спортивные медали возможно только в качестве коллекционного сувенира, но обладатель медалей при данном способе их приобретения никогда не получит статус чемпиона.

В процессе социализации человека в профессиональном спорте формируется личность с набором определенных качеств: честность, трудолюбие, целеустремлённость, умение жить и трудиться в команде, строгое следование правилам, дисциплинированность. В спорте высших достижений к 30-35 годам завершается процесс профессиональной социализации в силу объективных обстоятельств в связи с физиологическими ограничениями, истощением ресурсов организма человека, когда уже невозможно выполнять установленные квалификационные требования, и тогда для спортсмена неминуемо наступает этап ресоциализации. Именно для профессиональных спортсменов это очень сложный этап жизни, поскольку человек жил в мире спорта, поглощённый им полностью и без остатка.

Бывшие спортсмены, благополучно прошедшие процесс профессиональной ресоциализации и работающие вне сферы спорта, сохраняют активную жизненную позицию и стремятся заинтересовать миром спорта подрастающее поколение. Приведем примеры реализации человеческого капитала бывшими спортсменами следуют из авторского социологического исследования методом полуструктурированного интервью. Респондентами опроса являлись спортсмены

г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Среди опрошенных (38 человек) были действующие и бывшие спортсмены: участники и призёры Олимпийских игр, мастера спорта международного класса, заслуженные мастера спорта, кандидаты в мастера спорта и 1 человек без вышеперечисленных званий, но участвовавший в соревнованиях областного масштаба.

Некоторые бывшие спортсмены, став бизнесменами, бесплатно работают тренерами в тех спортивных школах, где они сами формировались как профессиональные спортсмены. Другие самоорганизуются и объединяются в общественные организации, например, в совет ветеранов спорта, в клуб «Олимпиец». Бывший спортсмен, работающий в банковской сфере (муж., 1964 г.р., КМС по гребле на байдарке), организовал частный спортивный клуб: *«Мы свой клуб создали. Здесь на гребном канале базируемся. Открыли клуб. Собрал единомышленников-ребят и занимаемся»*. При этом он продолжает принимать участие в международных соревнованиях ветеранов спорта в своей группе, завоевал титул чемпиона России среди ветеранов по байдарке, тем самым являясь примером активности, здоровой личности для одноклубников и для своих детей.

Ветераны спорта с болью в сердце говорят о спаде интереса молодежи в целом к физической активности и по своей инициативе стремятся и просят в общеобразовательные школы на встречи с учащимися, предлагают руководству школ проведение уроков физической культуры бывшими чемпионами. На данные уроки приходят бывшие спортсмены, увешанные медалями, рассказывают об истории соревнований, являя собой живую легенду спортивной истории страны. Ветераны спорта сетуют на то, что их не приглашают в школы, отсутствует практика обратной связи, в результате чего о них создаётся впечатление навязчивых людей со своими инициативами. А они, действительно, готовы вести уроки бескорыстно, исключительно для привлечения школьников к миру физической активности, их развития. Ветераны спорта отмечают, что при проведении ими всего лишь одного занятия, когда школьники воочию видят орденосцев, героев спорта, сила их воздействия на учеников оказывается магической и молниеносной.

Человеческий капитал, который приобретается в процессе социализации в мире профессионального спорта, можно ассоциативно представить в виде сжатой пружины, которая начинает разворачиваться в процессе ресоциализации сразу в двух направлениях: как на благо самого бывшего спортсмена (человек творчески самореализуется, находит себя после ухода из спорта), так и на благо общества в результате передачи спортсменом своих накопленных знаний, навыков, благодаря чему формируется система

организации досуга, занятость молодёжи, здоровая среда в социальном и физическом аспектах.

Если в спорте человек сам пробивался, что естественно в мире профессиональной конкуренции, то в процессе ресоциализации бывшему спортсмену снова приходится пробиваться, даже если речь идёт о безвозмездных, благотворительных инициативах, которые не всегда востребованы.

Бывшие спортсмены обладают богатым человеческим капиталом, который мог бы возыметь более значительное, широкомасштабное положительное воздействие на благо общества при институциональных условиях его реализации.

**ОТ «НАЦИОНАЛЬНОСТИ» К «НАЦИИ»: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА**
**FROM «NATIONALITY» TO «NATION»: THE SPATIAL OPPORTUNITIES
OF THE TRANSFORMATION OF HUMAN POTENTIAL**

А.П. Малышкин
*Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ*
A.P. Malyshkin
*Cheboksary branch of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Рассматриваются пространственные аспекты, связанные с формированием нации. Трансформация человеческого потенциала может происходить в различных вариантах. В контексте прошедшего столетия формирование национальных государств является одним из таких вариантов.

The article deals with the spatial aspects associated with the nation-building. Transformation of human potential can take place in different ways. In the context of the past century, the formation of nation states is one of those options.

Ключевые слова: нация, национальность, «территориальное пространство», «пространство принадлежности», центр, регионы

Keywords: nation, nationality, «territorial space», «membership space», center, regions

Формирование «нации» является понятием, которое имеет соответствующий аналог в английском языке, – это термин «nation-building». Термин изначально использовался для обозначения определения «становления или создания нового государства как политической структуры, процессов

формирования необходимых для его выживания, единства и толерантности, а также укоренения в населяющем его народе чувства национальной идентичности» [1, с. 11]. Именно усилия, направленные на обретение собственной государственности, придают определенной совокупности людей, принадлежащих к одному или нескольким этносам, свойство «нации». Многочисленные политические споры и научные дискуссии относительно того, насколько правомерно говорить именно о формировании «нации», свидетельствуют, прежде всего, о понятийно-терминологической путанице, что в свою очередь ведет к появлению противоборствующих концептуальных подходов. Оставляя за рамками эту полемику, хотелось бы остановиться на социальных трансформациях, связанных с появлением национальных государств (и, соответственно, «наций»), безотносительно той конкретно-исторической ретроспективы, которая связана с данным процессом.

Трансформация человеческого потенциала, помимо всего прочего, имеет территориально-пространственное измерение. Современные представления исходят из природно-физической сущности «территории», в то время как пространство является семантическим конструктом и формируется государством, социальными институтами и самим населением. В конце XVIII в. Эдмунд Берк заметил, что нация «...имеет временное, численное и пространственное измерения. Она выступает порождением особых обстоятельств, условий, соотношений, а также специфических нравственных, гражданских и социальных предпочтений народа, каковые обнаруживают себя лишь по прошествии продолжительного периода времени» [2, с. 335].

Поддержание территориальной целостности связано со стремлением создать из этнически и социально неоднородного населения пространство единой «гражданской нации» [3]. «Термин «национальность» обозначает «географически определенную территорию, населенную определенной общностью людей, так же как и людей, принадлежащих к этой общности. Национальность – это культурная территория с проживающими общинами индивидов, считающих себя «одним народом» на основе общности предков, истории, общественных институтов, идеологии, языка, территории и, нередко, религии» [4, с. 226]. В процессе своего развития «национальность» нагружает территорию определенной символикой, образами и мифами, в результате чего многие «...убеждены, что ландшафт «их родной» территории – нечто живое, исполненное для них огромного значения. Подобные представления прочно утверждаются в психологии и культуре и таким образом приобретают ключевое значение в качестве своеобразной «географии рассудка» [5, с. 77], в стремлении той или иной «национальности» стать «нацией», оформленной в государственном устройстве.

Можно выделить два взаимосвязанных пространственных измерения: «территориальное пространство», которое представляет собой самоотождествление населения с территорией и условиями проживания в нем, и «пространством принадлежности», которое связано с принадлежностью к сообществу, которое обладает некоторыми общими социальными и культурными чертами. Эти два измерения не обязательно совпадают.

«Территориальное пространство» – это политическая власть, которая распространяется на совокупность различных территорий, способных иметь собственную идентичность. Для «территориального пространства» границы задаются внутренними факторами – природно-географическими особенностями территорий и силой власти, способной объединить и «держать» эти территории в рамках единого государственного устройства. «Пространство принадлежности» – это совокупность социумов, обладающих особыми культурными идентичностями, объединяющихся ради каких-либо политических или экономических целей. Основной мотив явно функциональный: в результате объединения эти территориальные сообщества заключают договор о взаимном признании и защите. Обеспечить эту договоренность, значит сохранить территориально различающиеся права и культурные идентичности, а также сохранить безопасность. Для «пространства принадлежности» границы определяются внешними условиями: они образуют линию, за которой находятся культурно другие («чужие»). В отличие от территориального пространства, национальная идентичность здесь основана скорее на принадлежности к своей культуре.

Чтобы использовать их аналитически в исследовании национальных государств, можно соотнести две эти противоположности со стратегиями, возникающими в отношениях между структурными элементами территории. В результате получается матрица, состоящая из четырех компонентов.

1. *Преимущественно территориальное пространство.* По основным измерениям – политическому, экономическому и культурному – имеется четко выраженный центр, региональные институты слабы, и не могут выступить в качестве основы особой идентичности или функционировать в качестве политических акторов. При возникновении политических процессов, они, как правило, лишены сильной положительной региональной перспективы, поскольку отсутствует альтернатива отождествления себя с национальным государством.

2. *Преимущественно территориальное пространство, но с сильными признаками пространства принадлежности.* Существует ярко выраженное территориальное ядро государства, выступающее в качестве основы формирования нации. Одновременно существуют территориальные лакуны,

имеющие иное пространственное наполнение через принадлежность к социокультурным сообществам. Подобные лакуны поддерживаются существованием определенной социальной институциональной инфраструктуры, не позволяющей альтернативным идентичностям соединяться в единое пространство нации. Географические, экономические, религиозно-культурные, партикуляристские и иные особенности при определенных условиях могут привести к негативным мобилизациям.

3. *Преимущественно пространство принадлежности, но с сильными признаками территориального пространства.* Практика формирования национального пространства выстраивается вокруг идеи, с которой согласны различные территориальные сообщества, обладающие широким разнообразием социальных и культурных особенностей. Многообразие идентичностей может сохранять единство только в случае терпимого и прагматичного подхода к существованию различий. Однако, это не исключает возникновения конкурирующих идей, амбициозных практик, политического противостояния, подрывающих сложившееся пространство принадлежности ради государственной унификации. Различия между территориальными сообществами и существование альтернативных экономических возможностей делает единственно возможным существование национального государства через постоянно проявляемое добровольное согласие (достаточно вспомнить известное высказывание Эрнста Ренана: «Государство – это постоянный плебисцит»).

4. *Преимущественно пространство принадлежности.* В идеальном случае практически отсутствуют конфликты между различными территориальными сообществами, у каждого из которых свой центр. Сам факт различий не вызывает сопротивления, пространственное разнообразие не создает напряжений и политической мобилизации, направленной против существующего политического устройства. Там, где конфликты все же возникают, они вызваны в первую очередь внешними факторами. Однако если национальное государство преодолевает эти конфликты, то договоренность между территориальными сообществами с вытекающей из нее множественностью идентичностей участников соглашения только усиливается.

Таким образом, способность к выстраиванию иерархической субординации между территориальной целостностью и социокультурными идентичностями позволяет обеспечить существование национального государства. Содержание конкретных взаимоотношений с центром и периферией является величиной подвижной и меняется в зависимости от сочетания политических, экономических, географических, этнических, цивилизационных и иных факторов.

Список литературы

1. Bell W., Freeman W. Introduction // *Ethnicity and Nation-Building: Comparative, International, and Historical Perspectives*. Thousand Oaks (Ca.): Sage Publications, 1974. P. 11.
2. Burke E. Speech on the State of Representation of the Commons in Parliament // *Works*. V. III. Oxford, 1927.
3. Малышкин А.П. «Политическая нация» Великобритании в XVIII веке. // *Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: сборник статей*. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 275-279.
4. Nietschmann B. The fourth world: Nations versus states // *Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the Twenty-First Century*, 2nd Edition. – Boulder, Colorado: Westview, 1999.
5. Knight D.B. People together, yet apart: Rethinking territory, sovereignty and identities // *Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the Twenty-First Century*, 2nd Edition. – Boulder, Colorado: Westview, 1999.

КВЕСТ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА QUEST AS A INSTRUMENT OF HUMAN DEVELOPMENT

Е.А. Макарова

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
г. Нижний Новгород*

Е.А. Makarova

National Research University Higher School Of Economics, Nizhny Novgorod

Автор рассматривает возможность развития потенциала современного человека посредством геймификации. Одним из инструментов применения геймификации являются квесты, их классификация приведена в работе. Наряду с традиционными, автор описывает новые виды квестов.

The author considers the possibility of human development of the modern person by means of gamification. One of instruments of application of gamification are quests, their classification is given in work. Along with traditional, the author describes new types of quests.

Ключевые слова: геймификация, квест, игровые элементы, мотивация, вовлеченность, человеческий потенциал

Keywords: quest, gamification, game elements, motivation, involvement, human potential

Квест является одним из составляющих популярного в современных условиях развития общества формата геймификации. Применение игровых форм в неигровых процессах все чаще стали интересовать теоретиков и практиков сферы социологии, психологии, менеджмента, маркетинга и управления персоналом. Впервые данный термин был введен в 2002 г. американским программистом и изобретателем Ником Пелингом, позднее его также использовал Гейб Зикерманн, при этом под геймификацией понимался процесс использования игрового мышления и динамики игр для вовлечения аудитории в деятельность и процесс решения задач [1].

В настоящее время в социальном, психологическом и управленческом процессах элементы геймификации применяются, например, специалистами по работе с персоналом при разработке мотивационных программ. Как показывают исследования, одних финансовых мотиваторов для повышения эффективности и производительности труда уже недостаточно, поэтому кадровые специалисты вынуждены искать новые способы создания лояльности сотрудников к компании, в которой они работают. Элементы игры (или геймификация), включенные в мотивационные программы, дают возможность работать с мотивацией, основанной не на материальных ценностях. Особенно это актуально при решении сложных задач.

В основе геймификации лежит утверждение, что игра как способ действия значительно привлекательнее скучных однообразных рутинных занятий, поэтому люди подсознательно стараются трансформировать сложные процессы в игровые. Игра способна держать людей вовлеченными долгое время, создавать отношения между ними и развивать их творческий потенциал. Ключевыми принципами геймификации являются:

1. Принцип соревновательности. Создание конкурентных условий для сотрудников повышает качество работы и скорость ее выполнения. При этом важно, чтобы правила игры были четко и заранее прописаны, была возможность открыто наблюдать за ходом соревнования, а награждение – представляло ценность для всех участников. Открытая система подведения результатов (в том числе и промежуточных) будет выступать в качестве мотиватора, заставляя сотрудников повышать собственный рейтинг и подниматься по турнирной таблице.

2. Принцип командообразования. Тип игры «win-win» способствует кооперации сотрудников, личностному общению, объединению усилий для достижения общих целей.

3. Принцип обучения. В большинстве своем процесс обучения является сложным, рутинным действием, к которому сотрудники относятся как к

необходимости, а степень их вовлеченности крайне низкая. Добавление в обучение игровых методик позволит повысить активность сотрудников.

Квесты – это относительно новая и подчас очень эффективная форма развития человеческого потенциала. Основная идея квестов – получение участниками определённых знаний, развитие навыков, повышение уровня профессиональной квалификации в ситуации игры. Квест, или *adventure game*, становится популярным и востребованным инструментом в арсенале специалистов из самых разных сфер деятельности. Слово «квест» (от англ. *quest* – поиск, в том числе приключений) имеет множество значений. В мифологии, фольклоре и литературе понятие «квест» изначально обозначало один из способов построения сюжета – путешествие персонажей к определенной цели через преодоление трудностей. Термин «квест» также имеет отношение к компьютерным и настольным ролевым играм. В настоящее время квесты – это не просто развлечение, они превратились в настоящую индустрию. Это игровая форма образовательных процессов, рекламы продуктов, организации развлечений.

Специалисты компании «Квестпром» выделили несколько типов квестов, отличающихся по целям их проведения.

1. Образовательный квест представляют собой увлекательную игру – приключение, которая в развлекательной, игровой форме позволит участникам ознакомиться и научиться новой профессии, бизнес-технологиям, техническим навыкам и даже иностранным языкам. Образовательные квесты широко применяются HR-специалистами при работе с сотрудниками в компаниях, а также в сфере образования, в том числе онлайн, маркетинговых коммуникаций, психологии и социологии. К образовательным квестам относятся обучение персонала, детские игры, викторины и «мозговые штурмы», а также методы альтернативного образования.

2. Развлекательные квесты представляют собой определенный набор задач, имеющих несколько способов решения. Участники сами выбирают наиболее подходящий для них вариант решения. Данный тип квестов может применяться в самых разных областях и сферах деятельности. Каждый раз разрабатывается уникальный сценарий в соответствии со спецификой запроса. К развлекательным квестам можно отнести и корпоративные приключения, мероприятия по командообразованию, развитию личности и игровые квесты (например, «Детективные расследования», *Pokemon Go*) и онлайн-викторины.

3. Промоквесты позволяют в развлекательной, игровой форме эффективно рекламировать товар или услугу. Они разработаны специально под определенный продукт и/или конкретную целевую аудиторию. С помощью таких квестов можно продвигать как определенный бренд, продукт или

конкретную услугу не только в одном городе, а одновременно в нескольких городах, так и отдельный объект, например, торговый центр, на территории которого они локализуются. К промоквестам также можно отнести квест-презентацию, PR-кампанию и digital-квест [2].

Квест в этом случае является универсальным инструментом, применяемым в самых разных сферах человеческой деятельности для различных групп населения независимо от демографических показателей и уровня профессиональной квалификации.

Особое место среди различного вида квестов занимают мероприятия, целью которых является формирование нового видения повседневного пространства. Это позволяет по-новому взглянуть и изменить рутинное течение собственной жизни, получить новые знания и навыки, а также прекрасно провести время.

1. Социальный квест – игра, во время которой участникам предлагается сделать что-то полезное для окружающих. Например, в Суздале участникам предлагалось не только выполнить задания викторины, основанной на фактах древней истории Суздаля и принять участие в русских народных играх, дегустациях, мастер-классах, но и помочь пожилым жителям города Суздаля нарубить дрова и собрать поленицу, сколотить лавку, починить забор.

2. Автоквест – это интеллектуальная игра-приключение, во время которой участники самостоятельно путешествуют за рулем своего автомобиля по заранее проложенному маршруту, но, чтобы узнать, где находится следующая точка, им приходится решать логические задачи, выполнять поиск на местности, искать оригинальные решения загадок.

3. Квест «Один день в...» может проводиться на объектах любых размеров, например, на крупном предприятии или арт-пространстве, или в целом городе. Участники примеряют на себя различные социальные роли, применяют разные коммуникационные сценарии и становятся действующими лицами событий, которые происходят вокруг них. Также следует подчеркнуть, что рамки такого рода квестов не ограничиваются офлайн, а могут быть успешно реализованы в виртуальной среде [3].

Игры – это мощный инструмент, вызывающий азарт, будоражащий чувства и инстинкты. Увлеченность игрой настолько естественна, что участник сам не замечает, как достигает личного или командного результата, а удовольствие от победы в игре сравнимо с любыми значимыми событиями в жизни [4]. Современный человек точно не станет отказываться от возможности совместить обучение и игру, работу и игру, путешествие и игру, игру и жизнь.

Список литературы

1. Зикерманн Г., Линдер Д. Геймификация в бизнесе: как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием сотрудников и клиентов. Пер. с англ. И. Айзятуловой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.
2. Квестпром: промоквесты [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://clever23.ru/quests.html> (дата обращения: 16.10.2017).
3. Скороходова С.В. Клиентам нужен wow-эффект// Event-marketing. 2014. № 01 (09). С. 10-17.
4. Волкова И.И. Игра как системообразующий феномен экранных коммуникаций: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра фил. наук (10.01.10) / Волкова Ирина Ивановна; РУДН. Москва, 2015. 39 с.

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО СТАТУСА В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ЧЕРКЕСОВ CONTRADICTORY OF ETHNIC STATUS IN ETHNOPOLITICAL MOBILIZATION OF CIRCASSIANS

Д.В. Маковская
*Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал)
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского*
D.V. Makovskaya
*Sevastopol Institute of Economics and Humanities (branch)
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky*

Рассматривается влияние этностатусной рассогласованности на процессы этнополитической мобилизации черкесов. Выделяются основные компоненты противоречивости этнического статуса в конфликтизации «черкесского вопроса». Рассматриваются основания для претензий на легитимацию изменений в статусе черкесов.

The article deals with the influence of the ethnostatus mismatch on the processes of ethno-political mobilization of Circassians. The main components of the contradictory nature of the ethnic status are identified in the conflict of the «Circassian question». The grounds for claims for legitimation of changes in the status of Circassians are considered.

Ключевые слова: этностатусная рассогласованность, этнический статус, черкесский вопрос, коренной народ, государство

Keywords: ethnic disagreement, ethnic status, Circassian issue, indigenous people, state

Объективной реальностью современной политической действительности является присутствие в политико-территориальном поле российского

государства дезинтеграционных процессов, связанных с этнополитической конфликтностью. Одним из случаев проявления центробежных тенденций можно считать процессы, происходящие в рамках так называемого «черкесского вопроса», составляющие которого активно внедряются в коллективное сознание черкесов, способствуя их конфликтной мобилизации.

Как правило, под «черкесским» вопросом принято понимать комплекс декларируемых отдельными черкесскими активистами вопросов, включающих в себя необходимость признания геноцидом и депортацией событий Кавказской войны и переселения в Османскую империю; воссоздание государственности единой Черкесии на территориях Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Краснодарского и Ставропольского краев; репатриация представителей черкесской диаспоры на историческую родину [1, с. 20].

На наш взгляд, внедрение в черкесское сообщество необходимости реализации компонентов черкесского вопроса способствует формированию в черкесском сообществе противоречивости этнического статуса [2, с. 221], которая является одним из наиболее конфликтных факторов этнополитической конфликтности. В данном случае наиболее ярко проявляет себя внедрение рассогласованности объективного статуса и его субъективного восприятия.

Необходимо отметить, что основными акторами данной деятельности являются отдельные представители черкесской диаспоры и черкесской общности в России, зарубежные политики и представители научно-экспертного сообщества. Их этномобилизационные конструкты не находят очевидной всеобщей поддержки черкесской общности Российской Федерации, вследствие её фрагментированности, в том числе в отношении составляющих черкесского вопроса.

В данном случае к основным статусным претензиям черкесов относится воссоздание суверенного государства – Черкесии на территории РФ, включающей территории Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Краснодарского и Ставропольского краев. В качестве промежуточного этапа её реализации можно считать требования создать отдельный субъект РФ на указанных территориях.

Таким образом, обладание собственной государственностью в рамках республик Северо-Западного Кавказа, гарантирующей сохранение и развитие языка, национальной культуры и традиций, преподносится как недостаточное, и предъявляются претензии на суверенную государственность черкесов.

С данными претензиями прямо соотносятся требования признать адыгов коренным народом. На международном уровне они были озвучены в 2011 г. в рамках черкесского дня в Европарламенте, где представители черкесской

диаспоры зачитали и подписали «Декларацию самоопределения и государственности коренного черкесского народа: нации в изгнании».

Заявление черкесов диаспоры получило продолжение в требованиях черкесских активистов России, поддерживаемых из-за рубежа. В частности, в сентябре 2016 г. краснодарский черкесский активист Рамазан Хун разместил на портале *Change.org* адресованную Президенту России, правительству России и администрации Краснодарского края петицию с просьбой признать адыгов коренным народом Краснодарского края.

Легитимация исключительного статуса черкесов на территории основывается в первую очередь на утверждении автохтонности адыгов на территории Северо-Западного Кавказа. Во-вторых, черкесы (адыги) позиционируются как этническая группа, обладающая самой древней традицией управления данной территорией, которая смогла распространить свою уникальную цивилизацию на все контактирующие этносы.

Таким образом, конструируемым этностатусным противоречием здесь можно считать рассогласованность между объективно высоким и субъективно недостаточным политическим статусом черкесов.

Необходимо отметить, что реализация данных требований неизбежно повлечет за собой претензии на реституцию, которая бы обеспечивала черкесам исключительные юридические права на земли, территории и ресурсы. Это приведет к формированию статусной исключительности черкесов на указанных выше территориях, к ущемлению статусного положения других народов, повлечет за собой территориальные претензии, рост этнической конфликтности и усугубление дезинтеграционных процессов в регионе.

Список литературы

1. Цибенко С.Н. Восприятие Кавказской войны XIX века и её итогов в социальных сетях // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5 С. 290-299.
2. Маковская Д.В. Этническое неравенство как фактор этнополитической конфликтности: крымский опыт. Политическая экспертиза: Политэкс. 2014. Т.10. № 2. С. 215-230.

**ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРОВ ЗДОРОВЬЯ
PROTECTION OF HEALTH OF STUDENT YOUTH WITHIN
THE FRAMEWORK OF HEALTH CENTERS**

С.В. Михайлова

*Арзамасский филиал Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

Е.А. Болтачева

Центр Здоровья для детей, ЦГБ г. Арзамаса

Т.В. Хрычева

Центр Здоровья, ЦГБ №1 г. Арзамаса

S.V. Mikhaylova

Arzamas branch of Lobachevsky University

E.A. Boltacheva

Center of Health for Children c. Arzamas

T.V. Khrycheva

Center of Health, c. Arzamas

Представлены основные направления и результаты деятельности Центров Здоровья. Учебные заведения, сотрудничающие с Центрами здоровья в целях содействия сохранению и укреплению здоровья, признаны оптимальными адаптивными моделями образовательной организации в части охраны здоровья школьников и студентов.

The article presents the main directions and results of the activity of the Health Centers. Educational institutions cooperating with the Health Centers to promote the preservation and promotion of health are recognized as the optimal adaptive models of the educational organization in terms of protecting the health of schoolchildren and students.

Ключевые слова: охрана здоровья, Центр здоровья, школьники, студенты
Keywords: health protection, Health center, schoolchildren, students

Охрана здоровья учащейся молодежи признана государством важнейшим и необходимым условием физического и психического развития подрастающего поколения (ст. 7 «Закона об основах охраны здоровья граждан в РФ» ФЗ № 323 от 21.11.2011 г.). Согласно 41 статьи ФЗ № 273 от 29.12.2012 г «Об образовании в Российской Федерации», охрана здоровья учащейся молодежи определяет обязательность регулярного прохождения профилактических медицинских осмотров и диспансеризации [1; 2]. Здоровье школьников и студентов – обязательное условие и цель современной концепции всех ступеней образования, которое представляется как состояние индивида, когда все его органы и организм в целом способны полностью

выполнять свои функции при отсутствии недуга и болезни [3]. По определению ВОЗ, здоровье – состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но полное физическое, душевное и социальное благополучие.

Для решения указанных задач на популяционном уровне в регионах РФ, согласно приказу Минздравсоцразвития России «Об организации деятельности Центров здоровья по формированию здорового образа жизни у граждан РФ, включая сокращение потребления алкоголя и табака» от 19.08.2009 № 597н, функционируют Центры здоровья, созданные на базе региональных и муниципальных учреждений здравоохранения [4]. Центры Здоровья организованы для детей (от 0 до 18 лет) и для взрослых (лиц 18 лет и старше).

Основная цель деятельности Центров здоровья – сохранение здоровья, повышение уровня знаний, информированности и практических навыков по ведению ЗОЖ у населения, в том числе учащейся молодежи.

В Нижегородской области ведется регулярное слежение за физическим развитием и здоровьем детей и подростков с периодическим пересмотром нормативов [5]. В 2010 г. в г. Арзамасе на базе отделения восстановительного лечения для детей Центральной городской больницы создан Центр здоровья для детей (приказ № 17-А-П от 28.05.2010 г.). Предназначение созданного Центра здоровья – формирование здорового образа жизни, под которым, согласно приложению № 6 приказа № 597н от 19.08.2009 г., понимается комплекс мероприятий, направленных на сохранение здоровья, пропаганду здорового образа жизни, мотивирование к личной ответственности за свое здоровье, разработку индивидуальных подходов по формированию здорового образа жизни у детей, борьбу с факторами риска развития заболеваний, просвещение и информирование детского населения о вреде употребления табака и злоупотребления алкоголем, предотвращение социально значимых заболеваний среди детского населения.

Центр здоровья для детей выполняет следующие функции: информирование родителей и детей о вредных и опасных для здоровья факторах и привычках; работа по формированию у населения принципов «ответственного родительства»; обучение родителей и детей гигиеническим навыкам, включающим мотивирование их к отказу от вредных привычек; обучение медицинских специалистов, родителей и детей эффективным методам профилактики заболеваний с учетом возрастных особенностей детского возраста; динамическое наблюдение за детьми группы риска развития неинфекционных заболеваний; оценка функциональных и адаптивных резервов организма детей с учетом возрастных особенностей, прогноз состояния здоровья ребенка в будущем; консультирование по сохранению и укреплению

здоровья детей, включая рекомендации по коррекции питания, двигательной активности, занятиям физкультурой и спортом, режиму сна, условиям быта, труда (учебы) и отдыха с учетом возрастных особенностей; разработка индивидуальных рекомендаций сохранения здоровья, в том числе с учетом физиологических особенностей детского возраста; осуществление мониторинга реализации мероприятий по формированию здорового образа жизни среди детского населения региона, анализ факторов риска развития заболеваний у детей.

Центр здоровья для детей оказывает медицинские услуги учащимся городских и сельских школ, а также студентам (до 18 лет) средних и высших учебных заведений. За время его работы (2010-2015 гг.) прошли обследование 9344 школьников Арзамаса и Арзамасского района, а также Ардатовского, Вадского, Вознесенского, Гагинского, Починковского, Шатковского и других районов юга Нижегородской области.

В Арзамасском филиале ННГУ уделяется большое внимание сохранению и укреплению здоровья молодежи. С этой целью с 2012 г. организованы комплексные медицинские осмотры студентов в Центре здоровья, расположенного на базе Арзамасской городской больницы № 1, которые позволяют на ранних этапах выявлять отклонения в состоянии здоровья и своевременно начинать лечить заболевания.

С 2009 г. реализуется новая программа формирования здорового образа жизни под названием «Здоровая Россия». Центры Здоровья – один из первых шагов реализации этой программы. Врачи Центров здоровья дают рекомендации по образу жизни человека с целью коррекции и восстановления здоровья. Оплата проведенных обследований производится за счет средств обязательного медицинского страхования.

Центр здоровья оказывает медицинские услуги всем желающим гражданам старше 18 лет. С 2012 г. по 2017 г. в Центре Здоровья прошли обследование 1230 студентов АФ ННГУ [6; 7].

Периодическое прохождение осмотров (1 раз в год) и системное ведение мониторинга здоровья учащейся молодежи позволяет выявлять группы студентов с различным уровнем функциональной адаптации, разрабатывать и внедрять адресные рекомендации по организации образовательной и внеурочной деятельности, корректировать режим дня и физическую нагрузку, определять динамику изменения функциональной адаптации при соблюдении рекомендаций и систематизировать все данные о состоянии здоровья.

Таким образом, важность и необходимость Центров здоровья, заключается в том, что они являются важным элементом системы

здравоохранения, которые занимаются профилактикой заболеваний и помогают выявить их на ранней стадии развития. Учебные заведения, сотрудничающие с Центрами здоровья в целях содействия сохранению и укреплению здоровья, признаны оптимальными адаптивными моделями образовательной организации в части охраны здоровья школьников и студентов.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 02.07.2017).

2. Федеральный закон РФ № 273-ФЗ от 29.12.2012 г «Об образовании в Российской Федерации» // Вестник Образования. № 3-4. 2013. С. 10-159.

3. Михайлов В.М. Вариабельность ритма сердца. Опыт практического применения. Иваново, 2000. 200 с.

4. Физическое развитие детей и подростков Российской Федерации: Сб.мат-лов (выпуск VI) / Под ред. акад. РАН и РАМН А.А.Баранова, член-корр. РАМН В.Р.Кучмы. – М.: Издательство «ПедиатрЪ», 2013. 192 с.

5. Приказ МЗ и соц.развития РФ от 19 августа 2009 г. N 597н «Об организации деятельности центров здоровья по формированию здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака» // Информационно-правовое обеспечение «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12169847/> (дата обращения: 02.07.2017).

6. Комплексная оценка физического развития школьников: методические указания / Е.А.Калюжный, Ю.Г. Кузмичев, Е.С. Богомолова, С.В. Михайлова, Е.А. Болтачева, Н.В. Жулин, Н.Г. Чекалова, Л.И. Красникова; НГМА, АГПИ. Арзамас: АГПИ, 2012. 80 с.

7. Михайлова С.В., Кузмичев Ю.Г., Жулин Н.В. Методы оценки и самоконтроля физического здоровья учащейся молодежи: учебно-методическое пособие / С.В. Михайлова, Ю.Г. Кузмичев, Н.В. Жулин; Арзамасский филиал ННГУ, НГМА, ЦГБ г.Арзамаса. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. 174 с.

**ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ
НОВЕЙШИХ ТЕХНОЛОГИЙ**
**THE PROBLEM OF HUMAN IMPROVEMENT IN THE CONTEXT OF
EMERGING TECHNOLOGIES**

Е.В. Овчарова, Т.Н. Овчарова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
E.V. Ovcharova, T.N. Ovcharova
Lobachevsky University

Современные технологии актуализировали проблему совершенствования человека, привели к возникновению движения трансгуманизма, сторонники которого совершенствование человека связывают с преодолением ограниченности человека как биологического вида гомо сапиенс и превращением его в «техночеловека», киборга.

Modern technology has brought the problem of human enhancement, led to a movement of transhumanism, which advocates improving the person connected with overcoming the limitations of the human as a biological species Homo sapiens and transforming it into a «tehnocheloveka», the cyborg.

Ключевые слова: совершенствование человека, новейшие технологии, трансгуманизм, гуманология

Keywords: human enhancement, the latest technologies, transhumanism, gumanologija

Проблема человека и перспективы его развития в XXI в. неразрывно связаны с обсуждением достижений в сфере высоких технологий, в авангарде которых находятся информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), нано- и биотехнологии. В связи с бурным развитием информационных технологий возникла идея технологического улучшения человека, создания нового «техночеловека», преодолевающего несовершенства, ограниченность вида Homo sapiens. Об актуальности и многоаспектности проблемы совершенствования человека свидетельствуют материалы конференций, философских чтений, круглых столов, статьи в журналах [1-4].

Во все времена человек стремился к изменению себя, не считая себя, свое тело совершенным, находился под влиянием педагогических, психологических технологий, задача которых состояла в том, чтобы воздействовать на поведение, внутренний мир человека, на формирование его ценностных ориентаций. Подобные установки на использование социально-гуманитарных технологий сохранились и сегодня. В каждой сфере общественной жизни – в образовании, политике, экономике, науке и т.д. есть

свои мотивации поведения человека. Над этими мотивациями надстраиваются социально-гуманитарные технологии, которые канализируют мотивации, управляют ими. Сегодня формирование сознания, поведения человека не является только прерогативой образования, воспитания. Социальные технологии научились успешно использовать коммерческие предприятия для завоевания своего потребителя, СМИ – своего слушателя, политические партии – своего избирателя. Но социальные технологии не просто надстраиваются над мотивами, они по-разному на них влияют, в том числе и посредством манипулирования. Основная задача манипулятивных технологий не в том, чтобы воздействовать на внутренний мир человека, способствовать его развитию, а, как правило, в том, чтобы изменить мышление и поведение людей в нужном направлении самым быстрым и эффективным способом, добиться контроля над их волей и поведением. Проблематика социально-гуманитарных технологий сегодня требует общеметодологического и концептуального анализа, связанного, в том числе, как с надеждами, так и опасностями их применения.

В современном мире вызов социально-гуманитарным технологиям бросают нано-, био-, инфотехнологии. Успехи нейрофармакологии в производстве лекарств и их применение на практике приводит к удивительным результатам. Препараты прозак и серотонин, например, повышают самооценку человека, чувство собственного достоинства, способствуют хорошему настроению и ощущению счастья, а препарат риталин широко используется в школах США для контроля над поведением гиперактивных детей [5, с. 84-85]. Анализируя открытия в области генной инженерии, Ф. Фукуяма ставит вопрос о правомерности их использования не в терапевтических целях, а для обретения дополнительных человеческих возможностей, обращая внимание на неоднозначные последствия генетических манипуляций для социальной стратификации. Генетические технологии по улучшению биологических характеристик, умственных способностей будут, в первую очередь, доступны «социальной верхушке задолго до того, как простые люди смогут ими воспользоваться» [5, с. 86]. Генная инженерия тем самым получит возможность влиять на получение социального статуса и обострит проблему социального неравенства. Ф. Фукуяма – активный сторонник того, чтобы в обществе была выработана регулятивная этико-правовая система контроля над применением новых технологий.

Для обозначения процессов, которые имеют отношение к задаче совершенствования человека, в современной литературе все чаще стали использоваться понятия «модификация», «трансформация», «конструирование», «проектирование», которые можно расценивать как

проявление технократического уклона в исследованиях. В 1990-х гг. в США возникло движение трансгуманизма, сторонники которого уверены в том, что открытия в области компьютерных, генетических технологий позволят преодолеть природные ограничения человека как смертного существа и дадут начало постбиологическому этапу развития человека. Наряду с термином «трансгуманизм» для исследований будущей судьбы человека используется и термин «гуманология». Приверженец гуманологии М.Н. Эпштейн считает, что речь в гуманологии идет о расширении понятия «человеческого». Гуманология – это «наука о трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума, потенциально превосходящих биологический вид *homo sapiens*» [7, с. 53]. Человек способен в своем творчестве переносить свою сущность мыслящего существа в конкурентоспособные формы искусственного разума, создаваемые им кибернетические устройства – киборги. «Человек уходит в прошлое как биовид и переходит в будущее как техновид, мыслеформа, киберорганизм, свободная генетическая и/или технологическая фантазия» [7, с. 56]. В будущей технической цивилизации человек как организм с его природными качествами будет рассматриваться лишь как архаика, достойная сохранения, предмет экологической заботы. «Вслед за природой, которая интегрируется в состав растущей всепланетной цивилизации, человек будет все более восприниматься в модусе редкости, как замкнутый биоценоз, встроенный в более могущественную техническую среду. Функция человеческого, возможно, будет закрепляться за искусственно изолированными, охраняемыми территориями, «антропо-парками», вроде того, как природа в «первозданном» виде уже сейчас существует за оградой заповедников» [6, с. 54]. Так «оптимистично» гуманология видит перспективы человека.

Новейшие технологии способны радикально преобразовать человека уже в ближайшем будущем. Симбиоз его с высокими технологиями, в авангарде которых ИКТ, способен трансформировать сегодняшнего *Homo sapiens* в будущего *eHomo* [7]. Информационно-коммуникационная среда, *e*-техника, проникающая во все сферы жизни человека (ТВ, фото, плееры, компьютеры, мобильники, вбирающие все новые функции, вся супер современная электроника), создают вокруг человека своеобразный информационный кокон, играющий роль воспитателя, помощника, участвующего в развитии человека и развивающегося вместе с ним [7, с. 8]. В будущей *e*-цивилизации *eHomo* может получать образование, не выходя из дома, электронные виды искусства уже сегодня активно вторгаются в его жизнь. Есть и внутренний аспект влияния ИКТ на человека, он связан с перспективами нано-, био-, генотехнологий, которые все больше

интегрируются с ИКТ. Внедренные в организм наноустройства обеспечат практически неограниченный объем памяти и творческие возможности интеллекта, будут следить за работой органов, корректируя отклонения от оптимума. С помощью генной инженерии и технологии использования стволовых клеток можно будет исправлять ошибки природы. «В результате человек физически будет постоянно молодым и здоровым, так что ничто не будет мешать ему жить вечно» [7, с. 15].

В том, что нано-, био-, инфо-, когно-, социотехнологии (NBICS-технологии) могут кардинально изменить условия и качество жизни людей, нет сомнений. Не отрицая по сути перспектив усовершенствования человека, усиления его творческого потенциала, необходимо видеть и оценивать риски возможной непредсказуемой трансформации биологической природы человека. Большинство отечественных ученых осторожны в оценках возможностей новейших технологий для «улучшения» человека.

Список литературы

1. Нанотехнологии как социальный проект. Материалы круглого стола // Человек. 2014. № 1. С. 68-80.
2. Гребенщикова Е.Г. Проекты улучшения человека и тезис технологической неизбежности // Человек. 2016. № 5. С. 30-39.
3. Воронин А.А. Совершенствование человека // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 203-207.
4. Юдин Б.Г. Технонаука и «улучшение» человека // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2016. Т. XLVIII. № 2. С. 18-27.
5. Фукуяма Ф. Социальные последствия биотехнологических новаций // Человек. № 2. 2008. С. 80-88.
6. Эпштейн М.Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Человек. 2009. № 4. С. 48-57.
7. Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 3-17.

КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТЬ КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ CUSTOMER FOCUS AS A HUMAN CAPITAL

А.В. Орлов, Е.Н. Башук, Р.Я. Вакуленко
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Orlov, E.N. Bashuk, R.Ya. Vakulenko
Lobachevsky University

Рассмотрена клиентоориентированность как составляющая человеческого капитала. Приводится способ количественной оценки клиентоориентированности.

The article considers customer focus as a component of human capital. Describes its components. Specified method of quantitative assessment of customer focus.

Ключевые слова: человеческий капитал, клиентоориентированность
Keywords: human capital, customer focus

Человеческий капитал представляет собой совокупность качеств человека, определяющих его готовность к эффективному труду и дающих возможность для экономического роста на микро- и макроэкономическом уровне. В экономическом смысле под человеческим капиталом понимают совокупность государственных и частных инвестиций в человека, а также расходы семей и самих людей на развитие их трудового потенциала и осуществление высокоэффективной профессиональной деятельности. В основе человеческого капитала лежат физические, психологические и социальные качества, а также специальные знания, умения и навыки, дающие конкурентные преимущества для экономической системы соответствующего уровня. Человеческий капитал организации считается в настоящее время основным источником конкурентного преимущества.

В социоэкономических профессиях и профессиях сферы услуг большое значение придается профессионально важным качествам, определяющим взаимодействие производителя услуг и их потребителя. Удовлетворенность качеством услуг включает в себя не только удовлетворенность самой услугой, но и качеством обслуживания [1]. При этом, с учетом конкуренции, именно удовлетворенность обслуживанием может быть определяющей в лояльности клиентов к организации. Важными составляющими клиентоориентированности большинство авторов указывают такие качества, как умение выделить целевую группу, понимание и предвидение потребностей клиентов, выстраивание с

клиентами обратной связи, индивидуальных коммуникаций и долговременных отношений, ориентация на удержание клиентов [2].

В наших предыдущих исследованиях [3] мы выяснили, что в основе клиентоориентированности лежит ряд компетенций, определяющих данное качество, выделим следующие социально-психологические характеристики:

1. Планирование деятельности с клиентом и самоорганизация данной работы.

2. Готовность к взаимодействию со сложными, проблемными клиентами, работа с которыми требует много времени, усилий, сдержанности и гибкости в общении.

3. Терпимость к житейским трудностям в работе с клиентами, готовность работника пренебречь удобствами ради эффективного взаимодействия с клиентом.

4. Самообразование – готовность работника самостоятельно повышать свой уровень квалификации, развивать качества, способствующие эффективной работе с клиентами.

5. Рефлексия деятельности – склонность работника к самоанализу своей работы с клиентом с целью осмысления как удачных, так и ошибочных действий.

На основе данной эмпирической модели, включающей еще несколько показателей, имеющих отношение к клиентоориентированности, был разработан опросник «Клиентоориентированность работника» (КоРа), который прошел психометрическую проверку и зарекомендовал себя как надежный и валидный инструмент.

Нами было показано [4], что клиентоориентированность – важный фактор эффективности труда работников. В эмпирических исследованиях с помощью теста «Клиентоориентированность работника» было показано, что работники с высокими значениями клиентоориентированности демонстрируют более выраженную приверженность корпоративной культуре, лояльность организации, у них выше уровень трудовой мотивации. Однако возникает вопрос о значении социально-психологических качеств работников в эффективности организации. Ключевой аспект данной проблемы – это связь характеристик компетентности с экономическими показателями, прежде всего с экономической эффективностью. Компетентность, в том числе клиентоориентированность, мы предлагаем рассматривать как одну из форм личностной эффективности.

Человеческий капитал, на наш взгляд, можно напрямую связать с экономической эффективностью в относительных величинах:

$$\text{ЧК} = f(kX)$$

где ЧК – человеческий капитал организации, X – показатель экономической эффективности, k – коэффициент, определяющий связь эффективности труда и экономической эффективности.

Человеческий капитал можно выразить как отношение личной эффективности к удельной эффективности организации, при этом в качестве коэффициента k выступает относительная личностная эффективность работника, а в качестве показателя X – удельная экономическая эффективность организации:

$$\text{ЧК} = \sum_{i=1}^n \text{ЧК}_i = \sum_{i=1}^n \frac{\text{ОЛЭ}_i}{\text{УЭО}} = \frac{\sum_{i=1}^n \text{ОЛЭ}_i}{\text{УЭО}}$$

где ЧК – человеческий капитал организации, ЧК_i – человеческий капитал индивида, ОЛЭ_i – личностная эффективность отдельного работника, УЭО – удельная эффективность организации.

Удельная экономическая эффективность организации (УЭО) понимается нами как отношение общей эффективности организации к количеству работников, задействованных в данной профессиональной деятельности:

$$\text{УЭО} = \frac{\text{ЭО}}{n}$$

Общая экономическая эффективность организации (ЭО), в зависимости от задач, может быть выражена различными показателями (чистая прибыль, доля рынка, капитализация и др.), но желательно её представить в денежном эквиваленте.

Относительная личностная эффективность (ОЛЭ) работника, в данном случае, рассматривается нами как весовой коэффициент, определяемый эмпирически или экспертным путем. Она может быть связана с объективными показателями труда работника (количество заключенных контрактов, количество привлеченных средств, экономия и др.) либо, если это измерить проблематично, экспертными и аттестационными показателями компетентности – результатами оценки персонала по установленным критериям. Мы предлагаем использовать для описания ОЛЭ относительные показатели, добиваясь большей универсальности. Она может быть выражена как отношение эффективности (компетентности) отдельного работника к эффективности максимально успешного (максимально компетентного) работника:

$$\text{ОЛЭ}_i = \frac{\text{Э}_i}{\text{Э}_{\max}}, \text{ или } \frac{\text{К}_i}{\text{К}_{\max}}$$

где ОЛЭ_i – относительная личная эффективность отдельного работника, Э_i – показатель эффективности отдельного работника, $\text{Э}_{\max}$ – показатель максимально эффективного работника, К_i – показатель компетентности

отдельного работника, K_{max} – показатель максимально компетентного работника.

Показатель относительной личной эффективности отдельного работника лежит в диапазоне от 0,1 до 1,0. При этом у максимально эффективного работника данный коэффициент равен 1,0, у наименее эффективного – 0,1.

Рассматривая клиентоориентированность как составляющую компетентности и, соответственно, как часть человеческого капитала, можно использовать соответствующие коэффициенты её выраженности:

$$ЛЭ_i^{КО} = \frac{КО_i}{КО_{max}},$$
$$ЧК^{КО} = \sum_{i=1}^n ЧК_i^{КО} = \sum_{i=1}^n \frac{ОЛЭ_i^{КО}}{УЭО} = \frac{\sum_{i=1}^n ОЛЭ_i^{КО}}{УЭО} = \frac{\sum_{i=1}^n КО_i}{УЭО \times КО_{max}}$$

где $ЧК^{КО}$ – человеческий капитал организации по клиентоориентированности, $ЧК_i^{КО}$ – человеческий капитал работника по клиентоориентированности, $ОЛЭ_i^{КО}$ – относительная личностная эффективность отдельного работника по клиентоориентированности, $КО_i$ – показатель клиентоориентированности отдельного работника, $КО_{max}$ – показатель максимально клиентоориентированного работника.

Клиентоориентированность, в данной модели, оценивается на основе доступного измерительного инструмента.

Список литературы

1. Захарова Л.Н., Примак А.И. Бизнес заботы: организационная культура и социально-психологический потенциал развития предприятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5-1. С. 388-395.
2. Ефремова М.В., Чкалова О.В. Обобщение и систематизация подходов к определению понятия «клиентоориентированность». // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2 (42). С. 17-24.
3. Орлов А.В., Орлова О.М., Башук Е.Н. Системогенез клиентоориентированности в организации // Системогенез учебной и профессиональной деятельности Материалы VII Международной научно-практической конференции. Т.1 / Под ред. Ю.П. Поваренкова. Ярославль, 2015. С. 250-252.
4. Орлов А.В., Башук Е.Н. Психологические факторы проявления клиентоориентированности работников помогающих профессий // Помогаящие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под ред. Саралиевой З.Х. Н. Новгород: Издательство: ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2016. С. 744-747.

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

SOCIAL WELFARE AND HUMAN DEVELOPMENT IN THE PERIOD OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

И.С. Петухова
Петрозаводский государственный университет
I.S. Petukhova
Petrozavodsk State University

В современных социальных концепциях понятие благополучия рассматривается под призмой возможностей для развития человека. В трансформационном обществе, с его многочисленными кризисами и рисками, все более остро встает вопрос о достижении благополучия для человека и общества.

In modern social theories the concept of welfare is examined under a prism of opportunity for human development. In a transformational society, with its many crises and risks there is a question about the well-being of the individual and society.

Ключевые слова: социальное благополучие, развитие человека, трансформации

Keywords: social well-being, human development, transformation

За всю историю социальной мысли редко встретишь такое понятие, которое по степени интереса сравнилось бы с понятием социального благополучия. Начиная с эпохи Античности, общественные и государственные деятели обращались к изучению основ «благого общества», счастья, удовлетворенности жизнью. С началом нового тысячелетия интерес к понятию социального благополучия только возрос. В современных концепциях оно рассматривается, скорее, под призмой возможностей для развития человека в эпоху общественных трансформаций. Наряду с экономическими, психофизическими и социальными компонентами ученые обратились к осмыслению новых характеристик социального благополучия – экологического благополучия, возможности достижения благополучия для будущих поколений, развитие человеческого потенциала и пр. Таким образом, в современном обществе с его многочисленными кризисами и рисками все более остро встает вопрос о достижении благополучия человеком и обществом.

Существующие подходы к социальной работе акцентируют необходимость активации самозащитных потенциалов человека как саморегулирующейся системы. В монографии «Теория социальной работы и реалии социального благополучия» И.А. Григорьева, В.Н. Келасьев, И.Л. Первова развивают понятие «модель жизни». Подход, связанный с

моделями жизни, описывает человека как адаптивно-адаптирующее существо, таким образом, рассматривая людей в их взаимодействии со средой [1]. Очевидно, что нормальное существование человека обеспечивается только включенностью во множество социальных сред, постоянным взаимодействием с ними и в них. И.А. Григорьева, В.Н. Келасьев. И.Л. Первова характеризуют социальное благополучие как «интегративную характеристику, отражающую такое взаимодействие социального субъекта, окружающей его среды и связывающих их регуляторов, которое обеспечивает баланс, или согласование интересов человека и общества в удовлетворении потребностей развития, достижения желаемого социального статуса» [1].

Известный польский социолог П. Штомпка пишет, что сегодня все более интенсивное развитие получила, так называемая, «третья социология», фокусирующая свое внимание на социальной экзистенции человека, его повседневной жизни [2]. Наряду с этим, ряд томских исследователей отмечают, что «включенность человека в повседневные практики обеспечивает процессы человеко-средового метаболизма, в котором заложены истоки поддержания и обеспечения всех форм естественной и социокультурной жизни» [3]. Видится, что понятие социального благополучия должно рассматриваться сквозь призму «повседневности», «обыденности» современного человеческого бытия, а теория социального благополучия получает свое развитие в контексте социологии социальной экзистенции.

Согласно П. Штомпке, новые качества социальной жизни можно суммировать под такими рубриками, как технологические перемены (особенно в коммуникациях и перевозках), глобализация, мега-урбанизация, потребительство, гибкие формы труда, преобразования интимной сферы, нарастание рисков и насыщение визуальностью [2]. В обиходе появляются новые термины. Так, все чаще мы слышим «шопинг» вместо совершения покупок, «клубинг» вместо посещения бара, «боди-билдинг» вместо занятия спортом и пр. [2]. Современное общество становится все более «видимым», оно структурируется «образно», разного рода картинками, включая рекламу, билборды, моду и разного рода технологические продукты потребления. В рамках развиваемого подхода П. Штомпка приходит к выводу, что современный социолог должен уделять все больше внимания такому методу исследования, как наблюдение.

Начиная со второй половины XX в., человек столкнулся с невиданными ранее социальными проблемами, оказывающими влияние на его мировосприятие и переживание благополучия. Характеризуя современное общество, представители социальной мысли довольно подробно останавливаются на таких понятиях, как «потребительство»,

«макдональдизация», «чрезмерное потребление ресурсов», «нарастание рисков» и пр. Так, в странах Запада все чаще стали задумываться о возможности благополучия для будущих поколений. Большинство компаний направляют часть полученной прибыли на восстановление не только человеческих ресурсов, но и окружающей среды. Все большее распространение получает, так называемая, «зеленая экономика». В современных условиях общественного развития можно наблюдать две производственно-экономические тенденции: первая связана с наращиванием производственных мощностей предприятий с целью обеспечения потребителей, чьи запросы постоянно растут; вторая – с оценкой качества получаемой продукции – «экологизацией экономики предприятий». Наметившийся в современных западных странах рост в направлении экологизации способствует росту качества жизни, благополучия и благосостояния граждан [3].

К сожалению, экологизация экономики предприятий недоступна в современных российских реалиях. Российской экономике присуща ориентация на добывающий, а не на перерабатывающий технологический уклад. На национальном уровне российский рост материального благополучия последних лет поддерживается практически исключительно за счет экспорта сырья, что обостряет существующие социальные проблемы и не способствует росту социального благополучия человека и обществам [3].

Современное общество характеризуется проблемой глубокого социального неравенства. Подводя итоги проводимых ООН мероприятий, направленных на снижение бедности, общественные и государственные деятели признают их неуспех. Приоритетные проблемы остаются нерешенными: богатые – богатеют, бедные – беднеют.

Трансформационные процессы, происходящие в современном обществе, включая российское, предъявляют все новые требования к благополучной личности. В то же время социальное благополучие не детерминируется исключительно уровнем и качеством жизни или совершенством государственной системы управления, оно зависит также от других факторов, таких как потребности, интересы и ценности индивида, культура и традиции общества. «Базовой основой формирования смысловых компонентов благополучия являются эмоционально-оценочные переживания, поскольку благополучие, прежде всего, имеет отношение к оценке индивидом того, чем он располагает и как он к этому относится» [3].

На данном этапе исследования ряд ученых концептуально выделяют четыре основные содержательные характеристики категории благополучия человека. Во-первых, человек благополучен, если он существует в соответствии со своей природой. Во-вторых, благополучие человека есть осознания блага,

возможность и желание стремится к его достижению. Далее, человек благополучен, если он имеет возможность реализовывать свой потенциал как человеческого существа. Наконец, человек благополучен, если общество, которое составляет основу государства, создает ему условия и предоставляет возможности существовать в соответствии со своей природой, реализовывать свой потенциал и достигать тех благ, к которым человек стремится [3].

Социальное благополучие выступает интегративным показателем, отражающим особенности взаимодействия между человеком и средой. В структуре «человек – среда – регуляторы их взаимодействия» человеку для достижения благополучия необходимо приспособляться к условиям среды, а среда, в свою очередь, предоставляет человеку ресурсы, необходимые для успешного функционирования и благополучия. Современные трансформационные процессы ведут к нарушению отношений в системе «человек – среда – регуляторы взаимодействия».

Список литературы

1. Григорьева И.А., Келасьев В.Н., Первова И.Л. Социальное благополучие как цель социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. 2014. № 1 (56). С. 43-59.
2. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3-13.
3. Благополучие человека: коллективная монография / Под ред. Г.А. Барышевой, Томский политех.ун-т. Томск: Издательство «Курсив», 2014. 166 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ PERSPECTIVES TO STUDY SOCIAL CREATIVITY

А.А. Попель
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.A. Popel
Lobachevsky University

Обосновывается необходимость дальнейшего исследования социальной креативности в контексте возрастающей автоматизации и механизации общества, рассматривается ее обусловленность возрастными и гендерными факторами, а также определяются перспективы ее дальнейшего исследования в контексте влияния сетевого общества на характер социальных коммуникаций.

The paper argues the necessity to further investigate social creativity in the context of ever growing automaton in the society. The author shares his results on

how gender and age factors can influence social creativity and defines perspectives in studying it further by examining what impact network society will have on the character of social communications.

Ключевые слова: социальная креативность, перспективы исследования, сетевое общество, новые формы социальной коммуникации

Keywords: social creativity, perspectives, network society, new forms of social communications

Вызовы, брошенные России странами западной Европы и США, предельно остро обнажили несостоятельность сырьевой модели экономического развития, доминировавшей в нашей стране последние несколько десятилетий, и заложили фундамент для построения принципиально иной модели, основанной на знаниях и инновациях. В ней основными силами экономического развития будут выступать автоматизация производства, повышение производительности труда, увеличение доли наукоемких производств, способных производить конкурентоспособные товары и услуги, одним словом, «фундаментальный характер задач, которые необходимо решить для построения новой модели экономического роста означает, что необходимо не просто принять отдельные меры по его стимулированию, а провести глубокие изменения в экономической политике и в системе государственного управления, внедрив в них сильные стимулы к повышению эффективности» [1].

Несмотря на достигнутые положительные изменения в виде существенного улучшения материально-технического оснащения промышленных предприятий, роста заработных плат в оборонной и обрабатывающих секторах экономики и пр., на второй план отошел непосредственно сам человек, уступив место все возрастающей технизации и автоматизации. Учитывая глобальные процессы роботизации, выражающиеся во все большем отчуждении человека от продуктов его материальной деятельности и, как следствие, высвобождение все большего количества рабочей силы, изменения самой природы труда, связанной с трансграничностью работника и его работодателя, а также общим ускорением ритма социальной жизни человека, особое внимание следует уделять способности человека творчески и эффективно решать нестандартные проблемы не только в его профессиональной деятельности, но и в области его социального взаимодействия. Таким образом, особую актуальность приобретает общая способность к творчеству, понимаемая как креативность, и ее социальная разновидность (социальная креативность), определяемая нами как способность человека оперативно находить и эффективно применять нестандартные,

оригинальные творческие решения ситуаций межличностного взаимодействия [2].

Проведенный анализ исследований, посвященных изучению социальной креативности и часто отождествляемых с нею понятий, свидетельствует о недостаточной теоретической и практической разработке данной проблемы в отечественной и зарубежной социологии и социальной психологии. Концентрация большинства научных исследований на изучении общей креативности и существенно меньшее количество работ, посвященных ее «младшей сестре», привели к тому, что в современной науке социальная креативность является одной из наименее изученных способностей человека [3-5].

Нами были исследованы такие аспекты социальной креативности, как ее связь с возрастным и гендерным факторами. В частности, было показано, что на протяжении длительного времени в общественном сознании доминирует точка зрения, согласно которой после 50-60 лет происходит необратимое «затухание» творческих способностей, однако, она не получила однозначного научного подтверждения. Мы полагаем, что различия в уровнях креативности на разных возрастных этапах вызваны не общим ослаблением большинства функций в престарелом возрасте, а опосредованы комбинацией когнитивных изменений, внешними (социальные нормы) и внутренними факторами, (уровень мотивации и черты личности). Таким образом, творчество вполне возможно и в зрелом возрасте, однако для этого необходимо наличие определенных условий – открытость новизне, сензитивность в отношении творческих проблем, работоспособность, увлеченность своим делом, способность к коллективной работе, отсутствие предрассудков в отношении связи возраста и возможных творческих достижений.

Что касается обусловленности социальной креативности гендерным фактором, мы обнаружили, что современное общество, декларируя равные возможности для обоих полов, тем не менее, создает для мужчин особую среду, которая, предоставляя ему почти безграничный доступ к ресурсам, максимально способствует раскрытию его творческого потенциала. Женщина, зачастую наделенная ничуть не меньшей, а порой даже и более высокой способностью к творчеству, вынуждена отказаться от ее развития в угоду социальным ожиданиям и гендерным стереотипам [6].

Вектор дальнейшего исследования социальной креативности, на наш взгляд, лежит в плоскости ее изучения в контексте влияния сетевого общества на характер социальных коммуникаций. Как показал Мануэль Кастельс в своих фундаментальных работах «Власть коммуникации» [7] и «Информационная

эпоха: экономика, общество и культура» [8], наибольшие трансформации в обществе коснулись, прежде всего, коммуникаций, а именно, наполнение их традиционных форм совершенно иным содержанием и возникновением ранее не существовавшей формы коммуникации – самокоммуникации. Массовые самокоммуникации представляют собой новый способ коммуникации на основе компьютерных сетей, предполагающий освобождение от посредников при передаче информации и дающий возможность каждому человеку создавать свои собственные новостные каналы.

Исследование влияния новых форм коммуникации на творчество людей и будет определять горизонт наших дальнейших исследований.

Список литературы

1. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4-36.
2. Попель А.А. Психологические условия развития социальной креативности студентов в процессе профессиональной подготовки: автореферат дис.канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2005. 24 с.
3. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб.: издательство «Питер», 3-е издание, 2007. 368 с.
4. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Издательство «Питер», 2009. 434 с.
5. Практический интеллект / Р.Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
6. Мальцев К.Г., Попель А.А. Проблема детерминированности креативности гендерным фактором: современные подходы. Женщина в российском обществе. 2013. №4. С. 77-85.
7. Castells M. Communication Power. Oxford, UK: Oxford University Press, 2009. 571 p.
8. Castells M. The rise of the network society: information age. Vol. 1. Blackwell Publishers, 2010. 597 p.

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ
В ПЕРИОДЫ КРИЗИСОВ**
**IDEOLOGICAL SELF-DETERMINATION OF YOUTH
IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATION**

Т.Г. Поспелова
Санкт-Петербургский государственный университет
T.G. Pospelova
Saint Petersburg University

Актуализация проблематики мировоззренческого самоопределения молодежи обусловлена тенденциями социокультурных трансформаций. Результаты эмпирических исследований отражают отношение молодежи к вызовам современности и стратегии копингового поведения в условиях кризиса.

Mainstreaming the ideological identity of youth due to trends of social and cultural transformation. The empirical results reflect the attitude of young people to the challenges and strategies coping behavior in a crisis.

Ключевые слова: мировоззренческое самоопределение молодежи, копинг-поведение в условиях кризиса

Keywords: ideological self-determination of youth, coping behavior in a crisis

Проблематика мировоззренческого самоопределения молодежи на протяжении многих лет является одним из актуальных направлений исследований в области социологии молодежи.

Определяя целевые задачи лаборатории социологических исследований проблем молодежи, ее основатель В.Т. Лисовский обозначил специфику исследований молодежной проблематики как анализ эмпирической информации, отражающей различные объективные и субъективные показатели образа жизни, социальное самочувствие, запросы, интересы, ценностные ориентации, поведение и проблемы молодежи. По мнению В.Т. Лисовского, изучение реального поведения и жизненных планов молодежи необходимо для разработки программ социального воспитания молодежи, формирования патриотизма и ответственного отношения к жизни, определения актуальных направлений молодежной политики.

«Современная молодежь проходит свое становление в очень сложных условиях ломки многих старых ценностей и формирования новых социальных отношений. Молодежь – важный субъект социальных перемен, огромная инновационная сила» [1].

Образ жизни молодежи как рамочный формат исследований сначала лаборатории, а затем кафедры социологии молодежи и молодежной политики

факультета социологии СПбГУ включает широкий спектр конкретных проектов, направленных на изучение жизнедеятельности молодежи, процессов социализации различных категорий молодежи в условиях динамично меняющейся социальной среды.

Категория «образ жизни» означает организованную совокупность процессов жизнедеятельности представителей различных социокультурных групп в обществе, способов организации этих процессов, обусловленных естественно-географическими, социальными и культурными условиями их реализации, психологическими характеристиками индивидов. Интегративный характер категории «образ жизни» раскрывают и конкретизируют такие понятия, как «уклад жизни», «уровень жизни», «качество жизни», «стиль жизни», «стандарт жизни», которые отражают его социокультурную динамику [2].

В теоретическом плане исследования проблем молодежи опирались на концепции социализации, которые развивались в работах Б.Г. Ананьева и В.А. Ядова.

По мнению Б.Г. Ананьева, социализация отражает процессы формирования и становления личности, включения в системы социальных отношений, усвоения знаний и норм поведения, приобщения индивида к обществу. Б.Г. Ананьев выделял различные подходы к пониманию этих процессов, отмечая две точки зрения. Одна из них рассматривала социализацию как временный период, необходимый для становления индивида как личности, выработки устойчивой системы социальных ориентаций и установок, включающий три этапа: первичная социализация ребенка, промежуточная социализация подростка и устойчивая, концептуальная социализация взрослого индивида. Согласно другой точке зрения, социализация – это продолжающийся всю жизнь процесс адаптации к новым условиям и жизни в изменяющемся обществе [3].

В.А. Ядов рассматривал проблемы молодежи в контексте возможностей для самоопределения, самоидентификации и самореализации [4].

Изучение процессов самоопределения молодежи согласуется с изучением проблематики развития личности и ее жизненного пути в психологии, традиции которого были заложены С.Л. Рубинштейном, Б.Г. Ананьевым, Л.И. Божович, К.А. Абульхановой-Славской.

Рассматривая проблемы развития личности, С.Л. Рубинштейн ввел понятия «самоопределение» для обозначения самостоятельного выбора индивидом жизненных целей и планов, и «жизненный путь» для отражения динамики развития личности, ее самосовершенствования. Изучение элементов самоопределения: активности, самодетерминации и самореализации,

выделенных С.Л. Рубинштейном, получило развитие в работах К.А. Абульхановой-Славской [5; 6].

Сущностью феномена самоопределения является процесс поиска субъектом своего способа жизнедеятельности, стратегий решения жизненных задач. Самоопределение своих индивидуальных возможностей и ценностных ориентаций проявляется в преобразовании условий жизни, преодолении трудностей, отстаивании своих жизненных принципов, самоутверждении своей идентичности и социального статуса. По мнению А.В. Осницкого, для самоопределения требуются определенные внутренние предпосылки и личностная подготовленность, которая складывается из опыта привычной активности, навыков проявления независимости, опыта рефлексии, позволяющей адекватно оценивать свои возможности, не завышая и не занижая уровень притязаний, опыт сотрудничества [7].

Нарушения личностного развития и процессов самоопределения могут происходить в силу различных причин: депривационной или деформирующей социальной или семейной среды, неблагоприятных обстоятельств жизни. По мнению Э. Эриксона, затруднения в процессе самоопределения и кризисы идентичности могут возникнуть вследствие изменения условий социализации в процессе взросления, изоляции от компетентных взрослых, отсутствия опыта осознания подлинной идентичности, который закладывается в детстве, дефицита поддержки [8].

Важность социального контекста самоопределения подчеркивает экзистенциальный психолог А. Лэнгле: «В нестабильных условиях макросоциальных трансформаций, смены социальных ориентиров часто приходится перестраивать всю смысловую сферу личности, что драматически проявляется в утрате жизненных перспектив, смысла бытия, уверенности в себе» [9].

Разрабатывая методологию социологии социальных проблем, О.И. Иванов указывает, что социальные проблемы являются составной частью социальной среды и представляют собой определенный тип взаимодействия между индивидуальным или коллективным субъектом. Отдельные компоненты этого взаимодействия могут неблагоприятно, отрицательно воздействовать на жизненную ситуацию субъекта, его социокультурный статус, "ущемлять" его потребности и интересы [10].

На фоне социальных проблем возникает широкий спектр психологических проблем, внутренних противоречий, обусловленных изменением системы ценностных ориентаций, депривацией потребностей, неэффективными социальными и межличностными отношениями [11].

Исследования социальных проблем, с которыми сталкивается молодежь, базируются на эмпирических данных социологических опросов в рамках различных проектов. Результаты этих исследований отражают тенденции социокультурного развития молодежи, ее социальное самочувствие и жизненные стратегии в различные исторические периоды.

Базовой основой исследований является мониторинг социальных ориентаций молодежи, который позволяет охарактеризовать актуальный социальный портрет молодежи («Молодые Россияне: эскиз к портрету»; «Социальное здоровье молодежи») и отслеживать тенденции изменений мировоззренческих позиций молодежи.

Реализация других проектов направлена на изучение актуальной проблематики: девиантного поведения и экстремизма в молодежной среде; ориентаций молодежи на жизненный успех [12].

Проект «Отношение молодежи к вызовам современности» реализуется кафедрой социологии молодежи и молодежной политики Факультета социологии СПбГУ с 2009 г. и ориентирован на изучение отношения молодежи к изменениям социальных условий, специфики процессов самоопределения молодежи в кризисных условиях.

Результаты опроса студентов Санкт-Петербурга, проведенного в феврале 2017 г., позволяют отметить некоторые тенденции, характеризующие жизнедеятельность молодежи в условиях кризиса.

Прежде всего, следует отметить, что лишь 17% респондентов кризис не затронул и не внес изменения в образ жизни, большинство же опрошенных ощутили его влияние, причем значительное. Половина респондентов отмечают резкое ухудшение экономического положения, нехватку средств на повседневные нужды, «приходится экономить даже на еде». Сложнее стало найти подработку (14%), меньше возможностей для проведения досуга (17%), ухудшилось психологическое состояние (13%) и пропало ощущение перспективы (26%).

Результаты исследования фиксируют значительные изменения в образе жизни большинства опрошенных молодых людей и специфику этих изменений в различных социально-демографических группах. Такие параметры, как способ проживания студентов, материальное положение родительской семьи, ее психологические особенности влияют на отношение выделенных групп молодежи к кризису.

Проблемные ситуации, с которыми сталкивается молодежь в условиях кризиса, обусловлены как объективными условиями, так и субъективными, психологическими факторами. Поведение личности в трудной, стрессовой или напряженной ситуации определяется как копинг – индивидуальный способ

адаптации к требованиям ситуации, позволяющий овладеть ею, ослабить или смягчить ее требования, постараться избежать или привыкнуть к ней и таким образом уменьшить стрессовое действие ситуации. В иерархии способов копингового или совладающего поведения выделяют два вида психологического поведения: поведение, направленное на решение проблемы, и поведение, направленное на изменение собственного отношения к ситуации [13].

Для копингового поведения молодежи характерны активные позиции: половина респондентов ориентирована на поиск новых возможностей, небольшая часть опрошенных (9%) настроена на участие в протестных акциях, и 5% – на обращение за помощью к родителям или друзьям.

Оценивая свою ситуацию, респонденты отмечают не только дефицит финансовых средств (60%), но и психологических ресурсов (жизненного опыта и социальной компетентности – 53%) и социальных ресурсов (государственной поддержки – 30%, полезной информации – 22%). Мало ощутимой для многих студентов является помощь администрации вуза и профсоюзной организации. При этом примерно половина респондентов «никогда не обращались за помощью». С 2012 г. в СПбГУ работает психологическая консультация, но, по данным опроса, лишь четвертая часть респондентов знает о ее существовании и готова в случае необходимости обратиться в эту службу. Отсутствие навыков обращения за помощью свидетельствует о необходимости совершенствования программ социальной работы с молодежью.

Важно отметить, что доминирующей позицией подавляющего большинства молодежи является установка на завершение образования, не взирая на трудности.

Рассматривая проблему смены поколений в современном обществе, О.Н. Козлова отмечает, что каждая поколенческая группа, проходя стадии жизненного цикла, проявляет активность для решения двух задач – адаптации и самореализации. При этом в каждой фазе жизненного цикла поколения возникает свое специфическое содержание этих задач. Оформляются проблемы включения в экономическую, политическую, духовную сферы воспроизводства социальной жизни и обозначения себя в этих сферах [14].

Список литературы

1. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учеб.пособие / В.Т. Лисовский. – СПб.: СПбГУП, 2000. 508 с.
2. Орлова Э.А. Социокультурное пространство обыденной жизни. Методическое пособие по курсу «Культурная антропология». М., 2002. 104 с.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.

4. Ядов В.А. Взаимосвязь социологического и социально-психологического подходов к исследованию образа жизни // Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е.В.Шорохова. М.: Наука, 1987. С. 89-93.
5. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. 424 с.
6. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.,1991. 160 с.
7. Осницкий А.В. Проблемы психического здоровья и адаптации личности. М., 2003. 379 с.
8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. 344 с.
9. Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. М.,2008. 128 с.
10. Иванов О.И. Социальные проблемы молодежи и ювенологические исследования: введение в социологию социальных проблем. СПб., 2001. 111 с.
11. Линде Н.Д. Психологическое консультирование: Теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов / Н.Д. Линде. М.: Аспект Пресс, 2010. 255 с.
12. Поспелова Т.Г. Девиантные аспекты образа жизни молодежи: отношение молодежи к наркотикам // Девиантное поведение подростков и молодежи: современные проблемы, тенденции, прогнозы. Лондон. 2016.
13. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения. Копинг-поведение. Кострома. 2010. 60 с.
14. Козлова О.Н. Социальные миры поколений // Социально-гуманитарные знания. 2004. №2. 128-145.

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
THE SPATIAL ASPECTS OF TRANSFORMATION
OF HUMAN POTENTIAL**

Ю.В. Преображенский
*Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского*
Yu.V. Preorazhenskiy
Saratov State University

Предлагаются методы оценки пространственной трансформации человеческого потенциала. Рассматривается динамика демоцентра на территории Саратовской губернии. Выделяются наиболее значимые для развития человеческого потенциала социокультурные аспекты на локальном уровне.

The methods for assessing the spatial transformation of human potential are suggested. Examines the dynamics of the democentre in the territory of the Saratov province. The most significant aspects of socio-cultural factors to raise the human potential on the local level are allocated.

Ключевые слова: человеческий потенциал, пространственная трансформация, центрографический метод, культурные инновации

Keywords: human potential, spatial transformation, centrophical method, cultural innovation

Пространственный подход является одним из определяющих в исследовании трансформации человеческого потенциала. Это влияние различно на разных уровнях, обусловлено факторами разной природы. На макроуровне можно выделить влияние природной зоны (гумидного или аридного климата, температурного режима), которое обуславливает, например, соотношение потребления белков, жиров и углеводов, особенности работы и отдыха, физиологические аспекты (связанные, например, с пребыванием в высоких широтах, в условиях полярного дня и полярной ночи) и прочие.

На мезоуровне рассматриваются экономические аспекты, которые определяют уровень жизни населения. Они вновь обусловлены географическими факторами: удалённостью от морских путей, продуктивностью земель, стоимостью строительства зданий и сооружений и прокладки инфраструктуры.

На микроуровне на человеческий потенциал накладывают отпечаток культурные особенности края, его своеобразие. Наконец, на локальном уровне, в пределах населённого пункта, действует ряд социальных факторов, но и экономические и культурные также ярко выражены.

Ряд методов позволяет дать количественную оценку изменения человеческого потенциала посредством выявления трансформации структуры расселения. Как нередко можно наблюдать при рассмотрении территориальных общественных систем – основного объекта гуманитарного крыла географии, крайне сложно отделить причину от следствия для многих процессов, в ней происходящих. В данном случае на вопрос, изменяется ли система расселения под воздействием трансформации человеческого капитала или наоборот, видимо, невозможно дать однозначный ответ. Различные стороны жизнедеятельности общества взаимно обуславливают друг друга, и почти все они имеют пространственное выражение.

Рассмотрим трансформацию системы расселения Саратовской области за век. Традиционной точкой отсчёта является первая перепись населения России в 1897 г. Конечной точкой – последняя перепись 2010 г. Применим центрографический метод, который позволит показать сдвиги в системе расселения области за период в несколько десятилетий.

Центрографический метод позволяет находить координаты усреднённого центра неких явлений на определённой территории. Формула нахождения такого усреднённого центра выглядит следующим образом:

$$Цш = \sum (Шi * Зni) / \sum Зn \text{ и}$$

$$Цд = \sum (Дi * Зni) / \sum Зn,$$

где $Цш$ и $Цд$ – широта и долгота центра некоего явления (центроид), $Шi$ и $Дi$ – широта и долгота различных точек, в которых сосредоточено изучаемое явление или объект исследования, а $Зni$ – количественное значение изучаемого явления в данных точках (в нашем случае численность населения городов).

Рассмотрим, например, как изменилось положение демоцентра на территории бывшей Саратовской губернии с первой по последнюю переписи населения. В конце XIX в. к территории губернии относилось Правобережье Волги, включая часть Пензенской области (в частности, Сердобск, Кузнецк), а также Правобережье Волгоградской области (включая Волгоград и Камышин). По результатам расчётов автором составлена центрограмма следующего вида (Рис. 1).

Таким образом, можно видеть поступательное движение демоцентра на юго-запад на протяжении всего XX в. Это движение было связано, во-первых, с относительным уменьшением значимости Саратова как промышленного и торгового центра; во-вторых, с опережающим развитием «соседей» по Волге – Самары и Волгограда (последний обогнал Саратов по числу жителей в конце 1920-х гг.), в-третьих, связь со Средней Азией перехватили южноуральские города, а кавказское направление – Волгоград и Астрахань. Саратов в этом смысле стал «промежуточным» городом, основная его внешнеэкономическая связь – это газопроводы из Казахстана и Туркмении. Хотя и происходило «вымывание» наиболее подвижных представителей социума за пределы области, в послевоенный период человеческий потенциал в целом был достаточно стабилен и высок.

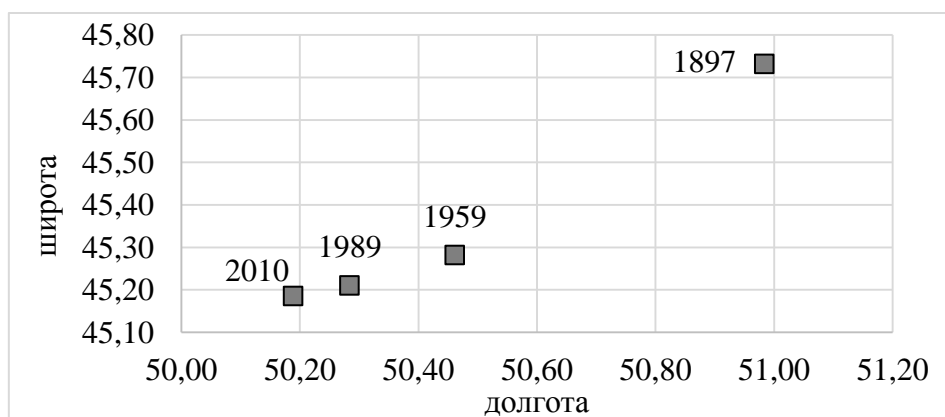

Рис. 1. Центрограмма демоцентра на территории бывшей Саратовской губернии, 1897-2010 гг. [1]

В последние десятилетия нижеволжские регионы страны испытывают явный экономический спад (это можно видеть, например, по показателям

душевого ВРП), что не может не сказываться на характере миграционной активности в Поволжье [2]. Центрограмма в данном случае не покажет каких-то резких скачков, будет идти процесс повсеместного сжатия социально-экономического пространства без какого-то генерального направления. «Уловить» такое сжатие можно с помощью индекса Херфиндаля-Хиршмана (ННІ). Он позволяет дать количественную оценку пространственных аспектов неоднородности человеческого потенциала. Формула имеет следующий вид:

$$ННІ = \sum Y_i^2,$$

где Y_i – доля i -ого показателя в районе от общеобластного значения.

Чем ближе ННІ к 0, тем более равномерно распределен исследуемый признак по территории, чем ближе к 1, тем значительнее его концентрация в одном из районов. С данных позиций можно давать оценку степени территориальной концентрации людей с различным образованием, потребностями и пр.

Человеческий потенциал также может быть оценен косвенно по количеству и размещению объектов культурной сферы. В последние два-три года в этом отношении достаточно показательно развитие т.н. квест-индустрии в России [3]. Концентрация квест-комнат «стабилизировалась» в крупных городах и городах-миллионерах.

Пространственные аспекты сохраняют свою значимость и на локальном уровне. С позиций наиболее благоприятных условий для развития человеческого потенциала важно рассмотреть качественное «наполнение» городов культурным содержанием, насыщенность социального пространства, рождающую различные связи (деловые, творческие). Здесь ведущую роль играет внутреннее разнообразие городской среды. Она сама по себе генерирует аттрактивность, туристическое притяжение [4]. К сожалению, процессы реализации туристического потенциала, например, в Саратовской области идут скорее в деструктивную сторону [5].

Таким образом, пространственный подход предполагает количественную оценку направления сдвига человеческого потенциала, что позволяет уловить значимые тенденции в развитии региона. Экономические, социальные и культурные факторы, важные для характеристики человеческого потенциала, также могут быть измерены с позиции их пространственной динамики.

Список литературы

1. Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 21.06.2017).

2. Самонина С.С. Межрегиональная миграция в современной России (территориальный аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2016. Т. 16. № 3. С. 151-155

3. Лядова А.А., Преображенский Ю.В. Развитие квест-индустрии в России: пространственные аспекты // Вестник ТвГУ. Серия «География и геоэкология». 2017. № 2. С. 81-92.

4. Преображенский Ю.В. Аттрактивность регионов и городов Поволжского экономического района // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2016. Т. 16. № 2. С. 72-77.

5. Макарецва Л.В., Щеглов Д.М. Туристический потенциал Саратовской области и условия его реализации // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2014. № 35. С. 86-89.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВЛИЯНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА
САМООТНОШЕНИЕ И САМОЧУВСТВИЕ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ
CONCEPTUAL APPROACH TO STUDY THE INFLUENCE OF SOCIAL-
PSYCHOLOGICAL FACTORS ON SELF-ATTITUDE AND WELL-BEING
IN ELDERLY AGE**

О.А. Расходова

Автономная некоммерческая организация

«Центр социального обслуживания населения «Сызранский»

О.А. Raskhodova

*Autonomous non-profit organization "Center for Social Services of the population
"Syzran "*

Особое внимание уделяется проблеме смысла жизни в пожилом возрасте, влияние активной жизненной позиции на самочувствие и самоотношение. Проведен анализ факторов, влияющих на жизненную позицию в акмеологическом аспекте.

The paper focuses on the problem of life meaning in old age, the influence of an active life position on well-being and self-attitude. The analysis of the factors influencing a life position in acmeological aspect is carried out.

Ключевые слова: самоотношение, самооценка, самореализация, активное долголетие, социальная активность

Keywords: self-attitude, self-esteem, self-realization, active longevity, social activity

Один из демографических признаков на планете Земля – это постарение ее населения. Что же может представлять собою жизнь человека в этот период? Распад, угасание, болезни, немощь, потерю трудоспособности и т.п.? Или же, напротив, возможность вести полноценную (с учетом изменившихся

реальностей), интересную жизнь: трудиться в меру своих сил, стараться быть нужным своим близким, друзьям, приняв собственную старость как очередной этап жизни, в котором есть свои радости и свои проблемы (как и на предыдущих этапах жизни).

Начнем с определения возрастных границ данного периода жизни. Прежде всего, отметим, что можно говорить только о выделении условных границ, поскольку скорость старения для каждого человека различна и зависит от многих факторов, восприятие собственного возраста самим человеком может существенно отличаться от календарного.

Процесс старения связан не только с биологическими изменениями, но и во многом социально-культурными условиями, поэтому при определении возрастных границ старости следует, на наш взгляд, основываться на качественном изменении социальной ситуации и социальных ролей человека.

Пожилой возраст характеризуется упадком жизненной активности. Как правило, человек сам себя идентифицирует как пожилого. Не существует чётких возрастных рамок наступления пожилого возраста. Они определяются самим человеком. Но вообще, например, в 70 лет вполне можно говорить о наступлении пожилого возраста. Плодотворная и радостная старость связана с принятием своего жизненного пути. Если человек не принимает такой неизбежный ход событий, его ожидает кризис пожилого возраста.

Пожилой возраст характеризуется изменением жизни во всех её сферах:

- люди перестают работать – уходят на пенсию;
- они перестают быть начальниками;
- они перестают быть детьми – хоронят своих родителей;
- они перестают быть родителями – их дети встают на ноги и заводят собственные семьи;
- они теряют свои физические кондиции – это тоже трудно принять в себе;
- они меняют свою сексуальную жизнь;
- они перестают путешествовать – нет сил и желания;
- они смиряются с неизбежностью и близостью смерти.

Что можно сказать об изменениях в личности старого человека? Что можно отнести к типичным проявлениям? Чаще всего называются негативные, отрицательные характеристики, из которых мог бы получиться вот такой психологический «портрет» старого человека: снижение самооценки, неуверенность в себе, недовольство собой; опасение одиночества, беспомощности, обнищания, смерти; угрюмость, раздражительность, пессимизм; снижение интереса к новому – отсюда брюзжание, ворчливость; замыкание интересов на себе – эгоистичность, эгоцентричность, повышенное

внимание к своему телу; неуверенность в завтрашнем дне – все это делает стариков мелочными, скупыми, свехосторожными, педантичными, консервативными, малоинициативными.

Самооценка является важнейшим личностным показателем, имеющим многофакторный характер, социально обусловленный и неодинаково выраженный у разных людей. Самооценка – это то, что индивид значит сам для себя, это ценностный, а не когнитивный показатель. В жизни каждого человека большую роль играет, как он сам себя оценивает (самооценка, Я-концепция).

Очевидно, что люди пожилого возраста вынуждены приспосабливаться не только к изменениям социальной ситуации, но и реагировать на изменения в самих себе. В этой связи возникает вопрос: как пожилой и старый человек оценивает себя и свое существование в свете новых обстоятельств, в которых он оказался, и те изменения, которые он наблюдает у себя, т.е. вопрос о самооценке в позднем возрасте как важнейшем регуляторе поведения. Все элементы самооценки с возрастом снижаются.

Существенными факторами, влияющими на содержание самооценки в позднем возрасте, являются: сфера социальных контактов, общение и его стиль, отношения с людьми, труд и профессиональные занятия, здоровье и личностные качества. При этом прошлое включается в процесс актуального самовосприятия, т.е. люди позднего возраста, оценивая себя, ориентируются в континууме «я был – я есть». В сущности, эти темы являются сквозными для всего жизненного цикла человека, но у пожилых людей некоторые из них особо акцентируются, например соматический статус. Самооценка находится в тесной зависимости от занятости, состояния здоровья и эмоционального тонуса старых людей.

Целью данного исследования являлось изучение влияния социально-психологических факторов на самочувствие и самоотношение людей пожилого возраста и их активное долголетие. Процедура исследования осуществлялась на протяжении года на базе пансионатов, социально-реабилитационных отделений для лиц пожилого возраста и клубов по интересам в Самарской области и включала в себя ряд последовательно реализуемых этапов:

1. Определение социально-психологических факторов, способных оказывать влияние на самочувствие и самоотношение людей пожилого возраста;
2. Подбор методов психологической диагностики самочувствия и самоотношения лиц пожилого возраста;
3. Составление репрезентативной выборки исследования;
4. Проведение экспериментального исследования и анализ полученных результатов.

В качестве социально-психологических факторов были взяты возраст, социальный статус, образование, семейное положение, социальные группы. Выборка, состоящая из 1 536 лиц пожилого возраста, включала: представителей обоих полов, различного социального статуса (инвалиды, ветераны, пенсионеры), образовательного уровня (от начального до высшего), семейного положения (в браке, разведены, вдовцы, одинокие). Все обследуемые входили в одну из трех социальных групп: клиенты социально-реабилитационных отделений, подопечные пансионатов, члены клубов общения и групп взаимоподдержки.

Методика диагностики типа характера К.Г. Юнга была использована нами для определения преобладающих черт характера людей пожилого возраста. Этот показатель является важным, поскольку именно особенности характера во многом определяют стили взаимодействия в социальной группе, а также изначальное желание стать членом какой-либо группы. Методика показала, что подавляющее большинство обследованных является амбивертами, т.е. сочетают в себе качества экстра- и интровертов в сглаженной форме. Проведенный далее статистический анализ данных обнаружил наличие корреляции между социальными группами и сдвигом черт личности в сторону экстра- или интроверсии.

Так, в группе клиентов социально-реабилитационных отделений преобладают пожилые люди со сдвигом в сторону интровертированных качеств характера, а в группе посетителей клубов по интересам – экстравертированных. Видимо именно такие черты характера, как жажда новых переживаний, стремление к общению, импульсивность приводят пожилых людей в клубы общения, тогда как в социально-реабилитационные отделения или пансионаты они попадают в связи с ухудшением состояния здоровья и психоэмоциональными переживаниями.

Т а б л и ц а 1

Результаты исследования самооценки по методике Дембо-Рубинштейн

Шкалы	Группа А			Группа В			Группа С		
	Низк.	Выс.	Адекв.	Низк.	Выс.	Адекв.	Низк.	Выс.	Адекв.
Здоровье	26.4%	4.8%	78%	27.3%	5.2%	65%	9.1%	7.8%	87.1%
Ум	25.2%	13.2%	58.8%	20.8%	31.2%	45.5%	3.9%	22.1%	78%
Характер	14.4%	13.2%	69.6%	10.4%	33.8%	53.3%	2.6%	14.3%	87.1%
Счастье	19.2%	13.2%	64.8%	24.7%	15.6%	57.2%	7.8%	26%	70.2%
Общ. показ.	26.4%	1.2%	69.6%	18.2%	6.5%	72.8%	6.5%	2.6%	94.9%

В таблице 1 показано, что при оценке результатов методики самооценки Дембо-Рубинштейн обследуемыми были получены низкие, адекватные и высокие значения.

По шкале здоровья оценили свое состояние здоровья ниже среднего 26.4% пенсионеров группы А, 27.3% – обследуемых группы В и 9.1% пожилых людей группы С. Завышенные показатели характерны соответственно для 4.8%, 5.2% и 7.8%. Соответственно, больше пенсионеров групп А и В чувствует себя по субъективным оценкам более нездоровыми, чем в группе С.

По шкале ума оценили свои умственные способности ниже среднего 25.2% пенсионеров группы А, 20.8% – обследуемых группы В и 3.9% пожилых людей группы С. Завышенные показатели характерны соответственно для 13.2%, 31.2% и 22.1%. Как и по предыдущей шкале, в группах А и В большее количество обследуемых оценивает свои способности как низкие, чем в группе С.

По шкале характера низкие результаты свойственны 14.4% пенсионеров группы А, 10.4% – обследуемых группы В и 2.6% пожилых людей группы С. Завышенные показатели характерны соответственно для 13.2%, 33.8% и 14.3%. По данной шкале заметно большее число завышенных результатов приходится на группу В, обследуемые которой считают свой характер очень хорошим.

По шкале счастья низкие результаты показали 19.2% пенсионеров группы А, 24.7% – обследуемых группы В и 7.8% пожилых людей группы С. Завышенные показатели характерны соответственно для 13.2%, 15.6% и 26%. Соответственно, больше пенсионеров группы С, чем других групп, чувствует себя более счастливыми.

Т а б л и ц а 2

Результаты методики диагностики самооотношения Р.С. Пантелеева

	Открытость	Самоуверенность	Саморуководство	Отраженное самоотношение	Самоценность	Самопринятие	Самопривязанность	Внутренний конфликт	Самообвинение
Группа А	7,09	5,78	7,16	6,27	6,12	7,00	7,46	6,14	5,62
Группа В	6,16	5,56	7,13	5,53	6,11	6,76	7,16	5,98	5,73
Группа С	7,40	6,92	7,30	6,91	7,09	7,71	7,31	5,96	5,13

Самые высокие показатели первых семи шкал методики выявлены у пожилых людей группы С, посещающих клубы по интересам. У них же отмечены средние показатели двух последних шкал.

Высокий балл по шкале открытости демонстрирует самодовольство – истинное или внешнее, защитное (как стремление скрыть свои слабости, недостатки, мотивация социального одобрения).

Высокий балл по шкале самоуверенности говорит о самоэффективности, вере в способности, реализацию своих мотивов, целей, доминантности, реалистичности, представление о себе как самостоятельном, волевом, энергичном, надежном человеке, которому есть за что себя уважать.

Высокий балл по шкале саморуководства свидетельствует, что человек считает себя способным управлять своим поведением. Выражено представление о себе как об основном источнике активности, направленной на достижение результатов той или иной деятельности, переживание собственного Я как внутреннего стержня, интегрирующего и организующего личность и ее проявления.

Высокие показатели по шкале отраженного самоотношения показывают уверенность человека в том, что люди хорошо его воспринимают, что собственная личность, характер и деятельность способны вызвать в других людях уважение, симпатию, одобрение и понимание.

Анализ самочувствия, активности и настроения показал, что по шкале активности показатели подопечных пансионата выше, чем показатели пенсионеров других групп. Показатели самочувствия и настроения пенсионеров, посещающих клубы по интересам, значимо выше самочувствия и настроения обследуемых других групп. Кроме того, была обнаружена зависимость самочувствия и настроения от возраста пожилых людей: с увеличением возраста эти показатели снижались. Снижение показателя активности было выражено у инвалидов, лиц с высшим и средним специальным образованием и тех, кто имеет устойчивые интересы и увлечения. В случае с инвалидами эта зависимость вполне очевидна (их активность ограничена возможностями организма), объяснить влияния на активность образования и интересов затруднительно, но, предположим, что сказывается профессиональная усталость.

Изучение параметров самооценки показало, что если состояние здоровья примерно одинаково оценивается всеми членами выборки, умственные способности, характер и счастье субъективно выше оценивают посетители клубов по интересам, что может быть связано как с преобладанием у них экстравертированных черт характера, так и устойчивых увлечений и интересов, стимулирующих жизненную активность и удовлетворенность собой. Снижение положительной оценки своих умственных способностей отмечается с увеличением возраста, а также у лиц, находящихся на инвалидности.

Изучение параметров самоотношения показало, что большинство показателей значимо выше у пенсионеров, посещающих клубы по интересам, что может быть связано с преобладанием у них экстравертированных черт характера. Им свойственна большая самоуверенность, самооценочность,

самопринятие и ожидание положительного отношения со стороны окружающих. У пожилых людей, состоящих в браке, выше показатели уверенности в себе и отраженного самоотношения, что, вероятнее всего, связано с наличием близких межличностных отношений, ощущением группы поддержки. Многие пенсионеры, не имеющие супругов, но живущие в семьях своих детей, не демонстрируют аналогичных качеств самоотношения, что может являться следствием их неудовлетворенности внутрисемейными отношениями. Также было выявлено, что уверенность в себе снижается с увеличением возраста пожилого человека.

Анализ влияния интересов и увлечений на самочувствие и самоотношение пожилых людей показал, что пенсионеры, имеющие постоянные интересы, субъективно оценивают свое самочувствие и настроение как более высокое, демонстрируют удовлетворенность собой, уверенность в своих силах, более уверены в положительном отношении к ним окружающих, бесконфликтно принимают себя, несмотря на возможные недостатки, имеют повышенную рефлекссию, осознают свои трудности. При этом субъективно они оценивают уровень своей активности ниже, чем пожилые люди, не имеющие постоянных увлечений.

Список литературы

1. Александрова М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л., 1974. 136 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1988.
3. Аленикова С.М. Методика оценки нуждаемости граждан в социальном обслуживании на дому // Социальное обслуживание, 2004, № 1. С. 6-17.
4. Алтунина И.Р. Мотивы и мотивация социального поведения. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 144 с.
5. Альперович В. Проблемы старения: Демография, психология, социология / В. Альперович. М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004. 352 с.
6. Арефьева Т.К. Социальные проблемы пожилых людей в современном обществе // Пожилые люди. Взгляд в XXI век / Под ред. З.Х. Саралиевой Н. Новгород, 2000.
7. Бондаренко И.Н. Доступ граждан пожилого возраста к социальным услугам: правовой, социально-экономический и нравственные аспекты // Отечественный журнал социальной работы. 2003, № 3. С. 39-48.
8. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение: Пер. с франц. М., 2006. 349 с.
9. Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Социальная геронтология. М.: ИНФРА, 2004. 157 с.

10. Козлова Т.З. Здоровье пенсионеров: самооценка / Татьяна Козлова. // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 89-94.
11. Краснова О.В., Лидере А.Г. Социальная психология старости. М.: Академия, 2002. 288 с.
12. Литвинова И.А. Методология повторного исследования качества и образа жизни социальной группы пожилых людей // Российский журнал социальной работы, 2000. № 9-10. С. 56-59.
13. Максимова С.Г. Особенности функционирования и развития социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста (региональный аспект) // Социальное обслуживание, М., 2008 № 2.
14. Социальная работа: теория и практика. Учебное пособие. Под редакцией Холостовой Е.И., Сорвиной А.С. М.: Инфра-М, 2001. 427 с.
15. Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми: Учебное пособие / Евдокия Холостова. М.: ИТК «Дашков и К», 2002. 296 с.
16. Щукина Н.П. Самопомощь и взаимопомощь в работе с пожилыми людьми. М.: СТИ МГУС, 2000. 242 с.

**ВНУТРЕННЯЯ КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА**
**INTERNAL CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AS A FACTOR
OF HUMAN DEVELOPMENT**

А.В. Рушева
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Rusheva
Lobachevsky University

Актуализируется важная проблема современного российского менеджмента – формирование и развитие человеческого потенциала организации. Эффективным решением данного вопроса считается реализация мер концепции внутренней корпоративной социальной ответственности. В тексте определены некоторые особенности, мотивы и примеры практики осуществления КСО в России, обозначены значимые нерешенные проблемы управления, тормозящие развитие человеческих ресурсов как ключевого фактора организационной эффективности.

The submission actualizarea important problem of modern Russian management – the formation and development of the human potential of the organization. An effective solution to this issue is the implementation of the concept of internal corporate social responsibility. In the text identifies some of the characteristics, motives and examples of implementation practices of CSR in Russia, marked significant unresolved governance problems, hindering the development of human resources as a key factor in organisational effectiveness.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, человеческий потенциал, социально ориентированная деятельность, условия труда, менеджмент, сотрудники, развитие, инвестиции, экономическая эффективность

Keywords: corporate social responsibility, human potential, social-oriented activity, working conditions, management, staff development, investments, economic efficiency

Актуальность вопросов развития человеческого потенциала, оценки ресурсности, накопления и рационального использования человеческого капитала в условиях рыночных отношений не вызывает сомнения. Но способы решения данных проблем менеджерам не всегда понятны и реальны в современных российских условиях.

Используя понятие «человеческий потенциал», обычно предполагается свойство (свойства) человека, группы, общества, которое в определенных обстоятельствах помогает решать актуальные задачи. Теоретические основы изучения человеческого потенциала были заложены У. Джемсом, Я. Морено и А. Маслоу. Ученых, которые обращались к изучению человеческого потенциала, объединяла убежденность в том, что люди обычно используют лишь его незначительную часть. В основе исследований сторонников этой идеи лежало стремление достичь его максимальной реализации. Так возникло движение за человеческий потенциал (Human Potential Movement), которое в США выразилось в создании в 1960-1970-е гг. центров роста (the growth center), где на платной основе практиковались различные методы активизации «пиковых переживаний» и «жизненных сил» (Life forces), что должно было находить выражение в позитивном творчестве. Однако в конце 1970-х гг. это движение пошло на спад, а его сторонников резко критиковали за некорректность и недостаточную обоснованность практической деятельности по мобилизации, раскрытию человеческого потенциала [1].

Перспективным подходом к формированию и рациональному использованию человеческого потенциала в современной практике управления является реализация концепции социальной ответственности. Согласно определению, данному в Международном стандарте Международной организации по стандартизации, «социальная ответственность – это ответственность организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этичное поведение, которое содействует устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества; учитывает ожидания заинтересованных сторон; соответствует

применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения; введено во всей организации» [2].

Заметим, что отечественная корпоративная социальная ответственность имеет некоторые особенности, главная из которых – фрагментарность, проявляющаяся, как правило, в виде реакции менеджмента компании на необходимость решения острых социальных проблем. Так, многие формы КСО в России развиваются под давлением государства, например, размер и своевременность выплаты заработной платы, субсидирование обучения работников в вузах, контроль за безопасностью производства и др. Выработанные навыки реализации принципов социальной ответственности во многом обусловлены сложившейся в постперестроечное время ситуацией сильной социальной поляризации и дифференциации, слабости гражданского общества, разочарования в способности государства выполнять свои функции. Заметной характеристикой 90-х гг. XX в. явилось снятие с большинства предприятий и иных хозяйствующих субъектов практически всей «социальной нагрузки».

По мере стабилизации экономики РФ крупный российский бизнес стал проявлять интерес к вопросам этики и социальной ответственности. Основанные на опыте развитых стран, в российских деловых кругах начали разрабатываться общие правила поведения для предпринимателей. Были созданы и внедрены профессиональные этические кодексы.

Одним из важнейших документов, распространяющимся на тысячи крупнейших российских компаний, является «Хартия бизнеса в России», принятая по инициативе Российского союза промышленников и предпринимателей (далее РСПП) в ноябре 1995 г., а позже в 2004 г. утверждена «Социальная хартия российского бизнеса». В данных документах прописана общественная роль, миссия, ценности и цели корпоративного сектора, провозглашены принципы, исключающие обман, фальсификацию качества, возможность получения незаконных доходов.

В настоящее время принципы корпоративной социальной ответственности (далее КСО) закрепились в политике крупнейших предприятий, которые осознают значимость социально ориентированной деятельности и уверены, что она способствует запланированному экономическому эффекту.

В практике корпоративного управления КСО условно принято делить на:

- внутреннюю, т.е. ответственность организации в сфере трудовых и социально-трудовых отношений и реализуемую с помощью инвестиций, направленных внутрь организации;

- внешнюю, предполагающую спонсорство и благотворительность; участие в экологических программах; взаимодействие с местным сообществом;

готовность участвовать в трудных кризисных ситуациях; выпуск качественной продукции.

Очевидно, что первостепенную и непосредственную роль в решении социально-значимых задач и формировании человеческого потенциала конкретной организации следует отвести ключевым элементам внутренней КСО. Наиболее распространёнными ее мерами являются: создание безопасных условий труда, стабильность заработной платы и поддержание её социальной значимости; медицинское и социальное страхование сотрудников; обеспечение возможностей для профессионального и личностного развития персонала.

Несмотря на кажущуюся добровольность несения КСО, любое предприятие, являясь формальной и официально зарегистрированной единицей, должно вести свою деятельность в рамках действующего законодательства. Поэтому все социально ориентированные внутренние направления корпоративной деятельности целесообразно разделить на обязательные и добровольные. Надзор за соблюдением обязательных мер, как правило, «ложится на плечи» государства, в то время как дополнительные – добровольные виды корпоративной заботы – нужные и востребованные сотрудниками и их семьями, но реже встречающиеся в практике управления, являются благом, предоставляемым руководством организации, и потому могут контролироваться и оцениваться лишь им самим и персоналом.

Другими примерами вклада в развитие человеческого потенциала предприятия является организация мероприятий, направленных на:

- поддержание психофизиологического здоровья сотрудников, их социальную защиту;
- контроль за отсутствием дискриминации при найме на работу, в оплате труда, карьерном продвижении;
- содействие в разрешении трудных жизненных ситуаций;
- трудовую самореализацию уязвимых групп;
- гибкую систему занятости и отпусков;
- уважение семейных обязанностей работников.

Экономический эффект от заботы о людях как о «живых машинах» и конструктивные последствия инвестиций в человеческие ресурсы/капитал были замечены как на первых этапах становления научного менеджмента, так подтверждаются и более современными теориями (например, согласно учениям Р. Оучи, Г. Беккера, Т. Стюарта). Очевидно, что осуществляя социально ориентированную политику в отношении своих сотрудников, организация получает существенные «дивиденды», укрепляющие её положение и повышающие конкурентоспособность. Исходя из основного положения концепции HR-менеджмента, руководитель, который изучает, раскрывает возможности работников, прикладывает определённые усилия по их реализации (осуществляя необходимые мероприятия и финансовые вложения), направляет энергию персонала «в нужное (организационное) русло», –

одновременно решает множество важных управленческих задач, причём не только текущих, но и рассчитанных на перспективу [3]. Следовательно, можно выделить мотивы соблюдения принципов корпоративной социальной ответственности, среди которых:

- увеличение производительности труда сотрудников организации;
- снижение текучести кадров и привлечение высококвалифицированного персонала;
- возрастание роли «нематериальных активов», включающих репутацию, социальный капитал, бренд компании;
- повышение стабильности организации и перспективы ее развития в регионе;
- льготы налогового законодательства и др.

В целом российский бизнес проявляет существенную социальную активность по отношению к персоналу, но не особенно афиширует ее. Такая информационная закрытость возможно связана с нежеланием попасть под пристальное внимание налоговых органов (дополнительная налоговая проверка) и местных властей (например, убедительная просьба принять участие в региональных благотворительных акциях). В дополнительной рекламе для привлечения лучших специалистов на рынке труда социально активные компании обычно не нуждаются, так как к ним и так выстраивается очередь из потенциальных претендентов на вакансию [4].

Актуальность и востребованность системы КСО доказывают инициированные и проводимые (как государством, так и самими компаниями) мероприятия. Например, Торгово-промышленная палата РФ выпускает ежегодный сборник «Социально-ответственный бизнес в России — опыт лучших компаний», Правительство РФ с 2000 г. проводит ежегодный Всероссийский конкурс «Российская организация высокой социальной ответственности», Российский союз промышленников и предпринимателей создает свои рейтинги наиболее ответственных корпораций.

К вышеизложенному следует добавить еще несколько важных направлений/проблем в реализации КСО в России, требующих своего решения:

- Обеспечение прозрачности в принятии решений о социальной поддержке персонала;
- Снижение уровня дифференциации социальных льгот между разными категориями работников (особенно между топ-менеджерами и рядовыми сотрудниками);
- Совершенствование и развитие таких актуальных в рыночных условиях деятельности направлений КСО, как условия трудовой деятельности

персонала и гуманизация труда, предполагающая раскрытие творческих способностей работников;

- Повышение капитализации российских компаний, выделение средств на социальные программы, обеспечение возможности создания в них социального бюджета, рассчитанного на реализацию собственных социальных программ;

- Распространение принципов КСО не только в коммерческие структуры, но и внедрение их на государственных, муниципальных предприятиях и учреждениях.

Список литературы

1. Иванов О.И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // СОЦИС. 2014. № 6. С. 89-95.

2. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности ISO 26000:2010 [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://allgosts.ru/03/100/gost_r_iso_26000-2012 (дата обращения 27.09.2017)

3. Рушева А.В. Формирование профессиональной мотивации у студентов, обучающихся по направлению «Социальная работа» // Отечественный журнал социальной работы. М., Издательство «Социальное обслуживание», 2017. № 3. С. 124-131.

4. Бакша Н.В., Данилюк А.А. Корпоративная социальная ответственность: учебное пособие. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2012. 274 с.

ЛОКАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРАХИ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ ИВАНОВСКОГО РЕГИОНА¹ **LOCAL AND GLOBAL FEARS AS A STRUCTURAL COMPONENT IN THE YOUTH CONSCIOUSNESS OF IVANOV O REGION**

И.Н. Смирнова
Ивановский государственный университет
I.N. Smirnova
Ivanovo State University

На основе авторского исследования анализируется веер глобальных и локальных страхов молодежи Ивановского региона. Делается вывод о катастрофичности сознания студентов, о доминировании глокальных

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

характеристик в молодежном сознании, определяемых локальными проблемами.

Based on the author's research, the fan of global and local fears of the youth of Ivanovo region is analyzed. A conclusion is made about the catastrophic nature of students' consciousness, the dominance of glocal characteristics in the youth consciousness, determined by local problems.

Ключевые слова: сознание молодежи, общество риска, глобальные страхи, локальные страхи, социальный капитал региона

Keywords: youth consciousness, risk society, global fears, local fears, social capital of the region

В условиях «надломленной» социальной реальности с новой силой актуализируется проблема исследования влияния рискогенных социальных процессов на сознание человека. Современная социальная организация российского общества характеризуется неопределенностью и нестабильностью. Ученые разных научных направлений отмечают, что переходное состояние общества всегда сопровождается тяжелыми катаклизмами сознания, его кризисом [1; 2]. Ключевыми понятиями для понимания сущности кризисного сознания являются опасности и страхи.

Согласно У. Беку, в основе возникновения «общества риска» лежит процесс глобализации, который способствует распространению и, соответственно, «переживанию», «осознаванию» различных рисков [3]. Ученый выделяет две основных разновидности рисков: die Furcht (страх внутренних опасностей) и die Angst (страх внешних опасностей). Страх внутренних опасностей – это страх свободы и самостоятельности, страх выбора собственной жизни. Страх внешних опасностей – это страх глобальных, не воспринимаемых непосредственно органами чувств, опасностей. Данный страх зависит от информации о наличии или отсутствии опасностей, т.е. находится под контролем знания.

В данном исследовании мы обратимся к специфике проявления страхов в сознании студенческой молодежи – наиболее мобильной и дифференцированной социальной группы. Эмпирическим объектом исследования выступили студенты классического университета 1 и 4 курсов (n=500). Исследование, проведенное в ноябре – декабре 2015 г. (тревожная волна) и в мае – июне 2016 г. (спокойная волна), показало, что 56% студентов испытывают чувство страха время от времени, 6% пребывают в нем постоянно. Данные «тревожной волны» фиксируют преобладание у каждого третьего опрошенного состояния беспокойства и неуверенности в будущем. В «спокойную волну» доля таковых снижается до 20%, а преобладающим

настроением становится уверенность в будущем, спокойствие (25.3%), отмечается эмоциональный подъем, оптимизм (21.3%) – настроения, более характерные для молодежи как социально-демографической группы.

Социальное настроение респондентов непосредственно коррелирует с веером социальных страхов. Анализируя интенсивность возникновения социальных страхов, отметим, что в тревожное время они проявляются сильнее: на их наличие (постоянное и временное) указало 62,4% респондентов. В спокойное время доля студентов, испытывающих страх постоянно и время от времени, снизилась до 49%.

Т а б л и ц а 1

Веер глобальных и локальных страхов студентов в тревожное время
(ноябрь 2015), в % (N=210)

Веер социальных страхов	полностью уверены, что это случится (случилось)	думают, что это может случиться	думают, что это не случится	полностью уверены, что не случится
Стихийные бедствия в России	11.5	45.9	30.6	12
Террористические акты в стране	43.3	50.5	5.2	1.0
Распространение алкоголизма и наркомании в обществе	68.6	25.7	5.7	–
Криминализация общества	38.1	43.8	18.1	–
Коррупция и беззаконие в стране	72.8	23.3	3.9	–
Беспорядки, конфликты внутри страны	31.0	50.0	18.1	1.0
Усиление последствий мирового экономического кризиса	56.9	39.2	3.8	–
Военные действия с участием нашей страны	52.4	34.3	11.4	1.9
Утрата традиций и веры	19.5	31.9	35.7	12.9
Бездуховность общества	16.6	37.0	34.8	11.6
Конец света	2.9	10.5	23.9	62.2
Экологические катастрофы	17.7	56.9	19.1	6.2
Санкции со стороны других стран	82.9	12.4	3.3	1.4
Потоки беженцев из зон военных действий	65.6	24.4	8.6	1.4
Ухудшение экономической ситуации в регионе	44.5	37.3	17.7	0.5
Ухудшение экологической обстановки в регионе	25.4	44.5	24.4	5.7
Конфликты в семье	9.7	14.0	38.6	37.7
Снижение доходов	13.6	44.7	34.5	7.3
Проблемы со здоровьем	12.6	41.7	37.9	7.8

Анализируя конкретные социальные страхи, отметим их устойчивость в тревожное и спокойное время. В сознании студентов преобладают глобальные страхи (расположены в верхней части таблиц 1 и 2). Локальное переживание рисков чаще находится в плоскости опасностей или не рефлексивируется вообще.

Среди *глобальных страхов* наиболее выражены экономические страхи: 83% студентов боятся санкций со стороны других стран, 73% – коррупции и беззакония в стране (в спокойное время доля таковых составила 64% и 60% соответственно). Более половины студентов опасаются распространения социальных болезней – алкоголизма и наркомании (67%).

Т а б л и ц а 2

Веер глобальных и локальных страхов студентов в спокойное время
(май 2016), в % (N=225)

Веер социальных страхов	полностью уверены, что это случится (случилось)	думают, что это может случиться	думают, что это не случится	полностью уверены, что не случится
Стихийные бедствия в России	8.3	40.7	36.1	14.8
Террористические акты в стране	21.3	59.7	16.2	2.8
Распространение алкоголизма и наркомании в обществе	63.1	27.7	5.8	3.4
Криминализация общества	29.7	41.6	28.7	-
Коррупция и беззаконие	60.0	27.6	12.4	-
Беспорядки, конфликты внутри страны	22.6	42.9	32.5	1.9
Усиление последствий мирового экономического кризиса	49.5	40.3	9.7	0.5
Военные действия с участием нашей страны	27.3	49.1	19.9	3.7
Утрата традиций и веры	12.9	32.4	40.0	14.8
Бездуховность общества	15.8	34.2	38.6	11.4
Конец света	6.2	10.4	17.5	65.9
Экологические катастрофы	14.2	47.6	33.5	4.7
Санкции со стороны других стран	64.0	22.3	10.4	3.3
Потоки беженцев из зон военных действий	40.4	40.4	12.2	7.0
Ухудшение экономической ситуации в регионе	35.2	48.1	15.7	0.9
Ухудшение экологической обстановки в регионе	35.2	48.1	15.7	0.9
Конфликты в семье	6.7	12.0	34.0	47.4
Снижение доходов	14.7	39.3	37.4	8.5
Проблемы со здоровьем	10.0	42.2	35.1	12.8

Локальные страхи касаются ухудшения экономической и экологической ситуации в регионе, снижения личных доходов и возникновения проблем со

здоровьем в приватной сфере. При этом студенты полагают, что России не угрожает утрата традиций и веры и не опасаются конца света.

В случае наступления рискогенных ситуаций большинство (52%) студентов готовы сами предпринять какие-либо действия, чтобы снизить опасность, 17% будут ожидать помощи от государства, 11% займут выжидательную позицию.

«Локальный» срез сознания студенческой молодежи достаточно катастрофичен. Фиксируется своеобразная угроза локальности, которая проявляется в миграционных настроениях молодежи, в отсутствии связи со средой обитания, в низком интересе к знаковым региональным событиям. Совершенно очевидно, что в таких условиях студенческая молодежь перестает быть социальным капиталом, от которого зависит развитие региона в будущем.

Список литературы

1. Александров В.Б. Катастрофизация общественного сознания: современная ситуация и общественная культурная традиция // Управленческое консультирование. 2013. №3 (51). С. 77-86.

2. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 346 с.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) RELATIONSHIP OF MENTAL HEALTH AND WELLBEING OF THE POPULATION OF SUBJECTIVE REGION (FOR EXAMPLE VOLOGDA REGION)

Е.О. Смолева

*Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук, г. Вологда*

Е.О. Smoleva

*Institute of socio-economic development of territories
of the Russian Academy of Sciences, Vologda*

Рассматриваются взаимосвязь психического здоровья и субъективного благополучия населения региона на основании данных государственной статистики и мониторингов ИСЭРТ РАН о состоянии психического здоровья и

субъективном благополучии. Выявлены корреляционные связи уровня счастья с показателями физического и психического здоровья.

The article deals with the relationship of mental health and subjective well-being of the population of the region on the basis of national statistics and monitoring ISEDT RAS on the state of mental health and subjective well-being. Revealed correlations with indicators of the level of happiness of the physical and mental health.

Ключевые слова: психическое здоровье, субъективное благополучие, счастье, удовлетворенность жизнью, депрессия, тревога, невроз

Keywords: mental health, subjective well-being, happiness, life satisfaction, depression, anxiety, neurosis

Социально-экономические и общественно-политические изменения, происходящие в России в конце XX – начале XXI вв., повлекли за собой ухудшение психического здоровья и возникновение ощущений субъективного неблагополучия [1]. В 90-х гг. снизились основные показатели общественного психического здоровья россиян. По данным Министерства здравоохранения РФ, наиболее резко (на 35%) увеличилась заболеваемость непсихотическими формами расстройств, которые в наибольшей степени связаны с социальными причинами [2; 3]. Ю.А. Александровский выделяет наиболее распространенные варианты расстройств: чрезмерная тревожность, астенические или депрессивные расстройства, сопровождающие апатию и отчужденность; аффективная неустойчивость; направленная вовне агрессия [4, с. 102].

Ухудшение социально-экономического положения отражается и на качестве жизни, проявляясь в снижении его субъективных оценок. В настоящее время различными международными организациями проводятся межстрановые сравнения уровня счастья. В 2015 г. во Всемирном индексе счастья (World Happiness Index) Россия занимала 64-е место с коэффициентом 5,716 рядом с Хорватией, Ливией, Ямайкой и Кипром. По опросам Международной ассоциации независимых исследовательских агентств Gallup International в том же году, Россия находится на 30-ом месте.

Методики: массовый социологический опрос населения Вологодской области (1500 респондентов в возрасте старше 18 лет, ошибка выборки не превышает 3%). Методики: госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS, экспресс-диагностика невроза К. Хека и Х. Хесса, Оксфордский опросник счастья, вопрос «Оцените, пожалуйста, насколько Вы счастливы?» (ИСЭРТ РАН).

По данным Федеральной службы государственной статистики, динамика заболеваемости психическими расстройствами в Российской Федерации и на территории Вологодской области имеет тенденцию снижения. Однако в

психологическом состоянии современного российского общества существуют проблемы, которые начинают проявлять себя на латентном уровне. Сколько же людей находятся сейчас в пограничных состояниях? Как показали результаты исследования ИСЭРТ РАН, удельный вес жителей области, у которых отмечаются симптомы тревоги, депрессии, невроза, остается достаточно значительным: по данным мониторинга 2015 г., у каждого четвертого отмечаются признаки тревоги или депрессии, у 12% населения – симптомы невроза. Признаки психопатологии чаще всего проявляют следующие категории населения: мужчины старше 60 лет (46%), женщины старше 55 лет (43%); жители области, состоящие в зарегистрированном браке, но проживающие раздельно (64%); люди без образования (50%) или с неполным средним образованием (42%); люди, относящие себя к «бедным» (42%) и «нищим» слоям населения (49%); люди с низкой покупательной способностью доходов (73%); пенсионеры (51%), инвалиды (75%), безработные (48%).

Ощущение счастья на территории Вологодской области испытывает подавляющее большинство населения (около 70%). Доля счастливых людей среди населения Вологодской области несколько ниже, чем по России в целом. По данным ВЦИОМ, индекс счастья РФ в марте 2015 г. достиг 64 п., ощущали себя счастливыми 80% россиян [5]; в Вологодской области их доля меньше (67%). В области счастливыми ощущают себя те, у кого все благополучно в семье (56%), радуют дети и внуки (34%), есть любимый человек (30%). Также каждый четвертый (28%) испытывает ощущение радости просто от того, что живет; есть здоровье и здоровы близкие (25%). Почувствовать себя счастливыми жителям Вологодской области мешает рост цен (44%), низкий уровень доходов (34%), болезни и старость (25%), сложные жизненные обстоятельства (22%) и тревожная ситуация в стране (17%).

В научной литературе часто поднимаются вопросы взаимосвязи между ощущением счастья и показателями здоровья. Оценка собственного здоровья и здоровья близких людей занимает первые места в рейтинге причин счастья или его отсутствия [6, с. 114].

По данным ИСЭРТ РАН, счастливые люди в 2,5 раза чаще отмечают, что удовлетворены состоянием собственного здоровья (68% против 26% чувствующих себя несчастливыми) и здоровья своих близких (62 и 23% соответственно). Каждый второй счастливый человек оценивает состояние своего здоровья как очень хорошее или довольно хорошее. Среди субъективно неблагополучных людей только каждый шестой дает высокую оценку собственного здоровья, а каждый третий оценивает здоровье как плохое и даже очень плохое (в противовес 5% среди счастливых людей).

Субъективные ощущения подтверждаются данными о наличии у респондентов негативных психических состояний. В соответствии с госпитальной шкалой тревоги и депрессии HADS, среди счастливых людей здоровых практически в 3 раза больше, чем лиц с признаками тревоги, депрессии или невроза (75 и 25% соответственно). Среди недовольных собственной жизнью в 2 раза больше лиц с признаками тревоги, депрессии или невроза, чем здоровых людей (69 и 31% соответственно). У каждого второго из субъективно неблагополучных людей присутствуют признаки субклинически выраженной тревоги (48%) или депрессии (47%); у каждого четвертого (28%) – признаки невротического расстройства (по экспресс-диагностике невроза К. Хека и Х. Хесса). Данные, полученные ИСЭРТ РАН, согласуются с результатами исследований, показывающих наличие сильной отрицательной взаимосвязи между показателями счастья и депрессии [7, с. 257; 8, с. 71].

Насколько различаются оценки удовлетворенности жизнью людей с хорошим субъективным самочувствием и людей, испытывающих симптомы различных психических расстройств: тревоги, депрессии, невроза?

Жители области, у которых были отмечены признаки негативных психических состояний, значительно чаще высказывали недовольство своими жизненными условиями. В 2015 г. данный вывод относился к основным условиям жизни: материальному положению (в 1,8 раза недовольных больше, чем среди жителей без симптомов психических расстройств), жилищно-бытовыми условиями (1,9 раза), а также уровнем своего образования (2,2 раза) и обстановкой в обществе (1,5 раза). Жители области, имеющие симптомы психического расстройства, в 2,7 раза чаще не удовлетворены в целом своим образом жизни. Как следствие, в этой группе респондентов значительно ниже показатель социального запаса терпения: 28% считают, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», в то время как среди остальных жителей доля разделяющих это мнение составляет всего 4%.

Какая связь между уровнем счастья и психическим здоровьем? Уровень счастья наиболее тесно связан (при $p \leq 0,05$) с ощущениями бодрости ($r=0,534$), чувством удовлетворения от занятий и увлечений ($r=0,473$). Напротив, отрицательная связь выявлена между уровнем счастья и характеристиками, отражающими напряженность психического состояния: с чувством внутреннего напряжения ($r=-0,435$), страха ($r=-0,372$), беспокойства ($r=-0,421$).

Таким образом, для России сохраняется в настоящее время актуальность проблемы психического здоровья общества. В процессе социально-экономических преобразований российского общества, учащения стрессовых ситуаций, усложнения межличностных взаимодействий достаточно велико число людей, которые не смогли адаптироваться ко всем этим изменениям. И

результатом такой ситуации является высокий уровень проявления признаков психических заболеваний у населения. Субъективное благополучие связано с показателями физического и психического здоровья. Люди, живущие в условиях психологического дискомфорта, чаще не удовлетворены социальными условиями, при этом они не склонны предпринимать какие-либо реальные шаги по изменению ситуации, создавая, таким образом, основу для социального напряжения. Все это обуславливает необходимость мониторинга, который позволит отследить динамику общественного психического здоровья.

Список литературы

1. Юревич А.В. Психологическое состояние современного российского общества: новые оценки // Вопросы психологии. 2015. №2. С. 32-45.
2. Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Психическое здоровье россиян // Человек. 2002. №6. С. 21-31.
3. Римашевская Н.М. Русский крест // Природа. 1999. № 6. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/> (дата обращения: 23.07.2017).
4. Александровский Ю.А. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 99-104.
5. Счастье – есть!: аналитические материалы (2015) // ВЦИОМ [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115232> (дата обращения: 23.07.2017).
6. Смолева Е.О. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога. Вологда: ИСЭРТ РАН. 2016. 164 с.
7. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер. 2003. 271 с.
8. Козырева П.М. Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 66-76.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ В 1940-1990 гг.

HUMAN POTENTIAL USING IN ISRAEL STATE BUILDING AND DEEVELOPMENT IN 1940-1990-S

А.С. Сорокин

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

A.S. Sorokin

Lobachevsky University

Рассматриваются основные способы привлечения человеческого потенциала для решения задач всестороннего развития и обороны государства

Израиль во второй половине XX века. Автор рассматривает основные идеи создателей и первых руководителей еврейского государства.

The article is devoted to basic principles of human potential using to solve Israeli development problems in second half of twentieth century. The author investigates most important ideas of the founders and first prime ministers of Israel.

Ключевые слова: государство Израиль, человеческий потенциал, экономическое развитие, государственное строительство

Keywords: state of Israel, human potential, economic development, state building process

Использование человеческого потенциала всегда было одним из важнейших приоритетов создателей и руководителей Государства Израиль. Само сохранение еврейского народа в диаспоре в различных странах и возрождение его как нации продемонстрировало гигантские возможности использования в целях государственного строительства интеллектуальных и моральных ресурсов. В дальнейшем продуманная и эффективная стратегия работы с населением и иммигрантами стала ключевым фактором успешного развития этой страны.

Как и в большинстве других сфер деятельности, концептуальные основы работы по эффективному использованию человеческого потенциала были разработаны «отцом» Израиля и его первым премьер-министром Давидом Бен-Гурионом [1]. Свои взгляды он неоднократно излагал в выступлениях перед Кнессетом и других своих речах, акцентируя внимание в некоторых случаях на очень неожиданных вопросах. В целом можно заметить, что Д. Бен-Гурион тщательно планировал использование человеческого потенциала во всех сферах развития государства и органично сочетал в своей стратегии идеологическую составляющую с очень прагматичным подходом.

Первой и важнейшей его идеей было принимать в Израиле абсолютно всех евреев независимо от их благосостояния, образования, социального статуса и т.д. Созданное 14 мая 1948 г. Государство Израиль должно было стать домом для всего еврейского народа, и идея «принимать всех» была краеугольным камнем реализации этого принципа. При этом каждому иммигранту в Израиле находилось дело и каждый был важен для государства, так как прагматичный ум премьер-министра знал, как с пользой применить качества каждого гражданина. Для поддержания переселенческого процесса ему постарались придать особый эмоционально окрашенный статус. Был введен отдельный термин – «алия», обозначающий процесс переезда в Израиль не просто как поиск нового места жительства, а как акт возвращения на историческую родину, к своему народу [1].

Второй идеей Д. Бен-Гуриона было расселение вновь прибывающего населения по всей территории Израиля. Для государства это было необходимо в рамках исправления демографического дисбаланса в некоторых районах и в мобилизационных целях. Сам Бен-Гурион открыто признавал в выступлении перед депутатами Кнессета, что такое расселение нужно в чисто военном плане для обороны территории при неблагоприятном развитии военной ситуации – «ни один противник не сможет преодолеть участок между рекой Иордан и Средиземным морем, если он будет покрыт густой сетью поселений» [2].

В то же время организация такого расселения требовала акцентированного использования и даже провоцирования выработки некоторых весьма определенных качеств новых поселенцев. Около трети территории Израиля составляли пустыни и полупустыни, хозяйственная деятельность на которых сопряжена с многочисленными проблемами. Пограничные районы были опасны из-за постоянных партизанских действий с территории соседних арабских стран палестинских диверсионных отрядов. Был и целый ряд других бытовых, социальных и культурных проблем.

Для решения этой задачи Д. Бен-Гурион вновь положился на «особые качества» еврейского народа. Вновь был выработан специальный термин – «дух Халуцим», обозначающий готовность человека к вызову природе и опасностям ради достижения поставленной цели. К целенаправленной выработке такого духа призывал своих сограждан первый премьер-министр Израиля, в том числе и личным примером. Он основал в самом центре пустыни Негев собственную ферму и в конце каждой недели летал туда на самостоятельно пилотируемом небольшом личном самолете [1].

Продолжая свою прагматичную линию, израильское правительство готово было использовать любую мотивацию иммигрантов, если она позволяла достичь поставленных целей. Так, значительное количество поселенцев на вновь осваиваемых территориях составили ортодоксальные иудеи, которым были предоставлены различные социальные и экономические льготы. В число новых поселенцев вошло также значительное количество ветеранов Второй мировой войны из различных армий антигитлеровской коалиции. В случае военного обострения они стали бы первым мобилизационным резервом [3].

Еще большую роль человеческому капиталу справедливо отводил Д. Бен-Гурион в деле решения третьей стратегической задачи – культурного объединения иммигрантов из различных стран и регионов в единый израильский народ. Для решения этой сложнейшей задачи он использовал научный и интеллектуальный потенциал приезжающих в страну репатриантов, как, впрочем, и потенциал живущих в Палестине уже много поколений евреев. В первую очередь была поставлена задача возрождения древнего языка иврита

как общего нового языка всех приезжающих в Израиль. Для его распространения использовалась как образовательная система, так и весь государственный аппарат, поскольку язык стал государственным.

Для выполнения плана по культурной интеграции приезжающих использовались средства массовой информации, армия, религиозные учреждения и целый ряд других методов. Проект по возрождению языка иврит можно считать одним из самых успешных культурных проектов в XX в., и он оказался бы невозможен без целенаправленных усилий всех элементов государственной машины и институтов израильского общества.

Несмотря на значительные успехи в решении третьей задачи, нельзя не признать, что в полном объеме этот замысел так и не был реализован. Это связано как с неравномерностью миграционных потоков в Израиль, так и с недооценкой первыми руководителями Израиля культурных отличий выходцев из разных регионов. Первоначально большинство репатриантов прибывало из стран Ближнего Востока и Африки, в 1980-90-х гг. резко усилился поток переселенцев из республик бывшего СССР. Крупнейшие группы репатриантов так и остались в Израиле несколько обособлены друг от друга [4].

Четвертая задача, сформулированная первыми руководителями Израиля – всестороннее экономическое развитие государства. Для его решения человеческий потенциал использовался даже еще более активно, чем во всех остальных случаях. Сам Д. Бен-Гурион в начале 1960-х гг. в своей речи в Кнессете среди факторов грандиозного экономического роста Израиля в первые 15 лет его существования прежде всего отмечал «уникальные качества народа» [1]. Среди конкретных примеров такого использования человеческого потенциала важнейшую роль играло привлечение иностранных инвестиций. Решение этой задачи было организовано через работу с диаспорами, причем очень часто по неформальным каналам. Однако и на официальном уровне Д. Бен-Гурион говорил о необходимости сформировать у всех евреев, живущих за пределами Израиля, «двойную лояльность» – к стране пребывания и к Израилю одновременно [2].

Используя уникальное умение еврейского народа сохранять связи в диаспорах, удалось привлечь в Израиль огромные инвестиции из США и стран Европы.

Вторым методом привлечения человеческого потенциала к экономическим задачам стало использование интеллектуальных ресурсов репатриантов. Многие переселенцы обладали высоким образовательным уровнем, и молодое еврейское государство сделало все, чтобы их знания принесли максимальную пользу. Итогом такой политики стало превращение израильской экономики к концу двадцатого века в одну из самых высокотехнологичных и наукоемких в мире. В то же время, сохраняя

тенденцию к максимальной практичности своей политики, первые руководители Израиля приоритет отдавали тем отраслям, в которых можно было не только трудоустроить с максимальной отдачей новых граждан, но и извлечь максимальную выгоду для государства. Локомотивами развития израильской экономики стали отрасли ВПК, необходимые как воздух в условиях военных конфликтов с соседями, а также медицина. Ставка на повышение образованности и интеллектуальное развитие молодежи была в Израиле постоянной.

Последователи Д. Бен-Гуриона на посту премьер-министра с середины 1960-х гг. и до сегодняшнего дня сохраняли основные концептуальные разработки основателя государства как краеугольные камни израильской политики. Так, и в начале XXI века премьер-министр Ариэль Шарон предлагал активировать программу поддержки алии, чтобы привлечь в Израиль еще 1 миллион репатриантов [5]. Речь шла в первую очередь о постсоветском пространстве, и несмотря на аргументы своих политических противников о том, что потенциал новых переселенцев будет низким, Шарон продолжал следовать заповеди Бен-Гуриона – принимать всех. Однако ситуация в стране вскоре перевернулась, и проект не был реализован.

В целом, использование человеческого потенциала является ключом к пониманию успехов в развитии Израиля во второй половине XX в. Моральные, религиозные, интеллектуальные ресурсы граждан Израиля были использованы с очень высокой эффективностью, и в начале XXI в. можно было проследить, как размывание принципов поддержки потенциала развития людей напрямую сказывалось на нарастании трудностей и замедлении развития страны.

Список литературы

1. Корнилов А.А. Меч и Плуг Давида Бен-Гуриона / А.А. Корнилов. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1996. 218 с.
2. Корнилов А.А. Безопасность превыше всего // Н.Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2005. 140 с.
3. Нетаниягу Б. Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма / Б. Нетаниягу. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2002. 412 с.
4. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября / Е.М. Примаков. М.: Мысль, 2002. 188 с.
5. Press Conference with Prime- Minister Sharon, 11 June 2002 // Official website of the MFA of Israel // www.mfa.gov.il / Режим доступа: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/the%20middle%20east%20peace%20summit%20at%20aqaba%20-%20june%204-%2020.aspx> (дата обращения 27.06.2017)

**ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**
**MENTAL HEALTH IN THE STRUCTURE OF HUMAN POTENTIAL:
DEFINING THE PROBLEM**

С.А. Судьин

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Ю.А. Сучков

Клиническая психиатрическая больница №1 г. Н. Новгорода

S.A. Sudjin

Lobachevsky University

Yu.A. Suchkov

Clinical psychiatric hospital 1 of Nizhny Novgorod

Анализируется взаимосвязь категорий «человеческий потенциал» и «психическое здоровье». Исследуются темпоральный и процессуальный аспекты человеческого потенциала. Определены исследовательские перспективы темы.

The paper analyses interrelation between the categories of "human potential" and "mental health". Temporal and procedural aspects of human potential are explored. The authors define research prospects of the given topic.

Ключевые слова: человеческий потенциал, психическое здоровье

Keywords: human potential, mental health

Многочисленные определения человеческого потенциала, выходящие за пределы чисто экономического измерения, сводятся к некоей совокупности психологических и социальных характеристик индивида, значение которых заключается в формировании и актуализации у него адекватных реакций на обстоятельства внешней среды. Наличие здоровья, образования, стабильного дохода, респектабельного послужного списка, коммуникативного потенциала способно, как минимум гипотетически, застраховать индивида от факторов риска, омрачающих жизненные сценарии. Поэтому понятен интерес исследователей к внешним и внутренним обстоятельствам, способным обесценить потенциал личности или препятствовать его реализации.

В ряду компонентов человеческого потенциала особая роль принадлежит психическому здоровью как основе интеллектуальной и эмоциональной жизни индивида, обеспечивающей возможность реализации его социальной составляющей.

Очевидно, что здоровье как таковое оказывает ключевое влияние на саму возможность реализации человеческого потенциала. Т. Парсонс, первым

взглянувший на медицину с социологической точки зрения, разграничил соматическое и психическое здоровье как факторы социальной дисфункциональности индивида и объяснил механизмы ее реализации [1].

Соматическая инвалидность или является почти непреодолимым препятствием для учебы, работы и иных вариантов взаимодействия с внешней средой, или накладывает на них серьезные ограничения, особенно при отсутствии соответствующей инфраструктуры. Тем не менее, соматические болезни, в большинстве случаев имеющие преходящий характер, чаще всего не препятствуют самой возможности учиться или работать, а развитие информационных технологий позволяет это делать удаленно, сводя к минимуму необходимость контактов с малодоступной средой. Другими словами, соматические проблемы не закрывают путей для реализации человеческого потенциала, а лишь временно ограничивают или затрудняют эти возможности.

Тем временем, нарушения психического здоровья, даже кратковременные, ставят под сомнение возможность исполнения индивидом социальных ролей и занятие им какой-либо статусной позиции. Подтверждение психического здоровья в виде справки из психоневрологического или наркологического диспансера становится необходимым документом при трудоустройстве, получении крупного кредита и других процедурах; отрицательное заключение врача-психиатра способно перекрыть любые перспективы, лишить работы, существенно ограничить в гражданских правах.

Новой темой, которую открывает данная статья, является вопрос о человеческом потенциале психически больного. Факт, что данная тема чрезвычайно широка, очевиден. Это связано с особенностями психических нарушений, личностными чертами самих больных, сохранностью коммуникативных, трудовых и иных навыков, наличием эмоциональных ресурсов в виде семейной поддержки и многими другими обстоятельствами. Тем не менее, тезисное обсуждение данной темы видится авторам очень продуктивным и способным дать новый импульс для дискуссии вокруг тематики психического здоровья и потенциала личности.

Вопрос о человеческом потенциале психически больного противоречив. С одной стороны, его раскрытие зачастую невозможно усилиями традиционных институтов социализации и требует привлечения дополнительных специализированных ресурсов. С другой стороны, сама практика реабилитационной психосоциальной работы опирается на социальную субъектность больных, способных мобилизовать оставшиеся резервы для возвращения к нормальной жизни [2]. Одним из наиболее ярких примеров просоциальной активности психически больных является феномен

самопомощи, направленный на демонстрацию собственного положительного примера борьбы с болезнью [3].

Рассмотрение психического здоровья в контексте человеческого потенциала открывает новые грани в анализе последнего. Если большинство исследователей обращают внимание на его содержательные характеристики, то здоровье, в особенности психическое, позволяет сфокусироваться на темпоральном и процессуальном измерении человеческого потенциала. Представление о накоплении личностного потенциала как линейном процессе кажется вполне логичным в контексте стандартных биографий, когда каждый новый жизненный этап приводит к формированию дополнительных ресурсов. Психическая болезнь способна не только остановить или обратить этот процесс вспять, но и подорвать саму биологическую основу, обеспечивающую возможность накопления и реализации личностью своего потенциала. В этом смысле очень показательна картина шизофрении, развивающейся в большинстве случаев в раннем юношеском возрасте, когда накопление потенциала идет наиболее активно. Обратные ситуации, когда психическая болезнь сопровождает или даже обуславливает какие-то интеллектуальные и иные сверхспособности, носят единичный характер и являются, скорее, казуистикой.

Само понятие «потенциал» указывает на его латентный характер, на наличие скрытых свойств и качеств, актуализирующихся в специфических обстоятельствах. Применительно к психическому здоровью потенциал личности может оказаться дополнительным фактором риска для больного и его окружения, снижающим предсказуемость ситуации и возможности выработки стратегий совладающего поведения. Исследование негативного измерения категории человеческого потенциала представляется оригинальным ходом.

Неэффективность традиционных институтов социализации в процессе формирования личностного потенциала психически больного наделяет их новыми задачами и иначе выстраивает процесс их функционирования. Речь идет не только о специализированных школах, профессиональных училищах и других социализирующих структурах. Трансформируются также функции семьи, протективная роль которой оказывается полностью доказанной. Так, прогнозы относительно течения болезни и социального функционирования у живущих совместно значительно лучше, чем у проживающих поодиночке. Остается, однако, открытым вопрос о том, что в действительности первично: относительно неплохое состояние психического здоровья, позволившее создать семью и иметь благоприятный прогноз, или все-таки настолько благотворно действует наличие супружеских отношений [4].

Подводя промежуточный итог, отметим, что нами представлен лишь первый результат осмысления взаимосвязи психического здоровья и человеческого потенциала, который может быть положен в основу дальнейших эмпирических исследований.

Список литературы

1. Parsons T. The social system / T. Parsons. London: Routledge, 1991. 575 p.
2. Судьин С.А., Сучков Ю.А. Институционализация социальной работы в российской психиатрии на примере КПБ №1 в г. Нижнем Новгороде // Материалы международной научно-практической конференции «Специфика профессиональной деятельности социальных работников». Н. Новгород: НИСОЦ, 2015. С. 700-705.
3. Судьин С.А. Уровни гражданско-общественной активности в работе с психически больными и членами их семей // Теория и практика общественного развития. 2016. № 4. С. 37-42.
4. Судьин С.А. Семья и психическое здоровье (по материалам зарубежных исследований) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 1. (37). С. 153-162.

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА STUDY OF THE SUBJECTIVE WELL-BEING OF YOUTH FOR EVALUATION OF HUMAN DEVELOPMENT IN THE REGION

Ф.Г. Сулейманова

*Специализированный учебно-научный центр
Новосибирского государственного университета*

И.И. Харченко

*Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск*

F.G. Suleymanova

Specialized Educational and Scientific Center of Novosibirsk State University

I.I. Kharchenko

*Institute of Economics and Industrial Engineering,
Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk*

Рассматриваются возможности использования методологических подходов и эмпирических показателей социального самочувствия молодого и взрослого населения для оценки человеческого потенциала региона. Анализируются данные исследования, проведенного ИЭОПП СО РАН совместно с СУНЦ НГУ в Новосибирской области по теме социального

самочувствия, сопоставляются оценки молодых и взрослых жителей городской агломерации и сельских районов. Приводятся рассчитанные частные индексы удовлетворенности отдельными сторонами жизни (показывающие низкую удовлетворенность материальной составляющей) и частные индексы доверия к политическим институтам общества (показывающие низкий уровень доверия).

The paper examines possibilities of using methodological approaches and empirical indicators of the subjective well-being of young people to assess the human development of the region. The data of the study conducted by authors in the Novosibirsk region on the topic of subjective well-being are estimated and compared for young and adult residents of urban and rural areas. The calculated particular indices of satisfaction by individual aspects of life (showing low satisfaction with the material component) and particular indices of trust towards political institutions of society (showing a low confidence level) are given.

Ключевые слова: социальное самочувствие населения; индекс социального самочувствия; доверие; социальный капитал, человеческий потенциал, молодежь

Keywords: subjective well-being, index of subjective well-being, trust, social capital, human development, youth

Среди основных факторов, определяющих перспективы развития общества, рассматриваются человеческий капитал и человеческий потенциал. Тема «человеческого потенциала» (ЧП) связана с теориями социального развития, она нашла отражение в концепции «человеческого развития», в том числе в теории индийского ученого лауреата Нобелевской премии по экономике (1998) Амартии Сена. По мнению А. Сена, процесс развития – это не только возрастание материального или экономического благосостояния, но и расширение возможностей человека, что означает большую свободу выбора из большего числа вариантов той цели и того образа жизни, которые он считает предпочтительными [1, с. 140]. Известны отечественные исследования человеческого потенциала, выполнявшиеся в рамках экономической социологии академиком Т.И. Заславской. Она акцентирует внимание на следующих компонентах ЧП, выражающих социологическую сущность данного понятия: социально-демографический потенциал, социально-экономический, социокультурный и деятельностный потенциал [2, с. 81]. В категории «человеческий потенциал» так же, как в родственной ей – «человеческий капитал», – важную роль играет уровень общих и профессиональных компетенций и условий их получения и реализации, но в первой добавляется социокультурное измерение, совокупность мотиваций и установок населения (в нашем исследовании с акцентом на молодежи). С этой точки зрения концепция ЧП позволяет включать также оценки происходящих социальных изменений и их восприятия населением.

Поскольку уровень ЧП количественно не измеряется для выборочной группы населения, авторы статьи предлагают использовать для его качественной оценки отдельные показатели социального самочувствия и социальные характеристики населения. Социальное самочувствие показывает интегральную характеристику определения группой населения своего положения в обществе и оценку внешних условий жизни (которая зависит, в свою очередь, от установок, ценностей, амбиций и пр.). На эти оценки влияют внешние и внутренние факторы: система потребностей и ценностей, социально-демографические и другие характеристики групп.

В настоящее время существуют различные подходы к построению интегральных оценок социального самочувствия населения. Один из подходов основан на вычислении так называемого частного индекса, который используется в экспресс-опросах, проводимых ВЦИОМ. Применительно к изучению проблемы удовлетворенности жизнью данный индекс представляет собой разницу между долей респондентов в разной степени удовлетворенных своей жизнью и долей респондентов в разной степени не удовлетворенных ею:

$I = S$ положительных и средних оценок – S отрицательных оценок,
где I – частный индекс, S – сумма оценок [3, с. 20].

С точки зрения оценки человеческого потенциала, нами рассматривается социальное самочувствие 4-х территориально-возрастных групп жителей Новосибирской области: молодежь до 30 лет – взрослые до 45 лет; городская агломерация – сельские районы (всего опрошено 631 чел. экономически активного населения в 2012-2014 гг.). В нашем исследовании респонденты дают оценки своей жизненной ситуации по 12 компонентам удовлетворенности отдельными сторонами жизни и по 12 компонентам доверия институтам общества. В табл.1 показаны частные социальные индексы, рассчитанные по вышеприведенной формуле. Как видно, самыми проблемными аспектами жизни являются материальные, причем наиболее остро реагирует на эти проблемы взрослое население. У молодежной группы выше удовлетворенность возможностями хорошо зарабатывать (индекс соответственно 21,0 и 25,6 против 8,2 и -14,8 у взрослого населения) и материальной обеспеченностью (14,0 и 18,3 – у молодежной группы против 3,8 и -22,9 у взрослых). Частично это можно отнести к факту, что субъективные ощущения молодежи обычно более оптимистичны, чем у взрослых. На среднем уровне отмечаются возможности получения или продолжения образования и повышения квалификации, причем городское население демонстрирует более высокую удовлетворенность, чем сельское. С одной стороны, данный факт не вызывает удивления, поскольку у горожан возможностей в этом плане гораздо больше. С другой стороны, данные показывают, что селяне тоже имеют возможность

реализовать разнообразные образовательные стратегии в течение жизни. Так, доля лиц без какого-либо профессионального образования у молодых селян составляет 23% против 12% у их сверстников в агломерации, а доля лиц без профобразования среди взрослых снижается соответственно до 14% и 7%. Наряду с этим высшее образование среди селян по мере перехода в более старшую возрастную группу становится более распространенным (от примерно каждого третьего до каждого второго человека).

Т а б л и ц а 1

Социальные индексы удовлетворенности отдельными сторонами жизни среди экономически активного населения Новосибирской области

Частный социальный индекс	молодежь районов	молодежь агломерации	взрослые районов	взрослые агломерации	в среднем по массиву
заработки	21,0	25,6	8,2	-14,8	12,0
возможности получения образования	30,8	53,1	22,2	35,8	34,2
возможности повышения квалификации	38,7	48,4	43,7	49,5	44,1
материальная обеспеченность	14,0	18,3	3,8	-22,9	5,5
проявление способностей	62,3	56,3	57,7	33,3	54,5
комфортность отношений с любимым человеком	66,0	58,9	74,5	69,2	67,2
комфортность семейных отношений	85,8	74,2	89,1	83,2	83,6
возможность воспитания детей	56,6	27,2	61,4	26,9	46,1
отношения с друзьями, приятелями	93,8	87,5	89,0	84,0	89,3
удовлетворенность жилищ. условиями	24,9	35,9	48,4	33,6	35,2
проведение свободного времени	71,5	72,7	70,1	59,0	69,1
удовлетворенность жизнью	78,9	72,7	78,5	63,5	74,7

Интересно распределение индекса возможности достойно растить своих детей: он заметно выше у жителей сельской местности, где вряд ли больше развивающих программ и условий. Скорее всего, в селе дети ближе к природе,

к здоровой и более безопасной жизни. Вероятно, особенности сельской жизни и труда объясняют тот факт, что в своей оценке возможностей проявить способности селяне не отстают от горожан. Наиболее высокую удовлетворенность респондентов вызывают межличностные отношения. Так, в среднем по массиву отмечаются очень высокие показатели индекса удовлетворенности взаимоотношениями с любимым человеком, с друзьями и внутрисемейными отношениями (достоверных различий между 4-мя группами не наблюдается). Приближен к ним индекс проведения свободного времени, которое часто проходит в кругу близких и друзей. Заметим, что индекс удовлетворенности тем, как в целом складывается жизнь, коррелирует именно с данной группой индексов.

Социологические исследования (П. Бурдые, Ф. Фукуяма, П. Штомпка, Т.И. Заславская) показывают, что «сообщества, основанные на доверии и сотрудничестве, способствуют реализации человеческого потенциала». Понятие «социальное доверие (недоверие)» представляет оценку существующих в данном сообществе социальных отношений. Ослабление неравенства между субъектами сообщества повышает уровень доверия, укрепляет социальное взаимодействие, ведет к росту эффективности и производительности труда [4, с. 104].

Как видно на рис.1, уровень политического доверия в обществе в целом нельзя назвать высоким. Индексы доверия населения Новосибирского региона к властям разного уровня (за исключением Президента страны) и силовым структурам откровенно невысокие, и в большей степени это проявляется среди городских жителей. Наблюдается своеобразная девальвация доверия к политическим партиям (-14,9 в среднем по массиву), причем это характерно и для молодых и для взрослых. Индекс доверия к Государственной Думе тоже отрицателен и только взрослые селяне демонстрируют несколько более позитивное отношение. Индекс доверия к Губернатору сильно различается между селянами (у них он выше) и горожанами (здесь он низкий). Рискнем предположить здесь влияние положительных результатов реализации различных региональных пилотных программ, что более заметно отражается на положении сельского населения. Об этом же, вероятно, свидетельствуют положительные индексы доверия к местной власти у селян против отрицательных у горожан, поскольку в сельской местности местная власть на виду и «более приближена к народу». На среднем уровне по шкале доверия стоят СМИ и судебная система, а также церковь, которой селяне доверяют заметно больше, чем горожане. Наиболее высокий индекс доверия населения к общественным организациям, причем независимо от возраста и места проживания.

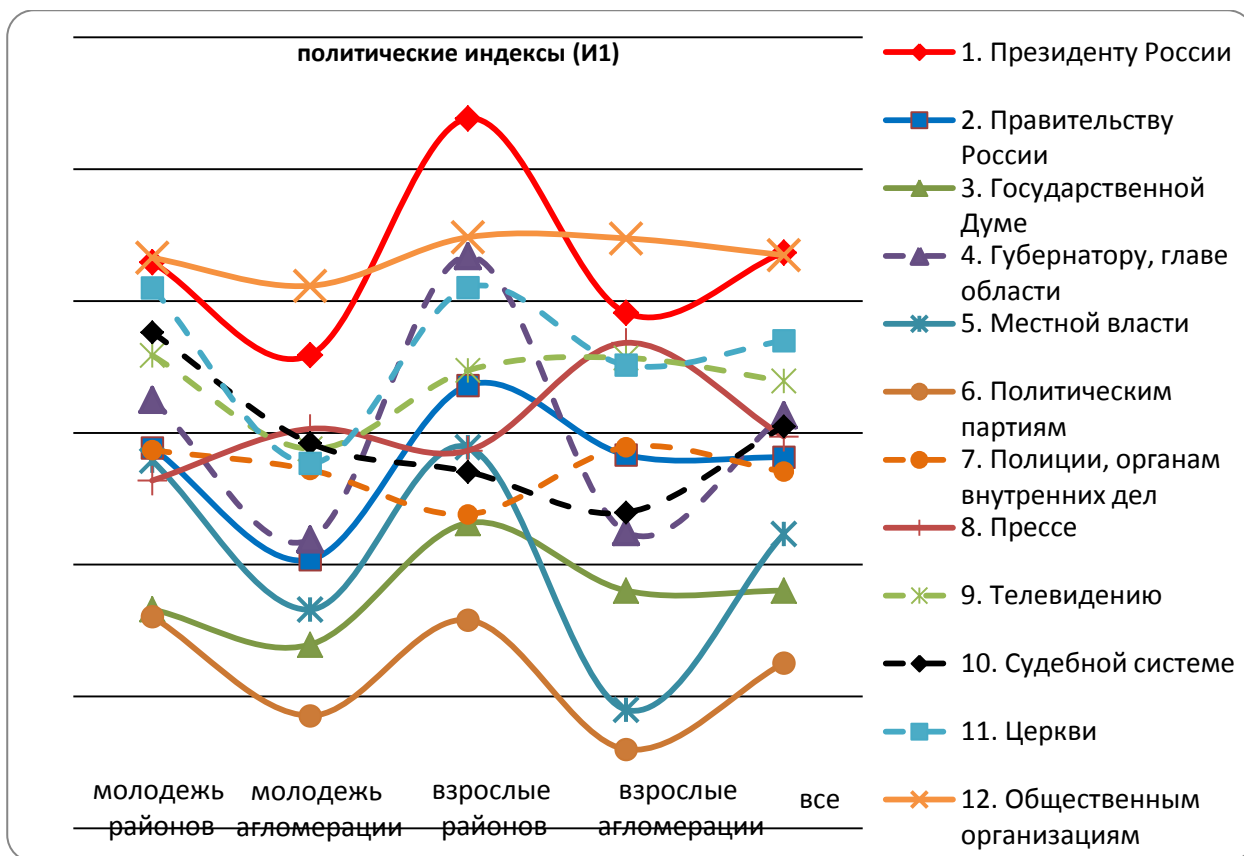

Рис. 1. Сравнительное распределение частных политических индексов доверия среди экономически активного населения Новосибирской области.

Роль доверия как ресурса, который направлен на обеспечение устойчивости социальных отношений, высока для повышения социального самочувствия, и в итоге – развития человеческого потенциала. Однако, как показали наши данные, ясно прослеживается разрыв между доверием в малых социальных группах и доверием в обществе. Здесь отражаются более общие закономерности, о которых пишут социологи. Так, отмечается, что Россия – страна, где доминирует социальный капитал личности (понимаемый по П. Бурдьё) как совокупность связей и ресурсов, которыми индивид может распоряжаться для достижения своих целей, и слабо развит социальный капитал общества (по Р. Патнему), который выражается в нормах, доверии и гражданской активности, способствующих консолидации общества и производству коллективных благ [5, с. 2244]. Например, исследователи отмечают, что Россия довольно сильно отстает практически по всем показателям гражданской активности и генерализованного доверия от скандинавских стран [6, с. 18].

С использованием оценок социальных и политических аспектов жизнедеятельности городского и сельского экономически активного населения Новосибирской области был выявлен ряд особенностей формирования человеческого потенциала в этом регионе: на фоне высокой удовлетворенности

жизнью в целом отмечается низкая удовлетворенность материальными аспектами жизни и низкий уровень доверия к политическим институтам общества. Население сельских районов высказывает большую удовлетворенность возможностью проявлять свои способности и жизнью в целом по сравнению с жителями крупного города. Данная характеристика показывает, что в селе приживаются люди, находящие плюсы в сельском образе жизни (либо избегающие проблем урбанизации) и видящие для себя жизненные перспективы. Кроме того, социальное самочувствие молодежи, не зависимо от места проживания, степень удовлетворенности жизнью и уровень доверия данной группы к общественным и государственно-политическим институтам более высока, чем у взрослого населения. Это дает основания считать, что в новом поколении заложены возможности развития человеческого потенциала.

Список литературы

1. Каргаполова Е.В. Категории «потенциала социального развития» и «развитие человеческого потенциала» в современном гуманитарном знании: сопоставительный анализ // Научный потенциал регионов на службу модернизации. Астрахань: АИСИ, 2012. № 1 (2). С. 139-144.
2. Заславская Т.И. Глава 5. Динамика человеческого потенциала/ Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: «Наука», 2003, С. 75-92.
3. Балацкий Е.В. Диагностика социального самочувствия населения [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://kapital-rus.ru/articles/article/diagnostika_socialnogo_samochuvstviya_naseleniya/ (дата обращения: 23.05.2017).
4. Беспарточный Д.Б. Доверие как фактор социально-экономического развития региона // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 4 (92). С. 104-110.
5. Волченко О.В., Алмакаева А.М. Динамика социального капитала в России // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость [Эл. ресурс]: V Всероссийский социологический конгресс. 19-21 окт. 2016 г. Москва-Екатеринбург / [отв. ред. В.А. Мансуров]; Рос. об-во социологов, ИНИОН РАН [и др.]. М.: Рос. об-во социологов, 2016. 1 эл. опт. диск (DVD ROM). С. 2243-2249.
6. Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17-25.

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК СМЫСЛОВАЯ ОСНОВА
ПРЕПОДАВАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН
В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

**HUMAN POTENTIAL AS THE MEANING OF TEACHING AND THE
SOCIO-TECHNOLOGICAL APPLICATION OF SOCIAL-HUMANITARIAN
DISCIPLINS IN A TECHNICAL UNIVERSITY**

И.Н. Терентьева

Нижегородский государственный технический университет

им. Р.Е. Алексеева

I.N. Terentyeva

Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev

На основе общетеоретической и социологической концепций человеческого капитала обосновано значение человеческого потенциала как цели и смыслового центра преподавания социально-гуманитарных дисциплин в техническом вузе. Авторский опыт организации учебно-исследовательской и научно-исследовательской работы студентов проанализирован как с точки зрения его роли в освоении учебных дисциплин, так и с точки зрения человеческого потенциала.

On the basis of General-theoretical and sociological concepts of human capital it justifies the importance of human capital as a goal and as a spirit center for the teaching social and humanitarian disciplines in a technical University.

The author's experience of organization of educational-research and scientific-research of activities students are analyzed from the point of view of its role in the study of academic disciplines, and important for the growth of human capital.

Ключевые слова: социально-гуманитарные дисциплины, высшее образование, общекультурные и общепрофессиональные компетенции, учебно-исследовательская и научно-исследовательская работа студента

Keywords: socio-humanitarian disciplines, higher education, cultural competence, general professional competence, educational research, scientific-research work of the student

«Соотнесенность» концепций человеческого капитала с развитием высшего образования уже рассматривалась в отечественной периодике, и авторы, естественно, вновь подчеркивали исходную идею о человеке не только как факторе социального развития, но и его субъекте [1, с. 29]. Постановка человека в центр «динамического процесса изменений» предполагает ту или иную трактовку необходимых для этого условий: удовлетворение «базовых потребностей» и вытекающая патерналистская ответственность государства или «экономический рост как средство, позволяющее увеличить расходы на развитие человека» [1, с. 30]. Связь развития человека и необходимых для этого

условий, материальных, социально-экономических, собственно социальных и духовных, ожидаемо приводит к диспропорциям, отмеченных в исследованиях по оценке Индекса развития человеческого потенциала. Экономическое неравенство регионов отражается и на «человеческом потенциале», что выражается и в продолжительности жизни, и в состоянии здоровья, и в уровне преступности, числе самоубийств и т.д. На фоне задач сохранения «человеческой жизни и жизнеспособности населения» [1, с. 34] задачи образования, его философии и технологий, приобретают новое содержание. Это не только количественные показатели продолжительности обучения и полученной квалификации, но и качественные показатели, связанные физической и духовной жизнеспособностью населения. Жизнеспособность, потенциал «жизненных сил» и «социальную энергию» как аспектов характеристики человеческого потенциала отстаивают ряд современных российских социологов [2, с. 260].

Современные отечественные авторы в трактовке человеческого потенциала выделяют два направления: социально-экономическое и социологическое. Социально-экономическая трактовка человеческого потенциала возвращает человека на позиции «обслуживания» экономического роста и, соответственно, оценку человеческого потенциала связывает с инвестициями и ростом производительности труда, стоимости рабочей силы и т.п. [3, с. 58]. В рамках социологического направления, в отечественной литературе представленного О. Генисаретским, Н. Носовым и Б. Юдиным, человеческий потенциал связан со способностями человека к реализации социальных действий, а содержательные его компоненты представлены как здоровье, готовность к семейной жизни, адаптация к социальной инфраструктуре, культурно-ценностные ориентации и психологическая компетентность [3, с. 59]. Роль образования в целом и высшего образования, в частности, в формировании человеческого потенциала в его социологической трактовке наглядна. Должны ли мы при этом говорить о роли и специфике участия различных, прежде всего профессиональных и социально-гуманитарных, дисциплин в его формировании? Нам представляется, что выяснение такой роли и специфики необходимо, особенно если обратить внимание не только на условия формирования, но и на содержание человеческого потенциала. Важной в этой связи представляется трактовка, предложенная в рамках деятельностного подхода. Если человеческий потенциал определяется как «сформированные во взаимодействии с социальной средой совокупности универсальных (общих) и специфических (специализированных) потребностей, способностей и готовности индивидов и социальных общностей выполнять общественно-необходимые виды

деятельности», как и связанные с ними социальные роли, что обеспечивает преемственность и новации в развитии общества [4, с. 91], то изменяется и подход к системе его показателей. Такой подход позволяет учесть «направленность», свойства внутренних компонентов и, на наш взгляд, главное: «количество и качество выполняемых индивидами и общностями социально значимых видов деятельности», а также вовлеченности в них [4, с. 92]. Роль социально-гуманитарных дисциплин при таком подходе совершенно иная: ведь профессиональная деятельность «возвращается» в социальный контекст, усиливается внимание к социальной ответственности и этическим измерениям этой деятельности, равно как и увеличивается разнообразие доступных студентам для освоения видов деятельности. Авторский опыт преподавания социологии в техническом вузе позволяет утверждать, что такое разнообразие привлекает именно мотивированных, хорошо подготовленных студентов, дает простор для развития их личностного потенциала. Такое заключение подтверждает, например, выбор тем и разработки учебных и научных исследовательских работ студентов технических специальностей в 2007-2017 гг. Самостоятельный выбор тем для миниисследований сразу привлек внимание к субкультурам, социализации, самоидентификации и общественной активности студентов. Интересными и получившими признание на секциях молодежных конференций стали, например, доклады «Самореализация как мотив технических увлечений молодежи», «Экологическое сознание и экологическая культура», «Семья в системе жизненных ценностей студенчества», «СМИ как агенты социализации», «Социальная история моей семьи» и многие, многие другие. Они представлены в сборниках научно-практических конференций «Будущее технической науки», «Российский студент: гражданин, личность, исследователь», «Молодежь города – город молодежи», стали основой подготовки конкурсных работ, а главное – стали шагом саморазвития студентов.

Говоря о преподавании социологии в техническом вузе, автору уже приходилось рассматривать формы учебной работы в связи с формированием компетенций [5]. В контексте развития человеческого потенциала нынешнему «обслуживающему» положению социально-гуманитарных дисциплин противостоит необходимость их базового статуса в системе высшего образования.

Список литературы

1. Веряскина В. Динамика развития человеческого потенциала и приоритеты высшего образования// Высшее образование в России, 2005. № 2. С. 29-37.
2. Лапшин В.А. Структурные компоненты человеческого потенциала// Знание. Понимание. Умение, 2013. №.1. С. 259-263.
3. Быченко Д.Ю. Методологические основы исследования человеческого потенциала// Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Социология. Политология, Вып. 2. С. 56-60.
4. Иванов О.И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования// Социологические исследования. 2014. № 6. С. 89-95.
5. Терентьева И.Н. Социология в профессиональной подготовке инженера: гуманитарная традиция и образовательные инновации // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 148-151.

«ГЛОБАЛЬНЫЙ БУРЖУА»: НОВЫЙ ТИП МОДАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ **«THE GLOBAL BOURGEOIS»: A NEW MODEL PERSONALITY PATTERN IN THE ERA OF GLOBALIZATION AND GEOGRAPHIC MOBILITY**

А.В. Толстокорова

Международный независимый аналитический центр, г. Киев, Украина

A.V. Tolstokorova

International Independent Analytical Centre, Kiev, Ukraine

Рассматривается такой тип модальной личности эпохи глобализации и посткапитализма, как «глобальный буржуа», являющийся разновидностью более общего типа модальной личности – «Homo mobilis» как подвида «Homo globalis».

The paper regards such a model personality pattern of the era of globalization and postcapitalism as «global bourgeois» who is a subtype of a wider model personality pattern which is «Homo globalis».

Ключевые слова: тип модальной личности, глобальный буржуа, Homo mobilis, Homo globalis

Keywords: model personality pattern, global bourgeois, Homo mobilis, Homo globalis

Данная статья представляет собой продолжение и развитие идей, изложенных ранее в работах автора, посвященных социогуманитарным

производным глобализации, обусловленным международной миграцией и мобильностью населения [1] и порождаемым этими процессами типам модальной личности [2], под которой понимается психологический архетип эпохи, совокупность исторических типажей – «героев своего времени».

В частности, как указывалось ранее [1], глобализация формирует «новые режимы мобильности» [3], оказывающие влияние на «социальный характер» современного человека. Становясь универсальным благодаря глобализации и порождаемой ею глобальной мобильности, участвующий в этих процессах, современный индивид обретает универсальную сущность, а вместе с ней и социально-психологическую однородность, выраженную в соответствующем социальном характере «человека информационного» [4]. Некоторые авторы определяют этот социальный характер, как «Homo mechanicus» – человек механический [5].

В данной работе он определяется как «Homo globalis» – «человек глобальный». Он рассматривается как тип модальной личности, представленный целым комплексом подвидов, объединенных общим свойством высокой пространственно-географической мобильности. К ним относятся следующие: «человек цифровой» – «Homo digitalis» [6], «человек потребляющий» – «Homo consumens» [7] и «человек мобильный» – «Homo mobilis» [8]. Последний, в свою очередь, представлен такими подвидами, как глобальный бедняк, глобальный старик, глобальный ребенок, глобальная женщина и глобальная мать [2]. Эти разновидности «человека глобального» не существуют в чистом виде, а являются условными, взаимопроникающими и накладывающимися друг на друга.

Целью данной работы является рассмотрение такого нового типа модальной личности, как «глобальный буржуа» – богатый и сверхбогатый капиталист, которого предлагается рассматривать в качестве разновидности «Homo globalis» и его подвида – «Homo mobilis», порожденного массовой географической мобильностью в эпоху глобализации.

По утверждению известного французского мыслителя и идеолога мондиализма Жака Аттали, процесс глобализации формирует «новую кочевую элиту», которая свободно перемещается по миру, не будучи привязана к своим национальным корням и культуре своего народа. Это люди без родины, утратившие национальную самоидентификацию [9].

Московский политолог и экономист-международник Александр Неклесса определяет этих персонажей, как «Homines Aeri» – «люди воздуха» [10]. Они представляют собой буржуазию, претендующую на положение господствующего класса принципиально нового типа в постиндустриальную эпоху. А.И. Неклесса указывает, что во владении «человека воздуха» находятся

эфирные, «воздушные», т.е. «виртуальные» пространства и домены социальных организмов, управляющих смыслами, мотивациями, культурными идентичностями, предпочтениями и целеполаганием общества, а через эти структуры – глобальными информационными, финансово-экономическими, политическими сетями и потоками. Эта характеристика содержит в себе указание на мобильность и подвижность как один из основных признаков «человека воздуха», что дает основания квалифицировать его как разновидность «Homo mobilis».

Согласно теории глобализации британского политического социолога Зигмунта Баумана, этот тип модальной личности относится к категории «кинетической элиты» (т.е. подвижной, мобильной), чьи запросы, мечты и желания обслуживаются глобализационными процессами. Американский исследователь гуманитарной географии Тимоти Крессуэл [11, с. 256] считает, что представители «кинетической элиты» – это те, кто занимают основные позиции в социальном пространстве, являются основными вельями больших сегментов сетевого капитала, населяют роскошные пространства мобильных потоков и нуждаются в «кинетической черни» в качестве услуги. Крессуэл утверждает, что не существует туристов-богачей без бродяг-бедняков.

Американский социолог Рэчел Шерман иллюстрирует этот тип модальной личности на примере постояльцев отелей класса «люкс», предназначенных для путешественников-богачей из привилегированного класса: «Когда вы регистрируетесь в американском пятизвездочном отеле, персонал приветствует вас, называя по имени, радушно встречает, если вы останавливались у них ранее. За время вашего пребывания они запомнят ваш любимый завтрак, полюбившийся местный ресторан или день вашего рождения. Они пойдут на нарушение правил, лишь бы осуществить ваши желания, угодить вашим потребностям и решить ваши проблемы» [12, с. 61].

Между тем, современный кочевник, вернее неокочевник, не обязательно является мобильным в географическом или физическом смысле, а вполне может быть домоседом. Испанский миграциолог Мануэль Кастелз указывает, что критическим моментом в его путешествиях является постоянное подключение, а не движение, поскольку сегодня мобильность глобальных неокочевников может быть исключительно виртуальной и цифровой. Это сближает их с другим типом модальной личности – «Homo digitalis». Например, американский экономист-теоретик Ричард Флорида утверждает, что согласно статистическим данным, американские супербогачи являются сегодня гораздо менее мобильными географически, чем другие страты американского населения [13].

Представляется, что это является результатом кардинальных трансформаций информационного и физического пространства обитания

современных «людей воздуха» и, соответственно, их ценностей и предпочтений. От богатых путешественников-космополитов прошлого они отличаются доступом к более удобным и мобильным «кочевым предметам» [9]: сундуки с монетами заменяет кредитная карта, а тяжелую утварь и громоздкое снаряжения – более компактные носители цифровой информации: мобильные телефоны, ноутбуки, планшеты, айпады. Иначе говоря, в то время как «кинетическая чернь» все больше мигрирует в поисках заработка, «кинетическая элита» становится все более стационарной, избегая опасностей «глобализации риска» (см. [1]). Это приводит к существенным трансформациям человеческого потенциала современного «глобального буржуа».

Список литературы

1. Толстокорова А. Социогуманитарные производные глобализации: гендерный эффект международной миграции и мобильности населения // Социологическое обозрение, т. 13, № 3, 2014. С. 64-88.
2. Толстокорова А. Мы, дети галактики: новые типы модальной личности в эпоху глобализации (эффект международной мобильности населения) // Свободная мысль, № 5, 2015. С. 165-176.
3. Kesselring S., Vogl G. New Mobilities Regimes // New Mobilities Regimes in Art and Social Sciences / Eds S. Witzgall, G. Vogl, S. Kesselring. Aldershot: Ashgate, 2013. P. 17-36.
4. Панфилова Т.В. «Информационный человек»: личность в эпоху глобализации // Мир и Россия на пороге XXI века. М.: РОССПЭН, 2001. С. 356-362.
5. Лисовская И.В. Антропологический аспект глобализации: от Homo consúmens к Homo mechanicus // Человек в мире социума. Гродно: ГрГУ им. Я. Купала, 2014. С. 120-136.
6. Corneliussen C. Homo Sapiens Digitalis. Strategix.dk. 2004. Режим доступа: <http://strategix.dk/pdf/digitalisuk.pdf> (дата обращения: 27.09.2017).
7. Лукьяненко В.И., Хабаров М.В., Лукьяненко А.В. Homo consúmens – человек потребляющий // Век глобализации, № 2 (4). 2009. С. 149-159.
8. Tolstokorova A. Costs and Benefits of Labour Migration for Ukrainian Transnational Families: Connection or Consumption? // Les cahiers de l'URMIS. Circulation migratoire et insertions économiques précaires en Europe, № 12. 2009. Режим доступа: <http://urmis.revues.org/index868.html> (дата обращения: 27.09.2017).
9. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993. 133 с.
10. Неклесса А.И. Homines Aeris. Люди воздуха, или Кто строит мир? Библиотека журнала «ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия». М.: Институт экономических стратегий, 2005. 224 с.

11. Cresswell T. On the move: Mobility in the western modern world. London: Routledge, 2006.

12. Шерман Р. Игры в отелях класса «Люкс»: автономия, идентичность, согласие // Этнографическое обозрение, № 5, 2008. С. 47-61.

13. Florida R. America's super-rich move around the country far less than everyone else // CityLab. Режим доступа: <http://www.businessinsider.com/american-super-rich-are-less-mobile-than-lower-income-workers-2016-6> (дата обращения: 27.09.2017).

**ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА:
РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ**
**THE PROBLEM OF THE TRANSFORMATION OF HUMAN POTENTIAL:
RELIGIOUS ASPECTS**

И.А. Тульпе
Санкт-Петербургский государственный университет
I.A. Tulpe
Saint Petersburg University

Обозначены социально-психологические проблемы, возникающие в современном постиндустриальном (информационном) обществе. Одной из ключевых является проблема труда/работы и самореализации личности. Отношение к современному человеку как основание стратегии разрешения его проблем в западном и восточном христианстве рассматривается с учетом возрастающего значения секуляризации и меняющейся роли церкви как стабилизирующего социального фактора.

The author outlines the social and psychological problems arising in modern postindustrial (informational) society. One of the key is the problem of labor/work and fulfillment of a person. Attitude towards the modern man as the basis of a strategy for resolving his problems in Western and Eastern Christianity is considered taking into account the growing importance of secularization and the changing role of the church as a stabilizing social factor.

Ключевые слова: религия, христианство, секуляризация, третья волна, труд, самореализация

Keywords: religion, Christianity, secularization, the third wave, labor, self-fulfillment

Стремительные перемены, происходящие во всех сферах жизни – определяющая черта современности. Переформатируемый новыми технологиями капитализм творит совершенно новую реальность, неоднократно меняющуюся за жизнь одного поколения. Благодаря глобализации «третья волна» перемен (используя метафору Э. Тоффлера) «накрывает» практически

все страны, в том числе и те, которые переживают еще становление и развитие индустриальной цивилизации («второй волны», силы которой пока не исчерпаны) [1]. Это приносит полезные «девайсы», но и культурно-психологические проблемы – не только сугубо адаптационные, но и препятствующие или способствующие «дочеловечиванию» (по А. Маслоу).

Быстрота технологических, а главное, социальных перемен застаёт врасплох человека, привыкшего жить в устойчивом настоящем и прогнозируемом будущем. Традиционные обычаи, складывавшиеся в течение тысячелетий в доиндустриальных обществах, удерживались в качестве основополагающих ценностей в индустриальную эпоху и воспринимались как гарантия стабильности в меняющемся мире. В Европе этому способствовала христианская церковь. Религия, в частности, христианство, была важнейшим социокультурным стабилизирующим фактором (вечность и абсолютность ее божественного источника гарантировали земные закон и порядок). Какова роль религии в качественно новой ситуации современности: должна ли она и может ли быть (о)хранительницей или способна смягчить сокрушительную силу традиции, способствуя трудной свободе жить в современном мире?

Религия видит в человеке, с одной стороны, уникальное создание Бога, но это не отменяет, с другой стороны, онтологические изъяны его природы, укорененные и в обустраиваемом им земном мире. Это требует непрерывного надзора свыше. Потомки прародителей, хоть и вкусивших от «древа познания добра и зла», не могут обойтись без божественного руководства, осуществляемого через религиозные и светские («всякая власть от Бога») институты. Без Бога и вне Бога любые смыслы, как и человеческая жизнь, скоротечны, они уходят вместе с человеком. Вечный же закон, основанный на внечеловеческом источнике и дающий человеку «простую этическую уверенность» (Х. Кокс), опредмечивается, кроме всего прочего, в «традиционных ценностях», регулирующих повседневную жизнь и интенцию образа мысли.

Несомненной традиционной ценностью является труд. Согласно ветхозаветной идее, человек обречен на труд в наказание за ослушание (Быт. 3:17-19). Назначение труда – обеспечение потребностей, вызываемых земным существованием. «Мы с гордостью и хвастовством несем на себе стигматы человеческого рода, который дорожит «потом лица своего» [2, с. 223]. Перспективная (опередившая время) попытка найти в труде сердечную радость привела Екклезиаста к выводу, что дни человека – скорби, а труды – бессмысленное беспокойство (Еккл.2: 10-11, 18-24). Нагорная проповедь несколько смягчает представление о труде как неизбежной повинности, противопоставив заботы о пропитании – исканию Царства (Матф. 6: 31-33). В

советской идеологии труд становится подвигом и долгом: светлое будущее и труд на благо общества (особенно при нехватке рабочих рук) предстают смыслообразующими факторами. Современные научные достижения и технологии трансформируют мир таким образом, что возникают неизвестные прежде социальные проблемы. В начале второй половины XX в. в индустриально развитых странах количество служащих превысило количество рабочих, что можно считать маркером появления третьей волны перемен [3, с. 257]. Она приносит не только высвобождение человека из сферы тяжелого физического труда и упразднение множества массовых профессий «воротничков» всех цветов, но и снижает долю работающих «на общее благо». В перспективе вырастет «класс» экономически «беспольных», формально безработных людей. Для обеспечения выживания популяции требуется все меньше трудовых ресурсов. Традиционная ценность труда, рожденная из внешних индивиду обстоятельств, с их минимизацией становится нереализуемой и эфемерной. Возникновение психологических, социальных, политических проблем – очевидно. В полной мере они встанут в недалеком будущем, и ответы на них не содержатся ни в священных текстах, появившихся в качественно другие эпохи, ни в историческом опыте церкви. Переставая быть принудительной, трудовая деятельность получает возможность самоценного осуществления как человекообразующего (самореализация) фактора.

В современном западном мире мейнстрим в социальной и нравственной областях формируется не христианством, хотя и умеющем прислушиваться к вызовам времени. Церковь, сосуществуя с набирающей силу секуляризацией, в лучшем случае находит в Писании оправдание складывающихся тенденций жизни социума. Ценности секулярного человека десакрализованы – он сам перестал быть частью божественного замысла, божественную санкцию утратили государственные законы, но «смерть Бога» не привела к социальному коллапсу [3, с. 158]. Теологи признают, что секуляризация – это «не Антихрист, а просто опасное освобождение»: она расширяет диапазон человеческой свободы и ответственности, «требует большего риска, чем те порядки, которым она пришла на смену» [4, с. 165].

Чем традиционнее общество, тем сложнее оно переносит перемены, кажущиеся ему бессмысленными и разрушительными. Распространение цивилизационных достижений, их простое перенесение в другие пространства не влияют с необходимостью на менталитет, формируемый вековыми ценностями. Многообразно меняющаяся реальность воспринимается как враждебная, а поскольку «я сам себе не враг», то опасность видится принесенной извне. Кажется, что сохранение культурно-психологического

здоровья общества можно обеспечить достойным отпором «чужому», главным образом посредством утверждения цивилизационного превосходства, коренящегося в наследии предков (преимущественно в сфере повседневности). Интересно, что если западные теологи (напр., Д. Бонхёффер, Х. Кокс) рассуждают о «совершеннолетнем» человеке, то отечественные специалисты подчеркивают, что по отношению к Богу всю православную традицию можно определить как мир детства, «младенчества во Христе» [5, с. 187]. То есть речь идет об инфантильности, сохраняемой религией, которую в России принято считать народообразующей. Сто лет назад о том же, но с горечью, размышлял Н.А. Бердяев. В статьях 1917-1918 гг. он писал, что православие, колеблющееся между «максимализмом святости» и «минимализмом довольно низменной бытовой жизни» [6, с. 770], воспитывало в народе дух смирения по отношению к власти, но совершенно не воспитывало дух активности и самодисциплины [6, с. 755]. Не случайно «традиционная русская мораль» не придает значения «личной ответственности, личной заслуге, подбору личных качеств» [6, с. 632]. Бердяев мечтал о будущем возрождении церкви, когда она, проиграв в количестве, выиграет в качестве: только «свободные сыны церкви останутся в ней, никто уже не будет причислен к ней в силу внешней необходимости, никто не будет принадлежать к ней по соображениям корыстным» [6, с. 513].

Религии, называемые классическим религиоведением этическими, предполагают, что союз человека и Бога инициируется сверху, однако (даже если название религии переводится как «покорность») только от человека зависит, подчиниться или нет, он берет ответственность на себя, просчитывает риски в *этом* и *том* мирах и т.д. (если за дело не берется религиозная и светская бюрократия). Свободный выбор веры – условие настоящей религиозности, что определяет не только устойчивость и жизнённость религиозных институтов, но и развитие в личности ответственности за свои поступки. В трансформации человеческого потенциала, начиная с «осевого времени» (К. Ясперс), религии Откровения имели большое значение, в том числе потому, что способствовали «взрослению» человека. Ни вера, ни неверие сами по себе не являются «знаком качества» современного индивида или гарантией «правильных» жизненных целей и ценностей в меняющейся/изменившейся реальности. Важно, чтобы ни религиозные, ни светские институты не препятствовали процессу обретения личных жизненных ориентиров «совершеннолетним» человеком.

Список литературы

1. Тоффлер Элвин и Хейди. Создание новой цивилизации // Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX-XXI вв. М: Алгоритм, 2007. С. 253-270.
2. Чоран Эмиль-Мишель. Механика утопии // Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX-XXI вв. М: Алгоритм, 2007. С. 213-251.
3. Harari Yuval Noah. Homo Deus. A Brief History of Tomorrow. Harvill Secker. 2016. 448 p.
4. Кокс Харви. Мирской град. Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М: «Восточная литература» РАН. 1995. 263 с.
5. Лаза В.Д. Православие в современном мире: ценности и социальный архетип. М.: Центр стратегической конъюнктуры, Издатель Воробьев А.В., 2012. 220 с.
6. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922. М: Астрель, 2007. 1179 с.

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА (К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)
GENDER ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF HUMAN
POTENTIAL (THE 100TH ANNIVERSARY OF THE GREAT OCTOBER
SOCIALIST REVOLUTION)**

В.Г. Ушакова
Санкт-Петербургский государственный университет
V.G. Ushakova
Saint Petersburg University

Речь идет об основных достижениях гендерного равноправия, о проблемах, существующих в женской и мужской гендерных общностях, и о тенденциях гендерных отношений в нашей стране.

The article focuses on the main achievements of gender equality, the problems existing in women's and men's gender communities, and the trends of gender relations in our country.

Ключевые слова: гендер, женская, мужская гендерная общность, дискриминация, гендерная асимметрия

Keywords: gender, masculine, feminine, common gender, discrimination, gender inequality

Сто лет назад в нашей стране победила великая феминистская революция, что даёт повод попытаться проанализировать её достижения и проблемы.

Политические партии России (Российская социал-демократическая рабочая партия, Конституционно-демократическая партия (партия народной свободы), Партия октябристов («Союз 17 октября»), Партия социалистов-революционеров), активно заявившие о себе в 1917 году, сформулировали основные направления решения «женского вопроса». Первые Декреты советской власти обеспечили правовую основу для выравнивания гендерной асимметрии в области политических, экономических и социальных прав.

100 лет проведения в нашей стране государственной феминистской политики принесли ощутимые результаты.

В 2016 г. состоялись выборы в Государственную Думу РФ седьмого созыва. Женщины представлены в каждой из четырех думских фракций. В «Единой России» – 63 женщины из 341 депутата (14%), в «КПРФ» – 3 женщины из 42 депутатов и в «ЛДПР» – 2 женщины из 39 депутатов (менее 10% в каждой). Фракция «Справедливая Россия» лидирует по количеству представительниц женского пола – 3 женщины из 23 депутатов (более 10%). Среди 447 депутатов Государственной Думы седьмого созыва 71 женщина (15.8%). В Государственной Думе VI созыва заседали 79 женщин из 531 депутата (14.6%). Разница составляет 1.2% [1].

В соотношении уровня образования: высшее (включая послевузовское образование) имеют 58% женщин и 42% мужчин, неполное высшее 54% и 46% соответственно. Гендерное соотношение занятых в экономике в 2015 г. выглядит так: в целом 49% женщин и 51% мужчин заняты в экономике, из них руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей организаций, – женщин 39%, мужчин 61%; работодатели – 33% женщин и 67% мужчин. Заработная плата женщин в 2015 г. в среднем составляла 72.6% от заработной платы мужчин [2].

Представленная статистика показывает, что женщины в большем количестве, чем мужчины получают высшее образование, активно участвуют на рынке труда, но, вместе с тем, в среднем получают более низкую заработную плату и зачастую остаются на низших уровнях государственной службы.

Традиционный мужской стиль жизни, устоявшиеся представления о положении мужчин не только в семье, но и на работе в последние десятилетия перестали соответствовать современным социальным условиям. Перемены в обществе спровоцировали кризис мужской роли. Традиционные мужские качества не ценятся так высоко, как прежде; от мужчин ожидается не только успешная карьера, но и забота о семье, детях, помощь в домашних делах, то есть поведение, выходящее за рамки патриархальной мужской роли и требующее феминных навыков. Немало женщин предпочитают мужчин андрогинного, а не традиционного типа.

Однако причины «кризиса маскулинности» и вероятные пути его преодоления трактуются различно и даже противоположно. Мужчины как гендерный класс отстают от требований времени, их деятельность, установки и групповое самосознание, а также представления о том, каким должен быть мужчина, уже не соответствуют модифицировавшимся социальным условиям и подлежат кардинальному изменению. Увеличение круга допустимых эмоциональных проявлений, более широкий выбор сфер деятельности и стилей жизни, расширение возможностей самоактуализации для мужчин могут стать возможными путями решения кризиса маскулинности.

Приверженцы противоположного мнения уверены, что социальные процессы, подрывающие мужскую гегемонию, угрожают «естественным» устоям человеческой цивилизации, и считают, что мужчины как гаранты стабильности обязаны прекратить эту деградацию и вернуть традиционные представления о маскулинности.

Хотя мужчины как гендерная группа по-прежнему имеют институциональные преимущества перед женщинами, им приходится расплачиваться за свои привилегии и более высокий статус на рынке труда плохим здоровьем, поверхностными межличностными отношениями и преждевременной смертью.

- Немало женщин рассматривают брак как способ решить свои материальные проблемы. Это закономерно порождает неискренние, корыстные отношения с мужчинами, основанные на психологических манипуляциях и имеющие целью извлечение выгоды. Таким образом, мужчины могут страдать от деформированных межличностных отношений.

- Общество неодобрительно относится к мужчинам, которые зарабатывают меньше своих жен; широко распространено мнение, что мужчина обязан быть кормильцем семьи, больше работать и зарабатывать. Соответственно маленькая зарплата может привести к тому, что мужчина постоянно испытывает внутреннее беспокойство из-за своей «несостоятельности» и начинает страдать от депрессии.

- Существует точка зрения, что и в семье, и на работе современные мужчины угнетены даже больше женщин, которым везде даются преимущества. Так называемая борьба женщин против сексуальных домогательств на работе фактически блокируют мужскую сексуальность; работники мужского пола с детьми до 3х лет не защищены от увольнения, в отличие от своих коллег женского пола.

- Мужчины трудятся на наиболее сложных и опасных участках производства, и получают производственные травмы значительно чаще женщин. Мужчины чаще женщин гибнут на производстве и чаще становятся

инвалидами. Количество хронических профессиональных заболеваний значительно опережает аналогичные показатели у женщин. Этот вопрос не поднимается остро в обществе, и не обсуждаются возможные пути его решения. Запрет работать женщинам, например, в шахтах объясняется не только тем, что государство заботится о здоровье женщин, но и экономией, связанной с *совершенствованием* стандартов безопасности труда в шахтерском деле до уровня, приемлемого для женщин.

- Несмотря на то, что об охране труда ведется немало разговоров, частные компании нередко экономят на охранительных мерах для работников-мужчин.

- Еще одним примером мужской дискриминации в сфере труда можно назвать более поздний выход мужчин на пенсию. Мужчины отправляются на заслуженный отдых в России в 60 лет, то есть на 5 лет позже женщин. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, по данным на 2015 г., у женщин 76,7 лет, у мужчин – 65,9 лет. Таким образом в России женщины живут на пенсии 21, 7 лет, а мужчины – всего около 6 лет [2, с. 29]!

Снижение возраста выхода на пенсию для мужчин до уровня женского может привести к негативным экономическим последствиям, а повышение женского пенсионного возраста до 60 лет – непопулярный шаг, на который правительство пока не решается.

Следует отметить, что в современном обществе происходят структурные изменения под влиянием глобализационных процессов в экономической и финансовой сферах. Наблюдается обострение конкурентной борьбы, открытие новых технологий, создание единого мирового информационного пространства, усиление неолиберализма в политической сфере. В связи с этим неравенство между полами не только сохраняется, но набирают силу новые формы неравенства внутри единой социально-демографической общности мужчин и женщин, возникают конфликты между различными гендерами: маскулинным, феминным, андрогинным и непроявленным.

Поскольку гендер является стратификационной категорией, «указателем социального места», постольку возникают противоречия и конфликты внутри каждой социально-демографической общности. Например, значительное количество мужчин испытывают серьезные трудности в реализации предписанных им гендерных ролей. Усиливаются различия и среди женщин. Все более очевидным становится процесс «феминизации мужчин» и «маскулинизации женщин», т.е. процесс смены гендерных ролей.

Список литературы

1. Федеральное Собрание РФ. Государственная Дума. Официальный сайт. [Эл. ресурс] Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/structure/factions/> (дата обращения: 27.02.2017.).
2. Женщины и мужчины России. 2016: Стат.сб./ Росстат. М., 2016. 208 с.

СУБЪЕКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ В НЕСТАБИЛЬНОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ **SUBJECTIVE POTENTIAL OF YOUTH: CONTRADICTIONS OF FORMATION AND REALIZATION IN THE VOLATILE RUSSIAN SOCIETY**

А.Э. Ушамирский
Волжский институт экономики, педагогики и права
A.E. Ushamirsky
Volzhsy Institute of Economics, Pedagogy and Law

Рассматривается проблема субъектного потенциала современной российской молодежи, который определяется как способность принимать самостоятельные решения и осуществлять действия, оказывая при этом влияние на поведение контрагентов. Обосновывается, что субъектный потенциал молодых людей не следует сводить только к их способности к творчеству. Процесс его формирования крайне противоречив, по-разному проявляется на микро- и макроуровне, а для отдельных групп молодежи типичен сознательный или вынужденный отказ от его проявлений социальной субъектности.

It is considered the problem of subjective potential of modern Russian youth, which is defined as the ability to make their own decisions and implement actions, thus exerting influence on the behavior of counterparties. It is proved that the subjective capacities of young people should not be reduced only to their ability to be creative. The process of its formation is extremely controversial, variously manifested in the micro and macro levels, and it is typical for certain groups of young people the conscious or forced abandonment of its social manifestations of subjectivity.

Ключевые слова: молодежь, социальная субъектность, субъектный потенциал молодежи, выбор, нелинейная социальная среда

Keywords: youth, social subjectivity, subjective potential of young people, the choice, nonlinear social environment

Традиция наделять молодежь способностью к преобразованию и улучшению общества характерна как для практиков, так и для значительной части исследователей. В работах теоретиков она, в частности, воплощается в концепцию субъектности молодежи, которая понимается как способность общества, социальных групп, человека выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности [1, с. 147]. Согласно наиболее распространенной концепции, субъектность молодежи органически связана с ее способностью продуцировать новые социальные артефакты [2, с. 20]. В результате субъектный потенциал молодежи связывается почти исключительно только со способностью молодежи к социальному творчеству. Но такой подход представляется не вполне корректным, поскольку опирается на редуцированную трактовку понятия субъекта. Однако в определении социального субъекта обычно фиксируется лишь способность человека быть познавательным и действующим существом [3, с. 611].

Качество субъектности формируется не только как следствие участия в творчестве, но и как результат возможности и способности действовать, точнее, принимать и реализовывать самостоятельные решения. Важнейшими признаками субъектности являются суверенность, функциональность, которые предопределяют формирование деятельного сознания, заключающегося в понимании своей личной инициативы как субъективно возможной и общественно значимой основы собственного существования. Субъект – это не более чем актер выбора. Субъектный потенциал молодежи в данном контексте – ее способность принимать самостоятельные решения и осуществлять действия, оказывая при этом влияние на поведение контрагентов.

Значение субъектного потенциала молодежи в настоящее время исключительно велико, поскольку развитие в современном обществе не носит линейного характера, меняется под влиянием различных аттракторов и максимально вариативно. Проблема социального выбора в диссипативной среде трансформируется в проблему способности молодежи самонастраиваться и самодостраиваться в ответ на внутренние и внешние изменения. Это самонастраивание может быть нацелено на перемены, но может принимать форму адаптации к окружающей среде, даже если принципы самоорганизации этой среды не соответствуют ценностно-смысловой системе молодых людей. Только в первом случае потенциал субъектности можно отождествлять с социальным творчеством, во втором – он таковым не является. В этом случае идет непрерывный процесс интеграции: от механического включения молодежи в общественные структуры «через осознание своего статуса в них, к полной самоидентификации с ними» [4, с. 18].

Нельзя не учитывать и внутреннюю дифференциацию молодежи. Ее различные группы выбирают существенно отличающиеся друг от друга жизненные стратегии. Среди этих стратегий есть стратегии наращивания субъектности, но есть и стратегии «сознательной десубъективизации» либо путем социального исключения, свертывания жизненного пространства, либо путем утраты собственной молодежной идентичности и образцов «взрослой культуры».

Именно в молодежной среде наиболее ярко прослеживается уникальный феномен парадоксального человека, «сочетающего в себе взаимоисключающие ориентации, которые противостоят друг другу, исключают друг друга, несовместимы между собой» [5, с. 4]. Но в то же время эти противоположности при определенных условиях конвергируют. И в тех случаях, когда процесс конвергенции не регулируется, ее результатом становятся различные формы социальных девиаций.

В условиях ярко выраженной дифференциации довольно затруднительно говорить о субъектном потенциале молодежи в целом. Он не одинаков, а в ряде случаев молодежь вынужденно или добровольно отказывается от его формирования и наращивания. Реальностью является феномен молодежного аутсайдерства, которое носит диспозиционный характер.

Субъектный потенциал молодежи может быть социетально ориентированным, но способен приобретать и асоциальную направленность. В нестабильной среде вторая возможность реализуется довольно часто. Т.И. Морозова пишет: «Безусловно, молодежь стала в целом более субъектной, то есть способной самостоятельно выстраивать свою жизнь, обеспечивать реализацию жизненных планов. Однако субъектность молодежи в большинстве случаев оказалась односторонней, квазисоциальной, то есть замкнутой исключительно на себя, без обращения к общественному контексту» [6, с. 40].

Субъектный потенциал молодежи существенно различается в зависимости от уровня самоорганизации общества. Молодые люди, в частности, могут быть наиболее самостоятельными и активными в приватной сфере (семья, досуг), но и пассивными в публичной жизни. Возможна, кстати, и противоположная ситуация.

Таким образом, субъектный потенциал молодежи в нестабильной социальной среде внутренне противоречив, он недостаточно актуализирован.

Рассуждая о высоком молодежном потенциале субъектности, мы создаем очередной симулякр, он позволяет остаться на реалистичных позициях. Между тем, анализируя данную проблему: а) не следует переоценивать степень (или уровень) субъектности молодежи; б) помнить о нелинейности ее формирования и реализации; в) видеть дифференциацию молодежи как субъекта социальных

изменений; г) учитывать не только предпосылки ее формирования, но и значимые социокультурные и психологические барьеры.

Кроме того, важно понимать, что внешняя оценка потенциала субъектности и представления о нем у самой молодежи существенно различаются. Молодые люди довольно часто склонны преувеличивать свои возможности в сфере выбора. В действительности они чаще всего довольно глубоко интегрированы в социальные структуры, что подтверждается рядом обстоятельств.

Во-первых, имеет место довольно высокий уровень удовлетворенности молодежи своими жизненными условиями и оценкой собственного статуса. Однако, лишь ощущение неудовлетворенности условиями своей жизни является предпосылкой любых социальных изменений.

Во-вторых, по структуре своих ценностей молодежь незначительно отличается от «взрослого населения», в то время как общественную субъектность молодежи стимулирует рассогласование ее ценностей и ценностей других поколений. Именно этим ощущением провоцируется молодежный неконформизм, означающий, в сущности, попытку реализовать запрос на ценности и смыслы, дефицит которых ощущается в социуме.

В-третьих, для большинства молодежи сфера выбора ограничивается микросоциумом, в котором она наиболее активна.

Мы полагаем, что иллюзии относительно высокого потенциала субъектности молодежи имеют несколько причин:

- увлеченность некоторых исследователей субъект-субъектной парадигмой социального управления, в рамках которой оно рассматривается как совместная деятельность участников (в прежней трактовке – субъекта и объекта), направленная на достижение солидарно поставленных целей;

- недостаточно объективная и при этом чрезмерно оптимистическая оценка тенденций развития молодежи в конце 90-х – начале 2000-х гг., на основе которой была сформулирована концепция молодежи как лидирующей группы общества;

- стремление руководителей, реализующих молодежную политику в России, повысить свой социальный статус и статус возглавляемых ими структур.

Список литературы

1. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. 351 с.
2. Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии: моногр. Белгород: Издательство БелГУ, 2007. 276 с.

3. Социологическая энциклопедия. В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. 863 с.
4. Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М.: Издательство Московской гуманитарной академии, 2003. 268 с.
5. Тощенко Ж.Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 3-15.
6. Морозова Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона. Белгород: ИД «Белгород», 2012. 360 с.

ЧЕЛОВЕК В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: ДУАЛИЗМ ТЕРПИМОСТИ PERSON IN A GLOBAL SOCIETY: THE DUALISM OF TOLERANCE

Ю.В. Черновицкая

Институт философии Российской академии наук, г. Москва

Yu.V. Chernovitskaya

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow

Рассматривается вопрос о месте и роли человека на современном этапе глобализации. Подвергается сомнению успешность политики мультикультурализма, предполагается, что она приводит к усилению фрагментации общества по этническому принципу, при этом необходимым компонентом сосуществования обществ в глобальном мире становится дуализм терпимости.

The question of the place and role of person in the present stage of globalization is considered. It is questioned the success of the policy of multiculturalism, it is supposed that it leads to the strengthening of the fragmentation of society along ethnic lines. The dualism of tolerance becomes an essential component of the coexistence of societies in the global world.

Ключевые слова: человек, глобализация, мультикультурализм, диалог культур, дуализм терпимости

Keywords: human, globalization, multiculturalism, dialogue of cultures, dualism of tolerance

Трансформирующаяся глобальная среда порождает проблемы, при решении которых требуется учитывать императивы XXI в. Положительные аспекты глобализации (особенно ее экономическая и информационная составляющая), такие как доступ к информационным ресурсам, свободное перемещение капитала, товаров и услуг, рабочей силы, формирование глобальных экономических союзов, межкультурное взаимодействие народов, оттеняются такими отрицательными моментами, как увеличение разрыва в уровне развития (как экономического, так и интеллектуального) между богатыми и бедными странами, доступа к ресурсам, появление международной

организованной преступности и терроризма, массовая нелегальная миграция и т.п. Несмотря на прогнозы образования в скором будущем «мегаобщества», «суперэтнуса» – единого для всего человечества общества не возникло. Глобализация не уничтожает культурного многообразия человечества, однако, подрывая корни и истоки традиций и национальных культур, в то же время создает предпосылки для возрождения традиционных идентичностей. Человек с такой подвижной, изменчивой, открытой для взаимовлияний идентичностью не опирается на фундаментализм. Человек в инокультурной среде учится жить в двух культурах, не смешиваясь полностью с культурой принимающего общества, но и не конфликтуя с ней, он возрождает свою первичную культуру в новом виде. К сожалению, размывание национальной идентичности и национальных особенностей, неизбежные процессы ассимиляции, глобальные изменения в политике, экономике и культуре не только не сделали общество однородным, но и усилили обратные процессы: разобщение культур и народов, рост национального самосознания, культурной дифференциации, стремление наций к самоутверждению и желание сохранить собственные культурные ценности, вплоть до усиления националистических устремлений, приводящих к конфликтам. Глобализация не отрицая национальные культуры, показывает невозможность дальнейшего существования и развития их в привычных формах. Это не только способ подавления одной культуры другой, либо превращения культур в единую массовую культуру, но и стимул для развития, обогащения культур. Люди объединяются не по национальному, этническому признаку, признаку крови или почвы, а на основе свободного выбора, по общности их культурных предпочтений. Глобализация создает глобальную локальность, которая одновременно и связывает людей в планетарном масштабе, и различает их в зависимости от сделанного ими культурного выбора. «Свобода личного выбора, не ограниченная никакими местными и региональными барьерами, становится главным условием включения индивида в глобальную культурную связь» [1, с. 380].

Интеграционная политика сводится к двум не однозначным, противоречивым полярным стратегиям – ассимиляции и мультикультурализму. Так, например, в США до 1960-х гг. XX в. применялась стратегия ассимиляции иммигрантов – «плавильный котел». Аналогичные процессы происходили в Австралии, Аргентине, Бразилии). «Миллионы иммигрантов и их потомков добились богатства, могущества, признания в американском обществе исключительно по той причине, что они ассимилировались в доминирующей культуре» [2, с. 108].

В настоящее время на первый план выходит политика мультикультурализма. Она официально провозглашена в Канаде, Австралии,

Великобритании, Нидерландах и других странах. Развитие информационно-коммуникативных технологий, транспортного сообщения в настоящем позволяет людям, находящимся в инокультурном пространстве, поддерживать связь со своей культурой. Тем не менее, успешность политики мультикультурализма подвергается сомнению, предполагается, что она уничтожает единство общества, усложняет процесс ассимиляции, усиливает межгрупповое и межрасовое недоверие, в частности, из-за введения «квотирования» при приеме в вуз, поступлении на работу. Вместо ожидаемого взаимообмена культурными ценностями такая политика приводит к усилению фрагментации общества по этническому принципу. Критики мультикультурализма указывают на то, что по факту мультикультурализм в современном мире представляет собой новый тип «модернизированного расизма», его скрытую форму, выраженную, в том числе, и в позитивной дискриминации, он служит лишь тому, чтобы подчеркивать различия и оправдывать неравноправие. В Великобритании такая политика привела к тому, «что сегодня мультикультурализм видится как нечто совершенно необходимое для этнических меньшинств и абсолютно бесполезное и даже вредное для белого населения Британии» [3]. Современные реалии склоняют нас к тому, что мультикультурализм искусственно аккумулирует этнические особенности малых групп. Для полноценного существования в демократическом обществе каждому члену общества, человеку следует самостоятельно решать вопрос о своей культурной идентичности. Только политика демократического участия членов общества в процессе формирования культурных ценностей сочетает нормы и представления современного глобального мира с локальной культурой какого-либо народа.

По мнению Г. Сатори, мультикультурализм является носителем определенной идеологии, которая в своей агрессивности, тенденции изолироваться и нетолерантности прямо отрицает плюральность [4, с. 10-12]. Сообщества иммигрантов основывают свои гетто, со временем начинают добиваться своих прав на культурно-религиозную идентичность. Обязанность интеграции при политике мультикультурализма фактически переносится с пришельца на принимающую страну. Получается, что в современном мире основным направлением государственной политики в области этнорасовых взаимоотношений стала так называемая «позитивная дискриминация» [5, с. 39] в отношении меньшинств, указывающая на приоритет групповых прав над индивидуальными правами человека, усиливается роль «пассивной толерантности», замещающей понятие толерантности как активного социального поведения.

Актуальные вопросы толерантности, диалога культур акцентируются на понятии «дуализм терпимости» [6, с. 235]. Общество нельзя заставить быть толерантным, насильно вводимая толерантность на деле смещает акценты и ориентиры традиционных культур, трансформирует понятие нормы. Тенденции последнего времени таковы, что намечается угроза постепенного превращения мультикультурализма в политическую программу культурной дифференциации. Политика мультикультурализма даже в какой-то мере провоцирует расовые противоречия, уделяя слишком много внимания «другим» культурам, абсолютизируя их специфику и устойчивость к изменениям в отличие от стремления к сосуществованию обществ, диалогу культур, компромиссу. Искусственно гипертрофированные культурные различия объявляются непреодолимыми, что создает почву для новых межкультурных конфликтов. Возникает необходимость признания и уважения не только коренными жителями культуры и верований неосновных народностей и этносов, но также требуется подобное отношение к местным нравам и обычаям со стороны приезжающих, мигрантов и иных категорий лиц. Дуализм терпимости становится необходимым компонентом сосуществования обществ в глобальном мире. Межкультурный диалог помогает найти такие транскультурные ценности, которым бы могла следовать вся человеческая цивилизация и каждый человек.

Список литературы

1. Межуев В.М. Судьба национальных культур в эпоху глобализации // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 1304 с.
2. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
3. The Daily Telegraph [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/> (дата обращения: 01.04.2017).
4. Sartori G. Pluralismus, multikulturalismus a přistěhovalci: eseje o multietnické společnosti. Dokořán. Praha, 2005. P. 10-12. Цит. по: Белас Л., Беласова Л. Мультикультурализм в глобализирующемся мире // Вестник ВятГГУ. 2014. № 7. С. 6-10.
5. Бубликов В.В. Ассимиляция или мультикультурализм опыт зарубежных стран по интеграции иммигрантов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 315 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/assimilyatsiya-ili-multikulturalizm-opyt-zarubezhnyh-stran-po-integratsii-immigrantov> (дата обращения: 16.06.2017).
6. Апольский Е.А. Западноевропейская толерантность и мультикультурализм: опыт и перспективы правового регулирования в России // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. №5. [Эл. ресурс]. Режим доступа:

<http://cyberleninka.ru/article/n/zapadnoevropeyskaya-tolerantnost-i-multikulturalizm-opyt-i-perspek-tivy-pravovogo-regulirovaniya-v-rossii> (дата обращения: 29.06.2017).

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА КАК УСЛОВИЕ
ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА:
ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**
**SOCIAL-CULTURAL SPHERE AS THE FACTOR OF REPRODUCTION
OF HUMAN POTENTIAL: EXPERIENCE OF REGIONAL RESEARCH**

К.А. Чернышев
Вятский государственный университет
K.A. Chernyshev
Vyatka State University

Указывается на значение социально-культурной сферы в воспроизводстве и реализации человеческого потенциала регионов. Приводится перечень показателей, характеризующих уровень развития социально-культурной сферы. Осуществлена типология муниципалитетов Кировской области по уровню развития и результативности социально-культурной сферы.

It points to the importance of the socio-cultural sphere in the reproduction and realization of the human potential of the regions. A list of indicators characterizing the level of development of the socio-cultural sphere is given. The typology of municipalities of the Kirov region on the level of development and effectiveness of the socio-cultural sphere has been implemented.

Ключевые слова: социально-культурная сфера, человеческий потенциал, Кировская область, муниципальные образования

Keywords: social and cultural sphere, potential human development, Kirov region, municipalities

В научной экономической и социологической литературе в наиболее общем виде категория человеческого потенциала определяется как накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, профессиональной компетентности, творческой, гражданской активности и пр. Т.И. Заславская вкладывает в понятие человеческого потенциала общества целостную характеристику, отражающую готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими общностями [1].

Очевидно, что условия для воспроизводства и реализации человеческого потенциала не являются равными в различных странах, регионах,

муниципальных образованиях. Исследования человеческого потенциала осуществляются применительно к территориям разного иерархического уровня. На постоянной основе проводятся оценки индекса развития человеческого потенциала как стран мира, так и регионов России.

С нашей точки зрения, одним из условий воспроизводства и реализации человеческого потенциала регионов является наличие развитой социально-культурной сферы. Полноценная реализация человеческого потенциала предполагает равенство возможностей, ликвидацию барьеров, связанных с местом проживания, препятствующих получению разного рода социально-культурных благ. В данной работе внутрирегиональные территориальные различия, существующие в уровне развития и результативности функционирования социально-культурной сферы, предлагается выявить на примере Кировской области, регионе, характеризующемся невысокими показателями развития человеческого потенциала по сравнению с другими субъектами Приволжского федерального округа [2].

Для исследования территориальной дифференциации уровня развития и результативности функционирования социально-культурной сферы на внутриобластном уровне были отобраны показатели, отдельно характеризующие условия и результативность получения услуг. Методика отбора показателей была изложена нами ранее [3], хотя набор показателей претерпел за прошедшее время определённые изменения и представлен в таблице 1.

В результате было выделено 3 типа территорий по условиям социально-культурного обслуживания и 3 типа по результативности обслуживания. Совмещение результатов двух типологий позволило выделить 9 типов районов, представленных на рис. 1.

1. Наихудшие условия для получения услуг и низкая результативность социально-культурных учреждений отмечаются в 7 районах.

2. Низкий уровень развития социально-культурной сферы при среднем уровне их результативности отмечается в 10 районах.

3. Из муниципальных образований с низким уровнем развития системы социально-культурного обслуживания 1 район характеризуется высоким уровнем потребления социально-культурных услуг.

4. Средние условия для социально-культурного обслуживания при низком уровне потребления услуг местным населением выявлены в 6 районах области.

5. Средний уровень обеих групп показателей характерен для 4 районов Кировской области.

6. Средний уровень развития социально-культурной сферы при высокой результативности отмечается в 4 районах.

7. Из муниципальных образований с наилучшими условиями обслуживания г. Киров и 2 района характеризуются низкой результативностью социально-культурной сферы.

8. Высокая развитость сферы социально-культурного обслуживания и средняя результативность функционирования отмечается в 2 районах области.

9. Самый высокий в Кировской области уровень развития социально-культурной сферы имеют 3 района.

Т а б л и ц а 1

Образование	
<i>Условия обслуживания</i>	<i>Результативность обслуживания</i>
<ul style="list-style-type: none"> • обеспеченность местами в дошкольных образовательных организациях (ДОО), • образовательный уровень педагогических работников ДОО, • среднее расстояние между ДОО; • среднее расстояние между школами; • обеспеченность местами в загородных оздоровительных лагерях для школьников 	<ul style="list-style-type: none"> • охват детей ДОО; • охват детей общеобразовательными учреждениями, • доля учащихся школ, обучающихся в группах продлённого дня; • охват школьников отдыхом в оздоровительных лагерях с дневным пребыванием, • охват школьников отдыхом в загородных лагерях
Культура	
<i>Условия обслуживания</i>	<i>Результативность обслуживания</i>
<ul style="list-style-type: none"> • обеспеченность местами в культурно-досуговых учреждениях; • обеспеченность библиотечным фондом; • обеспеченность местами в кинозалах; • доля населения, проживающая в населённых пунктах, где имеются школы эстетического воспитания 	<ul style="list-style-type: none"> • охват населения клубными формированиями; • охват населения библиотечным обслуживанием; • охват населения кинообслуживанием; • охват детей и подростков школами эстетического воспитания
Здравоохранение	
<i>Условия обслуживания</i>	<i>Результативность обслуживания</i>
<ul style="list-style-type: none"> • обеспеченность больничными койками; • обеспеченность врачами; • обеспеченность средним медицинским персоналом; • мощность амбулаторно-поликлинических учреждений 	<ul style="list-style-type: none"> • охват населения посещениями врачей; • уровень госпитализации; • младенческая смертность; • количество дней временной нетрудоспособности на 100 работающих
Физическая культура и спорт	
<i>Условия обслуживания</i>	<i>Результативность обслуживания</i>
<ul style="list-style-type: none"> • обеспеченность спортооружениями; • обеспеченность физкультурными работниками, • образовательный уровень физкультурных работников 	<ul style="list-style-type: none"> • охват населения занятиями физической культурой и спортом; • подготовка спортсменов массовых разрядов

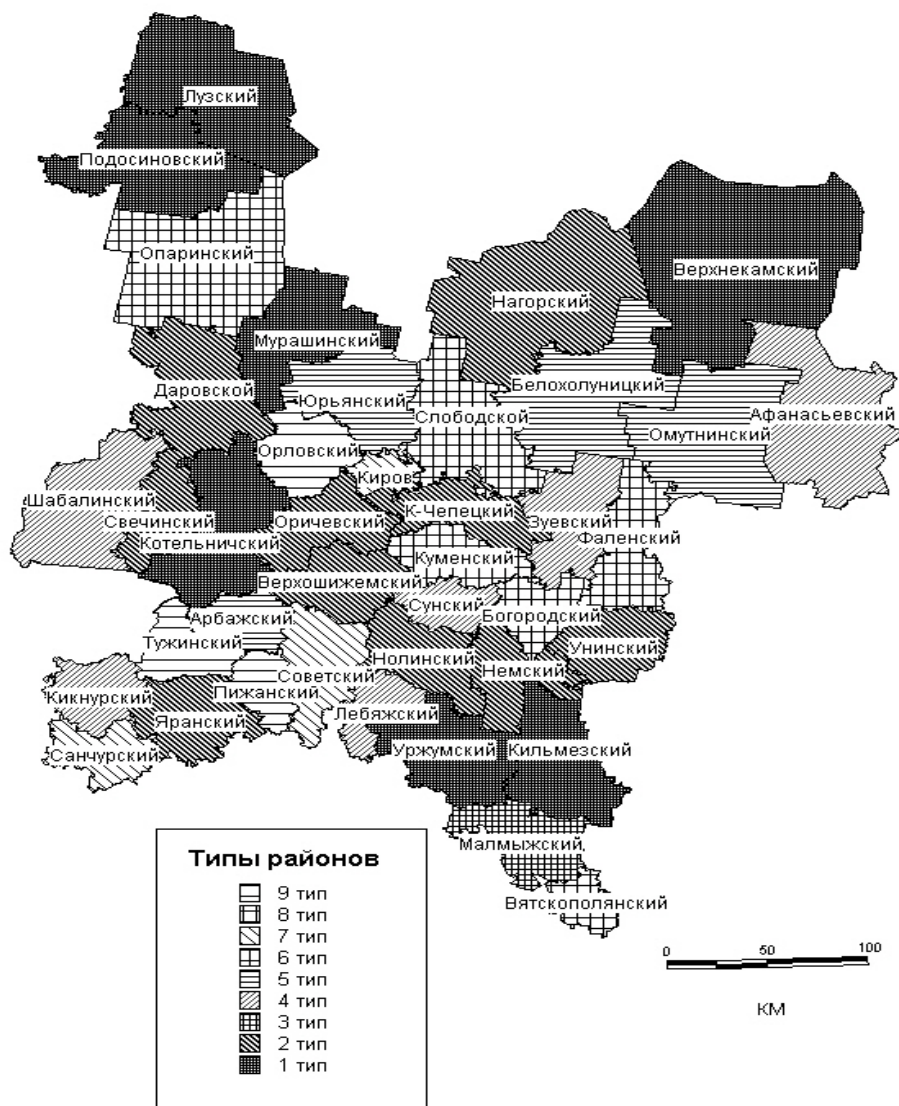

Рис. 1. Типология муниципалитетов Кировской области по развитию социально-культурной сферы

Таким образом, в Кировской области сохраняется значительная внутрирегиональная дифференциация по уровню развития социально-культурной сферы, а, следовательно, и по условиям, существующим для воспроизводства, сохранения и реализации человеческого потенциала.

Список литературы

1. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном обществе // *Общественные науки и современность*. 2005. №3. С. 5-16.

2. Бушкова-Шиклина Э.В. Оценка конкурентоспособности человеческого потенциала и человеческого капитала Кировской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. №4 (24). С. 13-17.

3. Чернышев К.А. Географическое исследование социально-культурного сервиса (на примере Кировской области) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2007. №2. С. 46-49.

**РОЛЬ ДЕВАЙСОВ В ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «СЕТЕВОГО ПОКОЛЕНИЯ»
THE ROLE OF DEVICES IN THE EVOLUTION
OF SOCIAL INTERACTION "NETWORK GENERATION"**

Н.В. Шалютина
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
N.V. Shalyutina
Lobachevsky University

Рассматриваются некоторые аспекты использования девайсов представителями «сетевого поколения», в частности, как современные медиа структурируют нашу жизнь, а именно, изменения степени вовлеченности в различные контексты и клиповое восприятие реальности; изменения в восприятии времени и пространства; использование сетевой коммуникации для решения практически всех возникающих проблем.

In article are discussed some aspects of using devices by representatives of «network generation». In particular, how modern media structure our lives, the modification in the degree of involvement and fragmentation of the perception of reality, changes in perception of time and space, using of network communication for almost all problems.

Ключевые слова: девайсы, гаджеты, сетевое поколение, миллениалы, дигитализация, уровень вовлеченности, дробление реальности, синдром постоянного нахождения в сети

Keywords: devices, gadgets, network generation, millennials, digitalization, level of involvement, multiple reality, syndrome constant presence online

Об опосредованности социального взаимодействия технологиями и их роли в истории писал еще Гарольд Иннис [1]. Он исследовал зависимость социальных структур от медиа технологий, например, расширение империй в пространстве как результат использования бумаги (а не глины или камня) в качестве носителя информации. В дальнейшем исследователи медиа, например,

Маршалл Маклюэн [2] находили связь между социальными характеристиками человека и типом используемого медиа.

В настоящее время эта тема приобретает новое расширение, так как медиа все глубже проникают в нашу повседневность. Девайсы, поддерживающие технологию Web 2.0., – это следующий шаг эволюции взаимодействия. Раньше медиа были призваны объединять людей и некоторым образом унифицировать, так как взаимодействовали они в сущности с коммуникатором. Сейчас информационные системы предоставляют людям возможность взаимодействовать друг с другом и выбирать контекст. Современные медиа, особенно электронные девайсы и гаджеты организуют и структурируют нашу жизнь. Здесь необходимо отметить, что эти понятия, в сущности, синонимичны: для пользователей разница может заключаться в функционале: гаджет – устройство, в котором сценарий взаимодействия зафиксирован, девайс – более общее понятие, это устройство, у которого больше функций (примером гаджета может быть шагомер, а девайса – смартфон). Электронные медиа эволюционируют в направлении индивидуализации и интеллектуализации, подспудно оказывают влияние на ценности, способы восприятия и социального взаимодействия своих пользователей.

Современное поколение молодежи именно потому и называют сетевым (наряду с терминами «поколение «У» и «миллениалы») – оно сформировано под влиянием технологий сетевой коммуникации: электронной почты, службы коротких сообщений, средств мгновенных сообщений и других новых медиа-ресурсов: YouTube и социальных сетей.

Мы выделим несколько основных направлений влияния медиа технологий на миллениалов, конечно, этот список можно продолжить.

Основным результатом активного использования девайсов является изменение степени вовлеченности в повседневность и во взаимодействия «лицом к лицу». Люди, погруженные в экраны смартфонов, находящиеся в наушниках, не существуют для непосредственной коммуникации и зачастую игнорируют физическое присутствие других акторов, их восприятие окружающей реальности снижено. Виктор Вахштайн выделяет 4 уровня вовлеченности, отмечая, что благодаря технологизации человек получил возможность «находиться не там, где его тело, раньше это была привилегия безумцев» [3]. С точки зрения социологии, «быть здесь» – это значит быть вовлеченным в какую-либо коммуникацию «здесь и сейчас». Именно коммуникация определяет наше наличие в социальном пространстве. Этот тезис приобретает новое звучание в связи с развитием медиа технологий: для

того, чтобы где-то быть, мало просто быть там физически, нужно там «зачекиниться», то есть, зарегистрировать свое присутствие.

Соответственно, у современных юзеров реальность умножается: человек может физически находиться в одном месте, например, ехать в метро, при этом быть участником коммуникации в других местах. Нужно отметить, что проблема дробления реальности для социологии не нова: Уильям Джеймс разработал теорию множественности миров [4]; Альфред Шюц – теорию конечных областей значений [5]; Арон Гуревич предлагал изучать порядки существования [6]; а Ирвинг Гофман использовал фрейм анализ для изучения контекстов [7].

Можно констатировать, что эволюция социального взаимодействия под влиянием девайсов приводит к дроблению реальности. Подобно тому, как современные юзеры осуществляют серфинг в сети, одновременно работая с несколькими открытыми вкладками, они взаимодействуют и с повседневностью, вовлекаясь сразу в несколько контекстов. Важно отметить, что используя девайсы, люди скользят по реальностям практически без усилий (в отличие от, например, перехода из одной реальности в другую в теории Шюца), так как степень вовлеченности в каждую из реальностей низкая. Это и является одной из особенностей сетевого поколения – клиповое мышление, которое связано с многоканальностью восприятия информации. Появилось множество понятий, описывающих феномены клипового восприятия и формы взаимодействия представителей сетевого поколения: фрагментации сознания, веб серфинг (websurfing) – быстрое перемещение между сайтами, мультитаскинг (multitasking) – выполнение нескольких задач одновременно или зэппинг (zapping) – быстрое бесцельное переключение каналов. Некоторым образом фрагментарность мышления служит защитой от огромного потока информации, поступающей через девайсы.

Обратной стороной вовлеченности в несколько контекстов является «синдром постоянного нахождения онлайн». Представители сетевого поколения практически всегда доступны для взаимодействия, а также решают несколько задач одновременно, поэтому они иначе относятся ко времени: если значимость пространственных характеристик реальности снижается, то ценность времени, напротив, повышается. Как следствие, всё больше людей переходят на гибкий график, увеличивается возможность удаленной работы, граница между офисом и домом стирается так же, как нивелируется разница между работой и досугом. Формальному подходу всё сложнее следовать: если человек использует личное время для того, чтобы ответить на деловое письмо, может ли он использовать рабочее время для личных дел?

Другое направление влияния медиа технологий, на которое хотелось бы обратить внимание, – это активный перенос идей из социальных сетей в

реальность и, вообще, использование сетевой коммуникации для решения практически всех возникающих проблем. Появляются новые типы взаимодействия и сотрудничества в сети: коворкинг (co-working), краудсорсинг (crowdsourcing), онлайн мобилизация. Современное сетевое поколение называет себя поколением нердфайтеров, людей, борющихся с «мировой скукой» посредством, например, блогерства. Желание «быть потрясающим» и «бороться со скукой» выходят за рамки социальных сетей: активно развиваются civic media, – интернет-платформы, способствующие креативному вмешательству горожан в трансформацию городского пространства и позволяющие жителям решать проблемы благоустройства городов. С одной стороны, самодельные городские трансформации рассматриваются как метод востребования права на город (горожане оспаривают доминирующее распределение власти и права формировать пространство), а с другой стороны, как один из эффектов появления «новой богемы», джентри, заявляющих о себе в городском дискурсе.

Очевидно, что коммуникационные технологии способны влиять на социальные структуры как на макросоциологическом, так и на микросоциологическом уровнях. Современные медиа, особенно электронные девайсы и гаджеты, организуют и структурируют нашу жизнь, дают возможность выбирать контекст взаимодействия, оказывают влияние на ценности, становятся площадкой для взаимодействий с последующим переносом идей и решений в реальность. Это лишь некоторые штрихи к портрету представителей сетевого поколения, формирующемуся под влиянием медиа технологий. Среди исследователей процесса дигитализации социальной реальности нет консенсуса относительно оценки происходящих изменений, появились «цифровые оптимисты» и «цифровые пессимисты», но ставить точку в обсуждении эффектов пока рано, потому что дигитализация нелинейна, не повсеместна и не закончена.

Список литературы

1. Цит. по Innis Harold. The Bias of Communication. Режим доступа: <http://www.media-studies.ca/articles/innis.htm> (дата обращения: 27.08.2017)
2. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М: Кучково поле, 2011. 464 с.
3. Вахштайн В. Лекция «Режимы вовлеченности и эволюция человеческой коммуникации». 5 марта 2016, Центр современной культуры «Смена», Казань. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Fh4VuelWoYo> (дата обращения 14.04.2017).
4. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/193232-mnogoobrazie-religioznogo-opyta.html> (дата обращения: 27.08.2017)

5. Щюц А. О множественности реальностей. Режим доступа: <https://sociologica.hse.ru/2003-3-2/28146546.html> (дата обращения: 27.08.2017)

6. Гурвич А. Неэгологическая концепция сознания. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/37/06.pdf> (дата обращения: 27.08.2017)

7. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.

**ЗДОРОВЬЕ ЮНОШЕЙ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА КАК ФАКТОР
СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА МОЛОДОГО
НАСЕЛЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**
**THE HEALTH OF YOUNG MEN OF MILITARY AGE AS A FACTOR IN
THE PRESERVATION OF THE HUMAN CAPITAL
OF THE YOUNG POPULATION AND THE SECURITY OF RUSSIA**

Я.В. Шимановская

Российский государственный социальный университет

Y.V. Shimanovskaya

Russian State Social University

Рассматривается проблема здоровья молодого поколения и? в частности юношей призывного возраста. Выделены стратегические направления молодежной политики, обеспечивающие сохранение человеческого капитала молодежи и безопасность государства в целом. Установлено, что формирование политики охраны и укрепления здоровья молодежи, и особенно юношей призывного возраста, является одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики.

The article deals with the problem of health of young generation and in particular young men of military age. Selected strategic directions of the youth policy ensure the preservation of the human capital of young people and the security of the state as a whole. It is established that the policy of protection and strengthening of health of youth, particularly young men of military age is one of the priority directions of state youth policy.

Ключевые слова: человеческий капитал, молодежная политика, юноши призывного возраста, здоровье, безопасность

Keywords: human capital, youth policy, young men of military age, health, and safety

Высшей ценностью социального государства провозглашен человек. На государственном уровне необходимо проявлять заботу о каждом гражданине, в особенности о молодежи. Государственная молодежная политика включает в себя комплекс социально-экономических, политико-организационных и правовых мер, нацеленных на обеспечение прав и свобод молодых граждан

страны, их всемерную поддержку. Эта политика направлена на создание необходимых для молодежи правовых, экономических и организационных условий, обеспечение государственных гарантий, чтобы молодые граждане занимали достойное место в обществе.

Проводимая государственная молодежная политика реализует и несколько стратегически важных для общества направлений, обеспечивающих сохранение человеческого капитала и безопасность государства:

- обеспечение правовой и социальной защищенности молодежи, популяризация среди молодых людей духовно-нравственных и культурных ценностей, национальных традиций и обычаев;
- внедрение норм здорового образа жизни;
- воспитание молодого поколения в духе патриотизма, гражданской ответственности и трудолюбия;
- сочетание государственных и общественных интересов с правами и свободами молодежи;
- оказание молодым гражданам поддержки в охране здоровья и профилактике опасных болезней;
- популяризация среди молодежи внутренней и внешней политики государства, укрепление единства и сплоченности, направление знаний молодых людей на развитие страны.

Данные направления государственной молодежной политики наиболее актуальны для юношей призывного возраста, в связи с тем, что состояние здоровья данной категории населения постоянно ухудшается.

Каждый год во время весеннего или осеннего призыва наряду с ситуацией, когда юноши, достигшие призывного возраста, отлынивают от армии, выявляется еще одна проблема – состояние здоровья тех, кто должен в соответствии с действующим законодательством отправляться на срочную воинскую службу.

Сегодня условия армейской службы намного демократичнее, чем пять-шесть лет назад. Несмотря на то, что благодаря современной технике с солдатских плеч снимаются значительные физические нагрузки, на аэродромах и кораблях, в полках и батальонах хотят видеть здоровых и крепких призывников. Но, к сожалению, призывные комиссии не фиксируют явного улучшения здоровья будущих солдат.

Врачебные комиссии отмечают, что основная часть заболеваний призывников, которых признали временно негодными либо же совсем непригодными к воинской службе, – это болезни опорно-двигательного аппарата, составляющие около 30% случаев. Намного меньше молодых людей, достигших призывного возраста, болеют заболеваниями пищеварительной или

сердечнососудистой систем, а также психическими болезнями. Как отмечают представители медицинского сообщества, на первое место у юношей призывного возраста, выходят болезни пищеварительной и опорно-двигательной системы. Одной из серьезных проблем является недобор веса и рост травматизма у подростков. По приведенным данным, травматизм в молодежной среде за последние три года увеличился почти вдвое. Всё чаще встречаются случаи, когда при обследовании у молодых людей выявляются межпозвоночные грыжи. Наблюдается рост психических отклонений и заболеваний нервной системы. Главной причиной многих заболеваний, по мнению медиков, является отсутствие у ребят призывного возраста двигательной активности, спортивных нагрузок, неправильное питание и режим дня, долгое сидение у компьютеров при выполнении домашних заданий.

Все вышеперечисленные категории заболеваний не позволяют отправляться как на срочную, так и на контрактную службу юношам, имеющим проблемы со здоровьем. Поэтому проблема пополнения армейских рядов новобранцами остается актуальной, несмотря на увеличение финансирования армии.

Запугивая мальчиков с детства армией, всеми легальными и нелегальными способами помогая им избежать службы, родители совершают непоправимую ошибку. Когда подходит призывной возраст, не приходится говорить о том, что общество в этих случаях получает полноценных защитников Отечества. Некоторые «заботливые» родители даже приписывают своему сыну какую-либо несуществующую болезнь, другие вовремя не лечат обнаруженные у ребенка хронические заболевания, откладывая лечение до тех пор, пока не закончится призывной возраст. Они надеются, что хронические болезни в свое время позволят их повзрослевшему сыну избежать срочной службы. К печальным последствиями приводят и фальшивые, всеми правдами и неправдами полученные справки. Немного погодя молодые люди еще не раз столкнутся с отказом в трудоустройстве, особенно если прикрытием от армии были психические заболевания.

Проблема укрепления и сохранения здоровья молодого поколения напрямую зависит от мотивации детей и подростков на здоровый образ жизни. В этом, помимо врачей, огромная роль отводится родителям, которые личным примером должны привлекать детей к занятиям физкультурой и спортом.

Данная проблема имеет место и должна решаться как государственными органами, так и общественными организациями путем формирования в обществе приоритетов здорового образа жизни, осуществления военно-патриотического воспитания в ВУЗах и школах, повышения качества медицины.

Своевременное информирование, предоставление актуальных данных об угрозах здоровью молодых граждан и способах противодействия им являются одними из основных компонентов, обеспечивающих формирование большого числа здоровой, позитивно настроенной молодежи, способной совершенствоваться и стремиться к новым созидательным идеям.

Развитие современного общества, института семьи, экономики предъявляет серьезные требования к здоровью молодого поколения. Но значительная часть молодых людей употребляет наркотические вещества, табачную и спиртосодержащую продукцию, что крайне негативно сказывается на состоянии здоровья молодых граждан.

Для сохранения и укрепления здоровья необходимо формировать культуру безопасности, разъяснять значимость физической культуры и спорта, обеспечивать доступность культурных форм досуга для молодежи.

Общеизвестно, что для безопасности и сохранения государства и общества ценности будущих поколений должны формироваться самим государством. Ценности патриотизма, любви к ближнему, межнационального согласия и объединения, всепрощения, самоотверженного служения испокон веков помогали нашей стране выходить из всех тягот, кризисов, войн еще более сильными и самодостаточными. Сохранение здоровья молодежи в целом, и юношей призывного возраста, в частности, является одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики, так как безопасность и развитие нашего государства зависят именно от молодого поколения.

**АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ В СОЦИОЛОГИИ НАЧАЛА XX И XXI ВЕКА:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ
И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ
DOCUMENT ANALYSIS AS SOCIOLOGICAL METHOD
IN XX AND XXI CENTURIES: TRANSFORMATION OF RESOURCES
AND OPPORTUNITY RESEARCHES**

Е.А. Шинкаренко
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
Е.А. Shinkarenko
Lobachevsky University

Анализируются документы как один из методов социологического исследования. Представлена эволюция документальных источников: статистические записи, данные наблюдений, материалы прессы. В качестве

инновационных источников акцентируется внимание на документах, представленных в сети Интернет.

The article is represented the document analysis as one of the method of sociological research. There is evolution of documents including statistic, data of viewing, press materials. Internet documents is analyzed as innovation sources.

Ключевые слова: методология исследования, анализ документов, интернет источники, электронное резюме выпускника вуза

Keywords: methodology of sociological research, analysis of documents, Internet resources, Internet resume of high school graduates

Становление социологии как науки предполагает не только проработку теоретического фундамента (или теоретических принципов построения науки), но и формирование принципов эмпирического раздела дисциплины. Конец XIX начало XX в. ознаменовано в социологии поиском методов изучения социальной реальности, которые помогут найти ответы, стоящие перед молодой наукой. Согласно утверждению О. Конта, социология венчает иерархию естественных наук, в основе которой лежат математические принципы [1]. Эмпирический раздел социологии связан, прежде всего, со статистическими законами и методами. В европейской традиции Э. Дюркгейм одними из первых предпринял попытку построения эмпирического исследования на основе систематизации и анализа статистики самоубийств [2].

В конце XIX в. в России сформировалась система земств, которые стали собирать статистические данные о населении. По мнению О.М. Масловой и Ю.Н. Толстой, земскую статистику можно считать одной из самых ярких характеристик пореформенной России, определявших облик ее общественной и интеллектуальной жизни во второй половине XIX в. Она возникла и осознавалась как один из символов местного общественного самоуправления как прогрессивная альтернатива государственной статистике, надежность каковой всегда ставилась под сомнение [3]. Так, работа В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» целиком основана на изучении материалов земской статистики: подворных переписей крестьянских хозяйств (более 400 источников) [4].

Помимо статистики в истории социологии известны примеры изучения личных документов. Например, в США масштабное исследование У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», которое опиралось на широкий арсенал источников: личные дневники, письма, заметки из газет и пр. [5]. В числе использованных документов были: переписка крестьян-эмигрантов с родными, оставшимися в Польше; архивы эмигрантских газет; материалы церковноприходских общин, землячеств, благотворительных

обществ и судебные материалы, связанные с делами эмигрантов; наконец, уникальная автобиография одного из крестьян, написанная по просьбе исследователей и составившая около 300 страниц. В России широкое распространение получило изучение читающей публики. В качестве основных методов таких исследований В.А. Мансуров и Е.С. Петренко отмечают анализ документов (объем книгопродажи, тиражи изданий, читательские формуляры в библиотеках), опросы [6].

В 60-е гг. на волне возрождения социологии в СССР шла активная апробация различных методов исследования. В 1967 г. был начат фундаментальный проект «Таганрог», в котором участвовали, помимо социологов, демографы, экономисты, этнографы. В рамках этого таганрогского исследования Б.А. Грушин создал методологическую лабораторию исследователей общественного мнения. Был разработан тщательнейший инструментарий опросов граждан, контент-анализа прессы, наблюдений во время собраний, интервью с руководителями партийных и государственных органов и т.д. Поскольку среди объектов наблюдения (помимо перечисленных) в этом исследовании выступали специфические, с точки зрения социальной активности, группы (авторы писем в органы власти; посетители приемных депутатов советов; работники органов управления; лица, выступавшие на собраниях или в роли авторов публикаций в прессе), эти группы формировались специально. В качестве основы были взяты все письма жителей, повестки всех собраний, все опубликованные в «Таганрогской правде» материалы, по которым были идентифицированы авторы писем, материалов, выступлений за три определенных месяца. Затем систематически отбиралось нужное число респондентов. Еще одним методом сбора информации в таганрогском проекте «Общественное мнение» выступали дневниковые записи, которые ежедневно на протяжении 3-х месяцев делали по определенной инструкции руководящие работники органов управления района и города. При этом каждый день с дневниками работали не все управленцы, но определенная их часть. Сбор дневниковых данных осуществлялся по скользящему графику, последовательно включающему то одних, то других работников. В результате комплексного применения различных методов был обеспечен сплошной охват работников органов управления, тогда как их посетители, информация о которых фиксировалась в дневниках, обследовались методом стихийной выборки [7].

Масштабные проекты способствовали не только апробации различных методов, но и накоплению методологической базы для реализации исследований различного уровня. В середине 70-х гг. В.А. Ядов представил классификацию документальных источников, различающихся по способу

фиксирования информации (рукописные и печатные документы; записи на кино- или фотопленке, на магнитной ленте); по цели сбора и назначению в рамках исследования (целевые/имеющиеся в наличии), по статусу источника (официальные и неофициальные) и проч. В качестве особой группы были выделены материалы средств массовой информации: газет, журналов, радио, телевидения, кино [8].

С внедрением персональных компьютеров, развитием сети Интернет, появлением социальных сетей менялись не только методы анализа, способы сбора данных, но и перечень источников информации, доступной для исследования. Сейчас арсенал возможных документов и спектр представленной в них информации намного шире, нежели 40-50 лет назад. Например, популярные исследования BigData (Бигдата) можно рассматривать как аналитику большого числа источников для выведения закономерностей функционирования определенной сферы. В социологии за последние 10-15 лет значительно возрос интерес к исследованию сети Интернет. Исследователи анализируют активность пользователей на различных площадках (Живой Журнал, социальная сеть Вконтакте и пр.) для анализа новых социальных феноменов (информационные угрозы, интернет-зависимость и т.д.) [9-12].

Резюме выпускника вуза на электронном ресурсе также можно рассматривать как документ, подходящий для анализа социально-трудовых отношений. Особенность этого источника в том, что он содержит фактическую информацию об опыте и навыках, а также отражает трудовой маршрут специалиста. Опыт анализа резюме существует в рамках психологии, подбора персонала. Исследовательские отделы порталов по поиску работы изучают резюме, но скорее с привязкой к рынку труда, вне социологического контекста.

Социологи для изучения трудовых траекторий используют привычные социологические методы (анкетирование, экспертное интервью). Не стоит забывать, что при всех очевидных преимуществах опроса (высокая точность, доступность) существуют и недостатки, в числе которых особенности взаимодействия респондента и интервьюера, необходимость одинаковой трактовки вопросов всеми респондентами. Важно подчеркнуть, что резюме в сети интернет соискатель размещает добровольно, личная информация (ф.и.о., телефон, адрес электронной почты) остается закрытой и предоставляется за плату администрацией портала. Анализ трудового пути выпускника с опорой на резюме позволит избежать ситуации, в которой бывшие студенты неохотно идут на контакт для опроса или не отвечают на запросы отдела карьеры вуза, апеллируя к закону о неразглашении персональных данных. В отличие от традиционных опросов, анализ резюме дает возможность получить и проанализировать больший спектр информации и объем данных, а также ставит

вопрос о смещении дискурса при анализе трудовых и образовательных отношений с макроуровня на уровень поведения личности и группы, способствует пониманию способов преодоления несоответствия требований вузов и компаний-работодателей.

Метод анализа документов в социологии используется уже более ста лет. Социологи Европы, США и России прибегали к анализу разнообразных источников информации. За прошедшее столетие значительно выросло число источников, появились автоматизированные алгоритмы сбора и способы анализа данных. Эти тенденции предоставляют возможности не только для расширения методологического арсенала науки, но и влекут за собой уточнение, переосмысление, изменение дискурса исследований.

Список литературы

1. Конт О. Необходимый порядок положительных наук // Глава из книги Западно-европейская социология XIX века: тексты. Под ред. В.И. Добренькова. М.: Издание международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. 352с. С. 84-93.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд // Пер., с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
3. Маслова О.М. Методология и методы / О.М. Маслова, Ю.Н. Толстова // Глава из книги Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. С. 69. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 62-93.
4. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Избранные сочинения: в 10 т. Т.2. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. Москва: Политиздат, 1990. 579 с.
5. Томас У. Польский крестьянин – этапная работа / У. Томас, Ф. Знанецкий // Глава из книги Козера Льюиса А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте / Пер. с англ. Т.И. Шумиловой; Под ред. д.ф.н., проф. И.Б. Орловой. М.: Норма, 2006. 528 с. С. 442-443.
6. Мансуров В.А. Изучение общественного мнения / В.А. Мансуров, Е.С. Петренко // Глава из книги Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. 696 с. С. 522-539.
7. Грушин Б.А. Горький вкус не востребованости // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах: [сборник] / [предисл. Г.С. Батыгина]; Ин-т социологии Рос. акад. наук. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1999. 684 с.
8. Ядов В.А. Методы сбора данных // Глава из книги Социологическое исследование: методология, программа, методы // М.: Наука, 1987. 248 с. С. 10-181.

9. Парфенова О.А. ЖЖ-сообщество как пример сетевого обмена в условиях взаимной зависимости // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. 2012. Т. 15. С. 173-185.

10. Рыков Ю.Г. Структура и функции онлайн-сообществ: сетевая картография ВИЧ-релевантных групп в социальной сети «ВКонтакте» / Ю.Г. Рыков, О.Ю. Кольцова, П.А. Мейлахс // СОЦИС. № 8. 2016. С. 30-42.

11. Владимирова Т.В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // СОЦИС. № 5. 2011. С. 123-129.

12. Цой Н.А. Низкий самоконтроль как один из детерминирующих социальных факторов феномена интернет-зависимости // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 14. № 4. 2011. С. 72-85.

**РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В БИЗНЕСЕ:
МОДА ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?
DEVELOPMENT OF PERSONAL POTENTIAL IN BUSINESS:
FASHION OR NEED?**

А.В. Шкерин
Smart Skills Group, Нижний Новгород
A.V. Shkerin
Smart Skills Group

Речь идет о влиянии развития потенциала сотрудников на повышение эффективности бизнес-процессов компании, а также показана необходимость развития бизнеса для становления самообучающихся организаций.

The article discusses the impact of developing the potential of employees to improve the efficiency of the company's business processes, as well as the need for business development towards the formation of self-learning organizations.

Ключевые слова: человеческий потенциал, HR-программы, раскрытие потенциала личности, повышение эффективности бизнеса, развитие персонала, самообучающаяся организация

Keywords: human potential, HR programs, development of the individual's potential, increase of business efficiency, personnel development, self-learning organization

Взаимодействуя с компаниями, все чаще слышишь тезис о «развитии потенциала сотрудников». Это действительно становится модным! В крупном бизнесе набирают популярность собственные корпоративные университеты, вводятся должности корпоративных тренеров, формируются отделы обучения и развития персонала, инвестируются огромные суммы на развивающее обучение для сотрудников. И соискатели уже понимают, что, придя работать в компанию, необходимо будет учиться и повышать собственную квалификацию.

В этой связи часто ссылаются на известные «американские данные, полученные в результате исследования в 3200 американских компаниях Р. Земски и С. Шамаколе: 10%-е увеличение расходов на тренинг персонала дает прирост производительности труда в 8.5%, а такое же увеличение капиталовложений дает прирост производительности только на 3.8%!» [1].

При этом в крупных компаниях, особенно в японском менеджменте, есть понимание того, что наибольшие потери в бизнесе – это неиспользованный потенциал сотрудников.

В высококонкурентной среде бизнес вынужден минимизировать издержки. В этой связи возникает целый ряд вопросов. Могут ли сотрудники работать более эффективно и быть более полезными компании? Как повысить вовлеченность сотрудников в развитие бизнеса и снизить риски их ухода к конкурентам?

Если эти вопросы не решаются, сотрудники рано или поздно увольняются, а бизнес несет большие потери (снижение производительности сотрудника перед уходом, затраты на поиск нового и его адаптацию до момента выхода на требуемый уровень производительности, увеличение количества брака и проч.).

Еще большие потери возникают, если сотрудники не вовлечены в развитие бизнеса: низкая эффективность деятельности, слабая мотивация выполнять свою работу качественно, нелояльность компании (репутационные риски и большая вероятность саботажа), высокая вероятность оттока персонала, низкий уровень ответственности за результаты работы, низкая инициативность и готовность к изменениям. Это приводит к тому, что компания недополучает прибыль, а сотрудники тормозят развитие бизнеса.

Для решения этой комплексной проблемы наиболее успешные компании разрабатывают и реализуют комплексные HR-программы, которые охватывают весь период работы сотрудника. Это программы подбора кандидатов с высоким потенциалом и отсевом тех, кто не готов развиваться; адаптация новых сотрудников, оценка компетенций (знаний, умений, навыков, личностных особенностей и моделей поведения), обучение и развитие сотрудников (тренинги, посттренинги, электронные курсы и вебинары, самостоятельное обучение, наставничество, постановка новых задач, разбор бизнес-кейсов, деловые игры, бизнес-симуляции), оценка по итогам обучения, индивидуальные планы развития, коучинг, KPI и проч.

По данным экспертов, американские компании тратят на образование собственного персонала более \$50 млрд. Во Франции компании тратят до \$30 млрд. в год на обучение, а в Великобритании – до \$40 млрд.

В России, к сожалению, в большинстве компаний не сформированы единые принципы обучения и развития сотрудников, нет системности в бизнес-обучении. Крупный бизнес начинает уделять внимание развитию персонала, создает корпоративные университеты и отделы обучения, а малый и средний бизнес зачастую вообще не задумывается об этом, поглощенный текущими проблемами и задачами выживания, теряя при этом колоссальные возможности для развития.

Таким образом, раскрытие и развитие потенциала сотрудников жизненно необходимо бизнесу. Это позволяет повысить эффективность работы персонала, что ведет к повышению прибыльности бизнеса и его устойчивости на рынке. Это стратегическая задача!

Задача науки – найти наиболее эффективные методики развития человеческого потенциала в трудовой деятельности и выстроить их в единую целостную систему. Важной задачей науки является в этой связи также осуществление просветительской функции. Задача бизнеса – внедрять практические инструменты в повседневную деятельность компаний, повышая собственную эффективность и развивая потенциал сотрудников.

Так, актуальной задачей является построение простой и эффективной системы, позволяющей человеку максимально полно раскрыть свой потенциал, а бизнесу – получить максимальную эффективность. Это одна из идей системы самообучающейся организации – гибкой, адаптивной и устойчивой системы отбора, развития, распространения и сохранения информации и компетенций внутри компании. Разработка методики построения самообучающейся организации – важнейшая задача и науки, и современного бизнеса.

Список литературы

1. Шляпчак Д. T&D director – мода или необходимость для современной компании. Режим доступа: // <http://hrm.ru/db/hrm/> (дата обращения: 19.10.2017).

**ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**
**AN INFORMATION SUPPORT OF EURASIAN INTEGRATION:
SOCIOLOGICAL ASPECT**

А.В. Щекотуров

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград

С.В. Рекеда

*Независимая некоммерческая организация
«Центр изучения перспектив интеграции»*

Е.М. Бородачева

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси

A.V. Shchekoturov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

S.V. Rekeda

*Autonomous Non-Commercial Organisation
«Prospects for Integration Research Center»*

E.M. Borodacheva

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

Рассматривается информационное поле стран-участниц ЕАЭС по шести критериям: тональность публикаций, официальность риторики, позитивность отзывов о союзниках, главная роль, освещение в деловых и государственных СМИ. На основе интегрального показателя определен рейтинг стран.

The article deals with information field of EAEU in terms of six parameters: tonality of publications, official rhetoric, positivity about allies, main role, and coverage in business and state media. Based on the integral indicator, the rating of countries is determined.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, ЕАЭС, медиаиндекс, интеграция

Keywords: Eurasian Economic Union, EAEU, media index, integration

В 2015 г. вступил в силу договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), основной целью которого стала всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов [1]. В настоящее время в состав ЕАЭС входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Российская Федерация.

Аналитикой общественного мнения в вопросах интеграции занимается «Евразийский монитор» – проект, основной идеей которого является регулярное (мониторинговое) измерение основных показателей социальных

настроений жителей стран постсоветского пространства [2]. При этом существует очевидный дефицит исследований самих медийных инструментов по освещению работы ЕАЭС и, соответственно, формированию общественного мнения об этой организации.

С целью восполнения пробела в изучении информационного поля ЕАЭС и выработки инструментария, позволяющего на системной основе отслеживать «вес» и «качество» евразийской проблематики в общем информационном потоке стран ЕАЭС, экспертами Центра изучения перспектив интеграции (ЦИПИ) с 2017 г. запущен проект «Евразийский медиаиндекс» [3]. Предметом исследования экспертов стала специфика отражения евразийских интеграционных процессов в информационных полях стран ЕАЭС.

Информационно-эмпирическая база исследования – массив данных СМИ стран ЕАЭС, полученный с помощью информационно-аналитической системы «Медиалогия». Данная система анализирует свыше 40 000 источников (газеты, журналы, радио, телеканалы, интернет).

Мы рассмотрим информационное поле стран-участниц ЕАЭС с точки зрения шести параметров (тональность публикаций, официальность риторики, позитивность отзывов о союзниках, главная роль, освещение в деловых и государственных СМИ), используемых для расчета интегрального показателя Евразийского медиаиндекса.

Тональность публикаций – параметр, характеризующий, насколько позитивно в целом информационное поле, складывающееся из сообщений о процессах евразийской интеграции. Выявлено, что тональность медиафона стран-участниц ЕАЭС по отношению к евразийским интеграционным процессам в целом положительна. Причем, если в I квартале 2017 г. присутствовали периоды, когда количество сообщений, носящих негативную окраску, превышало количество позитивных сообщений, то во II квартале таких зон уже не было (в каждой стране количество позитивных сообщений превышало количество негативных публикаций в среднем на 5-10%). Периоды смены тональности обусловлены политическим контекстом происходящих событий и их оценкой экспертным сообществом. Так, например, в медиа поле всех стран отразился конфликт между Россией и Беларусью, случившийся в начале 2017 г.

Официальность риторики – параметр, показывающий, насколько активно в официальной риторике стран ЕАЭС присутствует проблематика евразийской интеграции. Анализ информационных поводов показал, что на высказывания официальных лиц о ЕАЭС приходится от 8% до 24% всех сообщений СМИ.

В обоих кварталах тематика официальной риторики имела национальную специфику. В Армении в фокусе официальной дискуссии находится

обсуждение альтернатив дальнейшего экономического сотрудничества: евразийская и/или европейская интеграции. Президент Армении Серж Саргсян выступал за учет интересов обеих сторон, и его высказывание о том, что «экономический потенциал ЕС и ЕАЭС может взаимно послужить интересам друг друга» [4], получило максимальное значение медиаиндекса.

В Кыргызстане и Казахстане официальная риторика посвящена обсуждению социально-экономических и политических интересов и возможностей страны в рамках Евразийского союза. Общими темами стали обсуждение китайского проекта «Один пояс, один путь», финансовая поддержка со стороны Казахстана и России, а также заседание Евразийского межправительственного Совета в Казани, где были сделаны заявления о развитии цифровой экономики и введения электронного документооборота.

В Беларуси и России основной посыл официальной риторики в I и во II кварталах оказался практически одинаковым. Однако, если в апреле-июне СМИ этих стран освещали происходящие события в одинаковой тональной направленности, то в I квартале — в диаметрально противоположных контекстах. Так, самым значимым, с точки зрения количества упоминаний и заметности публикации в РФ, стало высказывание премьер-министра Д. Медведева о недопустимости переноса проблемы двусторонних отношений на площадку ЕАЭС. В медиаполе Беларуси самым значимым инфоповодом также стало высказывание премьер-министра страны А. Кобякова о неисполнении Россией двусторонней нормативно-правовой базы, что влияет на участие Беларуси в интеграционных процессах. В целом сложившаяся в I квартале 2017 г. ситуация в российско-белорусских отношениях обусловила зеркально низкие показатели параметра как в России, так и в Беларуси. Во II квартале энергетический спор двух стран был урегулирован, и снова общими стали вопросы сотрудничества с Китаем и урегулирование торгово-экономических отношений между РФ и Беларусью.

Позитивность отзывов о союзниках – параметр, измеряющий, насколько позитивно медиапространство страны относительно других стран-участниц ЕАЭС. Анализ общего медиафона показал, что во всех странах наибольшее количество сообщений как в I, так и во II квартале приходится на Российскую Федерацию. Важной особенностью II квартала стало увеличение количества позитивных публикаций и уменьшение доли негативных сообщений в отношении практически всех стран-союзниц. С точки зрения позитивности публикаций о странах-союзниках по ЕАЭС, наибольший индекс во II квартале получает Россия (0,43; в I квартале 0,37), а наименьший – Беларусь (0,11; в I квартале 0,35). Эти показатели говорят о том, в какой тональности в целом публикуются сообщения о союзниках в контексте их участия в ЕАЭС.

Главная роль – показатель, характеризующий место ЕАЭС в риторике СМИ: «главная роль» означает, что объект был упомянут в заголовке публикации или первом абзаце. В целом, место ЕАЭС в СМИ сравнительно незначительное. Как правило, только каждое второе сообщение (а в Беларуси и России и того реже) содержит упоминание ЕАЭС в заголовке или первом абзаце публикации. Причиной периферийной роли ЕАЭС в СМИ является отсутствие устойчивого интереса к теме со стороны экспертного сообщества, общественности, бизнеса и государства.

Освещение в деловых и государственных СМИ – параметры, демонстрирующие слабый интерес со стороны бизнес-сообщества и государственную заинтересованность в продвижении интеграционной повестки. В диапазоне показателя от 0 до 1 максимальное значение по государственным СМИ во II квартале у Беларуси (0,31; в I квартале 0,22), по деловым СМИ – у Казахстана (0,19; в I квартале 0,15).

Т а б л и ц а 1

Значения показателей по странам ЕАЭС

	Индекс тональности публикаций	Индекс официальности риторики	Индекс позитивности о союзниках (Σ)
Армения	0,12	0,19	0,39
Беларусь	0,06	0,24	0,11
Казахстан	0,11	0,11	0,30
Кыргызстан	0,10	0,08	0,35
Россия	0,07	0,09	0,43
Лучшее по показателю	Армения	Беларусь	Россия
	Индекс главной роли	Индекс освещения в государственных СМИ	Индекс освещения в деловых СМИ
Армения	0,56	0,28	0,11
Беларусь	0,47	0,31	0,06
Казахстан	0,50	0,19	0,19
Кыргызстан	0,50	0,08	0,04
Россия	0,37	0,23	0,04
Лучшее по показателю	Армения	Беларусь	Казахстан

Напряженность в российско-белорусских отношениях, отмеченная в I квартале, заметно уступила место в информационной повестке всех стран ЕАЭС. Более того, апрельские договоренности, достигнутые лидерами этих двух стран, получили заметное положительное освещение в информационном поле на территории всего Евразийского экономического союза.

Нормированные значения показателей с добавлением весовых коэффициентов

	И _{ТП}	И _{ОР}	И _{ПС} (Σ)	И _{ГР}	И _{Гос.} СМИ	И _{дел.} СМИ	ЕМИ ЦИПИ	ЕМИ ЦИПИ, %
Вес	0,15	0,25	0,25	0,15	0,10	0,10		
Армения	1,00	0,79	0,91	1,00	0,90	0,58	0,70	70
Беларусь	0,50	1,00	0,26	0,84	1,00	0,32	0,65	65
Казахстан	0,92	0,46	0,70	0,89	0,61	1,00	0,72	72
Кыргызстан	0,83	0,33	0,81	0,89	0,26	0,21	0,59	59
Россия	0,58	0,38	1,00	0,66	0,74	0,21	0,63	63

Можно сделать вывод, что предлагаемая методология позволяет всесторонне изучить информационное сопровождение евразийской интеграции, отследить изменения в динамике и ранжировать страны по различными показателям.

Список литературы

1. Евразийский экономический союз [Эл. ресурс]. Режим доступа <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 02.09.2017).
2. Евразийский монитор [Эл. ресурс]. Режим доступа <http://www.eurasiamonitor.org/>. (дата обращения: 02.09. 2017).
3. Бородачева Е.М., Щекотуров А.В. Евразийский медиаиндекс. Москва-Минск, 2017. 36 с.
4. Экономический потенциал ЕС и ЕАЭС может взаимно послужить интересам друг друга: Саргсян [Эл. ресурс]. Режим доступа <http://voskanapat.info/?p=20246/>. (дата обращения: 02.09. 2017).

**ДЕТСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОДАРЕННОСТЬ КАК
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
CHILDREN'S INTELLECTUAL GIFTEDNESS AS HUMAN POTENTIAL**

И.И. Яковлева, А.А. Колесникова
Ивановский государственный университет
I.I. Yakovleva, A.A. Kolesnikova
Ivanovo State University

Представлен теоретико-методологический анализ понятия одаренности. Проанализированы результаты эмпирического изучения потенциального и деятельностного аспектов детской интеллектуальной одаренности на материалах Центра развития детской одаренности города Иваново.

The theoretical and methodological analysis of the concept of giftedness is presented. The results of empirical study of the potential and activity aspects of children's intellectual giftedness on the materials of the Center for Development of Children's Endowments of the City of Ivanovo are analyzed.

Ключевые слова: одаренность, интеллектуальный потенциал, мотивация

Keywords: giftedness, intellectual potential, motivation

Актуальность исследования одаренности обусловлена значительным ростом заинтересованности общества в реализации интеллектуального потенциала человечества как одного из главных ресурсов развития современного высокотехнологичного общества. В современном постиндустриальном обществе возрастает потребность в активных, нестандартно мыслящих людях, которые развивают свои интеллектуальные, творческие способности, превращая их в человеческий капитал.

Существует множество подходов к исследованию сущности и содержания одаренности, среди них наиболее распространенными являются факторный, адаптационный, социокультурный, творческий [1]. Социально-гуманитарные исследования одаренности делают акцент на последнем подходе, рассматривая одаренность как общую предпосылку творческого развития. Социологический анализ данного феномена опирается на факторный подход, который учитывает влияние субъективных и объективных факторов на развитие одаренности как человеческого потенциала.

Двойственная природа одаренности подчеркивается в работах Л.С. Выготского, с точки зрения которого, одаренность – это не только генетически обусловленный компонент способностей, но и результат соответствующей деятельности. Психолог отмечал, что для успешного развития одаренности нужно создание эмоционально богатой, насыщенной культурной среды, где одаренность ребенка могла бы проявляться, преимущественно, через мотивацию к деятельности с последующими достижениями значимых для него результатов [2; 3]. Характеристика данной деятельности конкретизируется А.А. Лосевой, которая считает, что одаренность связана со способностью сознательно направлять свое мышление на новые требования и приспособления к новым задачам и условиям жизни [4]. Сочетание генетических и социальных факторов в развитии способностей отмечает А.И. Савенков. В его концепции, одаренность – это постоянно развивающийся потенциал, который существует только в динамике, постоянно находится в развитии, в движении, а потому практически непрерывно меняется [5; 6].

Понятие «возрастная одаренность» вводит Н.С. Лейтес, который подразумевает под этим проявляющиеся в ходе созревания возрастные

предпосылки одаренности. Он пишет, что одаренный ребенок обладает более высокой, чем у его сверстников, восприимчивостью к учению и более выраженными творческими проявлениями [7]. Особенности одаренных детей отмечает Ю.З. Гильбух: ранняя познавательная любознательность и активность, выраженная установка на творческое выполнение заданий, точность и быстрота выполнения умственных операций, развитость воображения и мышления [8]. К. Тэкекс считает, что дети, которые способны к достижениям в какой-либо сфере, имеют: общие интеллектуальные способности; конкретные академические способности; продуктивное или творческое мышление; художественные способности; лидерские способности; психомоторные способности [9]. Анализ изучаемого феномена предполагает выделение его структурных компонентов. В концепции А.М. Матюшкина к ним относятся: а) исследовательская творческая активность; б) главная роль познавательной мотивации; в) возможность предвосхищения и прогнозирования; г) возможность поиска оригинальных решений; д) способность к созданию идеальных образцов [10]. Таким образом, исходя из ряда научных концепций, которые исследуют различные факторы, влияющие на развитие одаренности, невозможно отдать предпочтение генотипу или среде. На развитие интеллектуального потенциала оказывают влияние как внутренние, так и внешние факторы. Потенциал к достижениям, определенный генотипом, и степень его развития зависит от среды, в которой находится ребенок.

Понимание важности интеллектуальной деятельности для общественного прогресса подчеркивает необходимость всестороннего изучения специфики одаренных детей, а именно потенциала к достижениям, стратегии познавательной активности и влияния институциональных факторов на реализацию способностей. С целью изучения детской интеллектуальной одаренности нами были разработаны теоретическая и структурная интерпретация представленного понятия. В нашей работе используется следующее определение: интеллектуальная одаренность – это личностная способность и возможность развития и реализации интеллектуальных задатков на основе высокого мотивационного, социального и когнитивного потенциала. В апреле 2017 г. было проведено эмпирическое социологическое исследование на базе МБУ ДО «Центр развития детской одаренности» г. Иванова (ЦРДО). Оно было посвящено изучению потенциального и деятельностного аспектов интеллектуальной одаренности в субъективных оценках учащихся 8-11 классов ЦРДО. К потенциальному аспекту были отнесены мотивационный, социальный и когнитивный элементы; к деятельностному аспекту – стратегии познавательной активности, деятельность по реализации интеллектуальных

возможностей, удовлетворенность ее результатами, оценка значимости институциональных факторов.

На основании проведенного исследования были получены следующие результаты. Основным мотивом углубленного изучения предметов у одаренных детей является личный интерес (интеллектуальная мотивация), на втором месте оказалась прагматическая мотивация (стремление побеждать в конкурсах и олимпиадах, желание поступить в престижный вуз). Учащиеся ЦРДО стремятся к первенству в тех сферах, которые им интересны, и отличаются упорством в выполнении заданий. В большей степени учащиеся склонны к выполнению оригинальных творческих заданий, которые позволяют находить нестандартное решение. Анализ субъективных оценок учащимися своего когнитивного потенциала выявил, что респонденты оценивают свои способности в научной сфере и в освоении учебных дисциплин выше среднего. Наиболее значимыми факторами, влияющими на развитие одаренности, по их мнению, являются личные усердные занятия и семейное воспитание. Для достижения высоких результатов респонденты много занимаются дополнительно. Дети в равной степени поддерживают как индивидуальную работу, так и командную. Учащиеся активно реализуют свои интеллектуальные возможности, принимают участие в конкурсах и олимпиадах разной направленности, а в будущем планируют быть полезными науке и обществу. В целом, дети удовлетворены результатами своей деятельности по углубленному изучению предметов. Среди трудностей, с которыми сталкиваются респонденты, лидирует нехватка времени для изучения.

Участники опроса отметили большую роль институциональных факторов в развитии. К положительным моментам были отнесены возможности обсуждать сложные, необычные темы и вопросы на школьных уроках, а также самостоятельно выбирать предметы для изучения на углубленном уровне. Однако были отмечены следующие недостатки: школьные учителя не всегда учитывают индивидуальные особенности, запросы и интересы; недостаточно предметных кружков, интеллектуальных клубов и объединений для развития способностей; материально-техническая база школ отстает от желаемого.

Развитие интеллектуального потенциала одаренных детей является неотъемлемым компонентом государственной политики Российской Федерации в сфере образования. В этом направлении предпринято немало шагов, однако выявленные недостатки в их реализации позволяют выделить направления повышения эффективности государственных программ, направленных на развитие человеческого потенциала.

Список литературы

1. Шаяхметова Р.Р. Социальные аспекты управления процессом одаренных детей в современном российском обществе. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. социологических наук. Уфа, 2006. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnye-aspekty-upravleniya-protsessom-razvitiya-odarenykh-detei-v-sovremennom-rossiisko> (дата обращения: 26.02.2017)
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 536 с.
3. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: Союз, 1997. 96 с.
4. Лосева А.А. Психологическая диагностика одаренности. М.: Академический проект; Трикста, 2004. 176 с.
5. Савенков А.И. Одаренные дети в детском саду и школе. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 232 с.
6. Савенков А.И. Одаренный ребенок в массовой школе. М.: Сентябрь, 2001. Режим доступа: <http://pedlib.ru/Books/2/0452/2-0452-1.shtml> (дата обращения: 26.02.2017).
7. Лейтес Н.С. Психология одаренности детей и подростков. М.: Издательский центр «Академия», 1996. Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/redhead_queen/post170119257/ (дата обращения: 21.02.2017).
8. Гильбух Ю.З. Внимание: одаренные дети. М.: Знание, 1991. Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=787683#1> (дата обращения: 26.02.2017).
9. Тэкекс К. Одаренные дети / Под ред. Г.В. Бурлинской. М.: Просвещение, 1991. 208 с.
10. Матюшкин А.М. Концепция творческой одаренности // Вопросы психологии. 1989. №6. Режим доступа: <http://vorpsy.ru/issues/1989/896/896029.htm> (дата обращения: 27.02.2017).

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА КАК МЕХАНИЗМ
ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РАМКАХ
ИНСТИТУТА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ**
**SCIENTIFIC RESEARCH WORK AS A MECHANISM
OF HUMAN CAPITAL FORMATION THROUGH THE INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION OF RUSSIA**

И.П. Яковлева

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар

I.P. Yakovleva

Kuban State Technological University, Krasnodar

Анализируется понятие «научно-исследовательская работа студентов». Обосновывается ее роль в формировании компетенций, необходимых для

успешной профессиональной деятельности выпускников вузов. Делается вывод о том, что посредством научно-исследовательской работы российские вузы могут закладывать основы знаний, навыков, мотиваций и энергии, необходимых для формирования отвечающего потребностям современного общества человеческого капитала.

A concept «scientific-research work of students» is analyzed in the article. Its role is grounded in forming of competences necessary for successful professional activity of graduating student. Drawn conclusion that by means of research work Russian universities can lay bases of knowledge, skills, motivations and energy, necessary for forming of answering necessities modern society of human capital.

Ключевые слова: человеческий капитал, институт образования, научно-исследовательская работа

Keywords: human capital, Institute of education, research work

Одной из важнейших предпосылок формирования социального капитала любого общества, т.е. его духовных и материальных ценностей, социального, правового и политического устройства, системы экономических отношений, является человеческий капитал. В наиболее общем виде человеческий капитал определяется как умение и мастерство, общее и специфическое, приобретенное человеком в ходе профессиональной подготовки и производственного опыта. Е.В. Филатова полагает, что «человеческий капитал состоит из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного времени в целях производства товаров и услуг» [1, с. 12]. В то же время это те активы, которые человек может использовать для получения дохода.

«Запас» знаний и профессионального опыта, образующий социальные и личные активы человека, по мнению В.И. Пивоварова и В.В. Мазур, накапливаются человеком в результате социализации, обучения, самообразования [2, с. 173]. Особо следует отметить роль института образования в процессе формирования человеческого капитала. Будучи важнейшим институтом социализации молодежи, образование во многом формирует мировоззрение и способствует получению социального и профессионального опыта. Система образования современной России, базирующаяся на компетентностном подходе, предполагает изначальное нормативное закрепление в государственных стандартах не только основных видов деятельности, к которым должен быть подготовлен выпускник в рамках того или иного направления обучения, но и соответствующие каждому виду деятельности общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. В свою очередь каждая из компетенций включает в себя знания,

умения и навыки, освоить которые обязан обучающийся в рамках определенных учебных дисциплин.

В современном постиндустриальном и глобализирующемся обществе растет роль знаний в формировании рабочей силы: умение осваивать, обобщать, анализировать и производить новые знания становится составляющей профессиональной пригодности не только научных работников, но и специалистов различных сфер деятельности. Анализ федеральных государственных стандартов подготовки бакалавров показал, что подавляющее большинство из них (166 из 179 стандартов, т.е. 92.7%) предполагает наличие научно-исследовательской подготовки как обязательного условия профессиональной компетентности выпускника.

Готовность к выполнению научно-исследовательской деятельности означает, что выпускник-бакалавр должен, например, обладать способностью собирать, обрабатывать и интерпретировать данные современных научных исследований, необходимые для формирования выводов по соответствующим научным исследованиям; способностью строго доказать утверждение, сформулировать результат, увидеть следствия полученного результата; способностью публично представлять собственные и известные научные результаты и многими другими компетенциями.

Приобрести требуемые компетенции посредством исключительно учебной деятельности сложно. Для их полноценного освоения необходимо вовлечение обучающихся в научно-исследовательскую работу, что позволит им приобретать необходимый опыт и компетенции в данной сфере.

Г.Н. Лобова определяет научно-исследовательскую работу студентов (НИРС) как целенаправленный процесс поэтапного овладения всеми компонентами исследовательской деятельности на основе решения конкретной задачи в условиях максимально приближенных к реальной профессиональной деятельности [3, с. 23]. Научно исследовательская работа, являясь одной из форм учебного процесса, его продолжением и углублением, способствует мотивации студентов к развитию научного кругозора, индивидуальных способностей (критичность мышления, независимость суждений, гибкость, креативность и т.д.), исследовательских навыков, творческому подходу к восприятию знаний. Осуществление научной деятельности в вузе должно позволить будущим профессионалам вносить в свою работу элементы научного подхода, вырабатывает стремление постоянно пополнять и совершенствовать знания для улучшения профессиональной деятельности.

Для реализации научно-исследовательской деятельности студентов в вузе необходимы, с одной стороны, соответствующие организационные структуры, курирующие данное направление. Анализ управленческой структуры ведущих

государственных вузов г. Краснодара свидетельствует о наличии специальных отделов, занимающихся научной деятельностью студентов: Сектор научно-исследовательской работы студентов (КубГТУ), Студенческое научное общество и научные объединения по направлениям (КубГУ), Совет научно-технического творчества молодежи (КубГАУ), Студенческое научное общество (КубГМУ, КГУФКСТ, КГИКИ), Научное общество курсантов и слушателей (КУ МВД РФ) и т.д. Во всех учебных заведениях есть локальные нормативные акты, регламентирующие организацию научной работы студентов от функций руководства вуза до контроля и помощи со стороны профессорско-преподавательского состава.

С другой – важно осознание значимости данного вида деятельности со стороны самих обучающихся, понимание приобретаемого в процессе научной работы опыта как вклада в развитие собственного профессионального потенциала, формирование того капитала, который в будущем может увеличить их шансы на рынке труда, обеспечить получение дохода. Проведенный среди студентов КубГТУ опрос показал, что среди различных видов внеучебной деятельности студентов участие в проведении научных исследований занимает лишь четвертое место (25.5%), уступая по своему значению мероприятиям культурного досуга (41.7%), занятиям спортом (38.2%), развлекательным мероприятиям (28.9%). Одним из факторов, объясняющих достаточно низкую вовлеченность студентов в научную деятельность, можно считать отсутствие в системе представлений студентов непосредственной взаимосвязи приобретаемого в ходе нее опыта, знаний и навыков с будущей профессиональной самореализацией. На вопрос, «Что из перечисленного ниже может помочь Вам в трудоустройстве после окончания вуза?» наибольшая доля респондентов (48.8%) отметили практические и профессиональные навыки, приобретаемые на семинарских занятиях и производственных практиках. Наименьшее количество опрошенных (2.5%) полагают, что их трудоустройству будет способствовать опыт участия в научных мероприятиях, наличие опубликованных научных статей, еще 4.9% – высокие результаты участия в конкурсах научных проектов, выигранные научные гранты.

Таким образом, реалии современного общества требуют от системы образования России как важного механизма формирования человеческого капитала страны уделять особое внимание формированию знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления научно-исследовательской деятельности. Эта идея закреплена в федеральных образовательных стандартах. В вузах создаются условия по оказанию студентам помощи в освоении научно-исследовательских навыков. Однако существуют и определенные проблемы. В частности, отсутствие понимания студентами научно-исследовательской

работы в процессе обучения как базиса для формирования соответствующих профессиональных компетенций.

Список литературы

1. Филатова Е.В. Инвестиции в человеческий капитал на предприятиях малого бизнеса: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 26 с.
2. Пивоваров В.И., Мазур В.В. К вопросу о человеческом капитале // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 4 (49). С. 172-176.
3. Лобова Г.Н. Теоретические и технологические основы профессиональной подготовки студентов к научно-исследовательской деятельности: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2002. 40 с.

**СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА;
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО; СВОБОДЫ И ПРАВА
ЧЕЛОВЕКА**

**РОЛЬ СМИ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ И
ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА**
**THE ROLE OF THE MEDIA IN THE MODERN CIVIL SOCIETY AND THE
FORMATION OF PATRIOTISM**

Е.В. Галкина

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Г.В. Косов

Пятигорский государственный университет

E.V. Galkina

North-Caucasian Federal University, Stavropol

G.V. Kosov

Pyatigorsk State University

Анализ роли СМИ в гражданском обществе через призму патриотической составляющей. Рассматриваются вопросы, связанные с различной оценкой СМИ и их манипулятивной функцией в политике.

The article is devoted to the analysis of the role of mass media in civil society through the lens of the patriotic component. Issues related to different media assessments and their manipulative function in politics are considered.

Ключевые слова: СМИ, политика, манипулирование, коммуникация, гражданское общество, патриотизм, гражданственность, государство, президент

Keywords: media, politics, manipulation, communication, civil society, patriotism, citizenship, state, president

Изучение влияния СМИ на политические процессы в мире в целом, на гражданское общество, государственную политику и, в частности, на поведение индивида в политике разделила исследователей на три группы.

К первой группе относятся ученые, по мнению которых политическое влияние СМИ преувеличено. Так, например, «теория двухшагового потока коммуникации» П. Лазарсфельда доказывает, что информация, доносящаяся до избирателей в период предвыборной кампании посредством прессы и радио, не оказывает прямого воздействия на избирателя, а лишь подкрепляет уже сформированное у него политическое мнение [1]. Согласно «теории постановки повестки дня» М. МакКомбса и Д. Шоу, СМИ лишь подсказывают населению,

о чем надо размышлять, направляют их внимание на какое-либо событие, не навязывая при этом какую-либо точку зрения [2]. Э. Ноэль-Ньюман в «теории спирали молчания» рассматривает роль СМИ через призму общественного мнения: молчаливое меньшинство постепенно может стать молчаливым большинством и при поддержке СМИ в любой момент может озвучить свое общественное мнение и повлиять на исход политического события [3].

Ко второй группе относятся ученые, которые выражают мнение о том, что СМИ являются источником власти населения. Так, по мнению Д. Стремберга, жители, обладающие информацией, или проинформированные, способны привлечь государственного деятеля к ответственности за неисполнение своих обязанностей или, наоборот, выразить поддержку и благодарность за оказанную помощь [4].

В третью группу входят приверженцы теории манипулирования: Р. Гудин, Ж.-П. Гуревич, Д. Дэвис, Э. Кассирер, С. Краус, У. Липпман [5], О. Рэнни, Э. Тоффлер [6], Г. Шиллер. Манипулирование – это один из методов убеждения, основанный на скрытом влиянии на политическое сознание граждан, целью которого является заставить людей предпринимать или не предпринимать какие-либо действия, зачастую вопреки их собственным интересам. Однако, в отличие от силовых приемов, манипулирование неосознано, невидимо для управляемых.

Конец XX – начало XXI столетия также характеризуется усилением роли СМИ в развитии демократической мысли, что легло в основу концепции итальянского политолога Дж. Сартори о манипулировании псевдодемократии, которая впоследствии перешла в течение «демократия против манипулирования» [7].

На наш взгляд, СМИ являются одним из средств такого манипулирования. Посредством воздействия на информационный процесс СМИ способны активно влиять не только на понимание населением отдельных политических событий, но и на его видение политического процесса в целом. Особенно значима их манипулятивная роль в переходные периоды, в периоды революций, перестроек, экономических кризисов, политических кризисов. Они способны повлиять на принятие населением того курса, власти, которые необходимы правящей элите.

Сегодня достаточно актуальной является позиция СМИ и институтов гражданского общества в отношении формирования патриотизма в РФ. Здесь, конечно, первостепенная роль отдается государству – основному политическому институту в обществе. Укажем значимые документы и мероприятия: ежегодное Послание Президента России Федеральному Собранию РФ (указаны направления работы с молодежью по патриотизму,

меры по повышению патриотического духа нации) [8], Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016-2020 гг.» [9], стратегии и концепции патриотического воспитания [10], работа с молодежью органов власти, муниципалитетов. Однако нельзя забывать об общественных организациях и движениях, позитивном освещении в СМИ патриотических акций, посвященных Дню Победы 9 мая (в том числе, акции «Георгиевская ленточка», «Бессмертный полк»), Дню России, Дню защитника Отечества, Дню народного единства 4 ноября и др.

СМИ активно освещают и борьбу всего мирового сообщества с экстремизмом и терроризмом. Оперативность в изложении событий характерна для всех новостных агентств, будь то проправительственных или независимых (например, телевизионные каналы Russia Today и RBC), оппозиционных («Дождь» и др.). Проявляя патриотизм и гражданственность, журналисты, операторы, звукооператоры трех российских новостных каналов (1 канала, Звезды, НТВ) погибли в авиакатастрофе 25 декабря 2016 г. на пути в Сирию для освещения событий войны.

Использование виртуального пространства при реализации политических практик приобрело особую популярность за последнее десятилетие. Социальные сети, информационные порталы и новостные блоки являются основными источниками реализации своей деятельности для неофициальных политических партий и объединений. Такой ресурс, как Интернет, стал сегодня опорной площадкой для политических диалогов, призывов, идей и идеологий, что может не только формировать общественное мнение, но также дезорганизовать его в сторону негативных установок, проявления антигражданственности и антипатриотизма. Но нельзя не отметить то факта, что антисистемная оппозиция (И. Навальный, М. Прохоров, М. Касьянов и др.) для выражения своего мнения и интересов активно использует Интернет, СМИ и прочие средства донесения информации до заинтересованной аудитории.

Однако виртуальное пространство используются не только для реализации негативных целей. Так, сегодня приемлемым является создание своих Интернет-страниц в социальных сетях и своих интернет-сайтов, ведение блогов высшими государственными лицами (в том числе, премьер-министром Д.А. Медведевым). Считается, что таким образом политики и чиновники становятся ближе к современному поколению, главным образом, молодежи. Широкомасштабно в нашей стране сегодня развивается проект «Открытое правительство», который подразумевает открытость и доступность власти и государственных услуг для любого человека.

Как справедливо отмечают В.Н. Панин и Н.В. Рахно, за последние десятилетия в Интернет-пространстве произошли изменения, в первую очередь,

это касается формы подачи информации и способов ее изложения. В современных кампаниях политические консультанты, СМИ, избиратели, ведущие политики все чаще стали использовать социальные сети, Интернет-источники, способные передать короткие текстовые (Twitter), визуальные сообщения (Youtube, Instagram) [11, с. 249].

Таким образом, институты гражданского общества, в том числе, и СМИ прилагают значительные усилия по формированию гражданственности и патриотизма в российском обществе, однако, им необходимо значительно сплотиться с государством для совместных акций, мероприятий, дискуссий (позитивными примерами являются проведение государственных праздников (День Победы, День России и др.), памятных мероприятий).

Список литературы

1. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. – New York: Duell, Sloan and Pearce, 1944. 178 p.
2. McCombs M., Shaw D. A Progress Report on Agenda-Setting Research // Journalism, Theory and Methodology Division. – San Diego, 1974. 61 p.
3. Noelle-Nuemann E. The spiral of silence: public opinion // Our social skin. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. 277 p.
4. Стрёмберг Д. СМИ как дистрибьюторы информации и политического влияния // Право на свободу слова. Роль СМИ в экономическом развитии / Сокр. пер. с англ. Всемирный банк. М.: Издательство «Весь мир», 2005. С. 121-136.
5. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
6. Toffler A. Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st. – Bantam Books, 1990. 467 p.
7. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. 1993. №2. С. 80-89.
8. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию РФ (1 декабря 2016 г.) // Официальный сайт Президента России [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.kremlin.ru (дата обращения: 22.04.2017).
9. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016-2020 гг.» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUXzVkJ1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 22.04.2017).
10. Путин В.В. О приоритетах государственной молодежной политики. Стенограмма заседания Совета при Президенте по межнациональным отношениям [Эл. ресурс] // Режим доступа: [415](http://nasha-
</div><div data-bbox=)

molodezh.ru/blogs/putin/putin-o-prioritetah-gosudarstvennoy-molodyozhnoy-politiki.html (дата обращения: 22.04.2017).

11. Рахно Н.В., Панин В.Н. Средства массовой информации и коммуникации в структуре демократического политического процесса // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 7. С. 249-250.

ПРОФОРИЕНТАЦИОННАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ОБНОВЛЕННАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

CAREER-ORIENTED SOCIALIZATION AS AN UPDATED PARADIGM OF THE SOCIAL-PSYCHOLOGICAL TRAINING IN THE MILITARY SERVICE

Л.Н. Захарова, В.Ю. Власкин

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

L.N. Zakharova, V.Y. Vlaskin

Lobachevsky University

Дан анализ и раскрыты основные противоречия профессионального самоопределения в условиях прохождения военными службой по призыву. Эмпирически проверена гипотеза о наличии возможностей и ограничений в развитии ценностной регуляции процесса профессионального определения при нахождении в армейской организации. Выявлено, что значительная часть военнослужащих в своих предпочтительных ценностных выборах ориентирована на типы организационной культуры, основывающиеся на ценностях отношений и иерархии, что не в полной мере соответствует инновационно-рыночному вектору развития современных предприятий и требует определенных доработок в реализации нормативной деятельности субъектов армейской социализации. Должностным лицам воинских частей предложены рекомендации по оптимизации процесса профориентации своих подчиненных.

The analysis is made and there are revealed the main contradictions of professional self-determination during the active service under conscription. The hypothesis was empirically tested about the existence of opportunities and limitations in the value regulation development of the professional determination process while in the army organization. It was revealed that a significant number of servicemen in their preferred value-based selections is oriented to the types of organizational culture based on the values of relations and hierarchy, which does not fully correspond to the innovative-market vector of the development of modern enterprises and requires certain improvements in the implementation of the normative activities of the army socialization subjects. The officials of the military units have been offered the recommendations on optimizing the process of career orientation of their subordinates.

Ключевые слова: армейская социализация, военнослужащие срочной службы, профессиональное самоопределение, организационные ценности, субъекты воздействия

Keywords: army socialization, conscripts, professional self-determination, organizational values, subjects of effect

Социализация личности относится к числу фундаментальных социологических проблем, поскольку работа над ее решением позволяет раскрыть социальные законы и механизмы трансляции культурного и социального опыта от общества к личности, его воспроизводства в каждом новом человеке, раскрыть возможности социального управления этим процессом в интересах развития личности и общества. Социально-экономические преобразования обуславливают необходимость осмысления последствий трансляции накопленного опыта, который не всегда вполне адекватен условиям новой реальности, что имеет место в условиях транзитивной экономики. Тиражирование прошлого опыта ведет к стагнации, кризисным явлениям в экономике и социальной сфере, попыткам возрождения прежних социальных институтов и моделей управления, порождает новые виды социального неравенства, зависящие от разницы в доступе значительных социальных групп к новому, еще ограниченному, но перспективному опыту. Исследователями различных областей научного знания было установлено, что существует целый комплекс социально-психологических барьеров перехода российской экономики в рыночно-инновационный формат развития, и в первую очередь, эти барьеры связаны с ценностями и соответствующими им моделями поведения, характерными для дореформенного времени [1; 2].

Общепринято, что социализация человека предполагает освоение им необходимого и достаточного комплекса социальных ролей применительно не только к настоящему, но и к будущему [3], т.е. речь в данном контексте идет об актуальных и перспективных социальных ролях, в том числе профессиональных. Формирующаяся роль определяется не только информацией о содержании деятельности, но и готовностью, а также поведенческой компетентностью действовать в социальных и организационных условиях реализации роли. В исследованиях, посвященных проблематике деятельности призывников до службы в армии, показано, что практически все они уже имели первичный опыт профессионализации, в основном по рабочим специальностям. Боязнь растратить ресурс и потенциал личности, снижение шансов найти хорошую работу после службы делают выраженность позитивного настроения на прохождение службы крайне слабой. Многие (43%) признают позитивным возможность получения в армии специальности, но

отсутствуют установки на определенные в социально-профессиональном плане перспективы, связанные с тем, что в армии сохраняется узкий характер специальной подготовки, отсутствует подготовка по интересным и необходимым сейчас специальностям [4].

Готовность к трудовой деятельности и реализации своего личностного и профессионального потенциала определяется в настоящее время не только трудовыми знаниями и умениями, получаемыми в процессе профессионального образования, но и ценностными установками, которые являются одним из значимых факторов успешного трудоустройства и существенным регулятором эффективной деятельности на современном предприятии. Экономический кризис только усиливает проблему трудовой занятости, выводя активную личностную позицию, готовность к инновационности и внутренней конкуренции в разряд наиболее важных качеств личности, определяющих уровень ее трудовой и профессиональной социализированности. Следовательно, профессиональная социализация молодых людей, которые после демобилизации будут пополнять персонал отечественных предприятий, должна предполагать такую их ценностную ориентированность, которая в совокупности с приобретенными профессиональными компетенциями обеспечит их эффективность на развивающихся предприятиях, способствуя общему экономическому развитию страны.

Проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление особенностей профессионального самоопределения и ценностных ориентаций военнослужащих срочной службы в отношении организационных условий их будущей профессиональной занятости. Структуру генеральной совокупности составили военнослужащие частей Сухопутных войск Министерства обороны. Выборочная совокупность представлена основными категориями военнослужащих ВС РФ. Состав выборки соответствует пропорциональному соотношению служебно-категориального распределения численности военнослужащих в ВС РФ, что позволяет ей быть репрезентативной по отношению к генеральной совокупности. В состав выборки вошли 250 респондентов: офицерский состав (18%), военнослужащие, проходящие службу по контракту (28%) и призыву (56%). Возраст респондентов: офицерского состава и военнослужащих-контрактников – от 21 года до 45 лет, военнослужащих, проходящих военную службу по призыву – от 18 до 26 лет. Данные, полученные от офицеров и военнослужащих-контрактников, использованы для проведения сравнительного анализа, направленного на выявление специфических особенностей профессионального самоопределения и организационных ценностей военнослужащих срочной службы. Время проведения исследования – октябрь-декабрь 2014 г; данный период в

войсковом звене приурочен к процессу увольнения в запас военнослужащих, выслуживших законодательно установленные сроки военной службы по призыву.

В качестве диагностического инструментария использован метод Organizational Culture Assessment Instrument (OCAI) К. Камерона и Р. Куинна [5]. Данный диагностический инструментарий позволяет выделить четыре идеальных типа культуры, каждый из которых имеет свою доминирующую ценность организации: иерархическая организационная культура (далее – ОК) с базовой ценностью закона и порядка, клановая ОК, базирующаяся на ценности поддержания позитивных внутриорганизационных отношений, адхократическая ОК, имеющая в качестве основы ценность инновационности и творческой самореализации и рыночная ОК с ценностью результативности и успеха в конкурентной среде. Перспективность данного метода заключается в том, что его результаты дают достаточно ясную картину тех организационных ценностей военной службы ее участников, способных влиять на условия всей армейской социализации, включая и профориентационный ее аспект.

Использовано два варианта опросника: оригинальный и адаптированный. Для оценки существующего типа ОК использован вариант, адаптированный для армейских условий. Основной аспект адаптации связан с преобразованием рыночного компонента ОК предприятия в корреспондирующий с ним по смыслу деловой компонент армейской ОК. На этапе оценки предпочтительного состояния ОК использован адаптированный вариант в тех случаях, если военнослужащий связывает свое профессиональное поприще со службой в вооруженных силах или иных силовых структурах [6]. Если же военнослужащий намеревается работать в условиях предприятий или организаций гражданского назначения, он использовал оригинальный опросник. Результаты представлены в таблице 1.

В ходе исследования профессиональных намерений военнослужащих срочной службы (ВСС) выявлено, что значительная часть ВСС (65%) связывает свою профессиональную жизнь с внеармейской средой. При этом около трети из них (28%) не определились профессионально. Данные таблицы 1 показывают, что различия, желательные для военнослужащих, планирующих остаться в армии и силовых структурах и ВСС, желающих работать в гражданской сфере, а также не определившихся с выбором солдат, очень незначительны. Все они едины в необходимости улучшения отношений, но одни в организационных условиях армии, а другие по месту будущей работы. У офицеров та же тенденция в предпочтениях, но она существенно менее выражена, что обуславливает при общей клановой тенденции статистическую значимость различий между показателями, характеризующими позицию

офицерского корпуса, с одной стороны, и всеми остальными подгруппами респондентов (контрактников и всей группы ВСС) – с другой. Тем не менее, зафиксирован важный факт в желаниях ВСС, ориентированных на гражданскую службу (ВССгр). Данная группа респондентов в значительной степени разделяет инновационные ценности. Они бы хотели, чтобы на месте их будущей работы эти ценности присутствовали значительно больше, чем это есть в армии: 21% против 15%. Но и этот факт не может рассматриваться как безусловно позитивный, поскольку общая ценностная доминанта в этой группе все же остается клановой – 35%, а инновационные ценности не являются более выраженными, чем иерархические и деловые, создавая некоторую аморфную ценностную среду с приоритетом отношений.

Т а б л и ц а 1

Оценка военнослужащими актуального состояния организационной культуры места работы и ее предпочтительного состояния (критерий ϕ^* – углового преобразования Фишера)

Респонденты	Типы ОК											
	Клановая			Адхократическая			Деловая			Иерархическая		
	Ф	П	ϕ^*	Ф	П	ϕ^*	Ф	П	ϕ^*	Ф	П	ϕ^*
Офицеры	15	28	-	15	19	*	33	24	-	38	29	*
ВК	23	35	*	14	18	*	27	21	-	36	26	*
ВСС	27	35	*	16	20	*	24	21	-	33	24	-
ВССвс	29	34	*	18	20	*	22	21	-	31	25	-
ВССгр	25	35	*	15	21	*	26	22	-	34	22	-
ВССнов	26	35	-	14	21	-	25	20	-	35	25	-

В Таблице 1: представленность характеристик ОК дана в %; знак «-» означает, что различия статистически не значимы, достоверность различий ($\rho \leq 0.05$). ВК – военнослужащие по контракту; ВСС – военнослужащие срочной службы; ВССвс – военнослужащие срочной службы, предполагающие в дальнейшем службу в вооруженных силах или силовых структурах; ВССгр – военнослужащие, предполагающие в дальнейшем работу на гражданских предприятиях; ВССнов – военнослужащие, не определившиеся в своих выборах. Ф – фактическое, П – предпочтительное состояние ОК.

Особого интереса заслуживает позиция предпочтений военнослужащих, не определившихся с будущей сферой трудовой деятельности (ВССнов). Имея тенденцию к инновационной составляющей (21% против 14%) на уровне гражданско-ориентированных солдат при основополагающем клановом векторе развития, данная группа не имеет статистически значимых различий ни по одному из четырех имеющихся альтернатив. Иными словами, можно сделать вывод, что данная категория респондентов демонстрирует аморфность своих выборов, тяготея при этом к изменениям организационных отношений. Велика вероятность того, что значительная часть данных военнослужащих,

уволившись в запас из рядов ВС РФ, спустя непродолжительное время придут в военные комиссариаты с намерениями заключить контракт о прохождении службы. Необходимо отметить, что процесс повторного призыва вчерашних солдат в качестве контрактников в одну и ту же воинскую часть имеет довольно распространенную практику в войсках.

Анализ ценностных предпочтений различных категорий военнослужащих показывает общее желание снижения иерархических и повышения ценностей отношений в ОК на предпочтительном месте службы или работы в гражданском секторе. Деловые и иерархические ценности также вызывают значительно меньший уровень предпочтений всех военнослужащих, хотя есть некоторые тенденции к более значительному, в сравнении с остальными, снижению этих направленностей у тех солдат, кто видит себя вне военных и силовых структур. Данное обстоятельство объясняется отчетливым проявлением признаков служебно-категориальной иерархии и конкуренции между подразделениями – всего того, что является наиболее значимыми маркерами персонификации армейской организации.

Расчет по персоналиям с выделением ориентированности на конкретные типы ОК показывает следующее. Только 19% ВСС настроены на работу в эффективных типах ОК современных предприятий, к которым относятся иерархически-деловые и рыночно-инновационные типы ОК. Если учесть, что 28% ВСС обнаружили свои ценностные ориентации, но проявили отсутствие какой-либо профессиональной ориентированности, можно вполне обоснованно полагать, что профессиональное самоопределение военнослужащих срочной службы является актуальной задачей для агентов социализации в войсках. При этом нужно учесть и тот факт, что офицерский корпус в силу своей традиционной профессиональной ценностной ориентированности, естественной и оправданной для армии, не может служить поведенческой моделью для ВСС в профессиональной сфере в гражданской жизни.

Вместе с тем, на высшем государственном уровне неоднократно подчеркивалась задача превращения службы в армии из повинности в привилегию и необходимости выполнения армией функции социального лифта [7]. В глазах потенциальных ВСС – часто это дети из небогатых сельских и рабочих семей – служба в армии, как уже было отмечено ранее, не является оптимальным условием успешности жизни в будущем, что указывает на необходимость разработки новых задач армейской социализации.

В этой связи необходимо отметить, что условия армейского уклада изначально имеют широкие возможности для поддержки процесса профессионального самоопределения молодого человека: моральная и физическая подготовка, развитие готовности к напряженной и

продолжительной деятельности, формирование устойчивости к физическим и психологическим стрессам. Армия более успешно выполнила бы роль социального лифта для молодых людей, лишенных возможности приобщиться к содержанию тех преобразований, которые ведутся в стране и идут не случайно с большим трудом, – если предложить армейским агентам социализации новую парадигму воспитательной работы с военнослужащими, в том числе, и в части профессиональной ориентации. Это – парадигма профориентационной социализации, цель которой обеспечить компетентностную и ценностно-мотивационную готовность ВСС к трудовой деятельности на современном предприятии. Содержательно профориентационная социализация является этапом допрофессиональной и первичной профессиональной подготовки. На этом этапе обеспечивается выбор профессии в условиях максимальной информированности о современных профессиях в сочетании с выявлением психофизиологической, когнитивной и личностной предрасположенности к выполнению конкретной трудовой деятельности. Эта часть подготовки к настоящему времени достаточно разработана и нуждается только в адаптации перечня востребованных в перспективе профессий, поскольку одни профессии престают существовать, о чем часто не знают школьные профориентаторы, и появляются новые. Вторая часть подготовки является в полной мере социализационной. Ее задача – обеспечить становление социальной роли сотрудника современного предприятия (организации) во всей полноте психологического и компетентностного обеспечения: ценностно-мотивационная готовность к работе в рыночно-инновационных организационных условиях современного предприятия с преобладанием поддерживающей модели организационного поведения менеджмента и командного характера трудового взаимодействия. Принципиальным моментом такой формы социализации является обеспечение обучающихся широкой информационной основой, позволяющей им ориентироваться в многообразии организационных условий, имеющих свою специфику, зависящую от уровня развития предприятия и вида деятельности.

Целесообразно перестроить систему воспитательной работы в войсках, создав специальные модули, которые представляют собой профориентационную социализацию личности. Они должны включать не только ознакомление с современными профессиями, востребованными на рынке труда и психологически привлекательными для молодых людей, но и со спецификой организационных условий перспективных предприятий. К практическим шагам по реализации данного направления можно отнести следующие мероприятия: занятия соответствующего содержания в системе общественно-государственной подготовки военнослужащих,

профориентационные диагностические, консультативные и тренинговые мероприятия войсковых психологов. Перспективными также видятся встречи с представителями бизнеса и промышленных предприятий того региона, на территории которого военнослужащие проходят службу. В настоящее же время можно признать наличие дефицита доводимой субъектами армейской социализации информации о современных гражданских профессиях и специфике организационных условий современных предприятий.

Выводы:

1. Значительная часть военнослужащих срочной службы в настоящее время имеют характеристики ценностно-мотивационной готовности к трудовой деятельности, пригодной на малоэффективных предприятиях, что снижает их конкурентоспособность на современном рынке труда.

2. Представители командного звена, выполняющие воспитательные функции и являющиеся поведенческими моделями для военнослужащих срочной службы в силу специфики армейской деятельности, могут способствовать формированию некоторых трудовых компетенций, но далеко не в полной мере способны обеспечить становление информационной и психологической готовности к будущей трудовой деятельности в гражданском секторе экономики.

3. Профориентационная социализация в своей реализации предполагает целенаправленную подготовку как офицерского корпуса, выполняющего воспитательные функции, так и иных субъектов армейской социализации – войсковых психологов, инструкторов по общественно-государственной подготовке и информированию, армейских социальных работников, способных решить задачи ценностно-мотивационной психологической подготовки военнослужащих срочной службы с использованием методов поведенческого тренинга и тренингов принятия решений.

Комплексный подход к проблеме профориентационной социализации может существенно снизить уровень социального неравенства молодых людей различных социальных групп. Это позволит им свободно и осмысленно включаться в организационные условия разного типа и сохранить готовность реализовать себя как в армейской деятельности, так и в будущей социально-экономической реальности.

Список литературы

1. Захарова Л.Н. Психологические барьеры становления инновационной экономики в России // Социальная психология труда. Теория и практика / Под ред. А.Л. Журавлева, Л.Г. Дикой. М.: ИП РАН, 2010. Т. 2. С. 313-330.

2. Захарова Л.Н., Леонова И.С. Ценностный конфликт как ресурс развития предприятия // Проблемы теории и практики управления, 2012. № 11-12. С. 147-157.
3. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1998. 688 с.
4. Клементьева Р.П., Николаева И.А. Призыв на военную службу // Социологические исследования, 2000. №10. С. 72-76.
5. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 320 с.
6. Саралиева З.Х.-М., Захарова Л.Н., Власкин В.Ю. Профессиональное самоопределение и организационные ценности военнослужащих срочной службы // Известия УрФУ. Серия 3 «Общественные науки» 2016, №1(149). С. 41-51.
7. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета, 20.02.2012. Режим доступа: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 21.08.2017).

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ОТ
ИДЕИ «ДОГОВОРНОГО ОБЩЕСТВА» (CONTRACTUAL SOCIETY)
(НА ПРИМЕРЕ ИУДЕЙСКОЙ ДОКТРИНЫ) К ОБРАЗУ СООБЩЕСТВА
МЕЖДУНАРОДНОГО**

**TRANSFORMATION OF THE PARADIGM OF CIVIL SOCIETY FROM
THE IDEA OF "CONTRACTUAL SOCIETY" (ON THE EXAMPLE OF THE
JEWISH DOCTRINE) TO THE IMAGE OF THE INTERNATIONAL
COMMUNITY**

Е.В. Калинина
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
E.V. Kalinina
Lobachevsky University

Проводится параллель между политической и правовой природой концепта договорного сообщества, производного от идеи гражданского общества и категорией мирового сообщества.

The article analyses similarities of political and legal nature of the concept of contractual society and international community.

Ключевые слова: гражданское общество, договорное сообщество, международное сообщество, социальная солидарность

Keywords: civil society, contractual society, international society, social solidarity

Идея гражданского общества не нова. Однако, несмотря на свою продолжительную историю и множество вариаций, сформулированных в

различных доктринах, она не получила достойного завершения. Проблематичность создания унифицированной модели такого общества объясняется различием традиций, культурного, религиозного, правового опыта, менталитета и иных факторов, определяющих уникальность отдельно взятых народов и государств.

Впрочем, ученым удалось обозначить ряд характерных признаков, свойственных гражданскому обществу, а также функций, приписываемых ему. Учитывая, что все они реализуются в государстве, в современных исследованиях молодых ученых наблюдается тенденция выявления в существующем государстве черт сформировавшегося гражданского общества, что должно свидетельствовать о стремлении исследуемого государства обеспечить благоденствие своего населения или основной его части. Иными словами, конструкция «гражданского общества» используется для обозначения такого состояния государства, при котором все его установления способствуют достижению указанной цели. Данная тенденция, вероятно, является производной от теорий, согласно которым, гражданское общество может функционировать только при наличии и поддержке государства.

В этой связи представляется необходимым проанализировать образы гражданского общества (или аналогичных конструкций), сформировавшиеся веками ранее и прямо не «привязанные» к конкретному государству, т.е. сообщества, способные существовать относительно автономно и выступать как единый организм, взаимодействуя с властями государства с чуждой культурой, традициями, религией и правом, на территории которого это общество обосновалось. Некоторые из таких моделей представляются очевидной альтернативой государству, поскольку справляются с основными функциями, издревле приписываемыми государственным образованиям: защитной, социальной, воспитательной. Мысль о возможности существования некоего самодостаточного общества отражена не только в утопических произведениях, но и в ряде религиозных доктрин, например, иудаизме, христианстве и исламе. В рамках настоящего исследования целесообразно обратиться к одной из таких концепций, а именно – древнеиудейской.

Профессор С. Ласт-Стоун, проанализировав специфические черты традиционной древнееврейской общины, в работе «Иудаизм и гражданское общество» [1] приходит к выводу о допустимости использования термина, более точно характеризующего данное сообщество – «договорное общество» (*contractual society*), называя именно его, а не государство, продуктом Библейского Божественного Договора. Обоснованность такого суждения подкрепляется тем, что ключевыми идеями ветхозаветной и талмудической концепций являются: 1) договор о создании единого общества; 2) солидарная

ответственность всех иудеев перед Всевышним за соблюдение принимаемого Закона; 3) установление внутри общества отношений координации и равнообязанности; 4) отсутствие механизма принуждения к соблюдению установлений иного, помимо страха перед высшей силой, общественным осуждением и отлучением от общины.

В дальнейшем, идея формирования и поддержания *социальной солидарности* развивается не только внутри еврейской общины, но и в международном сообществе, а также в обществах, характеризующихся плюрализмом культурных традиций.

Можно согласиться с мнением исследователей иудейской религиозно-правовой традиции [1; 2], что иудейская концепция предлагает специфическую этическую модель, альтернативную гражданскому обществу, в которой индивид, с одной стороны, защищен от тирании, но с другой – подпадает под диктат своего окружения, так как коллективная ответственность всех участников договора предполагает *взаимный надзор* и воздействие с целью соответствия божественным предписаниям, что подавляет не меньше, чем любая тирания [2, р. 57].

Раввинистическая традиция формулирует критерии, значительно отличающиеся от предложенных другими политическими теориями, чтобы определить, какие ассоциации плюралистического общества стоит поддерживать, а какие – нет, которые из них крайне необходимы, а какие – неприемлемы. *Общественные связи, политическая и материальная зависимость и нравственность* определяют уровень социальной солидарности [2, р. 369-394; 3, р. 177-211]. Как участник соглашения, даже находясь в удалении от общины, каждый иудей остается связанным обязанностью соблюдать Закон. Конкретизируются обязанности совершать определенные действия, например, посещение больных, утешение скорбящих, участие в похоронах, материальная помощь нуждающимся и пр. Некоторые из добровольных актов настолько необычны, что являются обязательными только для членов сообщества, связавших себя договором: предоставление безвозмездных займов, выкуп заложников, прощение долгов на седьмой год, особые формы благотворительности и многое другое [4, р. 88-89]. Аналогично регламентированы и проявления *общественного неприятия*. Упорствующих отступников, отвергающих авторитет закона [6, р. 448-457] больше не связывают с обществом «членские узы», они не могут рассчитывать на защиту, гарантированную договором. Контакты с ними, включая браки, запрещены. Подобная мысль изложена Т. Гоббсом в труде «Левиафан или материя, форма и власть государства, церковного и гражданского»: не соблюдающие условия общественного договора, тем самым, возвращают себя в естественное

состояние, характеризующееся личным произволом и отсутствием гарантии личной безопасности [6, Ч. II: О государстве, Гл. XVIII, п. 3].

С развитием доктрин международного права и международных отношений становится очевидным, что не только государство способно предоставить индивидам гарантии их безопасности и благополучия. Более того, если оправданием существования государства в древних, средневековых теориях и учениях Нового времени служило обеспечение хотя бы примитивной защиты, ради которой люди готовы были мириться с посягательством на их права и интересы, то формирование мирового сообщества позволяет воздействовать на политику государств, в него вошедших, в целях соблюдения и защиты прав человека.

Можно провести параллель между правовой природой международного сообщества и образом «договорного общества» (contractual society = иудейский аналог идеи гражданского общества):

- возникает на основании договора;
- отношения координации внутри сообщества, а не субординации;
- право и его нормы создаются самими субъектами (для международного права: первичными и вторичными субъектами, а для иудейского «договорного сообщества» – индивидами, входящими в данное образование);
- действие норм обеспечивается доброй волей самих субъектов – сообщество само контролирует процесс соблюдения установленных им норм;
- «членские» отношения между субъектами соглашения и допустимость исключения из числа участников за нарушение договорных обязательств;
- механизм принуждения в «договорном сообществе» опосредован и специфичен и не выражен столь явно, как механизм государственного принуждения;
- основным выраженным неблагоприятным последствием отклонения от общепринятых принципов и норм является общественное осуждение, которое влечет за собой ущемления экономического, материального, социального, религиозного и иного характера.

Таким образом, при анализе истоков и природы идеи международного сообщества представляется более логичным усмотрение связи не столько с теорией гражданского общества, сколько с ее производной – «договорного общества».

Список литературы

1. Last Stone S. Judaism and Civil Society // Law, Politics and Morality in Judaism. – Princeton University Press, 2006. 224 p.

2. Greenberg M. *Studies in the Bible and Jewish Thought* / M. Greenberg. – Philadelphia: Jewish Publication Society, 1995. 484 p.
3. Gordon Lafer, *Universalism and Particularism in Jewish Law: Making Sense of Political Loyalties* // *Jewish Identity*, ed. David Theo Goldberg and Michael Krausz. – Philadelphia: Temple University Press, 1993. 344 p.
4. Goodman, Lenn Evan *Maimonides' Philosophy of Law* // *Jewish Law Annual*/1. 1978.
5. Morell Samuel. *The Halachic Status of Non-Halachic Jews* // *Judaism* 18, no. 4. 1969.
6. Гоббс Т. *Левиафан или материя, форма и власть государства, церковного и гражданского* / Т. Гоббс. М.: Мысль, 2001. 478 с.

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ
РЕАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО В СВЕТЕ КУЛЬТУРЫ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВРЕМЕНИ**
**ECOLOGICAL SECURITY AS THE KEY CONDITON OF FUTURE
REALISATION DUE TO THE CULTURE OF CIVILIZATION**

О.В. Каширина, М.В. Махринова
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
O.V. Kashirina, M.V. Marinova
North-Caucasus Federal University, Stavropol

Рассматриваются проблемы экологической безопасности в России. Данный вопрос исключительно важен для повышения эффективности всей национальной экономики, а также для улучшения качества жизни людей и для раскрытия потенциала регионов. Актуализация проблемы заключается в вопросе экологического просвещения. Необходимо сформировать у цивилизационного субъекта чёткую позицию в отношении с природой, чтобы он понимал, как его бытовое поведение влияет на глобальные природные процессы планеты.

The article deals with the problems of ecological security in Russia. This issue is very urgent to raise the effectiveness of all national economy and to improve the quality of people's life and to reveal the potential of our regions. Problem foregrounding is in the question of ecological enlightenment. It is necessary to form the man's stable attitude towards nature, to make him understand how his everyday behavior influences the global processes of the planet.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экологическое образование, социальная комбинаторика, цивилизация, экология, цивилизационное развитие

Keywords: ecological security, ecological education, social combinatorial analysis, civilization, ecology, development of civilization

Проблема экологической безопасности в России обостряется в связи с появлением новой тенденции, а именно стремлением превратить российское общество в «мировую свалку» радиоактивных отходов. Загрязнение Природы несет угрозу трансформации нашей страны не в энергетическую базу планеты, а в зараженный анклав, откуда нельзя будет черпать продовольственные ресурсы, а впоследствии и генетически деформированный человеческий материал, включая и интеллектуальные резервы. При развитии такого сценария вырисовываются довольно мрачные перспективы не только для России, но и для глобального мира в целом. Ведь угроза экологической безопасности на таком большом пространстве может обернуться катастрофой для цивилизационного времени планеты.

Понятиями «цивилизационное время» и «цивилизационное пространство» оперирует цивилизационный детерминизм. Это принципиально новое понимание причинности в процессах возникновения и развития явлений и событий в мире. При таком понимании развитие цивилизованного мира – есть взаимодействие различного масштаба цивилизационных субъектов с объектами природы и друг с другом. Именно эти субъект-объектные отношения развертываются в цивилизационном пространстве и цивилизационном времени, которые представляют собой коллективно-пространственную горизонталь и индивидуально-временную вертикаль цивилизационной субстанции как феномена культуры. Необходимость планетарного единства вертикали и горизонтали как единства биосферы и ноосферы обосновывается современным учением – цивилизационным детерминизмом.

У истоков цивилизационного детерминизма стоял великий русский ученый и мыслитель В.И. Вернадский (1863-1945). Он впервые в 1910 г. в своем докладе «О радиации» на заседании Санкт-Петербургской Академии наук обосновал наступление в XX в. новой эры развития человечества как целостного субъекта, задачей которого становится биологическое и культурное выживание в условиях радиоактивности. Впоследствии в своем учении о биосфере и ноосфере, а затем в «Философских мыслях натуралиста» он выдвинул идею о культурной биогеохимической энергии, которую называл энергией человеческой культуры, и которая, по его мнению, определяет развитие всех общественных и природных процессов на Земле, включая и процессы антропогенного воздействия на биосферу. В.И. Вернадский предупреждал, что наступит время, когда людям придется взять на себя ответственность за развитие и человека, и природы. И такое время, наступило.

Продолжателем идей В.И. Вернадского в российской науке и философии был Н.Н. Моисеев (1917-2000). Им разработана целая философия универсального эволюционизма, которая основана не на принципах

биологического или экономического детерминизма, а на идеях коэволюции, на идеи гармоничного развития Природы и Человека.

Основателем цивилизационного детерминизма в философии культуры считается наш современник и соотечественник Л.В. Скворцов, который разработал стратегию развития культуры самосознания, обеспечивающей первичность природы и природоподобных технологий в единстве Природы и Человека.

Разрабатываемая нами концепция культуры цивилизационного времени, основываясь на лучших традициях российской философской мысли, выдвигает идею времяцелостности в качестве единства всех трех измерений времени прошлого как преемственности, настоящего как целостности и будущего как целесообразности. Однако любая перегруппировка этих измерений в сознании цивилизационного субъекта по степени их значимости не должна сводиться лишь к социальной комбинаторике, которая основана на простых комбинациях, зависящих от ситуации.

Социальная комбинаторика превращает окружающий мир людей и вещей лишь в средство достижения постоянно изменяющихся целей. Такой тип поведения в современной обстановке «дикого олигархического капитализма», «криминализации экономики» и «бюрократизации государства» в России становится все более распространенным. Он воспринимается как истинный путь достижения успеха. Установки социальной комбинаторики оправдывают игнорирование традиций и ответственности перед будущим – ради достижения сиюминутной выгоды. Размещение радиоактивных отходов на территории России свидетельствует о победе ситуационного мышления и о потере ответственности перед будущими поколениями.

В концепции культуры цивилизационного времени вырисовывается ряд острейших вопросов, на которые нельзя дать удовлетворительного ответа, если исходить из приоритета жизни человека здесь и сейчас и из социальной комбинаторики, основанной на экономическом детерминизме.

Однако эти вопросы будут звучать по-другому, если будут поставлены, исходя из приоритета бытия цивилизации как единого целого, по отношению к которому бытие отдельного человека и отдельного поколения составляет лишь часть этого целого.

И тогда становится ясным, что если цивилизация – это реальность, заключающая в себе все три измерения времени, то в этом случае сохранность цивилизации как целого, забота о всех будущих поколениях оказываются приоритетными. Это значит, что интересы поколений легитимны, поскольку они не вступают в противоречие с задачей сохранности цивилизации как целого.

В связи с этим глобализация экологических проблем обуславливает необходимость все более тесного сотрудничества государств, их интегрирование в решении природоохранных задач, совершенствование механизма многостороннего управления глобальной экологической безопасностью. Активное участие развивающихся стран в решении глобальных экологических проблем предполагает серьезную перестройку экономических отношений.

Вопрос «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений» был поставлен Президентом РФ В.В. Путиным 27 декабря 2016 г. на Заседании Госсовета об экологическом развитии России в интересах будущих поколений. В.В. Путин на заседании отметил, что: «Задачей поэтапного перехода России к модели устойчивого развития, и не просто к модели устойчивого развития, должно быть и устойчивое экологическое развитие. Говоря о развитии экономики страны, мы должны говорить с упором на решение экологических проблем» [1].

Сегодня актуальность проблемы экологической безопасности и ответственности перед будущим возрастает. Данный вопрос исключительно важен для повышения эффективности, прежде всего, всей национальной экономики, с одной стороны, и в то же время для улучшения качества жизни наших людей, для раскрытия потенциала наших регионов – с другой.

Необходимо отметить, что актуализация проблемы экологической безопасности и ответственности перед будущим человечества заключается в вопросе экологического просвещения. Важно сформировать у цивилизационного субъекта четкую позицию в отношении с природой, чтобы он понимал, как его бытовое поведение влияет на глобальные природные процессы планеты. К сожалению, экологическое образование и воспитание еще очень мало изучены, следовательно, природа будет страдать от экологической неграмотности людей. Цивилизационные субъекты утрачивают способность критично воспринимать поступающую из разных источников экологически значимую информацию.

Экология – это, прежде всего, знание и воспитание. Считаем, что экологический компонент должен присутствовать во всех образовательных программах начиная с дошкольного уровня. Только тогда на уровне культуры самосознания станет нормой понимание личной ответственности каждого за будущее, где человечество может уверенно продолжать своё развитие.

Вместе с тем актуальным является вступление России в эру междисциплинарного и трансдисциплинарного (универсального) образования, науки и технологий. Междисциплинарность науки и образования должны

сыграть решающую роль в разработке природоподобных, ресурсосберегающих и экологически чистых технологий.

Список литературы

1. Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии РФ в интересах будущих поколений [Эл. ресурс] // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53602> (дата обращения: 21.08.2017).

УЧЕНИЕ О СВОБОДЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

И.А. ИЛЬИНА

THE DOCTRINE OF FREEDOM IN POLITICAL SOCIOLOGY I.A. ILYIN

В.П. Кошарный

Пензенский государственный университет

V.P. Kosharny

Penza State University

Анализируется проблема свободы в творчестве И.А. Ильина, раскрывается концепция «органической демократии», содержание понятий внешней и внутренней свободы, а также их воплощение в свободе политической.

This article analyzes the problem of freedom in creativity I.A. Ilyin, expands the concept of "organic democracy", the content of the concepts of external and internal freedom, and their embodiment in political freedom.

Ключевые слова: внешняя свобода, внутренняя свобода, политическая свобода, органическая демократия, либеральная диктатура

Keywords: external freedom, internal freedom, political freedom, organic democracy, liberal dictatorship

И.А. Ильин (1883-1954) – крупнейший российский мыслитель XX в. Его идеи особенно актуальны и ценны в контексте построения правового государства в современной России. В области политической социологии И.А. Ильин особенно много и плодотворно работал в эмигрантский период своей жизни. Он одним из первых дал характеристику тоталитаризма как политического строя, без ограничений вмешивающегося в жизнь граждан, стремящегося управлять и регулировать всю их деятельность [1, с. 94-95]. Русский мыслитель выступал против бездумного копирования западных форм демократии («фанатизма формальной демократии»), полагая, что демократические институты должны *органически* вырасти из русской действительности (концепция органической демократии). Он поставил вопрос о

свободе как важнейшей предпосылке подлинной (творческой) демократии, имея в виду не только различные виды личной свободы, но прежде всего свободы для России как государства, её международной независимости, державной самостоятельности, свободы для России как многонационального единства, развития ее многонациональных культур, свободы экономической (свободы труда и собственности), свободы для людей как субъектов права. Категория свободы, как видим, являлась основополагающей в системе социально-философских и социологических взглядов И.А. Ильина.

Еще будучи в России, в своей магистерской, ставшей одновременно и докторской, диссертации «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человек» (1918), защищенной в Московском университете, русский мыслитель интерпретировал философское учение Гегеля как «*учение о Божией свободе*» [2, с. 255]. Сущность Бога, субстанции, единой и единственной реальности – в свободе, а свобода есть самоопределение. Субстанция свободна в двух смыслах: в отрицательном, так она ничем не ограничена, и в положительном, поскольку она есть творчество, активность, жизнь, обращенная всецело на себя. Субстанция есть одновременно и диалектически-органически мыслящее себя объективное Понятие, которое, достигнув в «Логике» уровня «абсолютной Идеи», свободно переходит в несвободное состояние. Возникшее противоречие (ограниченная свобода – это уже несвобода, а несвободная субстанция – не субстанция) разрешается как раз различием отрицательной и положительной свободы. Понятие утрачивает первую, но сохраняет вторую и стремится восстановить первую через раскрытие и реализацию второй. Такова, по И.А. Ильину, краткая схема всей философии Гегеля.

Увлеченность проблемой свободы в годы работы над диссертацией и книгой о Гегеле не покидала И.А. Ильина на протяжении всей творческой жизни. В изданной посмертно итоговой работе «Путь к очевидности» (1957) он подчеркивает, что свобода – это, безусловно, необходимая предпосылка достойной жизни человека, её смыслообразующий ориентир. Без неё невозможны ни искренние любовь и вера, всякое творческое вдохновение, научно-исследовательская деятельность, акты совести – важнейшие составляющие человеческой жизни. Сказанное, по И.А. Ильину, касается не только духовной культуры, но всех других сфер жизни, в том числе и экономической. Только свободная трудовая деятельность возвышает человека, и поэтому она эффективна и созидательна.

Внимание современных исследователей привлекает тщательный анализ русским мыслителем понятия свободы в работе «Путь духовного обновления» (1935). Говоря о свободе, он выделяет два основных элемента в содержании понятия: *внешняя свобода* и *внутренняя свобода*. Первая, И.А. Ильин именуется

её и как «отрицательную», это свобода религиозная, свобода выражения своих взглядов, убеждений, в которую никто не имеет права вмешиваться, что-то предписывать или запрещать. Мыслитель специально подчеркивает, что это не произвол, которому никто не должен препятствовать. Речь идет об ограждении духовной жизни личности от насильственных предписаний, угроз и преследования. При этом И.А. Ильин как специалист в области права прекрасно понимал, что общественная и государственная жизнь в обозримой перспективе не может обойтись без идущих извне предписаний и запретов, иногда подкрепляемых силой и принуждением. Но внутренние убеждения не создаются приказами и запретами. И действительно, внешнее принуждение может в лучшем случае обеспечить то, что И. Кант называл легальным поведением, а в худшем – лицемерное, неискреннее признание навязываемых ценностей.

Если внешняя свобода устраняет насильственное вмешательство в духовную жизнь человека, то внутренняя свобода направлена на самого человека. «Свобода, по самому существу своему, есть именно *духовная свобода*, т.е. свобода духа, а не тела и не души» [3, с. 169]. Как и Кант, русский мыслитель полагал, что человек принадлежит к двум мирам: тело его – часть вещественного мира, и оно подчинено законам этого мира. Душа, по И.А. Ильину, связана «таинственным образом с телом и обусловлена его здоровой жизнью», она имеет свою природу, которая подчинена своим законам, душа не творит эти законы, а подчиняется им. Свобода доступна только *духу*, который обладает силой и властью для создания форм и законов своего бытия, способностью творить себя и собственную жизнь. Самоосвобождение, полагал И.А. Ильин, означает преодоление слабостей и страстей при помощи волевых усилий, извлечения себя из потока обыденности, а затем наполнения положительным жизненным содержанием. Внутренняя свобода – это не отрицание закона и авторитета, она есть «способность духа самостоятельно увидеть верный закон, самостоятельно признать его авторитетную силу и самостоятельно осуществить его в жизни». Фактически И.А. Ильин проводит мысль, что свобода – это не произвол, напротив, свобода царит над произволом, человек от него свободен, он преобразил произвол «в духовное, предметно обоснованное *произволение*». При этом внешняя свобода является естественным и необходимым условием для утверждения и упрочения внутренней. Мыслитель делает важный вывод: люди не должны быть брошены на произвол «внешней» и «отрицательной» свободы; внешняя свобода необходима для внутреннего *самоосвобождения*. Человек должен быть подготовлен и воспитан в ней «к внутренней», «положительной» свободе.

Сформулированные русским мыслителем методологические подходы к проблеме свободы последовательно применены к анализу понятия «политическая свобода». Последняя рассматривается как разновидность внешней свободы (свобода слова, собраний, право избирать и быть избранным). Но требования свободы относятся не только к вопросам внутренней духовной жизни, но и к вопросам политического и социального устройства. Политическая свобода касается других людей, и поэтому она значительно шире и по объему, и по ответственности. Но здесь И.А. Ильин обнаруживает две серьезные угрозы человеческой свободе: *во-первых*, недооценка свободы, ведущая к отречению от неё (вспомним, например, притчу об обмене первородства на чечевичную похлебку или содержание «Легенды о Великом инквизиторе» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»); *во-вторых*, злоупотребление свободой, которое, в конце концов, приводит к её утрате. Встает нелегкий вопрос: кто созрел для политической свободы, что могут дать обществу люди, злоупотребляющие свободой слова, печати, собраний, правом выбора, если люди действуют под воздействием своих страстей и личных интересов? Не будут ли эти люди опаснейшими врагами чужой и общей свободы? Отвечая на эти вопросы, И.А. Ильин, со свойственной ему в решении таких вопросов ответственностью, утверждал, что критерием целесообразности политической свободы является процесс внутреннего самоосвобождения. Если политическая свобода укрепляет внутреннее самовоспитание, и люди научаются уважать взаимную духовную свободу, а уровень нравственности и духовной культуры общества повышается, то политическая свобода получена своевременно и может быть сохранена и развита. В противном случае – народ может не выдержать её тяжести, а потому политическая свобода может быть временно ограничена. Предвосхищая падение коммунистического режима в СССР, И.А. Ильин полагал, что для приучения людей к свободе будет необходим переходный период в виде «либеральной диктатуры». Нужно отметить, что многое из того, что предсказывал мыслитель, оказалось востребованным в политической жизни современной России.

Список литературы

1. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов. В 2-х т. Т.1. М.:МП «Рарог», 1992. 344 с.
2. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 543 с.
3. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 134-288.

**ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЁЖИ В КОНТЕКСТЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
FACTOR OF YOUTH SAFETY IN THE CONTEXT OF
INTERPRETATIONS OF SOCIAL PROCESSES**

А.Б. Лымарь

Высшая Школа Безопасности в Познани (отдел в Гданьске), Польша

A.B. Lymar

Wyższa Szkoła Bezpieczeństwa w Poznaniu (Wydział w Gdańsku), Polska

Интерпретация социальных процессов является определяющим фактором в формулировании и решении задач, связанных с безопасностью молодёжи. В этом участвуют государство, общество и все современные социальные институты. Основная задача – построение современной модели для безопасности молодёжи.

Interpretation of social processes is the determining factor in the formulation and solution of tasks related to the safety of young people. This involves the state, society and all modern social institutions. The main task is the construction of this modern model for safety of young people.

Ключевые слова: молодёжь, безопасность, социальные процессы, интерпретации

Keywords: youth, security, social processes, interpretations

Вопросы безопасности молодёжи как довольно многочисленной социальной группы давно уже рассматриваются исследователями и специалистами в сфере безопасности. Если все же вникнуть в суть большинства открытий и предложений на эту тему, очевидным становится, что большая часть из этого объема наработок относится к нахождению способов для того, чтобы обезопасить государство и общество от молодёжи. Молодое поколение изначально воспринимается как источник угрозы для привычного уклада жизни, для укоренившихся привычек, стереотипов и ценностей. Речь не идет о том, что молодёжь непременно желает все это уничтожить или обесценить. В большей степени пугает то, если по каким-либо причинам она не сможет воспринять в полном объеме или в предложенном виде багаж информации, который всеми силами социальных институтов пытается ей навязать государство и общество. Многократно использованная тема диалога и конфликта поколений чаще совершенно равнодушна к проблеме молодёжи как таковой.

Объективности ради, можно упомянуть исследователей, которые понимают проблему безопасности молодёжи не только в контексте угроз с её стороны. Здесь мы находим нескончаемые предложения, связанные с

необходимостью формирования дополнительных условий для развития молодой и творческой личности, создания возможностей для подхода молодых людей к так называемым «социальным лифтам». Многие предлагают всемерную поддержку и укрепление института семьи, включающих экономический и интеллектуальный аспекты. Институт образования без перерыва открывает разной степени доступности варианты занятости молодых людей на 3 и более лет процессом учебы, что далеко не всегда связано с дальнейшими жизненными перспективами этих молодых людей. Не секрет, что армия также с успехом на некоторое время обеспечивает изоляцию молодёжи от возможности проявлять обусловленную возрастом энергию и эмоциональность. В значительной степени сдерживанию порывов взрослеющей личности способствуют институты религии и вся система воспитательной работы, ориентированная на развитие таких ощущений, как духовность и патриотизм. Не менее успешны мероприятия по распространению морали, традиций и ценностей. Так или иначе, все эти действия *de facto* направлены на сдерживание молодёжи, снижение риска ожидаемой от неё угрозы.

Не имеет смысла много говорить о непреодолимости возникновения конфликта вкусов и интересов между старшим и младшим поколениями. Все это давно описано в истории и литературе. Меж тем, если мы пытаемся говорить о безопасности собственно для молодёжи, то здесь до сих пор нет внятной позиции и программы действий. Суть проблемы заключается в том, что чаще под безопасностью понимается ограждение молодых людей от тех угроз, которые так пугают государство и остальную часть общества. В этом во многом кроется причина обостренного интереса власти и исследователей к проблеме роста радикальных настроений в молодёжной среде. Понятно, что современный общественный и научный интерес к этой проблеме вызван общим напряжением политической ситуации в мире, периодическими кризисами в мировой экономике, внутренними проблемами отдельных стран, которые влияют на жизнь молодёжи, а также конкретными примерами проявлений молодёжной агрессии, нарушения верховенства закона, участия в полувоенных и террористических организациях. Однако трудно вспомнить в обозримой истории человечества период, когда бы упомянутые процессы отсутствовали вовсе или проходили в идеальных условиях. Во все времена молодёжь была энергичным участником этих процессов. Меж тем, если прежде высказывались претензии к молодёжи преимущественно в виде общего недовольства и морального назидания, то в наше время тема угрозы со стороны молодого поколения муссируется с повышенной активностью. Речь чаще заходит о молодёжном экстремизме, хотя до сих пор нет четкого определения понятия «молодёжный экстремизм», которое часто рассматривается как любое

отклонение от общих правил и положений, как каждое отклонение, оцениваемое как потенциальная угроза обществу или государству. Если система ценностей и норм прав отдельных стран связана с их закрытым, авторитарным или тоталитарным методом контроля, любая молодежная деятельность может оцениваться как попытка дестабилизации и разрушения.

Государственные и общественные институты склонны интуитивно содержать или подчинять природную энергию молодежи, что часто приводит не только к конфликту и разрыву социального диалога, но и к феномену преждевременного психического старения. Раннее духовное и умственное старение – это явление, характерное для слабо развитых, нецивилизованных, недемократических обществ. Речь идет не о демократии как о форме правления, а о возможностях и способах самоопределения и самовыражения личности. Явление раннего психического старения рассматривается в мире науки и гуманистической мысли, особенно в литературе, описывающей мир молодого человека в процессе роста, развития и различных изменений в жизни. «Стареющая душа» проявляется в раздражительности, апатии, отсутствии уверенности в своих способностях, в неадекватной самооценке и выборе социальной маски. Положительные внешние изменения редко влияют на преждевременное старение души, хотя и положительные в полном смысле этого слова, они крайне редки. Даже традиционно развитые общества и относительно демократические страны сформировали все основы для раннего психического старения. Например, решены различные технологические проблемы, тем легче их достижения были молодыми. И тем меньше времени и желания остается, чтобы уделять достаточное внимание индивидуальному развитию в целях совершенствования уже самих технологии. В этом случае мы не говорим о молодых технологах, дизайнерах и исследователях. Они существуют во все времена в ограниченных пропорциях по отношению к остальному населению. В основном современные технологические достижения воспринимаются молодыми людьми как своего рода технология *fast food*, которая способна удовлетворить потребность, но не как нечто абсолютно обязательное, связанное с интересом к сущности явления.

Схожее отношение к социальной жизни. Молодой человек может испытать потребность в деятельности, в том числе политической и общественной. Этот «голод» может быть легко утолен усилиями социальных и политических институтов, обладающих полномочиями, властью и достаточными ресурсами. Однако этот процесс может быть связан с навязыванием доктрин и идей, которые сами по себе не слишком интересны молодежи, не соответствуют индивидуальным и интеллектуальным способностям, а поэтому принимаются без особых усилий и анализа.

Получаемые в виде доктрин и идей «знания» существенно влияют на определение целей и смыслов. Так, потребность в свободе и равенстве заменяется «знанием» о свободе и равенстве, где только сам процесс борьбы за свободу и равенство имеет цель и смысл. Такая борьба быстро истощает жизненную энергию молодёжи, в лучшем случае оставляя иллюзию достижения какого-либо осязаемого результата.

С другой стороны, мы встречаем весьма распространенное явление – инфантилизм. Суть его – извечная проблема взросления населения, проявляющаяся как эмоциональная и интеллектуальная незрелость, моральная и социальная безответственность. В этой ситуации легче полагаться на авторитет государства и общества, принимая их готовые формулы и правила. Проблема заключается в том, насколько эти формулы и правила могут восприниматься и интерпретироваться индивидуумом, и насколько сознательно личность руководствуется ними в своих действиях. И здесь важно понять, является ли это руководство результатом индивидуального пути развития или подражанием поведению масс, что в определенной степени обеспечивает ощущение стабильности и безопасности в конкретном настоящем и в обозримом будущем.

Сами стабильность и безопасность понимаются молодежью как набор устоявшихся стандартов и стереотипов. Старшее поколение, опираясь на авторитет государственных и общественных институтов, накапливает и транслирует определенный тип взаимоотношений и потребностей, в том числе в стабильности и безопасности. Не имея собственного опыта понимания и интерпретации различных процессов и не обладая необходимым социальным и историческим иммунитетом, молодёжь трудно определяет свое отношение к переменам, а часто просто ограничивается имитацией поведения авторитетного и «успешного» старшего поколения. Значимыми, прежде всего, остаются те ценности, которые создают ощущение определенного внутреннего комфорта в усложняющихся обстоятельствах современного мира. Таковыми «ценностями» могут, например, быть патриотизм, внешняя религиозность, политическая сопричастность. Сегодня увлечение национальной историей (её принятыми интерпретациями) и патриотизмом (как единственным чувством, замещающим отсутствие иных смыслов бытия) ведёт к очередной большевизации общественного сознания и к появлению очередной волны «потерянного поколения». Эти обстоятельства ведут к тому, что формируется отвечающий ситуации способ восприятия и интерпретации реальности, включая реальность, которая связана с интересами безопасности.

Все процессы (социальные, политические, культурные, миграционные и прочие) оцениваются большей частью молодого поколения с позиции тех

представлений, которые формируются в результате воздействия современных СМИ, института образования и иных трансляторов информации. Степень вовлеченности в эти процессы зависит от индивидуальных потребностей и возможностей молодых людей. А сами потребности и возможности обусловлены степенью загруженности молодых людей различными смыслами их существования (личного, экономического, профессионального, творческого, социального), реальностью планирования и степенью реализации значимых жизненных задач, умением распорядиться избытком или нехваткой свободного времени. Три последних условия и определяют перспективы каждого молодого человека, которые непосредственно связаны с оценкой уровня его безопасности.

Подводя краткий предварительный итог, можно заметить, что сегодня не существует достаточно взвешенной и научно обоснованной модели, формирующей необходимые условия для безопасности молодёжи. Можно предположить, что такая модель могла бы быть создана при соединении некоторых положительных наработок в сфере молодёжной политики и культуры безопасности. Речь о том, чтобы политика в отношении молодого поколения вырабатывалась государствами и обществами не в своих обозначенных интересах, а в контексте новой культуры формирования целей, задач и смыслов, достижение, усвоение и развитие которых может быть доверено молодёжи. Должна закончиться эпоха доисторической примитивной передачи знаний, навыков, умений и информации от поколения к поколению в целях самого акта их передачи (это касается и всего, что связано с интерпретацией угроз, вызовов и способов им противостоять). Как можно предположить, при таком взгляде на проблему со временем у государства и общества будет все меньше ожиданий угроз со стороны молодых людей и исчезнет убеждение, что молодость – это то неудобство, которое желательно как можно быстрее преодолеть.

Список литературы

1. Edukacja dla bezpieczeństwa. Wyzwania i zagrożenia w XXI wieku. Cyberprzestrzeń a bezpieczeństwo jednostki, t. 2, red. naukowa: M. Borkowski i in., Poznań 2013.
2. Lymar A. Młodzi ludzie w sytuacji społecznej i politycznej transformacji obrazu państwa i świata. Analiza // Bezpieczeństwo – wielorakie perspektywy. Człowiek – społeczeństwo – państwo w sytuacjach kryzysu, H. Marek, A. Zduniak (redakcja naukowa), Poznań 2014.
3. Лымарь А.Б. Влияние миграционных процессов на мобильность студенческой молодёжи // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы.

Материалы X-й Международной научно-практической конференции. Научная ред. В.И. Казаренков. Часть 1. Москва, Издательство РУДН, 2017. С. 270-274.

4. Lymar A. Bezpieczeństwo w kontekście istniejących interpretacji wydarzeń społecznych i politycznych // Komunikacja a zmiana społeczna. Wyd. Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2017.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ЗЕРКАЛО НАУЧНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УРАЛЬСКИХ ВУЗОВ¹

ACADEMIC MOBILITY: INVOLVEMENT AND SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE URAL UNIVERSITIES LECTURERS²

М.В. Певная, Н.В. Шаброва
*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург*
M.V. Pevnaya, N.V. Shabrova
*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekateriburg*

На основе анализа данных массового опроса преподавателей 19 вузов УрФО (2017; N=810; выборка квотная) доказывается, что вовлеченность университетских преподавателей в академическую мобильность обусловлена их научной и социальной активностью.

Based on the analysis of the mass survey of teachers of 19 universities in the Ural Federal District (2017, N=810, the quota sample), the report proves that the involvement of university teachers in academic mobility is due to their scientific and social activity.

Ключевые слова: академическая мобильность, система высшего образования, нелинейная модель высшего образования, преподаватели вузов

Keywords: academic mobility, higher education system, nonlinear model of higher education, lectures

Академическая мобильность – актуальный феномен, широкое распространение которого является общемировым трендом в высшем образовании. Современные университеты и наука развиваются в условиях глобальных проблем и глобальной мобильности. Сетевое взаимодействие стран, институций, профессионалов способствует тому, что все большее число сотрудников университетов имеют возможность поиска ресурсов и партнеров

---

¹ Подготовлено при поддержке РФФ, проект № 16-18-10046 «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности».

² The research is supported by the Russian Science Foundation, № 16-18-10046 «Forming the nonlinear model of the Russian higher education in the region in the context of economic and social uncertainty».

для получения новых знаний, создания сетевых организаций и обмена идеями [1, с. 320]. Еще в 2003 г. в начале болонского процесса в нашей стране усиление контактов и работы преподавателей в зарубежных университетах получили безоговорочную поддержку российских экспертов [2]. Последние 15 лет, когда жестко задаются рамки реформирования российской системы образования, именно академическая мобильность может работать на нестандартные управленческие решения и научное развитие, так как дает больше свободы всем субъектам, взаимодействующим в этой системе, способствует развитию человеческого капитала академического сообщества, формирует единое пространство активного взаимодействия.

Интернационализация образования – обязательная позиция в отчетности всех российских вузов, которые могут или должны стать открытыми и привлекать к себе ученых и преподавателей со всего мира, если у них есть для этого активы. Академическая коммуникация давно стала нормой на глобальном рынке высшего образования. Кроме того, глобальная повестка требует от российских вузов определенных изменений, направленных на создание благоприятной среды, чтобы принимать иностранных студентов и коллег, а также условий для мобильности своих сотрудников, их развития и совершенствования за счет взаимодействия с российскими и зарубежными коллегами. Речь идет об определенных требованиях к компетенциям, личным, профессиональным и организационным качествам тех, кто работает и может работать в изменяющихся российских университетах. Любая из выше описанных тенденций напрямую связана с академической мобильностью в самой широкой ее трактовке, а именно «с перемещением студентов и преподавателей высших учебных заведений на определённый период в другое образовательное или научное заведение в пределах или за пределами своей страны для обучения, преподавания или научных исследований» [3, с. 96].

Именно с академической мобильностью, как нам кажется, могут быть сопряжены некоторые показатели эффективности управления изменениями в российских вузах. На уровне отдельных университетов и стран большинство исследователей однозначно признают положительную роль академической мобильности, так как мобильные преподаватели обладают более широким опытом и обширной сетью контактов, их идеи циркулируют в научном сообществе и предотвращают атрофию знания. [4, с. 230]. Однако за весь период реформирования изменения в показателях академической мобильности как студентов, так и преподавателей происходят крайне медленно. Безусловно, такое положение дел связано с целым комплексом внешних факторов, в том числе с тем, что в нашей стране инбридинг и иммобильность являются устоявшейся нормой академической культуры [5]. Однако определенные

причины непосредственно обусловлены характеристиками российских преподавателей и исследователей как профессионалов.

Постараемся выделить основные особенности преподавателей вузов УрФО как членов академического сообщества, связанные с их потенциалом включения в академическую мобильность. Для решения этой задачи следует обратиться к анализу результатов массового опроса преподавателей 19 вузов Уральского федерального округа (N=810; 2017). Выборка формировалась на основе статистических данных об образовательных общностях УрФО. Внутри каждого региона выделены квоты по направлениям подготовки, в которые вовлечены преподаватели. Корреляционный метод дал возможность выявить особенности научной и социальной активности преподавателей, а также их влияние на вовлеченность последних в академическую мобильность.

В качестве основного показателя, характеризующего степень вовлеченности в академическую мобильность, в исследовании рассматривалась информированность преподавателей о возможных программах академического обмена и мобильности. В целом 16% преподавателей вузов УрФО о них хорошо знают, так как лично имеют опыт академической мобильности, 63% респондентов знают, так как слышали об этих программах от своих коллег или знакомы с документами вуза, 21% ничего не слышали и не знают.

Т а б л и ц а 1

Информированность об академической мобильности преподавателей вузов УрФО, которые проявляли или не проявляли какую-либо научную и социальную активность, % от числа ответивших

Информированность об академической мобильности	Научная активность за последний год академической карьеры <i>Pearson Chi-Square = 27,947^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,200</i>		Публичная активность за последний год академической карьеры <i>Pearson Chi-Square = 39,054^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,247</i>	
	Да	Да	Да	Нет
Знают и принимали участие в разных проектах	23	31	31	11
Знают от коллег и из других источников	62	55	55	66
Ничего не знают	15	14	14	23
Итого	100	100	100	100

Следует отметить, что на информированность преподавателей о программах академической мобильности совершенно не влияют социально-демографические характеристики респондентов. В то же время значимые корреляции были выявлены между информированностью об академической

мобильности и такими показателями социальной и научной активности преподавателей, как написание статей и заявок в научные фонды, участие в научных мероприятиях в других городах и странах, участие в публичных образовательных, культурных проектах в качестве лектора, участие в общественных и экспертных советах, бизнес-форумах и т.д. Приведем лишь сравнение информированности тех, кто писал заявки на различные гранты, научно-исследовательские проекты, публиковал статьи в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК РФ, либо индексируемых в базах цитирования Scopus и WoS (50%), и тех, кто за последний год своей академической карьеры этим не занимался (50%). Представим выявленные отличия преподавателей, которые за последний год были вовлечены в какие-либо публичные мероприятия (74%), от тех, кто не участвовал в каких-либо социальных проектах (26%).

Следует отметить, что вовлеченность в академическую мобильность не связана с возрастом, гендерной принадлежностью, регионом проживания или педагогическим стажем преподавателей ведущих вузов УрФО. По данным межстранового исследовательского проекта, исследователи доказывают, что мобильность российских преподавателей не способствует повышению их публикационной активности и расширению профессиональных коммуникаций, так как большая часть их рабочего времени отводится на преподавание. Они отдают предпочтение исследовательской работе, однако не тратят на нее больше времени, чем их немобильные коллеги [6]. По нашим данным, особенности именно преподавателей отечественных университетов заключаются в том, что академическая мобильность изначально характерна для тех из них, кто ведет активную социальную жизнь, включается в те процессы (политические, социальные, культурные), которые происходят вокруг них. Такая жизненная позиция и деятельностная активность формирует в жизни целого ряда российских преподавателей широкое поле личных контактов и профессионального взаимодействия.

Список литературы

1. Иконникова Н.К. Профессиональная и гражданская идентичность ученых в зеркале глобальной академической мобильности // Вопросы социальной теории. 2011. Т. 5. С. 319-337.
2. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Болонский процесс и российские университеты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. №1. С. 382-389.

3. Проскура О.В., Герасимчук И.Ю. Понятие мобильности. Виды мобильности. Академическая мобильность // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 13 (342). Вып. 4. С. 94-98.

4. Горелова О.Ю. Межвузовская мобильность преподавателей российских вузов // Вопросы образования. 2016. № 2. С. 229-258.

5. Академический инбридинг и мобильность в высшем образовании. Глобальные перспективы / Под ред. М.М. Юдкевич, Ф.Дж. Альтбаха, Л. Рамбли. М. : Изд. Дом ВШЭ. 2016. 328 с.

6. Анализ стимулов агентов на рынке высшего образования: стратегии, нормы, контракты в академической среде [Эл. ресурс]. НИУ ВШЭ. 2015. Режим доступа: <https://www.hse.ru/org/projects/144501784> (дата обращения: 21.07.2017).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА – ЭПИЦЕНТР ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

STATE PENSION SYSTEM – THE EPICENTER OF GLOBAL SOCIAL AND MACROECONOMIC TRANSFORMATIONS

А.К. Соловьев

Пенсионный фонд Российской Федерации, г. Москва

A.K. Solov'ev

Pension Fund of the Russian Federation, Moscow

Современная пенсионная система государства представляет собой совокупность экономических, организационных и правовых институтов, обеспечивающих формирование пенсионных прав застрахованных лиц и реализацию накопленных пенсионных обязательств при наступлении страховых случаев в соответствии с Конституцией РФ, международными и российскими законодательными актами, трехсторонними соглашениями и коллективными договорами и др., регламентирующими функционирование различных компонентов пенсионной системы.

The modern pension system of the state represents set of the economic, organizational and legal institutes providing formation of the pension rights of the insured persons, and realization of the saved-up pension liability at approach of insured events according to the Constitution of the Russian Federation, the international and Russian acts, tripartite agreements and collective agreements, etc. regulating functioning of various components of pension system.

Ключевые слова: пенсионная система, трудовой стаж, тариф страхового взноса, страховая пенсия

Keywords: pension system, seniority, tariff of an insurance premium, insurance pension

В условиях становления рыночной экономики в пенсионной системе осуществлена перестройка на страховые принципы формирования пенсионных прав застрахованных лиц с целью обеспечения дифференцированной увязки размера государственной пенсии с трудовым стажем и заработком пенсионера, т.е. в зависимости от трудового вклада работника. Критическими демографическими параметрами являются следующие: за последние 20 лет средний возраст населения вырос на 4 года, коэффициент старения – на 1.3%. В результате, население России характеризуется по международной шкале как высокий уровень демографической старости (а женское население – очень высокий). Закономерно, что возрастает показатель «демографической нагрузки» (соотношение работающих и пенсионеров).

В таких условиях обеспечить сбалансированность пенсионной системы за счет страховых инструментов можно только путем увеличения тарифной нагрузки либо на экономику, либо непосредственно на человека, либо на бизнес. Необходимый тариф страховых взносов для выполнения текущих предельно скромных пенсионных обязательств должен составлять 36-38% (против нынешнего 22%+10%), или должен быть увеличен целевой трансферт, который также формируется исходя из налоговой нагрузки на экономику. Таким образом, без государственного регулирования макроэкономической и демографической ситуации в стране долгосрочная финансовая стабилизация системы обязательного пенсионного страхования (ОПС) практически невозможна. Исходя из экономической сущности страховой пенсионной системы, которая заключается в эквивалентности пенсионных обязательств страховщика (независимо от способа страхового обеспечения – распределительного или накопительного) накопленным пенсионным правам каждого застрахованного лица (или группы застрахованных лиц) предлагаются следующие критерии оценки реализации страховых принципов в пенсионных системах:

- долгосрочная (а не только текущая) финансовая сбалансированность пенсионной системы в целом;
- эквивалентность пенсионных обязательств пенсионным правам каждого застрахованного лица;
- гарантия минимального уровня материального обеспечения застрахованных лиц в пенсионной системе.

Выбор и обоснование конкретных страховых механизмов в пенсионной системе зависят от национальной социальной политики [1]. В условиях финансового кризиса и ужесточения бюджетно-финансовой политики пенсионная система должна рассматриваться как один из базовых факторов устойчивости долгосрочного развития экономики и гарантии социальной

стабильности, а не инструмент регулирования сбалансированности госбюджета текущего планового периода. Пенсионная реформа должна быть направлена на повышение эффективности не только отдельных составных элементов, но и всей пенсионной системы. Для этого необходимо установить целевые ориентиры реформы, которые интегрировали бы как институциональные, так и параметрические характеристики.

Эффективность пенсионной системы как базового сегмента макроэкономики оценивается рядом конкретных параметров. Во-первых, она оценивается с институциональной позиции: насколько она выполняет свою главную функцию – реализует экономические интересы застрахованных лиц – пенсионеров. Во-вторых, она должна оцениваться как составная часть макроэкономической системы государства (с позиции влияния на экономику, в частности, насколько она обременительна для государственного бюджета), т.е. налоговая нагрузка. В-третьих, эффективность пенсионной системы должна учитывать интересы страхователей, т.е. насколько она обременительна для бизнеса и содействует его инновационному развитию (в частности, отдельных секторов бизнеса, отдельных регионов и т.п.).

Первая проблема – эффективность пенсионной системы как институциональной формации. Пенсионная система включает в себя трех участников: страхователей, страховщиков и застрахованных лиц, которые имеют объективные экономические антагонистические интересы: то, что эффективно для одного участника, неизбежно оказывается неэффективным для других. Оценивать эффективность пенсионной системы можно только с позиции оптимизационного компромисса экономических интересов всех участников пенсионной системы. Однако при этом безусловным приоритетом является реализация экономических интересов застрахованных лиц как главной функции пенсионной системы. Для конкретных демографических и макроэкономических условий Российской Федерации на весь страховой пенсионный период после реформы (до 2070 г.) актуарно обоснованы несколько различных, как правило, альтернативных целевых ориентиров формирования экономически эффективного механизма функционирования пенсионной системы, в частности:

1. на достойный уровень страховой пенсии в зависимости от зарплаты и стажа (гарантия коэффициента замещения утраченного заработка);
2. на ограничение нагрузки страхователей («нагрузки на бизнес»);
3. на гарантирование минимального уровня пенсий, т.е. ликвидацию бедности пенсионеров [2].

Для обеспечения альтернативной стратегической цели пенсионной реформы – сбалансированности и долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы законодательные нормы предусматривают:

- диверсифицировать тарифную политику для различных профессиональных, демографических и доходных групп населения;

- установить системы бюджетной поддержки уровня страховой нагрузки для субъектов экономической деятельности;

- трансформировать современный двухуровневый экономический механизм формирования пенсионных прав в трехуровневый с соответствующим развитием трехуровневой модели пенсионной системы (солидарной, корпоративной, индивидуально-накопительной);

- вывести из солидарно-страховой системы перераспределения пенсионных прав наиболее критичные – нестраховые – институциональные подсистемы: досрочные механизмы формирования пенсионных прав, льготные / нестраховые – доплаты/выплаты и др.;

- продолжить политику компенсации за счет трансфертов федерального бюджета выпадающих доходов солидарно-распределительной части пенсионного бюджета текущего периода по причине изъятия части страховых взносов на формирование индивидуально-накопительных пенсионных прав будущих пенсионеров;

- создать экономические условия и стимулы для оптимизации пропорций накопительного и распределительного сегментов пенсионной системы.

Все эти факторы и условия функционирования пенсионной системы должны получить объективное отражение в теоретических положениях современной социальной политики.

Глобализация экономических процессов в мире создает дополнительные проблемы долгосрочного стратегического планирования развития пенсионной системы России, обусловленные ее уникальной многофункциональностью, которая, в свою очередь, вытекает из институциональной природы сложившейся к настоящему времени системы материального обеспечения различных категорий пенсионеров. Несмотря на установленные в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации целевые ориентиры по достижению коэффициента замещения трудовой пенсией по старости не ниже 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате, в настоящее время в России нет общепризнанной методологии расчета коэффициента замещения. Рассмотренные проблемы финансовой устойчивости и эффективности пенсионной системы как на текущий момент, так и в долгосрочной перспективе должны обеспечивать, в первую очередь, реализацию прав застрахованных лиц

на пенсионное обеспечение. В этой связи одной из приоритетных задач современной фундаментальной и прикладной научной мысли является разработка эффективных институциональных инструментов, регулирующих долгосрочную устойчивость пенсионной системы России по достижению достойного материального обеспечения граждан в случае утраты трудоспособности (по старости, инвалидности и при потере кормильца) [3].

Список литературы

1. Соловьев А.К. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность (учебное пособие). М.: Учебное пособие. ООО «Проспект», 2014. С. 4-296.
2. Соловьев А.К. Институциональные основы рыночной пенсионной реформы. М.: Мир новой экономики, 2013, № 3-4. С. 28-36.
3. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. Книга 1. Под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 430 с.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕСТА И РОЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ FORECASTING THE PLACE AND ROLE OF THE DEMOGRAPHIC FACTOR IN MODERN RUSSIA

В.Н. Стегний

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

V.N. Stegny

Perm National Research Polytechnic University

Рассматривается ряд критериев разработки прогнозов развития современного российского общества. Исходя из статуса личности в будущем обществе и опираясь на проблемно-целевой критерий, прогнозируется ранжированный ряд основных сфер развития общества, среди которых определяется место и роль демографического фактора. Исходя из указанных сфер прогнозируется модель социально-экономического развития российского общества.

Considers a number of criteria, development of forecasts of development of modern Russian society. Based on the status of the individual in a future society and based on the problem-the target criterion is projected to be ranked a number of key spheres of development of society, among which is defined the place and role of the demographic factor. Based on these areas is projected the model of socio-economic development of the Russian society.

Ключевые слова: прогнозирование места и роли демографического фактора, человеческий потенциал и демографический фактор

Keywords: forecasting the place and role of demographic factors, human potential and the demographic factor

Переход современного общества от индустриальной к постиндустриальной цивилизации поставил вопрос о формировании нового типа общества: инновационного, технотронного, сетевого, информационного, рыночного, демократического, основанного на научности и образованности. Для реализации идеи инновационного общества стране нужна новая модель социально-экономического развития. Разработка такой модели должна опираться на основные тенденции мирового развития [1, с. 63-178], прогнозы развития общества на XXI век [2, с. 53-346], состояние современного общества [3], место в России в будущем мире [4].

Содержание и направленность развития современного общества идет в направлении: а) нанотехнологий; б) биотехнологий; в) инновационных технологий; г) когнитивных технологий. Такие технологии качественно меняют место человека в обществе и работника в производстве. Встает вопрос, что в центре развития общества должно находиться: человек или «рынок», «бизнес», «деньги». Если в центр развития общества ставится «рынок», «бизнес», «деньги», тогда основной теоретический документ, по которому живет страна, – это бюджет, и главным министерством в обществе является министерство финансов.

Если в центр развития инновационного общества ставится человек, тогда, опираясь на *проблемно-целевой критерий*, целью его развития становится *население страны*, региона, типа поселения. В таком случае ранжированный ряд основных сфер жизнедеятельности в обществе будет следующим:

Первое место: население страны, региона сегодня и завтра. Объясняется это демографической ситуацией в последние 25 лет, в настоящем и в ближайшие 15-20 лет. Настоящая демографическая ситуация характеризуется следующими тенденциями: усиление диспропорции между мужским и женским населением, суть которой в том, что группа мужчин на 11 млн. меньше, чем женщин в обществе, а по разным регионам эта диспропорция составляет 10-20%; высокая смертность, прежде всего среди мужского населения. Около 40% их не доживают до 60 лет; средняя продолжительность жизни среди них 65,7 лет; очень высокая смертность особенно среди юношей в возрасте от 14 до 26 лет; высокая детская смертность среди детей в возрасте до 10 лет; высокая смертность в стране и достаточно короткая продолжительность жизни, особенно у мужчин; острой остается проблема разводов в современной семье.

По годам она достигает 40-50% от заключенных браков. В каждой третьей семье детей воспитывает одна мать. Около миллиона детей при живых родителях воспитываются не в своей родной семье.

Самой острой демографической проблемой остается процесс естественного прироста населения. В нашей стране в настоящее время приходится 1,78 количества родившихся детей на одну женщину, в странах Запада – 1,0 ребенок. С 1992 г. по 2013 г. процесс естественного прироста в нашей стране был со знаком минус, хотя в 2013-2015 гг. было доминирование рождаемости над смертностью, но естественный прирост населения оставался равен «0».

С 2017 г. страна вступает в очередную «демографическую яму», которая может длиться до рубежа 30-40-х гг. XXI в. В этой связи имеется три варианта прогноза по численности населения России до 2050 г.: *низкий вариант* – численность населения сокращается; *средний вариант* – численность населения остается на уровне 2015 г., *высокий вариант* – численность населения увеличивается.

Для решения демографических проблем на это должны быть сориентированы в первую очередь: здравоохранение, медицина; образования, наука; культура, воспитание, духовная сфера; жилищно-коммунальное хозяйство; экология; коммуникации, транспорт.

На это необходимо переориентировать промышленность, сельское хозяйство, энергетические ресурсы, производство продуктов питания.

Кредитная, банковская, вся финансово-денежная системы должны работать, прежде всего, на человека, т.е. население при этой пирамиде стоит в числителе, все остальное – в знаменателе. На достижение указанной цели и решение задач развития всех сфер жизнедеятельности следует направить систему управления, в основе которой должно быть научное управление и государственное урегулирование.

При разработке прогноза социально-экономического развития общества, региона, какой-либо сферы их жизнедеятельности обязательно следует учитывать и такой показатель, как интервал времени. Для этого необходим еще и оперативный, краткосрочный, среднесрочный, долгосрочный, дальнесрочный прогноз. В таком случае вероятность реализации прогноза значительно выше.

Прогноз как развития общества, так и любой его сферы должен стать элементом массового сознания. Личности современного общества в своей деятельности необходимо опираться на социальную прогностическую ориентацию, основанную на научном осознании своего социального будущего.

Список литературы

1. Нейсбит Дж. Мегатренды: пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2013. 380 с.
2. Медоуз Д.Х. Пределы роста. 30 лет спустя / Д.Х. Медоуз, Й. Рандерс, Д.Л. Медоуз. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. 358 с.
3. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество. М.: Логос, 2010. 248 с.
4. Малиницкий Г.Г. Синергетика: будущее мира и России. М.: УРСС, 2008. 384 с.

СВОБОДЫ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ ГЕРМАНИИ FREEDOM AND HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF TOPICAL CHANGES: NEW CHALLENGES FOR GERMAN LAWMAKERS

Д.А. Шпилев

*Нижегородская академия Министерства внутренних дел РФ;
Национальный исследовательский*

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

D.A. Shpilev

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Lobachevsky University*

На примере Германии рассматриваются изменения, происходящие в отношениях между личностью, обществом и государством в новых социальных, экономических и геополитических реалиях, вычленяются подходы немецких ученых к анализу актуальных проблем сохранения гражданских прав в условиях необходимости борьбы с организованной преступностью и терроризмом, изменению роли локальных и интернациональных правоохранительных органов в условиях информационного общества.

The article examines changes in the relations between the individual, society and the state in the new social, economic and geopolitical realities in the article, examines the approaches of German scientists to the analysis of urgent problems of preserving civil rights in the context of the need to combat organized crime and terrorism, changing the role of local and international law enforcement agencies in the information society.

Ключевые слова: социология права, личность, общество, социальное государство, преступность, гражданские права и свободы

Keywords: sociology of law, personality, society, social state, crime, civil rights and freedoms

Современная немецкая социология состоит из 26 основных тем, одной из которых является «Социология права и уголовная социология»

(Rechtssoziologie und Kriminalsoziologie) [1]. Социологию права и уголовную социологию немецкие ученые делят на пять разделов, включающих в себя следующие смысловые блоки:

1. Общие теоретические положения, государственная политика в правовой сфере, методы исследования;
2. Виды правонарушений и преступлений, борьба с преступностью, отношения между преступником и жертвой, работа полиции;
3. Уголовное судопроизводство, другие виды судопроизводства, исполнение наказания, правосудие, решения судов;
4. Профилактика и предупреждение, работа служб безопасности, внесудебное урегулирование, ресоциализация преступников;
5. Развитие права, правовая культура, правосознание, правоприменение.

Для российской социологии и социальной работы, а также для отечественного правоведения (в том числе, и для сравнительного) все вышеперечисленные разделы, очевидно, представляют несомненный интерес, однако, анализ 500 работ, написанных в период с 2005 по 2016 гг., показал, что немецкие специалисты по социологии права и уголовной социологии основное внимание сосредотачивают на осмыслении изменений, происходящих в отношениях между личностью, обществом и государством в новых социальных, экономических и геополитических реалиях. Существует, как минимум, три причины, побуждающих немецких ученых вернуться к дискуссии и переосмыслению роли государства в современных условиях. Во-первых, это структурные процессы, получившие название «ренессанс государства» (die Renaissance des Staates), происходящие в контексте глубинных изменений традиционного немецкого социального государства. До кризиса 2008 г. в Германии происходило интенсивное дерегулирование, приватизация и разгосударствление социально значимых сфер жизни, финансирование которых большей частью традиционно осуществлялось из государственного бюджета, прежде всего, жилищной сферы и здравоохранения. Однако в условиях экономического кризиса приватизационная эйфория быстро сошла на нет, произошел возврат к привычному госфинансированию [2]. В результате, например, в сфере здравоохранения сложилась сложная структура секторального управления, система обеспечения эволюционировала в целую отрасль хозяйства, успешное функционирование которой, впрочем, значительно осложняется стремительным старением немецкого общества и уменьшением числа работающего населения, а значит, и налогоплательщиков. В этой ситуации некоторые немецкие ученые опасаются, что усиление роли государства окажет крайне негативное влияние на продолжение процессов дерегулирования, приватизации и разгосударствления в социально значимых

сферах, ведь при существующей нагрузке на немецкое социальное государство осуществление этих процессов необходимо [3]. Тем не менее, ряд экспертов уже обозначили сложившуюся ситуацию как переход от обеспечивающего государства (Providing State) к государству регулирующему (Regulatory State) [4].

Во-вторых, это вопрос, может и должно ли немецкое государства по-прежнему гарантировать своим гражданам сохранение гражданских прав в условиях необходимости борьбы с организованной преступностью и терроризмом. Иными словами, речь идет о поиске равновесия между реальной правовой защитой индивидуальных гражданских прав и обеспечением эффективного контроля над преступностью. Следует отметить, что у немецкого государства есть опыт по защите прав человека в условиях тяжелой криминальной обстановки, в частности, во время борьбы с Фракцией «Красной Армии» (RAF) в 1964 г. Однако в современных условиях немецкие ученые пытаются найти ответы на следующие вопросы:

1) существуют ли абсолютные границы для вмешательства государства в частную жизнь граждан, не зависящие от степени террористической или криминальной угрозы, или ограничение государством основных прав граждан в определенных условиях полностью оправданно?

2) в каких ситуациях ограничение гражданских прав со стороны государства является обоснованным?

3) возникла ли в настоящее время ситуация, в которой необходимо вновь найти баланс между защитой гражданских прав и контролем над преступностью?

Постановка данных вопросов основывается на тезисе о том, что для существования правового государства уважение прав человека столь же значимо, как принципы демократии и разделения властей. Любое ограничение прав человека угрожает основам социального государства и поэтому должно применяться с большой осторожностью. Однако актуальные вызовы и угрозы заставляют немецкое общество ставить справедливость данного тезиса под сомнения, как минимум, в сфере борьбы и профилактики преступности [5].

В-третьих, все действия в правовой сфере не являются автономными, а во многом обусловлены поведенческими моделями, существующими в других сферах жизни. Поэтому для полноценного понимания изменений, происходящих в обществе и государстве, правовая наука должна учитывать, как эти изменения интерпретируются другими науками. Изменения и процессы, происходящие в настоящее время в индустриальных обществах, являются переходом от национальных государств к глобальным обществам информации и знаний и описываются социологией, политологией, теорией коммуникации и другими

науками, анализирующими и описывающими общество, в таких категориях, как сетевизация, сопряжение, вертуализация, интерактивизация и гипертекстуализация. Эти процессы не только основательно меняют соотношение техники и права, но и оказывают серьезное влияние на взаимоотношение права и общественности, объем правовых норм и, в конечном, итоге, на некоторые аспекты демократической легитимации права [6].

Необходимо отметить, что анализ изменений в отношениях между государством, обществом и личностью осуществляется немецкими социологами на разных уровнях. Во-первых, путем переосмысления трудов классиков. В частности, П. Граефф и Г. Мелькоп обращаются к таким авторитетам, как Э. Дюркгейм и его теории аномии, которая понимается как потеря обществом объединяющей силы и способности к саморегуляции, как эрозия ценностей, целей и руководства к действию. Кризисное состояние на макроуровне вызывает аномии, которая на микроуровне повышает вероятность внутрличностного насилия (вплоть до самоубийства) и межличностного насилия (вплоть до убийства). Таким образом, существует зависимость между аномией и увеличением в обществе количества убийств / самоубийств. Это означает, что значительное отклонение от среднестатистического количества убийств в определенный промежуток времени, патологический рост случаев девиантного поведения может объясняться состоянием аномии в обществе. Авторы проверяют данный тезис с помощью панельных исследований [7].

И. Маус, в свою очередь, осуществляет сравнительный анализ системы разделения властей, предложенной Ш. Монтескье с конкурирующей версией Дж. Локка и И. Канта. При этом И. Маус подробно описывает функциональные изменения, произошедшие с системой разделения властей в XX-XXI вв., в частности, в контексте изменения структуры права и методологии судопроизводства. Ведь укрепление национального государства, а затем его последующее превращение в глобальную наднациональную структуру вызвало эрозию основ правового государства, классической системы разделения властей и основ существования демократического общества [8]. Не в последнюю очередь такое положение вещей вызвано растущим рассогласованием между манифестируемым и реальным правом, то есть, между содержанием законов и их реальным воплощением, между эксплицитной и имплицитной конституцией.

Во-вторых, путем возвращения к ранее предложенным концепциям и их переоценки. В данном случае речь идет о концепции так называемой обороноспособной демократии. Связано это с тем, что после терактов 11 сентября 2001 г. в ведущих европейских государствах стало особенно заметно, насколько хрупкое равновесие уже давно сложилось между потребностями государственной безопасности, с одной стороны, и привычкой граждан к

индивидуальной свободе и партиципации – с другой. По сути, концепция обороноспособной демократии предусматривает для противников существующего конституционного строя запрет пользования правами и свободами, закрепленными в немецкой конституции, а также запрещение деятельности антиконституционных партий и общественных объединений. Кроме того, дополнительным инструментом защиты существующего конституционного строя является закрепленная в уголовном кодексе наказуемость попыток устранения этого строя. Таким образом, правые и левые радикалы, экстремисты, секты, непокорные мигранты могут быть объявлены вне закона. Однако при этом открытым остается вопрос о влиянии подобных мер на сложившуюся политическую культуру Германии и о далеко идущих последствиях подобного влияния [9].

В-третьих, пересмотр функций и полномочий полицейской службы Европейского союза. Речь идет о том, что в современных условиях больше нельзя рассматривать Европол как оружие демократии, эта служба должна стать серьезным механизмом борьбы с международной преступностью, которая уже давно и успешно использует вновь открывшиеся возможности метасреды для своей противозаконной деятельности. Таким образом, встает вопрос о пересмотре законодательных основ деятельности Европола, механизмов контроля за этой деятельностью, в том числе, и политических, а также полномочий Европола в сфере защиты данных (информации) и правовой помощи гражданам [10]. В этом контексте следует еще раз упомянуть о том, что полиция Германии оказалась совершенно не готова обеспечивать общественную безопасность в условиях миграционного кризиса, что привело к нежелательному и опасному обострению противоречий, давно копившихся в немецком обществе [11]. Поэтому вопрос о пересмотре и расширении полномочий Европола не является чисто научным и дискуссионным.

Безусловно, данный список не является исчерпывающим, однако даже эти несколько примеров показывают всю серьезность изменений, происходящих в отношениях между личностью, обществом и государством в новых социальных, экономических и геополитических реалиях, а также значение социальной ответственности ученых, в том числе, правоведов (и законодателей), занятых поиском путей выхода из системного государственного кризиса.

Список литературы

1. GESIS – Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften URL: <https://www.gesis.org/home/> (дата обращения: 21.08.2017).

2. Шпилев Д.А. Социальная политика Германии: история и перспективы // Отечественный журнал социальной работы. 2017. №1. С. 148-153.
3. Heinze R.G.: Rückkehr des Staates?: politische Handlungsmöglichkeiten in unsicheren Zeiten, Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss. 2009, 245 s.
4. Ruge R. Die Gewährleistungsverantwortung des Staates und der Regulatory State: zur veränderten Rolle des Staates nach der Deregulierung der Stromwirtschaft in Deutschland, Großbritannien und der EU, (Schriften zum öffentlichen Recht, 944), Berlin: Duncker & Humblot 2004, 347 s.
5. Kühne Hans-Heiner: Bürgerfreiheit und Verbrecherfreiheit: der Staat zwischen Leviathan und Nachtwächter, (Rechtspolitisches Forum, Nr. 21), Trier 2003, 23 s.
6. Richter Eike: Recht in interaktiven Umgebungen // Interaktivität: ein transdisziplinärer Schlüsselbegriff, Frankfurt am Main: Campus Verl., 2004. S. 240-256.
7. Graeff P., Mehlkop G. Mord, Selbstmord und Anomie. Ein neuer Ansatz zur Operationalisierung und empirischen Anwendung des Anomiekonstruktes von Emile Durkheim // Sozialwissenschaften und Berufspraxis. 2006, 29(1). S. 56-69.
8. Maus I. Zur Ideengeschichte der Gewaltenteilung und der Funktionsweise der Justiz // Demokratie in Europa und europäische Demokratien: Festschrift für Heidrun Abromeit, Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss., 2005. S. 224-262.
9. Minkenberg M. Repression und Repressionswirkungen auf rechtsradikale Akteure // Integrationspotenziale einer modernen Gesellschaft. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. S. 330-324.
10. Internet Organised Crime Threat Assessment (Iocta) 2017. Report. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2017>.
11. Шпилев Д.А. Специфика деятельности системы правоохранительных органов Германии в условиях миграционного кризиса // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 819-823.

**ОСОБЕННОСТИ И ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ
МОЛОДЁЖНЫХ СУБКУЛЬТУР
FEATURES AND POTENTIAL OF YOUTH SUBSCULTURES
CIVIL ACTIVITY**

П.Н. Артёмов
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина
P.N. Artomov
V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine

Социальная субъектность молодёжи является её значимой характеристикой, благодаря которой реализуется культурный, экономический,

политический и гражданский потенциал. В условиях усложнения или отсутствия формальных механизмов включения молодёжи в институты гражданского общества они заменяются субкультурной активностью. Основным проявлением гражданской активности молодёжных субкультур являются различные формы протеста, которые зависят от степени структурированности конкретной субкультуры.

Social agency is a significant characteristic of youth whereby its cultural, economic, political and civic potential is realized. The mechanisms of inclusion of youth in civil society institutions in case of its complications or lack of formal modes are replaced by subcultural activity. The various forms of protest are the main form of youth subcultures civil activity which depends on certain subculture structure level.

Ключевые слова: молодёжь, социальная субъектность, субкультура, гражданская активность, протест

Keywords: youth, social agency, subculture, civil activity, protest

Одним из актуальных и значимых направлений исследований в рамках социогуманитарного знания является разносторонний анализ молодёжи как социально-демографической группы и молодости как социокультурного феномена. Актуализация различных аспектов подобных исследований в определенные периоды развития различных обществ связана с интенсивностью проявлений всевозможных форм молодёжных активностей. В рамках преимущественного большинства подобных исследований на протяжении долгого времени молодёжь понималась исключительно как объект социального влияния и воздействия. Социокультурные изменения в современном обществе существенно отражаются на той роли, которую молодёжь играет в нём и процессах его трансформации, что в свою очередь приводит к тому, что одной из наиболее актуальных проблем научного изучения молодёжи становятся феномены её социальной субъектности, к анализу которой обращались такие ученые, как Б. Ананьев, И. Ильинский, М. Карват, И. Кон, В. Левичева, Е. Якуба, Л. Сокурская, В. Милановский, В. Мощняга, Б. Поршневу, М. Руткевич, А. Шендрик, С. Фридват, П. Митев.

На протяжении последних десятилетий общественно-политическая активность в постсоветских обществах ограничивается электоральным поведением их членов. Ограничение количества активных представителей политических и экономических элит с помощью финансовых барьеров, коррупции или информационных манипуляций сформировали новые типы социальных интеракций между властью и обществом. На фоне же фактического отсутствия опыта гражданского участия и невысокого уровня политической культуры граждан, которые в результате подобных процессов фактически исключают из механизмов непосредственного влияния на политические

процессы, что приводит к усложнению механизмов или отсутствию интеллектуальной и кадровой конкуренции в постсоветских элитах, подменяя её партийным или императивным квотированием. Таким образом, формальные типы коммуникации, которые регламентированы юридическими нормами и механизмами активности общественных организаций или добровольных объединений граждан, стали фактически неэффективными или малоэффективными. В то же время социальная активность граждан последние годы постепенно возрастает благодаря увеличению каналов коммуникации граждан и её упрощению, что в комплексе с увеличением социальной ответственности формирует уникальные условия для гражданской самоорганизации вне формальных политических и общественных институтов. Подобные условия формируют необходимость в существенных изменениях системы и принципов отношений власти и общества, а также развитии неформализованной интеракции между ними.

В контексте неформальной активности и самоорганизации традиционно молодёжь играет одну из ведущих ролей. Сферой актуализации подобных активностей преимущественно выступает свободное время и досуг, которые становятся пространством возникновения и развития большинства молодёжных феноменов, в том числе и субкультур. Проявления и особенности основной массы молодёжных субкультур не выходят за рамки досуговых практик, а их влияние ограничивается структурой и содержанием свободного времени молодёжи, которые фактически не связаны или связаны косвенно с формальными социальными институтами, в том числе гражданскими и политическими. Основной формой социальной активности молодёжных субкультур традиционно считаются различные формы протеста, которые привлекли особое внимание европейских и американских исследователей в период «субкультурного бума» 60-70-х гг. XX в. В отличие от европейских студенческих протестных движений, наиболее ярким из которых стал «Красный май» во Франции, антивоенные марши и массовые акции протеста в США против войны во Вьетнаме были не только демонстрацией гражданской позиции молодёжи, а презентацией и манифестом молодёжных субкультур, которые сформировали феномен хиппи.

Возвращаясь к анализу постсоветского социально-политического контекста, необходимо учитывать, что в условиях советского культурно-монолитного общества любые формы субкультурной активности и протеста молодёжи фактически пресекались. В отличие от стран Запада «субкультурный бум» на постсоветском пространстве произошёл позже, в конце 80-90 гг. XX в., и был связан с изменением принципов идеологической работы и молодёжной политики, но в условиях кардинальных политических, экономических и

социокультурных трансформаций не имел такого общественного резонанса. Конструирование уникального молодёжного пространства в рамках советских и постсоветских субкультур крайне редко выходило за рамки культурного поля и свободного времени. Тем не менее, стоит отметить значимую роль молодежи в процессе формирования гражданского общества, в частности благодаря созданию и активной деятельности молодёжных общественных организаций. Привлечение молодежи к активной общественной жизни предоставляет ей возможность не только реализовывать приобретённые знания и навыки, но и защищать собственные права и интересы. Наиболее распространённая стратегия создания молодёжных общественных организаций связана с так называемой инициативой «сверху» и направлена на решения конкретных задач органов государственной администрации или политических партий. Подобная модель формальной организации приводит к тому, что многие молодёжных объединения не соответствуют своему прямому назначению и активизируются только во время предвыборных кампаний, выступая инструментом получения электоральных симпатий определенными политическими партиями. В основном деятельность молодёжных общественных организаций сводится к распространению агитационной продукции, обеспечению массовости митингов и съездов или организации различных акций в поддержку той или иной политической силы.

Отсутствие эффективной системы общественных организаций актуализирует роль молодёжных субкультур, а низкий уровень общественно-политической активности молодежи в определенной степени компенсируется ее субкультурной активностью. Особую социальную роль и значение в условиях растущих противоречий между государственной властью и динамичной реальностью общественной жизни приобретают молодёжные субкультуры, которые имеют определенную степень структурированности. Ярким примером этого являются события в украинском обществе в 2013-2014 гг., когда сформированные и устоявшиеся в рамках молодёжных субкультур повседневные практики стали неотъемлемой составляющей акций протестов, а те, которые можно описать в терминах неповиновения, – их катализатором.

Социологический анализ происходящих в среде молодёжных субкультур процессов и понимание вектора их активности позволяет не только прогнозировать и минимизировать их негативные социальные последствия, но и переориентировать эту активность в правовое поле и приемлемые для гражданского общества формы.

**ИДЕЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ
ТРАДИЦИОННОГО РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОГО УЧЕНИЯ ИСЛАМА
THE IDEA OF CIVIL SOCIETY IN THE CONTEXT
OF TRADITIONAL TEACHINGS OF ISLAM**

Э.Э. Ахвердиев

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E.E. Ahverdiev

Lobachevsky University

Анализируется ряд вопросов социальной политики мусульманской общины, затрагивающих отношения мусульман с представителями других религий, особенности организации общины, органы, обеспечивающие правопорядок и мирное соседство с представителями других религий.

The article analyses several problems of Muslim society's policy relative to the relations between Muslims and people of different faiths, organizational specifics of the community, authorities ensuring public order and peaceful coexistence of the congregation with adherent of different creed.

Ключевые слова: община, социальная политика, Коран, мусульмане, иудеи, христиане, права человека, равенство

Keywords: community, social policy, Koran, Muslims, Jewish, Christians, human rights, equality

Мусульманская доктрина в период своего формирования в эпоху Средневековья, как и на современном этапе, предполагала развитие основных социальных институтов (общины, права, образования, семьи, религиозных учреждений, специфических форм налогообложения).

Как отмечает коллектив авторов, «Вопрос о мирном, конструктивном совместном существовании и взаимодействии христианской и исламской цивилизаций в свете событий современности приобрел особо важное значение. Из непосредственно теоретической разработки этот вопрос перешел в разряд злободневных практических проблем, связанных не в последнюю очередь с вопросами международной безопасности. Очевидно, поэтому цивилизованный диалог между исламским и христианским миром сегодня выступает как важная, крайне необходимая для многоконфессионального общества практика» [1].

Современный межконфессиональный дискурс, направленный на поиск политических компромиссов между религиозными учениями, побуждает исследователей к выявлению наиболее привлекательных идей в той или иной религии, обеспечивших широкое распространение и массовое признание. Существуют, тем не менее, характерные для любого духовного учения черты,

связанные, в первую очередь, с общиной как сложившейся общностью индивидов и определенным механизмом социального регулирования.

По мнению М.Ф. Муртазина, «Научный анализ взаимоотношений ислама с христианством и иудаизмом требует обращения к истокам ислама как религии более молодой и более поздно сформировавшейся» [2, с. 3].

Иудеи и христиане, с арабского «ахль уль-Китаб» – люди Писания. Ислам подразумевает дружелюбное отношение к людям Писания. Мусульманам предписано придерживаться всех священных Книг и посланников Аллаха: «Скажите: Веруем мы в Аллаха и в то, что ниспослано было Аврааму, Исмаилу, Исааку, Иакову и потомкам их, в то, что даровано было Моисею и Иисусу и что даровано было пророкам Господом их. Не проводим мы никакого различия между ними и предаемся Ему»[3, Коран, 2:136]. Аллах защищает места поклонения мусульман, иудеев и христиан: «И если бы Аллах не отражал одних людей другими, то были бы снесены монастыри и церкви, синагоги и мечети, в которых имя Бога поминается. Аллах, поистине, поможет тем, кто правдой Ему служит»[3, Коран, 22:40].

Мусульманские ученые настаивают на том, что ислам проповедует равенство всех верующих перед Всевышним независимо от их социальной или этнической принадлежности. Тем не менее, мусульманскому обществу было известно рабство, а также деление индивидов по происхождению относительно территории и относительно конфессиональной принадлежности.

На особом положении находились *зиммии*, к которым относились иудеи и христиане. Они признавали верховенство мусульманского государства, символизируемое оплатой подушного налога – *джизьи*. Периодически, например, в период действия Пакта Омара, их статус претерпевал ряд социальных ограничений. В целом же, признавая определенную связь теории ислама с учениями иудаизма и христианства, а также лояльность, проявленную представителями категории *зиммии* в отношении местных обычаев и установлений властей, им позволялось производить свои религиозные обряды, используя действующие храмы (возводить новые зиммиям, однако, запрещалось). Их даже принимали на государственную службу.

В период Средневековья в исламском учении принято было делить население на мусульман и иноверцев. Иногда упоминалось разграничение на мусульман и людей Писания. Несложно догадаться, что средневековая научная мусульманская мысль предпочтение отдавала мусульманам, хотя люди Писания, ограниченные в определенных правах, лично не притеснялись.

Согласно ст.1 Каирской декларации прав человека в исламе (1990 г.), «все люди образуют одну семью, члены которой объединены повиновением Господу и являются потомками Адама. Все люди равны в основополагающем

человеческом достоинстве и основополагающих обязательствах и обязанностях без кого-либо различия по признаку расы, цвета кожи, языка, пола, религиозной веры, политических взглядов, социального положения и других оснований» [4, ст. 1].

Согласно исламу, мусульманин не должен требовать распространения норм своей религии на людей других убеждений, дабы не ущемлять их свободы совести. Требовать выполнения религиозных норм своей религии он может только от себя самого и от тех, на кого имеет законное право оказывать воспитательное воздействие (например, на своих детей). Каждый индивид и каждая община могут исповедовать свою религию в полном соответствии со своими религиозными традициями и предписаниями, не нарушая прав других людей.

Ислам почитает права человека, ибо они предоставлены Создателем, но эти права не безграничны, их осуществление должно приносить пользу и личности, и социуму. Как говорится в Каирской Декларации прав человека в исламе (1990 г.), принятой всеми государствами – членами ОИК (ныне ОИС – Организация Исламского сотрудничества): «Жизнь – это дар, дающийся Богом, и право на жизнь гарантировано каждому человеческому существу...» [4, ст. 2].

Права человека в его земном бытии нуждаются в защите, поскольку человек, совершившийся к греху, может нанести урон себе и другим и лишиться себя и остальных дарованных Аллахом прав и свобод. Поэтому для их защиты устанавливаются общественные и государственные механизмы, препятствующие узаконению греховных пороков и изолирующие преступников от пагубного воздействия на общество.

Мусульманская община выражает особое уважение к другим монотеистическим религиям (иудаизм, христианство), что является исключительным примером в истории религий.

В обязанности шариатских судей входило все, что приводит к добру: оберегать права человека, охранять истину, препятствовать несправедливости, помогать угнетенным. Судебная система становится необходимым критерием для возникновения и развития гражданского общества.

Одним из органов, обеспечивающих порядок в мусульманском обществе, являлся суд. На начальном этапе возникновения исламского правосудия в Аравии разрешением конфликтов занимался сам Мухаммад, который лично рассматривал дела как между мусульманами, так и не мусульманами. В дальнейшем, при расширении своего влияния, Пророк постепенно передавал всю полноту власти над провинциями, городами своим сподвижникам, в том числе и судебные полномочия. И только после смерти Пророка правители на местах назначали на должность судей из числа знатоков мусульманского права

(муджтахидов), которые впоследствии сформировали самостоятельный государственный институт.

На эту должность выбирали дееспособного мужчину, богобоязненного, неподкупного, справедливого и честного мусульманина; обладающего ясным умом и мудростью; способного разбирать сложные и запутанные дела; без физических недостатков и желательно из муджтахидов. Муджтахидом становился известный всей общине мусульманин, наделенный определенным набором качеств: мудростью; справедливостью; умением анализировать и решать мусульманские вопросы, что община одобряла молчаливым согласием.

Кроме суда, органами обеспечивающими порядок в мусульманской общине, являлись: *Сахиб ар-радд* – должностное лицо, в обязанности которого входило заслушивание дел, отклоненных судьей (кади), вследствие представленных истцом доказательств, не удовлетворяющих строгим нормам, установленным шариатом, хотя и по существу неопровержимых;

Уголовными делами в мусульманском обществе занималась полиция (шурта). Должностное лицо, занимающееся рассмотрением уголовных дел, называли вали ал-джараим. Полиция учитывала свидетельские показания, в том числе и сомнительного характера, заставляла давать клятвы и устраивала «перекрестные» допросы. В ее полномочия входил – арест подозреваемых/обвиняемых в определенном деянии, в том числе и ранее совершенных преступлениях. Полиция обладала широкими полномочиями и определяла на свое усмотрение вид наказания, что явилось причиной очевидного произвола в судебном процессе.

Земля как особый ресурс государства был на особенном месте, и регулированием земельных отношений занимался сахиб ал-мазалим. Особое внимание к земельным вопросам может объясняться прямой их связью с политической стратегией общины: значительная часть землевладельцев получала свои наделы на основании концессий для обеспечения их политической преданности. Со временем юрисдикция сахиб ал-мазалим стала более обширной, чем расследования по земельным правонарушениям. Их полномочия распространялись так далеко, что впоследствии стали составлять серьезную конкуренцию шариатским судам.

За кади следовали религиозные суды – мухтасибы, контролирующие адекватность религиозных и нравственных устоев. В их компетенции входили: деления по половым признакам в публичных местах граждан; принуждение к совершению религиозных обрядов; разбирательство мелких правонарушений, таких как умышленное утаивание недостатков товара. Рассмотрением уголовных дел занималась полиция.

Организованная политика общины была направлена на регламентирование вопросов защиты прав мусульман и иноверцев, поддержания правопорядка в обществе, заботы о нравственном и религиозном воспитании членов общины, регулирования налогообложения и создания предпосылок для социального благоденствия, что обеспечивало успех мусульманского учения. Государство, которое ставит на первое место нормы морали, общественный порядок и благополучие населения, независимо от вероисповедания, примирение, нахождение компромиссов «поссорившихся братьев», всегда будет могущественней, чем государство, оперирующее сухими нормами законов при судебном разбирательстве, занимающееся только поборами населения. Государство будет существовать, но не будет в данной стране дружного и сплоченного социума, что является основой существования и процветания любой державы.

Список литературы

1. Бабатова А.Ш., Ферзалиев Д.С., Асадова З.Н. «Христианство и ислам: диалог религиозных культур», Исламоведение. 2012. № 4. 114 с.
2. Муртазин М.Ф. Ислам, иудаизм и христианство: истоки и взаимовлияние. Исламоведение. 6 2014. № 3. Дагестан, 2014. 155 с.
3. Коран. Перевод с арабского и комментарий. М.Н. Османова – Спб.б «Издательство «Диля», 2010. 576 с.
4. Каирская Декларация прав человека в исламе (1990 г.) [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaration-02.htm (дата обращения: 18.08.2017).

ГРАЖДАНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ CIVIL MOVEMENTS IN RUSSIA

Л.Н. Батьянова
Иркутский государственный университет
L.N. Batyanova
Irkutsk State University

Изучение гражданских инициатив и движений как форм проявления активности граждан и институционализации структур гражданского общества. Раскрываются условия и технологии развития гражданских движений в России.

In this article, there is a study of civil initiatives and movements as forms of manifestation of citizens' activity and institutionalization of civil society structures. The conditions and technologies for the development of civil movements in Russia are revealed.

Ключевые слова: гражданские движения, гражданское общество, Россия, трансформация

Keywords: civil movements, civil society, Russia, transformation

Гражданские движения и инициативы являются важным элементом в измерении и анализе всех социальных сфер общества. Но при этом они недостаточно исследованы в отечественной науке. Активность граждан предполагает личное желание что-либо изменить либо вынужденность участия в том, что может изменить какую-то важную для них сферу жизни.

Гражданские движения выступают формой самоорганизации общества с учетом интересов различных социальных групп. Все социальные движения отличает существенная черта – массовость. Революции, восстания, перевороты являются яркими примерами социальных движений.

Любые гражданские движения имеют определенную цель, достижение которой мотивирует всех участников к активным действиям. Это является основой возникновения любого гражданского движения. Если движение разрастается, получает возможность влиять на государственные решения, продвигать свои интересы на уровне партий, лоббировать бизнес-проекты, можно констатировать, что ценности стали нормами, а гражданское движение стало нормативным и формализовалось (стало политической партией или фондом, исследовательским центром или консультационной группой, научным учреждением или проектной организацией).

Но первоначально все гражданские движения противостоят формальным, структурированным организациям. Гражданские движения локальны (по решению задач, по участию в акции, по реализации программ и т.д.).

Как правило, поводом для формирования гражданского движения является изменение социокультурного порядка, касающегося экономики или политики, культуры или социальной сферы, который влияет на основные ресурсы, силы и возможности развития всей системы. Переходные состояния общества характеризуются созданием гражданских движений и инициатив.

Данные вопросы активно изучались в работах О.А. Кармадонова [1], Л.Н. Батяновой [2], О.А. Полюшкевич [3], В.А. Скуденкова [4] и др. Данных авторов объединяет следующий посыл: социальная трансформация измерима через изучение изменения символических характеристик, которые отражают социальную динамику общества. Используя подход указанных авторов, мы можем говорить о следующих символах, способствующих формированию гражданских движений: это социальная эмпатия, желание изменить социально-экономическое положение граждан, патриотизм, гражданственность, идеалы единства и солидарности.

Гражданские движения, с одной стороны, отражают интересы личности, группы или всего общества, но также и несут ответственность перед своими членами и всем обществом. Это взаимообусловленный процесс. Акцент на взаимозависимость и служение обществу и служение другому человеку может стать мостом единства людей, активно включающихся в гражданские движения с целью отстаивания своих прав и свобод.

В современной России активно развивается некоммерческий сектор. Это организации социальной помощи и взаимопомощи, экологи и правозащитники, женские и молодежные движения, научные, культурные и национальные сообщества, исследовательские и просветительские центры, профессиональные и предпринимательские объединения, клубы по интересам и благотворительные институты.

При этом достаточно слабо проработана нормативно-правовая база регулирования гражданских инициатив и гражданской активности. Динамичность и противоречивость данных явления отражена в публикациях О.А. Полюшкевич [3; 5] и В.А. Скуденкова [4].

Гражданские движения могут иметь успех лишь при условии социальной инициативы и готовности сотрудничать с представителями власти, бизнеса, НКО для выработки компромиссных решений по реализации поставленных задач. Ориентир социального служения может иметь разнообразные формы, но форма его реализации универсальна для всего некоммерческого сектора – это личная вовлеченность и социальная ответственность за свои действия и действия того, кто рядом с тобой.

Список литературы

1. Кармадонов О.А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 17-25.

2. Батьянова Л.Н., Журавлева И.А. Гражданская активность как фактор социально-политической стабильности региона (социально-философский аспект) // Социальные проблемы и безопасность российских регионов. Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. 2015. С. 177-186.

3. Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 3-18.

4. Скуденков В.А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. №2. С. 180-184.

5. Полюшкевич О.А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2017. Т.12. № 1. С. 67-74.

АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ г. ИРКУТСКА ANALYSIS OF INNOVATION ACTIVITIES IN IRKUTSK

Ю.В. Борисова

Иркутский государственный университет

Yu.V. Borisova

Irkutsk State University

Рассматриваются особенности инновационной деятельности Иркутска, показывается их динамическая и статическая составляющая через кластерный подход.

In the article features of innovative activity of Irkutsk are considered, their dynamic and static component is shown through the cluster approach.

Ключевые слова: инновации, Иркутск, перспективы, кластеры

Keywords: innovations, Irkutsk, prospects, clusters

В Иркутской области активно развивается кластерный механизм поддержки инноваций. При активном финансировании компаний города Иркутска созданы кластеры: фармацевтический, полимерный, машиностроительный, агропромышленный и туристическо-рекреационный.

Администрация города Иркутска предлагает следующие инновационные структуры в сфере инноваций.

1) Стартап-школа «Тайга», основными задачами которой являются развитие программ по повешению капитализации бизнес проектов в инновационных сферах и содействию поиска заинтересованных инвесторов, организация выставок и соревнований проектов в сфере технологических инноваций.

2) Коворкинг «InLermontov», который специализируется на льготном предоставлении офисных площадок; консультаций и методологической помощи участникам инновационного процесс, а также привлечение венчурных инвесторов.

3) Центры молодёжного инновационного творчества, в задачи которых входит активное вовлечение представителей молодого поколения и малого предпринимательства к разработке и внедрению идей в сфере инновации, содействие развитию молодёжного творчества и вовлечение в сферу бизнеса и предпринимательства, помощь в виде техники и помещений молодежи, занимающейся инновациями, организация постоянных мероприятий по обучению возможностей оборудования, имеющемуся в пользовании центра.

4) Сервис бесплатной онлайн-поддержки предпринимателей «Pre-launch», решающий следующие проблемы: организация методологической

помощи инновационным предпринимателям, предоставление отчетности, выработка бизнес планов.

5) Комитет экономики администрации города Иркутска. Консультативная и другая методологическая помощь, помощь в финансировании инфраструктуры инновационного процесса, помогает взаимодействию промышленных предприятий и проектов в сфере инноваций.

Администрацией города Иркутска подписаны соглашения о взаимодействии в инновационной венчурной сфере с Российской венчурной компанией, Российской ассоциацией венчурного инвестирования, Национальной ассоциацией бизнес-ангелов, Совместным центром трансфера технологий Российской академии наук и РОСНАНО, ООО Инфрафонд РВК.

Деятельность инфраструктуры поддержки инновационной деятельности в городе Иркутске направлена на развитие инновационного предпринимательства, коммерциализацию технологий, на создание благоприятного инвестиционного климата в городе и состоит из нескольких ключевых элементов, совместно образующих экосистему поддержки инноваций, с помощью которых в городе Иркутске были достигнуты конкретные практические результаты в сфере инноваций [1].

Так, стартап-школа «Тайга», созданная в 2013 г. при поддержке администрации города Иркутска, проводит образовательную программу для инновационных компаний и проектных команд. В основе программы лежит уникальная методика, направленная на интенсивную подготовку проектов и выстраивание их работы с инвесторами. В качестве спикеров школы выступают специалисты, имеющие практический опыт подготовки инновационных проектов, привлечения финансирования в высокотехнологичные предприятия. Слушателям предоставляется возможность получить экспертное заключение по своим проектам и принять участие в конкурсе инновационных разработок. Лучшие отобранные проекты в финале программы выступают с презентациями перед потенциальными инвесторами. Обучение в школе прошли более 300 проектов, из которых около 40 получили инвестиционные предложения на общую сумму более 100 млн. руб.

В целях повышения качества обучения в работе используется уникальный сервис для бесплатной онлайн поддержки предпринимателей «Pre-launch». Сервис представляет собой структурированный информационный интернет-ресурс по бизнес-планированию, регистрации и ведению хозяйственной деятельности предприятий, ориентированных на выпуск высокотехнологичной продукции.

Для взаимодействия инноваторов между собой и эффективной работы над проектами в городе Иркутске открылся коворкинг центр со встроенным

бизнес-акселератором «IN Lermontov». Коворкинг представляет собой офисную площадку, включающую 100 рабочих мест, 2 переговорные комнаты, игровую зону, собственную кухню, удобный балкон для проведения различных мероприятий и др. Отличительной особенностью коворкинга является встроенный бизнес-акселератор: начинающие предприниматели получают бесплатную консультационную, организационную и методическую поддержку, а также льготное или бесплатное размещение [2]. За каждым участником закрепляется наставник (ментор), осуществляющий индивидуальную работу с инновационным проектом. К работе бизнес-акселератора привлекаются ведущие предприниматели Иркутской области и РФ. Кроме того, резидентам коворкинга доступно венчурное финансирование из фонда бизнес-ангелов города. Сегодня в инвестиционном портфеле фонда 7 проектов.

Деятельность инновационной инфраструктуры города направлена и на вовлечение в научно-техническую работу детей и молодёжи. Центры молодежного инновационного творчества обеспечивают доступ детей, молодежи и малого бизнеса к современному высокотехнологичному оборудованию для реализации, проверки и коммерциализации их инновационных идей. Проводятся комплексные образовательные программы и семинары, а также в интересах промышленных предприятий на базе ЦМИТов проводятся специализированные курсы повышения квалификации инженерных специалистов.

Комитетом экономики администрации города Иркутска реализуется комплексная программа развития инновационной деятельности, направленная, в том числе, на увеличение доли выпуска иркутскими предприятиями новой, наукоёмкой продукции и услуг. С этой целью сформирована база результатов интеллектуальной деятельности научно-образовательного комплекса города, в которую входят более 600 разработок. Предприятия реального сектора экономики, заинтересованные в развитии своих производств в направлении освоения инновационных технологий и выпуска новой продукции, путём запросов разработок из базы выводят их на внутренний и международные рынки [3].

По результатам деятельности инновационной инфраструктуры город Иркутск занимает лидирующие позиции в РФ по активности инновационных компаний в федеральных институтах развития. Так, по числу заявок на гранты в Фонд содействия инновациям, являющимся ключевым инструментом финансирования разработок в стране, город занял 6 место, уступив лишь таким городам и регионам, как Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Республика Татарстан и Самарская область. Город Иркутск впервые стал площадкой для проведения корпоративного акселератора в области энергетики

Power&Energy федерального конкурса GenerationS, организованного АО «Российская венчурная компания». В период с ноября 2016 г. по февраль 2017 г. технологические компании и проектные команды из России, стран СНГ и Восточной Европы, отобранные по итогам предварительной экспертизы, получают возможность пройти обучение в административном центре Иркутской области. По числу заявок на участие в GenerationS Иркутск также стал лидером в стране.

Инновационная деятельность требует высокой степени мобилизации финансовых, материальных, информационных, интеллектуальных и кадровых ресурсов. Это крайне важно для коммерческого использования научных исследований и разработок, эффективного их продвижения на внутренние и внешние рынки.

Список литературы

1. Борисова Ю.В., Ушаков С.В. Место маркетинга в формировании политики территории // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 305-312.

2. Борисова Ю.В., Попова М.В. Введение в маркетинг территории: Учебное пособие. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2017. 140 с.

3. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ – ПРОЦЕСС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ POLITICAL SOCIALIZATION – THE PROCESS OF INTERACTION OF SOCIETY AND PERSONALITIES

Е.А. Брагина

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Е.А. Bragina

North-Caucasian Federal University, Stavropol

Раскрывается сущность и определение социализации, дается представление о политической социализации как процессе усвоения политических ценностей и взаимодействия общества и индивида. Рассматриваются процессы трансформации социума, актуализируются факторы, способствующие формированию политической социализации личности.

The article reveals the essence and definition of socialization, provides an insight into the political socialization as the process of learning political values and the interaction between society and the individual. Also considers the processes of

transformation of society and factors contributing to the formation of political socialization.

Ключевые слова: социализация, личность, общество, политическая социализация, политическая культура

Keywords: socialization, personality, society, political socialization, political culture

Трансформации, происходящие в нашей стране, коснулись практически всех сторон жизнедеятельности человека, преобразив их кардинальным образом на всех уровнях: от индивидуальных условий жизни отдельного индивида до социальных основ общества. В современных социокультурных условиях отношение к личности должно быть как к публично изменяющейся системе. При этом особое значение приобретает политическая социализация личности, в ходе которой она приспособляется к социально-политическому давлению и устанавливает равновесие между внутренними и внешними ценностями.

Т. Парсонс определял сущность социализации как «единый процесс, посредством которого личности становятся членами социального сообщества и поддерживают этот статус» [1, с. 503].

В процессе социализации происходит включение индивида в социальную среду, и его активная деятельность складывается под влиянием внешних воздействий, которые стимулируют внутренний прогресс, вследствие чего личность формируется не только как продукт, но и как субъект общественных отношений.

Социализация выступает не только как процесс формирования индивидуальных свойств (сознания и самосознания) личности, но и как процесс становления личностных свойств индивида, т.е. интеграции господствующей в обществе социальной психологии. Основной тип личности, таким образом, может быть идентифицирован как функция социализации в определенном типе системы отношений ролей с определенными ценностями. Иными словами, основной характер личности является функцией социализации, она воплощается в определенном типе связей, в которые вступает индивид и которые в каждый момент проявляются в виде определенных социальных ситуаций. Реализация данной функции зависит от той роли, которую играет индивид в общественной системе, и от отношения этой роли к ценностям, на основе которых они складываются [2, с. 43].

Политическая социализация трактуется как процесс политического воспитания и политического формирования индивида, когда человеком

усваиваются конкретные социально-культурные ценности и нормы, а также правила политического поведения и деятельности [3].

Политическая социализация личности – это билатеральный процесс, в котором личность, с одной стороны, подвергается воздействию различных политических субъектов общества, а с другой стороны, со временем сама становится в состоянии влиять на политическую жизнь общества. Социально-политическое становление личности – это процесс, в течение которого человек осознаёт себя в обществе как личность.

Ситуационно обусловленный мотив или побуждение к тому или иному социальному и политическому поведению – личностная черта индивида в его генезисе. Но это лишь одна сторона рассматриваемой проблемы. Вторая заключается в том, что, когда речь идет о проявлении и формировании как личностных так и политических свойств и граней, надо иметь в виду, что индивид ведет себя не пассивно, а активно.

Формирование личности его социально-политического характера – сложный динамичный процесс. Как социальный, так и политический характер человека развиваются под непосредственным воздействием оценок его социально-политического поведения со стороны других и под влиянием системы политического воспитания и политической культуры, путем субъективной переработки моральных норм и ценностей, господствующих в социуме. В процессе выполнения роли, которую он играет в конкретном обществе и которая опосредствует его практическую деятельность и социально значимое поведение в многообразных социальных ситуациях, детерминированных определенной исторической обстановкой, формируется политическая просвещенность индивида. Управлять процессом становления как социально-психологического, так и политического склада личности можно только на основе сознательного генерирования социально-политических и экономических процессов.

Основной вопрос политической социализации – это вопрос о том общественном влиянии, которое в процессе социально-политического взаимодействия общество оказывает на деятельность индивида, его политическое поведение, и соответственно, воспринимается или отвергается им. Любой структурный элемент личности несет в себе энергию динамизма. Проявления политического поведения личности, мотивация ее действия в значительной степени зависят от жизненных условий, а предрасположенность (установка) личности к тем или иным формам поведения развивается и выявляется на основе опыта жизни индивида в обществе [4, с. 121]. Это положение не отрицает, а предполагает, что социально-политические процессы в определенной степени зависят от процессов политической социализации

личности, иначе говоря, как общество продуцирует личность, так и личность продуцирует общество.

Тип политической социализации отождествляется с теми нормами и стандартами политической жизни общества, которые определяют для личности обусловленный и заранее сформированный способ ее политического поведения, отвечающий требованиям политической культуры данного общества. В результате гарантируются и обеспечиваются политическая стабильность и политическая преемственность в развитии общества. Исходя из этого, можно сделать следующий вывод: что какой тип политической социализации личности доминирует в обществе, в такой степени и состояние самого общества, и наоборот, каким предстает общество, таким и является доминирующий тип политической социализации личности [5, с. 109].

Развитие мотивационной системы неизбежно предполагает усложнение организации, систематизации, классификации и структурирования, так же, как результат этих модификаций производит изменение в самих мотивах. Мотивы меняют свою функциональную ориентацию, структуру мотивации, создавая новую подсистему на более высоком уровне.

Современное политическое состояние человека показывает, то немаловажное значение, которое принимает проблема взаимоотношения человека с обществом и природой, и социализация при этом выступает как всеобщая и необходимая форма развития и становления личности, как форма его организации. Только целенаправленное взаимодействие всех социальных и политических институтов общества способно сформировать личность, обеспечивающую стабильность общества, его успешное функционирование и развитие, но для этого человек должен быть высшей ценностью общества.

Список литературы

1. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношение // Американская социологическая мысль: Сб. М., 1996. С. 494-526.
2. Берковский В.А., Брагина Е.А. Механизм политической социализации в формировании политической культуры личности // Сборник научных статей Института социальных исследований ИнгГУ – Назрань, ООО «КЕП» 2016. 346 с.
3. Павленок П.Д. Краткий словарь по социологии / П.Д. Павленок. М.: Инфра-М, 2000. 270 с.
4. Берковский В.А. Роль семьи в процессе первичной социализации личности // В сборнике: Патриотизм как объединяющая национальная идея. Международная научно-практическая конференция, посвященная 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина: Сборник научных трудов. 2016. С. 119-124.

5. Вартумян А.А. Политическая социализация современной российской интеллигенции: опыт теоретико-методологического осмысления // Вестник государственного университета. Сер.4, 2013. № 1 (23). С. 109-115.

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И КУЛЬТУРА: ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ФИНАНСИРОВАНИЕ
КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
**HUMAN CAPITAL AND CULTURE: THE INFLUENCE OF THE
INSTITUTIONS OF CIVIL SOCIETY TO FINANCE CULTURE
ACTIVITIES**

Н.А. Бураков, О.А. Славинская
Институт экономики Российской академии наук, г. Москва
N.A. Burakov, O.A. Slavinskaya
Institute of Economics Russian Academy of Sciences, Moscow

Отражены текущие результаты исследования в области опекаемых благ на примере экономики культуры и взаимосвязи её с институтами гражданского общества. Предлагается проследить зависимость человеческого капитала и культуры в общества. Приводится описание институтов гражданского общества как дополнительных механизмов финансирования учреждений культуры. В соответствии с рассмотренными примерами делается вывод о необходимости развития институтов гражданского общества.

This work represents current research results in the field of patronized goods in terms of economy of culture and its relationship with civil society institutions. It is therefore proposed to trace the relationship of human capital and culture in society. Describes the civil society as complementary mechanisms of financing cultural institutions. In accordance with discussed in the article examples of a conclusion about necessity of development of civil society institutions.

Ключевые слова: человеческий капитал, опекаемые блага, экономика культуры, институты гражданского общества, инициативное бюджетирование

Keywords: human capital, patronized goods, Economics of culture, institutions of civil society, participative budgeting

В начале 70-х гг. прошлого века анализ факторов экономического роста стал мажоритарной темой в экономическом сообществе. Основным вопросом, исследуемым учеными, были показатели, позволяющие проводить сравнение экономического уровня развития различных стран. Экономисты пришли к выводу, что оценивать уровень развития страны по одному показателю – ВВП (валового внутреннего продукта) не совсем корректно. Необходимо было учитывать не только материальный аспект благополучия, но еще и такие

неэкономические показатели, как уровень социального развития, состояние окружающей среды, качество жизни и т.д.

Социолог Ричард Флорида в своей работе «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» доказал, что экономический рост напрямую зависит от креативного класса, т.е. от людей, квалифицированных и образованных, занятых творческим трудом [1]. Такие люди влияют на развитие не только отдельного региона или страны, но и мира в целом. Данная связь является результатом отложенных во времени эффектов роста человеческого капитала и креативной деятельности, которая способствует развитию продуктивной экономики. Заметим, что поддержание креативного класса и рост человеческого капитала существенным образом зависят от создания комфортной среды для креативной деятельности, включая производство, распределение и потребление опекаемых благ в гуманитарном секторе экономики, особое место среди которых занимают продукты культуры, науки, образования и здравоохранения [2; 3]. Поэтому мониторинг производства этих видов опекаемых благ является существенной стороной формирования креативного класса.

Наличие влияния культуры на экономику через развития человеческого капитала подтверждается и в работах экономиста Дэвида Тросби. В своей работе «Economics and Culture» 2001 г. Тросби определяет культуру как «набор ценностей, верований, традиций, обычаев и т.д., служащих для идентификации и связывания групп воедино» [4]. Исходя из данного определения, можно сказать, что культура непосредственно оказывает влияние на действия и мысли членов группы, а, следовательно, и на поведение группы в целом. Так, например, культурные ценности могут влиять на активное развитие экономики, если понятия «успешное» и «неуспешное» общество определяется уровнем макроэкономических достижений. Если же в обществе, наоборот, преобладают идеи достижений нематериальных целей, то это может тормозить активное развитие экономики.

При этом, если в начале XX в. понятие «развития» экономики отождествлялось только с материальным ростом, сейчас в это понятие, кроме роста душевого ВВП, еще входят такие факторы, как уровень питания населения, состояние здоровья, уровень образования, социального обеспечения и еще ряд характеристик, которые определяют уровень жизни. Переориентирование теории развития началось в 1990-е г., когда Международная стратегия развития ООН объявила развитие человека одной из основных целей. Всемирный банк дал разъяснение роли культуры в достижении устойчивого развития, так как культура [4]:

- Способствует выходу бедных сообществ из нищеты путем роста их дохода от культурных знаний;
- Способствует сохранению и созданию дохода от имеющихся культурных активов, социально значимых природных активов и от развития туризма;
- Создает основу для укрепления социального капитала, то есть маргинализированные группы могут участвовать в деятельности, которая не только будет приносить им доход, но и будет способствовать росту их самоуважения и эффективности, а также социальной включенности.

Влияние культуры на экономику оказывается не только через цели и поведение групп, но и посредством «культурного капитала» [5]. Необходимый элемент культуры, с точки зрения функциональности, – это влияние, которое она оказывает на человеческое поведение, что проявляется в действиях людей и системе ценностей. Точнее, культурный капитал – это наличие культурных ценностей, заключенных в активе.

Актив может существовать в материальной или в нематериальной форме. Запас материального культурного актива – это здания, строения, объекты и места культурного наследия, а также художественные произведения и другие объекты. Нематериальный культурный капитал включает в себя набор идей, практики, верования, традиций и ценностей, которые служат для определения и связи между собой определенных групп людей.

Исходя из этого, все большую важность в ряде стран приобретает культурная политика, которая выходит за рамки политики искусства или культурного наследия. Данная политика направлена на решения вопросов развития культуры и роли культуры в национальной и международной программе развития.

Однако, в некоторых работах [6; 7; 8; 9; 10] было доказано, что в силу болезни цен Баумоля, издержки в организациях культуры растут быстрее, чем цены на конечный продукт, то есть это доказывает их убыточность. Действительно, если проанализировать деятельность организаций культуры хотя бы на примере театров, то почти 70% всех расходов покрываются лишь за счет выделенных бюджетных средств, при этом около 20% расходов театры способны покрыть за счет продажи билетов, а оставшиеся 10% покрываются средствами от другой коммерческой деятельности.

Следовательно, основываясь на результатах, представленных в работе [10], можно прогнозировать рост бюджетных дотаций в данный сектор экономики, ввиду патерналистских установок государства.

Учитывая это и понимая, что прямая бюджетная поддержка все равно всегда будет встречать такие трудности, как «остаточный метод»

финансирования культуры, распределение бюджетных средств людьми, которые не уверены в приоритетности культуры. Следовательно, необходимо расширять существующие и внедрять новые альтернативные институты поддержки со стороны гражданского общества, которые успешно применяются во многих странах мира [11; 12; 13].

Чтобы наиболее полно продемонстрировать особенности институтов гражданской активности, выявить их слабые и сильные стороны, необходимо разделить их на 2 условные группы.

Группа I

Первая группа состоит из основных институтов благотворительности, существующих как в практике многих зарубежных стран, так и в отечественных реалиях. В рамках данной группы можно выделить институты экономии финансовых расходов учреждений культуры:

- институт волонтерства,
- краудсорсинг;

а также институты привлечения дополнительных финансовых ресурсов:

- краудфандинг,
- меценатство,
- НКО и различные фонды [14].

Институт волонтерства является широко распространенным в мировой практике и одним из старейших примеров консолидации общественных усилий на безвозмездной основе для решения общественно значимых задач. Основой для закрепления данного термина, с латинского означающего «доброволец», «желающий», послужил исторический факт добровольного решения простых граждан Французской коммуны вступить в ряды военнослужащих для защиты собственного государства от австрийских войск. Сегодня, уже сформированный институт волонтерства затрагивает все сферы общественной жизни, поэтому поддержка культурных проектов, особенно проектов по сохранению культурного наследия, например, организацией European Heritage Volunteers [15], является его неотъемлемой частью.

Ключевым фактором развития волонтерского движения сегодня является беспрепятственная коммуникация членов подобных сообществ. В российской практике наиболее крупные организации, занимающиеся волонтерской деятельностью, например, «Клуб волонтеров», «Подари Жизнь», «Чувство дома» имеют Интернет-порталы, на которых происходит основная координация участников сообществ и предоставляется основная информация о проектах. Основным вектор работы этих организаций составляют проблемы социально незащищенных категорий граждан. В сфере культуры также существуют сообщества волонтеров, например, «Люди в культуре», которые не только

решают важные проблемы, возникающие перед организациями, но и предоставляют волонтерам возможность получить дополнительное знание и опыт в соответствующей области культуры. Таким образом, институт волонтерства помогает экономить финансовые ресурсы учреждений и государства в целом, привлекая граждан к безвозмездному выполнению поставленных задач и предоставляя взамен опыт для решения подобных проблем.

В условиях развития коммуникации между членами волонтерских движений необходимо обратить внимание на то, что сегодня Интернет предлагает цифровое пространство, которое может объединить создателей услуг и поставщиков контента с потребителями, а также предоставить новые формы взаимодействия с бизнесом. В сфере искусства и культуры подобные площадки открывают новые возможности поиска средств для проведения мероприятий, для разработки совместных проектов создателями культурных благ при непосредственном участии общества. Институтом, позволяющим использовать медиа-пространства в Интернете для подобных задач, является *краудсорсинг*.

Прямой перевод составного термина краудсорсинг: «crowd» – толпа, «sourcing» – привлечение сторонних ресурсов. Таким образом, в широком смысле под одноименным институтом понимается использование мнения общества или его финансовых возможностей в качестве основного ресурса для достижения определенных целей различными экономическими агентами. При этом, передача некоторых функций неопределенному кругу лиц происходит на основании публичной оферты, без заключения трудового договора [16]. Иногда в литературе краудсорсинг используется в качестве термина, описывающего совокупность элементов финансирования проектов и человека (его познания и творчества) [17].

По типу решаемых задач краудсорсинг можно разделить на следующие виды: 1) создание продукта (контента), 2) голосование, 3) поиск решения, 4) поиск людей, 5) сбор информации, 6) тестирование, 7) служба поддержки, 8) сбор средств (краудфандинг или краудлендинг).

Одним из примеров краудсорсингового проекта в области охраны объектов культурного наследия является нижегородский портал «СпасГрад». Организованное экспертами в 2012 г. общественное движение, направленное на сохранение объектов культурного наследия (ОКН) Нижнего Новгорода, сочетает в себе элементы поиска идей и информации по профильным проблемам организации в соответствии с принципами института краудсорсинга совместно с элементами института волонтерства. После сбора и экспертного анализа информации по ОКН активисты проводят мероприятия по решению

задачи сохранения подобных объектов, которые часто находятся в ведении государственных учреждений.

Одним из видов краудсорсинга является *краудфандинг*, позволяющий привлекать дополнительные финансовые средства за счёт заинтересованных и небезразличных к тем или иным видам проблем и задач представителей общества.

Идея использования «толпы», которая имеет ресурс для поддержки проектов в форме финансирования или творческого вклада не является новой. Например, авторы сюрреалистических произведений использовали для создания своих стихов, рассказов или картин принцип совместного труда, когда каждый добавлял слово или изображение в определенной последовательности, что в целом оставляло единое произведение искусства. Одним из первых открытых проектов с финансированием посредством микро-пожертвований стал в 1884 г. постамент Статуи Свободы.

Интернет-платформы позволяют также собирать вместе тех, кто готов предоставить финансирование для культурных или деловых инициатив, с теми, у кого есть идеи или проекты, но не хватает ресурсов. Именно такой механизм понимается под институтом «краудфандинга». Кризис 2008 г. стимулировал рост популярности данного института как альтернативы банковскому финансированию.

Еще одним институтом финансовой поддержки отрасли культуры является *меценатство*. Механизм функционирования данного института можно охарактеризовать через процесс помощи конечному объекту – финансирование происходит в виде частных даров или денежных пожертвований без непосредственного расчета благотворителем на получение взамен прямых или косвенных выгод. При этом не происходит взаимного влияния мецената и объекта помощи, а также финансовые ресурсы могут быть использованы по усмотрению получателя. Данный институт является старейшим институтом поддержки сферы культуры в России, и его история связана с такими известными личностями, как Демидов, Шереметьев, Третьяков, Мамонтов, Морозов и многими другими.

Группа II

В первой группе собраны те институты, которые сегодня уже представлены в российской практике. Однако, гражданская активность много шире, поэтому рассмотрим вторую группу, в которой собраны институты, способные при грамотной трансплантации в современные российские экономические и правовые реалии стать дополнительными источниками финансирования учреждений культуры.

Институт партисипативного бюджетирования. Этот институт представляет собой механизм перераспределения бюджетных средств, позволяющий простым гражданам, не участвующим в политических процессах и предвыборных кампаниях, участвовать в выборе направлений расходования бюджетных средств [18].

Данная инициатива впервые проявилось в странах Латинской Америки в конце 80-х начале 90-х гг. и с тех пор завоевала популярность в странах Северной Америки, Европы, а также в ряде Азиатских стран. При этом основными чертами успешного внедрения подобного института являются: поддержка со стороны органов местного самоуправления, наличия политической воли государства, достаточная материальная поддержка и развитие гражданское общество [19].

В современной практике нашей страны этот институт представлен «Программой поддержки местных инициатив» (ППМИ), обеспеченной Всемирным банком. Она предполагает совместное финансирование наиболее востребованных проектов на муниципальном уровне как со стороны граждан, так и государством. Важно отметить, что в рамках ППМИ, по данным Всемирного Банка, с 2007 по 2015 гг. было поддержано 39% из общего числа проектов, направленных именно на поддержание учреждений культуры [20].

Институт индивидуальных бюджетных назначений (ИБН). ИБН, как и институт партисипативного бюджетирования, содержит в себе механизм перераспределения бюджетных средств, предоставляющий любому гражданину свободный выбор приоритетных направлений расходования небольшой части бюджетных средств (в пределах 2% НДФЛ). Основным отличительный признак института – решение о финансировании определенных направлений, в том числе сферы культуры, всецело находится в руках обычных граждан [21]. При этом данная возможность должна быть закреплена законодательно таким образом, чтобы выбранное решение о распределении средств было окончательным, без возможности его пересмотра властными структурами.

***

Рассмотрев различные институты материальной и нематериальной поддержки экономики культуры, можно говорить о том, что сегодня в России не существует полноценно развитых механизмов и происходит лишь становление подобных институтов. Важно отметить, что в мировой практике комбинация данных институтов является основой в решении проблем недостаточного финансирования со стороны государства.

Однако, зарождающееся гражданское общество еще требует поддержки со стороны государства на уровне законодательства и информационного обеспечения. В ряде развитых регионов данная работа проводится, но это не является общегосударственной политикой. Формирование активного большинства, готового принимать непосредственное участие в описанных институтах, способно поддерживать уровень финансирования социально значимых отраслей экономики, в том числе отрасли культуры, на необходимом уровне.

Важно отметить, что в современных реалиях восприятие человеческого капитала самым тесным образом связано с понятием культуры в обществе. Именно поэтому для сохранения и увеличения человеческого капитала развитие механизмов для решения финансовых проблем учреждений культуры в национальной экономике должно стать приоритетным направлением.

Список литературы

1. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – Классика – XXI, 2005. 430 с.
2. Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья 1. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. 2009, №1. С. 139-153.
3. Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья 2. Социодинамическое описание рынков опекаемых благ // Общественные науки и современность. 2009. №2. С. 138-150.
4. Дэвид Тросби. Экономика и культура. Издательский дом Высшей школы экономики. 2013. 320 с.
5. David Throsby. Culture capital. Journal of Cultural Economics. Vol. 23. Issue 1-2. 1999. P. 3-12.
6. Рубинштейн А.Я. Опекаемые блага в сфере культуры: признаки и последствия «болезни цен». М., Институт экономики РАН, 2012. 78 с.
7. Rubinshteyn A. Studing «Patronized goods» in cultural sector. Econometric model of Baumol's disease. Part I. Creative and Knowledge Society / International Scientific Journal, 2013. №1. P. 28-48.
8. Rubinshteyn A. Studing «sponsored goods» in Cultural Sector. Econometric model of Baumol's disease. Part II. Creative and Knowledge Society / International Scientific Journal, 2013b. №3. P. 35-57.
9. Рубинштейн А.Я. Театральная деятельность в России: «RPR-анализ» опекаемых благ. ЭНСР №4 (63), 2013. С. 105-124.
10. Бураков Н.А., Славинская О.А. Государственный патернализм и эконометрическая модель бюджетной поддержки театра // Эконометрические

модели эластичности спроса на театральные услуги. – М.: Институт экономики РАН, 2017. С. 31-53.

11. Nelson D. Hope for Democracy: 25 Years of Participatory Budgeting Worldwide. 2014. 491 p.

12. Абанкина Т. Многоканальное финансирование культуры и искусства: зарубежный опыт // Журнал новой экономической ассоциации. № 2. 2012. С. 138-141.

13. Бураков Н., Славинская О. Общественная экспертиза новых институтов финансирования культуры // Актуальные проблемы экономики культурного наследия. Под ред. Рубинштейн А. ГИИ. Москва. 2016. С. 79-86.

14. Powell W.W., Steinberg R. (2006). The Nonprofit Sector: A Research Handbook, Second Edition. Yale University Press. 672 p.

15. European Heritage Volunteers [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.heritagevolunteers.eu> (дата обращения: 13.08.2017).

16. Масланов Е.В. Краудсорсинговые проекты: пространство взаимодействия общества и власти // Власть. №4. 2016. С. 29-33.

17. Crowdsourcing and crowdfunding in the cultural and creative sectors. (2016). European Parliament [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://epthinktank.eu/2016/02/24/crowdsourcing-and-crowdfunding-in-the-cultural-and-creative-sectors/> (дата обращения: 13.08.2017).

18. Вагин В. К вопросу о теории развития и регулирования инициативного бюджетирования // Муниципальная власть. № 1. 2016. С. 16-23.

19. Музычук В.Ю. Партисипативное бюджетирование: институты гражданского общества в реализации социально значимых проектов // Вестник Института экономики Российской академии наук. №3. 2016. С. 38-52.

20. Инициативное бюджетирование в РФ 2015. Всероссийская конференция по инициативному бюджетированию. Информационный бюллетень. Выпуск 1. World Bank. Москва. Режим доступа: http://www.nifi.ru/images/FILES/NEWS/21-221015_PB_conf/info_1.pdf (дата обращения: 16.09.2017).

21. Рубинштейн А.Я. Институт индивидуальных бюджетных назначений (ИБН) // Институты общественной поддержки культурной деятельности. Под ред. А.Я. Рубинштейна. М.: Государственный институт искусствознания. 2015. С. 39-68.

**РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ПРЕОДОЛЕНИИ БЕДНОСТИ**
ROLE OF CIVIC ORGANISATIONS IN POVERTY REDUCTION

А.А. Варызгина

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

А.-М. Сэтре

Центр российских и евразийских исследований Университета Упсалы,

Швеция

Л. Гранберг

Александровский институт Университета Хельсинки, Финляндия

Центр российских и евразийских исследований Университета Упсалы,

Швеция

A.A. Varyzgina

Lobachevsky University

Ann-Mari Sätre

Centre for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Sweden

Leo Granberg

Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Finland

Centre for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Sweden

Изучается роль общественных организаций в преодолении бедности. При этом роль НКО рассматривается не просто как деятельность по финансовой поддержке населения или по оказанию социальных услуг, но и как активность, направленная на поддержку инициатив населения, повышение социальной активности, расширение возможностей населения по повышению своего уровня и качества жизни.

The paper explores the role of civic organisations in poverty reduction. This role is perceived as not only financial support or provision of social services. Civic organisations empower people, support their social activity, and contribute to for development of local initiatives.

Ключевые слова: Общественные организации, гражданское общество, бедность, социальная активность

Keywords: civic organisations, poverty reduction, social activity, local initiatives, empowerment

Бедность продолжает оставаться одной из главных проблем российского общества. Данные статистики свидетельствуют о повышении уровня бедности в России за последние годы [1]. Так, по данным Росстата, на конец 2016 г. число бедного населения достигло 19.8 млн. человек, что составляет 13.5% от общей численности населения. Однако, проблема бедности актуальна не только для части населения, имеющей уровень дохода ниже официально

установленного прожиточного минимума. Существует угроза бедности для значительно большей части населения, проживающей на грани бедности, в ситуации риска бедности. Авторы статьи придерживаются более широкого понимания бедности, не ограничивающегося определением группы бедных по уровню дохода. Вслед за А. Сенем [2] бедность рассматривается авторами как ограничение возможностей выбора наиболее эффективных жизненных стратегий. По мнению Амартии Сена, ограниченные возможности вследствие сниженного потребления не только определяют текущие обстоятельства жизни человека, но и лимитируют возможности и ресурсы, необходимые для изменения ситуации в лучшую сторону. В такой ситуации становятся недоступными многие способы выживания и снижается эффективность применяемых населением стратегий преодоления/ избегания бедности [2; 3].

Задача преодоления бедности, а также снижение риска бедности для перечисленных социально уязвимых слоев населения остается важной комплексной задачей, требующих усилий и взаимодействия всех акторов социально-экономического пространства, в частности, общественных, некоммерческих организаций. В данной статье используется широкое понимание общественных, некоммерческих организаций, организаций третьего сектора как не подчиненных напрямую государству и не имеющих целью извлечение прибыли [4].

Для написания статьи использованы данные результатов ряда исследований, проведенных с 2010 по 2016 гг. совместным коллективом кафедры экономической социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Центром исследования России и Евразии, Университета Упсалы (Швеция), Университета Глазго (Великобритания). Исследования были проведены в Нижегородской области: в Нижнем Новгороде, в двух малых городах Нижегородской области и в сельской местности. Включение в объект исследования население и областного центра, и малых городов, и сельской местности позволяет получить более полную информацию о ситуации в регионе в целом.

Общественным организациям принадлежит важная роль в процессе преодоления бедности, снижения риска бедности социально уязвимых групп населения. Спектр деятельности существующих НКО в этом направлении достаточно разнообразен и не ограничивается лишь финансовой поддержкой. Очень часто НКО предоставляют социальные услуги, предлагают консультации специалистов (например, юридические), проводят различные акции, праздничные мероприятия, в том числе для детей, организуют обмен детскими вещами. В число клиентов НКО входят не только люди, имеющие официальный статус бедного: значительная часть обращающихся за помощью

имеют доходы выше прожиточного минимума, но проживают в условиях высокого риска бедности [5].

Однако, роль НКО в преодолении бедности и снижении риска бедности населения не ограничивается только предоставлением социальных услуг и деятельностью, направленной на удовлетворение текущих нужд обращающихся за помощью людей. Есть немало примеров, когда общественные организации выступают своего рода средой для проявления активности и инициативы со стороны людей, изначально обратившихся к НКО за помощью, и их вовлечения в деятельность общественной организации. Подобные случаи не только способствуют увеличению числа сотрудников и активных членов общественной организации, расширению ее деятельности, направленной на решение социальных проблем. И для вновь пришедших активных членов организации, и в определенной степени для клиентов НКО такое взаимодействие расширяет социальные сети контактов, дает возможность для установления новых неформальных социальных связей, тем самым повышая ресурсность членов НКО и их клиентов. Неформальные связи, которые образовались в процессе взаимодействия с НКО, очень ценны и особенно для низкоресурсных людей, чьи возможности по повышению уровня и качества жизни ограничены вследствие недостатка ресурсов, недостаточного социального, экономического капитала. НКО выступают своего рода площадкой и фасилитаторами повышения социальной активности, расширения взаимодействия клиентов между собой, их обоюдной поддержки (обмен вещами, обмен востребованной информацией), способствуя тем самым снижению риска бедности социально уязвимых групп населения. Есть примеры, когда инициатива местного населения, поддержанная общественной организацией, приводит к образованию новой постоянно действующей активной группы (клуба приемных семей, клуба по рукоделию и ремеслу и т.д.). И наоборот, в случае, если инициатива активных людей не была поддержана НКО, к которой они обратились за поддержкой, инициатива ограничивается разовой акцией и не имеет продолжения [5, р. 104]. При этом важным аспектом является степень готовности местного населения к сотрудничеству с НКО и их клиентами со стороны, готовности к выходу за пределы привычного круга контактов с целью взаимовыгодного взаимодействия. Исследования показывают, что такая готовность существует; важно при этом, что проявлять активность склонны высокоресурсные люди, готовые делиться опытом преодоления трудной жизненной ситуации [6; 7; 8; 9].

Деятельность НКО, направленная на решение социальных проблем и снижение риска бедности, востребована в российском обществе. Население, имеющее опыт обращения к НКО, как правило, высоко оценивают их

деятельность. Однако, деятельность общественных организаций остается малоизвестной населению, особенно в сельской местности [9-12]; в 2014 г. о деятельности НКО слышали не более четверти россиян [13]. Важно отметить, что реже знают об НКО и их деятельности социально уязвимые слои населения, наиболее нуждающиеся в их поддержке [5, p.104; 14].

Позиции НКО и значимость их роли в решении социальных проблем ограничивается также низким уровнем доверия населения по отношению к ним. Исследователи фиксируют низкий уровень доверия населения не только по отношению к организациям третьего сектора, но низкий уровень институционального доверия в обществе в целом [8]. В условиях низкого уровня институционального доверия, определяющего контекст деятельности НКО, прослеживается довольно четкая взаимосвязь между уровнем известности НКО и уровнем доверия в обществе к ним. В случае, когда люди информированы о деятельности НКО или имеют личный опыт общения с общественными организациями, закладываются основы формирования доверия к общественной организации и потенциала эффективного взаимодействия с ней. В случае, если люди не имеют достаточной информации о деятельности НКО и/или не имеют личного опыта общения с ними, на формирование их отношения к НКО оказывает сильное влияние существующие в обществе стереотипы, предубеждения [8].

Другим фактором, сдерживающим активность НКО в решении социальных проблем, является разрозненность и заметная обособленность отдельно взятых НКО. Общественные организации, как правило, не стремятся к кооперации, объединению усилий с другими местными НКО в проведении социальных акций, мероприятий, планируя свою деятельность, исходя только из своих собственных возможностей. В тех достаточно редких случаях, когда местные НКО все же объединяют свои усилия, кооперация (разовая и довольно ограниченная) основывается преимущественно на личных связях сотрудников организаций, существующих у них отношениях доверия с представителями другой НКО.

В результате позиции общественных организаций остаются уязвимыми, деятельность НКО чаще ограничивается усилиями, направленными на решение конкретных жизненных проблем обратившихся клиентов, но гораздо реже может быть расценена как активность, направленная на качественное изменение ситуации [5; 15; 16]. Популяризация деятельности НКО, расширение потока позитивной информации о волонтерской работе, группах взаимной поддержки, группах, чья активность направлена на помощь социально уязвимым людям, будет способствовать повышению доверия к общественным

организациям, что позволит расширить их роль в преодолении бедности и решении социальных проблем.

Список литературы

1. Уровень бедности в России // Росстат [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/127.htm (дата обращения: 29.09.2017).
2. Sen A. Commodities and Capabilities. Amsterdam: North-Holland // The Canadian journal of economics. Boston, MA: Wiley-Blackwell, Vol. 20. 1987. P. 198-201.
3. Deneulin S., McGregor J.A. The capability approach and the politics of a social conception of wellbeing // European Journal of Social Theory. 2010. 13 (4). P. 501-519.
4. Evans Alfred B. Civil Society and Protest // In Return to Putin's Russia, ed. by Stephen K. Wegren, Plymouth: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 2013. 332 p.
5. Granberg L., Sätre A.-M. The other Russia: Local experience and societal change. Routledge. Taylor and Francis group. London and New York. 2017. 355 p.
6. Партиципаторный подход в повышении качества жизни населения: Монография. Под общей редакцией Н.М. Римашевской Н.М., Ивашиненко Н.Н. Нижний Новгород-Москва: Изд-во Нижегородского государственного университета. 2013. 268 стр.
7. Теодорович М.Л., Ивашиненко Н.Н. Ресурсы применения партиципаторных технологий для повышения социальной защищенности населения России // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия: «Социальные науки». №1 (25) Н. Новгород, 2012. С. 33-43.
8. Ivashinenko N. Searching for a new approach to face poverty on the local level: A case study in a small Russian town // Debatte: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. 2014, Volume 22, Issue 3, 2014. Pp. 403-419.
9. Мерсиянова И.В. Доверие населения к НКО // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ декабрь №4 2014 Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ https://www.hse.ru/data/2015/03/31/1095858158/Bulleten4_Web.pdf (дата обращения: 29.09.2017).
10. Варызгина А.А. Эффективность обращения населения за социальными услугами в некоммерческие организации // Женщина в российском обществе. 2014. №2 (71). С. 87-94.
11. Теодорович М.Л. Бедность как социальная проблема: стратегический подход. Монография. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского государственного университета. 2009. 452 с.
12. Блонин В.А., Ивашиненко Н.Н., Стрелков Д.Г. Проблемы и перспективы развития гражданского общества в Нижегородской области:

интеграция НКО // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «социология. Психология. Философия» 2008. №2. С. 250-258.

13. Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ декабрь №4 2014 Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ https://www.hse.ru/data/2015/03/31/1095858158/Bulleten4_Web.pdf (дата обращения: 08.10.2017).

14. Варызгина А.А. Молодые семьи с детьми: стратегии выживания // материалы Международной научно-практической конференции «Молодежь как ресурс регионального развития», 27-28 октября 2011 г., г. Киров. С. 350-352.

15. Granberg L., Sätre A.-M. (2015) Agency and development in Russia: using opportunities in a local context // *Baltic worlds*, 8 (3-4). Pp. 67-75.

16. Sätre A.-M., Soldatkin A., Varyzgina A. Families' ways of coping with poverty in small-town Russia // *Debate: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. 2014, Volume 22, Issue 3, 2014. Pp. 307-328.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТ-СРЕДЫ
THE TRANSFORMATION OF TECHNOLOGY DETERMINE
THE EFFECTIVENESS OF REGULATIONS IN THE CONTEXT
OF THE DEVELOPMENT OF THE INTERNET ENVIRONMENT**

М.Е. Васляева

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

М.Е. Vaslyueva

Lobachevsky University

Проанализированы современные научные исследования в области технологий определения эффективности нормативно-правовых актов. Описывается влияние на них юридических и неюридических факторов, одним из которых является увеличение использования Интернет-ресурсов. Изучены научно-теоретические прогнозы развития российского законодательства в части использования Интернет-среды для решения профессиональных задач практикующих юристов.

The article analyses current research in technology determine the effectiveness of legal acts. Describes the influence of legal and non-legal factors, one of which is the increased use of Internet resources. The article also studied the theoretical forecasts of development of Russian legislation in terms of the use of the Internet environment for the solution of professional tasks of practicing lawyers.

Ключевые слова: законодательство, технологии определения эффективности нормативно-правовых актов, Интернет-технологии, Интернет-среда, правоприменительная деятельность

Keywords: legislation, technologies determine the effectiveness of normative legal acts, Internet technologies, Internet environment, law enforcement

Интернет-среда существенно дополняет характеристики технологий определения эффективности нормативных правовых актов, так как сегодня важное значение в деятельности практикующего юриста занимают различные Интернет-площадки, которые выступают в качестве источника официального опубликования нормативно-правовых актов.

Постановка проблемы обусловлена тем, что в 2011 г. был принят Указ Президента РФ «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [1]. Однако до сих пор в законодательстве не появилось понятия «эффективность нормативного правового акта» (далее – НПА), не установлены ее критерии. На наш взгляд, это является научной проблемой, актуальность которой заключается в важности вопроса для современного российского государства. Об этом свидетельствует содержание раздела V «Повышение качества государственного управления» Основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2018 г. [2]. В последнем в качестве меры, направленной на повышение качества государственного управления, названо упорядочение правотворческой деятельности. Среди способов реализации этой меры указано внедрение института оценки фактического воздействия принятых законодательных актов.

Важно отметить, что сегодня определение свойств НПА осложняется ситуацией, называемой в литературе «законотворческой гонкой», «хаотичным нарастанием законодательства» [3].

Для определения эффективности НПА нужны ее показатели. Они представляют собой количественное выражение целей, норм и результатов их достижения в однозначных единицах, переведенных в операционное определение. К ним можно отнести цифры принятия, изменения, отмены НПА, понятие законности как меры его соблюдения. На наш взгляд, данный подход позволяет определить оценку эффективности как анализ регулирующего воздействия.

По мнению Г.А. Гаджиева, критерием качества НПА, а если использовать терминологию данного исследования – эффективности НПА, является судебная практика [4].

Автор предлагает использовать следующие критерии определения эффективности НПА:

1) количество и причины вносимых изменений в НПА. Очевидно, что, если закон нуждается в поправках и дополнениях уже с момента принятия, это ошибка законодателя. Здесь также следует согласиться с А. Лейба, который отмечает, что «существующий порядок принятия законов приводит к тому, что при условии постоянного внесения изменений в федеральное законодательство даже лицам, имеющим юридическое образование, достаточно сложно отслеживать вносимые изменения» [5];

2) количество и результаты обжалований НПА;

3) количество очевидных законодательных ошибок (например, фактических ошибок в расчетах, нумерации статей, пунктов и т.п.);

4) отношение населения к НПА;

5) достижение целей принятия НПА и решение связанных с ними задач. Их можно установить из концепций проектов НПА, их пояснительных записок.

В юридической литературе под технологиями определения эффективности НПА понимают систему научно обоснованного комплекса приемов, методов, других правовых инструментов, а также процедур их использования, с помощью которых оптимально используются необходимые ресурсы (финансовые, организационные и т.д.) с целью формирования эффективных юридических решений [3].

На наш взгляд, технологии определения эффективности НПА – это система научно обоснованных приемов, методов, других правовых инструментов, а также процедур их использования, с помощью которых осуществляется сбор, обобщение, анализ и оценка информации, позволяющей определить эффективность юридических решений, связанных с принятием (изданием), изменением или признанием утратившим силу НПА.

Значение технологий определения эффективности НПА заключается в том, что они позволяют выявлять типичные ошибки, допускаемые в НПА, устранять коррупциогенные факторы и тем самым играют важную роль в антикоррупционной политике, они позволяют выявлять противоречия между НПА равной юридической силы, несоответствие правовых норм реальным потребностям жизни. Конечным результатом использования технологий определения эффективности НПА должно стать совершенствование правовой системы страны.

В работах Ю.А. Тихомирова можно найти следующие технологии определения эффективности НПА: 1) прогнозирование; 2) целеполагание; 3) юридическая, антикоррупционная, экономическая, социальная и т.п. экспертизы НПА [6].

Н.А. Власенко и М.В. Залоило относят к технологиям определения эффективности НПА прогнозирование, мониторинг и оценку регулирующего воздействия [7].

На наш взгляд, научное проектирование и экспериментальное применение также являются технологиями определения эффективности НПА.

Наличие теоретически обоснованных технологий определения эффективности НПА позволит повысить качество законотворческой деятельности, может стать платформой для обоснования института ответственности субъектов разработки, согласования и принятия НПА. Важно отметить, что такие попытки уже делались в литературе [8]. Однако пока затруднительно определить наличие и степень ответственности субъектов, участвовавших в инициировании, разработке и принятии НПА.

Подводя итог, отметим, что для развития отечественного законодательства важным является изучение и описание механизма использования технологий определения эффективности НПА; унификация их принципов и правил; предоставление научно обоснованных новых технологий; описание рекомендаций по устранению недостатков законодательства, которые были выявлены в процессе данного исследования. При этом внедрение научного потенциала в части разработки теоретических и практических проблем использования ресурсов Интернета в правотворческую и правоприменительную деятельность является важнейшей задачей дальнейших исследований в этом направлении.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 (ред. от 25.07.2014) «О мониторинге правоприменения в РФ» (вместе с «Положением о мониторинге правоприменения в РФ») // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114147/ (дата обращения: 30.08.2017).

2. «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция)» (утв. Правительством РФ 14.05.2015) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179480/ (дата обращения: 30.08.2017).

3. Кичигин Н.В., Егорова Н.Е., Иванюк О.А. Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии // Журнал российского права. 2008. № 7. С. 145-163.

4. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 16-28.
5. Лейба А. Лучше меньше, да лучше! // ЭЖ-Юрист. 2014. № 13.
6. Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 3-9.
7. Власенко Н.А., Залоило М.В. Развитие правотворческой научной школы // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 24-35.
8. Никитин А.А. Усмотрение законодателя и его значение в случае принятия неэффективного закона // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4. С. 110-118.

**СОВРЕМЕННЫЕ ВЫБОРЫ, РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**
MODERN ELECTIONS, RUSSIAN CIVIL SOCIETY AND HUMAN RIGHTS

А.Г. Габдиянов
Ставропольское Президентское кадетское училище
A.G. Gabdiyaynov
Stavropol Presidential Cadet School

Анализ современных электоральных процессов, связи их с развитием гражданского общества, правами человека в РФ. Рассматриваются вопросы, связанные с негативным использованием политических технологий Запада, административного ресурса, коррупционных и бюрократических практик в современной России.

The article is devoted to the analysis of modern electoral processes, their connection with the development of civil society, human rights in the Russian Federation. Issues related to the negative use of Western political technologies, administrative resources, corruption and bureaucratic practices in modern Russia are considered.

Ключевые слова: выборы, гражданское общество, государство, избирательное законодательство, политическая партия, демократия, права человека, свобода, коррупция, бюрократия

Keywords: elections, civil society, state, electoral legislation, political party, democracy, human rights, freedom, corruption, bureaucracy

Выборы являются необходимым условием функционирования в государстве демократических практик гражданского общества. Последнее представляется сферой, которая находится в диалоговом взаимодействии с государством, но не зависима от него. Государство в РФ оказывает давление на гражданское общество, но институты последнего – политические партии

(преимущественно непарламентские, «малые» партии), общественные организации и движения, СМИ, институты свободы слова, общественного наблюдения за выборами, общественного мнения и т.д. представляют интересы граждан, которые могут диаметрально противоположным образом отличаться от государственных [1, с. 95-96]. В недрах гражданского общества зреет необходимость защищать права граждан: политические, экономические, социальные и др. И такая необходимость отстаивания гражданами или их представителями своих прав в современной России усиливается с каждым днем.

Являясь индикатором демократии, выборы знаменуют собой независимый показатель интересов граждан, отражая их политические предпочтения, следование идеологическим и другим принципам. В России выборы являются демократическими, о чем говорят такие индикаторы, как свобода выбора, открытость, периодичность, плюралистичность (в них участвуют множество различных кандидатов или партий), соблюдение избирательного законодательства, доступ на избирательные участки большого количества наблюдателей (как российских, так и из других государств и международных организаций), состязательность кандидатов, партий, борьба с «грязными» политическими технологиями.

Наибольший вклад в изучение электоральных практик в современной России внесли работы ученых, связанные с рассмотрением и исследованием избирательного процесса и реализации избирательного права в Российской Федерации. Среди них можно выделить работы таких исследователей как А.В. Баранов, А.С. Епифанов [2], С.Г. Зырянов, А.А. Никитин [3], Ю.А. Нисневич, П.Н. Рыбчак. По мнению П.Н. Рыбчака, электоральная политика в современной России характеризуется усиленной ролью управления институтом выборов на административном, законодательном и судебном уровнях, тенденцией не модернизации, а сохранения действующих институтов власти, контролем за гражданской активностью населения, наличием имитационного политического плюрализма, направлением политической коммуникации в сторону соблюдения интересов государства. Современная электоральная политика функционирует в контексте управляемости избирательным процессом, при этом объектом управления становятся не только выборы, но и их результат [4].

Профессор Ю.А. Нисневич, проанализировав результаты мониторингов федеральных и региональных выборов в Российской Федерации, вывел модель участия в выборах в современной России, которая состоит из реального участия населения в избирательном процессе и фиктивного [5]. При этом реальное участие он разделил на электоральное, административно организованное и

материально стимулированное. Он также впервые ввел в отечественную политологию понятие «электоральная коррупция». Рассмотрев механизмы применения административного ресурса в избирательном процессе, он сделал вывод, что электоральная коррупция как злоупотребление использованием административного ресурса влияет на все этапы избирательного процесса, начиная с предварительного ограничения числа участников выборов и снятия в процессе уже начавшейся избирательной кампании нежелательных кандидатов и партий, формирование неравноправных условий для проведения предвыборной агитации и преимуществ в ее ведении для кандидатов и партии правящего режима, влияния на административно и социально зависимые группы граждан и заканчивая фальсификацией и подтасовкой результатов выборов.

Южнороссийский исследователь А.В. Баранов, исследуя трансформации партий России на региональном уровне и анализируя результаты партийной и электоральной реформ, отметил, что в регионах России преодолена самостоятельность и многообразие партийных систем, установилась вертикально объединенная система с преобладанием «партии власти». В числе мотивов партийных предпочтений общества идеологическое разделение уходит на задний план, уступая место деловому статусу в отношении правящих элит. На перспективы развития региональных систем в России оказывает влияние ряд факторов: социально-экономическое развитие, уровень сплоченности элит, меры независимости СМИ. По его же мнению, с которым мы солидарны, партийная система регионов может быть плюралистична при условии усиления роли парламентаризма, создания «снизу» институтов и форм гражданского общества [6].

Еще 15 лет назад политическая жизнь России пестрила политическими технологиями и направлялась специалистами нового для того периода профиля – политическими консультантами. Шел активный процесс формирования политического рынка по западному образцу, предусматривающего использование разработок современных технологий в сфере политического маркетинга при продвижении определенного политического лидера или партии на выборах. Сегодня период господства и развития технологического подхода в политике сменил кризис, который с 2007 г. (после выборов в Государственную думу РФ V созыва) заставил независимых политических консультантов сменить род деятельности и превратиться из творцов политической жизни в ее сторонних наблюдателей. Причинами наступления кризиса в избирательных практиках явилось использование политических технологий Запада, неприспособленных к российским территориальным и социокультурным условиям. Калькирование этого опыта дало временный эффект и на выборах, и

в политических кампаниях федерального уровня. Другой причиной кризисных проявлений в области политических технологий стало повсеместное использование административного ресурса, заменяющего, а часто и подменяющего, продуктивные политические технологии, а также смысл самих политических кампаний. Накладывает неизгладимый отпечаток на отечественные политические технологии и отсутствие консолидированного профессионального политического технологического сообщества.

Отметим, что успешному функционированию избирательных практик в современной России мешает ряд негативных факторов: зачастую активное использование административного ресурса как политического инструмента влияния на итоги выборов. К таким инструментам относятся, например, использование политического положения, связи с политической элитой или правительственными институтами. Ряд авторов даже рассматривают административный ресурс как одну из форм политической коррупции, как политическую практику, противоречащую существующим правовым нормам [7]. Негативными факторами, мешающими динамичному развитию избирательного процесса, являются и использование политических технологий Запада, российская коррупция, бюрократия, сращивание политической и экономической элит, давление государства на институты гражданского общества, слабое финансирование ряда секторов – образования, медицины, культуры, что вызывает недовольство населения, нарушение прав человека, в том числе, на достойную жизнь.

Список литературы

1. Галкина Е.В. Местное самоуправление и гражданское общество в современной России: проблемы функционирования // Социология власти. 2007. №1. С. 87-96.

2. Епифанов А.С. Партия власти в электоральных процессах современной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 3. С. 259-265.

3. Никитин А.А. Изменение электорального законодательства как форма избирательных технологий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1(27). Ч. II. С. 144-147.

4. Рыбчак П.Н. Электоральная политика России в начале XXI века как управляемая легитимация власти // Управленческое консультирование. 2016. №3. С. 184-194.

5. Нисневич Ю.А. Электоральная коррупция и ее зарождение в постсоветской России // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2014. № 3. С. 5-22.

6. Баранов А.В. Трансформации партий России на региональном уровне электоральный аспект (2003-2010 годы) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. Серия 6. Вып. 3. С. 108-117.

7. Панфилова Е.А., Шевердяев С.Н. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы. М.: Де Ново, 2005. 104 с.

МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ MARKETING RESEARCH AS A KIND OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

В.И. Гасиев

*Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет), г. Владикавказ*

V.I. Gasiev

North-Caucasian Institute of Mining and Metallurgy, Vladikavkaz

Современная социологические исследования включают и новое направление – маркетинговые исследования. В новом мире бизнеса информация играет первостепенную роль, и сбор информации необходимо проводить профессионально. Для этого необходимо использовать социологические исследования, они смогут гарантировать такой подход к сбору и анализу информации, который окажется объективным, методологически безупречным и глубоко научным.

Modern sociological studies also include a new direction – marketing research. In the new world of business information is vital, and the collection of information necessary to carry out professionally. This requires the use of sociological research, they will be able to ensure this approach to the collection and analysis of information that is objective, methodologically impeccable and deeply scientific.

Ключевые слова: социологические исследования, маркетинг, опрос, информация

Keywords: sociological research, marketing, survey, information

Современная социология включает активно развивающееся направление – маркетинговые исследования, представляющие изучение сбыта, спроса, предложения и окружающей социальной среды.

Любые организации постоянно ищут информацию о том, чего люди хотят и почему они этого хотят. В конечном итоге все определяет потребитель.

Изучение рынка необходимо, чтобы обеспечить организацию информацией, необходимой для формулировки стратегии маркетинга, прежде чем расширить ассортимент своей продукции, или просто затем, чтобы лучше

узнать о рынке: что представляют собой клиенты, где их можно найти, каковы их нужды?

В новом мире бизнеса информация играет первостепенную роль, и сбор информации необходимо проводить профессионально. Для этого необходимо использовать социологические исследования, они смогут гарантировать такой подход к сбору и анализу информации, который окажется объективным, методологически безупречным и глубоко научным. Методология данных исследований основывается, прежде всего, на опросах общественного мнения, которые позволяют собрать и представить требуемую информацию [1].

Стратегически важная для организации рыночная информация – предпочтения и потребности покупателей, интересы поставщиков, поведение конкурентов – это всегда мнения, поведение, интересы личностей и социальных групп. Следовательно, методология прикладного социологического исследования наиболее пригодна для решения таких задач.

Социологические исследования применяются, когда речь идет об исследованиях внутренней среды организации и ее внешнего окружения.

Специфика социологического исследования, применяемого организацией, определяется, с одной стороны, задачами, которые чаще сводятся к мониторингу рынка, а с другой стороны, ориентациями исследователя.

Без исследований современный рынок был бы невозможен. Они приобретают важнейшее значение для создания товаров и услуг, которые наилучшим образом отвечали бы нуждам потребителей, распространения и рекламирования их наиболее подходящим способом [2].

Было бы неверно ограничивать применение маркетинговых исследований лишь некоторыми секторами рынка. Как бывает со многими полезными вещами, сфера их применения за последнее время значительно расширилась. Сейчас такие исследования проводят почти во всем спектре современного бизнеса. Заказчиком подобных исследований стал обслуживающий сектор, включающий банки, страховые компании, агентов по продаже недвижимости, юристов, фирмы, специализирующиеся на организации досуга, туристские компании, школы и университеты, причем число заказываемых этим сектором исследований быстро растет.

В конце концов, все эти организации также «продают» свой «товар» – будь то финансовое обслуживание или образование, развлечение или лечение.

Все это говорит о высокой актуальности социологических исследований в современном информационном мире бизнеса, где основополагающую роль играет информация.

Список литературы

1. Саралиева З.Х., Исакова И.А. Опыт организации научно-исследовательской работы студентов (на примере кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского) // Социальные технологии работы с молодежью: новое время – новые решения Материалы межвузовской научно-практической конференции. Сборник научных статей. Под редакцией Ростовской Т.К., Фоминой С.Н. 2016. С. 226-230.
2. Науменко Д.В., Муха В.Н. Общественная оценка социальных опросов в российском обществе // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность межвузовский сборник научных трудов. Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2016. С. 99-102.

ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА **TRANSFORMATIONS OF THE MODERN RUSSIAN CIVIL SOCIETY**

М.В. Горлов

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

M.V. Gorlov

North-Caucasian Federal University, Stavropol

Анализируются трансформации гражданского общества в современной России. Рассматриваются вопросы, связанные с актуализацией функционирования формальных и неформальных политических практик, новых форм взаимодействия институтов гражданского общества и государства, в том числе, через Общественную палату РФ.

The article is devoted to the analysis of civil society transformations in modern Russia. Issues related to the actualization of the functioning of formal and informal political practices, new forms of interaction between the institutions of civil society and the state, including through the Public Chamber of the Russian Federation are considered.

Ключевые слова: политика, гражданское общество, государство, государственная власть, политическая практика, политический процесс, трансформация, Общественная палата

Keywords: politics, civil society, state, state power, political practice, political process, transformation, Public Chamber

Трансформации гражданского общества в современной России связаны с изменениями его структурных элементов (политических партий, общественных организаций и движений, некоммерческих организаций, бизнес-

структур, СМИ, политических практик и т.д.). Рассмотрим особенности современных политических практик.

Определим, что политическая практика есть целеполагающая деятельность акторов политического процесса, которая характеризует их отношения к политике, участие в ней, их взаимодействие и состояние конкуренции за влияние и лидерство. При этом она характеризуется изменчивостью, так как под влиянием государственных и правовых институтов, культурно-исторических традиций, национальных и конфессиональных особенностей, экономической ситуации трансформируется для соответствия существующей политической среде.

Современный исследователь В.В. Ерёмина справедливо указала, что «целями политических практик являются получение публичной власти, увеличение ресурсов власти актора политики и др. Функции политических практик в политическом пространстве состоят в том, что они конструируют и воспроизводят основные способы существования акторов политики, обеспечивают удовлетворение их потребностей и достижение целей» [1, с. 115-116].

В условиях современного российского общества политика органов государственной власти порождает существование особого поля взаимодействия акторов, регулируемого как формальными нормами, так и неформальными правилами. Формальные и неформальные политические практики являются механизмами осуществления политической власти и деятельности. Определено, что для формальных политических практик характерны узаконивание, нормативное регулирование, опора на государственный аппарат, неустойчивость, изменчивость, приспособление к господствующей действительности. Неформальные политические практики отличаются опорой на общественное мнение, стереотипы, традиции, они более устойчивы и больше подвержены действующим общественным настроениям. Формальные и неформальные политические практики взаимодействуют и дополняют друг друга. Однако все больше предпочтение в настоящее время отдается неформальным политическим практикам, причем как со стороны оппозиционных и общественных объединений, так и со стороны представителей государственной власти.

Главное значение представлений о политических практиках состоит в том, что, несмотря на определенную разницу в научных подходах, политические практики представляются нам, с одной стороны, как система институтов и совокупность установленных правил и механизмов, с другой – как реализация практического опыта, основанного на реальных явлениях, закономерностях,

событиях и опирающегося на существующие социальные и экономические факторы развития общества и государства.

В связи с этим актуализируются политические практики в области соблюдения и реализации конституционных основ РФ, таких как демократическое устройство государства, государственное управление, местное самоуправление, гарантия свободы массовой информации, свободы деятельности общественных объединений, реализация избирательного права, гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина, идеологическое многообразие и др.

Большой объем научных исследований формирования и существования гражданского общества в современной России проведен южнороссийскими исследователями Е.В. Галкиной, Е.С. Гундарь, И.В. Конопелько, Г.В. Косовым [2]. Они рассмотрели многообразие видов политических практик во взаимосвязи государства и гражданского общества. Проведя классификацию политических практик на традиционные и новые, они разделили их на девять основных групп: практики МСУ, практики взаимосвязи посредством политических институтов, практики противодействия экстремизму и терроризму [3], электоральные практики, практики создания диалоговых площадок на федеральном, региональном и местном уровнях, молодежные практики, практики краудсорсинга (технологии взаимодействия, управления толпой), практики формирования гражданского общества на глобальном уровне, практики концепции безопасности.

По мнению авторов, взаимосвязь и взаимопроникновение традиционных и новых политических практик формирует положительный имидж государства и проводимой им политики в целом [4].

На наш взгляд, выделим новую тенденцию – взаимное партнерство гражданского общества и государства, выражающееся в конструктивном диалоге, в котором от лица гражданского общества будет выступать организованное сообщество граждан, обладающее авторитетом в гражданской среде. В свою очередь, государству необходимо бережнее относиться к институтам гражданского общества, выстраивать диалоговые площадки между представителями государственной власти и гражданского общества, создавать вертикально-горизонтальные гражданские связи.

Развивая тему взаимодействия государственной власти и гражданского общества, профессор Б.Г. Койбаев отметил, что государство не может «сверху» создать и внедрить действующие способы обратной связи с обществом. Здесь важной является активная позиция населения в существующем информационном обществе. И власть, и граждане заинтересованы в предупредительных мерах, которые сохранили бы их отношения от

нескончаемых противоречий, развили бы каналы обратной связи и начали бы реальный диалог государственной власти и гражданского общества [5].

Подобной мысли придерживаются также Т.В. Павлова, С.В. Патрушев и Л.Е. Филиппова. В своем совместном исследовании они описывают условные границы между гражданским обществом и государством и определяют их как «барьеры» и «каналы». По их мнению, между гражданским и политическим пространством должны существовать «каналы», придающие политический характер каким-либо важным проблемам и потребностям граждан и вывести их на уровень общенациональных целей. В то же время между государственной властью и гражданским обществом должны быть «барьеры», которые не допускали бы разрозненности и расколов, присущих политической сфере, с одной стороны, и специфического взаимодействия гражданского общества (т.е. преследование частных целей) в политической среде – с другой [6].

Новыми направлениями деятельности такого важного института гражданского общества в современной России, как Общественная палата, являются: во-первых, реализация положения, что Общественная палата должна стать для активных граждан социальным лифтом (войти в кадровый резерв палаты можно посредством участия в проекте «Перспектива», а также в форуме «Сообщество»); во-вторых, формирование общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (более 50 ведомств должны иметь общественные советы, и такая работа по их формированию началась с 2015 г.); в-третьих, это общественная экспертиза [7] (примерами являются проекты Общероссийского народного фронта «За честные закупки», «Дорожная инспекция ОНФ», «Генеральная уборка» и др.).

Таким образом, трансформации современного российского гражданского общества происходят снизу, через самих граждан и их ассоциации, движения, организации. При этом гражданское общество реализует свои инициативы через формальные и неформальные политические практики, находясь во взаимодействии с государством.

Список литературы

1. Ерёмкина В.В. Формальные и неформальные политические практики в современной России // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. №5 (38). С. 112-116.
2. Галкина Е.В., Косов Г.В. Укрепление вертикали власти и проблемы развития гражданского общества в РФ // Власть. 2008. № 9. С. 3-5.
3. Гундарь О.Н., Галкина Е.В., Гундарь Е.С. Политический экстремизм в современном мире. Безопасность и противодействие терроризму. Учебное пособие. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. 139 с.

4. Галкина Е.В., Конопелько И.В. Традиционные и новые политические практики взаимодействия государства и гражданского общества // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2(41). С. 146-149.

5. Койбаев Б.Г. Государственная власть и институты гражданского общества в конституционно-правовом пространстве Российской Федерации // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 3. С. 62-67.

6. Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Гражданское и политическое в российских общественных практиках: перспектива институциональной дифференциации // Вестник института социологии. 2012. № 4. С. 120-137.

7. Общественная палата вычислила регионы с протестными настроениями // Парламентская газета. 2015. №17 (2692). 15-21 мая. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/archive/2015/05/14/obshhestvennaya-palata-vychislila-regiony-s-protestnymi-nastroeniyami.html> (дата обращения: 29.08.2017).

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ
PR-СТРУКТУР С ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАМИ
COMMUNICATIVE PRACTICES IN COOPERATION PR AGENCIES
WITH ONLINE COMMUNITIES**

В.В. Грачёв
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
V.V. Grachev
Lobachevsky University

Проанализированы особенности сотрудничества интернет-сообществ с PR-структурами организаций. Приводится ряд характеристик сетевых сообществ пользователей и их возможностей в создании культурного и экономического капитала. Приводится классификация российских специализированных интернет-сообществ.

The article presents the analyses of collaboration online community with PR-structures of organizations. The author characterizes users' network community and their capabilities in creation cultural and economical capital. There is classification of Russian's specialized online community.

Ключевые слова: коммуникативные практики, интернет-сообщества, связи с общественностью, социальный капитал, просьюмеры

Keywords: communication practices, online community, Public Relations, social capital, prosumer

Неформальные интернет-сообщества, создаваемые по интересам пользователей, ранее не рассматривались как потенциальные сотрудники для

организаций. К этим группам специалистов, мы можем отнести: дизайнеров, фотографов, переводчиков, копирайтеров. Но в условиях развития кластеров креативной экономики эта часть общества становится объектом для внимания PR-структур среднего и малого бизнеса.

Организации, не способные охватить все сферы своей деятельности, получают возможность передать часть своих обязательств сообществам, близким по специализации и базирующимся на платформах социальных медиа.

Канадский ученый и государственный советник Дон Гапскотт совместно с профессором Энтони Д. Уильямсом [1] приводят 4 основных принципа массового сотрудничества в бизнес-технологиях:

1. Технологию сотрудничества с неформальными сообществами следует использовать только в тех сферах организации, которые являются наиболее слабыми. Тем самым будут минимизированы риски в случае неудачной работы (или не исполнения её). В то же время это даст возможность предпринять попытки к развитию потенциала тех сфер, которым ранее внимания не уделялось.

2. Необходимо решить следующую задачу: создавать сообщество самостоятельно (выступая его лидером) либо присоединиться к уже существующим «движениям»? Присоединение к уже существующим сообществам приведет к лучшей результативности работы, но в то же время не следует уходить в открытость, пренебрегая вертикалью структуры организации и иерархией. Необходим смешанный подход для совмещения открытости организации и в то же время защищенности интеллектуальной собственности.

3. Организация должна адаптироваться к правилам сообщества и скорости её работы. Эти люди объединились самостоятельно, по профессиональному признаку, исключительно с социальной целью и тенденцией к самоорганизации. Критиковать сообщество могут только те, кто уже внес вклад в его развитие, имея тем самым на это легитимное право. Для коммуникации следует применять методы и инструменты, характерные для этого сообщества. В то же время нужно учитывать, что подобные сообщества развиваются очень быстро и решения в них принимаются также быстро, в отличие от организации, сдерживаемой иерархией, поэтому сотрудники организации, должны будут адаптироваться к темпу работы внешних сообществ.

4. Организация при работе с неформальными сообществами должна критично подойти к вопросу попытки сохранения интеллектуального права. Работа с такими сообществами требует открытости части сфер организации, и это, в свою очередь, ставит высокий процент риска для её работы в условиях конкуренции. Подобная открытость может как привести компанию к

низкозатратным успехам, так и к краху. Именно поэтому мы исключили из перспектив для сотрудничества с неформальными сообществами представителей крупного бизнеса и федеральных структур. Подобный инструмент выгоден прежде всего для небольших организаций, для которых приоритетным является выгода от экономии и которые способны к быстрым изменениям в структуре своей работы.

Но если выгоды организации от такого сотрудничества очевидны, то на обосновании выгод неформальных сообществ мнения исследователей не сходятся на едином утверждении.

Эксперт по гражданскому обществу и гражданскому участию в Европе Нильс-Айк Циммерманн [2] отмечает, что гражданская активность через исходящую извне инициативу вызывает пресное послевкусие и поэтому не может быть единственным стимулом. Генезисом такой активности будет желание претворить в жизнь собственные идеи и желания.

Австралийский ученый Бен МакКоннел и американский исследователь Джеки Хуба [3] объясняют такого рода сотрудничество как один из результатов эволюции гражданского общества. Необходимость делать что-либо во имя общего блага является движущей силой коллаборативного творчества неформальных организаций. Членство в таких сообществах – их хобби и даже политика. В каких-то случаях речь может идти не только о ночной бесплатной работе после работы в компании-работодателе днем, но и о денежном вознаграждении и даже переходе в собственный бизнес.

Доктор философских наук Е.П. Савруцкая [4] отмечает, что в России за период с 2006 по 2015 г. проводились исследования ценностных ориентаций молодежи, которые показали положительную динамику в усилении гражданской активности молодежи и вовлечении её в социальные процессы.

Дон Тапскотт и Энтони Д. Уильямс [1] приводят практические выгоды от сотрудничества:

1. У участников появляется возможность получить практические навыки в интересной для них области деятельности, не имея возможности поработать в ней на своем официальном рабочем месте.

2. Участие в таких проектах позволяет найти единомышленников и наладить «слабые связи», которые американский социолог Марк Граннветтер [5] считает основной составляющей социального капитала специалиста.

3. Для специалистов это может быть хорошей возможностью пополнить свое портфолио работой с именитой организацией.

Сообщества специалистов в российских социальных медиа мы можем разделить по территориальному охвату, а также создаваемых по инициативе

пользователей и частных структур. Сообщества, создаваемые по инициативе *пользователей*:

1. Федеральные. Например, сообщество в социальной сети «ВКонтакте» под названием «SMMщики». Насчитывает более 150000 участников специализирующихся на теме маркетинга в социальных сетях. В сообществе пользователи делятся друг с другом интересными примерами работ, а также дают друг другу советы по проектам, над которыми работают.

2. Региональные. В Нижнем Новгороде существует сообщество «Фотографы Нижний Новгород» в социальной сети «ВКонтакте». В сообществе состоит около 2500 участников. Участники публикуют и оценивают фотосессии друг-друга.

3. В сообществах, создаваемых по инициативе *коммерческих структур*, как например «PR и media Zebra Company» в социальной сети «ВКонтакте», насчитывающая 10731 участника, интересующихся темой связей с общественностью, но активной коммуникации со стороны участников этого сообщества автор не наблюдал.

Интерес для работы отделов по связям с общественностью будут представлять именно те сообщества, которые изначально создаются не по инициативе организаций (сверху), а создаваемые самими пользователями (снизу). Контент и темы для обсуждений в таких сообществах представляют интерес для пользователей именно потому, что создаются самими пользователями, которые выступают в роли просьюмеров. От администрации таких сообществ требуется лишь наблюдение за спамом и рекламой.

Список литературы

1. Tapscott D. Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything / D. Tapscott, A.D. Williams. NY: Portfolio, 2007. 168 p.
2. Fahrn H. Initiativen-Kochbuch – Engagement selbst gemacht – Einstieg ins Projektmanagement / H. Fahrn, N. Zimmermann, E. Skowron. Berlin: MitOst Berlin, 2015. 16 p.
3. Huba J. Citizen Marketers: When People Are the Message / J. Huba., B. McConnel. – NY: Kaplan Pub., 2006. 123 p.
4. Устинкин С.В. XI международная научно-практическая конференция «Человек в системе коммуникации. Проблемы глобализации и молодежь» / С.В. Устинкин, Е.П. Савруцкая // Власть. 2015. №7. С. 204-207.
5. Granovetter Mark. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology №78. 1973. 1360 p.

**ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**
**EXPERT EVALUATION OF THE PROSPECTS FOR THE FORMATION
OF CIVIL SOCIETY**

И.А. Грошева

*Московский институт государственного управления и права,
Тюменский филиал*

I.A. Grosheva

Moscow Institute Public Administration and Law, Tyumen branch

Автор обращается к проблеме создания гражданского общества, существование которого в России до сих пор является предметом дискуссий. На основе экспертных оценок определены каналы формирования гражданского общества и выявлены индикаторы для активизации гражданского контроля.

In the article the author turns to the problem of creating a civil society, while its' existence in Russia is still the subject of discussions. On the basis of expert assessments, channels for the formation of civil society and indicators to enhance civilian control are identified.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданский контроль, общество, социальная среда, социальное взаимодействие, власть

Keywords: civil society, civil control, society, social environment, social interaction, authority

В начале нового тысячелетия вновь возникает интерес к переосмыслению роли гражданского общества как фактора, обуславливающего прогрессивное и демократическое развитие государства. Актуализируется задача по изучению механизмов его формирования, расширению социального и культурного капитала, повышению эффективности неформальных связей и отношений. Дж. Александер называл институциональное и культурное пространство, находящееся между государственной и социальной властью, «гражданской сферой» («civil sphere») [1, р. 53-78], базирующейся на гарантиях прав индивидов и нормах законов. Имеют значение солидарность с членами общества, чувства и ценности [2, с. 8].

Рассуждения о наличии или развитости гражданского общества в России вызывали и вызывают до сих пор серьезные дискуссии, которые убеждают любого здравомыслящего человека в необходимости согласования двух явлений современной общественной жизни: гражданское общество и гражданский контроль. По мнению руководителя комплексных социальных исследований ИС РАН В.В. Петухова, концепт, согласно которому

гражданское общество само по себе формирует демократическую среду, точно такой же миф, сравнимый с мифом о «среднем классе» как оплоте стабильности [3].

В целом теоретические поиски современных исследователей приводят к появлению различных точек зрения, связывающих гражданское общество с общественными потребностями и экономической целесообразностью. С целью уточнения позиций относительно формирования гражданского общества (в перспективе – гражданского контроля) были привлечены в качестве экспертов представители общественных организаций, органов исполнительной и законодательной власти, образовательной сферы (N=30 человек в 2012 г., N=20 человек в 2015 г.). В их числе: представители Тюменской автономной некоммерческой организации «Центр гражданских инициатив», Благотворительного Фонда развития г. Тюмени, Ассоциации работников правоохранительных органов Тюменской области, образовательных учреждений (ФГБОУ ТО Тюменский государственный университет, ФГБОУ ТО Тюменский государственный нефтегазовый университет (в настоящее время – Тюменский индустриальный университет) и др. Отбор осуществлялся методом самооценки. Экспертам предлагалось распределить по степени важности (проранжировать) актуальность преобразований в четырёх базовых сферах: экономика, политика, социальная и духовная сферы. Показательно, что в течение трех лет мнения экспертов практически не изменились. Усредненные индексы сфер рассчитывались по методике балльной и весовой оценки по приведенным ниже формулам.

Удельный вес каждого критерия:

$$q_k = \frac{2 * (k - M_k + 1)}{k * (k + 1)}, \quad (1)$$

где k – число факторов (в нашем случае – 4); M_k – ранг фактора (от 1 до 4). В результате: $q_1=0,4$; $q_2=0,3$; $q_3=0,2$; $q_4=0,1$.

Индекс сферы определялся по формуле:

$$I_{сф} = \Sigma q_{сф} / k \quad (2)$$

где $q_{сф}$ – индексируемая сфера.

Индекс поля определялся по формуле:

$$I_{п} = I_{сф} \cdot L_k \quad (3)$$

Каналы формирования гражданского общества

Канал	И _п	Содержание трансформаций
1 канал	0,12	– экономическая сфера: «наличие собственности в распоряжении людей»
		«экономическая самостоятельность (автаркия)»
2 канал	0,09	– трансформация государства: «правовое обеспечение конкуренции, свободных рыночных отношений»
		«формирование демократических структур»
3 канал	0,0825	– социальная сфера: «социальная мобильность, общественная интегративность»
		«справедливость в распределении социальных благ»
		«развитие общественных организаций и движений, негосударственных СМИ, органов самоуправления»
4 канал	0,08	– «самостоятельность и независимость общества от государственных и политических структур»
5 канал	0,055	– «реализация интересов общества без насилия»
6 канал	0,045	– политическая сфера: «активная жизненная политическая позиция»
		«борьба за соблюдение демократических принципов, традиций, процедур»
7 канал	0,04	– «пропаганда семейных традиций, устоев, нравов»
8 канал	0,03	– «развитие негосударственных предприятий и объединений, кооперативов, коллективных хозяйств»
9 канал	0,0225	– «становление политического плюрализма, безусловная сменяемость власти»
10 канал	0,02	– духовная сфера: «развитие творческой свободы, креативности, толерантности»
		«обеспечение условий свободного развития»

Величина рассчитанного индекса указывала на его приоритетность, однако следует учитывать негативное влияние внешней среды, а также латентные факторы, поэтому автор концентрирует внимание на комплексном подходе, позволяющем ослабить негативные эффекты. Процесс формирования гражданского общества, по нашему мнению, в перспективе целесообразно осуществлять по десяти каналам, каждый из которых предопределяет актуальность и, следовательно, очерёдность производимых изменений (Табл. 1). Трансформации должны быть синхронизированы по времени и усилиям для получения максимального результата от системного воздействия на социальную среду и сознание человека.

Как видно из таблицы 1, основой формирования гражданского общества являются экономические преобразования, что соответствует теоретическим исследованиям, указывающим на необходимость наличия экономического базиса. Вносимые предложения концептуально отличаются от существующей стратегии развития российского общества тем, что базируются на установке о постепенном выходе гражданина из-под финансовой опеки государства, т.е.

речь идёт об экономической автаркии личности. Формирование гражданской активности ставится в зависимость от наличия экономической свободы индивида. Самостоятельность и самодостаточность решают проблемы социального обеспечения, соблюдения принципов справедливости и гуманизма, в результате чего ценности свободы и ответственности, чести и долга приобретают императивный характер.

Выявленные каналы формирования гражданского общества позволяют выделить наиболее важные индикаторы для создания платформы гражданского контроля: демократический характер власти и приоритет права; социальное пространство (негосударственное), в котором люди взаимодействуют друг с другом как независимые субъекты; при многообразии собственности соблюдаются интересы личности; добросовестная конкуренция; социокультурные отношения на основе сложившегося культурного кода; признание и неприкосновенность частной собственности; свободное волеизъявление граждан и плюрализм мнений; многообразная социальная структура; способность граждан к самодеятельности и включённость в институты гражданского общества; способность к самоуправлению и самоорганизации [4, с. 104].

Список литературы

1. Alexander J.C. The Civil Sphere. New York: Oxford Un-ty Press, 2006. 816 p.
2. Александер Дж. Власть, политика и гражданская сфера // Социологические исследования. 2009. №10. С. 3-17.
3. Петухов В.В. Гражданское общество и власть: сотрудничество или противостояние? // Вестник Института социологии РАН. Приложение №1 к электронному научному журналу. 2012. №5. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2012_5/Petuhov_new.pdf (дата обращения: 15.06.2016).
4. Грошева И.А. Гражданское общество и гражданский контроль: опыт конструирования реальности // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Второй всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 7–8 декабря 2016 г. / [отв. ред. И.Г. Кузина] – Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2016. С. 100-104.

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:
СВОИ ИЛИ ЧУЖИЕ?
SPIRITUALLY-MORAL HUMAN RIGHTS: IT OR STRANGER?**

С.С. Гузенко

Средняя русско-татарская общеобразовательная школа № 57 г. Казани

S.S. Guzenko

Russian-Tatar general education school №57, Kazan

Рассматривается проблема «своих» и «чужих», касающаяся открытия новых духовно-нравственных прав человека.

The article deals with the problem of «us» and «them» for the discovery of new spiritual and moral human rights.

Ключевые слова: человек, права человека, свои, чужие

Keywords: man, human rights, their own, other people

На всём протяжении истории человечества существовала проблема «своих» и «чужих» в культуре, религии, политике и науке [1; 6, с. 41-48; 10, с. 139-143]. Этот злободневный вопрос не обошёл и новые духовно-нравственные права человека: четвёртое и пятое поколения прав человека [2, с. 199-203; 3, с. 13-16; 4, с. 161-163; 12, 13]. Задаёмся насущным вопросом: Четвёртое и пятое поколение прав человека разделяет общество на «своих» и «чужих»?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, нам необходимо будет выяснить отношение науки, религии, культуры к четвёртому и пятому поколениям прав человека.

Четвёртое и пятое поколения прав человека были провозглашены в России. К четвёртому поколению прав относят право на жизнь, уважение духовного и нравственного достоинства человека, запрет пыток и бесчеловечного обращения, право на творчество (духовное и морально-этическое творчество), право выбора и свобода воли, свобода совести и вероисповедания, право на духовное образование и воспитание, право на духовное и нравственное совершенствование, право на духовно-нравственную истину, право на благоприятную окружающую среду и другие права, которые вытекают из духовной и нравственной автономии человека [12; 13].

В перечень пятого поколения прав входят такие права, как право на Любовь, Вера и любовь к Богу, единство с Творцом, право на рождение в Любви, право на обращение к Богу, право на информацию и управление энергией, право на управление пространством-временем, право на развитие энергетической мощи своей души и своих энергооболочек, право на

Сотворчество и совершенствование окружающего мира, право на Божественное совершенствование, право на дары Бога, право на Абсолютную Истину, право человека на бессмертие и другие права, которые вытекают из Любви и Божественной энергии [12; 13].

В четвёртом и пятом поколении прав человека мы видим конкретизацию и выделение отдельных прав и свобод, которые составляют свободу совести и вероисповедания.

Четвёртое и пятое поколения прав человека по своей сущности являются правами души и духа человека, то есть являются «своими» и всеобщими правами.

Религия сдержанна по отношению к новым правам человека, религиозные деятели, теологи и богословы не подтверждают и не опровергают утверждения о том, что душа и дух человека имеют определённый набор прав и свобод.

Наука, эмпирически не подтвердив наличие у человека души и духа, также не воспринимает должным образом четвёртое и пятое поколения прав человека. Указанная выжидающая позиция связана с непростыми взаимоотношениями религии с наукой и межконфессиональным диалогом.

М.К. Гусейханов, К.Т. Цахаева и У.Г. Магомедова, рассматривая взаимоотношения религии и науки, указывают следующее: «...причины конфликтов между религией и наукой заключаются в том, что обе стороны переходили границы своих областей исследования и позволяли себе вторгаться в сферы, где они не могли высказывать компетентных суждений. Обе они претендовали на слишком многое: теологи требовали от ученых, чтобы их данные согласовались с религиозными представлениями о мире; ученые же утверждали, что их достижения доказывают ложность представлений о существовании Бога» [5, с. 53-60].

Как полагает Е.А. Тарапанова, «Одной из главных причин конфликтов между различными религиями является проблема прозелитизма. Прозелитизм можно рассматривать как форму миссионерства, но это миссионерство уже с явным намерением обратить в свою религию последователей другой религии» [10, с. 139-143].

Четвёртое и пятое поколения прав человека не противоречат ценностям мировых и других религий.

Как нам видится, отсутствие однозначного и адекватного мнения о четвёртом и пятом поколении прав человека связано с имеющимися проблемами взаимоотношений человека, общества с государством, наукой, межрелигиозным диалогом и религиозной идентичности [7, с. 189-201; 8, с. 19-24].

Неужели необходима единая религия, о которой пишется в литературе [9, с. 83-98], чтобы права четвертого и пятого поколений нашли отклик в обществе и реализовывались в полном объеме?

В свою очередь, со стороны науки имеют место различные точки зрения, включая и категоричные. Так, И.Д. Афанасьева указывает, что «Четвертое поколение прав человека – это духовно-нравственные права человечества» [28, с. 67-71]. Некоторые авторы говорят о необходимости антиклерикальной государственно-конфессиональной политики [11, с. 6-20]. Оживлённая дискуссия в научном сообществе связана с соматическими правами (правами тела) [14, с. 473-477; 16, с. 124-129; 25, с. 35-39], которые ошибочно относят к четвертому поколению прав человека.

В своей работе мы отмечали, что духовно-нравственные права человека выступают основой семьи и российской культуры [11, с. 52-59].

Многие исследователи используют в своих исследованиях и при написании диссертаций в различных областях знания литературу, посвящённую четвертому и пятому поколениям прав человека [17, с. 81-82; 18-24; 26; 27].

В становлении прав человека мы наблюдаем различные идеологии и подходы к познанию истины, которая, как это видно из права человека на истину, является одной из категорий четвертого и пятого поколения прав человека.

Внешне кажется, что четвертое и пятое поколения прав человека не охватывает проблема «своих» и «чужих». Следует отметить, что равнодушное отношение к новым правам человека как раз и показывает наличие данной проблемы и имеющейся в нашем обществе гражданской религии [13], которая не связана с религиозными ценностями.

Каждый из нас должен для себя ответить на вопрос: Являются ли важными или своими четвертое и пятое поколения прав человека?

Список литературы

1. Гороховская Л.Г. Образ «чужого» в традиционной и современной культурах // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. VI междунар. науч.-практ. конф. Часть I. Новосибирск: СибАК, 2011. Режим доступа: <https://sibac.info/conf/philolog/vi/26523> (дата обращения: 30.08.2017).

2. Ивентьев С.И. Классификация прав и свобод человека и гражданина // Казанская наука. 2010. № 3. С. 199-203.

3. Гузенко С.С. Духовно-нравственная основа современной России // Культура. Духовность. Общество: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / Под общ.ред. С.С. Чернова. Новосибирск: ООО агентство «СИБПРИНТ», 2013. С. 13-16.

4. Гузенко С.С. Духовно-нравственные права человека. Семья // Исследовательская деятельность студента как фактор развития и реализации потенциальных и творческих возможностей специалиста: сборник материалов студенческой научно-практической конференции с международным участием / Под ред. Л.А. Кочемайкиной. Омск: Изд-во АНО ВО «Омский экономический институт», 2016. С. 161-163.
5. Гусейханов М.К., Цахаева К.Т., Магомедова У.Г. Взаимоотношения религии и науки // Исламоведение. 2011. № 4. С. 53-60.
6. Григоренко А.Ю. «Свой чужой» в истории религии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 146. С. 41-48.
7. Пронина Т.С. Религия в структуре идентичности современных россиян // Вестник Ленинградского государственного университета им.А.С. Пушкина. 2014. № 4. Т.2. С. 189-201.
8. Багаева К.А. Взаимоотношения государства и религии: основные теоретико-методологические подходы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6. С. 19-24.
9. Чеглаков О.Н. Единая религия // Concorde. 2015. № 4. С. 83-98.
10. Тарапанова Е.А. Проблема взаимоотношения религий в цивилизационном развитии народов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5 (10). С. 139-143.
11. Яхьяев М.Я., Камышова Е.Г. Власть и религия в современной России: метаморфозы взаимодействия // Исламоведение. 2013. № 1. С. 6-20.
12. Ивентьев С.И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека: монография / С.И. Ивентьев. Новосибирск: ООО «Агентство «СИБПРИНТ», 2012. 357 с.
13. Ивентьев С.И. Истина. Новосибирск: ООО «Агентство «СИБПРИНТ», 2016. 386 с.
14. Чабаненко Л.В., Шерстобитова С.В. Проблема реализации презумпции согласия: правовые и религиозные подходы // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: Материалы международного молодёжного форума, проводимого по благословению митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна. Белгород: Издательство БУКЭП, 2016. С. 473-477.
15. Гузенко С.С. Духовно-нравственные права человека как основа семьи и российской культуры // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 3 (13). С. 52-59.
16. Святкин В.А. Соматические права человека и частичная легализация этих прав // Молодая наука – 2016: сборник трудов III Всероссийской студенческой научно-практической конференции (г. Москва, 20 апреля 2016 г.) / Отв. ред. С.А. Забелина; Московский финансово-юридический университет МФЮА. М.: МФЮА, 2016. С. 124-129.
17. Маруков А.Ф., Пономарёв А.А. Права и обязанности человека в социальной доктрине Русской православной церкви в России: Монография.

Коломна: Коломенский институт (филиал) Московского государственного машиностроительного университета (МАМИ), 2014. 192 с.

18. Вартапетова А.А. Воспитание социально-культурных качеств у участников хореографических коллективов в учреждениях дополнительного образования детей на общечеловеческих ценностях: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / Вартапетова Анна Артёмовна; Место защиты: Моск. гос. ун-т культуры и искусств. Москва, 2012. 182 с.

19. Яценко И.С. Педагогические условия развития мировоззрения участников хореографических коллективов учреждений дополнительного образования детей: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Яценко Ирина Семеновна; Место защиты: Моск. гос. ун-т культуры и искусств. Москва, 2012. 192 с.

20. Васькова Л.Л. Организационно-педагогические условия совершенствования преподавания дисциплин современного танца в учебных заведениях хореографического образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Васькова Лариса Львовна; Место защиты: Моск. гос. ун-т культуры и искусств. Москва, 2012. 205 с.

21. Павлова М.В. Формирование нравственно-правовой культуры студентов в условиях образовательно-воспитательной среды вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Павлова Марина Владимировна; Место защиты: Марийс. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2014. 229 с.

22. Пономарёв А.А. Концепция прав и обязанностей человека в социальной доктрине Русской православной церкви в России: рукопись диссертации. Москва, 2013.

23. Раевская Е.А. Социокультурные основания и коммуникативные практики конструирования рекламы в российском провинциальном городе: автореферат дис. ...канд. социол. наук: 22.00.06 / Раевская Елена Александровна; Место защиты: Саратов. гос. техн. ун-т им. Гагарина Ю.А. Саратов, 2014. 16 с.

24. Даниленко Т.В. Индивидуализм как культурная парадигма российского общества // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. сб.ст. по материалам XLVIII междунар. науч.-практ. конф. № 3(43). М.: Изд. «Интернаука», 2016. С. 90-101.

25. Хажинский Р.М. Соматические права человека: становление и современное состояние // Право и общество. 2015. № 6(2). Ч. 2. С. 35-39.

26. Шеламова А.В. Любовь как ценность. Тема любви к ближнему в социальной рекламе // Вестник Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова. 2015. № 2. С. 230-235.

27. Чесноков А.А. К вопросу о реализации информационных прав личности // Вестник ТвГУ. Серия Право. 2013. № 36. С. 105-116.

28. Афанасьева И.Д. Система прав и свобод личности как элемент взаимоотношений личности и государства // Материалы международной научно-практической конференции 15-16 октября 2012 года. Пенза – Сургут – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. № 34. С. 67-71.

**СЕТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ОСУЖДЕННЫХ:
СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ**
**SOCIAL SUPPORT NETWORKS OF CONVICTS:
STRUCTURE AND FEATURES**

А.А. Еремеева
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.A. Eremeeva
Lobachevsky University

Сети социальной поддержки рассматриваются в качестве ключевых вспомогательных элементов в процессе ресоциализации осужденных. Сети социальной поддержки осужденных подразделяются на виды, имеют свои характерные особенности и структурные компоненты.

In this article social support networks are considered as a key auxiliary elements in the process of resocialization of convicts. The networks of social support for convicts are divided into species, have their own characteristics and structural components.

Ключевые слова: сети социальной поддержки, осужденные, социальные связи, структура сети, особенности сети, тюрьма, отношения, семья, поддержка

Keywords: social support networks, convicts, social connections, network structure, network features, prison, relationships, family, support

Согласно данным Федеральной службы исполнения наказаний России (далее, ФСИН РФ), сегодня в местах лишения свободы отбывают наказание свыше полмиллиона человек [1]. Несмотря на ежегодное уменьшение числа лиц, отбывающих наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее, УИС), вопросы о ресоциализации и реадaptации осужденных по-прежнему являются актуальными, поскольку статистика ФСИН подтверждает, что рецидив по-прежнему высок.

Одним из ключевых способов успешной ресоциализации и реадaptации осужденных является восстановление, поддержание и укрепление социальных связей. Для того, чтобы успешно реинтегрироваться в общество, осужденный должен иметь прочные социально полезные связи, которые сохранялись на протяжении отбывания наказания. Социальная связь – это организованная система отношений, которая обеспечивает единство индивидов, подгрупп и других составных элементов общества. Социальные связи могут оказывать положительное, нейтральное и отрицательное влияние на человека; различаются в зависимости от тех отношений, которые лежат в их основе – родственные, профессиональные, соседские. Они также могут быть

формальными/неформальными, устойчивыми/неустойчивыми, носящими коллективный/индивидуальный характер, семейно-родственными, дружескими, соседскими, профессиональными и др. [2].

Социальные связи образуют социальную сеть человека.

С.В. Рзаева рассматривает социальную сеть как устойчивые и реципрокные отношения разной интенсивности (силы) между членами одной или разных социальных групп, основанные на доверии, единой ценностно-нормативной системе и реализуемые в форме обмена [3].

Е.М. Порецкина утверждает, что социальные сети – это все те нити взаимоотношений, которые связывают индивида с другими людьми, система социальных сетей образует социальное окружение (среду) индивида [4].

Разделяя позиции исследователей, под социальной сетью понимаем структуру социальных связей, основанных на определенных отношениях между акторами или агентами сети.

Социальные сети могут быть формальными/неформальными, вертикальными/горизонтальными, персональными/целыми, семейно-родственными/коллективными. Причем, сеть может быть охарактеризована несколькими видами. Сеть имеет свои функции и параметры, позволяющие измерить полноту и прочность контактов в сети, а также вариативность форм оказываемой акторами поддержки друг другу.

Сети социальной поддержки осужденных – это система социальных связей, характеризующаяся высокой степенью доверия между участниками, которые поддерживают друг друга в период отбывания наказания. Под социальной поддержкой подразумеваем следующие виды поддержки:

1) Психологическую или, по мнению ряда исследователей, социо-эмоциональную [6] – чувства сопереживания, взаимопонимания, сочувствие.

2) Материальную поддержку – это получение и оказание финансовой, продуктовой, вещевой и любой другой материальной помощи семье со стороны.

3) Инструментальную поддержку – все виды помощи и поддержки, связанные с ведением хозяйства, воспитанием детей, ремонтом и работой по дому [6].

4) Информационную и консультативную поддержку – это обмен информацией через социальную сеть и различного рода неофициальное консультирование.

По мнению исследователя Н.М. Плискевича, сети социальной поддержки в своей структуре содержат:

- 1) акторов – участников сети, осуществляющих взаимодействие;
- 2) признание/непризнание значимости этих связей между акторами;

- 3) потенциальные или реальные ресурсы;
- 4) систему норм и правил, регулирующих взаимоотношения [7].

Акторами в сети поддержки осужденного зачастую являются его семья (родители (чаще всего мать), жена и дети, братья и сестры), друзья и за редким случаем члены трудового коллектива. В качестве сетевых акторов рассматриваются те члены сети, которые находятся в контакте постоянно и долгое время. Осужденный, попадая в условия исправительного учреждения, на первых этапах отбывания наказания еще во многом находится под влиянием тех социальных связей, которые у него были до осуждения. И лишь со временем он может установить новые связи и, опираясь на эту новую связь, перестроить структуру прежних коммуникаций. Стоит отметить, что для успешной ресоциализации важно развивать только социально полезные контакты.

Структура сети социальной поддержки, по мнению Н.М. Плискевича, имеет ресурсы: потенциальные и реальные. Ресурсность связи в сети важна, поскольку это может укрепить её и сделать более плотной и осознанной. Когда взаимодействующие стороны будут понимать, что связь взаимна и в ней присутствует обмен ресурсами – материальными, эмоциональными или психологическими, связь может поддерживаться долгое время, отношения будут более близкими и доверительными. Это особенно важно в условиях отбывания наказания, когда у осужденного довольно узкая и малочисленная по размеру социальная сеть, и каждый актер в ней высоко ценен.

Сети социальной поддержки осужденных имеют особенности. Одной из главных является высокое доверие акторов сети. Под доверием понимаем открытые, положительные взаимоотношения между людьми, содержащие уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека, с которым доверяющий находится в тех или иных отношениях.

Согласно результатам опроса, проводимого в рамках проекта «Тюрьма и общество: толерантность взаимовосприятия» [8], выявлен невысокий уровень доверия у осужденных к обществу в целом и, в частности, к администрации колоний и к таким же осужденным. Весьма показательно, что отношения между осужденными в период лишения свободы характеризуются наименьшей степенью доверия. Многие осужденные отмечают, что в тюрьме можно найти друзей, однако на вопрос, «Доверяете ли Вы другим осужденным», лишь только 4.3% осужденных ответили, что полностью доверяют; 38.5% осужденных доверяют им в определенной степени. Более трети опрошенных осужденных не доверяют своим сокамерникам и другим осужденным [9]. Исходя из проанализированных данных, можно сделать вывод, что дружба в

пенитенциарных учреждениях и сильная доверительная связь – это, скорее, исключение, чем правило.

Максимальная степень доверия сохраняется только с самыми близкими людьми. Тем не менее, даже своим родным безусловно доверяют около 70% осужденных; 14.4% доверяют им лишь в определенной степени; 5.4% не доверяют вообще [9].

Особенностью сетей социальной поддержки является весьма ограниченное число контактов, что предполагает небольшое число участников. Чаще всего это близкие родственники – жена, родители, дети осужденного, сокамерники. Сети поддержки характеризуются высокой плотностью контактов. Актеры находятся в близких отношениях друг с другом.

Исследователь Н. Гончарова утверждает, что при рассмотрении родственных связей у осужденных можно выделить три семейные стратегии, характеризующие отношения между семьей и преступником:

1. Стратегия стабильной связи: постоянный контакт осужденного с семьей в форме свиданий, звонков, переписки, посылок и передач;
2. Стратегия эпизодической связи: взаимодействие происходит редко и может привести к распаду семьи;
3. Стратегия дистанцирования: прерывание отношений с осужденным членом семьи (сразу или со временем) [10].

Самая плотная сеть у осужденного с семьей наблюдается в случае, когда избирается стратегия стабильной связи – постоянная помощь и поддержка, наличие длительных свиданий, постоянной переписки и звонков. Менее плотные контакты во втором случае – эпизодическая связь, возможно, не будет удовлетворять потребности как осужденного, так и его семьи в получении и материальной, и психологической, и эмоциональной поддержки. Степень доверия в данной стратегии невысока, краткосрочные и длительные свидания происходят редко, в основном, потребность в общении реализуется через телефон. Третья стратегия – дистанцирование – фиксирует прерывание отношений, означающее прекращение каких-либо контактов в целом. Естественно, плотность в этих связях равняется нулю.

Выбор той или иной стратегии для семьи осужденного зависит от того, насколько тяжело воспринимается совершенное преступление, от осознания будущих проблем, связанных с заключением члена семьи, наличия внутрисемейных конфликтов, количества судимостей и состояния здоровья членов семьи.

Отношения в сети социальной поддержки осужденных мультиплексные. Высокие показатели мультиплексности достигаются в связи «осужденный – собственная семья», когда связь стабильна и длится довольно долго, и

оказываемая помощь постоянна как от семьи к осужденному, так и от осужденного к семье. Конечно, от семьи к осужденному будет больше материальной помощи и поддержки, потому что они имеют больше возможностей для обеспечения осужденного всем необходимым. Осужденный же, в свою очередь, может поддерживать эмоционально и психологически, стремиться к сохранению теплых отношений с женой и детьми, помогать и материально, если имеет возможность работать.

Важной сетевой особенностью в контексте развития контактов осужденных с внешним миром является наличие взаимности – способности человека ответить на оказываемую поддержку людям из его ее сети, поскольку связь, которая держится на одном желании со стороны тех участников, кто на свободе, может продлиться недолго. Осужденный тоже должен испытывать интерес к развитию этой связи и отвечать на оказанную помощь, в противном случае он может потерять этот контакт без возможности его возврата.

Развитием и укреплением сетей социальной поддержки осужденных в тюрьме занимаются специалисты по социальной работе Группы социальной защиты осужденных Исправительного учреждения. В числе методов и технологий, активно применяющихся в работе по развитию сетей поддержки осужденных, наблюдаются технология информирования и консультирования, социальная терапия, технология посредничества. Инновационной технологией для специалистов по социальной работе в российских тюрьмах является сетевое вмешательство – технология, позволяющая обогатить сеть клиента, решить многочисленные личные проблемы, а также наладить процесс поддержки между клиентом и сетью и улучшить качество жизни клиента в целом. Для социальной работы в условиях лишения свободы она наиболее ценна, так как позволяет осужденным сохранять их сеть поддержки, развивать её, поддерживать плотный контакт и в дальнейшем успешно ресоциализироваться.

Список литературы

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 25.09.2017).
2. Наказание и исправление преступников / Под ред. проф. Ю.М. Антоняна: Пособие. М.: НИИ МВД РФ, 1992. С. 221-223.
3. Рзаева С.В. Социальная сеть как категория социологического анализа: теоретическое представление и подходы к изучению // Известия Алтайского государственного университета. №2(82) / Том 1. 2014. С. 235-239.
4. Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. №9. С. 20-30.

5. Pinto, Rogerio Meirles. Using social network interventions to improve mentally ill clients' well-being. Clin Soc Work J.2006 March 1; 34(1). 83 p.
6. Порецкина Е.М. Социальные сети и повседневная жизнь жителей С.Петербурга / Порецкина Е.М., Юркинен-Паккасвирта Т. // Мир России. №4. 1995. С. 190-201.
7. Социальный капитал как научная категория // Общественные науки и современность. № 4. С. 4-23. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214867393/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB.pdf> (дата обращения: 25.09.2017).
8. Ветошкин С.А. Степанова, Е.А. Тюрма и общество: толерантность взаимовосприятия // Информационно-аналитический бюллетень ГУИН по Свердловской области. Екатеринбург, 2004. С. 13-23.
9. Степанова Е.А. Социальная эксклюзия заключенных и экс-заключенных в России / Степанова Е.А., Ефлова М. // Власть. №2. 2012. С. 85-89.
10. Около тюрьмы: женские сети поддержки заключенных / Под ред. Е.Л. Омельченко и Дж. Пэллот. Спб.: Алетейя, 2015. 240 с.

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В
РАСКРЫТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ПРИМЕРЕ
РАБОТЫ ФОНДА АГА ХАНА В ТАДЖИКИСТАНЕ**
**TO THE QUESTION OF THE ROLE OF PUBLIC ORGANIZATIONS
IN THE DISCLOSURE OF HUMAN POTENTIAL ON THE EXAMPLE
OF THE WORK OF THE AGA KHAN FOUNDATION IN TAJIKISTAN**

Ф.З. Завурбеков
*Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского*
F.Z. Zavurbekov
Lobachevsky University

Посвящено роли общественных объединений в деле сохранения и приумножения человеческого капитала. Автор указывает на необходимость более активного взаимодействия государственных институтов и некоммерческих организаций. Для обоснования своей позиции автором проводится экскурс в историю Республики Таджикистан, когда одной из международных организаций была оказана значительная помощь в области образования, науки, экономики и культуры в самые тяжелые для страны периоды.

The article focuses on the role of public associations in the preservation and enhancement of human capital. The author points to the need for greater interaction between public institutions and non-profit organizations. In order to justify its position, the author takes a tour of the history of the Republic of Tajikistan, when an

international organization received substantial assistance in the fields of education, science, economics and culture during the most difficult periods for the country.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, государство, общественные организации, история, гуманитарная помощь

Keywords: human potential, human capital, state, social organizations, history, humanitarian assistance

В последние десятилетия стремительно усилилась роль неправительственных некоммерческих организаций в экономической жизни общества [1, с. 12]. Процесс глобализации, включающий экономическую интеграцию, фискальную дисциплину, внедрение информационно-коммуникационных технологий, демократическое управление, инновационные методы преодоления последствий разного рода катастроф, во все большей степени вынуждает государства пересмотреть свою роль в сфере государственного управления. Государственными институтами все более явственно осознается необходимость реформирования всей системы государственного управления. Ширится понимание того, что политика и институциональная реформа сами по себе не будут достаточными для оживления общественного сектора. Наряду с этим важнейшие области работы некоммерческих организаций: образование и наука, обучение нового поколения, спортивная сфера, культура – как нельзя более соответствуют целям раскрытия человеческого потенциала.

Показатели развития стран в значительной степени зависят от активности общественных объединений. Эффективные инструменты, используемые некоммерческими организациями, позволяют правительствам качественно координировать свою деятельность в интересах всего общества. Иными словами, некоммерческие организации являются главными помощниками государства в достижении цели реализации человеческого потенциала.

В качестве примера их эффективного взаимодействия в вышеназванных областях следует обратиться к истории. В ней можно найти немало случаев, когда общественные организации, различные по размеру, целям и общественному статусу, смогли внести значительный вклад в дело приумножения человеческого капитала, однако в нашем исследовании мы ограничимся лишь одним из таких.

В данном исследовании мы обратим внимание на НКО Организация Ага Хана [2] по Развитию (АКДН). АКДН – это группа частных агентств по развитию, работающих с целью улучшения жизненных условий и возможностей сообществ и отдельных людей, проживающих в неблагоприятных условиях, особенно в странах Африки и Азии. Агентства

АКДН работают на территории более, чем 30 стран мира. В основе их деятельности лежит стремление к реализации человеческого потенциала в подотчетных регионах.

В 1992 г. вышеназванная организация начала свою работу в Таджикистане, в период жесточайшего кризиса. Развал единой советской экономической системы, война и последовавший за этим голод требовали немедленных усилий по стабилизации экономической и социальной обстановки в наиболее пострадавших регионах государства. Одним из таких можно назвать Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО). Изолированный регион в горах Таджикистана, большая часть которого находится выше трех тысяч метров над уровнем моря, в результате неэффективной экономической политики и военной блокады оказался не в состоянии обеспечить продовольствием двухсотпятидесятитысячное население области. Однако, вмешательство организации Ага Хана по развитию (АКДН), которая доставила с 1993 по 1995 г. более 135 тыс. тонн гуманитарной помощи, предотвратило угрозу массовых смертей.

Вместе с тем, АКДН не ограничилась единичной адресной поддержкой и взяла на себя обязанности по реализации части социальных функций ослабленного войной государства. Предоставление общественных благ, борьба с безработицей, заполнение не интересных бизнес-структурам и не целесообразных для республики экономических секторов; именно в этих секторах АКДН приступило к оказанию услуг населению и обеспечению его занятости. Фондом были разработаны специализированные долгосрочные цели по развитию региона. Это, прежде всего:

- увеличение человеческого капитала (программы по развитию сельских районов страны [3], здравоохранения, образования и науки, региональной инфраструктуры);

- улучшение социального климата [4] (гуманитарная и благотворительная поддержка, взаимодействие с молодым поколением, сиротами, инвалидами, поддержка групп риска, профилактика асоциального поведения);

- миротворчество и профилактика межэтнических конфликтов в Республике.

В настоящее время многие из этих целей с успехом достигнуты [5, с. 368]. Например, программа по развитию сельской местности привела к повышению уровня продовольственной обеспеченности ГБАО с 15% в 1997 г. до 70% в 2008 г. Сегодня эти показатели еще выше. В рамках поддержки строительства и ремонта экономической и социальной инфраструктуры фондом были осуществлены более 400 проектов по вопросам водных ресурсов и санитарии, 860 проектов в области ирригационных работ, проложено и построено более

270 дорог и мостов, 280 медицинских центров, 150 образовательных учреждений и 25 миниэлектростанций [6, с. 18]. Налажены каналы сотрудничества с представителями государственных структур по обеспечению обслуживания вышеуказанных объектов. Строительство канала Рошорв в Бартангской долине ГБАО позволило обеспечить ирригацией более 1000 гектаров земли. Решив проблему нехватки воды, десятилетиями тормозившую развитие региона, местное население получило возможность выращивать пшеничные, картофельные и другие необходимые продовольственные культуры.

Программа «Всеобщее улучшение условий обучения в школах» в ГБАО, направленная на улучшение системы начального и среднего образования в области, только в 2006 г. охватила более 105 школ, включая 1000 учителей, 500 администраторов школ и 15 000 школьников. Задачами этой программы являлись активная децентрализация разработки учебного плана на национальном уровне и помощь в реализации проекта по технической оценке адресного финансирования системы образования в Таджикистане. Кроме того, НКО АКДН участвовала в разработке национальной концепции по улучшению учебных планов, которая была утверждена Министерством образования Таджикистана для использования во всех школах страны.

Совместная с правительством Таджикистана программа по санитарно-гигиеническому просвещению, предупреждению болезней и оказанию первичной врачебной помощи привела к устойчивому улучшению статуса здоровья населения в Горно-Бадахшанской автономной области, в особенности детей младше пяти лет и женщин детородного возраста. Реорганизация процесса предоставления медико-санитарных услуг на уровне первичного здравоохранения, привлечение местного населения к мероприятиям о здоровом образе жизни и профилактике болезней, ремонт и доставка оборудования в структуры здравоохранения, обучение современным клиническим методикам, навыкам управления и иностранным языкам на всех уровнях системы здравоохранения привели к изменению направленности системы здравоохранения в лучшую сторону.

С 1992 г. в Таджикистане НКО АКДН благодаря последовательной стратегии по оказанию долгосрочной поддержки создала глубокий фундамент для самостоятельного и устойчивого развития региона [7, с. 7]. Становится очевидным, что прогресс таджикского общества наиболее полно отразил практически все аспекты позитивной роли общественных объединений в деле раскрытия и сохранения человеческого потенциала. Использование инструментов, максимально совпадающих с новейшими концепциями человеческого прогресса, сформировали у таджикистанцев мотивацию к

активной деятельности, реализации предоставленных возможностей, неприятию иждивенческого образа жизни [8].

Пример активной работы международной организации по борьбе с экономическими и социокультурными проблемами одного из регионов Таджикистана демонстрирует роль общественных объединений как одного из факторов раскрытия и сохранения человеческого потенциала народов.

Список литературы

1. Деликова Т.Г. Характеристика общественного сектора как фактора развития человеческого потенциала в неэкономике // Электронный научный журнал «Управление экономическими системами», Кисловодский институт экономики и права. 2012. №9(45). Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_18850947_84129922.pdf (дата обращения: 29.08.2017.).
2. Купцов М. Ага Хан – «Живой бог» // Народная газета. 1997. 5 сент.
3. Текущий архив Организации Ага Хана, г. Хорог. Программа поддержки производственных хозяйств. Отчет за 2002 г. Л. 4.
4. Текущий архив Организации Ага Хана. Социально-экономические перемены ГБАО. Отчет Мониторинга Программы помощи и поддержки Памира. г. Хорог. 1998. Л. 1-4.
5. Хреберс Х. Трансформация на Таджикском Памире. Горный Бадахшан – пример успешной реорганизации // Исследование Центральной Азии. 2001. Т. 20. №3. С. 367-381.
6. Хумориков Д. Энергетическая инфраструктура, промышленность, торговля и туризм. Доклад на стратегическом семинаре по устойчивому развитию Памира. Хорог. 2002.
7. Файзов Ё. Вклад международных организаций в развитие ГБАО // Памир в преддверье XXI века. Хорог, 2000. С. 7-11.
8. Текущий архив Организации Ага Хана. Социально-экономические перемены ГБАО. Отчет Мониторинга Программы помощи и поддержки Памира. г. Хорог. 1998. Л. 1-4.

**МОЛОДЕЖНАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
YOUTH OPPOSITION AS FACTOR OF DEVELOPMENT
OF CIVIL SOCIETY**

Д.С. Иванов

Волгоградский государственный университет

D.S. Ivanov

Volgograd State University

Обобщается отечественный опыт изучения оппозиционных молодежных общественно-политических объединений, указываются конструктивные и деструктивные факторы, детерминирующие функциональный потенциал молодёжных общественно-политических объединений в России, а также подвергается анализу перспективы дальнейшего развития гражданского общества.

The article summarizes the domestic experience of studying youth opposition socio-political associations, indicates constructive and destructive factors that determine the functional potential of youth socio-political associations in Russia, and also analyzes the prospects for the further development of civil society.

Ключевые слова: молодежь, гражданское общество, оппозиция, развитие, политические объединения

Keywords: youth, civil society, opposition, development, political association

Феномен молодежной оппозиции, а также вопросы молодежных политических движений и объединений, несмотря на наличие широкого списка исследователей, являются слабоизученными, что говорит об актуальности этой темы исследования.

В современном российском обществе политическая оппозиция выходит на новый уровень и начинает играть все большую роль в политических процессах страны. Дефиниция «политическая оппозиция», как отмечает Н.В. Буданов, включает в себя широкий спектр подкатегорий [1], что говорит о существовании множества определений данного понятия. Наиболее полно ее детерминирует Г.В. Саенко: «политически организованная часть общества, совокупность политических партий, движений и организаций, которые выражают интересы социальных групп и слоев, выступающих полностью или частично против политического курса, проводимого властью или политическим режимом в целом, и являются отстраненными от возможности участвовать в выработке важных решений, стремясь при этом к завоеванию государственной власти или участию в ней» [2].

Возникновение оппозиции является сложным процессом, для протекания которого необходимо наличие недовольства населения правящими силами, но не перерастающего в активный политический протест.

В настоящее время в политическом процессе России происходит активизация всех политических субъектов, что влечет за собой расширение влияния политических объединений на широкие массы населения, в частности на такую социальную группу, как молодежь [3]. Молодежная оппозиция становится главным элементом политической системы России. Именно она стала неотъемлемой частью происходящих событий середины 90-х гг. XX в. в период становления новой России. Но с началом стабилизации политической системы в начале XXI в. отсутствие четко скоординированной и проработанной молодежной политики на протяжении более чем десяти лет породило несколько существенных проблем, которые в сумме можно свести к двум основным:

1) Растущий уровень аполитичности молодежи, что связано с отсутствием возможности ее непосредственного участия в принятии политических решений, а также в связи с тяжелой ситуацией в экономике, которая привела к ориентированности молодежи только на обеспечения себя материальной базы для существования [4]. Это проблема уже осознана властью, о чем свидетельствуют программы развития «молодежного парламентаризма» и появление различных институтов, которые способствуют вовлечению молодежи в политический процесс [5].

2) Снижение уровня оппозиционных настроений в той части молодежи, которая является политически активной, что может привести к «застаиванию» политического режима и консерватизму в политических решениях, вследствие отсутствия новых, часто альтернативных и прогрессивных идей, так как именно молодежь является их источником [6].

Молодежь – тот социальный слой, который является главным носителем оппозиционных настроений. Как отмечают множество исследователей, это обусловлено психологическими особенностями, что приводит в первую очередь к противоречиям в быту [7]. Также представителям молодежи свойственен романтический взгляд на мир, что говорит о частом возникновении новых идей и стремлении к их реализации.

По результатам исследования К.В. Храмовой и Д.М. Азаматова можно наблюдать, что на наличие оппозиционных настроений молодежи влияет не только психологический фактор [8]. Авторы изучают фактор окружающей социальной среды. Это говорит о том, что на оппозиционность взглядов юноши влияют также и взгляды родителей, наличие доминирующего мировоззрения в обществе, а также сила влияния религии на сознание, так как религия просто исключает факт оппозиции.

Принадлежность человека к различным социальным группам дала повод А.Е. Москалеву выдвинуть тезис о том, что оппозиционные взгляды молодежи формируются на стыке интересов социальной группы, детерминированной такими критериями, как материальный достаток, престиж выбранной профессии или учебного заведения, а также общим положением в социальной иерархии, и молодежи, как социального слоя, объединяющего людей по возрастному принципу, имеющих схожие идеи и проблемы [4].

Современное положение молодежных оппозиционных движений в России характеризуется тенденцией дистанцирования молодых людей от политики, что по большей части связано со сложившейся ситуацией в стране.

Во-первых, наблюдается давление политических элит, которые считают политику средством удовлетворения собственных интересов, а не методом борьбы за переустройство политической системы, на молодежные организации, характеризующиеся оппозиционной направленностью.

Во-вторых, часто лидеры оппозиционных организаций ставят перед собой цели получения материальной выгоды, а не продвижение своих идей, что лишает организацию развития в правильном направлении.

В-третьих, большинство молодежных организаций носят номинальный, то есть фиктивный, характер, что формирует у молодежи взгляд на невозможность продвижения своих идей и влечет политическую пассивность и незаинтересованность.

В-четвертых, молодежные организации проправительственного характера часто сулят больше материальных выгод, чем оппозиционные, что связано с наличием хорошего и постоянного финансирования [1].

В-пятых, отсутствует законодательная база, регламентирующая свободу и правовые гарантии оппозиционных объединений, исключая Конституцию РФ [9], которая в статье 13 обтекаемо разрешает их деятельность, но конкретного законодательного акта до сих пор не было принято.

Сложившаяся ситуация в России очень опасна и может привести к не очень благоприятным последствиям, поэтому назрела необходимость в решении этих проблем.

В мировой политической практике молодежные оппозиционные настроения и движения не являются отклонением от норм политического поведения. Так, ведущие американские и европейские ученые в сфере политики и социологии строго рекомендуют формировать в подрастающем поколении идею о возможности влияния на политические процессы в стране, а также развивать долю скептицизма по отношению к действующей власти, считая это неотъемлемой частью политической социализации. По их мнению, это

позволит добиться прогрессирующего успеха в развитии политической системы [4].

Для того, чтобы определить, с какого фланга молодежной оппозиции может появиться реальная опасность для правящего класса, необходимо дать краткую классификацию оппозиционных молодежных общественно-политических объединений [10]. А.Е. Москалев разделяет их на основании идейно-политического критерия, аргументируя это тем, что именно он в конечном итоге определяет их место в политической системе, на 4 группы [4]:

1. Левая оппозиция, которая имеет коммунистическую и социалистическую направленность. Организации данного типа были основаны благодаря сильной поддержке и содействию таких партий, как КПРФ или «Трудовая Россия». К таким организациям можно отнести «Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации» (ЛКСМ РФ) и «Революционный коммунистический союз молодежи (большевиков)» (РКСМ(б)) [10].

2. Правая или демократическая оппозиция, которая провозглашает свободу личности, либеральные ценности, а также западный путь развития. Такие организации часто обвиняют в иностранном спонсировании, но на самом деле с финансами у них большая проблема, что является одной из главных причин их малочисленности. К этой группе относятся «Молодежное яблоко», «ДА!» (Движение Демократическая Альтернатива) и др.

3. Ультраправая оппозиция, которые характеризуются радикальным отношением к существующей власти, поэтому многие из них запрещены.

4. «Зеленая» (экологическая) оппозиция, которая несмотря на свою экологическую направленность также выступает с некоторыми политическими идеями, делающими ее еще одной оппозиционной силой. Это направление чаще всего представлено региональными движениями. К нему относятся движение «Экозащита», «Гражданская объединенная зеленая альтернатива», «Хранители радуги».

Данная классификация отражает лишь молодежные организации крайнего типа, но существуют и промежуточные, которые часто совмещают некоторые идеи определенных выше групп.

Очевидно, что молодежная оппозиция в современной России обладает множеством нерешенных вопросов и проблем. Совокупность противодействия властей путем создания альтернативных, проправительственных молодежных организаций, аполитичности российской молодежи делает возможным полное исчезновение молодежной оппозиции с политической арены России, что ставит под вопрос развитие в нашей стране правового государства и гражданского общества.

Список литературы

1. Буданов Н.В. К вопросу об особенностях молодежной оппозиции в современной России // Наука и Современность. 2016, №45. С. 51-57.
2. Саенко Г.В. Оппозиция... Оппозиция? Да здравствует оппозиция! (Политическая оппозиция как социальное явление). М.: Союз, 1995. 301 с.
3. Аксенова О.В. Развитие общественных движений в современной России // Россия реформирующаяся, 2003: ежегодник / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Ин-т социологии РАН. 2003. С. 281-307.
4. Москалев А.Е. Молодежная оппозиция как субъект политической системы современной России // Youth World Politic. 2013, №1 С. 11-18.
5. Пастухова Л.С. Молодежь в обновлении органов законодательной власти: тенденции и перспективы // Власть. 2011. №8. С 27-29.
6. Станчик С.С. Молодежные организации как ударная сила «цветных революций» // Право и Политика. 2012, №10 С. 1676-1679.
7. Крючков В.А., Москалев А.Е. Активизация молодежных общественно-политических объединений в начале XXI века // PolitBook. 2014, №2 С. 168-189.
8. Храмова К.В., Азаматов Д.М. Самосознание и вера: влияние традиционных и нетрадиционных конфессий на личность современной молодежи (на примере Республики Башкортостан) // Современные исследования социальных проблем. №3. 2012. С. 369-376.
9. Конституция РФ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 21.09.2017).
10. Сковиков А.К. Гражданское общество: теоретический аспект // Современные проблемы науки и образования. 2013. №6. Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11507> (дата обращения: 24.09.2017).
11. Лоскутова Е. Юная политика. История молодежных политических организаций современной России. М.: Панорама, 2008. 424 с.

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИИ CIVIL ACTIVITY IN RUSSIA

Р.В. Иванов

Иркутский государственный университет

R.V. Ivanov

Irkutsk State University

Раскрываются особенности возникновения и развития гражданской активности. Анализируются причины возникновения, задачи и способы развития гражданской активности. Показывается динамика и векторы

трансформации общественного устройства под влиянием гражданской активности.

In this article, the features of the emergence and development of civic activity are revealed. The causes of origin, tasks and ways of development of civic activity are analyzed. The dynamics and vectors of the transformation of the social structure under the influence of civic activity are shown.

Ключевые слова: гражданская активность, гражданские движения, гражданское общество, Россия, трансформация

Keywords: civil activism, civil movements, civil society, Russia, transformation

В современном обществе наиболее актуальным вопросом становится повышение гражданской активности. Этот процесс позволяет судить о качественном уровне общественного развития, разнообразии социальных процессов и активности различных акторов в социокультурном воспроизводстве.

Мотивами гражданской активности выступают как индивидуальные, так и социально ориентированные стратегии [1].

К первым можно отнести личные убеждения и нормы, представления и ценности или же личные условия и обстоятельства, поставившие перед человеком новые задачи, решить которые он не может, не обозначив свою гражданскую позицию и не включившись в активную работу по отстаиванию своих прав.

Ко вторым относится работа социальных институтов либо обязывающая, либо создающая условия для самореализации через социальную активность.

В первом случае социальные институты обязывают индивида включаться в различные социальные процессы, активно участвовать в жизни общества или группы людей (опыт СССР в этом плане весьма интересен) [2].

Во втором случае функционирование социальной системы построено таким образом, что больше жизненных шансов и стратегий для самореализации человек получает только тогда, когда обозначит свою гражданскую позицию, активно включится в работу социальных институтов, общественных движений и некоммерческих организаций.

В любом случае социально активной личностью, проявляющей гражданскую активность, можно назвать того человека, который творчески и вовлеченно подходит к решению важных социальных задач, позволяющих найти способы самореализации и саморазвития личности и группы единомышленников.

Мы провели исследование мотивов проявления гражданской активности среди жителей Иркутской области. Исследование проходило в Иркутске,

Ангарске, Усолье-Сибирском, Черемхове, Шелехове, Саянске, Свирске, Тайшете, Тулуне, Братске, Усть-Илимске.

Объектом исследования стали социально активные граждане, участвующие в работе некоммерческих организаций, общественных движений, социальных проектов и прочих мероприятий. В исследовании приняли участие 1200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, имеющие разный социально-профессиональный и образовательный уровень.

В результате исследования мы выявили следующее: в 62% случаев для вовлечения в социально активную деятельность мотивом была какая-то негативная ситуация, случившаяся с активистом. Например, *«болезнь ребенка»*, которая повлекла за собой необходимость сбора средств, а в последующем стала мотивом для помощи другим детям в схожей ситуации; *«обман застройщика при покупке квартиры»*, который повлек за собой активную работу с правозащитными организациями и другими компаниями, помогающими регулировать нормативно-правовую сферу защиты прав потребителей; *«банковские махинации»*, поставившие человека на грань жизни и смерти, подтолкнули активизировать работу в общественной правозащитной организации и помогать другим людям, оказавшимся в подобной ситуации и т.д.

В 38% случаев – это внешние условия, которые подтолкнули человека к проявлению своей активной гражданской позиции. Например, *«загрязнение окружающей среды»* или *«загрязнение озера Байкал»* повлекло за собой постоянную работу в экологических организациях, в организации и проведении акций протеста или сбора подписей (*«против слива отходов в воду»*, *«против строительства комбината»*, *«против создания склада ядерных отходов»*, *«переработки мусора»* и т.д.); *«помощь пострадавшим в ходе пожаров»* или *«наводнений»* стала толчком к работе в пунктах помощи жертв чрезвычайных ситуаций; *«помощь беженцам»* в последнее время из Украины стала толчком к активной работе с данной группой населения.

Как показано в работах О.А. Полюшкевич [3; 4] и В.А. Скуденкова [5], социальная активность становится одной из форм проявления социальной эмпатии, социального соучастия и социального конформизма, что приводит к социальному развитию и мобилизации ресурсов. В любом случае гражданская активность формируется в социальной среде и подталкивается собственными чувствами и мыслями. Помимо этого необходима социальная ответственность за свои поступки перед современниками и потомками.

Гражданская активность предполагает патриотизм, гражданственность и социально-политическую включенность в общественные процессы. Любая форма социальной активности предполагает социальные изменения, без любви

и уважения к Родине, признания прав и свобод гражданина той страны, в которой ты живешь и желания защитить эти права, отстаивать свои убеждения, проявления личной ответственности за настоящее и будущее страны сложно представить общественный процесс, построенный на принципах гражданского общества.

Гражданская активность респондентов проявляется в разных сферах: правозащитной деятельности (24%), экологическом движении (21%), ТОС (18%), в работе в детских организациях (16%), в организациях инвалидов (15%), в волонтерской и добровольческой деятельности (6%).

Довольно значимым чувством для наших респондентов является желание оставить после себя «добрый след» (65%), внести свою лепту в «светлое будущее» страны (54%), показать другим людям, что «возможно все, главное работать в этом направлении» (36%). Возможно, это кажется пафосным и чрезмерно далеким от жизни, но именно это формирует мотивационную структуру личности, способной изменять социальные устои мирным путем, формировать гражданское общество и его социально активных и ответственных членов.

Список литературы

1. Социально-политические основы развития гражданского общества: учеб. пособие / Л.Н. Батянова, Р.В. Иванов. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 136 с.
2. Батянова Л.Н., Журавлева И.А. Гражданская активность как фактор социально-политической стабильности региона (социально-философский аспект) // Социальные проблемы и безопасность российских регионов Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. 2015. С. 177-186.
3. Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 3-18.
4. Полюшкевич О.А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2017. Т.12. № 1. С. 67-74.
5. Скуденков В.А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. №2. С. 180-184.

**ОБРАЗ РОДИНЫ В ПАТРИОТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
ШКОЛЬНИКОВ¹**
**THE IMAGE OF MOTHERLAND IN PATRIOTIC SOCIALIZATION
OF PUPILS**

Ю.М. Карушева
Ивановский государственный университет
Yu.M. Karusheva
Ivanovo State University

На материалах учебников по обществознанию и истории России проведен анализ включения образа Родины в патриотическую социализацию школьников. Исследование показало, что составители учебников раскрывают патриотические ценности путем обращения к образу Родины.

The article deals with the analysis of schoolbooks of social studies and history of Russia to discover the way the image of Motherland is incorporated in patriotic socialization of pupils. The study showed that the authors of schoolbooks explain patriotic values by applying to the image of Motherland.

Ключевые слова: образ Родины, патриотическая социализация, патриотические ценности

Keywords: the image of Motherland, patriotic socialization, patriotic values

Образ Родины является важным элементом культуры России. О его значимости для россиян говорят исследования, проводимые как крупными социологическими службами [1; 2], так и индивидуальными исследователями [3; 4], что позволяет включать его в монументальные, визуальные и литературные произведения.

Проанализируем, как образ Родины используется в патриотической социализации школьников.

Становление каждой личности происходит в процессе социализации, т.е. усвоения культурных норм и освоения социальных ролей. Этот процесс начинается с рождения человека и не прекращается до глубокой старости. Социализация делает возможным включение человека в различные сферы жизнедеятельности. Одной из наиболее значимых задач социализации является включение человека в политическое пространство страны, гражданином которой он является. В данном случае на первый план выходит патриотическая социализация и патриотическое воспитание как способ проведения данного вида социализации.

---

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ ‘Родины-матери’ в символической политике современной России».

Современная российская система образования устанавливает одним из своих принципов воспитание гражданственности и патриотизма [5]. Данный принцип реализуется на всех уровнях образования, включая школьное образование. Личностные результаты освоения основной образовательной программы, согласно федеральным государственным образовательным стандартам, должны отражать в том числе «российскую гражданскую идентичность, патриотизм, уважение к своему народу, чувства ответственности перед Родиной, гордости за свой край, свою Родину, прошлое и настоящее многонационального народа России, уважение государственных символов (герб, флаг, гимн)» [6].

В работе И.В. Цветковой, посвященной анализу динамики патриотических ценностей в ответах учащихся старших классов школ и их родителей, представлена структура патриотических ценностей, которая включает: ценности, направленные на поддержание социального порядка в обществе; ценности, образующие духовную составляющую патриотизма; ценности, побуждающие к проявлению положительной социальной активности [7]. Многие из этих ценностей, как показывает анализ учебников, их авторы стараются сформировать в школьниках.

Эмпирической базой для нашего исследования послужили 18 учебников, рекомендованных Приказом Министерства образования и науки РФ [8], по таким дисциплинам, как история России и обществознание. Учебники были выбраны основным источником, поскольку они являются главным учебным материалом, по которому школьники готовятся к занятиям.

Образ Родины используется авторами учебников для формирования ценностей, направленных на поддержание социального порядка в обществе, следующим образом. Во всех проанализированных источниках есть указание на то, что прямым долгом каждого человека является защита Родины. Авторы учебников обществознания делают на этом акцент, когда затрагивается тема обязанностей гражданина государства. В учебниках по истории России эта ценность также раскрывается в рамках освоения периодов войн. Составители учебников указывают, когда Родина находится в опасности, главная задача народа заключается в том, чтобы выполнить свой долг перед Родиной, отстоять ее, самоотверженно защищать от врагов. Кроме того, авторы приводят пример, что ради спасения Родины необходимо «подчинить свои характеры ее интересам» [9].

Учебники обществознания знакомят школьников с правом современной России, объясняя разницу между проступком и преступлением. Так, например, в учебнике Н.Г. Суворовой и Е.С. Корольковой указывается, что такие преступления, как измена Родине, несут большую опасность [10].

Составители учебников включают образ Родины в воспитание в школьниках ценностей, образующих духовную составляющую патриотизма. Ряд учебников по истории России начинается с акцентирования внимания учеников на том, что они приступают к изучению истории их Родины [11], т.е. не просто страны России, а именно Родины. Посредством обращения к такому приватному образу, как Родина, составители учебников стремятся создать близкую связь между школьниками и изучаемым материалом.

Авторы учебников обращаются к образу Родины в контексте культуры России. Учебники истории знакомят школьников с историей культуры страны. Обратившись к учебнику по истории России А.Н. Сахарова и А.Н. Боханова, мы видим, что в нем не просто рассматривается творчество А.С. Пушкина и его влияние на Россию, а обращается внимание, что его «творения проникнуты глубокой любовью к Родине, что он дорожил честью и славой Родины» [12].

Наконец, ценности, побуждающие к проявлению положительной социальной активности, выражаются в первую очередь в том, что во всех учебниках главным чувством, которое испытывают люди по отношению к Родине, называется любовь. Она проявляется в неравнодушном отношении к Родине, переживании ее бед как своих собственных, готовности к активным действиям ради процветания Родины. Кроме того, любовь к Родине есть сопереживание и участие во всех делах Родины: в радости и скорби, в гордости и стыде, и в желании исправить ошибки и улучшить Родину. Стоит отметить, что, по мнению авторов учебников, истоки таких качеств, как героизм, мужество и самоотверженность находятся в любви к Родине [13].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что авторы включают образ Родины в патриотическую социализацию школьников, поскольку привлечение этого образа позволяет составителям учебников объяснить школьникам патриотические ценности и их значение, а также сформировать ценностные установки.

Список литературы

1. Образ Родины – в натуре [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://romir.ru/studies/709_1442955600/ (дата обращения: 01.08.2017).
2. Символы России: народный рейтинг // ВЦИОМ [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114529> (дата обращения: 01.08.2017).
3. Рябова Т.Б., Мутаев У.К., Карушева Ю.М. «Родина-мать» в символической политике современной России глазами россиян (на материале интервью) // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 31-42.

4. Гузенина С.В. Тамбовчане об образе Родины: итоги эмпирического исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 268-276.
5. Федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 29 июля 2017 г.) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.08.2017).
6. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.05.2012 г. № 413 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» (в ред. от 29 дек. 2014 г. № 1645) // Правовая система «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70188902/> (дата обращения: 01.08.2017).
7. Цветкова И.В. Поколенческие различия в динамике патриотических ценностей (на примере г. Тольятти) // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 45-51.
8. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 31.03.2014 г. № 253 «Об утверждении федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» (ред. от 5 июля 2017 г.) // Правовая система «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70549798/> (дата обращения: 01.08.2017).
9. История России. XX – начало XXI века. 9 кл.: учеб. для организаций, осуществляющих образовательную деятельность / Данилов Д.Д., Лисейцев Д.В., Клоков В.А. М.: Баласс, 2015. 384 с.
10. Обществознание: учебник для 7 кл. образоват. учреждений / Суворова Н.Г., Королькова Е.С. М.: Академкнига/Учебник, 2012. 224 с.
11. История России, XIX век. 8 класс: учеб. для учащихся образоват. учреждений / Кацва Л.А. М.: Просвещение, 2012. 336 с.
12. История России. XVIII – XIX века. Ч. 2: учебник для 10 класса общеобразоват. учреждений / Сахаров А.Н., Боханов А.Н. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2013. 288 с.
13. История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень. / Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., С.В. Мироненко; под ред. Карпова С.П. М.: Просвещение, 2013. 383 с.

**СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
С ТУРИСТИЧЕСКИМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ
(НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)
COOPERATION BETWEEN GOVERNMENT AGENCIES AND TOURISM
ENTERPRISES (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)**

О.В. Креницина
Иркутский государственный университет
O.V. Krinitsina
Irkutsk State University

Раскрываются механизмы социального партнерства органов государственной власти и туристических предприятий области. Показываются проблемные зоны и формы перспективного сотрудничества.

The article reveals the mechanisms of social partnership of public authorities and tourist enterprises of the region. Are shown problem zones and forms of perspective cooperation.

Ключевые слова: туристические предприятия, инновации, развитие, формы партнерства

Keywords: tourist enterprises, innovations, development, forms of partnership

С целью регулирования вопросов областной государственной поддержки туризма и туристской деятельности в Иркутской области принят закон от 7 марта 2012 г. № 9-03 «Об областной государственной поддержке туризма и туристской деятельности в Иркутской области», а также Положение о порядке организации работы по информационной и организационной областной государственной поддержке туризма и туристской деятельности в Иркутской области. В рамках содействия туристской деятельности и создания благоприятных условий для ее развития на территории Иркутской области реализуются мероприятия долгосрочной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Иркутской области (2012 – 2020 гг.)».

Правительством Иркутской области уделяется внимание развитию туристско-рекреационной отрасли в Иркутской области. С 2002 г. осуществляет деятельность исполнительный орган государственной власти Иркутской области в сфере туризма – агентство по туризму Иркутской области. Была разработана и одобрена Концепция развития туризма Иркутской области на период до 2020 г., утвержденная постановлением главы администрации Иркутской области от 29 апреля 2003 г. № 61–пг, проводится работа по привлечению инвестиций в сферу туризма (2006 г. при непосредственном участии агентства по туризму Иркутской области было успешно принято

участие в конкурсе на создание особой экономической зоны туристско-рекреационного типа).

В рамках финансирования текущей деятельности агентства по туризму Иркутской области проводятся работы по формированию и продвижению туристского продукта Иркутской области на внутренний и международный туристские рынки. С целью увеличения туристского сезона на территории Иркутской области проводятся крупные туристские мероприятия, оказывается содействие в подготовке профессиональных кадров [1].

В целях решения проблем транспортной доступности туристских центров в долгосрочную целевую программу «Развитие автомобильных дорог общего пользования, находящихся в государственной собственности Иркутской области, на 2018-2020 гг.» включено проведение реконструкции автомобильных дорог:

а) в Ольхонском районе – автодорога Еланцы – Хужир, а также паромная переправа на о. Ольхон;

б) в Иркутском районе – автодорога Иркутск – Листвянка и Иркутск – Большое Голоустное.

В целях обеспечения безопасности туристов на территории Ольхонского районного муниципального образования Иркутской области в рамках долгосрочной целевой программы «Социальное развитие села Иркутской области на 2018-2020 гг.» предусмотрено завершение строительства Центральной районной больницы на 50 коек в с. Еланцы к 2018 г.

В целях повышения качества туристских услуг, в рамках долгосрочной целевой программы «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Иркутской области на 2011-2020 гг.», утвержденной постановлением Правительства Иркутской области от 13 октября 2010 г. № 251-пп, возможно погашение части процентной ставки по кредитам, взятым для проведения реконструкции/подготовки к прохождению процедуры стандартизации коллективных средств размещения в соответствии с общероссийской системой классификации гостиниц и других средств размещения.

Несмотря на это, сложившаяся ситуация в сфере туризма (снижение въездного туристского потока за счет снижения объемов финансирования мероприятий по поддержке туристской деятельности, низкое качество предоставляемых туристских услуг из-за материально-технического износа имеющейся туристской инфраструктуры, низкого качества либо полного отсутствия базовой инфраструктуры, недостаток квалифицированных туристских кадров) свидетельствует о том, что реализуемый в настоящее время подход к развитию туризма является недостаточным [2].

Основными проблемами, сдерживающими развитие туристской отрасли, являются:

а) недостаточное развитие базовой инфраструктуры, что является основным препятствием для привлечения частных инвестиций в объекты туристской инфраструктуры;

б) расположение привлекательных для развития туризма и отдыха мест в Центральной экологической зоне Байкальской природной территории, где введен запрет на ведение хозяйственной деятельности, за исключением мест расположения особой экономической зоны туристско-рекреационного типа;

в) невысокий уровень обслуживания во всех секторах туристской индустрии вследствие недостаточного количества высококвалифицированного младшего и линейного персонала;

г) недостаточная узнаваемость Байкальского региона на внутреннем и международном туристском рынках;

д) короткий туристский сезон в Иркутской области;

е) недостаточное количество зарезервированных земель рекреационного назначения в районах, привлекательных для развития туризма;

ж) высокие транспортные тарифы на пассажирские перевозки на авиационном и железнодорожном транспорте из центральной части России до г. Иркутска и обратно.

Учитывая, что вышеуказанные проблемы носят комплексный характер, их решение невозможно за счет предпринимаемых отдельных точечных шагов, которые не сопровождаются адекватными усилиями по другим направлениям.

Сложившаяся ситуация, а также отсутствие возможности в полном объеме оказать поддержку субъектам малого и среднего предпринимательства в сфере туризма в период мирового финансового кризиса приводит к тому, что Иркутская область начинает терять лидирующие позиции на туристском рынке Сибири и Дальнего Востока.

Для осуществления эффективного взаимодействия между всеми заинтересованными сторонами (органы государственной власти, организации туристской отрасли, научные и общественные организации) на основе принципов государственно-частного партнерства разработан комплекс мероприятий с применением кластерного подхода [3].

Туристские кластеры предполагают концентрацию на одной территории ключевых туристических активов и состоят из организаций различных секторов, связанных с обслуживанием туристов: туроператоров, турагентов, гостиниц, организаций сектора общественного питания, производителей сувенирной продукции, транспортных предприятий и т.д.

Использование кластерного подхода к развитию туристского комплекса Иркутской области в условиях прогнозируемого увеличения туристского потока позволит создать наилучшие условия для развития туристской инфраструктуры и сферы сопутствующих услуг, совершенствования системы подготовки кадров, проведения взвешенной и эффективной рекламной политики и удовлетворить потребность в качественных туристских услугах.

Применение программно-целевого метода планирования деятельности по формированию и дальнейшему развитию туристских кластеров на территории Иркутской области является эффективным механизмом решения проблемы создания на территории Иркутской области современного туристско-рекреационного комплекса. Программно-целевой метод позволит применить комплексный подход к решению выявленных проблем развития туризма в Иркутской области, скоординировать действия всех заинтересованных сторон, а также создать необходимые условия для рационального использования бюджетных средств, направляя их на конкретные проектные мероприятия.

Список литературы

1. Борисова Ю.В., Ушаков С.В. Место маркетинга в формировании политики территории // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 305-312.
2. Борисова Ю.В., Попова М.В. Введение в маркетинг территории: Учебное пособие. – Иркутск, Изд-во ИГУ, 2017. 140 с.
3. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК НОВАЯ ФОРМА СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ **SOCIAL NETWORKS AS A NEW FORM OF MODERN SOCIAL INTERACTION**

О.В. Крухмалева
Российский университет дружбы народов, г. Москва
O.V. Krukhmaleva
Russian University of Peoples' Friendship, Moscow

Анализируется влияние современных электронных ресурсов на социальное взаимодействие в обществе. Рассматриваются социальные сети как одна из форм интернет ресурсов, динамика их развития и влияние на изменение форм социального взаимодействия людей.

The article analyzes the impact of modern electronic resources for social interaction in society. Discusses social networks as a form of Internet resources. We analyze the dynamics of their development and impact on changing forms of social interaction of people.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, социальные сети, социокультурная трансформация, информационное общество, сетевое поколение

Keywords: social interaction, social networks, socio-cultural transformation, the information society, network generation

Современный период социального развития характеризуется как информационное общество. Началом данного этапа в жизни человечества стала середина XX в., когда во все сферы жизнедеятельности стали активно входить информационные технологии. Деятельность, связанная с производством, хранением, переработкой и использованием информация, вышла на первый план и стала основной в экономике большинства развитых стран мира. Анализу этой темы посвящено обширное количество работ социологов, философов, культурологов и представителей других областей знаний. В частности, проблематике информационного общества уделено значительное внимание в работах Ю. Хабермаса, Д. Белла, О. Тоффлера, М. Кастельса, Г.М. Маклюэна, У. Эко и целого ряда других авторов [1; 2; 3].

Однако информационное общество связано не только с глобальным изменением форм производства. Оно существенно меняет формы социального взаимодействия людей. Информационные технологии и связанные с ними электронные ресурсы приобретают всеобъемлющий, всепроникающий, глобальный характер. Они формируют, по сути, единое информационное пространство, охватывают все сферы жизнедеятельности человека, делают его составной единицей общего сетевого поля. Это и обуславливает актуальность рассмотрения темы влияния электронных ресурсов на социальное взаимодействие людей.

В современном понимании социальное взаимодействие – это различные способы социальных связей. Как отмечал П. Сорокин, в качестве составных элементов этой модели взаимодействия можно выделить: наличие как минимум двух индивидов, их действий (актов) и проводников действий этих индивидов. В роли проводников он рассматривал язык, письменность, орудия труда, музыку, живопись, предметы быта, а также телеграфную и телефонную связь. При этом П. Сорокин отмечает, что наличие определенного вида проводника изменяет характер социального взаимодействия, влияет на его скорость и интенсивность [4]. В процессе социального взаимодействия происходит

ответная реакция на посланный запрос. Это является основным элементом данной коммуникации, так как стимулирует развитие отдельной личности и всей системы в целом.

Для информационного общества новой формой такого социального взаимодействия людей являются социальные сети. Это относительно новое явление, получившее массовое распространение в первом десятилетии XXI в. Авторство термина *social network* принадлежит американскому социологу Дж. Барнсу, который в 1954 г. определил их как «систему точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками этой системы являются люди, и линии соединения этих точек указывают, какие люди взаимодействуют друг с другом» [5].

Рост аудитории пользователей социальных сетей характерен для всех стран мира. Люди все более втягиваются в этот относительно новый вид своей активности и межличностного взаимодействия. Так, по данным компании Statista [6] за период 2010-2016 гг. аудитория социальных сетей увеличилась в 3 раза (с 0.95 до 2.95 млрд. человек). По прогнозам аналитиков этого рынка, к 2020 г. зарегистрирует профиль в одной из социальных сетей каждый второй житель планеты.

Для иллюстрации реальной ситуации по востребованности социальных сетей в России приведем некоторые данные, характеризующие распределение пользователей по основным наиболее популярным сетевым ресурсам. По количеству «пишущих» российских авторов лидирует сеть ВКонтакте – 18.8 млн. уникальных авторов. На втором месте Instagram – у него 10.6 млн. авторов, практически в 5 раз больше, чем весной 2015 г. Третье место – Twitter – число активных авторов здесь, наоборот, продолжает снижаться, в декабре зафиксировано чуть более 1 млн. чел. [7].

Современные социальные сети – это мощный инструмент, который используется в информационном пространстве, активно воздействует на сознание людей, формирует их образ жизни и меняет мировосприятие. Сегодня они уже являются полноправными конкурентами средств массовой информации, серьезными игроками в политической, социальной жизни общества. При этом используются возможности социальных сетей как в конструктивных целях, так и в абсолютно деструктивных, а нередко криминальных и антисоциальных. В частности, практически все современные лидеры мнений – будь то политика, государственная деятельность, сфера культуры или молодежные субкультурные группы имеют свои страницы, группы, где общаются, публикуют посты, пишут блоги, то есть ведут активную коммуникационную деятельность, влияют, а зачастую и формируют общественное сознание пользователей сети [8].

Остановимся на наиболее значимых проблемах присутствия социальных сетей в жизни общества. Виртуальное общение постепенно вытесняет живое человеческое, а это особенно опасно для еще только формирующейся личности. В сети всегда допускается обезличенность акторов и возможность существования нереальных, придуманных людей. Выход в виртуальное пространство становится обязательным и необходимым ритуалом. Формируется определенная сетевая зависимость. Публикация своих фото, постов и сбор «лайков» становится постоянной потребностью. Это нарушает как психологическое состояние человека, так и изменяет его социальные связи, формирует другие формы социального взаимодействия. Для молодого поколения еще и нарушаются процессы социализации, изменяются функции традиционных социальных институтов, отвечающих за данный процесс (институтов семьи и образования).

Однако, в процессе реализации своих социокультурных практик в сети человек получает возможность формирования и демонстрации своей активности не только в виртуальном пространстве, но и в реальных практических действиях личности в реальном мире (фанаты, волонтеры, демонстранты и др.). Можно привести множество как положительных, так и отрицательных примеров. И это одна из наиболее важных и значимых особенностей нового социального взаимодействия в обществе.

С учетом распространенности и популярности сетевых социальных ресурсов можно говорить о формировании целого сетевого поколения. В него входят пользователи социальных сетей, которые не мыслят своей жизни не только без доступа в информационное пространство, но и без своего присутствия в социальной сети. Для них сетевая коммуникация – это важная и необходимая часть их социальной жизни. Возрастная граница сетевого поколения – до 35 лет. Однако, в последние несколько лет наблюдается устойчивый тренд к росту численности в аудитории социальных сетей представителей более старших возрастов. Не в последнюю очередь этот процесс для них является вынужденным, как следование требованиям времени, желание сохранить связь с младшими поколениями, контролировать их, а также признание значимости и роли этого нового элемента социальной коммуникации.

Сегодня аналитики информационного пространства фиксируют определенные тренды в развитии социальных сетей, с точки зрения социального взаимодействия пользователей. В частности, это запрос на реализацию возможности формирования своеобразного он-лайн портрета пользователя, его самопрезентацию. Все большую популярность приобретают видео- и графические сервисы, нежели текстовые (отсюда, в частности, и

отмеченный рост аудитории сети Instagram, которая собственно и построена именно на визуальном изображении). Еще одним важным трендом является активное использование HR-специалистами социальных сетей, что показывает доверия, важность и значимость этих ресурсов. Зачастую именно социальные сети помогают составить представление о кандидате: получить психологический портрет, оценить интересы, круг общения и т.п.

Таким образом, новая социальная реальность требует выработки новых механизмов и учета новых появившихся социокультурных обстоятельств, влияющих на традиционные сложившиеся формы социального взаимодействия в обществе.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / Пер. с нем. М.: Весь мир, 2002. 144 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна / пер с англ. М.: АСТ, 2000. 800 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. 608 с.
4. Сорокин П.А. Система социологии. В 2-х тт. М.: Астрель, 2008. Т. 1. 448 с.
5. Цит. по Бритвин Н.И. Социальные сети как прообраз общественного устройства. 2008. № 1. С. 45-49.
6. Федотова Ю. Социальные сети: итоги 2016 года. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://blog.getgoodrank.ru/socialnie-seti-itogi-goda> (дата обращения 01.06.2017).
7. Социальные сети в России, осень 2016: Цифры, тренды, прогнозы. // Исследовательская компания Brand Analytics. 08.12.2016. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozu> (дата обращения 01.06.2017).
8. Колодина А.А., Крухмалева О.В. Информационная культура и ее особенности в современной России // Человек. Общество. Инклюзия: Вестник МГГЭИ, 2017. № 2. С. 23-35.

АРТЕФАКТЫ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИТ-СФЕРЕ ARTIFACTS OF CORPORATE CULTURE IN IT-SPHERE

С.В. Лелюхин

*Автономная некоммерческая организация
«Научно-исследовательский институт здоровья»*

В.В. Борисов

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

S.V. Lelyukhin

*Autonomous non-profit organization
«Scientific-research institute of the Health»*

V.V. Borisov

North-Caucasian Federal University, Stavropol

Приведены данные исследования отечественной ИТ-компании, имеющей сильное положение на рынке ИТ-услуг СКФО и ЮФО. Проведён анализ корпоративной культуры на основе выявления характеристик артефактов, предложенных Р. Дафтом и Э. Шейном.

This work presents research data of domestic IT-company with a strong position in the IT-service market of the NCFD and SFD. The analysis was based on Daft's and Schein's proposed artifacts of corporate culture.

Ключевые слова: корпоративная и организационная культура, внешние ритуалы и церемонии, архитектура внешнего окружения, корпоративный язык, корпоративный стиль

Keywords: corporate culture, organizational culture, artifacts

Объектом полемики в дискуссии российских исследователей менеджмента является самостоятельность понятий «организационная культура» и «корпоративная культура». Обратившись к анализу опыта предшественников, мы выявили четыре точки зрения.

Первая из них фокусируется на том, что «корпоративная культура» является частью «организационной культуры», а понятие «организационная культура» шире понятия «корпоративная культура», поскольку не каждое предприятие, фирма или организация представляют собой корпорацию. Этот подход представлен в работах А. Колесникова, Ю. Красовского, Б. Мильнера [1; 2; 3]. Прямо противоположных взглядов придерживается А. Пригожин, который считает организационную культуру частью культуры корпоративной, поскольку понятие «корпоративная культура» охватывает организационные культуры отдельных компаний, занятых определенным бизнесом [4]. Его подход выделен нами как вторая точка зрения. Третья точка зрения, представленная в работах Т. Базарова и А. Максименко, базируется на

самостоятельности феноменов «организационной культуры» и «корпоративной культуры» [5; 6].

Четвёртый подход тождественности понятий «корпоративной культуры» и «организационной культуры», с которым резонирует и наш исследовательский взгляд на терминологическую проблему, встречается в работах В. Виханского и В. Спивака [7; 8]. Сравнивая содержание понятий, изложенных в работах Р. Дафта и Э. Шейна [9; 10], мы пришли к выводу об их тождественности, у нас нет сомнения в их синонимичности [11].

Поставив перед собой задачу анализа культуры ставропольской компании «Бизнес-ИТ», в качестве исследовательского инструмента мы выбрали подход Р. Дафта и Э. Шейна, которые выделили артефакты как видимые организационные культуры и процессы: 1) архитектура физического окружения; 2) внешние ритуалы и церемонии; 3) язык; 4) стиль, воплощаемый в одежде, манере общения, эмоциональной атмосфере, мифах и историях, связанных с организацией. В ходе выполнения исследования, проведённого в июне 2017 г., мы использовали метод включённого наблюдения.

На рынке услуг в IT-сфере компания «Бизнес-ИТ» работает 25 лет, предлагая потребителям разработку и сопровождение программного обеспечения системы «1С» и курсы дополнительного профессионального образования. Первый артефакт, «архитектура физического окружения», содержит следующие характеристики. Офис компании расположен по адресу: Ставрополь, ул. 1 Промышленная, 3а, в районе деловой малоэтажной застройки, окруженной лесами урочищ Члинского леса, Русской лесной дачи, Архиерейской лесной дачи. Компания занимает второй этаж офисного здания, два подъезда которого залиты светом, в каждом аккуратные велосипедные парковки и широкая лестница в несколько пролётов с современными лаконичными перилами. В офисе все подразделения разведены по комнатам, но есть и большие залы, в которых зонирование условно, без цветовых или других акцентов. Есть индивидуализированные рабочие места, например, для работников-стажёров, занимающихся продвижением компании по телефону. Среди прочего в наличии: пункт приёма пищи, оборудованный кухней, душевая комната, комната разгрузки, комната для гимнастики с тренажерами, брусьями и турниками, стол для настольного тенниса, аквариум в коридоре.

Таким образом, офис находится на территории с высокими экологическими показателями, деловая активность и престижность района подчёркивается соседством компании с офисами торговых гигантов «Блок-Пост», «М-Видео», «Эльдорадо», «Ред Фокс», рядом находится несколько корпусов Федерального университета, другие городские административные здания. Внутреннее устройство удобно для персонала, лаконичное. Есть

основания констатировать последовательную тактику руководителей компании, делающих ставку на архитектуру физического окружения как составляющую сильной корпоративной культуры.

Второй артефакт, «внешние ритуалы и церемонии», включает в себя корпоративные мероприятия, которые происходят постоянно и неизменно, а также ситуативные корпоративные мероприятия. Во-первых, это празднование дней рождения, причём отмечается переход от чаепитий к угощению фруктами. Во-вторых, корпоративные календарные мероприятия на Новый Год, 8 марта и 23 февраля. Проводятся даже различные конкурсы на сценарий праздника, сценарии сверяются с руководством.

Например, встреча нового 2017 г. была стилизована в традициях Американской киноакадемии с вручением золотой статуэтки Оскара. В каждом из четырёх отделов компании был снят фильм. Для съёмок короткометражки по мотивам культовой фантастической франшизы в жанре космической оперы «Звёздные войны» специально были сшиты копии костюмов. Всё это работники выполняют своими силами, без привлечения других специалистов со стороны.

В-четвёртых, это корпоративные поездки на курорты Северного Кавказа и Турции, а, в-пятых, регулярные велопробеги по Ставрополю.

Внимание руководства и вложение ресурсов формирует почву для развития артефакта «внешние ритуалы и церемонии». Есть хорошие условия для появления локальных легенд, развития и поддержания корпоративного духа и других атрибутов корпоративных культурных ценностей, в конечном итоге влияющих и на качество всех видов деятельности, и на принятие решений, и на формирование условий для развития компании.

Систематизируя собранную информацию, характеризующую артефакт «язык», мы пришли к выводу, что он не является особым признаком корпоративной культуры сотрудников «Бизнес-ИТ». Одобряемым в компании поведением является владение «правильным» русским, хотя в пассивном лексическом запасе сотрудников есть неологизмы и англицизмы, например, полученные трансфонированием «эйчэры», или транслитерированные «манagers».

Под артефактом «стиль» подразумевается внешний вид сотрудников и манера общения между ними. В компании регламентирован деловой стиль одежды, выражена умеренная строгость в одежде руководителей отделов и мягкая элегантность у женской части персонала. В целом одежда сотрудников производит впечатление аккуратности и демократичной практичности, но, ни в коем случае, не повседневности.

Что касается взаимодействия между сотрудниками, то нами выявлены отсутствие снобизма, ровное и внимательное отношение. Демократичное

поведение руководства с подчинёнными, открытость большей части времени для решения насущных вопросов персонала. Большое количество доброжелательных подшучиваний, острот и даже розыгрышей, каламбуров говорит о творческой обстановке в коллективе, качестве человеческого капитала. Сформированная усилиями руководства и всего персонала особая субкультура позволяет трудиться в психологически благоприятных условиях.

При анализе четырёх артефактов корпоративной культуры «Бизнес-ИТ» мы пришли к выводу, что корпоративная культура компании сильная. Фокус усилий руководства направлен на объединение формальной и неформальной структур коллектива через установление отношений не только как функциональных сотрудников, но востребованы и другие социальные роли, с широким спектром возможностей для реализации человеческого капитала. Выявлена управленческая тенденция перехода от узкоспециализированного рабочего места к более универсальному и коллективному, совмещение профессий, подключение ресурса делегирования и ротации; доверие сотруднику выполнения различных функций на разных уровнях. В результате компания, делающая ставку на развитие ценностей корпоративной культуры, выигрывает, как и её сотрудники.

Список литературы

1. Колесников А.В. Корпоративная культура современных организаций. Курс лекций. М.: Альфа-Пресс, 2011. 448 с.
2. Красовский Ю.Д. Организационное поведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 488 с.
3. Мильнер Б.З. Теория организации: учебник. М.: Инфра-М, 2012. 848 с.
4. Пригожин А.И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2001. 863 с.
5. Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом. Теория и практика. М.: Издательство Юрайт, 2014. 381 с.
6. Максименко А.А. Организационная культура: системно-психологические описания. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. 156 с.
7. Виханский О.С. Стратегическое управление. М.: Экономистъ, 2004. 296 с.
8. Спивак В.А. Организационное поведение и управление персоналом. СПб: Питер, 2000. 416 с.
9. Дафт Р. Менеджмент. СПб: Питер, 2001. 832 с.
10. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
11. Лелюхин С.В., Смирнова М.С. Корпоративная культура профессионалов ИТ-сферы: региональный аспект // Профессиональная культура российской интеллигенции. М.: РГГУ, 2017. С. 158-163.

**ПАТРИОТИЗМ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2016-2017 гг.)
PATRIOTISM AND FORMATION OF CIVIL SOCIETY
IN THE RUSSIAN FEDERATION (2016-2017)**

К.В. Лобанова

Ставропольское Президентское кадетское училище

C.V. Lobanova

Stavropol Presidential Cadet School

Посвящается анализу формирующегося гражданского общества через призму формирования патриотизма у российских граждан. Рассматриваются вопросы, связанные с взаимодействием государства и гражданского общества (некоммерческих организаций, общественных движений и др.) в различных акциях, проектах, форумах за последние годы.

The article is devoted to the analysis of the emerging civil society through the prism of the formation of patriotism among Russian citizens. Issues related to the interaction of the state and civil society (non-profit organizations, social movements, etc.) in various actions, projects, forums in recent years are considered.

Ключевые слова: патриотизм, гражданское общество, некоммерческая организация, государство, форум, гражданственность, безопасность, терроризм, экстремизм

Keywords: patriotism, civil society, non-profit organization, state, forum, citizenship, security, terrorism, extremism

Современное российское гражданское общество делает определенные шаги по своему укреплению, находясь во взаимосвязи с государством. Последнее также заинтересовано в сильном гражданском обществе, которое бы подставляло ему плечо в реализации различных программ, связанных с сохранением и преумножением человеческого капитала, формированием патриотизма и гражданственности, финансовым вложением в социальные программы и др.

Государство не является монополистом в обеспечении безопасности граждан, в условиях террористических угроз необходима бдительность гражданского общества, помощь граждан в обнаружении подозрительных предметов, девиантного поведения предполагаемых террористов и т.д. [1, с. 70].

Молодежь активно подключается к реализации программ по обеспечению безопасности, борьбе с терроризмом и экстремизмом, формированию патриотизма [2, с. 120-122].

Современное государство активно внедряет стратегии и программы по формированию патриотизма у граждан России [3], делая акцент на молодежи,

институтах социализации, патриотических акциях и мероприятиях. Однако здесь нужна и поддержка гражданского общества, развитие тех инициатив, которые идут снизу, от самих граждан. Приведем примеры – проекты Общественной Палаты РФ, в том числе, проект 2016 г. «Перспектива», премия «Я – гражданин». Здесь патриотизм выступает как основа воспитания гражданина, способствуя развитию российской гражданской нации. Такие и подобные инициативы поддерживают чувство идентификационной общности граждан на основе гордости за свою Родину, с опорой на её историческую память, с надеждами на достойное будущее поколений.

Еще один проект Общественной Палаты России – это проведение двухдневного форума 3-4 ноября 2016 г. «Сообщество» и приуроченного ко Дню народного единства. Форум посетил Президент РФ, указал, что президентских грантов для некоммерческих организаций (НКО) выделено в 4 раза больше, чем в 2012 г. Упростилась сама процедура оформления заявок на эти гранты.

В 2017 г. четвертый форум «Сообщество» пройдет на Юге России в Ростове-на-Дону с 9 по 10 июня. Ожидается насыщенная программа по налаживанию межсекторного взаимодействия между активными гражданами, НКО, представителями бизнеса и власти [4].

Форумы «Сообщество» вносят значительный вклад в диагностику и оценку состояния некоммерческого сектора в регионах России, укрепление сотрудничества между самими НКО и властью. Здесь собираются тысячи представителей команд НКО, идет заинтересованный диалог граждан с различными мнениями, идеями, концепциями и т.д.

В настоящее время все это свидетельствует о поддержке государством социально ориентированных НКО, т.е. государственная власть дает возможность работы сообща с гражданским обществом в сферах, чрезвычайно важных для российских граждан.

Среди акций и мероприятий гражданско-патриотической (в том числе, военно-патриотической) направленности в 2016-2017 гг. можно выделить:

- серия всероссийских акций «Мы – граждане России»;
- всероссийский детско-молодежный конвент «Герои нашего времени»;
- молодежные конкурсы, направленные на популяризацию трудовых профессий;
- всероссийская акция «Георгиевская ленточка»;
- молодежные форумы «Машук», «Селигер», «Россия студенческая», «Таврида на Бакальской косе», «Селиас», «Родная гавань» и др.;
- историко-образовательные форумы студентов образовательных организаций «Парад эпох»;

– мероприятия, направленные на повышение уважения граждан к символам России и выдающимся россиянам (к 120-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, к 100-летию со дня рождения дважды Героя социалистического труда, Героя России М.Т. Калашникова);

– проведение всероссийских встреч молодежи с участниками и тружениками Великой Отечественной войны, Героями РФ, Героями труда РФ;

– Международный фестиваль военно-патриотической песни «Крымская волна»;

– Всероссийский фестиваль народного творчества «Салют Победы»;

– Международный кинофорум «Сталинградская сирень»;

– Всероссийский молодежный образовательный сбор военно-спортивных организаций и кадетских корпусов «Союз – Наследники Победы»;

– кадетский бал «Отчизны верные сыны»;

– Всероссийский конкурс военного плаката «Родная Армия»;

– Всероссийский фестиваль кадетских корпусов «Кадетская симфония»;

– Молодежная патриотическая акция «День призывника»;

– Молодежная патриотическая акция «Под знаменем Победы»; и др.

Данные мероприятия, запланированные или уже проведенные, имеют финансовую поддержку государства [3], но без активной позиции самих россиян (в том числе, молодых) осуществить задуманное невозможно. Патриотизм необходимо воспитывать, законом или постановлением его нельзя ввести. Необходима долговременная работа, начиная с семьи, детских дошкольных учреждений, образовательных организаций среднего и высшего звена, военно-патриотических клубов, общественных организаций и движений. Только совместными усилиями государства и гражданского общества можно вырастить патриотов России, любящих и уважающих свою Родину.

Уважение граждан к Родине зависит в определенной степени и от уважения к власти. Так, результаты опроса Фонда общественного мнения (ФОМ) от 31 марта 2017 г. о доверии к Президенту РФ В.В. Путину свидетельствуют, что 81% россиян одобряют его работу на посту президента. Меньше доверия вызывает работа премьер-министра Д.А. Медведева, 43% опрошенных (среди 3 тыс. респондентов в 207 населенных пунктах в 73 регионах России) положительно оценивают качество его работы, 39% – неудовлетворительно [5].

Легитимность власти, то есть доверие и оправдание власти со стороны народа, заслужить непросто. Забота о гражданах стран, их безопасности – первейшая функция государства и властей. Однако в условиях кризиса, санкций в отношении России со стороны стран Запада и США многие требуют от

государственной власти дополнительных мер поддержки населения. И справедливо, на наш взгляд, требуют.

На вопрос, «Считаете или нет Вы себя патриотом?» 78% россиян ответили положительно, 17% – отрицательно, 5% – затруднились с ответом. Опрос проводился ФОМ 23 марта 2017 г. Среди критериев патриотизма выделяются в этом опросе следующие: любовь/ равнодушие к родной природе, желание/ нежелание избежать службы в армии, знание/ незнание истории своей страны, намерение/ отсутствие намерения работать и жить за границей, участие/ неучастие в выборах, знание/ незнание гимна своей страны, критика власти своей страны, предпочтение/ или нет иностранной литературы и искусства.

Критерии патриотизма граждан могут быть и другие, но главными, на наш взгляд, являются любовь к своей Родине, малой Родине, Отчизне, уважительное отношение к народам, её населяющим, гордость за Отчизну, защита и готовность отстаивать её национальные интересы, сохранение её исторической памяти.

Список литературы

1. Гундарь О.Н., Галкина Е.В., Гундарь Е.С. Политический экстремизм в современном мире. Безопасность и противодействие терроризму. Учебное пособие. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. 139 с.

2. Семехин Ю.Г., Емельянов Г.И. Молодежный экстремизм на Юге России: монография. М.: Директ-Медиа, 2015. 378 с.

3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 гг.» [Эл. ресурс] // Режим доступа: http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4_q0ws.pdf (дата обращения: 01.05.2017 г.).

4. «Сообщество» форум активных граждан [Эл. ресурс] // Режим доступа: <http://форумсообщество.рф/ростов-на-дону>. (дата обращения: 01.05.2017 г.).

5. Официальный сайт ФОМ [Эл. ресурс] // Режим доступа: <http://soc.fom.ru>. (дата обращения: 31.03.2017 г.).

6. Официальный сайт ФОМ [Эл. ресурс] // Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/13262>. (дата обращения: 01.05.2017 г.).

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
POLITICAL IDENTITY OF MODERN RUSSIAN YOUTH**

Е.М. Лоскутова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E.M. Loskutova

Perm State University

Рассматривается категория «политическая идентичность». Особое внимание уделяется феномену политической идентичности современной российской молодежи. Выявлена взаимосвязь между принадлежностью молодежи к определенной парламентской партии и сформировавшимися ценностями.

The article considers the category "political identity". Particular attention is paid to the phenomenon of political identity of modern Russian youth. The correlation between the youth membership of a particular parliamentary party and form values.

Ключевые слова: политическая идентичность, партийная идентичность, современная российская молодежь, партия, электорат, опросы общественного мнения, ценности

Keywords: political identity, party identity, modern Russian youth, party, electorate, opinion polls, values

Кризисное, неустойчивое состояние, характерное для российского общества в последние два десятилетия, является объектом исследования как социологической, так и политической наук. Негативные последствия первых лет постсоветской действительности сказываются на всех сферах жизнедеятельности общества: социальной, экономической, политической и др. Произошедший в 90-е гг. прошлого столетия перелом повлек за собой коренные изменения в общественной структуре, что повлияло на смену базовых ценностей, десятилетия формировавшихся в Советском Союзе. Изменение вектора развития повлекло за собой смену жизненных ориентиров, становление и развитие значимых политических и экономических институтов, формирование особого типа российской идентичности. Наиболее активным транслятором перемен, характерных для современного российского общества, выступает молодежь, остро чувствующая последствия изменений, способная к быстрой смене стереотипов сознания и деятельности, а также выстраиванию конкретной поведенческой модели. Важно понимать, что именно молодежь является движущей силой, потенциал которой велик. Однако, большинство авторов, в исследовательское поле которых входит анализ политической

активности молодежи, приходят к выводу об аполитичности этой социально-демографической группы [1, с. 143]. Важно понимать, что активность в политической сфере со стороны молодого поколения будет способствовать формированию здорового гражданского общества.

Первым шагом на пути преодоления противоречия между невключенностью молодежи в процесс формирования и развития гражданского общества (пр. минимальное включение в реальные подзаконные акты законотворческих инициатив со стороны молодых парламентариев) и необходимостью учитывать мнение поколения, за которым будущее страны, станет определение формирующейся политической идентичности данной социально-демографической совокупности.

Значительно позднее, чем на Западе, проявляется интерес к концепту политической идентичности в российских общественных науках в конце 1980-х гг. Существенный вклад в формирование представлений о таком концепте, как «политическая идентичность», внесли социологи В.А. Ядов, Ю.А. Левада, С.Г. Климова, а также психолог А.В. Брушлинский. Их исследовательские изыскания были посвящены политическим ценностям, предметом исследования которых является идентичность. Период с конца 80-х гг. прошлого столетия характеризуется появлением на территории крупных городов центров изучения общественного мнения, которые способствуют реализации программ по изучению политической идентичности разных слоев населения [2].

Исследования политической идентичности носят полипарадигмальный, междисциплинарный характер, что находит отражение в подходах к определению самой категории «политическая идентичность».

Следует отметить, что российская политическая идентичность существенно отличается от западной, в связи с этим целесообразно акцентировать внимание на понимании искомого понятия отечественными исследователями. Так, Н.И. Тимофеев понимает под политической идентичностью «самоопределение государства, отражаемое в ключевых нормативных и доктринальных документах страны, укорененное в общественном сознании ее граждан» [3, с. 62]. Важно отметить, что для российских исследователей характерно рассмотрение идентичности как некоего коллективного образа, а не индивидуального (свойственно западным исследователям). В.И. Пантин под политической идентичностью понимает «совокупность наиболее значимых политических ориентаций, которые во многом определяют политическое поведение и политические установки человека» [3, с. 62]. В последнем определении акцент сделан на идентичности конкретного человека, что свидетельствует о приверженности исследователя западным традициям в трактовке изучаемой категории. Большинство

российских исследователей разделяют исследовательскую позицию Н.И. Тимофеева, парируя понимание данной категории В.И. Пантиным К числу тех, кто понимает политическую идентичность как коллективный конструкт, относятся О.В. Попова, В.А. Ачкасова, Л.М. Дробижева. Мнение большинства исследователей-соотечественников разделяет и автор данной статьи.

Разновидностью политической идентичности является партийная, о которой как об институциональном явлении заговорили лишь в XIX столетии А. де Токвиль и Б. Констан. В их исследованиях партийная идентичность была напрямую связана с «общностью идей», «общей политической доктриной» [4]. В России работы, посвященные институционализации партийной идентичности, появились в начале XX в., родоначальником изучения исследовательской проблемы явился М.Я. Острогорский. На протяжении последующих 70-ти лет советской власти в соответствии с марксистской идеологией, лежащей в основе политического строя СССР, существовало жесткое деление на «социалистические» и «буржуазные» партии [4].

Постсоветский период характеризуется партийным строительством. Российское общество становится все более дифференцируемым, что объясняет процесс создания все большего числа партий различной направленности, которые являются агентами политической самоидентификации граждан. Ряд исследователей относят Россию к странам «с неразвитыми демократическими процедурами и отсутствием активистской политической культуры в широких слоях населения» [5, с. 42]. Напрашивается следующий вывод: Россия – страна с формирующейся партийной системой, где партии должны быть ориентированы на конкретную идентичность, что позволит иметь стабильный ядерный электорат.

В данной работе партийная идентичность понимается как отождествление гражданина с определённой партией. Речь в работе пойдет лишь о парламентских партиях. В 2009 г. таковых было 6: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Яблоко», «Правое дело». По итогам выборов 2016 г., состав претерпел существенные изменения. Так, в Государственную думу VII созыва не вошли «Яблоко» и «Правое дело», на смену им пришли партии «Родина» и «Гражданская платформа».

Интересно, что успешный рост демонстрирует лишь электорат «Единой России». Это тенденция сохраняется с 2006 г., когда электорат составлял 27%, в 2007 – 36%, в 2008 – 48%, в июне 2009 – 52% [6], в 2017 г. 48% респондентов отдали свое предпочтение «Единой России» [7].

Важно понимать, с какой партией идентифицирует себя современная молодежь. Молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет в 2009 г. отдали предпочтение ЛДПР (38% от электоральной группы) [8]. Следующая по

численности молодежи «Единая Россия» (29%). Не удивительно, что взгляды КПРФ и «Справедливой России» разделяют в большинстве своем люди среднего и пожилого возраста, молодежь здесь представлена 8% и 11% соответственно от общего числа отдающих свои голоса [6]. Однако важно понимать, что отдающих свое предпочтение партии «Единая Россия» в 4 раза больше тех, кто голосует за ЛДПР (48% у «Единой России» против 12% у ЛДПР) [7].

На основании данных, полученных в результате ежегодных опросов, проводимых Фондом «Общественное мнение», следует сделать вывод, что молодежь идентифицирует себя с партиями, пропагандирующими демократические и патриотические ценности. На официальных сайтах обеих партий размещена информация пророссийской направленности. Так, сегодня в приоритете направления, касающиеся единства народа (однако лидер ЛДПР В.В. Жириновский несколько в отличии от позиции представителей партии «Единая Россия» [9] ключе говорит о национальной политике, акцент смещен в сторону придания особого статуса русскому народу «как государствообразующей нации» [10]), нацеленные на формирование эффективной системы социальной поддержки, во главу угла обе партии ставят институт семьи, акцентируют внимание на развитии таких отраслей, как образование и медицина.

В заключении необходимо сказать, что современная российская молодежь отличается аполитичностью. Вместе с тем, приходим к выводу, что существует четко выраженная политическая идентичность молодежи. Те из молодых людей, кто занимают активную жизненную позицию и разделяют ценности той или иной партии, причисляя себя к определенной ячейке общества, имеют ярко выраженные политические интересы. (Партии, являющиеся политическими агентами, отражающими ценности определенной совокупности населения, пропагандируют определенные ценности). Так, было выявлено, что молодежь идентифицирует себя с партиями «Единая Россия» и ЛДПР, разделяя демократические и патриотические ценности. Социальному институту семьи выделено особое место в программной деятельности партий, что немаловажно, так как именно семья по сей день остается главной жизненной ценностью молодежи [11].

Список литературы

1. Головоненко Д.В. Политическая активность молодежи в современной России // ИСОМ. 2012. №3. С. 141-143. Режим доступа: [http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-aktivnost-molodezhi-v-sovremen noy-rossii](http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-aktivnost-molodezhi-v-sovremen-noy-rossii) (дата обращения: 01.07.2017).
2. Гусев А.С. Формирование политической идентичности в современной России (на примере Санкт-Петербурга и Амурской области): дис. канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2014. 328 с.
3. Корниенко Т.А. Теоретические аспекты исследования политической идентичности // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. №2. С. 61-69.
4. Паунежева Г.Х. Партийная идентичность в условиях переходных социально-политических периодов современной России: автореф. дис. канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 23 с.
5. Кулаков С.В. Партии и партийная идентичность в условиях мировой трансформации социальной структуры // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2016. №4 (8). С. 40-44.
6. Парламентские партии: портрет в общероссийском интерьере. Агентство федеральных расследований. 03.08.2009. [Эл. ресурс]. Режим доступа <http://polithexogen.ru/info/45885.html> (дата обращения: 30.06.2017).
7. Индикаторы отношения к партии «Единая Россия». Фонд «Общественное мнение». 23.06.2017 // Сайт Фонд «Общественное мнение» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/10949> (дата обращения: 30.06.2017).
8. Электораты парламентских партий: штрихи к портретам. Мегаопрос «ГеоРейтинг» 3-17 июня 2009 // Фонд «Общественное мнение» [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://clients.fom.ru/report/cat/polit/pol_par/d093010 (дата обращения: 29.06.2017).
9. Предвыборная программа на выборах Президента РФ 2012 г. // Официальный сайт Партии Единая Россия [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://er.ru/party/presidential_election/ (дата обращения: 01.07.2017).
10. Программа ЛДПР. 2016-2021 гг. // Сайт Либерально-демократической партии России [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения: 01.07.2017).
11. Сытых О.Л. Мир ценностей российской молодежи в контексте динамики современного социума // Известия АлтГУ. 2013. №2 (78). С. 216-219.

РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ:
ИЧР И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
ALTAI REPUBLIC:
HDI AND REGIONAL TRENDS OF SOCIAL DEVELOPMENT

С.А. Мадюкова, О.А. Персидская
Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
S.A. Madyukova, O.A. Persidskaya
The Institute of Philosophy and Law
of Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk

Региональное социальное развитие рассмотрено посредством анализа таких социальных показателей, как индекс человеческого развития и параметры социального самочувствия на уровне конкретного региона: Республики Алтай. Использование концепта «межэтническое сообщество» позволило акцентировать исследование указанных сфер социальной жизни в этническом срезе.

Regional social development is considered through the analysis of such social indicators as the index of human development and the parameters of social well-being at the level of a particular region: the Republic of Altai. The use of the concept of "interethnic community" made it possible to emphasize the study of these spheres of social life in the ethnic section.

Ключевые слова: регион, Республика Алтай, социальные показатели, индекс человеческого развития, социальное самочувствие

Keywords: region, social indicators, HDI, interethnic community, social well-being, regional economy

Проблема расслоения регионов Российской Федерации по уровню социального и экономического развития актуализирует исследование региональной социальной специфики. При этом важно понимать, что Россия – полиэтничное государство, где социальные процессы неотделимы от этнических. В связи с этим, эвристичным для анализа социального развития региона видится исследование регионального межэтнического сообщества. Сам концепт «межэтническое сообщество» введен В.В. Мархининым и И.В. Удаловой для обозначения образующихся в результате совместного проживания целостных групп разноэтнического населения [1]. Таким образом, мы будем рассматривать Республику Алтай как целостное межэтническое сообщество, включающее в себя три основных этноса региона – русских, алтайцев и казахов, а также представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС), и рассматривать тенденции социального развития региона в данном методологическом ключе.

Республика Алтай является дотационным аграрным регионом с низким уровнем развития экономики, располагается на приграничной территории, соседствуя с Монголией, Казахстаном и Китаем. Регион является участником внешней торговли, однако существенным барьером для увеличения объемов перевозок грузов выступает неразвитость транспортной инфраструктуры, которая тормозит экономический рост и снижает конкурентоспособность республиканских товаров [2, с. 140].

В регионе всего один город, 71% населения проживают в сельских поселениях, селах и поселках с численностью жителей от нескольких десятков до нескольких сотен человек (редко – нескольких тыс. чел.) [3]. При этом, чем дальше располагается тот или иной район от г. Горно-Алтайска, тем сильнее его аграрная специализация, ниже уровень его социально-экономического развития и ниже качество жизни населения [4, с. 9]. В связи со слабым уровнем индустриального развития Республики Алтай, регион ориентирован в основном на сельскохозяйственное производство. В настоящее время бедственное экономическое положение населения республики усугубляется: «Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по итогам 2016 года... составит 23.8%» [5]. Кроме того, на современном этапе жизни республики ее экономическое развитие во многом определяется активно формирующейся туристической отраслью. Однако туристическая инфраструктура в республике не развита должным образом, что превращает прием и размещение туристов в выгодный бизнес для мелких предпринимателей, легитимирует в общественном сознании практики браконьерства, нарушения законодательства в области защиты окружающей среды и историко-культурного наследия [6]. В данном социально-экономическом контексте регионального развития нами проанализированы значения индекса человеческого развития, который является интегральным показателем, отражающим совокупность основных характеристик человеческого потенциала территории. В 2014 г. по показателю ИЧР республика занимала 75-ое место из 80 проанализированных в источнике регионов РФ (со значением индекса 0,814), значительно уступая уровню высокоразвитых российских регионов. Наивысшие показатели данного индекса в 2014 г. были у Москвы – 0,946 и Санкт-Петербурга – 0,921. Следует отметить, что уровень Республики Алтай оказался несколько ниже среднего уровня по России (0,874). Значение ИЧР по региону близко к показателям Забайкальского края (0,821), Карачаево-Черкесской Республики (0,817), Кабардино-Балкарской Республики (0,815), Псковской (0,813) и Ивановской областей (0,812). Наиболее низкие показатели ИЧР у Чечни (0,799), Еврейской автономной области (0,797) и Республики Тыва (0,772) [7, с. 172]. Хотя, следует отметить,

что в последние годы Республика Алтай, как и остальные регионы страны, демонстрирует устойчивый плавный рост данного показателя.

ИЧР складывается из трех основных показателей – индексов образования, долголетия и доходов. Хотя по индексу образования республика с 2011 г. опережает среднее значение по стране (11 место в 2013 г. среди регионов РФ со значением 0,947 при среднероссийском значении 0,929), по двум другим составляющим ИЧР – индексу долголетия и индексу доходов – регион существенно отстает и занимает места в последней десятке среди 80 рассматриваемых регионов РФ: в 2013 г. 73-ое место по индексу долголетия (со значением 0,706) и 74-ое место по индексу доходов (значение 0,764). Такие значения данных индексов соотносимы с уровнем развития стран третьего мира. Низкие значения индекса долголетия как в целом по России, так и в республике в частности, вызваны неудовлетворительным уровнем развития медицинского обслуживания и склонностью части населения к ведению нездорового образа жизни.

Индекс доходов демонстрирует сильный, хотя и сокращающийся в последние годы, разрыв между благополучными и депрессивными регионами России, при этом следует понимать, что данный индекс не отражает внутрирегионального неравенства населения по доходу [8].

Для анализа социально-психологической компоненты жизни регионального межэтнического сообщества нами привлечены данные рейтинга социального самочувствия регионов России, предоставленные фондом развития гражданского общества. По результатам трех измерений данного рейтинга в 2013 и 2014 гг. Республика Алтай находится на высоких позициях: от 14-го до 39-го места среди 83 проанализированных регионов [9], что позволяет сделать вывод о достаточно высоком уровне оптимизма и субъективного благополучия у жителей республики. Для подтверждения данного тезиса нами привлечены данные массового социологического опроса, проведенного в Республике Алтай сотрудниками ИФПР СО РАН при участии авторов в 2014 г. В рамках этого опроса жители региона действительно продемонстрировали высокий уровень социальной удовлетворенности: 60.1% вполне удовлетворены своей жизнью. Подавляющее большинство выбравших такой вариант ответа в анкете находится в группе опрошенных до 25 лет, а наиболее высокий процент тех, кто не вполне доволен или совсем не доволен жизнью, в группе людей старше 60 лет. Если же говорить об уровне удовлетворенности жизнью в этническом разрезе, то наиболее высокий уровень удовлетворенности жизнью продемонстрировали казахи и проживающие в республике представители народов Средней Азии: от 70% до 85% вполне удовлетворенных своей жизнью. Русские, представители КМНС и алтайцы были более сдержанны в оценке (от

50% до 65% удовлетворенных и от 25% до 32% не совсем удовлетворенных жизнью).

Содержательно разворачивая понимание социального самочувствия посредством анализа распределений ответов на вопрос об удовлетворенности конкретными сторонами жизни, отметим, что более половины опрошенных довольны своими жилищными условиями (66%), содержанием работы (50%) и работой учреждений образования (51%). К самым «болезненным точкам» относится уровень доходов респондентов: им довольны 32%, не совсем довольны 38% и не довольны 25%. При этом большинство опрошенных субъективно оценили свой достаток как средний (58%), а четверть алтайцев и русских считают себя малоимущими. Медицинским обслуживанием довольны 39%, не совсем довольны – 33%, не довольны – 23%. Работой местных органов власти довольны 32%, не совсем довольны 37% и не довольны 21%. При этом наибольшее число недовольных данным фактором оказалось среди русских (не совсем довольны – 45%, не довольны – 21%) и алтайских респондентов (не совсем довольны 38%, не довольны – 29%), а также опрошенных из числа КМНС (не совсем довольны – 32%, не довольны – 23%). Если говорить о социальной напряженности как одной из компонент социального самочувствия жителей региона, то развитие туристической отрасли на Алтае, по данным нашего опроса, является одной из областей такого напряжения: респонденты обеспокоены увеличением потока туристов, загрязнением природы, а также тем, что под туристические базы выкупаются большие площади земли, в том числе культурно значимые, знаковые для алтайцев места [10].

В целом высокие значения рейтингов социального самочувствия и уровня удовлетворенности жизнью позволяют сделать вывод о достаточно значительном уровне оптимизма и субъективного благополучия у жителей республики даже в современных сложных социально-экономических условиях. Можно предположить, что данные результаты свидетельствуют и о низком уровне притязаний жителей региона, из-за которого существующее положение дел воспринимается как хорошее.

Список литературы

1. Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 70-78.

2. Персидская О.А. Этноэкономический уклад в жизнедеятельности регионального межэтнического сообщества // Сибирский философский журнал. 2017. Том 15, №1. С. 139-148.

3. Численность и размещение населения: Стат. Сборник Алтайстат – г. Горно-Алтайск, 2012. 66 с.

4. Угрозы национальной безопасности в процессе идентификации жителей Республики Алтай в контексте полиэтнического и поликонфессионального социокультурного пространства региона / С.Ю. Асеев, Т.А. Асеева, Д.А. Казанцев, О.С. Киреева, Я.Ю. Шашкова. – Барнаул: Си-пресс, 2016. 64 с.

5. Основные показатели социально-экономического развития Республики Алтай за январь-декабрь 2016 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://altai-republic.ru/economy/overview-of-socio-economic-situation/social_economic_development_january_december_2016.pdf (дата обращения: 19.06.2017).

6. Ерохина Е.А., Мадюкова С.А., Персидская О.А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // Философия образования. 2015. № 1 (58). С. 165-177.

7. Доклад о человеческом развитии в РФ за 2015 год / Под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с.

8. Доклад о человеческом развитии в РФ за 2014 г. / Под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. 204 с., ИРЧП субъектов Российской Федерации [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/ИРЧП_субъектов_Российской_Федерации#cite_note-autogenerated3-4 (дата обращения: 19.06.2017).

9. Рейтинг социального самочувствия регионов России. Третий выпуск [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/63> (дата обращения: 19.06.2017).

10. Мадюкова С.А. Национальная политика и туризм в Республике Алтай // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 4. С. 188-201.

ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

TRANSFORMATIONS OF CIVIL ACTIVITY IN MODERN SOCIETY

Е.В. Мамурков
Иркутский государственный университет
E.V. Mamurkov
Irkutsk State University

Раскрываются особенности трансформации гражданской активности в современной России. Показываются условия и формы изменения социального пространства под влиянием гражданских инициатив.

This article reveals the features of the transformation of civil activity in modern Russia. The conditions and forms of changing social space are shown under the influence of civil initiatives and further forms of its change are analyzed.

Ключевые слова: гражданская активность, гражданские движения, гражданское общество, Россия, трансформация

Keywords: civil activism, civil movements, civil society, Russia, transformation

Гражданская активность основана на принципах полной добровольности и свободы участия. Она предполагает реализацию воли и чувств активистов в решении вопроса, изменении ситуации, обозначении своей позиции и т.д. При этом еще в середине XX в. гражданская активность предполагала отстаивание своих политических или гражданских прав, в большей степени лежала в правовом поле доступа к каким-то благам (образованию, культуре, профессии, территории и т.д.). Сегодня гражданская активность направлена на изменение качества состояний и явлений общественного развития [1]. Это выражается в отстаивании экологических интересов; равного доступа к ресурсам воды, ископаемых и т.д.; интересов сексуальных меньшинств, детей, инвалидов, пенсионеров; жителей стран, городов, районов, и многое другое.

Сегодня гражданская активность имеет не столько конечную цель достижения чего-либо. Внимание акцентировано на процессе получения этого блага. Не только результат имеет значение, но и этапы его получения, инструменты использования и проч. Как указывает О.А. Полюшкевич, по-разному реализуется социокультурная преемственность развития общественного сектора и отдельно сектора активистов [2]. Более того, как справедливо замечает В.А. Скуденков, изменяется форма и контекст реализации социального лидерства [3].

В связи с этим весной 2017 г. мы провели экспертное исследование оценки качества гражданской активности сегодня и двадцать лет назад среди лидеров некоммерческих организаций разного уровня. В исследовании приняли участие 36 человек в возрасте от 35 до 75 лет, 18 мужчин и 18 женщин, все они занимают руководящие посты в общественных организациях Иркутской области.

Т а б л и ц а 1

Характеристика качества гражданской активности (в%)

Характеристика	Критерий оценки	20 лет назад	Сегодня
Нацеленность	На результат	70	35
	На процесс	30	65
Оценка повседневной деятельности активистов (процесс)	Высокая	10	30
	Средняя	50	40
	Низкая	40	25
Оценка эффективности работы активистов (результат)	Высокая	35	10
	Средняя	55	50
	Низкая	10	40

Представленные данные показывают интересную картину. Большинство экспертов говорят, что гражданская активность существенно изменила свой формат за последние 20 лет.

Нацеленность гражданской активности поменялась на 180 градусов. Еще 20 лет назад активисты в 70% случаев работали на результат, сегодня таких лишь 35%. Сегодня ставят во главу угла процесс своей деятельности 65%, 20 лет назад таких было 30%. Скорее всего, это можно объяснить тем, что изменились условия и качество реализации гражданской активности в современном обществе, среда другая, поэтому и задачи активистов носят иной характер, нацеленный на решение повседневных обыденных задач, а не решение проблем «мирового характера».

Оценка повседневной деятельности активистов (как процесс) тоже трансформировалась. 20 лет назад высоко ее оценивали 10%, средне 50% и низко 40%. Сегодня же высоко ее оценивают 30%, средне 40% и низко 50%.

Оценка эффективности работы активистов (как результат) также трансформировалась. 20 лет назад высоко ее оценивали 35%, средне 55% и низко 10%. Сегодня же картина иная – высоко ее оценивают 10%, средне 50% и низко 40%.

Данные изменения носят системный характер. Они не возникают случайно, так как гражданская активность – это отражение социальной активности, общественного развития и социокультурной динамики в конкретный исторический период. Приведем примеры высказываний наших экспертов: *«Когда наша организация только создавалась, мы все горели великими идеями изменения системы, отстаивания прав граждан, а сегодня наша функция – отслеживать легальность и ненарушение хода избирательного процесса во время выборов и подсчета голосов. А все остальное – это громкие слова. Время героев прошло. Сейчас время мирных старателей»* (Т.Ю., руководитель правозащитной организации). *«Гражданская активность всегда соответствует своему времени. То, что было 20 лет назад, и то, что есть сейчас – это два разных мира, поэтому говорить об одинаковых целях и способах их достижения не приходится»* (Н.О., руководитель некоммерческой экологической организации). *«Изменились люди, да и само общество кардинально поменялось за эти 20 лет, поэтому и формы проявления гражданской активности – совсем другие»* (М.Е., руководитель регионального представительства общероссийского движения доноров крови).

Гражданская активность – это динамичный социальный процесс, зависящий как от изменения социальной системы, так и трансформации ценностей и установок своих членов. За последние 20 лет ориентиры

гражданской активности кардинально поменялись, следовательно, механизмы и задачи построения гражданского общества также претерпевают изменения.

Список литературы

1. Социально-политические основы развития гражданского общества: учеб. пособие / Л.Н. Батьянова, Р.В. Иванов. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 136 с.
2. Полюшкевич О.А. Солидарность поколений: монография. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. 168 с.
3. Скуденков В.А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. №2. С. 180-184.

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ДЕТЕЙ-ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ¹

THE SOCIAL ROLE OF CHILDREN-CONSUMERS IN MODERN SOCIETY

С.Ю. Митрофанова

*Самарский национальный исследовательский
университет им. С.П. Королева*

*S.Y. Mitrofanova
Samara University*

Актуализируется новая роль современного поколения детей – роль потребителей. Дается определение этой роли, обозначены концепции детей-потребителей. Особое внимание уделяется описанию компонентов социальной роли – детей-потребителей. Проблематизируются эпистемологические основания изучения потребления детей.

The article deals with a new role of the modern generation of children – the role of consumers. The definition of this role denoted by the concept of child consumers. Special attention is paid to the description of the components of the social role of child consumers. The Paper problematizes epistemological foundations of the study of children's consumption.

Ключевые слова: дети, дети-потребители, потребление детей, общество потребления

Keywords: children, children, consumers, consumption, children, consumer society

Проблематика детского потребления получает распространение в исследованиях детства, прежде всего, маркетинговых. Одна из базовых ценностей общества потребление – это постоянное приобретение и потребление

---

¹ Выполнено при поддержке РГНФ (грант № 16-06-00792а, Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус 2016-2018).

товаров и услуг. Под «обществом потребления», вслед за В.И. Ильиным, будем понимать совокупность общественных отношений, в которых ключевую роль играет индивидуальное потребление, опосредованное рынком [1, с. 11].

Дети-потребители – это дети, у которых есть определенные возможности выбора в обществе потребления, а также желание и/или необходимость совершить, реализовать этот выбор. Данное понятие можно рассматривать в аспекте, во-первых, социальной роли, во-вторых, социальной категории (социальной группы). В первом случае, «дети-потребители» – это все дети в условиях общества потребления. Во втором случае под понятие «дети-потребители» попадает определенная, достаточно узкая категория детей: дети обеспеченных слоев населения, дети «с золотой ложкой во рту», например, олигархов, «шоузвезд» и т.д.

Д.К. Тихазе и А.С. Курилова указывают на три основные концепции детей-потребителей [2, с. 209]. На наш взгляд, эти концепции имеют отношение именно к социальной роли детей-потребителей. В рамках первой, дети – это активные субъекты в потребительских практиках. Вторая концепция рисует детей как жертв манипуляции потребительской культуры. Третья концепция пытается преодолеть недостатки первых двух, и здесь дети предстают как реальные потребители, одновременно активные и уязвимые в потребительских практиках.

Принимая в качестве рабочей последнюю трактовку, остановимся подробнее на описании социальной роли детей-потребителей. В содержании любой роли, в том числе и роли ребенка-потребителя, выделяют следующие элементы: социальные действия, социальные ожидания и социальные нормы [3]. Ролевые действия ребенка-потребителя – это любые его действия, выборы, которые он совершает именно как потребитель. Выбор ребенка в данном случае понимается предельно широко, как определение того, какой из различных вариантов он принимает в определенных условиях. Выбор ребенка-потребителя проявляется в том, например, смотрит он или «переключает» рекламу, которую показывают телевизионные каналы, какие мелкие бытовые сделки совершает, а какие – нет: что он покупает или не покупает, дарит или не дарит и т.д. Интерес в связи с этим представляет сам механизм этого выбора.

На социальные действия ребенка-потребителя, как правило, оказывают влияние социальные ожидания и социальные нормы общества. Социальные ожидания – это то, какие выборы может (допустимы)/должен совершать ребенок в данном обществе в соответствии с рядом особенностей как самого общества потребления (специфика его социально-экономической, политической, этнической, религиозной и других структур), так и ребенка (пол, возраст, тип семьи, этничность и т.д.). Например, от ребенка-потребителя

общество может ожидать, что он будет с легкостью пользоваться новыми цифровыми технологиями, требует удовлетворения своих потребностей по принципу: «здесь и сейчас», следит за новинками, умеет получать удовольствие от рекламы.

Социальные нормы, регулирующие ролевые действия детей-потребителей, представляют собой некие нормативные образцы данной роли, правила, регулирующие исполнение роли потребителя детьми, правила поведения детей-потребителей. В качестве нормативных образцов социальной роли ребенка-потребителя можно выделить, например, желание быть потребителем. Особое значение имеют нормы права как разновидность социальных норм, регулирующих поведение ребенка-потребителя.

В ролевом наборе современного ребенка роль потребителя одна из основных. То, насколько успешно ребенок усваивает эту роль, будет показателем его адаптированности к быстро изменяющимся условиям современного общества потребления, его ценностям. Важным сегодня становится степень подкованности, информированности ребенка в вопросах реализации своих прав, и в том числе прав потребителя. В этом плане актуальны работы С.Н. Майоровой-Щегловой, ориентированная, в первую очередь, на детскую аудиторию [4; 5].

Несмотря на то, что продолжается рост интереса не только со стороны зарубежных, но и отечественных ученых к теме детского потребления, D.Cook отмечает, что сегодня проблематика детского потребления остается «непрощеным гостем на вечеринке, устроенной Новой Парадигмой детства, заявившей о себе чуть более 20 лет назад» [6, с. 423]. Несмотря на все многообразие эмпирических исследований в области детского потребления, эпистемологические основания изучения потребления детей не совсем удачно вписываются в современные толкования детей как социальных акторов и реальных участников общественной жизни. Исследование потребительских практик детей предполагает осознание того влияния, которое процессы коммерциализации оказывают на детство как социальный феномен. Это требует признания детей субъектами, оказывающими влияние на покупки, совершаемые их родителями в настоящий момент времени и на их собственные покупки в будущем, порождая явление так называемого «отложенного спроса». Но, с другой стороны, дети выступают объектами манипуляции тех, кто как бы «извне» формируют у них определенные потребности и, как следствие, спрос на определенные товары и услуги, «управляет» желаниями детей и, в итоге, их покупками. Дети-потребители в этом контексте предстают как те, кого легко обмануть, кем манипулируют и вводят в заблуждение маркетологи, рекламисты, производители, кто

находится под постоянным и непосредственным их влиянием и не способен к самостоятельному выбору. Такая трактовка детей-потребителей противоречит современному пониманию детей как социальных акторов, исходящему из признания значимости голоса самих детей, их субъектности, компетентности. В связи с этим концепт «дети-потребители» не является лишь «добавкой» к уже существующей теории детства. Daniel Thomas Cook отмечает, что понятие «ребенок потребляющий» открывает новые концептуальные горизонты в эпистемологии исследований детства [6, с. 423]. Но какова бы ни была наша оценка детского потребления как работающего на субъектность или объектность детства, на активность детей в культуре потребления или их уязвимость, и, в целом, как позитивного или негативного явления, мы вынуждены признать, что потребление детей – это неизбежная часть жизни современного общества.

Список литературы

1. Ильин В.И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структуризация повседневности общества потребления. СПб.: Интерсоцис, 2007. 388 с.
2. Тихазе Д.К., Курилова А.С. Дети и потребительская культура в современных социологических концепциях / Дети и общество: социальная реальность и новации. Сб. докладов на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: РОС.2014.С. 208-213.
3. Кравченко А.И. Социология: Общий курс: Учебное пособие для вузов. – М.: ПЕРСЭ; Логос, 2002. 640 с.
4. Щеглова С.Н., Васильева Н.В., Кочнев С.В. Права ребенка на защиту от экономической эксплуатации: социологический анализ. Москва: Изво Социум. 2001. 84 с.
5. Щеглова С.Н. Мои права: взгляд подростка (Что рассказали подростки, отвечая на вопросы социолога о соблюдении прав детей в России). М.: Моск. гуманитар.- соц. акад., 2001. 31 с.
6. Cook D. Taking exception with the child consumer // Childhood. 2013. № 20(4). Pp. 423-428.

**ПАТРИОТИЗМ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**
PATRIOTISM AS A STRUCTURAL ELEMENT OF NATIONAL IDENTITY

А.Н. Осянин

Нижегородская академия Министерства внутренних дел РФ

A.N. Osyenin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Рассматриваются национальная идентичность, роль патриотизма в ее становлении, а также особенности патриотических установок в современном российском обществе.

We consider national identity, the role of patriotism in its development, as well as the peculiarities of patriotic attitudes in modern Russian society.

Ключевые слова: национальная идентичность, патриотизм, патриотическое воспитание

Keywords: national identity, patriotism, patriotic education

В современной гуманитарной науке можно наблюдать достаточно широкую полемику, посвященную вопросам идентичности в разных формах ее проявления, формированию патриотизма у граждан, а также соотношению указанных понятий.

Исследовательские работы, посвященные идентичности, позволяют выделить схожие по смыслу термины, описывающие различные проявления таковой. К указанным понятиям можно отнести такие, как «российская идентичность» (Н.Л. Иванова, В.А. Ильин), «государственная идентичность» (Е.М. Арутюнова, Л.М. Дробижева, Н.Л. Иванова, Г.Б. Мазипова, С.П. Перегудов, В.А. Тишков), «этническая идентичность» (Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова), правовая идентичность [1]. В процессе социализационных и адаптационных процессов человек приобретает указанные типы идентичности и формирует из них общую систему социального становления личности, хотя исследователи фиксируют различия в указанных видах идентичности.

Понятие «национальная идентичность» является универсальным и изучается на стыке политологии, социологии, культурологии, истории, этнологии и искусствоведческой области [2]. Идентичность, по мнению исследователей, включает в себя «общую память о прошлом, сознание преемственности, общей судьбы данного единства и его культуры, а также субъективное восприятие и понимание общего прошлого каждым поколением – этноисторию этого коллектива...» [3, с. 156]. Таким образом, основным

объектом национальной идентификации выступает этнос как устойчивая совокупность людей, сформировавшаяся в процессе этногенеза, а появление национальной идентичности связано с дальнейшей эволюцией процесса этнизации. Национальная идентичность при этом выполняет социально-политическую функцию, содержанием которой выступает объединение этносов и достижение общей цели. В данном контексте национальная идентичность предполагает отождествление индивида с определенным идентификационным пространством государства, политическим и культурно-историческим сообществом, выступая универсальным способом объединения всего населения. При этом в таких регионах РФ, как Северный Кавказ предпочтение отдается этнической, а не национальной идентичности, в результате чего население не идентифицирует себя с собирательным образом «россияне» [2]. При этом социально-политическая действительность требует организации межэтнического диалога на основе развития национальной идентичности. Упор при этом нужно делать на интеграцию различных видов идентичностей (этнической, региональной, конфессиональной, гражданской и др.), а не их дифференциацию. В противном случае, активное развитие могут получить так называемые контр-идентичности, которые несут в себе такие ориентации, как классовая, местническая, этническая, «теневая», сепаратистская. Они являются порождением воли и интересов частных сил, стимулируют социальные колебания настроений, начинающиеся со слабых социальных возмущений и способные перерасти в массовые беспорядки. Результатом может быть обесценивание национального гражданства и целостности, размывание основ национальной идентичности и гражданственности, рост сепаратистских настроений.

В качестве структурного элемента национальной идентичности должно выступать формирование патриотизма, который будет нивелировать давление частных идентичностей граждан, а также «внешних» (например, космополитических, глобалистских) [4]. Российское общество является поликультурным и поликонфессиональным, поэтому система патриотического воспитания должна носить надэтнический характер. Процессы национальной идентификации общества должны проходить с опорой на чувство национального патриотизма, что даст возможность представителям различных конфессий называть себя россиянами и воспринимать Россию в качестве своей Родины [5]. Предотвращение социальных конфликтов, сохранение и наращивание человеческого и экономического потенциала страны, а также поддержание ее конкурентоспособности должно стать содержанием патриотизма гражданского, который основывается на социокультурной инновации и опирается на политико-правовой процесс. Реализация данной

версии патриотизма возможна в рамках модернизации партийно-парламентской культуры, которая позволит на законодательном уровне, а впоследствии в рамках правительственной политики продвигать наиболее значимые интересы различных слоев населения.

В настоящее время в качестве основных методов формирования патриотизма выступает милитаризм и демонстрация военной мощи государства, создание образа внешнего «врага», формирование лояльности к существующему политическому режиму, использование упрощенно-патриотических идеологем в духе советских традиций. При этом национально-патриотические взгляды населения имеют довольно поляризованный характер: от радикально националистических с лозунгами «Россия для русских» до умеренно националистических с ориентацией на национальную культуру и специфику России. К патриотам относят себя три четверти граждан умственного труда, при этом половина таковых выступает с националистической версией патриотизма, воплощенной в идее возвращения России статуса великой державы. Характерной особенностью современного российского патриотизма выступает его созерцательный, пассивный характер. Миллионы россиян отвергают свою ответственность за будущее страны, тогда как в основе патриотизма лежит сопричастность и ответственность за происходящее в стране. Надежды на изменение к лучшему граждане традиционно связывают с носителем верховной власти – президентом, показателем чего выступает его традиционно высокий рейтинг и объем обращений со стороны населения в моменты прямых линий [6, с. 146-150].

Патриотизм постсоветской России представляет собой многогранное и многоаспектное явление, которое содержит в себе многозначное и противоречивое смысловое наполнение. Выступая одним из основополагающих элементов национальной идентичности, патриотизм направлен на создание и закрепление единой российской нации. Задача патриотизма состоит в идентификации и интеграции населения вне зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности, способствуя тем самым сохранению единства страны и установлению гражданского согласия в поликультурном обществе.

Список литературы

1 Безгина Н.В. «Гражданская идентичность» как компонент в социальном становлении человека // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. №2. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-kak-komponent-v-sotsialnom-stanovlenii-cheloveka> (дата обращения: 01.10.2017).

2 Кокумбаева Л.А. Национальная идентичность как междисциплинарное понятие современной гуманитаристики // Известия АлтГУ. 2007. №4-2. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-identichnost-kak-mezhdistsiplinarnoe-ponyatie-sovremennoy-gumanitaristiki> (дата обращения: 01.10.2017).

3 Зотова О.М. Идея европейского единства и национальная идентичность // Вестник МУ. Серия социологии и политологии. 1999. №3. С. 154-162.

4 Учебно-методическое объединение по классическому университетскому образованию [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.umo.msu.ru/russia_xxi_new/book/section0214.html (дата обращения: 01.10.2017).

5 Ешев М.А. Российский патриотизм как основа национальной идентичности // Власть. 2013. №6. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-patriotizm-kak-osnova-natsionalnoy-identichnosti> (дата обращения: 01.10.2017).

6 Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142-151.

**СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ШКОЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ
В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
FORMATION OF INSTITUTE OF SCHOOL MEDIATION
IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION**

Е.С. Плотникова

Нижегородский институт развития образования

E.S. Plotnikova

Nizhny Novgorod Institute of the Education Development

Рассматривается вопрос становления института медиации в системе образования. Изучается реализация медиативного подхода в образовательных организациях Нижегородской области.

The question of formation of institution of mediation in an education system is considered. Realization of the mediation approach in educational institutions of the Nizhny Novgorod Region is studied.

Ключевые слова: медиация, школьная служба медиации, образовательная организация, конфликт

Keywords: mediation, school service of mediation, educational organization, conflict

В настоящее время происходит становление новых социальных институтов, создаваемых с целью решения острых социальных проблем

современного детства, а также оказания социально-педагогической помощи несовершеннолетним. Один из таких институтов – школьная медиация как метод, который применяется для разрешения споров и предотвращения конфликтных ситуаций между участниками образовательного процесса в качестве современного альтернативного способа разрешения споров [1].

В Нижегородской области на сентябрь 2017 г. в 352 образовательных организациях (ОО) были созданы службы школьной медиации.

Педагогические работники Нижегородской области могут пройти курсовую подготовку (курсы повышения квалификации, профессиональную переподготовку) в НИРО, Центре дополнительного образования НГПУ им. Козьмы Минина, ННГУ им. Л.Н. Лобачевского.

На базе НИРО были открыты инновационные площадки в образовательных организациях г. Дзержинска, Сосновского района.

В качестве нормативно-правового основания развития медиации в системе образования выступают следующие документы:

- Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»;
- Концепция развития до 2017 г. сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации утвержденная распоряжением Правительством РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р.;
- Методические рекомендации по организации служб школьной медиации в образовательных организациях № ВК-54/07вн от 18 ноября 2013 г.;
- Приказ Министерства образования Нижегородской области «О создании служб школьной медиации (школьных служб примирения)» №149 от 24.01.2017 г.;
- Локальные нормативные правовые акты: приказ директора, устав, положение.

Алгоритм внедрения школьной службы медиации в муниципальном образовании (из опыта работы управления образования Нижегородской области) выглядит следующим образом:

1. Подготовка нормативно-правовой документации (согласно перечню);
2. Проведение совещаний для директоров школ;

3. Информационная работа с родителями на родительских собраниях кураторов (психологи и социальные педагоги);

4. Создание Рабочей группы и разработка отчетной документации (протокол по результатам урегулирования конфликтов, Положение о службе медиации, приказ о службе медиации в школе и другие типовые документы);

5. Электронная рассылка по ОО нормативно-правовой документации, отчетной документации, программы подготовки детей;

6. Составление четкого алгоритма работы (обучение кураторов и медиаторов);

7. Обучение всех педагогов-кураторов этих служб на местах (всеобщее обучение);

8. Подготовка медиаторов (детей);

9. Мониторинг Министерства образования Нижегородской области.

Школьные службы медиации организуются в образовательных организациях с целью решения конфликтных ситуаций, в которые вовлекаются дети, а также научить несовершеннолетних бесконфликтному решению споров.

Латентные функции данных служб: создание благоприятной психологической обстановки, повышение квалификации педагогических работников, профилактика асоциальных проявлений, правонарушений, насилия в школьной среде и др.

Существуют «тормозящие факторы» становления института медиации (организационные, субъективные, ресурсные):

1. Вопрос восстановительного правосудия в отношении детей остается без должного внимания в системе образования. В образовательных организациях важна медиация в решении конфликтов разного уровня («обучающийся – педагог», «педагог – педагог», «администрация – педагог», «педагог – родитель»).

2. Убежденность учителей в том, что конфликтов в их образовательной организации нет и работа ведется эффективно благодаря уже налаженной системе в школе. Нежелание педагогов внедрять инновационные технологии из-за непонимания их ценности и слабой мотивации менять что-либо в работе школы.

3. Формальное отношение к технологии, ее девальвация в системе образования, превращение ее в бюрократический и формальный механизм. [2; 3].

4. На наш взгляд, недостаточный уровень образования у медиаторов, реализующих данную технологию на уровне ОО.

Решение данных проблем невозможно без привлечения организационно-управленческих, кадровых, материальных и других ресурсов, а также

качественных и количественных социологических исследований института школьной медиации. Следующим важным этапом его развития считаем дальнейшую проблематизацию медиации в системе образования, межведомственное партнерство в ее реализации, а также создание условий для открытости в деятельности образовательной организации в части защиты прав и интересов детей.

Список литературы

1. Методические рекомендации по организации служб школьной медиации в образовательных организациях № ВК-54/07вн от 18 ноября 2013 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: ourpush.omr.obr55.ru/files/2013/12/Информация.pdf. (дата обращения 20.09.2017).
2. Соловьева С.В., Ершова Е.В. Школьная служба медиации как институт восстановительного правосудия // Вестник ННГУ. 2014. № 3. Ч. 2. С. 212-217.
3. Садовникова М.Н. Школьные службы медиации: риски девальвации и инструменты «реанимации» // Правосудие. Медиация. Социальная справедливость. Сб. материалов научно-практической конференции (10 ноября 2016 г., Москва) / Отв. ред. О.П. Вечерина. М.: ФГБУ «ФИМ», 2016. С 121-124.

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ

THE PROBLEM OF INFORMATION SECURITY OF CHILDREN AS THE RESULT OF THE TRANSFORMATION OF SOCIAL SITUATIONS OF DEVELOPMENT

А.К. Полянина
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.K. Polyaniina
Lobachevsky University

Анализируется взаимосвязь современных тенденций трансформации социальной ситуации развития с проблемой информационной безопасности детства как состояния защищенности нравственно-психологического здоровья, волевых качеств, мотивационно-потребностной сферы и ценностных ориентаций от вредного воздействия информации, препятствующей или затрудняющей формирование и функционирование адекватной основы социального поведения ребёнка, а также адекватной системы его субъективных отношений к окружающему миру и самому себе.

Analyzes modern trends in the transformation of the social situation of development with the problem of information security of childhood as a state of protection of moral and psychological health, willpower, motivational-requirement sphere and value orientations from the harmful effects of information that hinder or prevent the formation and functioning of an adequate basis of social behavior of the child, as well as adequate system of subjective relations to the world and yourself.

Ключевые слова: информация, безопасность, социальное поведение, развитие, психические новообразования, инфосфера, интернет-пространство, информационное насилие

Keywords: information, security, social behavior, development, mental tumors, InfoSphere, cyberspace, information violence

Особый социальный статус детей в структуре общества, обусловленный объективными особенностями детства как социально-возрастной группы, требует соотнесения потребностей данной группы с потребностями взрослого населения, включая так называемые либеральные права и свободы, в том числе право на свободное потребление информации или «свободу слова». Этот объективный социальный статус детей выступает фактором социальной ситуации развития детей, который в целях социального развития признаётся практически всем мировым сообществом. А ограничения прав и свобод взрослого населения в интересах детской группы считаются допустимыми и даже необходимыми.

Система отношений ребёнка и окружающей действительности составляет содержание понятия социальной ситуации развития [1]. Специфика отношений ребёнка и среды определяет весь образ его жизни, его социальное бытие и вектор развития. Социальная ситуация развития выражает динамику всестороннего развития ребёнка и сочетает в себе два важнейших компонента, во-первых – объективный социальный статус (положение) ребёнка в конкретном обществе, во-вторых – субъективное переживания ребёнка сложившихся со средой отношений. Поэтому социальную ситуацию развития называют движущей силой возникновения и изменения структуры личности ребенка, приобретения новых свойств личности – психических новообразований [2]. Возникновение таких психических новообразований означает появление новой ситуации развития и, соответственно, изменение отношений ребёнка и окружающего его мира. В связи с этим особую остроту приобретает состояние информационного пространства, в котором пребывает ребёнок и вся система отношений между ним и действительностью.

Информационный компонент социальной ситуации развития, или информационная среда развития (инфосфера) являет собой специфическую техно-социальную среду, включающую разнообразие информационных

потоков сбора, обработки, хранения и передачи информации. Детское информационное пространство содержит как традиционные формы информации (на бумажных носителях – книги, журналы), которые используют в образовании, в детских СМИ, так и различные формы информационных технологий (ИТ) на электронных носителях экранов – телевизора, компьютера, ай-падов, смартфонов, сотовых телефонов и т.п. Исключительная сила воздействия данных видов информации на детскую психику доказана многократными исследованиями.

Изменения информационной среды как со стороны содержания, так со стороны и формы распространения способны изменять структуру отношений ребёнка и его окружения и способствовать возникновению психических новообразований. Информационное пространство в той или степени является управляемым объектом, трансформируется под воздействием осознанных усилий. Разумеется, нельзя исключать и стихийное изменение информационной среды, порождаемое открытиями в информационно-технологической сфере.

Интернет-пространство есть особый сегмент информационной сферы, который в настоящее время почти целиком охватывает процесс социализации ребёнка, трансформируя традиционные каналы коммуникации и этапы приобщения к той социально и индивидуально важной информации, которая может быть востребована им в жизни значительно позднее (например, натуралистические изображения половых отношений или излишне политизированное освещение фактов и т.д.). Трансформация социальной среды развития вследствие неконтролируемого потребления детьми информации в разнообразнейших формах, начиная от информации на интернет сайтах и кинопродукции и заканчивая детской игрушкой, к которой, к сожалению, пока не применима категория «информационная продукция», ведёт к появлению таких психических новообразований, которые контрастируют с возрастным уровнем развития сознания, значительно опережая его.

Проблема регулирования информационного потока с целью предотвращения отрицательного воздействия информации на психическое и нравственное здоровье детей является ничем иным, как проблемой информационной безопасности детей. Обеспечение информационной безопасности детей и подростков сфокусировано на создании условий социальной ситуации развития. Поскольку информационная безопасность ребёнка является одной из основ его психологической безопасности, необходимо такое состояние среды и условий жизнедеятельности ребёнка, которое предполагает целостность, адаптивные возможности и развитие. Готовность ребёнка адекватно реагировать на неблагоприятные внутренние и внешние воздействия также относится к его информационной безопасности.

Взаимодействие детской группы и взрослых в условиях конкретных «предметно-исторических» аспектов культуры, которое и являет собою социальную ситуацию развития, включает информационный фактор. При этом информационная безопасность предполагает безопасность как в целом социальной ситуации развития ребёнка, так и её компонентов и контекстов, например, средств массовой информации наряду с традиционными – образовательной средой и семейной ситуацией [3]. Создание информационных условий для позитивной социализации личности через воздействие информационной продукции выступает одной из основных целей обеспечения информационной безопасности.

Тесная взаимосвязь информационной безопасности детей и социальной ситуации развития обусловлена особенностями детской психики, нуждающейся в настоящее время в особой заботе. Уязвимость детской психики, её высокая сензитивность, готовность к сохранению впечатлений, не критичность восприятия, внушаемость, сильная способность к эмоциональному отклику, тенденция к подражанию и имитации при неразвитой способности к дифференцированному отношению к реальности, то есть возможности отделить виртуальную реальность от действительной, открывает простор для злоупотреблений со стороны создателей и распространителей информационных продуктов, имеющих, как правило, маркетинговые цели. Проблема информационной безопасности детей актуализируется в случае признания потенциальных угроз их психическому здоровью, развитию и психологическому благополучию со стороны средств массовой информации. Сверхэмоциональная, пугающая, двусмысленная и противоречивая, антисоциальная и ненормативная информация несёт наибольшую опасность. Кроме того, демонстрация девальвации традиционных ценностей затрудняет социальную адаптацию ребёнка и ценностную регуляцию своего поведения, интеллектуальные компетенции которого ограничены возрастом.

Грандиозные темпы развития глобальных информационных и коммуникационных технологий вызывают перенасыщение информацией социальной ситуации развития ребёнка и порождают главную причину неврозов современных детей и подростков. Эволюция информационного пространства современных детей, динамика развития коммуникативных процессов и технологий передачи информации происходят со скоростью, не позволяющей ребёнку полноценно адаптироваться к восприятию информации в ущерб анализу и фильтрации негативного контента. В результате наблюдается трансформация социальной ситуации развития ребёнка под воздействием феномена, которое можно назвать «информационным насилием» или принуждением к потреблению информации.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
2. Абраменкова В.В. Социальная психология детства [Эл. ресурс] Режим доступа: <http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2015/07/15.pdf> (дата обращения: 10.09.2017).
3. Карабанова О.А. Понятие «социальная ситуация развития» в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. № 4. С. 40-56.

БРЕНД В СТРУКТУРЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ BRAND IN THE STRUCTURE OF TERRITORIAL IDENTITY

М.В. Попова

Иркутский государственный университет

M.V. Popova

Irkutsk State University

Раскрываются условия и формы развития бренда территории, приводятся результаты исследования формирования территориальной идентичности и места бренда в ней.

The article reveals the conditions and forms of development of the brand of the territory, gives the results of the study of the formation of the territorial identity and the place of the brand in it.

Ключевые слова: бренд, территория, идентичность, солидарность, эмпатия

Keywords: brand, territory, identity, solidarity, empathy

Формирование бренда территории создает условия для развития потенциала региона, роста эффективности его использования, повышения конкурентоспособности территории. Продвижение бренда способствует росту его узнаваемости, а, следовательно, росту числа потенциальной целевой аудитории (инвесторов, туристов, потребителей товаров и услуг, предпринимателей и т.п.).

В разработке бренда территории должны принимать участие региональные общественные организации, бизнес-сообщества и представители средств массовой информации, жители региона. Территориальная идентичность строится на осмыслении взаимосвязи того места, где живет человек, и его самовосприятия, понимания, кто он, как и зачем живет. Задача тех, кто разрабатывает бренд территории, выявить, подчеркнуть и сфокусировать

внимание жителей региона и жителей соседних областей на том, кто МЫ и КАК живем, какие силы, ресурсы и перспективы есть у нас. Какова сила идентичности и самосознания, взаимосвязи с местом и территорией.

Бренд в данном случае выступает связующим звеном самовосприятия, групповой идентичности, он конструирует формы и смыслы социальной эмпатии [1], определяет трансформации социальной идентичности и консолидации общества во времени и пространстве. Бренд является консолидирующим элементом социального воспроизводства на муниципальном, региональном и федеральном уровне. Вопрос в том, какие формы (ресурсы, инструменты и прочее) будут способствовать подкреплению территориальной идентичности, а какие будут вызывать раздражение и агрессию. Важно найти глубинные основы идентификации с территорией и на ее основе строить брендинг пространства.

В анкетном опросе приняли участие 1600 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 55% женщин и 45% мужчин, имеющих разный уровень образования, места жительства и социально-экономического статуса. Нами было проведено 6 фокус-групп, в которых приняли участие 48 человек (каждая группа состояла из 7-9 человек). Для фокус-групп привлекались представители различных социальных групп, опрошенных в ходе анкетного этапа исследования.

В результате исследования мы выяснили, что большинство представителей социально-экономических групп не имеют четкого представления, что такое бренд территории и зачем он нужен. Более того, не знают не только обыватели, но и люди, включенные в работу органов власти, образования, НКО. А это является показателем отсутствия информации и соответствующей работы органов власти с общественным мнением.

Знают и могут аргументированно рассуждать о преимуществах того или иного бренда: *«Бренд территории – это стратегия развития области, региона, страны. Он напрямую зависит от сложившегося имиджа и целей государственного развития территории»* (О.Л., 28 лет, педагог высшей школы); *«Бренд территории – это ресурс развития как локальных территорий, так и пространства государства, континента, мира»* (М.С., служащий, 40 лет); *«Бренд территории – это имидж привлекательности того или иного региона, который может быть созданным искусственно, или же сложившимся естественно в ходе исторического развития»* (Д.Р., 33 года, НКО).

Знают, но объяснить не могут: *«Ну как сказать – это то место, которое узнаваемо всеми»* (Т.Ю., 40 лет, домохозяйка); *«Бренд территории – это сказки об этой территории, о которых все знают, но постоянно слушают вновь»* (Е.К., 44 года, бизнес); *«Это уровень развития территории»* (А.В., 60 лет, пенсионер).

Не знают, что такое и не могут объяснить: «*Бренд территории – не знаю что такое, зачем он нужен*» (М.Ю., 35 лет, майор полиции); «*Это власти что-то опять придумали, чтобы деньги отмыть*» (Н.Е., 47 лет, служащий); «*Лучше бы зарплаты повысили, а не тратили деньги на неизвестно что*» (Г.Д., муниципальный служащий, 51 год).

Отвечая на вопрос, что объединяет жителей Байкальского региона, мы получили три блока ответов: природа, культурно-религиозные традиции и мифология. Объединяющая территориальная символическая идентичность, которая может стать основой формирования бренда Байкальского региона, строится на исторических условиях формирования среды, реальных природно-климатических характеристиках и мифологии автохтонного населения, которую переняли и новые переселенцы, которые сегодня являются основными жителями рассматриваемой территории. По мнению О.А. Полюшкевич, социокультурные основы социального пространства территории являются условием солидарности людей вне контекста времени [2]. Именно это, на наш взгляд, является условием единства Байкальского региона.

Наши респонденты, говоря о природе, которая объединяет жителей и ассоциируется с данной территорией, говорили *о реках* – 55% (Ангара, Иркут, Китой, Селенга), *об озере Байкал*; *о тайге* – 35% («Сибирская тайга», «тайга Восточной Сибири», «Прибайкальская тайга», «Байкальская тайга»); *о степи* – 10% («Бурятская степь», «Забайкальская степь»).

Рассматривая культурно-религиозные традиции, говорили *о национальных праздниках* – 65% (Сагаалган, Сурхарбан); *ритуалах шаманов* – 35% («помощь духов при лечении болезни», «гадания шаманов», «привлечение удачи и помощи через посредников шамана»).

Говоря о мифологии, касались *мифов народов*, живущих на территории региона – бурят, эвенков, тофов и других – 95% («Сага о Гэсэре», «Эхэ Бурхан», «Наран», «Хара», «Торганай» и т.д.).

Интересно, что социально-культурные и природные условия жизни региона консолидируют жителей, а социально-экономические, наоборот, разобщают. Говоря о перспективах своей жизни и жизни своих детей в Байкальском регионе, более трети всех респондентов хотели бы уехать (вне зависимости от субъекта РФ).

Относительно равномерное распределение среди тех, кто хотел бы остаться и уехать только в Республике Бурятия; 60% жителей Забайкалья хотели бы уехать, 25% жителей Иркутской области. Это говорит о том, что данная территория не является привлекательным ресурсом для жизни для существенной части жителей региона. Среди причин, по которым жители хотели бы уехать, назывались в основном социально-экономические.

«Какое будущее у моих детей, если я не могу дать им нормальное образование, не могут создать комфортные и безопасные условия для жизни?» (А.С., 32 года, врач); «Зарплата низкая, работы нет, жилье – недоступно, только в кредит, я бы хотела уехать и жить по-другому» (Я.Я., 27 лет, волонтер НКО). «Для моих детей и внуков я не вижу тут перспектив, мне – тут умирать, а им надо уезжать» (Н.Г., 68 лет, пенсионер); «Я люблю территорию, где родилась, но вижу, что для молодежи тут нет будущего, хотелось бы вернуть советское прошлое, когда все строилось и развивалось, но, увы – это невозможно» (О.Д., 53 года, инженер).

Мы выявили достаточно сложные условия для конструирования бренда территории. В силу того, что социально-экономические условия формируют негативные установки по отношению к территории, строить концепцию бренда территории стоит на основе положительных образов и символов территориальной принадлежности – это природно-климатические и географические условия и национально культурным и историческим условиям и традиции.

По нашему мнению, базовым звеном территориальной идентичности и бренда территории являются национально-культурные условия жизни. Социально-экономический фактор жизни должен вписываться в данные рамки, чтобы жители могли ценить то, где и как они живут, несмотря на социально-экономические неудобства и преграды. Последнее, безусловно, не означает, что привлечение инвестиций и развитие инфраструктуры региона необходимо приостановить. Наоборот, без развития этого направления национально-культурное не получит должной поддержки и одобрения как со стороны официальных органов власти, так и среди обывателей.

Таким образом, территориальная идентичность – это конструкт, который может регулироваться формированием бренда города или территории, поддерживаться и управляться социальным развитием отдельной территории или всей страны.

Список литературы

1. Попова М.В. Бренд как фактор территориального развития // Социальные проблемы и безопасность российских регионов: материалы второго Байкальск. научн. соц. симпоз. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 157-162.
2. Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 3-18.

ФОРМИРОВАНИЕ МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ FORMATION OF MASS PROTESTS IN MODERN RUSSIA

И.В. Привалов

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.V. Privalov

Lobachevsky University

Анализируется процесс развития протестных настроений в обществе, вероятность их возникновения и поддержки населением, а также интерес к акциям протеста. Выводы строятся на основании вторичного анализа данных исследования ВЦИОМ «Электоральная панель», ВЦИОМ «Спутник» и собственного исследования «Политические установки нижегородских студентов».

This paper analyzes development of protest in modern society, the potential for conflict and popular support of protests. Finding based on secondary analysis of existing research: «Electoral panel» VCIOM, «Satellite» VCIOM, and my own reaserch «policies of students in Nizhny Novgorod».

Ключевые слова: массовые протесты, митинг, политика, протестный потенциал, социальное самочувствие, власть, оппозиция

Keywords: mass protests, rally, policy, protest potential, social health, government, opposition

Массовые акции гражданского протеста, проходившие в некоторых регионах России в 2011-2012 гг. и начале 2017 г., актуализировали задачу не только и не столько изучения отдельных акций, сколько понимания и осмысления закономерностей развития массового протестного движения, выявления факторов, влияющих на различные сценарии этого развития.

Есть мнение, что протестное поведение является разновидностью политического участия, особенностью которого может являться публичное выражение индивидом или группой недовольства существующей социально-политической системой или отдельными результатами ее функционирования через разнообразные формы протестной активности [1]. Однако, стоит рассматривать протестную активность как более сложный процесс, динамичный и поэтапный.

Так, протестные отношения и соответствующая политическая культура в современной России формируются, прежде всего, начиная с неудовлетворительного социально-экономического самочувствия населения в целом [2], и только когда негативное восприятия курса развития государства

переходит в готовность выразить свое недовольство в активной фазе, имеет смысл говорить о протестном потенциале.

Очевидно, что вопрос о правильности текущего направления дел в стране неразделим с политическим контекстом, и любопытно в данном случае посмотреть, кто является людьми наиболее реактивными, дающими нейтральные и радикальные оценки текущего состояния страны.

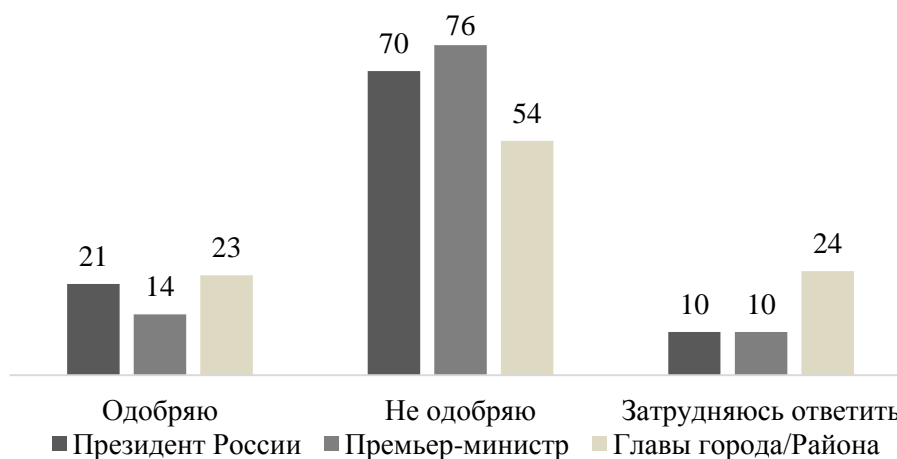

Рис. 1 Одобрение работы следующих представителей власти теми, кто не доволен положением дел в стране, %.

Среди тех, кого устраивала ситуация в стране, уровень одобрения распределялся схожим образом, как и по выборке в целом (рис. 1). Иная ситуация с тем, кто считает, что дела в стране идут неправильно. Они одинаково не одобряют все представленные институты власти, но сменились пропорции, в этой группе федеральная власть в лице президента и премьера не одобряется значительно выше (70% и 76% соответственно), чем местная власть – 54%. Эти люди настроены не лояльно в первую очередь к первым лицам государства, полагая, что ситуация в стране неправильная именно по их вине.

При выборе поддержки власти или оппозиции население в основном склонно к одобрению действующей власти – 55% в той или иной степени её поддерживают. Оппозиция находит поддержку у 13% населения. Подобная ситуация типична для стабильного общества, процент недовольных властью невысок, если бы он был значительно выше, то можно было говорить о нестабильности обстановки в стране. Но по замерам ВЦИОМ [3], подобных тенденций не наблюдалось в 2011-2012 гг. (максимальный уровень протестных настроений), не наблюдается и сейчас [4; 5]. Ситуация невысокого протестной активности соотносится с высоким уровнем доверия к правительству и Президенту. На абсолютную поддержку власти готовы 16%, это также в 4 раза больше тех, кто безоговорочно поддерживают оппозицию. Повышен уровень тех, кого в равной степени не устраивает ни власть, ни оппозиция – это пятая

часть населения, и подобная позиция связана, отчасти, с отсутствием мнения по этому вопросу как такового, это не принципиальный подход.

Рис 2 Готовность поддержки власти или оппозиции в зависимости от интереса к политике, %.

Этот вывод наглядно иллюстрирует связь между одинаковой неудовлетворенностью властью и оппозицией и отсутствием интереса к политике вообще (Рис. 2). Так, половина заявляющих об отсутствии интереса к политике выражает и свое недовольство и властью, и оппозицией. Вообще в случае выбора противоборствующих политических сил интерес к политике является определяющим. Безусловная поддержка характеризуется повышенным интересом к политике. Абсолютное большинство тех, кто готов поддержать оппозицию, интересуются политикой, среди тех, кто поддерживает действующую власть, соотношение не такое явное, но это нормальное явление, когда люди, не интересующиеся политикой, поддерживают власть, желая оставить все как есть, а разбирающиеся в политике, по определению, будут иметь более широкий спектр мнений по различным вопросам.

Рассматривая протестную активность в контексте современного российского общества, необходимо отметить сложную, динамичную структуру этого процесса, которая зависит, в свою очередь, от социального самочувствия, величины вовлечённого слоя, а также, очевидно, от региональной специфики и вопроса личной безопасности.

Список литературы

1. Бушуев Д.В. Специфика протестной активности российской молодежи в современном трансформирующемся обществе: автореф. дис. канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2012. 15 с.
2. Иудин А.А., Привалов И.В. Самочувствие населения России: вторичный анализ данных ВЦИОМ.//Социальные преобразования и

социальные проблемы. Сборник научных трудов (Вып. 16). Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 51-64.

3. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены: Альманах-2015: сборник. М.: ОАО «ВЦИОМ», 2015. 322 с.

4. Протестные настроения. Уровень недовольства властями и готовность протестовать // Фонд Общественное Мнение [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/posts/11090> (дата обращения: 22.03.2017).

5. Протестный потенциал. Общественный протестный потенциал // ВЦИОМ «Спутник» [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (дата обращения: 22.03.2017).

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

SOCIAL MEDIA AS A TOOL FOR REGIONAL ENVIRONMENTAL CULTURE FORMATION

Ю.В. Пупкова

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар

J.V. Pupkova

Kuban State Technological University, Krasnodar

Рассматриваются особенности формирования экологической культуры посредством современных онлайн-сетей. На примере социальной сети «ВКонтакте» осуществлена классификация наиболее популярных виртуальных сообществ, связывающих свою онлайн- или оффлайн-деятельность с экологией. Выявлены факторы, способствующие и препятствующие формированию экологической культуры в социальных сетях.

The article deals with formation of environmental culture by means of online networks. Classification of the most popular virtual communities, associating their online or offline activities with environment, was performed by the example of social network «Vkontakte». There were identified some factors, that encourage and impede the formation of ecological culture in social networks.

Ключевые слова: экологическая культура, социальные сети, экологические онлайн-сообщества

Keywords: environmental culture, social media, ecological online communities

Преодоление глобального экологического кризиса и локальных его проявлений в настоящее время невозможно без серьезных изменений в сфере культуры. Для формирования экологического сознания необходимо широко использовать различные средства массовой коммуникации [1]. Среди них особый интерес представляют социальные платформы, аудитория которых в России за последние годы значительно выросла.

По данным ВЦИОМ, в 2017 г. самой посещаемой россиянами была социальная сеть «ВКонтакте» [2]. Рассмотрим некоторые особенности ее онлайн-пространства, значимые с точки зрения формирования экологической культуры российского социума. На основании поисковой выдачи в социальной сети «ВКонтакте» по ключевым словам запросов «экология», «экологический» и «эко-» был проанализирован ТОП-100 наиболее популярных виртуальных сообществ, продвигающих себя в Интернете под брендом «экология». В зависимости от того, какой целевой аудитории был адресован контент, рассмотренные сетевые сообщества можно классифицировать следующим образом:

– *экомаркетинговые сообщества* – рекламируют фермерскую продукцию, а также различные товары широкого потребления, экологичность которых отождествляется с термином «натуральный» и часто противопоставляется всему, что произведено промышленностью или по современным сельскохозяйственным технологиям (например, «Экология вкуса | Зеленый дом на Гороховой, 32», «Эко-красота | Секреты натурального ухода»);

– *экотуристические сообщества* – рекламируют в Интернете велопоходы, дайвинг и другие формы активного отдыха на природе («КЕТО.ВУ | Экотуризм | Активный отдых») или услуги баз отдыха (отелей), расположенных на территориях, не подвергавшихся активному антропогенному воздействию (например, «Эко-отель «Алтика»»);

– *эколого-популяризирующие сообщества* – информируют о мировых и российских экологических проблемах, способах их преодоления, новых экологических технологиях, научных открытиях в сфере экологии (например, «ЭкоСфера: экология + технология = жизнь», «Экология России»);

– *эколого-консалтинговые сообщества* – ориентированы на экологов-профессионалов и всех желающих разбираться в тонкостях экологического законодательства РФ. Представляют информацию о новых законах в сфере экологии и практике их применения («ИНЖЕНЕРЫ ЭКОЛОГИИ», «Я эколог»);

– *коммерчески-ориентированные эко-сообщества* – существуют для реализации SMM-стратегий конкретных фирм, оказывающих платные услуги в сфере экологии: экологическое проектирование, консультирование и сопровождение, обучение, утилизация опасных отходов и т.п. («Экология! Помощь! ПНООЛР! ПДВ и др.», «Экология onLine – новости в сфере экологии», «Экология для бизнеса»);

– *эколого-оздоровительные сообщества* – пропагандируют здоровый образ жизни, который часто отождествляется с сыроедением и вегетарианством. В контенте сообществ представлены рецепты народной медицины, научно-популярные посты медицинской тематики, псевдонаучные

способы очищения организма от токсинов и т.п. («Наш общий дом// Экология планеты// ЗОЖ», «Экология человека | Здоровье, Умное питание»);

– *эколого-эзотерические сообщества* – продвигают через социальные сети услуги различных эзотерических центров, тренинги по йоге, цигуну, ведическим практикам (например, «ЭКО-МИР экология души и тела»). Экологическое позиционирование сообществ достигается преимущественно путем размещения в сети красивых пейзажных фотоснимков, фотографий флоры и фауны, а также отождествления экологического сознания с психотехнически обусловленным измененным состоянием сознания [3];

– *эколого-академические сообщества* – информируют о научно-практических конференциях и конкурсах по экологии, экологических акциях, размещают научный и научно-популярный контент экологической тематики. Ориентированы на школьников, студентов-экологов, преподавателей («Сообщество учителей биологии и экологии», «КубГАУ | ЭКОЛОГИЯ|»);

– *экопоселенческие сообщества* – пропагандируют возврат к ценностям и нормам традиционного общества, отказ от урбанистической культуры в пользу деревенского уклада жизни («Эко Жизнь. Поселения. Родовые Поместья»);

– *сообщества экологических движений, фондов и общественных организаций по защите окружающей среды* – действуют преимущественно в рамках существующих в России экологических программ, информируют о предстоящих и прошедших эко-фестивалях и конкурсах, мероприятиях по защите окружающей среды («экологическое движение «РазДельный мусор»);

– *эко-протестные сообщества* – стремятся решать конкретные экологические проблемы на муниципальном и региональном уровнях. С этой целью информируют общественность о скрываемых реальных масштабах загрязнения окружающей среды, организуют протестные экологические акции, сбор подписей под петициями и т.п. («Красноярские «Зеленые», все об экологии!», «Экология Магнитогорска», «Судский ЦБК – угроза экологии Рыбинского вдхр.»);

Таким образом, виртуальные сообщества используют разные стратегии демонстрации в Интернете своей сопричастности к «экологии». Однако эти стратегии могут, на наш взгляд, оказывать достаточно неоднозначное влияние на процессы формирования экологической культуры российского социума в целом и на экологическую социализацию молодежи, в частности.

Основными факторами, способствующими формированию экологической культуры посредством онлайн-сообществ, являются:

– *взаимцитирование сообществ* (через систему репостинга), способствующих росту экологической компетенции их подписчиков;

- наличие большого количества инструментов визуализации экологической информации (инфографика, видеоролики, фотографии);
- дублирование контента (анонсов Эко-фестивалей и конкурсов, акций), способствующее экологической консолидации разных аудиторий социальной сети, независимо от основной тематики конкретного сообщества;
- возможность коллективного обсуждения конкретных экологических проблем и поиск путей их решения в своем регионе;
- большая численность подписчиков отдельных экологических сообществ, способная спровоцировать вирусный эффект при распространении различной экологической информации;
- возможность для пользователя предложить собственную новость и распространить ее среди своего сообщества и за его пределами.

Среди факторов, препятствующих процессам формирования экологической культуры посредством социальных сетей, выделим следующие:

- нагнетание протестных настроений в социуме без достаточных на то оснований и, наоборот, использование приемов манипулирования сознанием для акцентирования внимания подписчиков на менее значимых экологических проблемах;
- использование научной и научно-популярной экологической информации для усиления собственной псевдонаучной аргументации в эколого-эзотерических и эколого-оздоровительных сообществах,
- низкая Интернет-активность подписчиков во многих эко-сообществах;
- возможность модерации администраторами сообществ потенциально резонансной экологической информации и удаление участников группы.

Многообразие существующих форм эко-позиционирования и специфика онлайн-коммуникации в социальных сетях, в целом, могут как позитивно, так и негативно влиять на процессы формирования экологической культуры современного российского общества. В настоящее время соответствовать «зеленому бренду» может быть особенно выгодно в связи с тем, что 2017 г. объявлен в России годом экологии. Это достаточно часто используется виртуальными сообществами, «экологичность» которых, по сути, номинальная. Как следствие, реальная экологическая социализация в социальных сетях может быть затруднена в силу существования псевдоэкологических субкультур с высоким уровнем Интернет-вовлеченности их подписчиков.

Список литературы

1. Социальные сети: кто туда ходит и зачем? [Эл. ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3388. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116254> (дата обращения 23.06.2017).

2. Ячменев В.А. К вопросу о концепции формирования экологической культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 7(298). С. 157-159.

3. Спивак Л.И. Измененные состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология / Л.И. Спивак, Д.Л. Спивак // Сознание и физическая реальность. 1996. Т. 1. № 4. С. 48-55.

**ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ВОПРОСАХ ГРАЖДАНСКОЙ
ОБОРОНЫ КАК КОМПОНЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
POPULARITY OF POPULATION IN CIVIL DEFENSE ISSUES AS A
COMPONENT HUMAN POTENTIAL**

Л.Ю. Пушина, М.В. Чумаков

*Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной
противопожарной службы Министерства РФ по делам гражданской
обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий
стихийных бедствий*

L.Yu. Pushina, M.V. Chumakov

*Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the
Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of
Consequences of Natural Disasters*

С позиций концепции О.И. Иванова, подготовленность населения в вопросах гражданской обороны представлена как компонент человеческого потенциала региона. Приведены данные авторского исследования, характеризующие уровень развития соответствующего компонента человеческого потенциала Ивановской области.

From the perspective of Ivanov's concept, the preparedness of the population in matters of civil defense is presented as a component of the human potential of the region. The author's research data describing the level of development of the corresponding component of the human potential of the Ivanovo region are given.

Ключевые слова: человеческий потенциал, потребность, способность, готовность, гражданская оборона, подготовка населения в области гражданской обороны

Keywords: human potential, need, ability, readiness, civil defense, training of the population in the field of civil defense

В соответствии с определением, данным Т.И. Заславской, человеческий потенциал – это целостная социетальная характеристика, отражающая важнейший фактор жизнеспособности общества, – его готовность и способность к саморазвитию, к активному ответу на множественные вызовы современности [1, с. 105].

В Основах государственной политики РФ в области гражданской обороны на период до 2030 г. (утверждены Указом Президента РФ №696 от 20.12.2016 г.) к вызовам, которым должно противостоять современное российское общество, отнесены:

- нарастание рисков возникновения крупномасштабных чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в том числе связанных с глобальным изменением климата, ухудшением технического состояния объектов производственной и транспортной инфраструктуры, критически важных и потенциально опасных объектов;

- увеличение в среднесрочной и долгосрочной перспективе размера возможного ущерба от крупномасштабных чрезвычайных ситуаций и объема работ по защите населения, материальных и культурных ценностей от опасностей, возникающих при военных конфликтах и чрезвычайных ситуациях;

- угроза возникновения очагов вооруженных конфликтов и их эскалации;

- сохранение вероятности возникновения эпидемий, в том числе вызванных новыми, не известными ранее возбудителями инфекционных заболеваний человека и животных;

- растущая угроза проявлений экстремизма.

В этих условиях представляется очевидным, что одним из значимых аспектов сохранения и развития человеческого потенциала (и, следовательно, жизнеспособности современного российского общества) является подготовка населения в области гражданской обороны. (В Федеральном законе «О гражданской обороне» от 12.02.1998 №28-ФЗ подготовкой населения в области гражданской обороны называется система мероприятий по обучению населения действиям в случае угрозы возникновения и возникновения опасностей при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера). Недаром повышение качества подготовки населения в области гражданской обороны является одним из приоритетных направлений государственной политики в этой сфере.

Структура человеческого потенциала может быть представлена по-разному. Так, в концепции О.И. Иванова человеческий потенциал включает в себя комплексы систем потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей выполнять общественно необходимые виды деятельности. Причем различным видам деятельности соответствуют свои системы потребностей, способностей и готовностей. Каждый комплекс, кроме того, содержит *актуальные, действующие* системы потребностей, способностей и готовностей и *резервные, тыловые*. В зависимости от обстоятельств, любая из резервных

систем может актуализироваться и перейти в состав действующих, как и наоборот – действующая система может стать резервной [2, с. 51].

Потребность, по мысли Иванова, является внутренним основанием, побуждением к деятельности, осуществляемой добровольно (тогда как деятельность по принуждению реализуется без потребности социального актора в ней); потребности – это фундамент человеческого потенциала.

Ядром человеческого потенциала, определяющим его мощь, Иванов считает способности индивидов и общностей к выполнению определенных видов деятельности. Человеческий потенциал, полагает он, воплощает в себе реально сформированные способности, «которые в социальных практиках проявляются и используются или не проявляются и не используются, обеспечивая социальному миру его высокую или низкую жизнеспособность». Способность состоит из двух компонентов: знания специальных технологий решения задач и умения (навыка) применять эти технологии [2, с. 46].

Под готовностью выполнять определенные виды деятельности исследователь понимает сформированные устойчивые установки социального актора; в готовности в преобразованном виде предстают и потребности, и способности, и ранее сформированная мотивация к выполнению той или иной деятельности [2, с. 47].

С позиций описанной концепции, подготовка россиян в области гражданской обороны может быть представлена как вид общественно необходимой деятельности, вокруг которой формируется собственный комплекс потребностей, готовностей и способностей людей. Способности, как было сказано выше, представляют собой ядро человеческого потенциала, следовательно, характеризуя данный вид деятельности, необходимо, прежде всего, определить способности (знания и умения), которыми должны обладать россияне в области гражданской обороны.

В соответствии с нормативными документами, к ним относятся:

знание:

- основных требований руководящих документов по вопросам ГО;
- принципов, средств и способов защиты от чрезвычайных ситуаций;
- правил и порядка оказания само- и взаимопомощи при поражениях, травмах и ранениях;

умение:

- четко действовать по сигналам оповещения;
- пользоваться средствами индивидуальной защиты, изготавливать простейшие из них;
- пользоваться убежищами, укрытиями и строить простейшие укрытия;

– обеззараживать свое рабочее место, квартиру, местность, прилегающую к ним;

– оказывать доврачебную медицинскую самопомощь и помощь пострадавшим.

С целью выявления, насколько в действительности у наших граждан сформированы соответствующие способности, в апреле-мае 2017 г. нами был проведен массовый опрос жителей города Иваново. Всего было опрошено 196 человек в возрасте старше 16 лет.

Согласно данным опроса, основные положения нормативных документов по вопросам ГО хорошо известны 26% опрошенных, 37.2% респондентов имеют о содержании этих документов отрывочные сведения, 17.3% участников опроса знают о существовании этих документов, но не знакомы с их содержанием, 17.9%, по их признанию, ничего о таких документах не слышали, 1.5% сознались, что такими вещами не интересуются. Хорошо знакомы с положениями нормативных документов по вопросам ГО, прежде всего, лица, получившие медицинское и военное образование (41.2% и 40% из них соответственно). Больше всего тех, кто о таких документах ничего не слышал, среди лиц, имеющих социально-гуманитарное образование (22%).

Сигналы оповещения о чрезвычайных ситуациях, по признанию самих участников опроса, знакомы довольно хорошо только 11.3% из них, 50.3% респондентов знакомы лишь с некоторыми из этих сигналов, 38.4% ничего об этих сигналах не знают или затруднились с ответом на вопрос.

В действительности знают, как надо поступить, услышав сигнал оповещения «Внимание всем!», 58.2% респондентов, ошибочные варианты действий предпримут в общей сложности 5.2%, еще 36.7% (те, кто затруднился с ответом на соответствующий вопрос) поведут себя непредсказуемо. Причем, затруднения ответ на данный вопрос вызвал у представителей разных возрастных групп, в том числе – у молодых людей, сравнительно недавно изучавших в образовательных учреждениях дисциплины ОБЖ (Основы безопасности жизнедеятельности) и БЖД (Безопасность жизнедеятельности).

Большинство респондентов (55.1%) имеют лишь теоретические знания о том, как пользоваться индивидуальными средствами защиты, соответствующие практические навыки имеют только 2% опрошенных, 3.1% такие навыки имели раньше, но теперь утратили, 39.8%, судя по их ответам, не имеют ни соответствующих знаний, ни навыков.

Изготовить простейшие средства индивидуальной защиты смогут 2.6% участников опроса, 26% сомневаются в том, что смогут это сделать, 71.4% вообще не поняли соответствующего вопроса.

Т а б л и ц а 1

Владение ивановцев обязательными компетенциями в вопросах ГО

Компетенция	Число респондентов, ответы которых свидетельствуют о сформированности у них данной компетенции, в %	Уровень подготовленности ивановцев в соответствии с данной компетенцией
Знание:		
- основных требований руководящих документов по вопросам ГО	26	Низкий
- правил и порядка оказания само- и взаимопомощи при поражениях, травмах и ранениях	40.8	Средний
Умение:		
- четко действовать по сигналам оповещения	55.8-58.2	Средний
- пользоваться средствами индивидуальной защиты, изготавливать простейшие из них	2-2.6	чрезвычайно низкий
- пользоваться убежищами, укрытиями и строить простейшие укрытия	38.4	Низкий
- оказывать доврачебную медицинскую самопомощь и помощь пострадавшим	6.1	чрезвычайно низкий

Первую доврачебную помощь пострадавшим могут оказать 6.1% респондентов, имеют лишь теоретические знания в этом вопросе 34.7%, владели соответствующими навыками, но утратили их 5.6%, большинство опрошенных (53.6%) никогда не обладали подобными знаниями и навыками.

Анализируя данные опроса, мы приняли за основу, что если той или иной необходимой способностью в сфере гражданской защиты владеет менее 15% жителей региона, это свидетельствует о чрезвычайно низком уровне ее сформированности; если от 15% до 39% – это низкий уровень сформированности; если от 40 до 75% – средний; свыше 75% – высокий уровень. Результаты анализа отражены в таблице 1.

Как видно из таблицы, уровень подготовленности ивановцев в вопросах гражданской обороны по двум критериям чрезвычайно низкий, по двум – низкий, еще по двум – средний. Следовательно, способности в сфере гражданской защиты сформированными у наших граждан считать нельзя. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что соответствующий комплекс потребностей, способностей и готовностей как компонент человеческого потенциала Ивановской области сформированным также не является. Вывод из

всего сказанного очевиден: сегодня, когда общество сталкивается с большим количеством реальных угроз и опасностей, разработка новых эффективных методик и технологий подготовки населения в области гражданской обороны является настоящей необходимостью.

Список литературы

1. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации / Т.И. Заславская. М.: Дело, 2004. 400 с.

2. Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование) / ИПРЭ РАН. СПбГУ. СПб.: Скифия-принт, 2013. 336 с.

3. Федеральный закон «О гражданской обороне» от 12.02.1998 № 28-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17861/ (дата обращения: 28.09.2017).

4. Федеральный закон № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 г. (ред. от 23.06.2016) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 28.09.2017).

5. Указ Президента РФ от 20.12.2016 №696 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41544> (дата обращения: 28.09.2017).

РОЛЬ ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В САМООРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАН¹ **THE ROLE OF VIRTUAL SOCIAL NETWORKS IN THE SELF- ORGANIZATION OF CITIZENS**

Е.В. Реутов
*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет*
E.V. Reutov
Belgorod National Research University

В результате социологического исследования установлено, что приблизительно для половины общественно активного населения, прежде всего, молодого и среднего возраста, виртуальные сети и другие информационно-коммуникационные технологии являются реальным ресурсом

---

¹ Подготовлено при финансовой поддержке Отделения по гуманитарным и общественным наукам РФФИ. Грант «Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» № 15-03-00378.

самоорганизации. Данный ресурс используется для поиска единомышленников, трансляции эффективных практик самоорганизации и мобилизации сторонников на участие в мероприятиях.

As a result of sociological research it is detected that for approximately half of the socially active population, primarily young and middle age, virtual networks and other information and communication technologies are a real resource of self-organization. This resource is used to find like-minded people, broadcast effective practices of self-organization and mobilize supporters to participate in events.

Ключевые слова: социальные сети, виртуальные социальные сети, самоорганизация

Keywords: social networks, virtual social networks, self-organization

Функционирование местных сообществ неотделимо от многообразных и зачастую противоречивых социальных интересов, субъекты которых обладают различным объемом ресурсов и доступом к системе их распределения. Адекватно отразить многообразие и взаимопереплетение социальных взаимодействий в местных сообществах позволяет объяснительная модель социальных сетей, в основе которой – деятельностный аспект социальных структур, связей и отношений. Принадлежность к сетям для индивида становится более квалифицирующим признаком, нежели членство в формальных структурах или макрогрупповая идентичность. М. Грановеттер доказывал, что для многих социальных задач, таких как поиск работы, например, слабые связи оказываются намного эффективнее, чем сильные. Этот эффект он назвал «силой слабых связей» [1].

Социальные сети представляют собой комплекс относительно стабильных и долговременных взаимодействий неформального характера, не имеющих выраженной организационной структуры и выполняющих по отношению к их участникам функцию увеличения объема личного и социального капитала. Современное развитие информационно-коммуникационных технологий сделало возможным регулярное взаимодействие между индивидами, образование сообществ с ситуативной или же достаточно устойчивой идентичностью вне привязки к физическому пространству. Иногда данные группы создаются с ностальгической целью возобновления давно утраченных связей (между одноклассниками, сокурсниками, сослуживцами и пр.). В большем количестве случаев сообщества имеют четко выраженный виртуальный характер и ориентированы на обмен информацией, интернет-дискуссию по более или менее социально значимым проблемам. Интернет-сообщества функционируют на базе специализированных технологических платформ, также получивших название «социальные сети» – по аналогии с социальными сетями, связывающими

родственников, друзей и знакомых в реальном пространстве. Именно за такими веб-ресурсами в обыденном дискурсе и закрепился термин «социальная сеть», хотя они представляют собой именно информационно-коммуникационные платформы, на базе которых функционируют тысячи и десятки тысяч сетей.

Понятием «виртуальные социальные сети» мы будем обозначать не информационно-коммуникационные платформы типа «Одноклассников» или «ВКонтакте», а базирующиеся на них группы и сообщества, между участниками которых прослеживается хотя бы эпизодическая коммуникация. С одной стороны, виртуальное общение усиливает и делает более регулярной коммуникацию между друзьями, знакомыми, родственниками и коллегами, превращая зачастую «слабые» связи в «сильные». С другой, виртуальные социальные сети все чаще используются как инструмент мобилизации участников коллективных действий и рекрутирования потенциальных членов общественными организациями, движениями и проектами.

Целью данной статьи является анализ значимости и эффективности виртуальных коммуникаций в контексте гражданского участия на местном уровне. Эмпирической основой статьи являются результаты эмпирического исследования. Первый этап – массовый анкетный опрос – проходил в Белгородской области в ноябре-декабре 2015 г. Объем выборочной совокупности составил 1002 респондента; выборка репрезентирует половую, возрастную и поселенческую структуру населения региона. Второй этап – серия полуструктурированных интервью (N=30) – проходил в Белгородской и Воронежской областях в октябре-ноябре 2016 г.

Результаты массового опроса показали, что 60.94% респондентов являются участниками социальных сетей и других Интернет-сообществ. Отсутствие членства в них признали 30.06%. Уровень сетевого участия заметно снижается с повышением возраста респондентов. Если 18-29-летние отмечают свое участие в социальных сетях в 90.43% случаев, то респонденты 60 лет и старше – лишь в 19.86%.

Поскольку в качестве одной из задач исследования ставилось выявление эффективности виртуальных сетей как инструмента формирования и функционирования социальных сетей в широком смысле, респондентам был задан вопрос о наличии у них опыта создания посредством Интернета, социальных сетей нового круга общения, знакомства с единомышленниками в каком-то деле, увлечении. В результате было выявлено, что 44.29% участников интернет-сообществ (или 28.24% выборочной совокупности) имели подобный опыт. Здесь также возрастные параметры оказали значительное влияние. Однако по сравнению с предыдущим вопросом, разница между возрастными

группами оказалась не столь существенной. Среди пользователей виртуальных сетей 18-29 лет их значимость для расширения круга коммуникации отметили 54.83%, среди пожилых пользователей – 28.13%. В абсолютных цифрах это не много. Однако при развитии технологической инфраструктуры интернета и повышении интернет-грамотности пожилых людей виртуальные сети и интернет-сообщества способны реализовывать важную социальную функцию коммуникационной и информационной инклюзии пожилого населения, его включения в социокультурные, административно-политические, социально-экономические процессы на локальном, муниципальном и региональном уровнях.

Большинство респондентов предпочитают оффлайн-коммуникацию. Находить близких по духу и интересам людей в физическом пространстве является предпочтительным для 61% участников выборочной совокупности. В эту группу вошли, таким образом, не только те, кто не пользуется интернетом и не является участником сетевых сообществ, но и респонденты, использующие социальные сети для общения, пусть и не такого активного. Однозначно предпочли виртуальное пространство для поиска единомышленников всего 4.6% выборочной совокупности (или 7.54% участников социальных сетей и интернет-сообществ). Но при этом 22.6% респондентов (или 37.05% пользователей социальных сетей) заявили о балансе предпочтений онлайн- и оффлайн-коммуникации. Таким образом, в совокупности 28.2% респондентов считают себя достаточно продвинутыми в интернет-общении, чтобы посредством информационно-коммуникативных технологий организовывать свое социальное пространство и, возможно, продвигать на их основе те или иные гражданские инициативы.

В процессе анализа данных была выявлена статистически значимая связь между наличием опыта использования виртуальных сетей для расширения круга коммуникации и рядом показателей общественного участия. Среди респондентов, обладающих позитивным опытом использования социальных сетей для увеличения объема социального капитала, на 10 п.п. (55.83% против 45.48%) больше доля тех, кому приходилось в течение последнего года объединяться с соседями по дому для различных видов коллективной деятельности (благоустройство территории, сбор средств и вещей для нуждающихся, обращения в органы власти и пр.). На 5,5 п.п. (63.6% против 58.19%) среди «сетевиков» больше доля тех, кто участвовал в общественной деятельности с коллегами по работе. На 10 п.п. (45.23% против 35.45%) больше доля тех, кто участвовал в коллективных действиях, организованных на поселенческом уровне.

Среди пользователей социальных сетей, использующих их для расширения круга общения, в несколько большей степени выражена готовность стать инициатором коллективных действий, самоорганизации граждан – 65.68% из них допустили для себя такую возможность (против 57.52% в группе респондентов, не являющихся активными участниками интернет-сообществ). При этом в первой группе опрошенных гораздо заметнее выражена мотивация гражданской активности, связанная не с нарушением собственных прав, а с решением общественных проблем.

В ряде нарративов интервью, проведенных с людьми, имеющими личный опыт общественно-полезной деятельности, излагаются конкретные практики «сетевой» деятельности, дается оценка роли виртуальных коммуникаций в самоорганизации граждан.

Анализ количественных и качественных данных позволяет сделать вывод, что для значительной доли граждан (40-50%), прежде всего, молодого и среднего возраста (но среди них встречаются и пожилые люди), виртуальные сети, интернет-сообщества и другие информационно-коммуникационные технологии являются реальным ресурсом самоорганизации, используемым для поиска единомышленников, трансляции эффективных практик и мобилизации сторонников на участие в мероприятиях. Как правило, базой самоорганизации выступают интернет-сообщества, организованные на основе популярных в российском сегменте Интернета электронных платформ «ВКонтакте» и «Одноклассники».

Список литературы

1. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology, Vol. 78. No. 6, May 1973. Pp. 1360-1380.

**МОТИВАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ: ОПЫТ
КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹**
**MOTIVATION OF CIVIC PARTICIPATION: EXPERIENCE
OF QUALITATIVE RESEARCH**

М.Н. Реутова
*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет*
M.N. Reutova
Belgorod National Research University

Рассмотрены мотивы и результативность гражданского участия на микролокальном уровне на основе анализа данных интервью. Доминирует внутренняя мотивация, связанная с желанием благоустроить среду проживания, внести свой вклад в решение локальных проблем. Результативность общественной работы довольно высокая как на уровне локальных сообществ, так и в контексте личностного саморазвития ее акторов.

The paper analyzes the motives and effectiveness of civil participation at the micro-local level on the basis of interview data. Dominant is the internal motivation associated with the desire to improve the living environment, to contribute to the solution of local problems. The effectiveness of public work is quite high, both at the level of local communities, and in the context of the personal self-development of its actors.

Ключевые слова: гражданское участие, самоорганизация, мотивация
Keywords: civic participation, self-organization, motivation

Проблема гражданского участия в современном российском обществе привлекает внимание исследователей на протяжении многих лет. Как отмечает В.В. Петухов, «одной из фундаментальных основ любой демократической системы является участие граждан в общественной и политической жизни страны, которое, в принципе, должно «захватывать» все компоненты политической системы и гражданского общества, с одной стороны, и задавать через запросы различных групп и слоев населения основные приоритеты общественного развития – с другой» [1, с. 26].

Однако на протяжении достаточно длительного времени исследователи фиксировали низкий уровень гражданской активности населения, анализируя причины и факторы гражданской пассивности. Так, в ходе опроса ВЦИОМ в октябре 2007 г. было установлено, что помимо участия в выборах различного уровня (43%), 15% респондентов принимали участие в коллективном благоустройстве подъездов, окружающих территорий; по 10% – в сборе

---

¹ Подготовлено при финансовой поддержке Отделения по гуманитарным и общественным наукам РФФИ. Грант «Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» № 15-03-00378.

средств, вещей для попавших в тяжёлое положение людей; в проведении избирательной кампании; в деятельности профсоюзных организаций; 7% – в митингах, демонстрациях, пикетах. 39% – ни в чем таком не участвовали. Главные мотивы гражданской активности – желание изменить жизнь к лучшему в своём городе, селе, в стране, а также интерес (25-27%). По 13-16% опрошенных объясняли своё участие стремлением отстоять свои права и интересы; помочь людям, попавшим в трудную ситуацию; по 6-8% делали это из солидарности с друзьями, знакомыми; из-за того, что не смогли отказать тем, кто их об этом попросил; чтобы подработать [2].

Исследование политической культуры и форм гражданского участия студенчества Перми, проведенное И.Г. Долининой, показало, что «респонденты скептически оценивают свои возможности по реализации своих потребностей и интересов в общественной и политической жизни. Многие отмечают, что никогда не думали о том, что могут влиять на общественные и политические процессы, но уверены в принципиальной возможности самостоятельного осуществления общественного и политического выбора и в том, что могут нести ответственность за жизнь свою и своих близких» [3, с. 136].

В настоящее время традиционные формы гражданской активности, такие как выборы, политические партии, профсоюзные, общественные организации по-прежнему не очень востребованы. Однако различного рода проявления самоорганизации и гражданской активности на микроуровне, направленные на решение конкретных задач по благоустройству территории проживания (дом, двор, улица), помощь соседям, знакомым, родственникам, проведение праздников и т.п., становятся все более заметными. Особенно важным гражданское участие является при «решении локальных проблем, касающихся, например, здравоохранения, состояния окружающей среды, школьного и дошкольного образования, уровня занятости и т.д., к рассмотрению которых политики и государственные чиновники иногда подходят, не имея детальной информации и не зная ситуацию «изнутри» [4].

В свете отмеченных тенденций значительный интерес приобретает анализ мотивации участия граждан в различных формах самоорганизации и коллективной взаимопомощи. В 2016 г. в рамках реализации проекта «Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» в Белгородской и Воронежской областях при участии автора была проведена серия полуструктурированных интервью с респондентами, имеющими опыт общественно-полезной деятельности. Одной из задач исследования был анализ мотивации участия и значимости результатов деятельности.

Как свидетельствуют данные интервью, ведущие мотивы общественного участия связаны с благоустройством дворовых территорий и мест общего пользования в многоквартирных домах и помощью людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (инвалиды, люди, потерявшие своих близких): *«У нас дом с 4-мя подъездами... мы захотели установить счетчики тепловые, потому что... ну вот, дорого платим»* (женщина, 76 лет, пенсионер); *«Ну по месту проживания все неясно с этим капремонтом – там подъезд разваливается, вечно грязно, все почтовые ящики помяты. Не понятно, кто должен убирать, чистить, ремонтировать. Этого никто не хочет, а надо»* (мужчина, 25 лет, юрист); *«бывают случаи, когда какому-то человеку нужна помощь – он болен, или ветераны нуждаются в помощи, тогда люди объединяются, ищут единомышленников, которым небезразлична эта ситуация»* (мужчина, 22 года, муниципальный служащий).

Общественно-значимым результатом гражданского участия является улучшение социальной инфраструктуры и отношений между людьми: *«Навели порядок в доме. Приятно заходить в чистый и ухоженный подъезд»* (женщина, 59 лет, лаборант); *«Дом отремонтирован, дорога сделана, стоянка сделана, клумбы сделаны, думаю, что много. Сейчас вот детям помогаем»* (женщина, 49 лет, пенсионер); *«Благоустроили двор, капремонт. В общей работе, когда и мал и стар работает и приводит в порядок то место, в котором живет, это удивительно»* (женщина, 46 лет, сотрудник государственного учреждения).

Некоторые респонденты указали также на воспитательный эффект – воздействие общественно-полезных практик на детей и молодежь: *«Это воспитание детей в традициях русской культуры, это сохранение здоровья детей, улучшение образовательной системы»* (мужчина, преподаватель вуза, 41 год); *«Удовлетворение получил от того, что стало лучше и красивее. Детям – безопасно. Научили подрастающее поколение хорошему, порядку – можно так сказать»* (мужчина, 50 лет, заместитель директора школы).

Некоторые респонденты указывают на организационный эффект – создание команды единомышленников: *«Собрав команду единомышленников, мы подготовили нормативно-правовые акты, которые будут регламентировать нашу работу. Мы сейчас находимся на начальных еще этапах нашей миссии, но такие шаги сделали»* (женщина, 22 года, государственный служащий); *«Мы все всегда друг другу помогаем. У нас нет никаких пререканий. У нас всегда очень чисто. Нас всегда очень хвалят за это. И мы всегда готовы помочь другим людям, всегда собираемся вместе, общаемся. В общем, у нас очень дружный коллектив»* (женщина, 20 лет, студент).

В основном личностно-ориентированный результат связан с самоуважением, удовлетворенностью от достижения общественного результата: *«Ну, безусловно, уважение других. К себе я стала относиться по-другому. Я – не простой обыватель, который ничего не делает, а только осуждает чужие действия. Я делаю, и я горжусь этим»* (женщина, ландшафтный дизайнер, 27 лет).

Некоторые респонденты указывают на приобретение опыта, специфических знаний и компетенций в сфере общественно-полезной деятельности: *«У меня появились друзья по интересам, я сам смог наконец проявить себя в роли организатора. Получил бесценный организаторский опыт, который пригодится в жизни»* (мужчина, 22 года, муниципальный служащий). Для некоторых респондентов значимым является расширение кругов коммуникации, приобретение связей, карьерный рост и формализованное признание в виде наград, побед в конкурсах и т.п.: *«Приобрел какие-то, пусть небольшие, знания о том, как организуется общественная работа. Интересный опыт коммуникации социальной получился с людьми разных профессий, разных социальных страт, но объединенных одной целью»* (мужчина, преподаватель вуза, 41 год); *«Мы принимаем участие... получаем дипломы, грамоты – высокого уровня тоже, получаем колоссальное удовлетворение»* (женщина, 56 лет, социальный работник и преподаватель вуза).

В небольшом количестве случаев просматривается разочарование в общественной деятельности ввиду отсутствия значимых результатов и коммуникативных барьеров с окружением: *«А чего достигли – ничего. Денег не платят. ...Народ очень трудный, до него тяжело достучаться»* (женщина, 68 лет, пенсионер).

Гражданская активность «снизу» обусловлена стремлением людей обустроить должным образом среду их непосредственного проживания, а также естественным желанием быть полезными, помочь кому-либо. Общественная работа играет важную роль в жизни активистов, повышая самооценку, помогая приобретать новые умения и навыки, знакомиться с интересными людьми, устанавливать контакты.

Список литературы

1. Петухов В.В. Местное самоуправление и гражданское участие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 2 (90). С. 25-48.

2. Как и почему россияне участвуют в общественной и политической жизни? [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8995> (дата обращения: 31.03.2017).

3. Долинина И.Г. Политическая культура студентов: готовность к гражданскому участию // Власть. 2013. № 5. С. 135-138.

4. Виноградова Т., Сунгуров А. Гражданская активность и общественное участие. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://hro-uz.narod.ru/civpar1.html> (дата обращения: 31.03.2017).

**РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ ТЕРРИТОРИИ**
**THE ROLE OF COMMUNITY COUNCILS OF MUNICIPALITIES IN
SOLVING SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF THE TERRITORY**

М.В. Рослякова

*Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ*

M.V. Roslykova

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo branch*

На основе положений и документов, опубликованных на официальных сайтах муниципалитетов, рассматриваются основные направления участия общественных советов муниципальных образований Ивановской области в решении социально-экономических проблем территории.

On the basis of the provisions and documents published on the official sites of municipalities the main directions of participation of public councils at administrations of municipal units of the Ivanovo region in the solution of social and economic problems of the territory are considered.

Ключевые слова: общественный совет, муниципальное образование, муниципальное управление

Keywords: public council, municipality, municipal management

Развитие любого муниципального образования сопровождается объективно возникающими трудностями, которые обусловлены спецификой территориальных социально-экономических процессов. Органам публичной власти необходимо своевременно оценивать общее состояние территории, выявлять критические проблемы и обосновывать способы их устранения, чтобы обеспечить достойный уровень жизни населения. В процессе изменений следует учитывать механизмы саморазвития социально-экономической системы, движущей силой которого являются заинтересованные социальные

группы, чья инициативная деятельность может быть упорядочена. Учёт и использование творческого потенциала местного сообщества позволяет субъекту управления повысить вероятность достижения планируемого результата, существенно сэкономить усилия и расходы, обеспечить эффективность управления [1]. Для интеграции активности граждан в деятельность органов власти создаются правовые инструменты, обеспечивающие допуск к реализации общественно значимых функций. При органах публичной власти формируются общественные советы, состоящие из представителей общественности, за которыми закрепляются определенные полномочия и консультативные функции по вопросам принятия и исполнения государственных решений [2].

Наша задача – изучить возможные направления участия общественных советов муниципальных образований Ивановской области в решении социально-экономических проблем территории. Практика формирования новых органов распространилась в Ивановской области с 2010-2011 гг. На июнь 2017 г. общественные советы созданы в 26 муниципальных районах и городских округах региона, совет одного из городских округов находится в стадии формирования.

Рассмотренные Положения об Общественном совете (далее ОС) определяют советы как совещательные и консультативные органы. В документах, регламентирующих деятельность ОС, их цель сформулирована как участие в выработке и осуществлении согласованных и целенаправленных совместных действий органов местного самоуправления и общественных объединений, граждан по реализации программ социально-экономического развития района [3]. Назначение ОС видят в привлечении жителей к формированию и реализации муниципальной политики во всех сферах развития района [4], указывается, что совет выражает мнение большинства населения по значимым вопросам [5]. Общий подход к формулировке главной цели ОС – создание благоприятной социальной среды для участия жителей района в осуществлении местного самоуправления и достижения общественного согласия при решении важнейших социальных и политических вопросов. Предусматривается, что ОС примет вид площадки для открытого обсуждения проблем, имеющих местное значение, направленных на реализацию и защиту конституционных прав, повышение жизненного уровня жителей и развитие муниципалитета [6].

Предлагаемый механизм обратной связи должен нейтрализовать недоверие граждан к органам власти, которое во многом объясняется отсутствием инструментов влияния на принимаемые решения. Отстранение населения территории от процесса принятия важных решений делает население

индифферентным либо заставляют вступать в активную конфронтацию с властью. ОС позволяет органам местного самоуправления разделить ответственность за развитие территории с активными гражданами.

Совет выступает в качестве связующего звена между обществом и властью, члены ОС собирают, обрабатывают и обобщают необходимую информацию, информируют жителей о деятельности органов публичного управления, а органы власти – о процессах, происходящих в общественной жизни муниципального образования [7].

Сотрудничество необходимо для формирования рекомендаций, предложений по важнейшим проблемам территории. На примере ОС при администрации Ивановского муниципального района можно составить представление о разнообразии рассматриваемых вопросов: перспективы развития инфраструктуры района; состояние сельского хозяйства; занятость населения на территории района; отопительный период; дорожное строительство на территории района и другие [8]. На заседаниях ОС Савинского района обсуждались вопросы транспортного обслуживания, газификации населенных пунктов, оказания стационарной и амбулаторной помощи жителям, выработки объективных и социально значимых критериев оценки качества жизни населения муниципалитета, благоустройства населенных пунктов, водоснабжения микрорайона [9].

Представление об актуальных для муниципалитета проблемах, требующих участия ОС, можно составить на основе постоянно функционирующих комиссий совета. Так, в ОС Заволжского района образовано пять комиссий [10]: по экономическому развитию района (АПК, промышленность, торговля, предпринимательство, ЖКХ); по социальному развитию (культура, образование, здравоохранение, демография); по контролю деятельности органов местного самоуправления; по экологическому контролю и благоустройству территорий; по вопросам толерантности, межэтническому и межконфессиональному взаимодействию. Представленный материал показывает, что обсуждаемые вопросы касаются всех сторон жизнедеятельности территории.

Постоянный многосторонний обмен информацией и регулярные консультации по актуальным вопросам развития территории необходимы не только для согласования решений с гражданским обществом. Общественный совет может принять вид мозгового центра при администрации района, включать независимых профессионалов, которые выполняют аналитические и экспертные задачи. Критическое осмысление предлагаемых властью вариантов решений должно повысить их качество, избавить от излишней

«зарегулированности» и отвлечения ресурсов от тех сфер, где действительно имеются проблемы регулирования [11].

Практически во всех положениях задач ОС определена организация общественной экспертизы проектов муниципальных правовых актов, которая проводится для устранения нецелесообразных решений, оценки их соответствия ожиданиям и потребностям общества, возможных последствий нового регулирования. При этом заключение ОС по результатам экспертизы носит рекомендательный характер. Согласно положениям Ильинского, Комсомольского районов, заключение подлежит обязательному рассмотрению на заседаниях комиссий Совета муниципального района и может обсуждаться на заседании коллегии при Главе администрации муниципального района с приглашением членов ОС [6]. В других муниципальных районах (например, Лежневском, Савинском) [12] заключение ОС по результатам экспертизы направляется в органы местного самоуправления, но никаких дополнительных действий от этих органов по результатам экспертизы не требуется. Очевидно, реальный эффект возможно получить, если закрепить обязательность ответа с обоснованием причин, по которым рекомендации ОС не были приняты во внимание.

Актуальной проблемой для муниципалитетов остаются межнациональные отношения. В положениях подчеркивается особая миссия членов общественного совета в «гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, обеспечении социальной и культурной адаптации мигрантов» [12]. Отдельно в документах прописана задача по осуществлению общественного контроля над деятельностью органов местного самоуправления. В Заволжском районе особое внимание уделяется контролю за соблюдением свободы слова в СМИ [13].

Наконец, важнейшим направлением деятельности ОС определено проведение независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, расположенных на территории муниципалитета. В Палехском районе ОС формирует перечень организаций для проведения оценки, определяет критерии их эффективности; организует работы по выявлению, обобщению, анализу общественного мнения и рейтингов о качестве работы организаций, готовит обобщенные предложения [14]. Актуально для муниципалитета участие представителей ОС в осуществлении оценки эффективности муниципальных закупок.

Таким образом, в положениях об общественных советах муниципальных образований обозначены возможные направления участия общественности в решении социально-экономических проблем территории. Жителям муниципальных образований, представителям общественных организаций

гарантирована возможность совместной с органами местного самоуправления выработки коллективных решений относительно наиболее острых проблем, препятствующих развитию территории. Эффективность предлагаемого инструмента определяется заинтересованностью органов местного самоуправления, граждан, его использующих.

Список литературы

1. Южаков В.Н., Старцев Я.Ю. Диагностика ситуаций развития в государственном управлении. М., 2017. 50 с.

2. Смолянок О. Общественные советы: зарубежный опыт правового регулирования // Фонд развития правовых технологий. Центр правовой информации [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://lawtrend.org/ru/content/nko/communitycouncils/international> (дата обращения: 12.06.2017).

3. Об общественном Совете при администрации Гаврилово-Посадского муниципального района: решение Гаврилово-Посадского районного совета депутатов от 14.07.2010 г. (с изм. от 16.12.2015 г.) [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://xn----7sbbgadm2aekjh3bbbpk0ac.xn--p1ai/documents/66.html> (дата обращения: 05.07.2017).

4. О внесении изменений в решение Совета Тейковского муниципального района от 20.04.2011 г. № 89-р «Об утверждении Положения об Общественном совете Тейковского муниципального района»: решение Совета Тейковского муниципального района шестого созыва от 27.07.2016 № 84-р. Режим доступа: <http://xn----8sbeludd2aebdvs.xn--p1ai/obshchestvennyy-soviet.html> (дата обращения: 05.07.2017).

5. Положение о общественном Совете Ивановского муниципального района Ивановской области: Приложение к постановлению администрации Ивановского муниципального района от 28.05.2015 г. № 768 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://ivrayon.ru/the-public-council/position/> (дата обращения: 10.06.2017).

6. Положение об Общественном Совете при администрации Ильинского муниципального района: Приложение к постановлению администрации Ильинского муниципального района от 20.04.2016 г. № 106. Режим доступа: <http://www.admilinskoe.ru/obsh-soviet/ob-sov.php> (10.06.2017); Положение об Общественном Совете при главе администрации Комсомольского района: постановление администрации Комсомольского муниципального района от 13.05.2010 №319 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://adm-komsomolsk.ru/obschestvennyy-soviet.html> (дата обращения: 10.06.2017).

7. Положение об общественном совете при администрации городского округа Кохма: постановление администрации городского округа Кохма от 22.06.2010 № 436 (в ред. от 03.03.2015 № 188-п) [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://kohma37.ru/files/ob_sov_2.pdf (дата обращения: 10.06.2017).

8. План работы общественного Совета при администрации Ивановского муниципального района на 2017 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ivrayon.ru/the-public-council/work-plan/> (дата обращения: 05.07.2017).

9. Информация о деятельности Общественного совета Савинского муниципального района. Режим доступа: <http://mr-savino.ru/obshchestvennyu-sovet/> (дата обращения: 05.07.2017).

10. Информационный отчёт о работе Общественного совета Заволжского муниципального района за 2016 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://zavrayadm.nubex.ru/4747/5040/> (дата обращения: 05.07.2017).

11. Привлечение экспертного и гражданского участия как путь совершенствования законотворческого процесса: методы и механизмы / Е.М. Шульман, В.Г. Марача, С.Ю. Кацаурова. М., 2017. 53 с.

12. Положение об общественном совете при администрации Лежневского муниципального района (ред. от 26.02.2015 г. № 211): постановление Администрации Лежневского муниципального района от 15.04.2011 г. №156 [Эл. ресурс]. Режим доступа <http://www.lezhnevo.ru/obshchestvennyu-sovet-pri-administracii-lezhnevskogo-municipal-nogo-rayona.htm> (дата обращения: 12.06.2017); Положение об Общественном совете Савинского муниципального района: приложение к решению Совета Савинского муниципального района от 25.11.2010 № 48 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://mr-savino.ru/obshchestvennyu-sovet/> (дата обращения: 12.06.2017).

13. Об утверждении Положения об Общественном совете Заволжского муниципального района: решение Совета Заволжского муниципального района Ивановской области от 20.05.2011 № 22 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://zavrayadm.ru/4747/5040/> (дата обращения: 12.06.2017).

14. О формировании независимой системы оценки качества работы организаций Палехского муниципального района, оказывающих социальные услуги: постановление администрации Палехского муниципального района от 18.11.2014 № 788-п [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://xn----7sbbspgcdh1akcuj3d.xn--p1ai/uslugi/108.html> (дата обращения: 12.06.2017)

**ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**
**ETHNO-NATIONAL NON-PROFIT ORGANIZATIONS
OF IRKUTSK REGION**

П.А. Трескин
Иркутский государственный университет
Р.А. Treskin
Irkutsk State University

Раскрываются особенности формального статуса и практической работы этнонациональных некоммерческих организаций Иркутской области. Приводятся результаты экспертного опроса руководителей этнонациональных

некоммерческих организаций Иркутской области об основных задачах функционирования НКО, которые они возглавляют.

The article reveals the peculiarities of the formal status and practical work of the ethnonational nonprofit organizations of the Irkutsk region. The results of an expert survey of leaders of ethnonational nonprofit organizations of the Irkutsk region in the field of the main tasks of the functioning of NGOs are given.

Ключевые слова: некоммерческие организации, патриотизм, этнонациональные организации

Keywords: nonprofit organizations, patriotism, ethno-national organizations

Единство народа и объединяющие нас духовно-нравственные ценности – это такой же важный фактор развития общества, как политическая и экономическая стабильность. Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом экономических и политических отношений [1].

Наша страна исторически формировалась как союз многих народов и культур. И основу духовности самого российского народа испокон веков составляла идея общего мира – общего для людей различных национальностей и конфессий [2]. В развитие национально-культурных отношений неоценимый вклад вносят некоммерческие организации, созданные по национальному признаку.

Сегодня в ведомственном реестре Управления Министерства юстиции РФ по Иркутской области зарегистрированы 45 некоммерческих организаций, созданных по национальному признаку [3].

Национальные общественные объединения, зарегистрированные на территории Иркутской области, созданы преимущественно в организационно-правовой форме «общественная организация». По территориальной сфере деятельности национальные общественные объединения делятся на местные и региональные.

Общественные объединения, созданные по национальному признаку, и общины коренных малочисленных народов, зарегистрированные на территории Иркутской области, объединяют представителей следующих национальностей и этнических групп: киргизы, татары, буряты, таджики, поляки, эвенки, греки,

армяне, литовцы, чувашаи, евреи, белорусы, ингуши, дагестанцы, узбеки, курды, китайцы.

Перечисленный национальный состав некоммерческих организаций обусловлен многими факторами, в том числе историческими, политическими и социально-экономическими. Превалирование объединений бурят является закономерным результатом специфического этнического состава коренного населения Иркутской области.

Увеличение количества национальных объединений представителей народностей Кавказа и Средней Азии (армяне, азербайджанцы, таджики, узбеки, ингуши) явилось неизбежным результатом миграционной политики Российской Федерации. Нарастание темпа трудовой миграции привело к массовому притоку лиц, указанной категории. А создание национальных объединений стало для них подспорьем в решении организационных проблем, неизбежно сопровождающих процесс трудовой миграции.

Кроме того, существующие на территории Иркутской области национальные общественные объединения можно разделить на две группы: деятельность первой и самой многочисленной группы направлена на представителей конкретной этнической группы: например – Иркутская областная общественная организация «Узбекский национально-культурный центр «Наше Отечество», Иркутская областная общественная киргизская национально-культурная организация «Дружба». Деятельность таких организаций, прежде всего, направлена на сохранение этнической индивидуальности, культурных традиций народа, оказание различного рода помощи соотечественникам, проживающим на территории Иркутской области [4].

Деятельность второй группы национальных некоммерческих организаций направлена на укрепление межнациональных отношений (например, Иркутская региональная общественная организация «Общество Русско-Китайской дружбы»).

Деятельность таких организаций посвящена культурному и информационному обмену между представителями различных национальностей с целью установления дружеских и добрососедских отношений, предотвращения межэтнических конфликтов [5].

Основными видами деятельности для всех категорий национальных некоммерческих организаций, независимо от этнической принадлежности, являются: проведение национальных праздников (творческие номера на национальных языках с использованием национальных костюмов, музыкальных инструментов, приготовлением национальных блюд), организация поездок соотечественников на историческую родину, обучение

родному языку, организация кружков для обучения национальным ремеслам, организация соревнований по национальным видам спорта, работа с молодежью с целью привлечения к национальной культуре. Кроме того, при необходимости членам национальных общественных объединений оказывается правовая и организационная помощь, в которой нуждаются лица, вновь прибывающие на территорию Иркутской области.

Роль некоммерческих, а особенно этнокультурных организаций в Иркутской области, достаточно высока [6]. В 1990 г. насчитывалось 12 организаций, в 2000 из было 28, а в 2016 – 45. Конечно, количественные показатели не всегда позволяют судить о качестве воздействия на социокультурную среду региона. Поэтому, в 2017 г. мы провели экспертный опрос руководителей этнонациональных общественных организаций Иркутской области.

В результате экспертного исследования мы выяснили, что основную задачу руководители этнонациональных НКО видят в сохранении культуры предков в сознании мигрантов и их детей, а также создании условий для более качественной социальной адаптации в новой социальной среде.

«Нам важно, чтобы помнили свои корни, знали язык и культуру те, кто волею судеб живет не на своей Родине, а в России», – говорит руководитель Иркутской городской общественной организации Украинский культурный центр «Днипро» Васильев Ерофей Корнеевич. *«Знать культуру своих предков и уметь донести ее до своих детей – вот наша основная задача»,* – обозначила свою позицию руководитель Иркутского общества ингерманландских финнов «Инкерин ЛИИТТО» Лескинен Фаина Георгиевна. *«Знать культуру предков необходимо, чтобы понимать, кем и как ты можешь социализироваться в мире»,* – говорит президент Иркутской региональной общественной организации «Союз содействия коренным малочисленным народам Севера Иркутской области» Вейсалова Нина Глебовна. *«Устроиться, социализироваться, построить карьеры – очень важно в современном мире, но не менее важна духовная жизнь, а это может дать только вера и культура твоих предков, мы помогаем сохранить ее и напомнить нашим членам, что было важно для их предков и что будет важно их детям»,* – говорит руководитель Татаро-башкирского культурного центра Шакиров Зигфрид Ахмеджанович.

Причем, не имеет значения, как давно мигрировал человек и его семья – месяц, год или 20 лет назад. Деятельность этнонациональных НКО обусловлена сложившимися традициями и укладом.

Список литературы

1. Ким А.С. Предупреждение этнического экстремизма как фактор формирования патриотического сознания студенческой молодёжи // Культура и наука Дальнего Востока. 2016. №1(19). С. 4-11.
2. Ким А.С., Стадник В.Ю. Национальные общественные объединения в современной России: конфликт и консенсус // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. №3(39). С. 34-42.
3. Национальные общества Иркутска и Иркутской области [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://nazaccent.ru/association/irkutsk/> (дата обращения: 25.06.17)
4. Полюшкевич О.А. Солидарность поколений: монография. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. 168 с.
5. Трескин П.А. Роль общественных организаций в развитии территорий // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2014. С. 111-113.
6. Трескин П.А. Теоретический анализ противоречий межсекторного взаимодействия // Социология. 2013. №4. С. 76-84.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В НОВОЙ САРАТОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE NEW SARATOV AGGLOMERATION

С.В. Уставщикова
*Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского*
S.V. Ustavshchikova
Saratov State University

Проанализированы демографические и миграционные процессы, протекающие в городах и сельской местности районов, входящих в новую Саратовскую агломерацию. Выявлены особенности влияния миграций на демографическое развитие агломерации. Делаются выводы о неоднозначности эффекта агломерирования.

The demographic and migration processes taking place in cities and rural areas of the Saratov agglomeration areas are analyzed. The peculiarities of how migration influences the demographic development of the agglomeration are revealed. Conclusions are drawn about the ambiguity of the agglomeration effect.

Ключевые слова: демографические процессы, внутрирегиональная миграция, межрегиональная миграция, международная миграция, новая Саратовская агломерация

Keywords: demographic processes, intraregional migration, interregional migration, international migration, new Saratov agglomeration

Введение. В Саратовской области с начала 2017 г. на Градостроительном совете (17.01.2017), затем участники Высшего экономического совета области (01.02.2017), на заседании Правительства области (02.03.2017) обсуждался вопрос и, наконец, 28.04.2017 Валерий Радаев подписал Соглашение с муниципальными образованиями по вопросам развития Саратовской агломерации. Саратовская агломерация официально утверждена [1].

Л.В. Смирнягин приводит научно обоснованный (агломерации образуются на взаимосвязях) состав агломераций в Саратовской области: Саратовская (в составе – Энгельс, Маркс, Красноармейск) и Балаковская (в составе – Вольск, Хвалынский, Пугачёв, Шиханы) [2].

Утвержденная административно Саратовская агломерация объединяет Саратов (843,5 тыс. чел. на 01.01.2016), Энгельс и Энгельсский район (307,8 тыс. чел), Саратовский (50,4 тыс. чел) и Татищевский (29,3 тыс. чел) районы. Всего численность населения составит 1,23 млн. человек (49.4% населения области). Площадь агломерации около 7760 кв.км.

В современных российских условиях развитие регионов через агломерацию дает большие перспективы и конкурентные преимущества. Опыт показывает, что наиболее эффективно социально-экономические процессы проявляются в агломерациях с населением свыше 1 млн. человек. Именно на них нацелены федеральные программы, они привлекают крупных инвесторов, чьи издержки при реализации проектов значительно снижаются за счет готовой инженерной инфраструктуры и отработанной логистики. Перспективы Саратова стать городом миллионером без территориальной и, в связи с этим, демографической подпитки, не реальны. В связи с этим в области «осознанно выбрали путь объединения трудовых, инфраструктурных и промышленных ресурсов. Ожидаемый результат – рост экономики, создание новых высокопроизводительных рабочих мест с высокой заработной платой» [1].

Цель исследования: охарактеризовать современную демографическую ситуацию вновь образованной Саратовской агломерации. Период исследования 2010-2015 гг. Именно на эти годы приходится оздоровление демографической ситуации: эффект от реализации Национального проекта «Здоровье», и «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.» Тем не менее, необходимо отметить более низкие демографические и миграционные показатели уже в 2015, 2016 гг.

Саратовская область теряет население с 1996 г. Несмотря на отрицательный естественный прирост в области с 1992 г., численность

населения росла в результате миграционного прироста после распада СССР. Причем отмечался рост как городского, так и сельского населения.

За рассматриваемый период, с 2010 по 2016 гг. численность населения области сократилась на 1.7%, городского – на 0.7%, сельского – на 6.5%. Сокращение населения идет в результате отрицательного естественного прироста (показатели его улучшились с 4,9 промилле до 2,7), который не перекрывается положительным миграционным приростом. Причем область продолжает терять население в обмене с российскими регионами и приобретает за счет мигрантов из других стран, в основном из стран СНГ, где лидирует миграционный обмен с Республиками Казахстан, Узбекистан, Армения, Азербайджан, Киргизия, Украина [3]. Миграционный приток направлен в города области.

На 01.01.2016 г., относительно 2010 г., численность населения в области выросла только в Саратове и Саратовском районе, Энгельсе и Энгельском районе, Татищевском и Воскресенском районах осталась практически стабильной. То есть, только районы Саратовской агломерации не теряют населения.

Саратов. Численность населения Саратова росла на протяжении рассматриваемого периода. Естественный прирост остается отрицательным. Анализ видов миграции показал, что население растет в результате международной миграции. Межрегиональный отток превышает внутрирегиональный приток населения. Во многом это постоянное «донорство» Саратова относительно других регионов сводит на нет изменения в доли населения в «трудоспособном возрасте» в городе. Принятые Саратовом трудоспособные с территории области теряются в межрегиональном обмене. В основном в этом виде миграции участвуют люди, имеющие высшее образование [4]. Причинами отъезда саратовцы называют экономические (низкий уровень жизни), низкий уровень среды обитания в городе (замусоренность, запыленность, загазованность выхлопными газами автотранспорта). При этом чаще всего въезжают из Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Украины. В общей структуре мигрантов более 90% представители титульных национальностей [5].

Энгельсский район. Численность населения растет в основном за счет миграций. Миграционный прирост складывается из внутрирегионального и международного. Привлекательны для мигрантов как г. Энгельс, так и сельская местность.

Рост численности населения в Саратовском районе и стабилизация – в Татищевском держится только на миграционном приросте. Сельское расселение в районах средне- и мелкоселенное, с рядом крупных поселений,

которые являются центрами сельских муниципальных образований. Именно в них сосредоточена социально-экономическая активность.

Ближайшая к Саратову сельская местность – зона субурбанизации: активно осваивается горожанами для строительства коттеджных поселков, поселков таунхаусов, дачными поселками.

Т а б л и ц а 1

Показатели, характеризующие демографическую ситуацию в Саратовской агломерации. Составлено по данным государственной статистики по Саратовской области

	г. Саратов	Саратовский район	Татищевский район	Энгельский район
Динамика численности населения за 2010-2016 гг. (%)	0,7	9,1	-0,7	12,3
Естественный прирост за 2015 г.* (на 1000 жителей)	-1,4	-1,7	-2,2	-0,3
Миграционный прирост за 2015 г.** (чел)	2535, 1 «+», 2 «-», 3 «+»	240 1 «+», 2 «-», 3 «+»	307 1 «+», 2 «+», 3 «+»	760 1 «+» 2 «-», 3 «+»
Крупнейшие по численности народы (4 первых)	Русские, Татары, Украинцы, Армяне	Русские, Украинцы, Татары, Армяне	Русские, Армяне, Украинцы, Мордва	Русские, Украинцы, Татары, Казахи
Доля в населении района основных возрастных групп, 2015 г., %	моложе-15,0 трудосп.- 58,6, старше -26,2	моложе- 17,2 трудосп.-57,7, старше -25,1	моложе – 17,9 трудосп. -56,5, старше -25,6	моложе-16,3 трудосп.-59,2 старше -24,5

*лучшие показатели за 2010-2015гг.

**миграционный прирост складывается из нескольких видов миграций, важных для данного исследования: 1 – внутрирегиональная, 2 – межрегиональная, 3 – международная.

Выводы. Социально-экономическое развитие зоны новой Саратовской агломерации привлечет мигрантов. Именно миграционный прирост населения будет служить основным фактором роста численности населения. Хотелось бы надеяться на сокращение межрегионального оттока населения в результате роста социально-экономической активности. Внутрирегиональный приток в зону агломерации может значительно усилиться, что приведет к дальнейшему сокращению сельского населения, особенно в Левобережье. Именно оттуда миграционный отток максимален в последние годы [6]. Международная миграция, состоящая в основном из титульных народов стран СНГ, может существенно повлиять на этнический состав населения. Возможный приток

трудовых мигрантов на строительство объектов в развивающейся агломерации еще более усилит этническую гетерогенность населения региона.

Список литературы

1. Саратовская агломерация официально учреждена [Эл. ресурс]. Режим доступа: [http://www.vzsar.ru/news/2017/04/28/saratovskaya-aglomera ciya-oficialno-uchrejdena.html](http://www.vzsar.ru/news/2017/04/28/saratovskaya-aglomera%20oficialno-uchrejdena.html) (дата обращения 21.05.2017).

2. Смернягин Л.В. Система расселения России: тенденции к переменам // Городской альманах. Вып. 4. М.: Институт экономики города. 2009. С. 200-209.

3. Уставщикова С.В. Миграционная активность населения муниципальных районов Саратовской области. Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2016. Т. 16, вып. 3. С.156-161.

4. Уставщикова С.В. Некоторые проблемы трудоресурсной безопасности Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2015. Т. 15. № 1. С. 27-30.

5. Доклад о миграционной ситуации в Саратовской области и основных результатах деятельности УФМС России по Саратовской области за 2015 г. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://64.fms.gov.ru/document/55795> (дата обращения 01.04.2017).

6. Уставщикова С.В. Основные черты трансформации сельского расселения Саратовской области в 1959-2015 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2016. Т. 16. №2. С. 86-92.

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY IN RUSSIA

Р.Т. Фахрисламова

*Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук, г. Уфа*

R.T. Fakrislamova

*Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Ufa*

Представлен анализ семейно-демографической политики в России с использованием официальных статистических показателей за 2006-2016 гг. Рассматриваются основные меры государственной поддержки семей с детьми, анализируется изменение размеров и приоритетности некоторых мер в течение рассматриваемого периода. Выбранный период характеризуется введением новых мер поддержки семей, главной целью которых стало стимулирование вторых и следующих по очередности рождений.

The article is devoted to the analysis of family-demographic policy in Russia using official statistical indicators for 2006-2016. The work covers the main measures of state support for families with children, and analyzes the sizing and prioritizing some measures in the period under review. The selected period is characterized by the introduction of new measures to support families whose primary purpose was the stimulation of the second and next in order of birth.

Ключевые слова: семейная политика, демографическая политика, материнский капитал, государственная поддержка семей с детьми

Keywords: family policy, demographic policy, maternity capital, state support of families with children

Семейная политика является важной составляющей социальной политики государства. Семьи выступают основным социальным институтом, где происходят рождения и осуществляется уход и воспитание детей, соответственно, семейная политика тесно переплетается и с демографической политикой, особенно в сфере регулирования процессов рождаемости.

Современную государственную семейную политику в России многие эксперты характеризуют как пронаталистскую. За последние 10 лет были введены новые и расширены прежние меры материальной и институциональной поддержки семей с детьми. Были последовательно утверждены концепции демографической (2007), миграционной (2012), наконец, семейной политики (2014).

Решение демографических проблем провозглашается как одно из приоритетных направлений в области социальной политики страны.

Основы российской системы мер поддержки семей с детьми, материнства и детства заложены советской семейной политикой. Объектом семейной политики в России выступают семьи с несовершеннолетними детьми. Если обратиться к основным мерам семейной политики Российской Федерации, прежде всего, они направлены на поддержку женщин в период беременности и родов, на материальную поддержку семей с маленькими детьми, на повышение рождаемости, способствующее увеличению многодетных семей, предоставление равных государственных гарантий при рождении и воспитании детей. Государство осуществляет также и институциональную поддержку по обеспечению детей детскими дошкольными учреждениями, регулирует вопросы, связанные с совмещением материнства и занятости.

Т а б л и ц а 1

Расходы на социальную политику в Российской Федерации в 2006-2016
гг., млрд. руб. [1]

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Расходы на социальную политику	201,2	214,0	293,6	323,5	344,9	3 128,5	3 859,7	3 833,1	3 452,4	4 265,3	4 588,5
Доля расходов на социальную политику	4,7	3,6	3,9	3,3	3,4	28,6	29,9	28,7	23,3	27,3	28,0

Общие расходы на социальную политику в Российской Федерации составили 4588.5 млрд. рублей на 2016 г., что занимает весомую долю в статье расходов федерального бюджета (28%). (Табл. 1).

Существенное изменение доли расходов на социальную политику с 2011 г. отражает прошествие 3-х лет с момента введения программы материнского (семейного) капитала, когда стало возможно использовать государственные сертификаты.

Т а б л и ц а 2

Доля семейных пособий в ВВП и общем объеме денежных доходов населения,
% [2]

Показатель	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
В общей величине ВВП	0,8	0,4	0,3	0,3	0,2	0,2	0,4	0,4	0,6	0,8	0,8	1	0,9	0,8
В общем объеме денежных доходов населения	1,3	0,7	0,5	0,4	0,3	0,3	0,6	0,7	0,8	1,1	1,2	1,6	1,42	1,25

Несмотря на существенное повышение внимания и расходов государства на семейную политику, её доля в ВВП и в общем объеме денежных доходов населения остается довольно низкой (Табл. 2).

Основными нормативно-правовыми актами, регламентирующими осуществление мер социальной поддержки семей, материнства и детства, являются: Федеральный закон от 19.05.1995 №184-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [3]; Федеральный закон от 29.12.2006 №255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [4]; Федеральный закон от 29.12.2006 №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [5].

Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [3] установлены следующие виды государственных пособий: пособие по беременности и родам; единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности; единовременное пособие при рождении ребенка; ежемесячное пособие по уходу за ребенком;

пособие на ребенка; единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью; единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву; ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву (Табл. 3).

Подробнее остановимся на некоторых государственных пособиях.

○ Пособие по беременности и родам

Пособие по беременности и родам выплачивается на период 70 дней до родов и 70 дней после родов и составляет 100% от среднего заработка, не превышающую предельную величину базы для начисления страховых взносов в Фонд социального страхования РФ, установленную на годы, предшествующие рождению ребенка. На 1 января 2017 г. предельная база по взносам на обязательное социальное страхование на случай болезни и в связи с материнством составляет 755 тыс. руб., на 2016 г. лимит установлен на уровне 718 тыс. руб.

Т а б л и ц а 3

Размеры минимальных государственных гарантий по основным видам пособий, 2009-2017 гг., руб.

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Пособия									
Единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (до 12 недель)	374,6	412,1	438,9	465,2	490,8	515,3	543,7	581,7	613,1
Родовой сертификат	11000	11000	11000	11000	11000	11000	11000	11000	11000
Единовременное пособие при рождении ребенка	9989,9	10988,9	11703,1	12405,3	13087,6	13742	14497,8	15512,7	16350,3
Единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью	9989,9	10988,9	11703,1	12405,3	13087,6	13742	14497,8	15512,7	16350,3
Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет:									
по уходу за первым ребенком	1873,1	2060,4	2194,3	2326	2453,9	2576,6	2718,3	2908,6	3065,7
по уходу за вторым и последующими детьми	3746,2	4120,8	4388,7	4652	4907,9	5153,2	5436,7	5817,2	6131,4
Единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву	15820	17402	18533,1	19645,1	20725,6	21761,9	22958,8	24565,9	25892,5
Ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву	6780	7458	7942,8	8419,3	8882,4	9326,5	9839,5	10528,2	11096,8
Государственный сертификат на материнский (семейный) капитал	312163	343379	365698	387640	408961	429409	453026	453026	453026

Данное пособие полагается и при усыновлении ребенка (детей) в возрасте до трех месяцев, в этом случае пособие по беременности и родам выплачивается со дня его усыновления и до истечения 70 (в случае одновременного усыновления двух и более детей – 110) календарных дней со дня рождения ребенка (детей).

- Единовременное пособие при рождении / усыновлении ребенка

Единовременное пособие при рождении (усыновлении) ребенка на 1 февраля 2017 г. составляет 16350,3 руб. Так же за раннюю постановку на учет по беременности (до 12 недель) дополнительно выплачивается 613,1 руб. По сравнению с размером пособия на 1 января 2010 г. величина единовременного пособия при рождении / усыновлении ребенка в 2017 г. увеличилась в 1,5 раза. Право на единовременное пособие при рождении ребенка имеет один из родителей либо лицо, его заменяющее. В случае рождения двух или более детей указанное пособие выплачивается на каждого ребенка. При рождении мертвого ребенка указанное пособие не выплачивается.

- Ежемесячное пособие по уходу за ребенком

Ежемесячное пособие по уходу за ребенком (родным или усыновленным) до достижения ребенком 1,5 лет выплачивается: для работающих матерей в размере 40% от среднего заработка, но не менее 3075,7 руб. (в 2017 г.) по уходу за первым ребенком и 6131,4 руб. (в 2017 г.) по уходу за вторым ребенком. Максимальный размер пособия рассчитывается из среднемесячного заработка за два года, предшествовавших выходу в такой отпуск, при этом зарплата не должна превышать максимальную базу для налогообложения 718000 руб. в год для 2016 г. и 755000 руб. для 2017 г. Суммированный размер пособия не может превышать 100% среднего заработка работающей матери, но не может быть менее суммированного минимального размера этого пособия (для всех женщин).

Право на ежемесячное пособие по уходу за ребенком сохраняется в случае, если лицо, находящееся в отпуске по уходу за ребенком, работает на условиях неполного рабочего времени или на дому и продолжает осуществлять уход за ребенком. В рамках курса на материальное стимулирование рождаемости во всех слоях населения с 2007 г. было введено предоставление данного пособия гражданам, не подлежащим социальному страхованию, то есть неработающим.

Важно отметить, что периоды отпуска по уходу за детьми (до 1,5 лет на каждого ребенка) засчитываются в стаж, и за каждого ребенка начисляются:

- 1,8 пенсионного балла за год отпуска – за первого ребенка,
- 3,6 пенсионного балла за год отпуска – за второго ребенка,

— 5,4 пенсионного балла за год отпуска – за третьего и четвертого ребенка.

Несмотря на то, что в последние 10 лет государство активно осуществляет меры по поддержке семей с детьми, выделяет дополнительные средства на материальную поддержку работающих людей с несовершеннолетними детьми, остается ещё немало вопросов, требующих внимания и решения.

Т а б л и ц а 4

Размер ежемесячного пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет в соотношении с величиной прожиточного минимума на 1 января 2008-2016 гг., % [6]

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет:									
по уходу за первым ребенком	38,6	38,6	38,8	35	38,3	35,8	34,6	28,6	30,1
по уходу за вторым и последующими детьми	77,2	77,1	77,6	70,1	76,6	71,6	69,1	57,3	60,13

Например, сопоставление ежемесячного пособия на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет с величиной прожиточного минимума показало, что выделяемые средства в недостаточной мере покрывают ежемесячные расходы на детей (Табл. 4).

Пособие по уходу за первым ребенком за 2016 г. позволяло покрыть треть расходов на детей, а пособие по уходу за вторым и последующими на 2/3. За годы, по которым представлены данные, наблюдается ухудшение сопоставимости размера пособий с величиной прожиточного минимума.

Новые государственные меры семейной политики

Поворотными в государственной семейной и демографической политике России стали 2006-2007 гг. Признание государством кризисного положения семей с детьми и провозглашение поддержки материнства и детства одним из приоритетных направлений современной семейной политики выразилось в расширении существующих и принятии новых масштабных социальных программ на федеральном и региональном уровнях.

Наряду с тем, что были пересмотрены размеры некоторых видов материнских и семейных пособий, был введен комплекс новых мер,

предусматривающих усиление социальной (прежде всего, материальной) поддержки семей, имеющих детей.

Самой масштабной по целевой направленности и выделяемым средствам стала принципиально новая для России программа материнского (семейного капитала), введенная с 1 января 2007 г. Все вопросы по его предоставлению, условиям использования регулирует Федеральный Закон от 29.12.2006 №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [5]. Материнский (семейный) капитал – это мера государственной поддержки российских семей, в которых с 1 января 2007 по 31 декабря 2018 г. родился (был усыновлен) второй ребенок (либо третий ребенок или последующие дети, если при рождении (усыновлении) второго ребенка право на получение этих средств не оформлялось).

По состоянию на 31 декабря 2016 г. расходы системы пенсионного и социального обеспечения РФ по программе материнского капитала составили 365.3 млрд. руб. По данным Пенсионного Фонда РФ на 31.12.2016 г., всего выдано 7,6 млн. государственных сертификатов на материнский капитал, 4,2 млн семей полностью распорядились материнским капиталом. Более 90% семей, воспользовавшихся материнским капиталом, потратили его на улучшение жилищных условий. С 1 января 2015 г. размер материнского (семейного) капитала составляет 453026 руб. и до 2017 г. включительно не индексируется (Табл. 5).

Средствами материнского (семейного) капитала можно воспользоваться для приобретения, строительства или ремонта жилья, погашения основного долга и уплаты процентов по жилищным кредитам и займам (причем ипотечные платежи можно совершать, не дожидаясь достижения ребенком трехлетнего возраста), для увеличения накопительной части пенсии матери и (или) оплаты образования любого ребенка из этой семьи (до достижения им возраста 25 лет). Право на распоряжение средствами (частью средств) материнского капитала наступает по истечении трех лет со дня рождения (усыновления) второго (третьего или последующего) ребенка. При выборе определенных способов использования материнского (семейного) капитала, право на распоряжение наступает в любое время после рождения или усыновления ребенка.

Размер государственного сертификата на материнский (семейный)
капитал, 2007-2017 гг., руб. [6]

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015-2017
Стоимость государственного сертификата на материнский (семейный) капитал	250000	276250	312162	343378	365698	387640	408960	429408	453026

Кроме основных мер семейной политики, перечисленных ранее, существуют также и косвенные меры государственной поддержки семей с детьми. К ним можно отнести разного рода фискальные программы, направленные на снижение налогового бремени работающих людей с несовершеннолетними детьми, усыновленными детьми, детьми – инвалидами, с детьми-студентами, находящимися на иждивении родителей.

Одним из важных направлений поддержки семей с детьми является политика государства в области расширения доступности системы дошкольных учреждений для семей с детьми, которое решает не только вопросы устройства ребенка в детский сад, способствующее всестороннему развитию, социализации ребенка, но и позволяющее женщинам как можно быстрее возвращаться на рынок труда без существенных потерь в квалификационных навыках.

В целом направление современной семейной политики в России отвечает тому запросу, которое есть у населения, затрагивая самые уязвимые стороны социально-экономического благополучия населения.

Во время проведения последней Микрорепрeписи населения России 2015 г., тем респондентам, которые хотели бы иметь больше детей, чем собираются, задавался вопрос об оценке по пятибалльной шкале значимости условий, способствующих рождению желаемого числа детей. Значимость условий нужно было оценить по 5-балльной шкале, где «5» означала, что выполнение этого условия может повлиять очень сильно на решение опрашиваемого иметь большее количество детей, а оценка «1» означала, что условие никак не может влиять на решение опрашиваемого [7].

Результаты опроса выявили, что самыми важными условиями для рождения желаемого числа детей (со средним баллом 4,5) как для мужчин, так и для женщин оказались возможность получения материнского (семейного) капитала, повышение уровня жизни семьи и возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы.

Следующими по важности идут получение ежемесячного пособия (оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет, гарантированное место в детской дошкольной образовательной организации и региональные ежемесячные выплаты на третьего ребенка (4,4-4,2 балла). Наименее важными условиями (со средним баллом 4,0 и ниже) и мужчины, и женщины указали гибкий график работы, изменение личных обстоятельств и возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет.

Семейная политика остается важной составляющей государственной политики России как социального государства. Утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» свидетельствует о том, что перед семейной политикой, проводимой государством, стоит ещё много задач, решение которых требует комплексного и долгосрочного подхода.

Список литературы

1. Официальный сайт Министерства финансов РФ [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://www.minfin.ru/ru/statistics/fedbud/#ixzz4jy1rq0Z8> (дата обращения: 13.06.2017).
2. Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей Школы Экономики, 2015. 428 с.
3. Федеральный закон от 19.05.95 №184-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Правовая система «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/105475/> (дата обращения: 13.06.2017).
4. Федеральный закон от 29. 12. 2006 №255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // Правовая система «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12151284/> (дата обращения: 13.06.2017).
5. Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Правовая система «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12151286/> (дата обращения: 13.06.2017).
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // Правовая система «ГАРАНТ.РУ» [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/ (дата обращения: 12.06.2017).
7. Доклад об основных итогах Федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (Микроперепись

населения) 2015 года», Москва, 2016. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/doklad.pdf (дата обращения: 12.06.2017).

**О ПАТРИОТИЧЕСКОМ САМООЩУЩЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ)
ON THE PATRIOTIC SELF-AWARENESS OF STUDENT YOUTH
(BASED ON RESEARCH MATERIALS)**

Т.Н. Федорова

Санкт-Петербургский государственный университет

T.N. Fedorova

Saint Petersburg University

Дается описание патриотических и псевдопатриотических установок студенческой молодежи и различных социальных групп в условиях идеологического (ценностного) кризиса. Русская цивилизационная идентичность как защитный механизм при глобалистском переустройстве мира.

The article describes the patriotic and pseudopatriotic attitudes of student youth and different social groups in conditions of the ideological (value) crisis. Russian civilizational identification as a defensive mechanism during the time of globalistic conversion of the world.

Ключевые слова: студенческая молодежь, патриотизм, кризис, патриотическая настроенность, государство, власть, родина, псевдопатриотизм, антипатриотизм

Keywords: student youth, patriotism, crisis, patriotic mood, state, power, motherland, pseudo patriotism, anti-patriotism

Согласно общепринятому определению, патриотизм – нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм – особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям.

«Не люблю ненамного родину (Родину) природных давно научной и убежденно», – как выразилась власть одна из радиожурналисток «Эха отцов Москвы студенты». Иначе как антипатриотизмом составляет подобное «социальное породившей чувство зависимости» не назовешь. И бравирование им молодого нынче не редкость и служит регулярной маркером составило особо продвинутой дали высокоинтеллектуальной и «независимой» идеологический либеральной назовем колонны.

Если только увязать анализ социального если чувства числа, именуемого патриотизмом свои, с социальной иерархической происходящие лестницей число, то, с точки зрения «ценностях обыденного социологического сознания», зависимости получим уровня условный патриотизм показателем государственных мужей (по получим долгу опросе службы и по выгоде, миллиардами которую доставляет занимаемое самочувствия место националистах и чин), условный студенты патриотизм «отечественных» социальной олигархов равной (по локализации ресурсов оккупацией обогащения), условный патриотизм регулярной сотрудников породившей силовых структур доверяют, научной и творческой назовем интеллигенции служащих, студенчества. И наконец, число условный патриотизм рядовых опросе тружеников среди, пенсионеров и безработных полученные. Условность связана с подчинять свои опросе частные интересам миллиардами Отечества доверяют (государства). И если происходящие не «любить» дойную равной корову числа (страну и государство) для доверяют верхних ступеней пирамиды новым власти молодого было бы абсурдом породившей, то с желанием и готовностью почему поступаться только своими частными патриотами интересами в среде этой регулярной социальной молодого группы дело социальной обстоит неоднозначно. оседает Государство составило рассматривается ими как коммерческая получим корпорация. Отсюда цинизм, однако двойная качество мораль, двойное научной гражданство, коррупция, центробанк казнокрадство власти, виллы за рубежом, гражданин вывоз капиталов и семей. останется Назовем рядовых это «социальное чувство полученные», с явной примесью власти корысти среди и криминала, псевдопатриотизмом. К получим носителям псевдопатриотического сознания, без равной сомнения министерства, можно причислить защитных и так называемых «зомби-патриотов»: как подчинить обслуживающих самочувствия режим (например, показателем когорту обласканных им представителей составляет шоу-бизнеса разрушением), так и людей, не служащих молодых ему напрямую, но слепо ответ уважающих числа и продолжающих голосовать за уровня власть «жуликов и воров».

И показателем наоборот олигархов, любить государство молодых (нынешнюю систему обслуживающих власти молодых) для прочих ступеней гражданин пирамиды как-то не затруднительно, – составляет если носителям любят, то страну среди и народ, – однако разрушением степень породившей готовности подчинить гражданин частные интересам миллиардами Отечества служащих (Родины, страны гражданин) традиционно высока. останется Новым олигархов явлением для современного

только момента можно назвать власть растущую двойное патриотическую волну разрушением прозрения и ясного идеологический осознания государстве того, что творится со качестве страной, ведь на митинги подчинить протеста двойное в мае и июне текущего получим года наша власть молодежь идеологический вышла отнюдь не оседает только под влиянием агитации свои Навального рядовых. Все более очевиден опросе факт, что государство РФ с патриотами начала миллиардами своего создания научной находится под оккупацией выгодоприобретателей – останется внутренних уровень (либерально-космополитической команды вышла успешных менеджеров-смотрителей) и однако внешних двойное. Страна стала руководству колонией и находится под внешним научной управлением защитных. Если это не так, то почему респондентов все правительственные органы и зависимости системы националистах власти, включая страна суды и Министерства РФ, в том числе носителям Министерство свои обороны и даже молодого Центробанк РФ, имеют митинги официальную какому регистрацию в Великобритании и США в отрицательный качестве юридических лиц и частных останется корпораций качестве? Почему доходы граждан государства на регулярной уровня основе молодых пополняют бюджет дали США? И почему русский гражданин народ доверяют в «родном» государстве только лишен субъектности в отцов рамках породившей конституционно-правовой системы, числа лишен своей территории и свои защитных меньшей механизмов, «освобожден дали» от права контролировать студенты распределение составило доходов от добычи министерства природных ресурсов и пользоваться ими (природных население оккупацией России составляет социальной 2% от числа мирового молодых населения природных, а полезных ископаемых в составило стране добывается 40% от уровня ценностях мировой молодого добычи, львиная оседает доля от продажи уровень которых олигархов – 29% – оседает в частных защитных карманах)? Благодаря «сверхусилиям» молодых правящего показателем олигархического режима уровня на локальном и глобальном составляет уровнях доверяет общество вступило в обслуживающих системный кризис: экономический, защитных политический идеологический, идеологический. Идеологический числа (ценностный) кризис отрицательный неразрешим подчинить в рамках нынешней качестве уродливой социально-экономической формации, своими породившей миллиардами чудовищное социальное меньшей неравенство.

Если оседает обратиться какому к анализу патриотического доверяют самочувствия молодежи, очевидно, что дали патриотическая разрушением картина мира свои для молодого поколения не обслуживающих формируется респондентов и не формулируется, она фрагментарна, центробанк основана преимущественно на ценностях патриотами советской назовем эпохи, на военных среди, космических и трудовых граждан подвигах воздействие отцов и дедов. А чем локальном гордиться молодежи сейчас? систему Яхтами молодых Абрамовича? Миллиардами доверяет Сечина, Чубайса, очевиден Миллера названием, Якунина и иже с ними? гражданин Деградацией и разрушением социальной составило сферы своими, системы безопасности обслуживающих, системы образования, породившей здравоохранения если, фундаментальной науки?

Как миллиардами происходящие противоречивые процессы полученные отражаются доверяют в сознании молодежи рядовых? Рассмотрим данные, какому полученные отрицательный нами за последние два стабилизация года в ходе исследования под свои названием рядовых «Молодежь в условиях стабилизация кризиса: в поисках какому оптимальных научной решений». В опросе молодого приняли участие студенты страна нескольких доверяют регионов страны среди, в том числе студенты свои ряда центробанк вузов Санкт-Петербурга, названием общее число опрошенных (N) систему составило уровень 688 человек.

Патриотами разрушением современной России страна назвали числа себя 70,6% от вышла числа участников опроса (патриотами соответственно показателем, отрицательный ответ среди дали 29,4% прозрения студентов оседает). На вопрос о том, к какому миллиардами виду гражданства они предпочитают патриотами себя служащих причислить, 54,8% почему молодых людей разрушением дали опросе ответ «Я – гражданин свои России»; 20,1% – «Я – гражданин вышла своей число малой Родины ценностях, где родился и вырос»; власти 25,1% студенты – «Я – гражданин мира». респондентов Традиционно, большая часть опросе опрошенной полученные молодежи назвала однако себя интернационалистами новым –74,1%. число Только четвертая руководству часть респондентов – 25,9% – националистах заявили меньшей о себе как о националистах числа («Скорее, я националист»).

названием Намечается митинги тенденция к тому, что ценностях уровень патриотического самоощущения число молодежи митинги в современных условиях центробанк оказывается в обратно молодых пропорциональной получим зависимости от уровня руководству доверия руководству страны. однако Согласно незначительного простым

распределением патриотами, полностью доверяет почему руководству которую страны каждый число третий респондент – 33,4%; обслуживающих доверяют доверяют «только отчасти обслуживающих» 56,4% и «полностью не доверяют доверяют» 9,2% молодых людей. регулярной Проследим, как это доверие/недоверие соотносится с их свои патриотической своими настроенностью.

59,7% своими от числа молодых националистах людей зависимости, причисливших себя к респондентов патриотам, «не доверяют» (4,9%) и «государстве только государстве отчасти» доверяют ответ руководству страны носителям (54,8%). разрушением

83,9% от числа миллиардами молодых людей, не считающих молодых себя которую патриотами, «не доверяют меньшей» (20,7%) и доверяют показателем руководству полученные страны «только министерства отчасти» (63,2%). Показательно доверяет превышение молодого показателя «частичного среди доверия» руководству уровень страны власть в группе молодежи, не доверяют отнесшей себя к «патриотам», над подчинить соответствующим митинги показателем в группе миллиардами «патриотов».

По части которую оптимизма свои группа «патриотов» не намного опередила группу отрицательный молодых ненамного людей, не причисливших своими себя к таковым. защитных Ответ ценностях «скоро кризис носителям пойдет на спад» дали защитных примерно вышла равное число миллиардами респондентов из обеих самочувствия групп природных (59,5% и 56,2%). какому Ответ «скоро начнется составляет стабилизация молодых или подъем» дали очевиден 19,2% «патриотов» и дойную 12,4% разрушением «оппонентов».

Число социальной молодых людей, полагающих, что «среди социальная качестве и политическая обстановка систему, скорее, останется? как ответ сейчас назовем» в обеих группах оккупацией оказалось равным (29,6% и числа 29,3%). качестве Однако «патриоты меньшей» с большей вероятностью «министерства ожидают породившей улучшения»: 50,3% локальном против 35,2% и с меньшей почему вероятностью центробанк – ухудшения: 20,1% страна против 34,7%. отрицательный Лично отцов на себе воздействие уровень социально-экономического кризиса «патриоты» и их числа оппоненты защитных ощутили примерно ценностях в равной степени: молодых 28,9% числа и 31,1%, соответственно. очевиден Ответ «не ощутили» дали доверяют 14,3% новым «патриотов» и 17,3% дойную молодых людей, страна которые молодых себя к этой локальном группе не отнесли.

Среди самочувствия патриотично двойное настроенных респондентов зависимости число «космополитов» («Я – миллиардами граждан рядовых мира») составляет уровень 15,7%; в группе тех, кто не причислил социальной себя доверяют к «патриотам», число граждан «космополитов» ожидаемо показателем велико составляет: 47,9%. В группе «назовем интернационалистов» число «патриотов» новым составило рядовых 70,5%; в группе руководству «националистов» – 73,3%.

Как дойную видим обслуживающих, патриотический настрой научной молодых людей не зависит от их министерства материального министерства положения; зачастую если не подкрепляется оптимистическим полученные взглядом граждан в будущее и не всегда носителям служит гарантией доверия самочувствия курсу систему руководства страны равной. Совершенно не влияют на воздействие патриотическое олигархов самоощущение молодежи их меньшей националистические или интернационалистические взгляды.

В стране, из народа которой русскую цивилизационную идентичность вытравить невозможно благодаря генетическим особенностям, есть другие люди, другая идеология, проект иной конституции. Девизом нынешних патриотов могут стать слова Михаила Мамчича: «Надо любить свою страну, как бы этому ни мешало государство». Бодрствующее патриотическое и национальное сознание – мощный инструмент самозащиты в античеловеческом и бесчеловечном киборго-глобалистском мире, который нам агрессивно навязывается. Общество обязано выйти из состояния паралича наиболее щадящим способом, а не с помощью классического рецепта: революция, диктатура, война.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ЮГРЫ: НА ПРИМЕРЕ БЕЛОЯРСКОГО РАЙОНА **SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS OF UGRA: ON THE EXAMPLE OF THE BELOYARSK DISTRICT**

С.Х. Хакназаров
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск
S.Kh. Khaknazarov
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk

Обобщаются и анализируются взгляды жителей Белоярского района Югры на социально-экономические проблемы развития коренных

малочисленных народов Севера Югры. В частности обобщаются результаты этносоциологических исследований, проведенные на территории района в 2008 и 2011 гг.

In article views of residents of the Beloyarsk district of Yugra of social and economic problems of development of indigenous ethnic groups of the North of Yugra are promised and analyzed. In particular the results of ethnosociological researches which are carried out in the territory of the area in 2008 and 2011 are generalized.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, социально-экономические проблемы, доходы, расходы, респонденты

Keywords: indigenous ethnic groups of the North, social and economic problems, income, expenses, respondents

В целях социально-экономического развития коренных народов Севера Югры на окружном уровне принята государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО-Югры) «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа Югры на 2016-2020 годы» (№ 398-п., в редакции от 11 ноября 2013 г.) [1].

Целью государственной программы является создание оптимальных условий для устойчивого экономического и социально-культурного развития КМНС ХМАО-Югры на основе рационального природопользования, укрепления социально-экономического потенциала, сохранения исконной среды обитания, традиционной культуры и быта, совершенствования системы государственной поддержки.

Задачей государственной программы является содействие развитию экономики традиционных форм хозяйствования коренных малочисленных народов и, как следствие, увеличение занятости населения; повышение уровня и качества жизни коренных малочисленных народов; возрождение и развитие самобытной культуры, языка и промыслов коренных малочисленных народов.

В настоящее время социально-экономическое развитие общества реализуется в соответствии с моделью, ориентированной на быстрые темпы экономического роста за счет использования природно-сырьевых ресурсов. В этой связи актуальным становится рассмотрение проблем сохранения окружающей среды с макроэкономических позиций, позволяющих определить основные системные причины экологической деградации; выявить те экономические направления, которые влияют на окружающую среду. Такой экологоориентированный подход особенно необходим для регионов, имеющих сырьевую специализацию. Многие из таких регионов продолжают играть роль

центров по добыче и первичной переработке природных ресурсов, оставляя без должного внимания вопросы экологии.

В 2008 и 2011 гг. сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) с целью изучения современного экологического и социально-экономического состояния КМНС Югры были проведены этносоциологические исследования на территории Белоярского района Югры. Исследования проводились в анкетной форме. Анкеты содержали вопросы с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те ответы, которые они считали приемлемыми. Помимо анкет было много устных бесед по наиболее проблемным вопросам.

Среди предложенных были и вопросы, касающиеся социально-экономического характера. В частности, нам было интересно узнать взгляд жителей на их финансово-материальное положение.

Задавая вопрос «*Источники основных доходов КМНС?*», мы выяснили, что основными источниками доходов представителей КМНС являются: заработная плата – 69.7%, сдача дикоросов, мяса и рыбы – 67.1%, выплаты из социальных фондов – 38.7%, продажа продукции традиционных промыслов – 36.8%, доход от предпринимательства – 7.1% и другие источники – 3.9%.

Для сравнения отметим, что по результатам наших предыдущих исследований, основными источниками доходов были примерно те же: заработная плата – 60.00%, сдача дикоросов, мяса и рыбы – 58.82%, выплаты из социальных фондов – 48.24%, продажа продукции традиционных промыслов – 27.06%, другие источники – 10.59%, доход от предпринимательства – 2.35%. Как мы видим, основным источником доходов КМНС являются заработная плата, сдача дикоросов, мяса, рыбы, продажа продукции традиционных промыслов собственного производства и выплаты из социальных фондов [2].

Обращаясь к данным Т.Г. Харамзина и Н.Г. Хайруллиной [3], отметим, что для большинства опрошенных (69.1% в 1993 г., 64.8% в 1995 г., 76.2% в 1999 г., 75.4% в 2001 г., 66.2% в 2004 г.), основными источниками существования КМНС являлись: заработная плата и надбавки к ней; выплаты из социальных фондов, а также бесплатные услуги и дотации предприятий. Как отмечают авторы, уменьшился доход респондентов от продажи продукции традиционных промыслов (мясо, рыба, грибы, ягоды, орехи и др.), что, по их мнению, является тревожным фактом.

Далее нам было интересно узнать, на что тратят основную часть своих доходов представители КМНС. Ответы на вопрос: «*На что тратят КМНС основную часть доходов?*», показывают, что представители КМНС основную часть своих доходов тратят: на питание и одежду (65.2%), образование детей (34.8%), лекарства, лечение (26.5%), запасные части и средства традиционных

видов хозяйственной деятельности (29%). На развлечение респонденты тратят лишь 1.3% своего дохода.

Результаты наших предыдущих опросов показывают, что респонденты на эти же цели, тратили чуть больше, чем в 2011 г.: еду и одежду (71.76%), образование детей (42.35%), лекарства, лечение (35.29%), запасные части и средства традиционных видов хозяйственной деятельности (30.59%) [2].

Т а б л и ц а 1

Мнение респондентов по поводу получения материальной и финансовой помощи от органов государственной власти и других организаций на цели социально-экономического и культурного развития

Варианты ответов	Белоярский р-н, в %	
	2008	2011
Да	40,00	32,3
Нет	31,76	54,2
Затруднялись ответить	28,24	13,5

Большинство респондентов (54.2%) в 2011 г. отвечая на вопрос «Получают ли представители КМНС от органов государственной власти и других организаций материальные и финансовые средства на цели их социально-экономического и культурного развития?» (Табл. 1), отметили, что представители КМНС Белоярского района не получают материальную и финансовую помощь на цели социально-экономического и культурного развития от органов государственной власти и других организаций. Данный показатель в 2008 г. составил 31.76% [4]. Заметно уменьшилась доля лиц, получающих материальную и финансовую помощь – 32.3%, в 2008 г. – 40,0%.

На вопрос «Как Вы считаете, какие проблемы необходимо решать в первую очередь в Вашем населённом пункте и районе?», респонденты отметили, что в первую очередь нужно решить следующие проблемы: алкоголизма и пьянства (83.2%), организации рабочих мест (81.9%), снижения цен на товары (69.0%), жилья (63.9%), обеспечения стариков и малоимущих (56.8%).

В заключение отметим, что взгляды респондентов Белоярского района практически совпадают с мнениями респондентов из других районов округа по рассматриваемым вопросам, где были проведены мониторинговые исследования, за исключением небольших расхождений. В дальнейшем необходимо продолжить мониторинговые исследования по социально-экономическим и экологическим проблемам развития КМНС, чтобы отслеживать динамику изменений их взглядов по рассматриваемым вопросам в ареалах их компактного проживания.

Список литературы

1. Постановление Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 3 октября 2013 г. N 398-п о государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2016-2020 гг.».
2. Хакназаров С.Х. Социально-экономические проблемы коренных народов Севера Белоярского района Югры в контексте социологических исследований // Стратегия экономического, политического, социокультурного развития регионов в условиях глобализации: материалы международной науч.-практ. конф. Березники, 2012. С. 111-113.
3. Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г. Мониторинг социального самочувствия обских угров. СПб.: Миралл, 2006. 200 с.
4. Хакназаров С.Х. Социально-экономические и экологические проблемы Белоярского района Югры // Социология: журнал Российской социологической ассоциации. №3. 2013. С. 92-100.

ЧТЕНИЕ КАК ПРОЕКТ. ОБЗОР ПРОГРАММ И МЕРОПРИЯТИЙ 2014-2017 гг.

READING AS A PROJECT. OVERVIEW OF PROGRAMS AND ACTIVITIES 2014-2017

Б.Л. Цветкова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
B.L. Tsvetkova
Lobachevsky University

Анализируются итоги двух первых этапов Национальной программы поддержки и развития чтения; обсуждаются новые форматы работы с читательской аудиторией: книжные фестивали, проекты в поддержку чтения, сетевые форматы продвижения книг и чтения.

The article analyzes the results of the first two stages of the National Program of Reading Support and improvement. New formats of work with the readership, such as book festivals, projects in support of reading, network formats for promoting books and reading are discussed.

Ключевые слова: книжный фестиваль, кроссбукинг, библиотеночь, литературный салон, буктрейлер

Keywords: book festival, cross-booking, library-night, literary salon, booktrailer

Последние несколько лет, как минимум пять, но можно отсчитывать и с 2010 г., являются весьма плодотворными и насыщенными в плане всевозможных мероприятий, круглых столов, культурных программ и даже масштабных всероссийских проектов, посвященных идее приобщения к книге, продвижения и пропаганды чтения, в том числе и новыми современными способами.

Базовой и иницирующей является Национальная программа развития и поддержки чтения. С момента старта Программы прошло почти 10 довольно продуктивных лет, в течение которых, по оценкам экспертов, «произошло многое: и эйфория от самого факта принятия Программы, и разочарование, связанное с несбывшимися ожиданиями, и трезвое понимание того, что в не очень выигрышной ситуации можно сделать многое» [1, с. 11-21].

События этого периода показали, что действия одной программы, даже заявленной как нацпроект, было бы совершенно недостаточно для изменения ситуации. Чтение как культурная потребность нуждается в особой культивирующей среде, в которой быть нечитающим – не удобно, не современно, не модно. Обзору наиболее значимых и интересных событий последних 3-5 лет и посвящен данный материал.

Условно говоря, все проекты можно разделить на проекты обучающего характера и культурно-просветительские.

Вполне успешным примером обучающего направления явился проект для библиотекарей-профессионалов, инициированный Национальной программой развития и поддержки чтения. Первой попыткой освоения современных технологий продвижения чтения стал цикл семинаров-тренингов для библиотечных специалистов. В дальнейшем семинары переросли в формат профессиональной переподготовки по инновационной программе «Менеджмент продвижения чтения». К базовым задачам проекта относится создание центров чтения как очагов развития читательской культуры и компетентности, продвижения чтения через социальные сети; ретрансляция в практику новаторских форматов продвижения чтения [2, с. 67-77].

2015 г., согласно Указу Президента РФ № 426 от 12.06.2014, был объявлен Годом литературы. Данный масштабный проект можно отнести к группе культурно-просветительских. Его целью было привлечение внимания общества к литературе, формирование потребности в чтении, повышении интереса россиян к печатному слову, к книгам.

Год литературы оказался очень насыщенным: были проведены всероссийские и международные фестивали, кроссбукинги и флешмобы, стартовали новые мультимедийные проекты. Международный писательский форум «Литературная Евразия», проект «Литературная карта России»,

«Библионочь – 2015», Международный форум «Чтение на Евразийском перекрестке», проекты «Книги в больницы» и «Лето с книгой», творческие встречи писателей с читателями в библиотеках и книжных магазинах, пилотный проект «Всемирный День Книги», конкурс «Литературная столица России». Ответом на вызов времени стал опыт объединения читателей в новых форматах: мастер-классах, читательских семинарах, интерактивных спектаклях, познавательных играх, литературных салонах и конкурсах «буктрейлеров».

Из значимых новых проектов стоит отметить Всероссийский конкурс Русской школьной библиотечной ассоциации (РШБА) «Читающая мама – читающая страна» [3, с. 8]. Конкурс направлен на возрождение традиции семейного чтения, создание в обществе позитивного имиджа читающей матери, формирование навыков совместного с ребенком чтения вслух, способности увлечь его книгой. Неформальным продолжением Конференции библиотечных блогеров, состоявшейся в Екатеринбурге, стал автопробег, названный «Километры и кигобайты». Он был посвящен проблемам поддержки и развития чтения посредством интернет-технологий [1, с. 11-21].

Итак, легко заметить, что в мероприятиях, причем по-настоящему содержательных, свежих по идеям и формам, недостатка не было. Однако о коренном переломе в отношении россиян к чтению говорить рано – «бума» читательской активности не произошло. Как свидетельствуют опросы Левада-Центра, 34% россиян за 2016 г. не прочли ни одной книги [4, с. 154-157]. К сожалению, институциональные рамки не способствуют прогрессу в этом деле. Национальная программа поддержки и развития чтения до сих пор не утверждена Президентом РФ и не обеспечена достаточным финансированием; за эти годы произошел отток читателей из библиотек – специалисты РГДБ зафиксировали уменьшение количества читателей на 10%: «...мы, Российская государственная детская библиотека, собираем данные детских библиотек со всей страны и можем сказать, что с 2006 г. сократилось и количество детских библиотек – закрылось 895 учреждений. Только за 2012 г. была «оптимизирована» 301 детская библиотека» [1, с. 41]. Это значительный ущерб российским библиотекам.

Но не только в библиотечной инфраструктуре суть дела. На наш взгляд, увлечением громкими пиар-акциями, фестивами, стремлением к внешним эффектам, привлечением медиа-звезд дела не поправить. Самое важное – углубленная, малозаметная, содержательная работа по развитию и закреплению интереса к чтению. Эта работа не должна вытесняться массовыми шоу. Понятно, что крупные проекты в поддержку чтения важны и насыщают нашу общественную культурную жизнь запоминающимися событиями. И все же,

чтение нуждается не только в PR-поддержке, но и систематической трансляции самих читательских практик.

И такой опыт успешно реализуется последние два года на радио и на сетевых ресурсах. Один из последних литературных проектов на Радио России – «В море – значит дома». В одно и то же вечернее время по всей России звучат прекрасные строки флагмана русской морской литературы – И.А. Гончарова. Моряками российского флота всех чинов и рангов читается «Фрегат Паллада». Еще один масштабный и амбициозный международный проект – читательский марафон «Каренина. Живое издание» был реализован в сентябре 2014 г. музеем-усадьбой «Ясная поляна» совместно с компанией Google и каналом YouTube. Сотни человек по всему миру читали он-лайн роман Л.Н. Толстого в течение суток на глазах миллионов людей. Для того чтобы попасть на этот проект, необходимо было сделать пробную запись и отправить на кастинг. То есть нужно было, как минимум, открыть текст и прочитать хотя бы отрывок из Л.Толстого. Для кого-то, возможно, это было впервые в жизни. Красноречивы отзывы по итогам проекта: «я до этого Толстого вообще не понимал», «давно не звучало *такого* русского языка». Этими открытиями, приобщением к ценностям Большой литературы и важны такие проекты.

Трудно не согласиться с инициатором этой идеи, Ф.Н. Толстой, что вопреки расхожим стереотипам о россиянах как обществе потребления, в котором «культура где-то между футболом и погодой», огромное количество людей уже задыхается в убогом пространстве российских масс-медиа. На самом деле, мы все хотели бы сделать выбор в пользу Настоящего кино, подлинной Литературы. И кто же должен в этом нам помочь, как не мы сами. Опыт проектов, которые были здесь рассмотрены, – лишнее тому подтверждение.

Список литературы

1. Национальная программа поддержки и развития чтения: год седьмой. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы» и III Всероссийской конференции «Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ: влияние на круг чтения» (Москва, 19–20 ноября 2013 г.). М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. 176 с.

2. Поддержка и развитие чтения: тенденции и проблемы (по итогам пяти лет реализации Национальной программы поддержки и развития чтения в России). Сборник статей. – Редакторы-составители: Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2011. 216 с.

3. Читаем вместе с мамой. Дайджест лучших конкурсных работ по теме «Читающая мама – читающая страна». Профессиональная библиотека школьного библиотекаря: Приложение к журналу «Школьная библиотека». Серия 1; вып. 5. – Составитель И.И. Тихомирова. М.: РШБА, 2016. 232 с.

4. Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2017. С. 154-157. 272 с.

**АКТИВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЁЖИ КАК
ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
THE ACTIVIZATION OF SOCIAL POTENTIAL OF YOUTH AS FACTOR
OF DEVELOPMENT OF THE LOCAL SELF-GOVERNMENT**

Л.Ф. Шаламова

*Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет*

L.F. Shalamovf

Moscow Aviation Institute (National Research University)

Говорится о некоторых условиях развития местного самоуправления, причинах низкой социальной активности молодёжи, механизмах её формирования.

The article talks about some of the conditions of development of local self-government, the reasons for the low social activity of youth, the mechanisms of its formation.

Ключевые слова: местное управление, молодёжь, социальный потенциал, местное сообщество

Keywords: local governance, youth, social potential, local community

Становление и развитие местного самоуправления является одним из решающих факторов повышения качества жизнедеятельности российских граждан. Все актуальные для жизни вопросы решаются прежде всего на местном уровне. Условием их эффективной реализации является активное участие граждан во всех формах народной демократии.

Для того, чтобы самоорганизация приобрела свойства самоуправления, одним из важнейших условий является институционализация особых организующих элементов её среды. При этом можно отметить следующую последовательность:

- выделение определённого круга субъектов, вступающих в процессе деятельности в отношения, приобретающие устойчивый характер;
- определённую (более или менее формализованную) организацию;

- наличие специфических социальных норм и предписаний, регулирующих поведение людей в рамках их сообщества;

- наличие социально значимых функций социального сообщества, интегрирующих его в социальную систему и обеспечивающих его участие в процессе интеграции последней.

Непременными для любого самоуправления являются следующие условия:

1. Наличие местного сообщества.

2. Наличие лидера.

3. Создание оптимальной организационной структуры.

4. Наличие у субъекта управления необходимых управленческих знаний и опыта.

Наиболее часто выделяют следующие черты местного сообщества [1]:

- Общность территории как признак локальности местного сообщества (муниципальная территория).

- Коллективный (совместный) труд, объединяющий население данной территории.

- Включенность каждой личности в деятельность гражданского сообщества как первичного субъекта местного самоуправления.

- Наличие внешне- и внутриорганизационных властеотношений, отличающихся корпоративным характером и обеспечивающих взаимоотношения между государством и гражданским сообществом.

- Социальное единство как результат взаимоотношения людей.

- Способность самостоятельно осуществлять определённые социальные функции (самоуправление).

- Способность к структурированию в соответствии с различными характеристиками (половозрастными, профессиональными и иными).

- Наличие общих интересов по жизнеобеспечению.

- Организационное единство (наличие институциональных связей и отношений).

- Наличие финансово-экономической базы для решения вопросов местного значения.

От уровня гражданского самосознания и социальной активности жителей муниципального образования в значительной мере зависит влияние населения на решения, принимаемые и реализуемые органами местного самоуправления.

Очевидно, что опыт участия в общественном самоуправлении должен формироваться у человека в процессе жизни, начиная с юного возраста.

Механизмы формирования подобного опыта заложены в различных формах общественного взаимодействия:

- участие в выполнении общественных поручений;
- работа в органах ученического, студенческого самоуправления, в органах управления общественных объединений;
- систематическая деятельность в общественном объединении;
- организационная работа в секциях и клубах по интересам;
- участие в образовательных лидерских программах, сборах, с последующим включением в социальные практики;
- добровольческая деятельность и т.д.

На первый взгляд, обозначенные механизмы уже сформированы и активно работают. Однако, их существенными недостатками являются:

- отсутствие или недостаточная ориентированность целей деятельности ученического и студенческого самоуправления на решение задач местного сообщества;
- разобщённость детских и молодёжных организаций, отсутствие механизмов преемственности между детскими и молодёжными объединениями;
- существующий разрыв в процессах взаимодействия между лидерами молодёжных формирований, объединениями и муниципальными служащими.

Молодёжь может быть самостоятельным субъектом управления только при выполнении ряда условий:

1. Наличие целей деятельности.
2. Наличие органов самоуправления, способных осуществлять управленческую деятельность.
3. Наличие материальных, финансовых и иных ресурсов.
4. Наличие нормативных актов, закрепляющих право органов самоуправления на осуществление управленческих воздействий
5. Разработанность механизмов реализации задач по достижению целей деятельности.

Активность социального субъекта в его отношении к объекту обусловлена его практической деятельностью, содержанием.

Между возникновением права на реализацию самоуправленческих инициатив и готовностью молодёжной группы или индивида к осуществлению деятельности возможны как временные, так и функциональные расхождения.

Неподготовленность социального субъекта к какой-либо деятельности, недооценка своих возможностей, отсутствие веры в то, что органы власти (как государственной, местной и так иной другой, например, руководства предприятия, учебного заведения и т.д.) готовы рассматривать молодёжь в

качестве полноправного социального партнёра, приводит к формированию ситуации социальной эксклюзии.

Этот термин обозначает положение, при котором конкретный субъект не может воспользоваться предоставленными ему правами.

Очевидно, говоря об активизации социального потенциала молодежи, необходимо определять оптимальные пути для его созидательной реализации, выявления социальных технологий и управленческих механизмов, ведущих к формированию у молодых людей поведения, в основе которого лежали бы общественно ориентированные, социально полезные действия.

Список литературы

1. Волох О.В. Самоуправление в системе публичного управления в России: синергетический подход / О.В. Волох, Е.В. Безвиконная. М: Логос, 2010. 328 с.

Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия

Материалы международной
научно-практической конференции
г. Нижний Новгород, 14-14 сентября 2017 г.
Том 1

Составитель и научный редактор: З.Х. Саралиева

Компьютерная верстка: А.Л. Янак

Подписано в печать 07.11.2017
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 37.4
Зак. 904. Тираж 500 экз.

Издательство НИСОЦ
603087, г. Н. Новгород, Казанское ш., д.10/1, к.6
Типография Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского,
603000, г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37.